РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region

Proceedings of scientific seminar

Issue 22

ИА РАН

Moscow
2026

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья

Материалы научного семинара

Выпуск 22

ИА РАН

Москва
2026

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А. В. Энговатова (отв. редактор), В. Ю. Коваль (составитель), И. Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Л. А. Беляев
кандидат исторических наук И. Ю. Стрикалов

А87 **Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 22.** – М.: Институт археологии РАН, 2026. 408 с.

ISBN 978-5-94375-499-9

Двадцать второй выпуск ежегодника «Археология Подмосковья. Материалы научного семинара» посвящен юбилею его бессменного руководителя Аси Викторовны Энговатовой. Без ее энергии и руководства невозможно представить столь долгую историю издания трудов одноименного научного мероприятия. Прежде всего благодаря ее усилиям семинар стал объединением огромного археологического сообщества, изучающего все исторические эпохи на территории Подмосковья и прилегающих территорий – от каменного века до Новейшего времени. Именно таков хронологический диапазон представленных в настоящем сборнике статей. Важное место в нем занимают публикации, подготовленные на основании естественнонаучных исследований и написанных в сотрудничестве со специалистами профильных научных организаций.

Сборник предназначен для широкого круга специалистов, а также всех интересующихся историей.

УДК 902/904
ББК 63.4

Сборник подготовлен в рамках выполнения госзадания ИА РАН «Археологическое наследие: современные подходы к сохранению, изучению и интерпретации» (№ НИОКТР 126011315528-9).

ISBN 978-5-94375-499-9
ISSN 2686-6897
DOI: 10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2026
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании курсивом), 2026

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Содержание

К юбилею Аси Викторовны Энговатовой 9

От неолита до Древней Руси

Миненко В. В., Разумов И. Н., Миненко А. А., Сироштан И. И. Древнерусские курганы в окрестностях летописного города Вщиж: история изучения и новые данные 13

Миненко В. В., Сироштан И. И., Разумов И. Н. Проблемы идентификации и локализации археологических памятников, известных по архивным источникам (на примере курганных могильников Горышкино) 25

Бадеев Д. Ю., Юдина А. М. Курганно-грунтовый могильник Новенькое-1. Оценка круга родственных связей погребенных (предварительные данные) 36

Зеленцова О. В., Грибов Н. Н., Милованов С. И., Свиридов А. Н., Очеретина С. В. Нижний Новгород в орбите охранных исследований Института археологии РАН 43

Гольева А. А., Марьёнкина Т. А., Зеленцова О. В., Козмирчук И. А. Естественнонаучные исследования археологических памятников Арзамас 2, 3 и Память Парижской Коммуны 9 (раскопки 2019 и 2021 годов) 60

Лагуткин А. В., Лагуткина Е. В. Изделия из цветного металла городища Игутьево 1 в Тверском Поволжье: к вопросу о культурных связях в раннем железном веке 69

Артамкин А. Н., Стрикалов И. Ю. Поясной набор погребения второй половины XI – первой половины XII века из раскопок в Старой Рязани 84

Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Роль археометаллографических данных в изучении материальной культуры городского социума (по материалам раскопок Московского Кремля) 90

Щербаков В. Л. Объекты и материалы XII–XIV веков из раскопок Костромского посада в 2023 году 97

Киреев П. С., Судаков В. В. К разработке керамической шкалы Переяславля Рязанского. Керамика без дополнительной обработки поверхности 111

Абдельманова А. С., Яворская Л. В., Энговатова А. В., Зиновьева Н. А. Ярославская корова. Археология и генетика 132

Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г. Некоторые результаты спасательных археологических исследований в Ростове 139

Позднее Средневековье и Новое время

Суворов А. В., Чирков М. В. Раскопки Северной экспедиции ОСАН ИА РАН в исторической части Вологды в 2023–2025 годах 147

Модин Р. Н., Прошкин О. Л. Позднесредневековые погреба с деревянными конструкциями на селище Отяково 1 160

Чернов С. З. Власьевский монастырь в Волоколамске по данным археологических раскопок в церкви Петра и Павла в 2017 году 185

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Чернов С. З., Брешков Р. В., Виноградов Р. Л., Семенов А. С. Белокаменные надгробные плиты XVI века из села Образцово городского округа Щёлково 227

Яковчик М. С., Чернова О. Ф., Энговатова А. В., Решетова И. К. Текстиль из погребения XVI–XVII веков у церкви Иоанна Златоуста в Ярославле 246

Энговатова А. В., Хасанов Б. Ф., Ошонков А. В., Игумен Иосия (Сидунов), Зоц Е. П., Вакалюк Л. А., Петров О. Л., Рыбакова Я. В. Предварительные данные о датировке деревянных водоводных труб, выявленных Подмосковной экспедицией ИА РАН на территории Троице-Сергиевой лавры 266

Антипина Е. Е., Энговатова А. В., Полянская Е. Ю., Спасская Н. Н., Зайцев А. М., Дацышин А. А. Предварительные результаты исследования останков лошадей, захороненных на территории Троице-Сергиева монастыря в период его осады 1608–1610 годов 275

Андреев С. И. Постройка начала XVII века поселения Тихий Угол 1 286

Галкин Т. О. Перстень с сюжетом «Суд царя Соломона» из раскопок в Зарайске 307

Артёмов Н. С., Жервэ Н. А. К истории освоения Замоскворечья по данным археологии: Руновский переулок, владение 14 – хронология, топография, топонимика 316

Лихтер Ю. А., Егоров К. А. Стеклянная елейница из Крутицкого подворья 332

Мирясова А. А., Глазунова О. Н., Зарифулин Р. В. Черепица и изразцовые печи Троице-Сергиевой лавры 1740-х годов по материалам раскопок 2023 года 339

Полюлях А. А. Изразцовые наборы печей первой половины XVIII века из усадьбы князей Грузинских в селе Всехсвятском 352

Большаков А. Б. Игра в свайку: этнографический и археологический контексты 372

Грибов Н. Н., Иванова Н. В., Степашкин В. А. Опыт идентификации личности погребенного в безымянной могиле при Успенском соборе Саровского монастыря 391

Янишевский Б. Е. Первые археологические исследования на территории Дулёвского фарфорового завода 397

Список сокращений 406

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Contents

For the anniversary of Asya Viktorovna Engovatova 9

From the Neolithic to Rus

Minenko V. V., Razumov I. N., Minenko A. A., Siroshtan I. I. Ancient Russian Burial Mounds in the Vicinity of the Chronicle City of Vshchizh: the History of the Study and New Data (Bryansk Region, Zhukovsky District) 13

Minenko V. V., Siroshtan I. I., Razumov I. N. Problems of Identification and Localization of Archaeological Sites Known from Archival Sources (on the Example of the Burial Mounds “Goryshkino”) 25

Badeev D. Yu., Iudina A. M. The Noven’koe-1 Kurgan/in-Ground Cemetery. Assessment of the Circle of Family Ties of the Buried (Preliminary Results) 36

Zelentsova O. V., Gribov N. N., Milovanov S. I., Sviridov A. N., Ocheretina S. V. Nizhny Novgorod in the Orbit of Rescue Research of the Institute of Archeology RAS 43

Golyeva A. A., Maryenkina T. A., Zelentsova O. V., Kozmirchuk I. A. Naturally Scientific Research of the Archaeological Monuments of Arzamas and the Memory of the Paris Commune (Excavations in 2019 and 2021) 60

Lagutkin A. V., Lagutkina E. V. Bronze Products from the Hillfort Igutyevo 1 in the Tver Volga Region: on the Issue of Cultural Ties in the Early Iron Age 69

Artamkin A. N., Strikalov I. Yu. Belt Set from a Burial of the Second Half of the 11th – First Half of the 12th Century, Excavated in 2024 in Old Ryazan 84

Zavyalov V. I., Terekhova N. N. The Role of Archaeometallographic Data in the Study of the Material Culture of Urban Society (Based on Excavations of the Moscow Kremlin) 90

Shcherbakov V. L. Objects and Materials from the 12th–14th Centuries from Excavations in the Kostroma Settlement in 2023 97

Kireev P. S., Sudakov V. V. Developing a Ceramic Scale for Pereyaslavl-Ryazansky. Ceramics without Additional Surface Treatment 111

Abdelmanova A. S., Yavorskaya L. V., Engovatova A. V., Zinoviev N. A. Yaroslavl Cow. Archeology and Genetics 132

Leontyev A. E., Samoylovich N. G. Some Results of Rescue Archaeological Research in Rostov 139

Late Middle Ages and Modern Times

Suvorov A. V., Chirkov M. V. Excavations by the Northern Expedition of the Archaeological Heritage Rescue Department of the Institute of Archaeology RAS the Historical Part of Vologda in 2023–2025 147

Modin R. N., Proshkin O. L. Late Medieval Cellars with Wooden Structures in the Settlement of Otyakovo 1 160

Chernov S. Z. Vlasyevsky Monastery in Volokolamsk According to Archaeological Excavations in the Church of Peter and Paul in 2017 185

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Chernov S. Z., Breshkov R. V., Vinogradov R. L., Semenov A. S. Find of 16th-Century White-Stone Tombstones in the Village of Obraztsovo, Shchyolkovo Urban District 227

Yakovchik M. S., Chernova O. F., Engovatova A. V., Reshetova I. K. Textiles from the Burial of the 16th – 17th Centuries Near John Chrysostom Church in Yaroslavl 246

Engovatova A. V., Khasanov B. F., Oshonkov A. V., Hegumen Josiah (Sidunov), Zots E. P., Vakalyuk L. A., Petrov O. L., Rybakova Ya. V. Preliminary Data on the Dating of Wooden Water Pipes Discovered by the Moscow Region Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences on the Territory of the Trinity Lavra of St. Sergius 266

Antipina E. E., Engovatova A. V., Polyanskaya E. Yu., Spasskaya N. N., Zaitsev A. M., Datsyshin A. A. Preliminary Results of the Study of the Remains of Horses Buried on the Grounds of the Trinity Lavra of St. Sergius During the Siege of 1608–1610 275

Andreev S. I. Early 17th-Century Construction of the Settlement of Tikhiy Ugol 1 286

Galkin T. O. Ring with the "Judgment of King Solomon" Scene from Excavations in Zaraysk 307

Artemov N. S., Zherve N. A. On the History of the Development of Zamoskvorechye according to Archeology: Runovsky Lane, Possession 14 – Chronology, Topography, Toponymy 316

Likhter Yu. A., Egorov K. A. Glass Spray Vessel from the Krutitsy Yard 332

Miryasova A. A., Glazunova O. N. Roof Tiles and Tiled Stoves of the Trinity-St. Sergius Lavra from the 1740s Based on Excavations in 2023 339

Polyulyakh A. A. Tiled Stove Sets from the First Half of the 18th Century from the Estate of the Gruzinsky Princes in the Village of Vsekhsvyatskoye 352

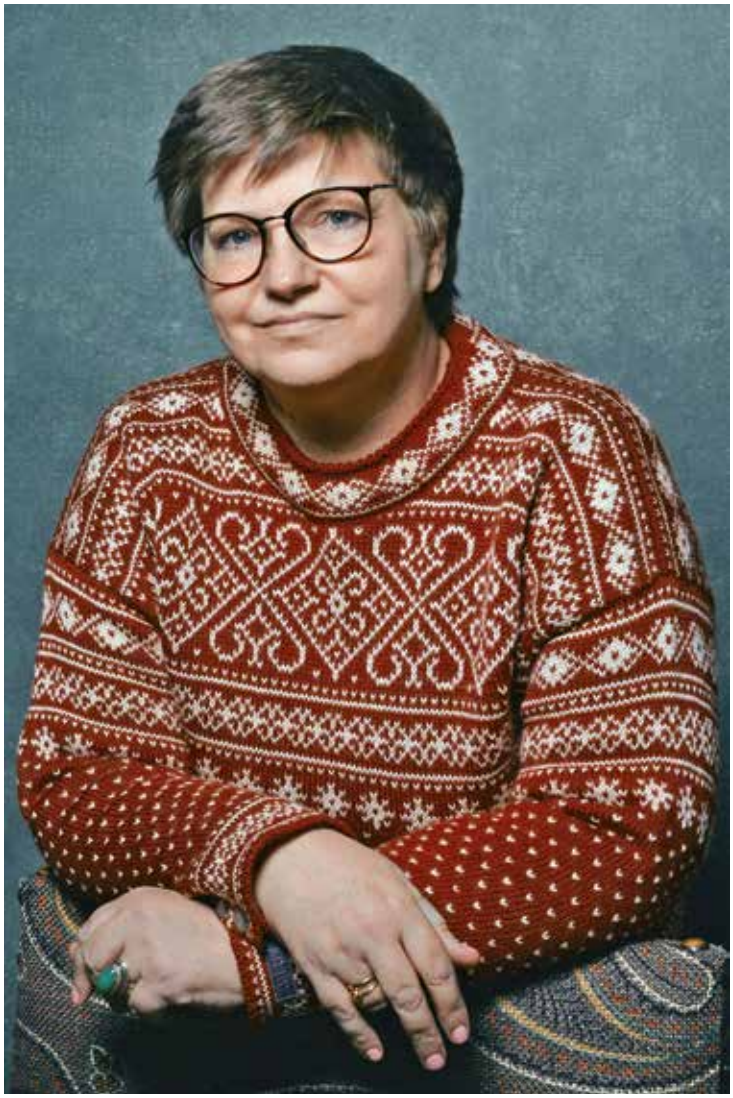
Bolshakov A. B. The Game of Svaika: Ethnographic and Archaeological Contexts 372

Gribov N. N., Ivanova N. V., Stepashkin V. A. The Experience of Identifying a Person Buried in an Unmarked Grave at the Assumption Cathedral of the Sarov Monastery 391

Yanishevskiy B. E. The First Archaeological Investigation in the Dulevo Porcelain Factory 397

List of abbreviations 406

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

К юбилею Аси Викторовны Энговатовой

Двадцатого февраля 2026 г. отмечает юбилей известный археолог, профессионально занимающаяся сохранением культурного наследия страны, заместитель директора Института археологии Российской академии наук, кандидат исторических наук Ася Викторовна Энговатова. Не будет преувеличением сказать, что она известна всем археологам как человек, который полностью отдает себя работе, для которого археология не просто профессия, но и дело всей жизни, а сохранение археологического наследия является одной из ценностей, определяющей жизненные приоритеты.

Интерес к прошлому проявился у старшеклассницы математической школы и привел в археологический кружок в Государственном историческом музее, которым руководила Ирина Константиновна Цветкова. Не последнюю роль в этом сыграли семейные традиции и ее мама Татьяна Леонидовна Энговатова – архитектор-реставратор, а значит, неизбежно и историк. Под ее руководством отреставрированы Московская консерватория (в здании бывшего Синодального училища), дом Шереметева на Воздвиженке, усадьба Т. И. Тутолмина, «Гранатный двор» на Спиридоновке, Главный дом городской усадьбы И. И. Юшкова и др. Ася Викторовна унаследовала от матери любовь к исторической архитектуре и интерес к сохранению культурного наследия, археологическая часть которого стала главной сферой ее деятельности.

И все же, конечно, именно в археологическом кружке интерес к давнему прошлому получил конкретное воплощение, когда в 1981 г. 15-летняя школьница Ася Энговатова впервые прияла участие в экспедиции на раскопках стоянки Маслово Болото. Именно тогда под очевидным влиянием руководителя кружка

стало формироваться желание изучать древние культуры неолита. Поэтому неудивительно, что затем последовала учеба на Историческом факультете МГУ, специализация на кафедре археологии и участие в неолитических экспедициях под руководством Д. А. Крайнова, В. В. Сидорова, М. Г. Жилина и А. Е. Кравцова. Еще будучи студенткой, Ася работает в камеральной лаборатории Института археологии, обрабатывает полученные в летних экспедициях коллекции, постигает все стороны профессии. Стаж работы Аси Викторовны в стенах института отсчитывается с 1983 г., когда она начала работать здесь лаборантом.

Продолжая обучение в МГУ, в 1987 г. она получила свой первый открытый лист и самостоятельно провела раскопки неолитической стоянки Усть-Тудовка в Ржевском районе Калининской (ныне Тверской) области. Результаты были обобщены в небольшой, но емкой публикации.

Уже через три года Ася Викторовна стала руководить отрядом Подмосковной экспедиции. С первых лет руководства экспедицией проявились лидерские качества юбиляра – умение организовать коллектив на выполнение сложных задач в обстановке развала экономики страны и найти выход в непростых бытовых и производственных ситуациях. Поэтому закономерно, что в 1991 г. А. В. Энговатова становится начальником Подмосковной экспедиции и именно работы в московском регионе становятся одним из главных направлений ее деятельности на следующие десятилетия. Незаурядные организаторские способности нового начальника экспедиции помогли выстоять в сложные 1990-е годы. В этот период под руководством Аси Викторовны проведены образцовые по методике исследований раскопки многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное 1, расположенного в Шатурском районе Московской области, на торфяниках. Результатом стала коллективная монография «Древние охотники и рыболовы Подмосковья» (1997), имеющая важное значение благодаря комплексности проведенных исследований. В этот период изучены эталонные памятники эпохи неолита в Подмосковье – Замостье 1, Ивановское 4 и другие.

Лихие 90-е стали испытанием для многих археологов, особенно молодых. Далеко не все смогли преодолеть то сложное время без потерь, иногда даже потери самих себя. Многие ушли из профессии надолго или навсегда. Но для Аси Викторовны это было время наработки бесценного опыта руководства экспедицией, постоянного научного роста. В этот же период она стала мамой двух замечательных дочерей и блестяще защитила в 1993 г. кандидатскую диссертацию, подготовленную на кафедре археологии МГУ под руководством профессора Н. В. Рындиной. Диссертация на тему «Кремневая индустрия трипольской культуры (по материалам памятников Днестро-Днепровского междуречья)» ввела в научный оборот информацию о комплексах с 35 памятников, показала умение работать с большими массивами материала и получать новую научную информацию. Она же продемонстрировала расширение научных интересов молодого ученого, помимо неолита успешно исследуя проблемы эпохи палеометалла.

Но по-настоящему организаторские способности и широта взглядов исследователя проявились при раскопках городища раннего железного века Настасьино в Коломенском районе Московской области в 1999–2000 гг., в зоне строительства автодороги М5 «Урал». Эти раскопки сопровождались всеми атрибутами охранных работ: сжатые сроки, большие объемы работ и общение со строителями с их требованиями и задачами. Именно здесь оттачивалось мастерство Аси Викторовны как руководителя, благодаря ее умению находить неординарные решения организаторские и дипломатические способности позволили ей выполнить работы на высоком научно-методическом уровне и получить принципиально новые данные о дьяковском памятнике.

За два года экспедиция раскопала более 3600 кв. м, что составило половину площади городища, изучена его фортификация и планировочная структура. Но памятник оказался гораздо более сложным – многослойным: на площадке городища дьяковской культуры в XIII–XV вв. существовала средневековая одно-дворная усадьба. Эти работы до сих пор остаются одними из самых масштабных исследований памятников раннего железного века в Европейской России, а также эталоном для раскопок подобного рода. При раскопках этого памятника обозначилась еще одна характерная черта Аси Викторовны как исследователя, а именно мультидисциплинарный подход: были проведены археоботанические, археозоологические, почвоведческие, геохимические и другие естественнонаучные исследования. Что не менее важно, материалы раскопок оперативно и полностью вводились в научный оборот.

Примечательно, что с раскопками многослойного Настасьино в сферу интересов, знаний и увлечений Аси Викторовны как ученого включаются памятники эпохи Средневековья. Безусловно, это предопределяла география работ Подмосковной экспедиции. Вслед за развитым Средневековьем неизбежно последовало обращение к позднему Средневековью и Новому времени – периодам, которые у многих археологов того времени вызывали скептицизм, но вскоре в том числе благодаря деятельности юбиляра прочно вошли в сферу археологических исследований и стали полноценным источником. Горизонты стремительно расширялись,

и это воспринималось руководителем экспедиции как вызов, требовавший достойного ответа. Каждый следующий проект – это ступенька вверх по решению сложных научных и организационных задач. В 2001–2003 гг. осуществлен масштабный проект раскопок в кремле города Дмитрова – ровесника Москвы и детища князя Юрия Долгорукого. Работы велись под будущее строительство и прокладку коммуникаций, и впервые за историю изучения этого древнерусского города на площади около 2000 кв. м изучена его древнейшая часть, где наряду с позднесредневековыми прицерковными кладбищами открыты погребения домонгольской эпохи.

Успешный опыт охранных раскопок в Подмосковье предопределил избрание А. В. Энговатовой в 2004 г. заведующей отделом охранных раскопок (ныне – отдел сохранения археологического наследия). С этого момента наряду с собственными раскопками ей пришлось организовывать и контролировать работы десятков отдельных отрядов. География работ расширилась на всю восточноевропейскую часть России, и для их выполнения привлекались сотрудники других отделов института – тенденция, которой Ася Викторовна следует всегда: исследования на памятнике должен выполнять ученый, специализирующийся на этом типе памятников, этой эпохе, этой проблеме. Она убеждена, что максимальный научный выход из раскопок памятника извлекает тот, кому это по-настоящему интересно, тот, кто живет этой проблемой.

В то же время Подмосковная экспедиция оставалась важной кузницей кадров и остается одним из приоритетных направлений работы самой Аси Викторовны. В 2004 г. началась многолетняя эпопея раскопок на Мякининском комплексе памятников, через которые прошли едва ли не все сотрудники отдела тех лет. Эти раскопки дали выдающиеся результаты. У северо-западной границы Москвы исследовались на беспрецедентной для начала 2000-х годов площади (около 20 тыс. кв. м) остатки двух средневековых поселений (XII–XV и XII–XVII вв.) и значительная часть курганного могильника (XII–XIII вв.), раскопки которого начаты еще В. А. Городцовым.

В том же 2004 г. Ася Викторовна проводит спасательные раскопки в Ярославле, ставшие в историческом центре города первыми крупными исследованиями с 1940 г. В итоге многолетних работ удалось локализовать каменный Успенский собор 1215 г., выявить первые фортификационные сооружения XI в. и более позднюю линию укреплений XII в. Фактически работами Аси Викторовны для науки открылся домонгольский Ярославль. И не только домонгольский.

И, как всегда, к археологическим работам привлекаются ведущие естественнонаучные специалисты, что позволило получить принципиально новые сведения о жизни Ярославля в период Средневековья и раннего Нового времени, которые невозможно получить только археологическими методами. Прежде всего это открытие следов разгрома Ярославля в ходе монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь. В летописях Ярославль упоминается лишь в перечне захваченных городов, и считалось, что город почти не был затронут набегом. Археологические раскопки в пределах Рубленого города выявили девять коллективных захоронений жителей и защитников города, погибших в феврале 1238 г. Благодаря комплексному подходу, в том числе с привлечением нестандартных для археологии специалистов – энтомологов, климатологов и др., удалось доказать, что эти захоронения отражают события зимы 1238 г.

Материалы раскопок в Ярославле оперативно введены в научный оборот. Это не только серия статей об обнаружении следов Успенского собора 1215 г., открытии культурного слоя XI в., т. е. времени основания города, о раскопанных на большой площади остатках городских древо-земляных стен XI в., но и коллективная монография о древнем Ярославле, где она выступает как составитель, редактор и заглавный автор. Эта строго научная книга хорошо иллюстрирована и востребована специалистами – археологами, историками – и при этом интересна широкой публике. Именно она стала подлинным «открытием Ярославля».

Внимание к скорейшей публикации результатов спасательных работ – один из приоритетов Аси Викторовны. «Труды Подмосковной экспедиции», выпускавшиеся в 2002–2005 гг., трансформировались и продолжились «Трудами отдела охранных раскопок» (ныне «Материалы спасательных археологических исследований»), где публикуются материалы раскопок отдела в разных регионах страны. С 2004 г. к настоящему времени издано 36 томов.

В 2004 г. совместными усилиями отдела сохранения археологического наследия и отдела средневековой археологии при ведущей роли А. В. Энговатовой, как бессменного председателя оргкомитета, организуется Подмосковный семинар, ставший площадкой для обсуждения новых открытий, проведения дискуссий по научным проблемам, местом для обмена опытом и обучения новым методикам фиксации и обработки материала, школой для молодых археологов. Из регионального семинара за 20 лет он превратился практически во всероссийский, в котором принимают участие археологи со всей европейской части России. Материалы семинара ежегодно публикуются в «Археологии Подмосковья», и к сегодняшнему дню изданы 22 выпуска.

Еще одним проектом, где юбиляр демонстрирует свои научно-организационные таланты, является исследование культурного слоя Троице-Сергиевой лавры. Спасательные работы здесь постоянно проводятся с 2004 г., но наиболее масштабные раскопки начались в 2018 г. Исследования некрополя Московской духовной академии, обнаружение землянок защитников лавры в ходе знаменитой осады монастыря польскими интервентами в 1608–1610 гг., сенсационные результаты раскопок на Житном дворе и многие другие открытия позволили по-новому осмыслить историю лавры и ее роль в истории государства. Этот проект является одним из любимых детищ юбиляра, требующим постоянного внимания и освещающим принципиально новые аспекты жизни обители и ее роли в истории нашего государства.

В 2010 г. А. В. Энговатова назначается на должность заместителя директора Института археологии РАН. Она как никто другой понимает проблемы сохранения археологического наследия, и двадцатилетний опыт работ в охранной археологии позволяет ей масштабировать эту работу в рамках всего Института. Как и прежде, главные подходы к спасательным археологическим работам – строгая академичность, соблюдение методик раскопок и наблюдений, выработанных и опробованных поколениями археологов, точная фиксация, но уже с применением новых технических средств и методик, которые позволяют интенсифицировать процесс без ущерба для качества. Позиция юбиляра состоит в том, что спасательные работы Института археологии РАН должны быть такими же строго академическими исследованиями, как и любые другие, а главная их цель – получение научной информации.

Ася Викторовна последовательна в вопросах сохранения археологического наследия. Это качество обеспечивает ей авторитет среди коллег не только в институте, но и в стране. Она всегда в курсе археологических открытий, и археологи на местах могут рассчитывать на ее методическую помощь в решении порой нелегких задач и проблем.

Много сил и времени А. В. Энговатова посвящает законодательной деятельности в области сохранения наследия. Она в составе рабочей группы принимала активное участие в разработке двух федеральных законов и подзаконных актов, которые легли в основу современной системы сохранения наследия. Последние несколько лет отданы отстаиванию действующих норм в области сохранения археологического наследия, доказавших свою эффективность в деле сохранения археологического наследия и выполнения задач, стоящих перед государством. Эта сторона деятельности не всегда заметна коллегам, но постоянные дискуссии на разных уровнях и площадках позволяют не разрушить систему сохранения наследия, которая успешно действует в стране уже более 25 лет.

Несмотря на колоссальную загруженность, А. В. Энговатова находит время на преподавательскую и популяризаторскую деятельность. Ее лекции в Государственном академическом университете гуманитарных наук и Московской духовной академии неизменно собирают полные аудитории. Под руководством Аси Викторовны успешно защищаются кандидатские диссертации. Она выступает в СМИ и на интернет-площадках, организует выставки археологических находок и новейших археологических открытий совместно с музеями Москвы, Сергиева Посада, Ярославля, Ростова Великого, Дмитрова, Истры, Калининграда и других городов.

В ее лице органично сочетаются качества глубокого исследователя, талантливого организатора и яркого преподавателя. За успешную работу в деле сохранения археологического наследия Ася Викторовна получила множество наград и благодарностей. Среди них благодарность министра культуры Российской Федерации за вклад в подготовку Федерального закона от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» (2013 г.), благодарность Комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по культуре за активное участие в совершенствовании законодательства в сфере сохранения объектов археологического наследия (2013 г.), благодарность президента Российской Федерации за большой вклад в сохранение культурного и исторического наследия (2017 г.), благодарность Федерального агентства научных организаций за безупречный труд и высокие достижения в профессиональной деятельности (2016 г.), медаль Московской духовной академии Русской Православной Церкви «За труды и заслуги» (2018 г.), грамота министра культуры (2024 г.).

Ася Викторовна – один из самых заметных археологов в стране: рядом с ней всегда движение, процесс и решение проблем. Она настоящий лидер, требовательна к себе и другим, не терпит лени, особенно душевной, побуждает сотрудников к развитию, включается в решение проблем, зачастую житейских, но важных для коллег, и готова на бескорыстную помощь.

Друзья и коллеги поздравляют Асю Викторовну с юбилеем и желают ей прежде всего крепкого здоровья, благополучия, интересных экспедиций, ошеломляющих находок, все новых и новых научных достижений.

Коллеги и друзья

От неолита до Древней Руси

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.13-24

В. В. Миненко, И. Н. Разумов, А. А. Миненко, И. И. Сироштан
Институт археологии РАН (г. Москва)

Древнерусские курганы в окрестностях летописного города Вщиж: история изучения и новые данные

Впервые курганы в округе с. Вщиж (рис. 1) (на тот момент Брянского у. Орловской губ.) упомянул в 1819 г. историк Н. М. Карамзин на основе информации, полученной им от владельца с. Вщиж, помещика, гвардии штабс-капитана М. Н. Зиновьева: «Еще доныне в окрестности… находятся большие гранитные кресты (на курганах), весьма не худо выделанные… На полях много курганов…» (*Карамзин*, 1991. С. 342).

В 1840-х годах генерал-майор М. М. Фомин (муж владелицы села В. М. Зиновьевой) раскопал несколько курганов в окрестностях Вщижа (*Евсеев*, 1908. С. 50, 51). Однако точное расположение исследованных курганов, а также результаты этих раскопок остались неизвестными.

В 1844 г. И. Н. Поляновский опубликовал в газете «Санкт-Петербургские ведомости» информацию о с. Вщиж, его истории и раскопках, проведенных владельцами. Среди прочего им отмечены «курганы Кольницкие числом 15, лежат около рощи того же имени» (*Поляновский*, 1844. С. 416). Таким образом, здесь впервые упоминается один из местных топонимов, в дальнейшем связанных с расположением курганов, – Кальни́ца.

В 1877 г. секретарь Орловского губернского статистического комитета, член Орловской ученой архивной комиссии А. Г. Пупарев отметил, что «при с. Вщиж, в поле находится 17 курганов, поросших дубовым лесом» (*Пупарев*, 1877. С. 83). Вслед за ним в 1884 г. эту информацию повторил Н. П. Горожанский (1884. С. 37).

В 1882 и 1886–1891 гг. редактор-издатель первой брянской газеты «Брянский Вестник» П. Н. Тиханов неоднократно посещал с. Вщиж и оставил описание и первые рисунки местных курганов: «Не менее интересны во Вщиже курганы с каменными на них крестами, которым народные легенды придают страшное происхождение: это-де остатки свадебного поезда, околдованного знахарем. По ныне кресты эти пользуются суеверным почитанием и на них в известных случаях надевают нечто в роде ожерелья, венков и т. подобн. Кресты четвероконечные гладкие; на одном из них, вероятно впоследствии – начертаны монограммы Иисуса Христа по бокам поперечной перекладины». Вновь упоминается топоним «Кальница»: «Старый дуб на Кальни́це (Кольни́це?) – поле за Вщижем – также в большом почете у местных крестьян, которые при свадебных поездах останавливаются здесь и обливают маститое дерево водкой» (Вщижское княжество… 2023. С. 168). К сожалению, точное указание, где именно размещалось это поле, в записках П. Н. Тиханова отсутствует.

В 1901 г. первый топографический ориентир расположения «поля Кальница» обозначил член Орловской ученой архивной комиссии С. А. Чуев: «Восточнее села, по дороге к сельцу Рудному, находится группа курганов, разбросанных по полю верстах в 1½ от окраины села; местность занимаемая этими курганами зовется “Кальницею” и объясняется местными жителями, как место боя защитников Вщижскаго городища в древности». По мнению исследователя, название «Кальница» могло означать и место погребения (кладбище) (*Чуев*, 1903. С. 3).

Первым обследовал и произвел раскопки курганов могильника в урочище Кальница С. А. Чуев в 1901 г.: «На Кальнице насчитано было мною 12 курганов; некоторые из курганов потеряли свою первоначальную форму, вследствие распашки их крестьянами, другие имеют элепсическую форму с плоскою вершиною и почти все покрыты растущими на них дубами; бывший здесь так недавно лес вырублен и выкорчеван, а место это обработано под пашню. Окружность

Рис. 1. Курганы Прастица и Кальница в окрестностях с. Вщиж (космоснимок *Google Earth*, 13.09.2021)

курганов от 45 до 95 арш., а высота от 1½ до 4½ аршин. На одном из курганов поставлены два креста; один из гранита, а другой – из песчанника, оба креста грубо отесаны; курган этот называется “Крестовым”. Курганы неравномерно разбросаны на пространстве около 3-х десятин. При раскопке мною одного из упомянутых курганов (наименьшаго), высотою по отвесу 1½ и в окружности 45 арш., в насыпи его и на горизонте земли не найдено ни человеческих костей, ни признаков трупосожжения, а равно и каких-либо вещей; насыпь кургана мало отличалась от грунта окружающей местности и состояла из чернозема с прослойкой супеси» (*Чуев*, 1903. С. 5). Тогда же сделан фотографический снимок «Крестового» кургана (Вщижское княжество… 2023. С. 180). Коллекция находок из раскопок С. А. Чуева в настоящее время находится в Орловском краеведческом музее.

Среди местных названий С. А. Чуев также упоминает второй топоним, связанный с расположением курганов в округе Вщижа, – урочище Прасти́ца: «Место, прилегающее к селу с юго-западной стороны, носит название “Судок” и объясняется крестьянами, как судное место над пленными, а по дороге на Кальницу, при выезде из села, к югу – “Прасти́ца”, где в древности, по толкованию тех же крестьян, получали прощение и отпускались на волю пленники» (*Чуев*, 1903. С. 3).

В 1907 г. председатель Орловского церковного историко-археологического общества И. Е. Евсеев

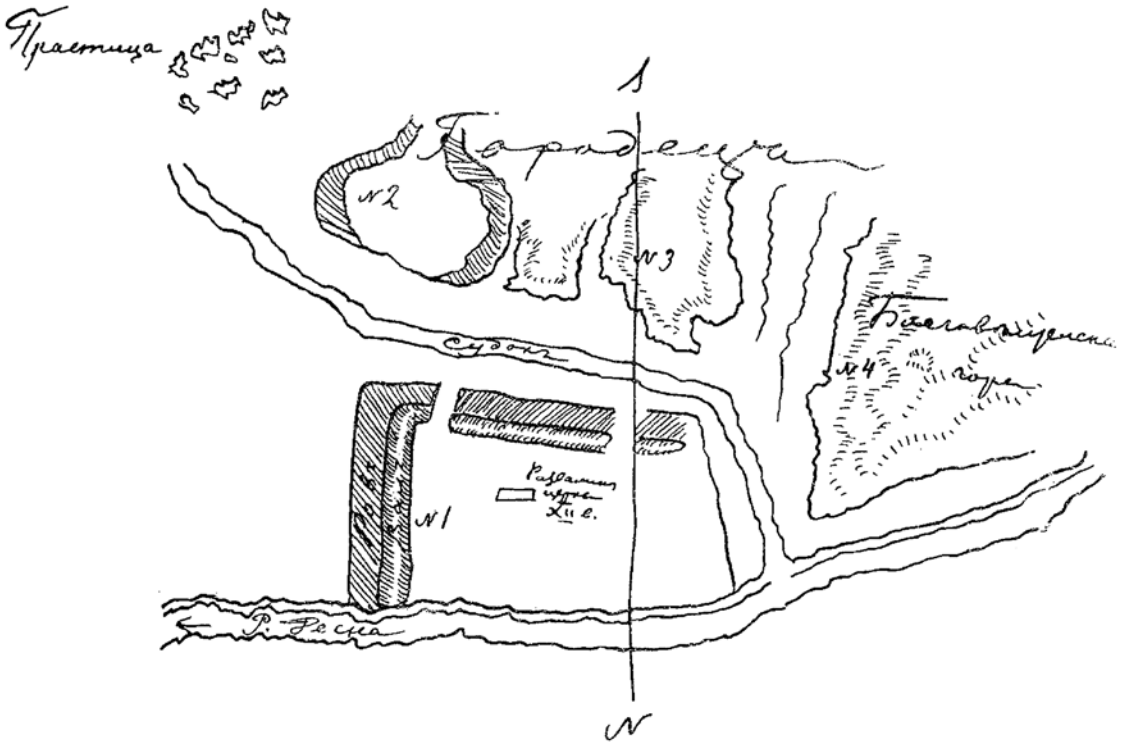

Рис. 2. План Вщижского городища и его окрестностей (по: *Евсеев*, 1907. С. 47. Рис. 2)

также локализует курганный могильник в урочище Кальница и составляет его описание: «Вщижский могильник расположен в 3 верстах к югу от Вщижа, в урочище Кальница. Раньше здесь был дубовый лес, теперь же сохранилось только несколько дубов, все же место сплошь распахано. По дороге в Кальницу поставлено 4 придорожных креста… В 4-х годах в Кальнице было 17 курганов. Некоторые из них были раскопаны владельцем имения Фоминым, другие распаханы. В 1901 году С. А. Чуев насчитал 12 курганов; я в 1907 году не мог найти более 10, считая в том числе и раскопанные Чуевым. Высота сохранившихся курганов простирается от 1½ до 4½ арш., окружность от 40 до 90 шагов. Курганы раскиданы на пространстве около 3 десятин» (*Евсеев*, 1908. С. 50, 51). Кроме того, он раскопал пять курганов Вщижского могильника (*Евсеев*, 1908. С. 51).

И. Е. Евсеев также составил первую картусхему расположения археологических памятников в с. Вщиж. На этой карте отмечено и урочище Прасти́ца, расположенное к юго-юго-востоку от детинца древнерусского Вщижа, на левом берегу руч. Судок (Суток) (*Евсеев*, 1908. С. 47. Рис. 2) (рис. 2).

В 1917–1924 гг. данные об археологических памятниках с. Вщиж и его окрестностей собраны бежицким краеведом В. А. Восинским. Совместно с Н. И. Томилиным он составил описание и снял план курганного могильника Кальница (рис. 3): «В нескольких верстах от села Вщижа, по дороге в Овстуг и сельцо Рудное, находится местность, носящая название “Кальница”, где разбросаны до 10 курганов. На одном из них стоят два каменных креста без надписей. (…) На Кальнице теперь пахотное поле, более низкие курганы распахиваются, и им грозит в недалеком будущем исчезновение». Кроме того, В. А. Восинский сделал фотографию кургана с каменными крестами (*Восинский*, 1929. С. 94, 95).

В 1927 г. курганный могильник, расположенный в 2 км к югу от с. Вщиж, посетил директор Брянского губернского музея С. С. Деев. К этому времени сохранились 10 насыпей, памятник занесли в картотеку Комитета полевых исследований ИИМК (*Успенская, Фехнер*, 1956. С. 249; *Поляков, Миненко*, 2004. С. 158).

В 1940 и 1948–1949 гг. на территории летописного Вщижа и в его окрестностях работала археологическая экспедиция под руководством Б. А. Рыбакова. В составе комплекса памятников исследователь отметил: «…курганы XI–XIII вв. с массивными гранитными крестами на них, сохранявшимися до начала XX в., находятся в двух урочищах на юго-запад от Вщижа в 2-х км (“Прастица” и “Кальница”)» (*Рыбаков*, 1949. С. 15). В научном отчете упоминается, что сотрудники экспедиции под руководством А. В. Никитина производили раскопки курганов «племени радимичей», но никаких материалов о тех работах не опубликовано (*Рыбаков*, 1949. С. 17).

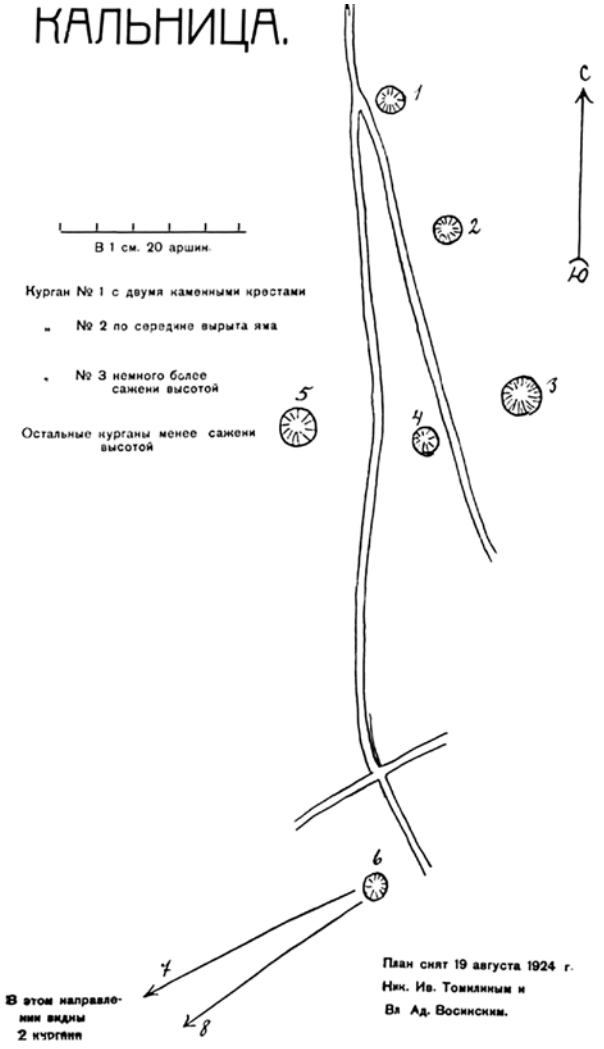

Рис. 3. План курганного могильника Кальница, снятый Н.И. Томилиным и В.А. Восинским 19 августа 1924 г. (по: *Восинский*, 1929)

Остатки курганной группы в урочище Кальница осмотрели и сфотографировали в 1946 г. сотрудники Деснинской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством М. В. Воеводского: «На расстоянии 1½ км от с. Вщиж по дороге к с. Песочное, на водоразделе, расположена курганная группа из 5-ти насыпей: 1 – высотой 3–4 м, сильно опаханный по основанию, и 4 низкие, сильно распаханные. На двух самых высоких курганах имеются грабительские ямы диам. около 1,0 м и глубиной до 1,5 м»

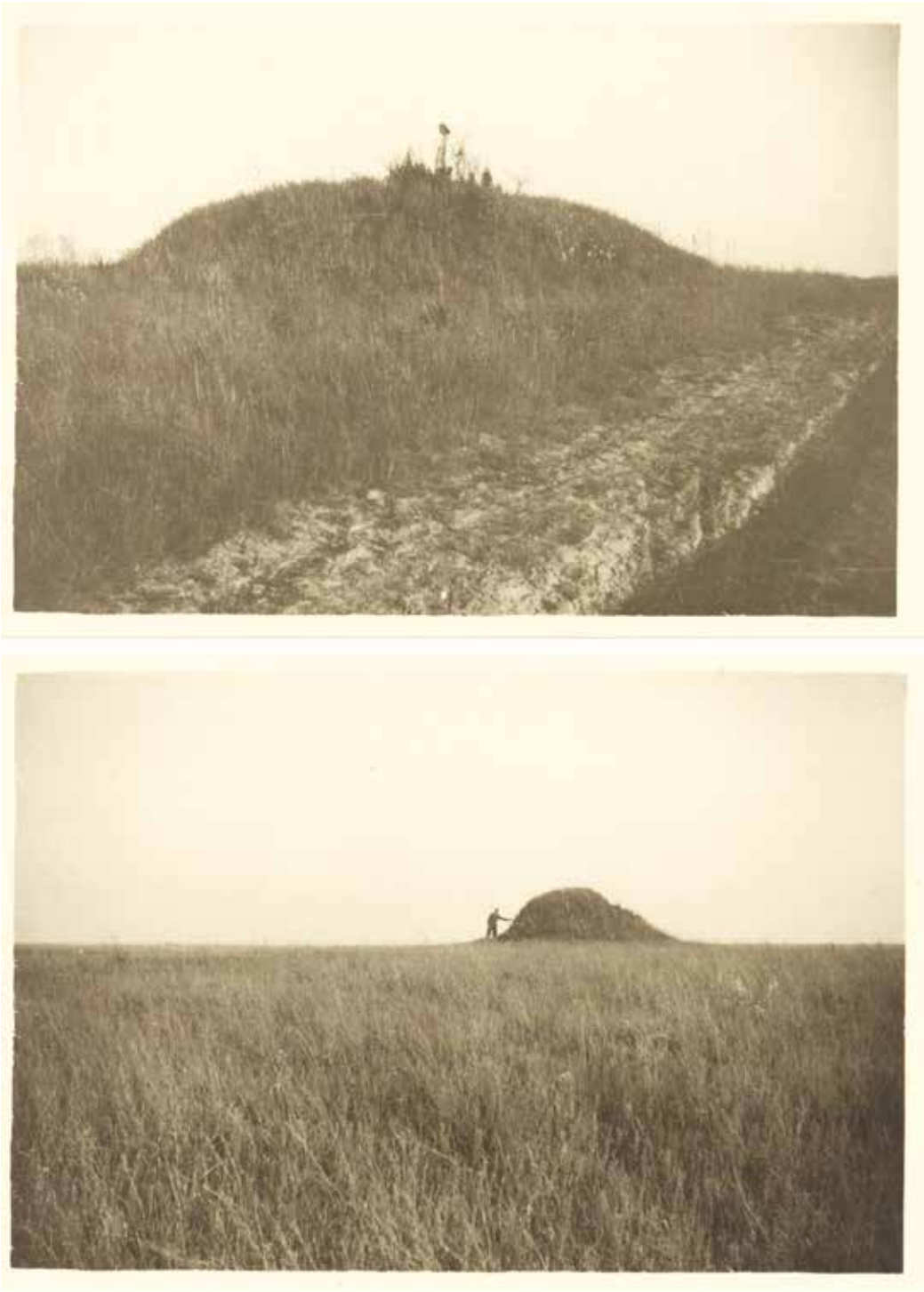

Рис. 4. Фото курганов по дороге от с. Вщиж к с. Песочное (по: *Воеводский*, 1946. Л. 69. Рис. 5; 6)

(*Воеводский*, 1946. С. 2. Рис. 5–6). Ни деревьев, ни каменных крестов к этому времени на курганах уже не было (рис. 4).

В июле 1948 г. экспедиция Института истории АН БССР в составе К. М. Поликарповича, В. П. Левенка и Л. А. Михайловского проездом из Смоленска на раскопки палеолитической стоянки в с. Елисеевичи посетила с экскурсионными целями с. Вщиж, где работала экспедиция Б. А. Рыбакова. С руководителем экспедиции и его сотрудниками им встретиться не удалось, но были осмотрены раскопы в селе и оставлено краткое описание курганов: «В 2 км от городища к ЮЮЗ в урочище Кальница пять древних дославянских (?) курганов.

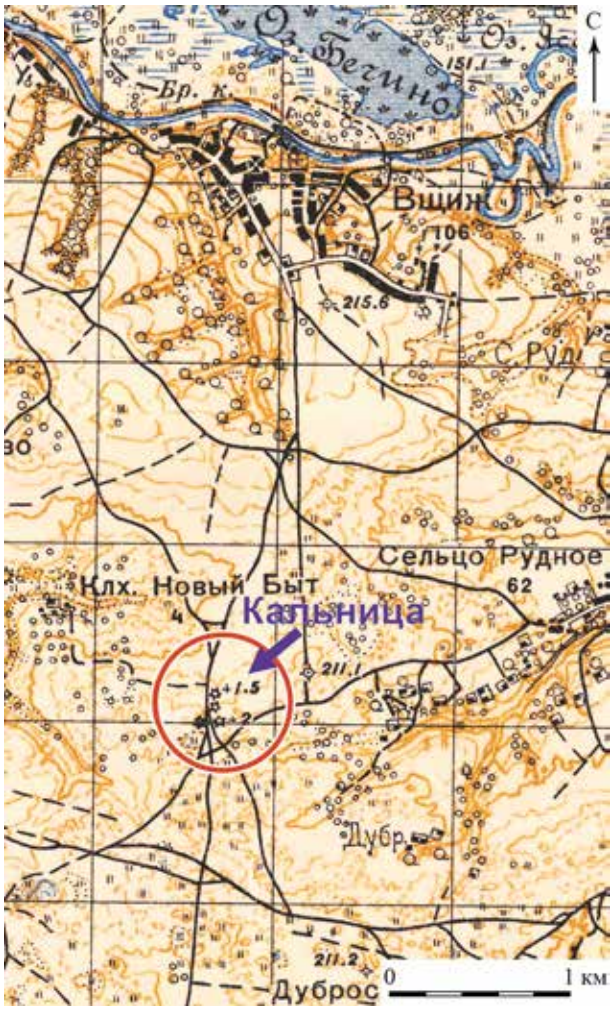

Рис. 5. Курганы в урочище Кальница близ с. Вщиж на фрагменте топографической карты масштаба 1:50 000 (съемка 1930 г.)

Рис. 6. Курганы в урочище Кальница близ с. Вщиж на фрагменте топографической карты масштаба 1:25 000 (съемка 1957 г.)

Один из них высокий, до 3 метров, другие сильно расплывшиеся» (*Левенок*, 1948. С. 1, 2).

Курганы в урочище Кальница отображены на топографических картах Генерального штаба 1930 и 1957 гг. (масштабы 1:50 000, 1:25 000 и 1:100 000), в том числе с обновлениями от 1980 г. (рис. 5–7). На картах 1983–1984 и 1986 гг. курганы уже отсутствуют[1].

В 1986 г. сотрудники Деснинской экспедиции ИА АН СССР А. С. Смирнов и Р. А. Нигматуллин на участке мелиорации земель в районе деревень Дубославичи и Сельцо-Рудное обнаружили одиночный курган, получивший наименование по ближайшему населенному пункту – Сельцо-Рудное: «Курган расположен на распахиваемом поле, слева от проселочной дороги от трассы Брянск – Рославль в с. Вщиж, в 2 км не доезжая последнего, в 1 км южнее триангуляционного пункта и в 120 м к СЗ от строительного репера № 38[2]. Поверхность в этом месте имеет выраженное падение к северу. Насыпь размером 24×15 м, средней высотой 1,5 м, вытянута по оси С–Ю. Поверхность задернована, вершина уплощена. В СЗ части насыпи на поверхности растут несколько берез, делающих курган особенно приметным среди распаханных полей. Первоначальные очертания насыпи значительно изменены распашкой. Полы кургана уничтожены с западной, северной и восточной сторон. На вершине кургана небольшая траншея. Предположительно датируется древнерусским временем и,

[1] Однако один из них на момент проведения топографических съемок все еще существовал и сохранился до наших дней.

[2] Два последних указанных ориентира в настоящее время уже утрачены.

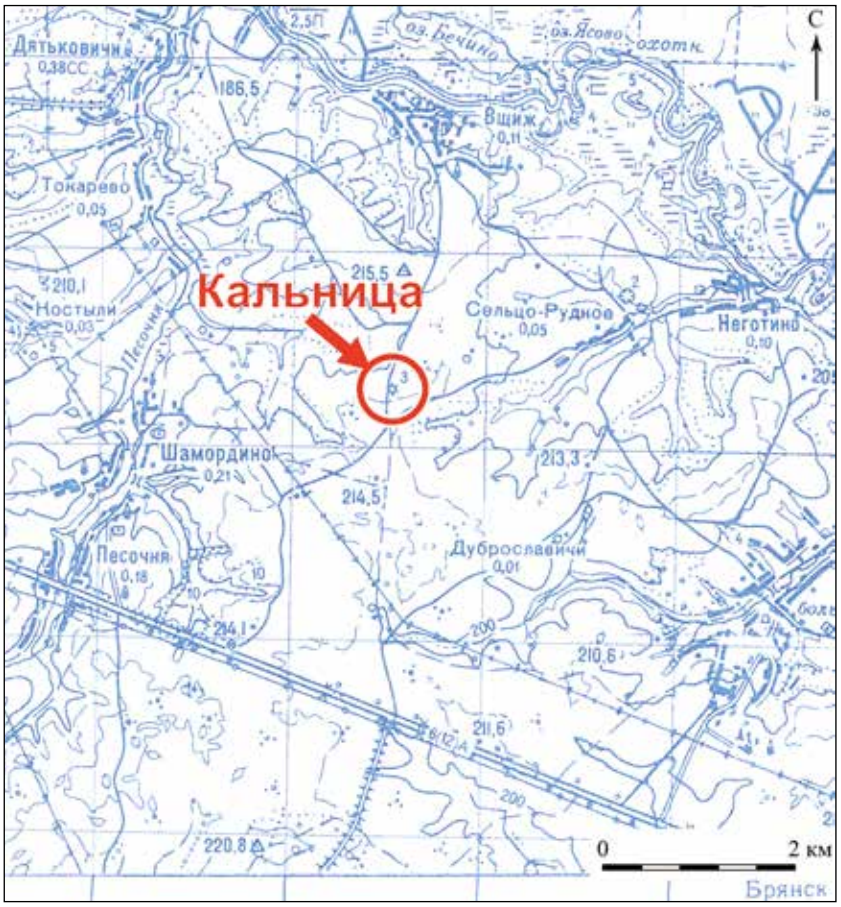

Рис. 7. Курганы в урочище Кальница близ с. Вщиж на фрагменте топографической карты масштаба 1:100 000 (съемка 1957 г., обновлена в 1980 г.)

по всей видимости, является последним курганом от многочисленных могильников в окрестностях древнерусского города Вщиж» (*Смирнов, Нигматуллин*, 1986. С. 34, 35. Рис. 195–196) (рис. 8).

Этот одиночный курган – все, что оставалось к тому времени от курганов в урочище Кальница. Остальные курганы урочища уничтожены распашкой в середине – конце 70-х годов XX в. (*Поляков, Миненко*, 2004. С. 158, 159). Со слов местных жителей, перед распашкой курганы снивелировали с использованием тяжелой техники (бульдозера).

При дешифровке аэрофотоснимков древнерусского городища Вщиж и прилегающей к нему территории[3] на пашне зафиксированы остатки шести насыпей (рис. 9; *Смирнов, Нигматуллин*, 1992. Рис. 18[4]). Этот участок располагается в 0,8 км к югу от бывших ферм с. Вщиж, к востоку от автодороги Вщиж – шоссе Брянск – Рославль. К настоящему времени насыпи курганов полностью распаханы и в рельефе местности визуально не прослеживаются. При проведении разведки в 1998 г. на данной территории на пашне собрано несколько фрагментов круговой древнерусской керамики XI–XII вв., происходящей, вероятно, из разрушенных распашкой курганов (*Миненко*, 1998. С. 18).

Если эти объекты действительно являются остатками курганной группы, то их можно связать с местоположением двух каменных крестов, по сведениям И. Е. Евсеева начала XX в., располагавшихся на выезде из села (*Евсеев*, 1908. С. 50). К сожалению, достоверно подтвердить это возможно только при проведении геофизических исследований и археологических полевых работ на большой площади.

---

[3] Работы проводились по заказу Деснинской экспедиции отдела охранных раскопок ИА РАН в 1991 г. в связи с определением границ распространения культурного слоя городища Вщиж.

[4] Неопубликованная рукопись: *Смирнов, Нигматуллин*, 1992. Отчет о работах по теме «Определение мероприятий по охране памятников археологии в зоне проектирования поселка Вщиж Жуковского района Брянской области».

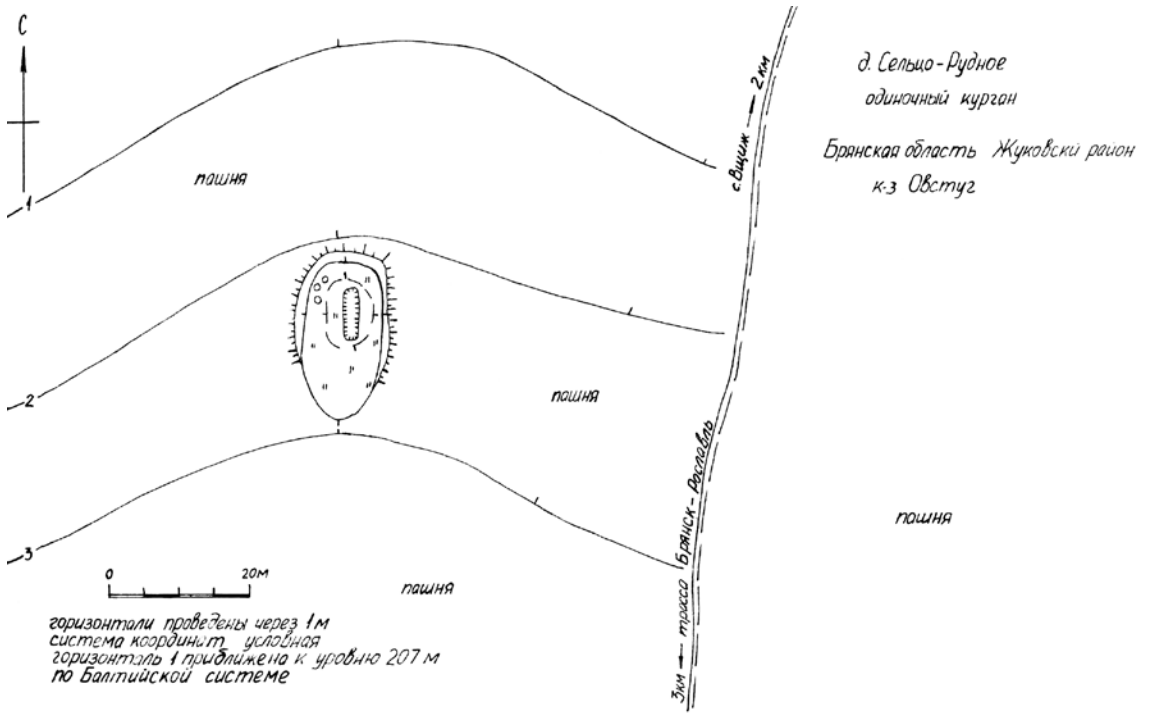

Рис. 8. Топографический план кургана Сельцо-Рудное (последний сохранившийся курган в урочище Кальница) (по: *Смирнов, Нигматуллин*, 1986. Рис. 196)

Начиная с 1960-х годов сохранившиеся курганы урочища Кальница поставлены на государственный учет и охрану. К сожалению, не обошлось без некоторой путаницы.

Так, в 1960 г. археологический объект под названием «Пятнадцать курганов “Белынец”» и «шесть курганов Кальницы», расположенный по адресу: Брянская область, Жуковский район, в 3 км восточнее и в 2 км западнее с. Вщиж, поставлен на государственный учет «как памятник археологии государственного значения»[5]. В настоящее время он включен в ЕГРОКН под № 321640550020006, учетный № 32-96799.

В 1974 г. «шесть курганов Кальницы» исключены из списка памятников, подлежащих охране как памятники государственного значения, и включены в этот перечень уже под новым наименованием «Памятник археологии федерального значения «Курганная группа Вщиж» по новому адресу: Брянская обл., Жуковский р-н, с/о Вщиж, с датировкой VIII–IX вв., XII–XIII вв.[6] В ЕГРОКН данный объект фигурирует под № 321640682400006, учетный № 32-105355.

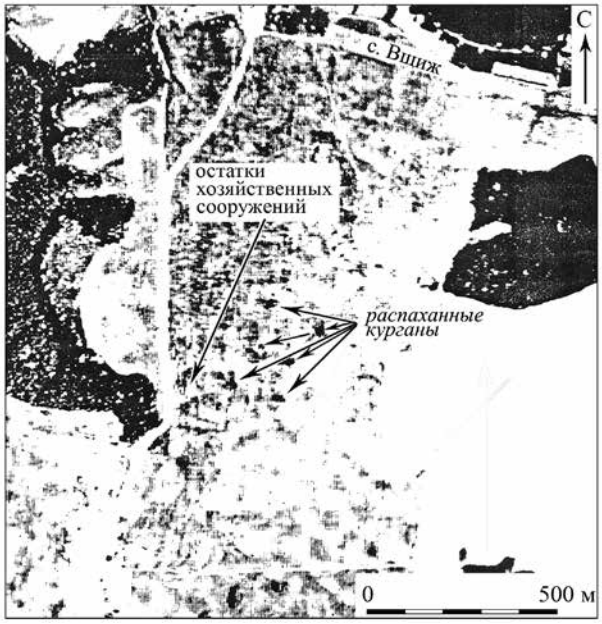

Рис. 9. Дешифровка аэрофотоснимка древнерусского города Вщиж и прилегающей к нему территории (по: *Смирнов, Нигматуллин*, 1992. Рис. 18)

[5] Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

[6] Постановление Совета Министров РСФСР от 04.12.1974 № 624 «О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

Рис. 10. Современное состояние кургана в урочище Кальница с часовней-памятником после ее поновления в 2014 г.

В 2003 г. ОКН «Курган «Сельцо-Рудное» (X–XIII вв.), расположенный в 0,17 км к западу от д. Сельцо-Рудное, у дороги на Вщиж, также принят на государственный учет[7] и включен в ЕГРОКН под № 321640550010006, учетный № 32-96797.

В результате один и тот же памятник трижды фигурирует под разными названиями в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. К сожалению, как мы видим, это не защитило его от фактически полного уничтожения.

В настоящее время на единственном сохранившемся кургане Кальницы, расположенном справа от дороги, связывающей с. Вщиж с автодорогой Р-120 Орел – Брянск – Смоленск – граница с Республикой Беларусь, в 2,5 км к югу от села, установлена часовня – памятник убитым на поле брани (рис. 10).

Относительно курганов, расположенных в урочище Прастица, после 1940-х годов сведений не имеется вовсе. До недавнего времени этот могильник считался полностью утраченным, хотя его поиски должным образом не производились.

Весной 2021 г. в рамках инициативных работ по обследованию объектов культурного наследия на территории Брянской области выполнено воздушное лазерное сканирование местности на общей площади 691,06 га[8]. При анализе результатов на левом берегу оврага Судок обнаружены выраженные в рельефе следы валов и рвов укрепленного поселения, названного по итогам наземного обследования «Вщиж-4» («Городец») (*Миненко и др.*, 2023), а также округлая насыпь, напоминающая курганную (рис. 11).

В 2024 г. в данном районе проведена археологическая разведка с визуальным обследованием территории предполагаемого объекта археологического наследия. В результате подтвердилось, что обнаруженный объект представляет собой остатки кургана, которому присвоено название «Курган Вщиж. Прастица».

ОАН «Курган Вщиж. Прастица» расположен в 290 м к юго-западу от западной окраины

---

[7] Постановление администрации Брянской области от 02.10.2003 № 442 «Об отнесении объектов культурного наследия Брянской области, обладающих историко-архитектурной и археологической ценностью, к памятникам истории и культуры регионального значения».

[8] Работы проведены совместно сотрудниками отдела сохранения археологического наследия ИА РАН и специалистами Департамента археологии и геодезии ООО «ЭТ «ЭНЕРГОТРАНСПРОЕКТ».

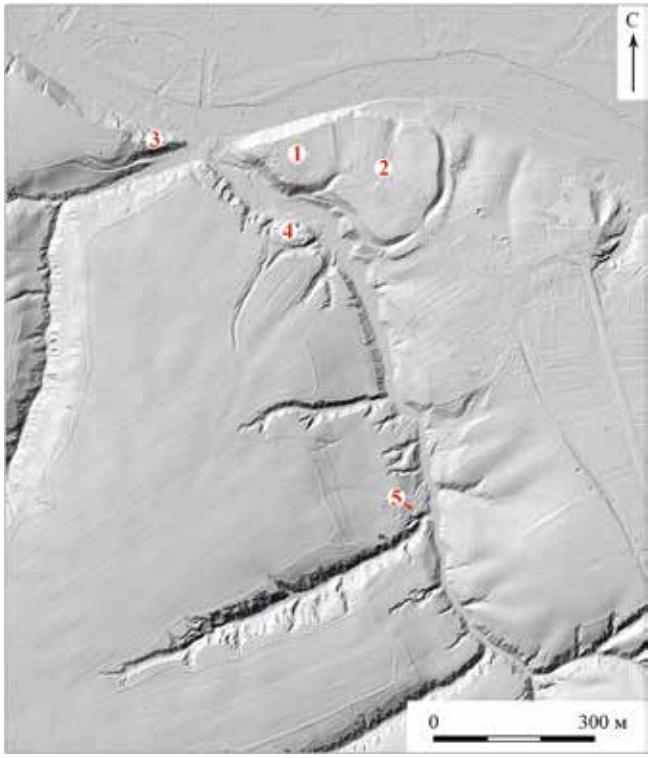

Рис. 11. Результаты воздушного лазерного сканирования 2021 г.
1 – детинец древнерусского города Вщиж; *2* – «окольный город» древнерусского Вщижа;
3 – городище Благовещенская гора; *4* – городище Вщиж-4 (Городец); *5* – курган в урочище Прастица

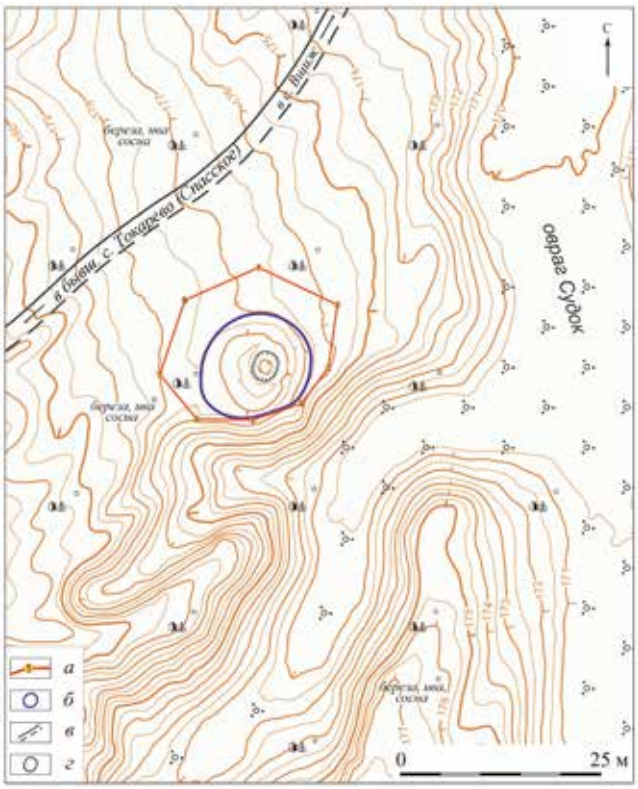

Рис. 12. Курган «Вщиж. Прастица». Топографический план 2024 г.
а – границы и поворотные (характерные) точки по границе объекта археологического наследия;
б – край насыпи кургана; *в* – дорога грунтовая; *г* – яма

Рис. 13. Общий вид на курган «Вщиж. Прастица» с юго-запада (на заднем плане – овраг Судок и окраина с. Вщиж). Фото 2024 г.

с. Вщиж, на правобережье р. Десны (левый приток р. Днепр), в 750 м к юго-юго-востоку от русла, в урочище Прастица (рис. 12).

Курган расположен на нижней покатой части склона левого берега оврага Судок (Суток), в 65 м к западу от тальвега оврага. Курган находится в приустьевой части еще одного крупного оврага с крутыми обрывистыми склонами, входящего слева (с западо-юго-запада) в овраг Судок. Эти овраги на прилегающих к кургану участках в настоящее время суходольные, наполняются водой при весеннем таянии снега или при обильных дождевых осадках.

Поверхность участка, на котором расположен курган, неровная, имеет уклон до метра к востоко-северо-востоку (в сторону оврага Судок). Курган расположен на отметках 176,5–177,5 м (по БСВ), высота над уровнем тальвега оврага (170,5 м) – 6–7 м; над уровнем воды в р. Десне (150,0 м) – 26,5–27,5 м.

Насыпь кургана близка к полушарной форме с овальным основанием размером 14,5×12,7 м, вытянутым по линии юго-запад – северо-восток. Высота от западной полы кургана – 1,0 м, от восточной – 1,6 м. Вокруг основания насыпи визуально прослеживается кольцевидный ровик (с перемычкой в западной части) шириной 2,5–3,0 м и глубиной 0,2–0,5 м. Южная и юго-восточная части ровика разрушены оврагом. На вершине насыпи имеется поврежденный участок – яма овальной в плане формы (ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад) размером 3,0×2,5 м, глубиной до 0,9 м. Склоны ямы оплывшие, задернованные, на дне ямы прослеживаются остатки современного кострища в виде скопления древесных углей и нескольких силикатных кирпичей. В северо-восточной части насыпи кургана также читаются следы еще одной небольшой заплывшей ямы.

Насыпь кургана и ровик задернованы, поросли разнотравьем и лиственными деревьями (береза). Прилегающая к кургану местность находится в смешанном лесу с подлеском (рис. 13; 14). В 10 м к северо-западу от кургана проходит грунтовая полевая дорога, вероятно, являющаяся остатками старой дороги из с. Вщиж в бывшее с. Токарево (Спасское). По внешним признакам ОАН «Курган Вщиж. Прастица» может быть отнесен к древнерусскому времени (XI–XIII вв.).

Таким образом, работы по выявлению известных по архивным источникам памятников архео-

Рис. 14. Курган «Вщиж. Прастица». Вид с запада. Фото 2024 г.

логии при помощи сочетания неинвазивного научного метода – воздушного лазерного сканирования местности и последующей проверки полученных данных путем полевой археологической разведки позволили подтвердить архивную информацию, установить местонахождение и вернуть в научный оборот объект культурного (археологического) наследия «Курган Вщиж. Прастица», являющийся остатками одного из двух известных курганных некрополей в округе древнерусского города Вщиж, впервые упомянутого в летописи под 1142 г.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований» (НИОКТР № 122011200265-6).

Литература

Воеводский М. В., 1946. Отчет о полевых исследованиях 1946 г. / Архив ИА РАН. Р-I. № 72.

Восинский В. А., 1929. Вщиж. Экскурсии // Брянский край. Вып. III. 1928 г. Брянск: Изд. Общ-ва изучения Брянского края. С. 86–102.

Вщижское княжество – Овстугская волость. Сб. статей / Сост. К. П. Гришин). Брянск: ООО «Аверс», 2023. 200 с., ил.

Горожанский Н. П., 1884. Материалы для археологии России по губерниям и уездам. Вып. 1. М.: Тип. А. А. Карцева. 122 с.

Евсеев И. Е., 1908. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (орловского) течения реки Оки и ее притоков: Цона, Рыбницы, Неполоди и Зуши // Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда. Вып. II. М.: Тип. Общ-ва распространения полезных книг. Преемник В. И. Воронов. С. 46–52.

Карамзин Н. М., 1991. История государства Российского в 12 тт. Т. II–III. М.: Наука. 832 с.

Левенок В. П., 1948. Отчет об археологических разведках на территории Брянской области, по р. Десне / Архив ИА РАН. Р-I. № 226.

Миненко В. В., 1998. Отчет об археологических работах в Брянской области в 1998 г. / Архив ИА РАН. Р-I. № 24162.

Миненко В. В., Разумов И. Н., Новиков В. В., Сироштан И. И., 2023. Новое «забытое» городище Вщиж-4 («Городец»): использование современных геодезических методов для проверки архивных данных о памятниках археологии // ТТЗ. Вып. 15 / отв. ред. А. Н. Хохлов. Тверь: ТНИИР-Центр. С. 394–409.

Поляков Г. П., Миненко В. В., 2004. Каменные кресты Вщижского курганного некрополя в урочище «Кальница» // Деснинские древности. Сб. матер. межгос. науч. конф., посвященной памяти Ф. М. Заверняева. Вып. III / Ред. Е. И. Прокофьев. Брянск: Изд. Клинцовской гор. тип. С. 154–167.

Поляновский И. Н., 1844. Село Вщиж // Санкт-Петербургские ведомости. 28 апреля (№ 94). С. 415–416.

Пупарев А. Г., 1877. Древние городища и курганы в Орловской губернии // Материалы для истории и статистики Орловской губернии. Т. 1. Орел: Тип. Губ. Правления. С. 59–108.

Рыбаков Б. А., 1949. Отчет об археологических раскопках во Вщиже и его окрестностях / Архив ИА РАН. Р-I. № 1680.

Смирнов А. С., Нигматуллин Р. А., 1986. Отчет «Работы Деснинской экспедиции в 1986 году» / Архив ИА РАН. Р-I. № 11358.

Успенская Л. В., Фехнер М. В., 1956. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X–XIII вв.» // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. члена-корр. АН СССР Б. А. Рыбакова. М.: Гос. изд. культурно-просв. лит-ры. (Тр. ГИМ. Вып. 32). С. 139–251.

Чуев С. А., 1903. Результат раскопок, произведенных в Брянском уезде Орловской губернии летом 1901 года // Тр. ОУАК за 1901 и 1902 гг. Орел: Типо-Лит. М. П. Гаврилова. С. 1–7.

V. V. Minenko, I. N. Razumov, A. A. Minenko, I. I. Siroshtan

Ancient Russian Burial Mounds in the Vicinity of the Chronicle City of Vshchizh: the History of the Study and New Data (Bryansk Region, Zhukovsky District)

Summary

The article describes the history of the study of ancient Russian mounds in the vicinity of the village of Vshchizh of the Zhukovsky municipal District of the Bryansk region, starting from the 19th c., as well as the results of work on identifying archaeological monuments known from archival sources using a combination of modern non–invasive scientific method – aerial laser scanning of the area and subsequent verification of the data obtained by “traditional” field archaeological exploration. The combination of tools made it possible to confirm archival information, locate and return to scientific circulation an object of cultural heritage – the kurgan, which is the remains of a burial mound in the Prastitsa tract and is a part of the complex of monuments of the ancient Russian city of Vshchizh.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.25-35

В. В. Миненко, И. И. Сироштан, И. Н. Разумов
Институт археологии РАН (г. Москва)

Проблемы идентификации и локализации археологических памятников, известных по архивным источникам (на примере курганных могильников Горышкино)

В 2024 г. сотрудники Института археологии РАН в рамках государственного контракта по организации экспертизы для включения объектов культурного (археологического) наследия в Единый государственный реестр проводили работы на территории Одинцовского городского округа Московской области.

Важным этапом при подготовке исследования стал анализ архивных материалов (отчетов о полевых исследованиях), хранящихся в ИА РАН, а также сведений, доступных в научной литературе, в частности, издании «Археологическая карта России: Московская область» 1994–1997 гг. Дополнительно в органах охраны культурного наследия (ГУКН МО) была запрошена и получена учетная документация об объектах. Также использовались данные GIS, разработанной в ОСАН ИА РАН по объектам археологического наследия Московской области.

В ряде случаев при анализе имеющихся в нашем распоряжении данных возникли затруднения, связанные с идентификацией и локализацией археологических памятников, известных ранее по архивным источникам, но выпавшим на длительное время из поля зрения исследователей, в том числе:

– расхождение информации об одних и тех же памятниках в исследованиях разных авторов (таких параметров, как общее количество насыпей в составе курганных могильников, их высота и т. п.);

– различия в географической локализации памятника по данным исследователей;

– несоответствие архивных данных и сведений из учетной документации.

В настоящей работе мы рассмотрим проблемы, возникшие при идентификации и локализации известных по архивным источникам курганных могильников у д. Горышкино Одинцовского г. о. Московской области.

По информации Р. Л. Розенфельдта, в 1988 г. вблизи д. Горышкино было известно семь курганных могильников (*Розенфельдт*, 1988. С. 709–713). В 2024 г. в окрестностях д. Горышкино и пос. Горки-10, по архивным сведениям, насчитывается уже не менее 15 курганных групп (АКР, 1994. С. 140, 141; 1997. С. 244, 245; *Лазукин*, 2003. С. 35–38; 2018. С. 105–125) (рис. 1). Для раскрытия проблемы, обозначенной в названии настоящей публикации, мы остановимся на двух из них – курганных могильниках XI–XIII вв. Горышкино-1 и Горышкино-11 (Горышкино-2).

Данные памятники впервые отмечены на военно-топографической карте Москвы и окрестностей 1838 г. (рис. 2) и впоследствии неоднократно осматривались специалистами: Н. С. Елагиным в 1920-х гг.[1], затем Ю. А. Красновым (1957а. С. 34; 1957б. С. 19), Р. Л. Розенфельдтом (1977а. С. 30, 31; 1977б. С. 88; 1988), А. А. Юшко (1981. С. 7. Рис. 29), Г. Л. Новиковой (1986а. С. 27–35; 1986б. С. 23–32), А. В. Лазукиным в 2003 и 2021 гг. (2003. С. 35, 36, 38. Илл. 85, 142, 158, 159; 2021. С. 29–31. Илл. 61–69). В 1959 г. Ю. А. Краснов в группах Горышкино-1 и Горышкино-2 раскопал четыре кургана (*Краснов*, 1959. С. 22–30; Рис. 26, 27; Чер. 4–8; 1962. С. 302–304). В 1994 г. информация об этих курганных могильниках опубликована в издании «Археологическая карта России: Московская область» (1994. С. 140), а в 2014 г. их внесли в список

[1] Паспорт памятника истории и культуры «Горышкинские курганы. Группа № 1» / Сост. Р.Л. Розенфельдт. М., 1977.

Рис. 1. Расположение курганных могильников вблизи д. Горышкино и п. Горки-10 Одинцовского г.о. Московской обл. Съемка местности 02.02.2021

1 – Горышкино-1; *2* – Горышкино-11 (Горышкино-2); *3* – Горышкино-3; *4* – Горышкино-4; *5* – Горышкино-5; *6* – Горышкино-6 (Горышкино-10); *7* – Горышкино-7; *8* – Горышкино-8; *9* – Горышкино-9; *10* – Горки – 10.1; *11* – Горки Х-2; *12* – Горышкино-12; *13* – Горышкино-13. *а* – кург. группы, стоящие на учете и охране, обследованные в 2024 г.; *б* – кург. группы, стоящие на учете и охране; *в* – кург. группы, известные по архивным данным

Рис. 2. Фрагмент военно-топографической съемки Москвы и окрестностей (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1, ч. 3. Ед. хр. 3641. Ч. 2. Л. 3. 1838 г.)
1 – кург. мог-к Горышкино-1; *2* – кург. мог-к Горышкино-11 (Горышкино-2)

выявленных объектов культурного наследия Московской области[2].

В 2018 г. А.В. Лазукин опубликовал подробное описание археологического материала могильника Горышкино-1, происходящего как из научных, так и грабительских раскопок (*Лазукин*, 2018. С. 113–118).

Анализ информации о составе и месте нахождения памятников, приведенных в различных источниках, позволил предположить, что исследователи допускали существенные неточности при обследовании памятников, расположенных в одном микрорегионе (см. табл. 1).

Очевидны определенные расхождения как в количестве насыпей в курганных могильниках, так и в их локализации.

Курганный могильник Горышкино-1 (рис. 3), по информации Р.Л. Розенфельдта, известен как минимум с начала XX в., и там «в 1920-х гг. Н.С. Елагиным был раскопан 1 курган»[3] – вероятно, колодцем или траншеей по методике раскопок славянских курганов того времени.

В 1957 г. могильник осмотрен Ю.А. Красновым и включен в научный отчет как «Горышкинская курганная группа» (*Краснов*, 1957а. С. 34). На памятнике, определенном исследователем как «группа А», насчитано 22 насыпи, и две из них в 1959 г. раскопаны «на снос, кроме тех частей насыпи, где росли крупные деревья» (*Краснов*, 1959. С. 23).

Таким образом, в группе Горышкино-1 после работ Ю.А. Краснова осталось 20 насыпей, не за-

[2] Распоряжение Министерства культуры Московской области от 8 декабря 2014 г. № 14РВ-168 «Об осуществлении государственного учета выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Московской области».

[3] Паспорт памятника истории и культуры «Горышкинские курганы. Группа № 1» / Сост. Р.Л. Розенфельдт. М., 1977.

Таблица 1. **Информация о курганных группах у д. Горышкино в архивных источниках.**

Исследователь / источник	Год	Горышкино-1			Горышкино-11 (Горышкино-2)		
		Насыпи, шт.	Расстояние до н/п, км	Направлен. от н/п	Насыпи, шт.	Расстояние до н/п, км	Направлен. от н/п
Краснов Ю.А.	1957	22	1,0	ЗСЗ	–	–	–
	1959	22	1,0	ЗСЗ	2	~1,5	СЗ
Юшко А.А.	1981	–	–	–	3	~1,5	СЗ
Новикова Г.Л.	1986	30	1,0	ЗСЗ	–	–	–
Розенфельдт Р.Л.	1977	Н.д.	0,30–0,35	С	–	–	–
	1988	30	0,3	ЗСЗ	2	~1,5	СЗ
Лазукин А.В.	2003	30	0,7	СЗ от С окраины	7	0,4	СЗ от С окраины
Паспорт	1977	22	1,0	СЗ	–	–	–
	1981	–	–	–	3	1,5	СЗ
АКР	1994	23 (сохр. 20)	0,8	СЗ от С окраины	3	0,8	ЗСЗ
Учетная документация	2014	Н.д.	0,2	СЗ от С окраины	Н.д.	0,3	СЗ от С окраины
Заключение Звенигородского музея	2021	–	–	–	7 (сохр. 2)	0,15–0,20	СЗ от С окраины

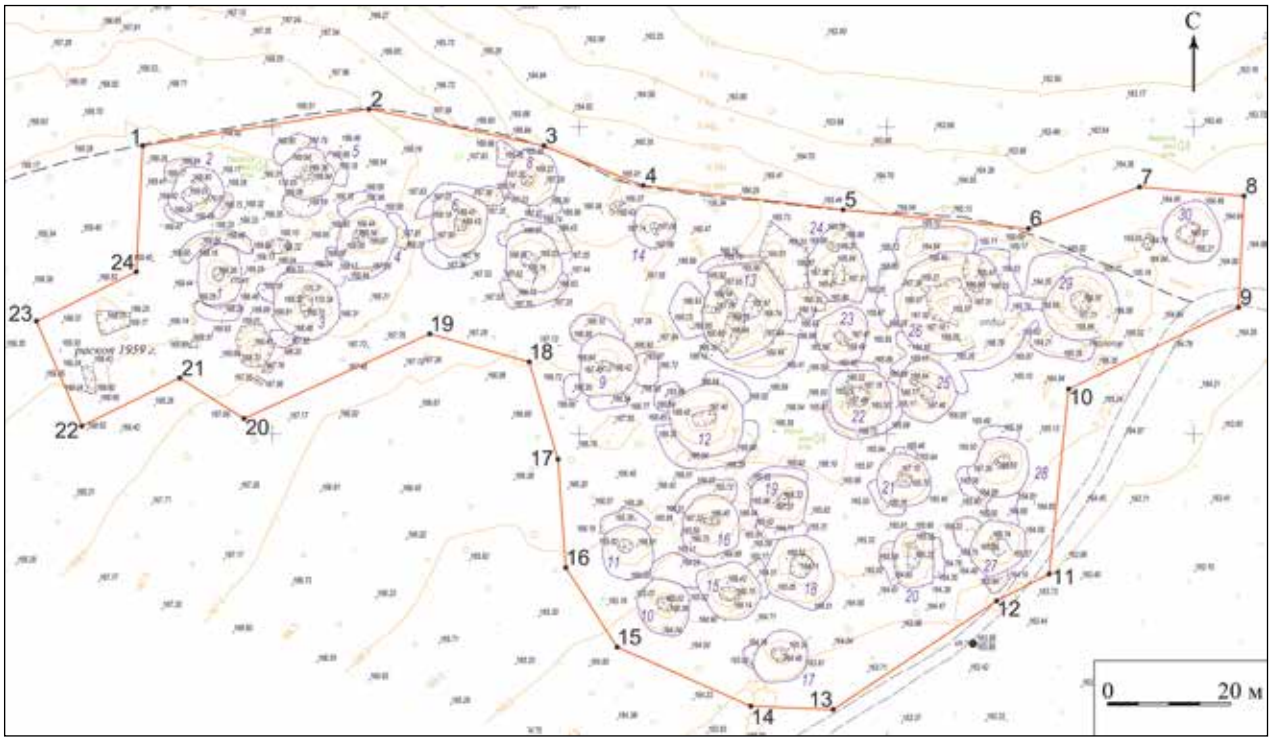

Рис. 3. Курганный могильник Горышкино-1. Топографический план 2024 г.

тронутых раскопками, из 22, что отражено в паспорте памятника, составленном Р. Л. Розенфельдтом в 1977 г., а затем в «Археологической карте России» (1994. С. 140).

Однако при осмотре памятника в 1986 г. Г. Л. Новикова насчитала уже 30 курганных насыпей (*Новикова*, 1986а. С. 27). При этом в научном отчете она отмечает, что именно эту группу раскапывали Н. С. Елагин и Ю. А. Краснов. Спустя два года вслед за ней эту информацию повторил Р. Л. Розенфельдт (1988. С. 709). Кроме того, Г. Л. Новикова, предваряя описание археологических предметов, переданных

в Звенигородский музей местным краеведом А. В. Лазукиным[4], указывает: «В феврале 1987 г. он передал в музей приводимые ниже материалы о раскопанных курганах в первой Горышкинской группе (по его нумерации № XI), рисунки вещей и собственный топографический план этой группы, на котором, к сожалению, отсутствует масштаб» (*Новикова*, 1986а. С. 29). Очевидно, имело место недопонимание между исследователями относительно нумерации памятников, поскольку А. В. Лазукин четко идентифицировал курганный могильник Горышкино-1 (*Лазукин*, 2003. С. 35, 36. Илл. 142), а под № 11 у него обозначен другой объект, о чем речь пойдет ниже. Тем не менее, видимо, на основе полученной информации в топоплане Г. В. Новикова корректирует номер памятника – «курганная группа XI (I)» (*Новикова*, 1986б) (рис. 4; 5).

Вторая группа курганов у д. Горышкино впервые отмечена Ю. А. Красновым в 1959 г. как «группа В», которая «состоит всего из двух невысоких насыпей, расположенных на расстоянии 25 м одна от другой. Группа находится на расстоянии около 500 м к северо-западу от группы А, на противоположном берегу глубокого оврага» (*Краснов*, 1959. С. 23) (рис. 6). Оба кургана (высота кургана № 1 – 1,45 м, кургана № 2 – 1,05 м) в группе в том же году раскопаны под снос.

В 1981 г. курганный могильник Горышкино-2 обследовала А. А. Юшко. Исследователем отмечено, что он расположен в 500 м к северо-западу от группы Горышкино-1 и состоит из трех курганов, два из которых раскопаны Ю. А. Красновым, а некопаный курган имеет высоту 0,5 м (*Юшко*, 1981. С. 7). На снятом инструментальном плане памятника (рис. 7) указано, что на расстоянии 0,4 км к востоко-северо-востоку находится курганный могильник Горышкино-1 (*Юшко*, 1981. Рис. 29). Эта информация вошла и в паспорт памятника, составленного в том же 1981 г.[5]

По мнению Р. Л. Розенфельдта, А. А. Юшко «смотрела не 2-ю группу курганов у с. Горышкино, а курганную группу № 7, ранее неизвестную. (…) Эта группа курганов расположена на левом берегу ручья (приток р. Вяземки), протекающего к северу от с. Горышкино – в 400 м к ЮЗ от курганной группы Горышкино-1» (*Розенфельдт*, 1988. С. 710).

Однако ближайший курганный могильник (Горышкино-7 по Р. Л. Розенфельдту), расположенный к юго-западу от курганной группы Горышкино-1, находится на расстоянии не менее 1,1 км (рис. 1),

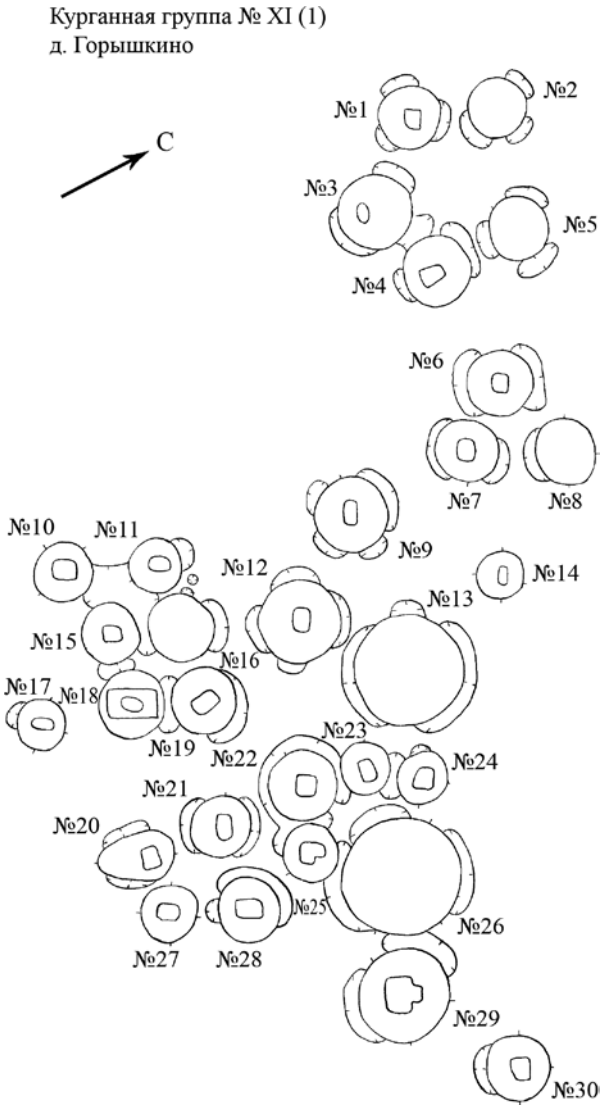

Рис. 4. Курганная группа № XI (1). Топографический план (по: *Новикова*, 1986)

что дополнительно подтвердили авторы этой статьи в 2024 г. в ходе пешей археологической разведки. Кроме того, в отчете А. А. Юшко описаны две курганные группы – Горышкино-4 и Горышкино-5 (*Юшко*, 1981. С. 6, 7), находящиеся на расстоянии около 1200–1300 м к юго-западу от 1-й группы. На инструментальном плане могильника Горышкино-5 (*Юшко*, 1981. Рис. 32) указано направление на группу Горышкино-2 и расстояние 0,2 км к северо-западу (рис. 8). Однако ближайшим памятником в данном направлении является курганный могильник Горышкино-4, что также проверено нами во время обследования в 2024 г. А далее, но уже на противоположном, левом берегу ручья

[4] В настоящее время А.В. Лазукин – старший научный сотрудник Одинцовского историко-краеведческого музея.

[5] Паспорт памятника истории и культуры «Курганная группа Горышкино-2» / Сост. А.А. Юшко. М., 1981.

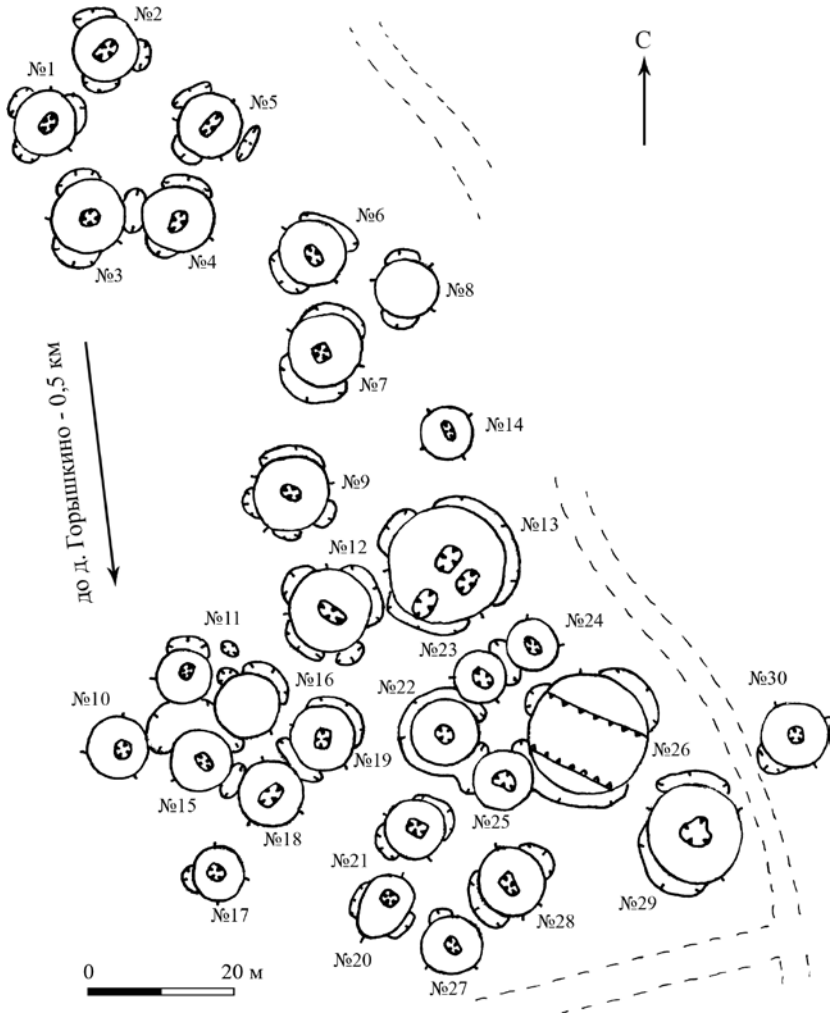

Рис. 5. Курганный могильник Горышкино-1.
Топографический план (по: *Лазукин*, 2003. С. 175. Илл. 142)

на расстоянии не менее 600 м в указанном в отчете направлении расположен курганный могильник Горышкино-7 (рис. 1).

Логично предположить, что текстовая часть научного отчета А. А. Юшко более достоверна, чем графическая, и ею действительно осмотрен могильник, расположенный на расстоянии 0,5 км к северо-западу от курганной группы Горышкино-1. На топоплане же стоит констатировать досадную ошибку исследователя: корректным было бы указание юго-восточного направления. К сожалению, эта же ошибочная информация опубликована в «Археологической карте России» (1994. С. 140).

К северо-западу от курганной группы Горышкино-1 на расстоянии 0,5–0,6 км находится курганный могильник Горышкино-3, XII–XIII вв., структура и расположение которого подходят под описания, составленные Ю. А. Красновым и А. А. Юшко. В состав могильника входят 22 насыпи, протянувшиеся с севера на юг, при этом три крайних кургана (№ 1–3) находятся на удалении 35–50 м к югу от основной части группы. Курганы сильно повреждены ямами, возможно, представляющими собой следы археологических раскопок. При этом расположены они на противоположном от могильника Горышкино-1 берегу глубокого (до 10 м) оврага, что отмечено Ю. А. Красновым.

Возможно, в условиях сильно залесенного ландшафта, упоминаемого всеми исследователями и сохраняющегося в настоящее время, основная часть группы осталась не замеченной ни Ю. А. Красновым, ни А. А. Юшко. Курганный могильник Горышкино-3 выявлен Р. Л. Розенфельдтом в 1977 г., и, хотя исследователь насчитал только 19 насыпей, на топоплане зафиксированы два кургана, расположенные на удалении к югу от основной части памятника (*Розенфельдт*, 1977а. С. 31; 1977б. С. 88).

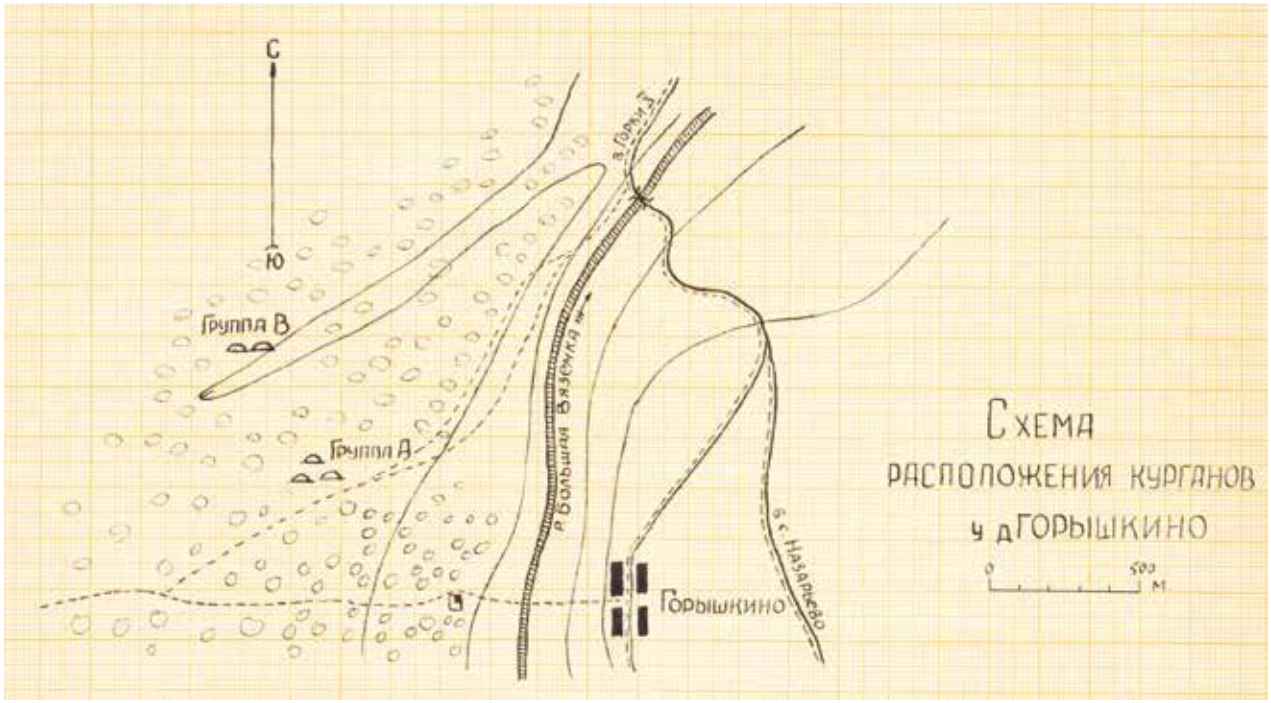

Рис. 6. Схема расположения курганов у д. Горышкино (по: *Краснов*, 1959. Черт. 4)

Рис. 7. План курганной группы Горышкино-2 (по: *Юшко*, 1981. С. 39. Рис. 29)

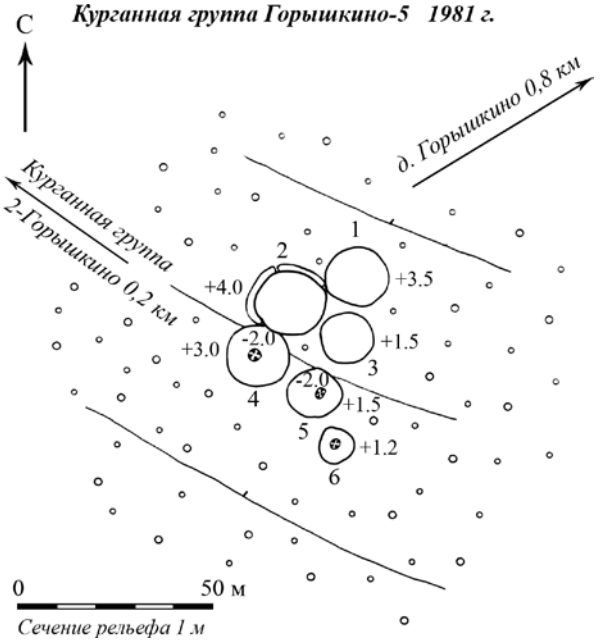

Рис. 8. План курганной группы Горышкино-5 (по: *Юшко*, 1981. С. 42. Рис. 32)

Можно предположить, что «группа В», исследованная Ю. А. Красновым в 1959 г., и курганная группа Горышкино-2, осмотренная А. А. Юшко в 1981 г., – это южная часть курганного могильника Горышкино-3, включенного в список выявленных объектов культурного наследия Московской области и датированного XII–XIII вв.[6] Однако есть несколько фактов, ставящих под сомнение данное предположение. В первую очередь на инструментальном плане, снятом А. А. Юшко, курганы вытянуты в линию с западо-юго-запада на востоко-северо-восток, в то время как фактически их совместное расположение по форме напоминает треугольник (рис. 9). Высота сохранившихся на 2024 г. насыпей курганов (0,7–2,3 м) не совпадает с отмеченной в отчете А. А. Юшко (0,2–0,5 м) и слабо соотносится с пониманием курганов, раскопанных под снос, на что указывает Ю. А. Краснов. Фактическое расстояние между курганами составляет от 3 до 7 м (у Ю. А. Краснова, напоминаем, 25 м, на плане А. А. Юшко – не более 8 м). Кроме того, на плане 1981 г. курганы расположены на относительно ровной местности, имеющей плавное понижение к юго-востоку, в то время как с западной и южной сторон менее чем в 20–25 м от курганов южной оконечности группы Горышкино-3 начинается крутой склон глубокого оврага.

В соответствующий том «Археологической карты России» могильник, исследованный Ю. А. Красновым, включен в раздел «Несохранившиеся археологические памятники» (АКР, 1994. С. 256).

Таким образом, нужно констатировать, что курганная группа Горышкино-2 в настоящее время на местности точно не локализована. Возможно, дополнительные полевые исследования в данном микрорегионе позволят обнаружить этот памятник.

Курганный могильник Горышкино-11 (Горышкино-2) впервые выявлен А. В. Лазукиным как минимум в 1980-х гг., обследован им же в 2003 и 2021 гг. Отмечено, что группа состоит из семи насыпей и расположена «в 50 м к юго-западу» от курганного могильника Горышкино-1, «местное население называет их “Курганы у лесника”, так как в 50 м к юго-западу от группы находится усадьба лесника Н. Н. Кузнецова. (…) Большинство насыпей нарушены ямами. Материал из раскопок утрачен» (*Лазукин*, 2003. С. 38. Илл. 85, 158; 2018. С. 118) (рис. 10). При постановке на учет памятнику присвоен порядковый № 11 (2)[7], наличие двойного номера объяснялось тем фактом, что в АКР «в этом месте расположена группа Горышкино-2 из трех насыпей, которая к настоящему времени не локализована (не сохранилась?)» (*Лазукин*, 2021. С. 2). Однако, как мы отмечали выше, курганный могильник Горышкино-2 ни по архивным данным, ни по описанию в АКР, ни фактически (по итогам обследования 2024 г.) не располагается в этом месте. Поэтому присвоение двойного номера представляется ошибочным.

Анализ архивной документации и результаты полевых исследований 2024 г. позволяют сделать вывод, что курганная группа Горышкино-11 (Горышкино-2) – это не самостоятельный памятник, а часть курганного могильника Горышкино-1. Для курганных могильников Подмосковья довольно распространенным является наличие отдельных курганов, вынесенных за пределы основного скопления насыпей. Можно привести в пример уже упоминавшийся в настоящей работе курганный могильник Горышкино-3 или курганный могильник Дарьино-2, расположенный у одноименной деревни Одинцовского г. о., в раскопках которого

[6] Распоряжение Министерства культуры Московской области от 22 декабря 2014 г. № 14РВ-178 «Об осуществлении государственного учета выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Московской области».

[7] Распоряжение Министерства культуры Московской области от 8 декабря 2014 г. № 14РВ-168 «Об осуществлении государственного учета выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Московской области».

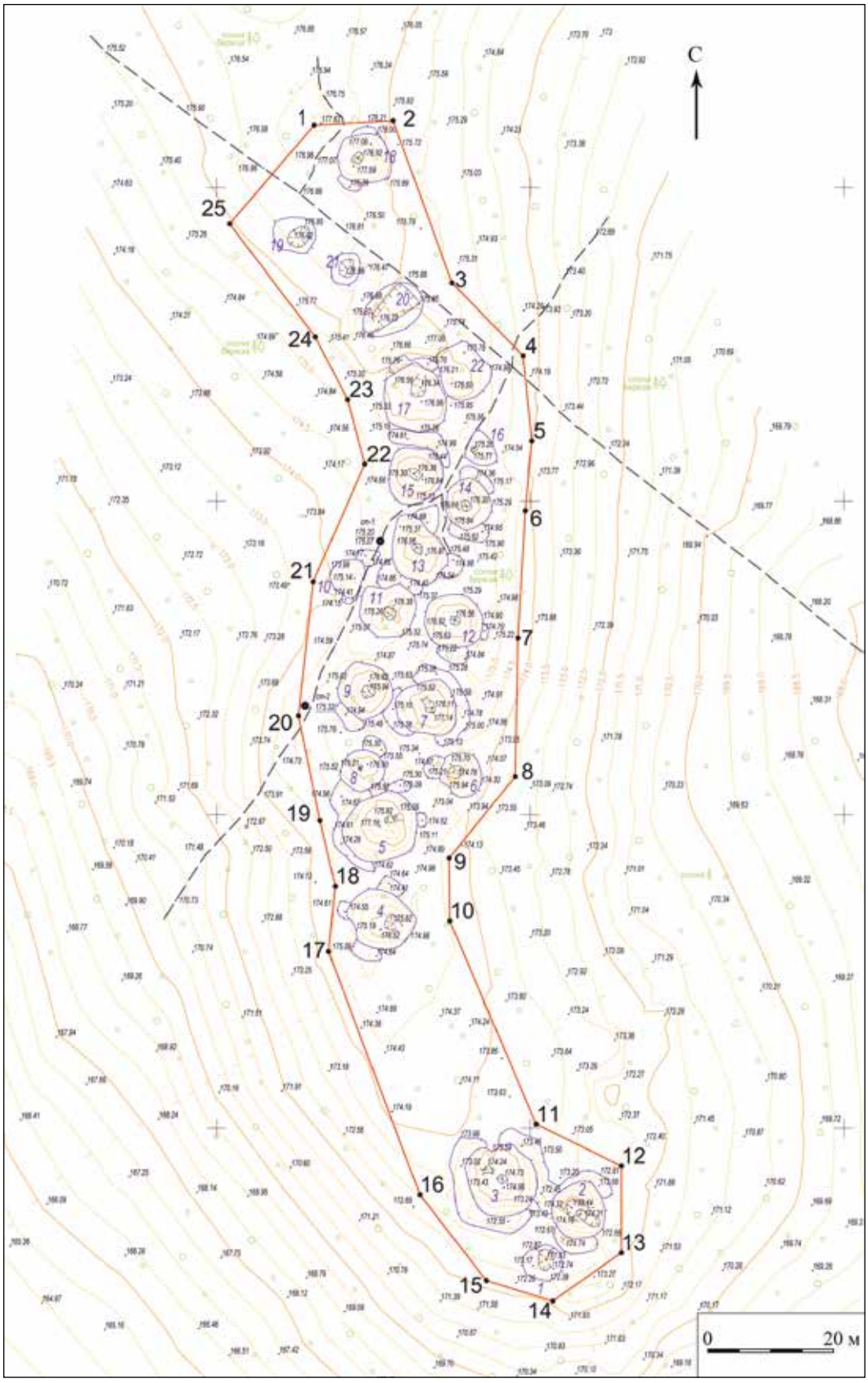

Рис. 9. Курганный могильник Горышкино-3: топографический план 2024 г.

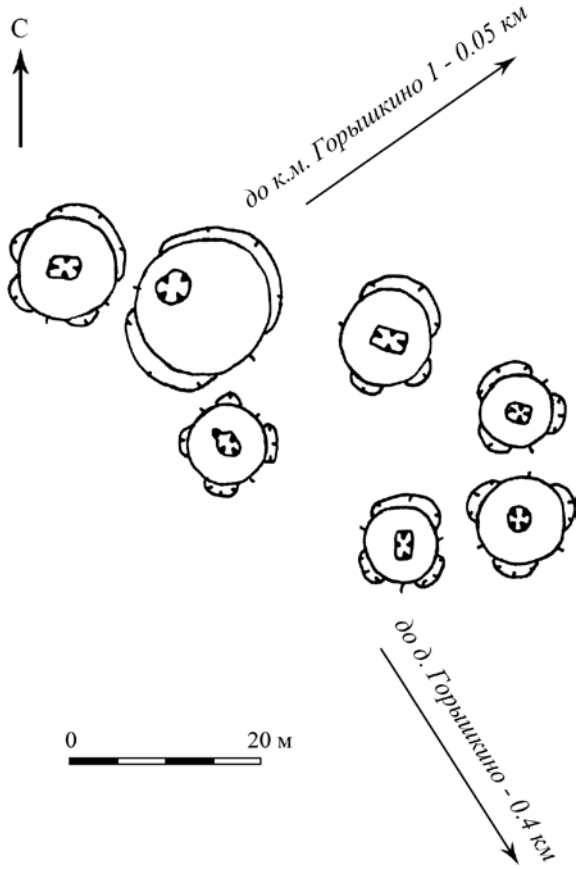

Рис. 10. Курганный могильник Горышкино-11. Топографический план (по: *Лазукин*, 2003. С. 186. Илл. 158)

в 2017 г. авторы принимали непосредственное участие (*Федонин и др.*, 2018. С. 398–409).

К сожалению, в ходе проведения полевых работ 2024 г. не удалось получить доступ к памятнику Горышкино-11 (Горышкино-2). Территория, на которой находится курганный могильник, застроена частными домовладениями и огорожена. В 2021 г. А. В. Лазукин выявил факт уничтожения в ходе строительных работ значительной части могильника (5 из 7 насыпей; *Лазукин*, 2022. С. 30, 31. Илл. 68–69). По итогам обследования от имени директора Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея Г. А. Стоенко в адрес Главного управления культурного наследия Московской области направлено соответствующее заключение.

На спутниковых снимках, датированных 2021 г., еще прослеживаются до трех сохранившихся насыпей, но на снимках 2023 г. объекты, которые можно идентифицировать как курганы, в данном месте уже отсутствуют. Очевидно, в настоящее время эта часть курганного могильника полностью уничтожена.

Таким образом, анализ архивного материала и уточнение результатов кабинетных исследований в ходе проведения полевых работ позволяют сделать вывод, что при учете памятников, расположенных вблизи д. Горышкино Одинцовского городского округа Московской области, допущены определенные неточности. Так, курганный могильник Горышкино-11 (Горышкино-2) на самом деле является частью курганного могильника Горышкино-1, в то время как курганный могильник Горышкино-2 опубликован под № 319 в АКР с ошибкой в локализации на основе топографических данных. При определенных допущениях его можно соотнести с южной частью курганного могильника Горышкино-3, но очевидно, что на данный момент он не локализован на местности со 100-процентной уверенностью. Возможно, группа Горышкино-2 действительно существовала на указанном в АКР месте (0,4 км к юго-западу от курганного могильника Горышкино-1) и в настоящее время полностью утрачена в результате вырубки леса с применением тяжелой техники еще в начале 2000-х гг. либо иного антропогенного воздействия.

Отдельно стоит отметить проблему с государственным учетом памятников, известных по архивным источникам и включенных в различные справочники и научные публикации. Стандартная практика постановки на учет объектов культурного наследия предполагает последовательное присвоение номеров выявленным памятникам. Однако относительно курганных могильников, расположенных вблизи д. Горышкино, имеется учетная документация на группы № 1, 3 и 11 (2), в то время как объекты № 4–10 в списках объектов, подлежащих государственному учету и охране, отсутствуют. Очевидно, что значительная часть известных курганных групп на государственный учет до настоящего времени не поставлена.

Применение комплексного подхода к локализации объектов культурного наследия является необходимым условием при включении их в Единый государственный реестр. Только интеграция данных из архивных источников, учетной документации и результатов полевых исследований позволяет минимизировать расхождения, устранить неоднозначности в интерпретации и обеспечить точность локализации выявленных памятников археологии. Изолированное использование отдельных источников информации неизбежно приводит к разночтениям и ошибкам, что может затруднить дальнейшую работу с объектами культурного наследия и их сохранение.

Литература

АКР. Московская область. Ч. 1 / Сост. Г. Г. Король, Ю. А. Краснов, Т. Д. Николаенко, Б. Е. Янишевский. М.: ИА РАН, 1994. 320 с.

АКР. Московская область. Ч. 4 / Сост. Г. Г. Король, Т. Д. Николаенко, Б. Е. Янишевский. М.: ИА РАН, 1997. 352 с.

Краснов Ю. А., 1957а. Отчет об археологической разведке в Звенигородском, Рузском и Истринском районах Московской области летом 1957 года по открытому листу № 78 / Архив ИА РАН. Р-I. № 1432.

Краснов Ю. А., 1957б. Приложение к отчету об археологической разведке в Звенигородском, Рузском и Истринском районах Московской области / Архив ИА РАН. Р-I. № 1433.

Краснов Ю. А., 1959. Отчет о работе археологической экспедиции в Кунцевском районе Московской области летом 1959 года по открытому листу № 58 и № 59 / Архив ИА РАН. Р-I. № 1891.

Краснов Ю. А., 1962. Курганы с трупосожжениями у д. Горышкино // СА. № 3. С. 302–304.

Лазукин А. В., 2003. Отчет об археологических разведках на территории Одинцовского района Московской области в 2003 году / Архив ИА РАН. Р-I. № 28785.

Лазукин А. В., 2018. Погребальные памятники XI–XIII веков в бассейне реки Вязёмки // АП. Вып. 14 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 105–125.

Лазукин А. В., 2021. Отчет об археологических полевых работах (археологических разведках) в бассейне р. Москвы и ее притоков в Одинцовском районе Московской области в 2021 г. / Архив ИА РАН. Р-I.

Новикова Г. Л., 1986а. Отчет о работе в Одинцовском районе Московской области в 1986 году / Архив ИА РАН. Р-I. № 11502.

Новикова Г. Л., 1986б. Альбом иллюстраций к отчету о работе в Одинцовском районе Московской обл. в 1986 г. / Архив ИА РАН. Р-I. № 11502а.

Розенфельдт Р. Л., 1977а. Отчет о работах разведочного отряда Мещерской экспедиции ИА АН СССР / Архив ИА РАН. Р-I. № 6679.

Розенфельдт Р. Л., 1977б. Отчет о работах разведочного отряда Мещерской экспедиции ИА АН СССР. Альбом иллюстраций / Архив ИА РАН. Р-I. № 6679а.

Розенфельдт Р. Л., 1988. Археологическая карта Московской области. Ч. III. М. С. 710.

Федонин Р. А., Фатьков А. М., Миненко В. В., Слепова Я. Р., Аникин И. С., 2018. Курганный могильник Дарьино-2 (Московская область, Одинцовский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25). С. 398–409.

Юшко А. А., 1981. Отчет о работе разведочного Подмосковного отряда в 1981 г. / Архив ИА РАН. Р-I. № 8658.

V. V. Minenko, I. I. Siroshtan, I. N. Razumov

Problems of Identification and Localization of Archaeological Sites Known from Archival Sources (on the Example of the Burial Mounds “Goryshkino”)

Summary

The article highlights the results of the 2024 work carried out by the staff of IA RAS within the framework of the state contract for the organization of expertise for the inclusion of cultural (archaeological) heritage sites in the Unified State Register in the village of Goryshkino, Odintsovo city district, Moscow region, and the problems encountered in the identification and localization of the burial mounds known from archival sources Goryshkino-1 and Goryshkino-11 (Goryshkino-2). The analysis of archival material and the refinement of the results of desk research during field work made it possible to identify and eliminate inaccuracies made by researchers of previous years during the survey and accounting of monuments.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.36-42

Д. Ю. Бадеев, А. М. Юдина
Институт археологии РАН (г. Москва)

Курганно-грунтовый могильник Новенькое-1. Оценка круга родственных связей погребенных (предварительные данные)

В ходе охранно-спасательных археологических работ 2022 г. в Калининском районе Тверской области (500 м от северной административной границы г. Твери, в 80–100 м к югу от д. Новенькое, на левом берегу руч. Жорновка, недалеко от места его в падения в р. Тверцу) на территории курганно-грунтового могильника Новенькое-1, известного также как курганная группа Новенькое 1 (23 насыпи) или курганный могильник Новенькая (Жерновка) (АКР, 2003. С. 65; *Рудников*, 1995; *Исланова*, 2008), исследованы ингумации, располагавшиеся как под курганными насыпями, так и в межкурганном пространстве. Всего в ходе работ 2022 г. зафиксировано 42 кургана разной степени сохранности (рис. 1). Высота курганов колебалась от 20 до 230 см. Диаметр оснований насыпей составлял от 250 до 640 см. В границы раскопа попали 33 насыпи и 38 погребений в межкурганном пространстве (рис. 2). По одной могильной яме содержали 22 кургана, по две отмечено под тремя курганами, три – под четырьмя, еще под двумя насыпями, практически полностью уничтоженными примыкающим с востока и юго-востока песчаным карьером, могильных ям не зафиксировано. Все погребенные располагались в ямах, с общей ориентировкой запад – восток, вытянуто на спине, головой на запад. В большинстве зафиксированных случаев руки погребенных, чуть согнутые в локтях, располагались либо в области таза, либо в области грудной клетки. Курганные насыпи сопровождались ровиками от одного до трех. Ровики в плане имели округлую, овальную или сегментовидную форму. В редких случаях на дне ровиков отмечались отдельные древесные угли и развалы небольших керамических сосудов. Среди особенностей могильника можно отметить присутствие значительного количества крупных или групп мелких камней как в заполнении ровиков курганов, так и у оснований насыпей, а также на уровне дневной поверхности грунтовых погребений. Незначительный погребальный инвентарь, а точнее сказать, детали погребального костюма представлены перстнеобразными височными кольцами из серебра и медного сплава; литыми медными пуговицами; ложновитыми, рубчатыми, щитковым перстнями и поясными пряжками (*Бадеев и др.*, 2024. Рис. 8). Данные предметы присутствовали как в погребениях под курганами (в 4 погребениях), так и без них (8 погребений). Курганно-грунтовый могильник у д. Новенькое, скорее всего, представляет собой некий переходный этап от курганной к бескурганной погребальной обрядности. В пользу этого говорят соотношение курганных и грунтовых погребений, глубина могильных ям (некоторые из них достигали метра), а также незначительное количество сопроводительного инвентаря в погребениях, представленного элементами одежды и украшениями. Использование каменных обкладок и крупных валунов является ярким признаком северо-западных русских земель, откуда в домонгольский период и осуществлялась активная колонизация Тверского Поволжья.

По керамическому материалу и индивидуальным находкам из заполнения ровиков, насыпей и могильных ям курганно-грунтовый могильник можно датировать в рамках XII–XIII вв. (*Бадеев и др.*, 2024. С. 60). Датировка по массовому материалу и индивидуальным находкам подтверждается и результатами радиоуглеродного датирования. Для комплексов, связанных с функционированием могильника и примыкающего к нему с востока, северо-востока селища, отобрано два образца для *AMS* ^{14}C датировки: древесный уголь из заполнения топочной камеры сыродутного горна (*PIT503*), последний располагался на западной периферии селища и был перекрыт курганными насыпями № 16 и 17 (рис. 1)

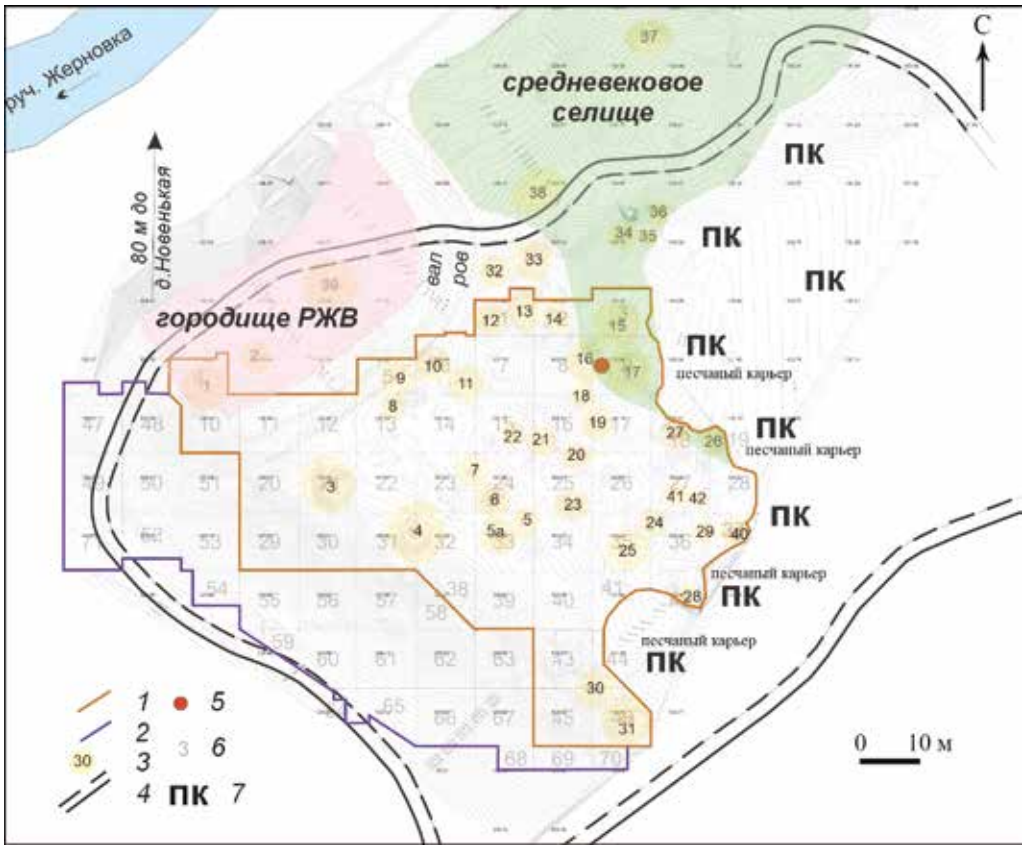

Рис. 1. Объекты археологического наследия у д. Новенькая (Тверская обл.). Топоплан
1, 2 – границы раскопов; *3* – курганные насыпи с номерами; *4* – грунтовые дороги; *5* – место выявления металлургического сыродутного горна (XII – начало XIII в.); *6* – номера участков раскопов; *7* – песчаный карьер

(*Бадеев*, 2025), а также обугленный фрагмент деревянного гробовища бескурганного погребения № 29 (*PIT505*). Календарный возраст образцов древесного угля получился идентичным – с вероятностью 2 σ (95,4%) определен в интервале 1156–1224 кал. л. н. э. (*OxCal 4.4, IntCal20*). В данном исследовании для нас важна не столько абсолютная датировка объектов, а тот факт, что относительные даты металлургического горна и грунтового погребения приходятся на небольшой интервал, что подчеркивает синхронность или близкие сроки их существования.

Конечно, по двум датам сложно реконструировать последовательность развития курганно-грунтового могильника, но здесь важно отметить еще один факт: по результатам раскопок не зафиксировано погребений, которые нарушили бы целостность курганных ровиков и насыпей или были бы в них впущены, напротив, край могильной ямы одного из бескурганных погребений (погребение № 16) оказался перекрыт полой насыпи кургана № 42. Осуществление погребения под насыпью могло произойти несколько позже бескурганного захоронения, однако нельзя исключать деформацию курганной насыпи в результате эрозионных процессов и перекрытие края погребения.

Топография расположения курганных насыпей и полученные идентичные радиоуглеродные даты из заполнения погребения № 29 в центральной части могильника и синхронно ему действующего металлургического горна на западной периферии селища позволяют наметить возможную последовательность развития могильника: первый этап связан с краем надпойменной террасы, где возникают крупные одиночные курганные насыпи (курганы № 1, 3, 4, 30, 31); на втором – территория могильника начинает распространяться в сторону синхронного им селища, западная и юго-западная периферия которого продолжала функционировать в момент появления курганов № 5а, 5–8, 10, 11, 20–25, 28, 29, 40–42 (к этой группе можно отнести также курганы № 2, 39, не попавшие в площадь охранных раскопок) и соответствующих межкурганных погребений, среди последних погребение № 29. На третьем этапе курганные насыпи (курганы № 12–19, 26, 27 в границах раскопа и № 32–38 за его пределами) возводятся уже

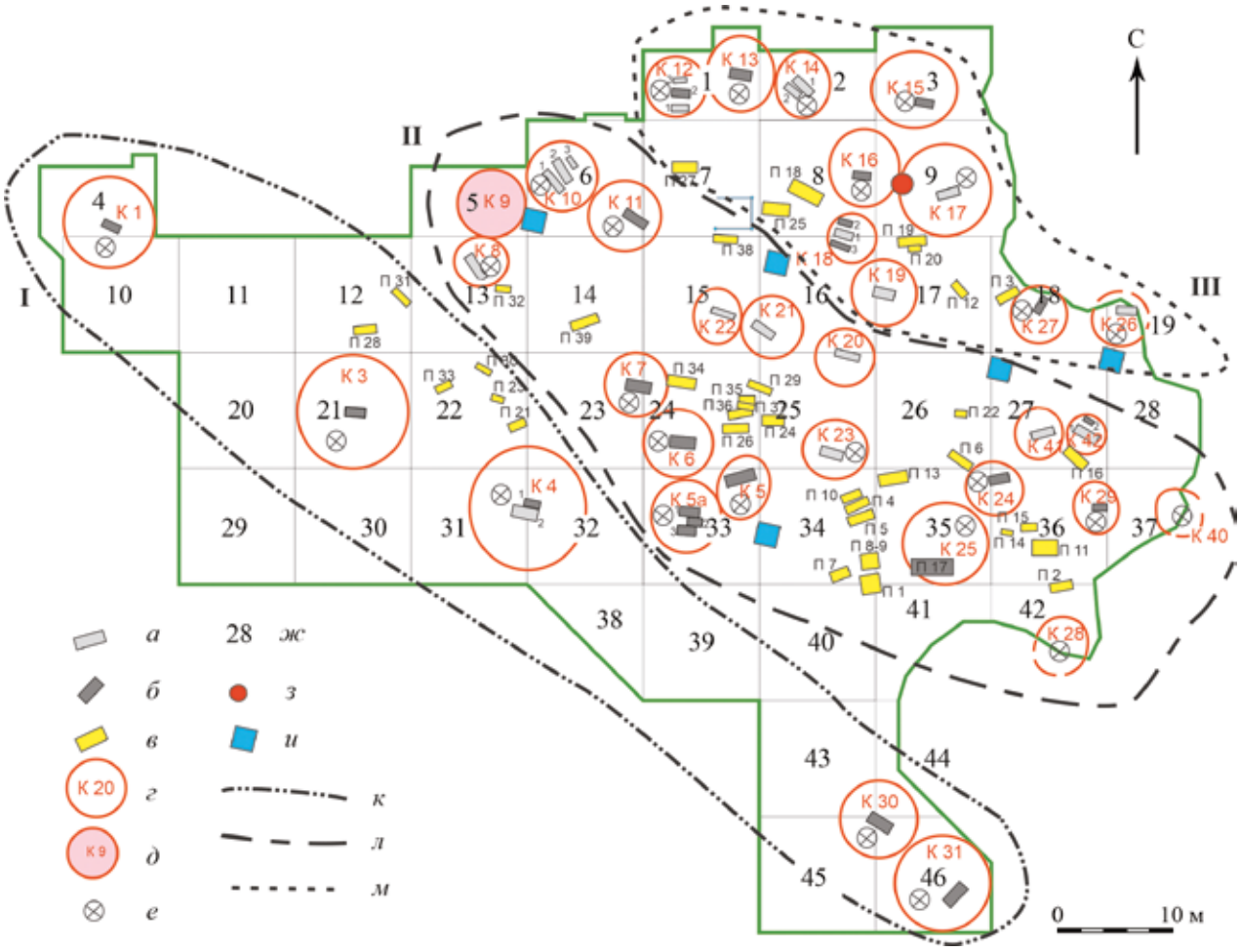

Рис. 2. Этапы развития курганно-грунтового могильника у д. Новенькая (Тверская обл.)
а – подкурганные погребения с удовлетворительной сохранностью костного материала; *б* – подкурганные погребения с плохой сохранностью костного материала; *в* – грунтовые погребения; *г* – курганы с обозначением номеров; *д* – насыпь, курганом не являлась; *е* – курганные насыпи с заметными нарушениями XIX–XX вв.; *ж* – номера участков раскопов; *з* – место расположения металлургического сыродутного горна; *и* – объекты (ямы) кон. XVIII – XIX в.; *к* – I этап существования могильника; *л* – II этап существования могильника; *м* – III этап существования могильника

на месте, где ранее функционировала металлургическая мастерская с сыродутным горном (рис. 2). При этом на остальной части могильника могли осуществляться погребения в межкурганном пространстве. Наибольшее количество бескурганных погребений относится ко второму этапу существования могильника. На участках 24, 25 и 34 (рис. 2) можно отметить несколько групп бескурганных погребений с высокой плотностью расположения могильных ям, что выделяет этот этап функционирования могильника от других.

Единовременность курганных и грунтовых погребений (по археологическим данным), а также оценка половозрастных характеристик погребенных в курганах и межкурганном пространстве говорят о единстве населения, оставившего могильник Новенькое-1 (*Юдина, Бадеев*, 2025). В связи с этим большой интерес представляет определение родства между индивидами. Предварительные результаты можно получить, опираясь на краниоскопические (дискретно-варьирующие (ДВП), фенетические) признаки черепа в контексте топографии погребений (Археология севернорусской деревни… 2009. С. 34–39). Это морфологические признаки, характеризующие нормальную изменчивость скелета человека и отражающие особенности генотипа *(Мовсесян*, 2022).

Фиксация признаков проводилась по краниофенетической программе московской школы (*Мовсесян и др.*, 1975; *Мовсесян*, 2005; 2022), в основе которой лежит модифицированная методика Э. Берри и Р. Берри (*Berry, Berry*, 1967). Из 36 ДВП в данной работе представлены только метопический шов (*SF*), вставочная кость заднего роднич-

Рис. 3. Дискретно-варьирующие признаки черепа
1 – П.24. Метопический шов; *2* – П.27. Множественные шовные косточки в лямбдовидном шве; *3* – курган 41. Вставочная кость заднего родничка, вставочная кость в сагиттальном и лямбдовидном швах; *4* – курган 42. П.1. Инд.1. Шовные косточки в лямбдовидном шве

ка (*OAL*), шовные косточки в лямбдовидном шве (*OWSL*) (для большей наглядности признак разделен на три варианта: множественные, две и одна косточка), вставочная косточка в сагиттальном шве (рис. 3). Помимо этого отмечены случаи отсутствия ДВП и невозможность их фиксации из-за плохой сохранности черепа (табл. 1).

Анализ дискретно-варьирующих признаков черепа показал высокую степень родственных связей в группе. Родство проявляется как внутри групповых захоронений в курганах и грунтовых погребений с несколькими индивидами, так и между группами индивидов из погребений под насыпями и без.

Самым многочисленным и фиксируемом даже в условиях плохой сохранности признаком стали шовные косточки в лямбдовидном шве (*OWSL*). Данный признак в количестве больше двух вставочных косточек (множественные) присутствует у мужчины и женщины из кургана № 10 (сохранность костной ткани ребенка из этого погребения не позволяет провести диагностику); у мужчин из курганов № 1, 11, 17, 21 и 22, а также у ребенка из кургана № 18. В погребениях из межкурганного пространства этот признак есть у мужчины из погребения № 27, женщины и ребенка из погребения № 4, а также детей из погребений № 8, 10, 32, 35, 37.

Две шовные косточки в лямбдовидном шве зафиксированы у мужчин из курганов № 41 и 42, женщин из курганов № 20 и 23, детей из курганов № 12 и 19. Среди погребенных в межкурганном пространстве данный признак имеется у мужчины из погребения № 18 и детей из погребений № 16 и 26.

Одна вставочная косточка в лямбдовидном шве есть у ребенка из кургана № 18 (погребение 2), а также у женщины из грунтового погребения № 5.

Вставочная косточка заднего родничка (на пересечении сагиттального и лямбдовидного швов) отмечена у женщины и ребенка из кургана № 14 и у мужчины из кургана № 41.

Вставочная косточка в сагиттальном шве присутствует у женщины из кургана № 10 (погребение 2) и у женщины из погребения № 24. Наличие метопических швов в этой группе отмечено только у женщин. Это курган № 14 (погребение 1), курган № 20 и бескурганные погребения № 5 и № 24. Фиксацию наличия или отсутствия признаков затрудняла

Таблица 1. **Наличие некоторых дискретно-варьирующих признаков черепа среди индивидов курганно-грунтового могильника Новенькое-1. (Жирным шрифтом и одинаковыми символами обозначены индивиды из одного кургана или одного бескурганного погребения.)**

Дискретно-варьирующие признаки (ДВП)	Погребения					
	курганные			грунтовые		
	мужчины	женщины	дети	мужчины	женщины	дети
Множественные шовные косточки в лямбдовидном шве	К1, **К10.П1**, К11, К17, К21, К22	**К10.П2**	**К18.П1**	П27	**<П4. Инд.1>**	**<П.4. Инд.2>**, П8, П10, П32, П35, ***П37. Инд.1***
2 шовные косточки в лямбдовидном шве	К41, **[К42.П1. Инд.1]**	К20, К23	К12.П1, К.19	П18	–	П16, **П26. Инд.2**
1 шовная косточка в лямбдовидном шве	–	–	**К18.П2**	–	П5, П24	–
Вставочная кость заднего родничка	К41	**К14.П1**	**К14.П2**	–	–	–
Вставочная кость в сагиттальном шве	–	**К10.П2**	–	–	П24	–
Наличие метопического шва	–	**К14. П1**, К20	–	–	П5, П24	–
Отсутствие ДВП	К3, К4, К8, К26	–	–	П13, П19, П39	П2, П6, П36, П38	**П1. Инд.1**, ***П37. Инд.2***
Невозможность фиксации	К5, К7, К24, К31, К15	–	К6, **К10.П3**, К12.П3, **К18.П3, [К.42.П2], [К42. П1.Инд.2]**	**«П11.Инд.1»**, П28, П29, П30, П34	**П1. Инд.3**, **«П11. Инд.2»**, П17, П21, П25	**П1. Инд.2**, П7, П8, П14, **П15. Инд.1**, **П15. Инд.2**, П20, П22, **П26. Инд.1** , П31, П100

степень сохранности материала. В целом сохранность была хуже у детских погребений, а также у погребений из межкурганного пространства.

Несмотря на присутствие палеоантропологических материалов плохой сохранности, полученные данные о распределении фенотипических маркеров позволяют утверждать наличие биологических связей разной степени близости внутри всей группы независимо от типа погребения, что вместе с предполагаемой динамикой развития могильника подтверждает синхронность функционирования его курганной и грунтовой частей.

Сквозной анализ распределения фенов позволил выявить маркеры, объединяющие популяцию на всех этапах существования могильника. Доминирующим признаком, характеризующим «генетическое ядро» группы, является наличие множественных вставочных косточек в лямбдовидном шве. Данный признак демонстрирует исключительную временную устойчивость: он фиксируется у индивидов раннего этапа (курган № 1), широко представлен в захоронениях периода расширения некрополя (курганы № 10, 11, 21, 22 и серия грунтовых погребений) и сохраняется на финальной стадии (курганы № 17, 18). Повсеместная встречаемость данного маркера как в подкурганных, так и в грунтовых захоронениях, включая детские (погребения № 8, 10, 32, 35, 37), служит надежным доказательством принадлежности всех умерших к единой биологической популяции, нивелируя различия в погребальном обряде.

Кроме того, по концентрации отдельных признаков в рамках локальных групп погребений мы можем осторожно предполагать наличие родовых (семейных) участков на территории курганно-грунтового могильника Новенькое-1. Так, например, выделяется восточный участок могильника (курганы № 41, 42 и погребение № 16), где преобладает один из признаков – две вставочные косточки в лямбдовидном шве (рис. 4). Стратиграфическое перекрытие грунтового погребения № 16 (ребенок с данным признаком) насыпью кургана № 42 (мужчина

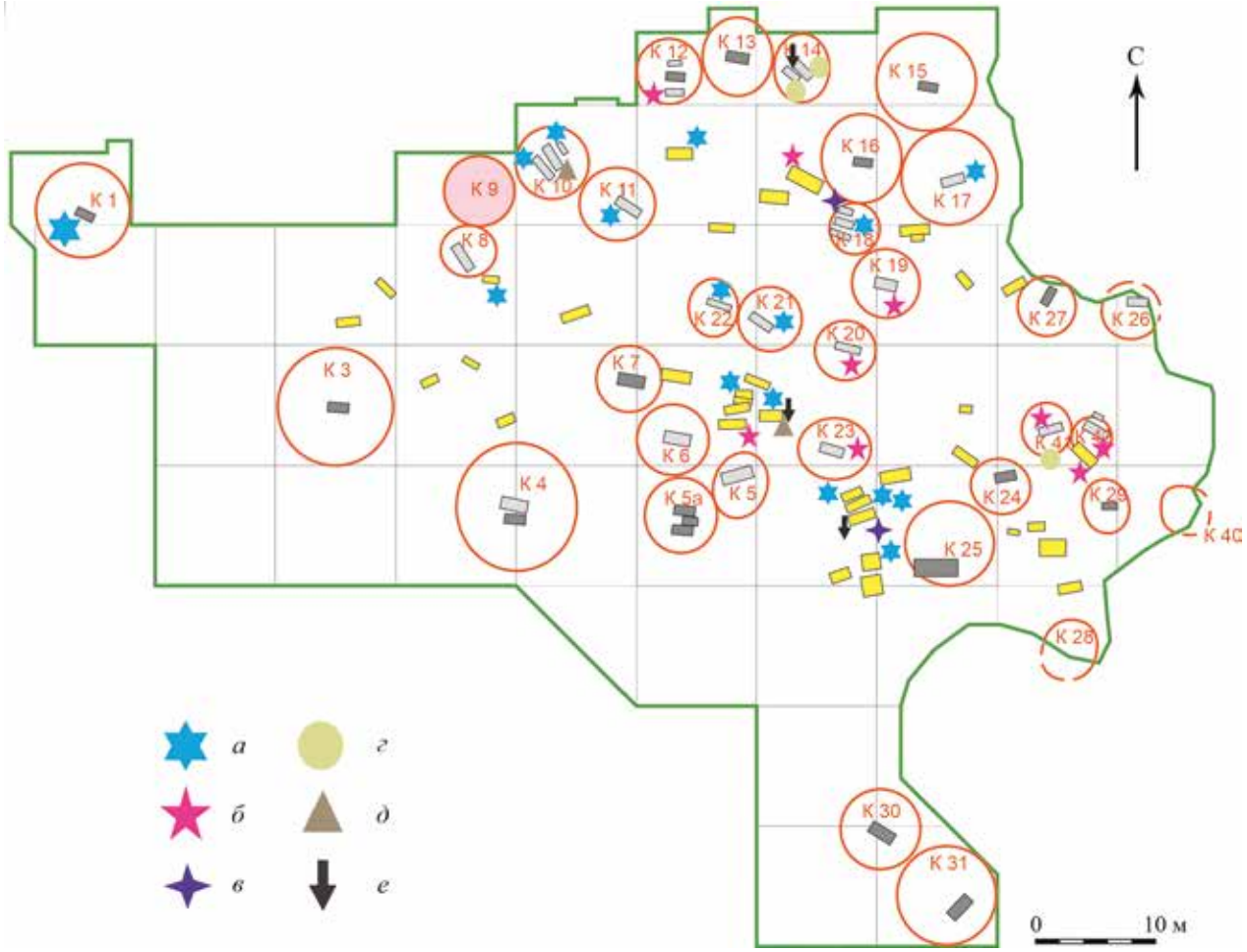

Рис. 4. Дискретно-варьирующие признаки в контексте топографии погребений
а – множественные шовные косточки в лямбдовидном шве; *б* – две шовные косточки в лямбдовидном шве; *в* – одна шовная косточка в лямбдовидном шве; *г* – вставочная кость заднего родничка; *д* – вставочная кость в сагиттальном шве; *е* – метопический шов

с аналогичным признаком) позволяет с высокой долей вероятности говорить о вертикальной преемственности захоронений в рамках одной семейной линии на конкретном участке кладбища.

На плане могильника очевидна концентрация нескольких отдельных групп курганных насыпей и примыкающих к ним грунтовых погребений, однако выделение остальных «особых» участков могильника требует дальнейшего изучения с привлечением не только полного перечня дискретно-варьирующих признаков черепа, но и фенетических маркеров посткраниального скелета.

Литература

АКР. Тверская область / Под ред. А. В. Кашкина. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2003. 525 с.

Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2009. 233 с.

Бадеев Д. Ю., 2025. Металлургический горн с территории комплекса археологических объектов у деревни Новенькое в Тверской области // АП. Вып. 21 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 38–46.

Бадеев Д. Ю., Гаврилов К. Н., Еськова Д. К., Фатьков А. М., Юнкин Ж. А., 2024. Охранно-спасательные работы 2022 года на комплексе объектов археологического наследия у деревни Новенькое в Тверской области // АП. Вып. 20 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 51–63.

Исланова И. В., 2008. Охранные работы на комплексе памятников у д. Новенькая (стоянка 2, селище 2, курганно-грунтовый могильник) // Отчет об охранных исследованиях в Кимрском и Калининском районах Тверской области в 2008 г. / Архив ИА РАН Р-1. № 42971. С. 29–41.

Мовсесян А. А., 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Унив. книга. 270 с.

Мовсесян А. А., 2022. Фенетическая краниоскопия: учебное пособие для студентов биологических специальностей высших учебных заведений. М.: ООО «Кватернион». 77 с.

Мовсесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г., 1975. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. Вып. 51. С. 127–150.

Рудников С. А., 1995. Отчет о проведении археологических разведок в Калининском районе Тверской области по рекам Тверце и Тьмаке в 1995 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 19470.

Юдина А. М., Бадеев Д. Ю., 2025. Биритуальные погребения курганно-грунтового могильника Новенькое-1. Палеодемографические аспекты исследования // КСИА. Вып. 278. С. 356–369.

Berry A. C., Berry R. J., 1967. Epigenetic variation in the human cranium // Jornal of Anatomy. Vol. 101. N. 2. P. 361–379.

D.Yu. Badeev, A. M. Iudina

The Noven'koe-1 Kurgan/in-Ground Cemetery. Assessment of the Circle of Family Ties of the Buried (Preliminary Results)

Summary

The article deals with one of the aspects of studying the materials of a burial ground with a double burial rite of the pre-Mongol period. The data obtained on the distribution of phenotypic markers allow us to confirm the presence of biological connections of varying degrees of proximity within the entire group, regardless of the type of burial. This confirms the synchronicity of the functioning of the burial mound and the ground parts of the burial ground.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.43-59

О. В. Зеленцова, Н. Н. Грибов, С. И. Милованов, А. Н. Свиридов, С. В. Очеретина
Институт археологии РАН (г. Москва)

Нижний Новгород в орбите охранных исследований Института археологии РАН

Нижний Новгород, основанный в первой четверти XIII столетия, по праву входит в число наиболее известных исторических городов России. Его история теснейшим образом переплетена с историей страны. Ранний этап развития города, как и начальный период жизни многих других городов русского Средневековья, слабо и однобоко (с акцентом на политические события) освещен в памятниках письменности. Отсутствие сведений о топографии городских укреплений, застройке, динамике демографической ситуации, специфике местной экономики, местного ремесла и торговли – все это и многое другое, что способствует воссозданию облика средневекового городского центра на окском устье, требует привлечения археологических данных. Поэтому археологические исследования – весьма актуальный инструмент для расширения комплекса исторических источников о прошлом Нижнего Новгорода.

Научная ценность городского культурного слоя впервые продемонстрирована в 60–70-х гг. XX в. результатами первых, небольших по площади и точечных в плане охвата городской территории, раскопок в историческом и административном центре города – в черте Нижегородского кремля. Результатом признания научной ценности городского культурного слоя стала его постановка на государственную охрану. Соответствующий документ, датированный ноябрем 1983 г., заложил основу местной законодательной базы для проведения охранных исследований. Система нижегородской охранной археологии в виде предваряющих строительство раскопок и сопровождающих стройки археологических наблюдений начинает складываться на рубеже 80–90-х гг. XX в. благодаря совместной деятельности местных археологов и заинтересованных представителей властных структур. Заложенная тогда новая институция, в разы нарастив археологическую коллекцию Нижнего Новгорода, позволила получить новые, подчас неожиданные выводы по отдельным спорным вопросам нижегородской истории.

С течением времени менялись методические подходы. К началу 90-х гг. XX в. археологи еще очень плохо представляли себе топографию и хронологию культурных отложений Нижнего Новгорода и, соответственно, не могли с требуемой степенью достоверности оценить перспективы масштабных исследований на строительных площадках в различных районах города. Поэтому на первых порах, в 90-х – начале 2000-х гг., основными способами охранных изысканий были шурфовка и наблюдения. Именно по результатам этих работ удалось получить основной объем информации о распространении и периодизации городского культурного слоя. Последние два десятилетия массив новых археологических данных по Нижнему Новгороду получен преимущественно благодаря масштабным спасательным раскопкам.

Значительный вклад в их организацию, проведение и осмысление полученных результатов внесла Волжская археологическая экспедиция Института археологии РАН. В последние годы (с 2018 г.) ее сотрудники исследовали многочисленные строительные площадки как в историческом центре – Нижегородском кремле, так и на городских посадах, и даже на одном из памятников ближайшего предместья средневекового города. Суммарная площадь раскопов, заложенных за семь полевых сезонов (с 2018 по 2024 г.), только в черте города XIII–XIV вв. составляет третью часть от суммарной площади раскопов, изученных в Нижнем Новгороде за всю историю его археологического исследования (с 1877 г.).

В настоящей статье представлен обзор наиболее важных результатов спасательных археологи-

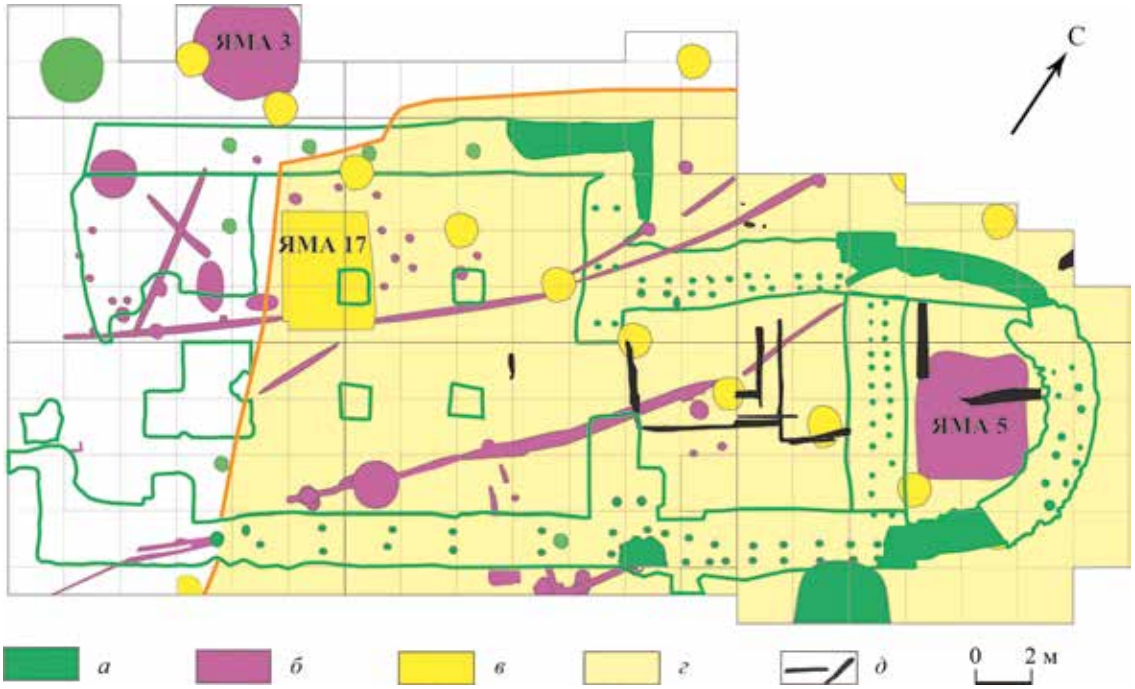

Рис. 1. План раскопа с указанием фундаментов Симеоновской церкви середины XVIII в. (*а*), следов застройки XIII – начала XV в. (*б*) и начала XVI в. (*в*), некрополя (*г*) и остатков деревянной монастырской Симеоновской церкви (*д*)

ческих работ, проведенных Институтом археологии в Нижнем Новгороде за последние годы.

Археологические исследования в Нижегородском кремле

Территория кирпично-каменного кремля, сменившего на рубеже первых двух десятилетий XVI столетия обветшавшие дерево-земляные укрепления древнейшей нижегородской крепости, всегда рассматривалась как наиболее перспективный район для археологических изысканий. Здесь экспедиция ИА РАН проводила раскопки сразу на нескольких больших площадках, а в приbровочной части Волжского откоса – наблюдения по ходу монтажа противооползневых конструкций. В результате этих работ впервые выяснены периодизация и основные характеристики культурных отложений сразу в двух археологически неизученных районах кремлевской территории – в ее нижней части и на отгороженной Ивановским оврагом северо-восточной периферии. Впервые за всю историю археологических исследований Нижнего Новгорода за пределами стен архитектурных сооружений обнаружены стратифицированные средневековые отложения, получены их первые радиоуглеродные даты, собраны богатейшие коллекции средневековых монет и предметов восточного импорта, исследованы смещенные в ров остатки вала первой нижегородской крепости и фундаментные конструкции трех церковных строений XVIII–XIX вв., обнаружены три ранее неизвестных городских некрополя XVI–XVIII вв.

Раскопки на месте церкви св. Симеона Столпника (2018–2019 гг.)

Первым крупным проектом, реализованным сотрудниками Волжской экспедиции ИА РАН в Нижнем Новгороде, стали охранные раскопки на месте воссоздания храма св. Симеона Столпника в нижней части кремля. Участок работ располагался на древней оползневой террасе, по бровке которой проходит линия кремлевской стены между Ивановской и Зачатьевской башнями. Исследования проведены под руководством Н. Н. Грибова и Т. А. Марьёнкиной; размеры площадки, исследованной за два полевых сезона, – 733 кв. м.

Первое упоминание Симеоновской церкви встречается только в Писцовой книге 20-х гг. XVII в. (Писцовая и переписная книга… 1896. Стб. 26). Однако церковная традиция связывает этот храм с одноименным монастырем, основанным якобы еще нижегородскими князьями вблизи рубежа XIV–XV вв. Материалы раскопок заставили усомниться в справедливости этой версии. Выяснилось, что характер использования связанной с храмом территории в средневековый период был

Рис. 2. Участок раскопа с алтарной частью храма Святого Симеона Столпника (зачистка по материку)

совершенно другим – долгие годы с начала основания города (в XIII–XIV вв.) на месте монастырского храма XVI–XVII вв. существовала плотная, разделенная частокольными оградами и одним уличным проездом, городская усадебная застройка (рис. 1). Благодаря активным склоновым процессам средневековые отложения на значительной части раскопанной площади оказались стратифицированы. Датировка древнейшего, лежащего на материке слоя по керамическому комплексу и вещевым находкам, верифицированная по нескольким радиоуглеродным датам, не противоречит летописной дате основания Нижнего Новгорода (1221 г.).

Другим важным открытием стало обнаружение следов Большого моста – важнейшей части городской транспортной артерии XVI – начала XVII в., связывавшей верхнюю и нижнюю, прибрежную, части городской территории до прокладки Ивановского спуска и Зеленского съезда (Писцовая и переписная книга… 1896. Стб. 26). В раскоп попали остатки свайной опорной конструкции этого сложного инженерного сооружения.

Большой блок полученных археологических данных связан с историей Симеоновского храма. Выяснено, что строительство ее первого деревянного здания произошло не ранее XVI в. На тяготеющем к нему некрополе выявлены и изучены 890 погребений монахов и мирян XVII – начала XVIII в. Этот неизвестный ранее некрополь, вероятно, прекратил функционировать после обширного городского пожара 1715 г., в его огне погибло последнее деревянное строение Симеоновской церкви. Фундаменты нового, теперь уже кирпичного, здания храма (1748 г.) прорезали могильные ямы заброшенного к тому времени монастырского кладбища (рис. 2).

Раскопки на месте воссоздания колокольни кафедрального Спасо-Преображенского собора (2019 г.)

Участок исследования находился на площадке Спасской горы – в северо-восточной части кремля на правом берегу Ивановского оврага, где в 1225 г. великий владимирский князь Юрий Всеволодович заложил каменную церковь св. Спаса (Лаврентьевская летопись… 2001. Стб. 447) (рис. 3). Этот первый нижегородский храм стал главным городским собором, его здание многократно перестраи-

Рис. 3. Спасо-Преображенский собор с колокольней. Фото начала XX в.

валось, незначительно меняя свое расположение. В 1702 г. невдалеке от здания собора XVII в. взамен обветшавшей старой колокольни построили новую – кирпичную, утраченную уже только в советское время. В 2019 г. в рамках проекта по ее воссозданию под руководством Т. А. Марьёнкиной и А. Н. Свиридова проведены раскопки на площади около 303 кв. м.

В результате работ обнаружен и исследован восьмиугольный в плане ленточный фундамент колокольни начала XVIII в. (рис. 4). Основу нерегулярной кладки фундаментной конструкции составляли массивные валуны, плитняк известняка и кирпичный бой. Рядом с фундаментом под булыжной вымосткой конца XIX – начала XX в. вскрыты городские культурные отложения, состоящие из двух основных горизонтов: XIV – середины XVII в. и конца XVII–XIX в. Собранный комплекс средневековых находок включал в себя не только фрагменты посуды, предметы восточного импорта и украшения XIV в., но и отдельные редкие вещи, традиционно относимые к домонгольским и исчезающие из русского обихода к рубежу XIII–XIV вв.

Проведенные исследования позволили не только уточнить местоположение колокольни Спасо-Преображенского собора, но и впервые проследить на значительной площади культурные отложения на участке кремлевской территории к северу от Ивановского оврага.

Раскопки на месте строительства кремлевского фуникулера (2019 г.)

Большой (450 кв. м) и очень интересный раскоп исследован на площадке, выделенной под воссоздание верхней станции кремлевского фуникулера вблизи современной бровки Волжского откоса невдалеке от Часовой башни Нижегородского кремля. Работы проводились под руководством сотрудников ИА РАН А. Н. Свиридова и Т. А. Марьёнкиной совместно с сотрудниками ООО «Экспедиция» (г. Липецк).

После удаления позднейшего планировочного грунта на раскопе обнажились остатки конструкций первого нижегородского фуникулера начала XX в.: фундаменты верхней станции, нижняя часть входившей в инфраструктуру подъемника сложенной из красного кирпича водонапорной башни (рис. 5). Обнаружены элементы механизмов и части подъемных канатов. Так как культурные отложения на раскопанном участке в значительной степени были нарушены еще на рубеже XIX–XX вв. при строительстве фуникулера, следы более ранней городской застройки (XIII–XVIII вв.) в виде пятен многочисленных материковых ям выявлены

Рис. 4. Раскоп на месте колокольни Спасо-Преображенского собора на стадии завершения

только после зачистки кровли материковой поверхности. Среди фиксируемых объектов особый интерес представляли средневековые углубленные сооружения – котлованы погребов и подпольных ям наземных жилых домов. При изучении их заполнения собрана богатая коллекция предметов восточного импорта, представленная десятками фрагментов парадной поливной кашинной посуды; целой керамической флягой, изготовленной в «калыбной» технике в одной из гончарных мастерских Хорезма; бронзовым зооморфным замком, тип которого характерен для золотоордынских слоев г. Болгара; разнообразными бусами и монетами, привезенными из городов Золотой Орды. Особый интерес представляет медный динар Монгольской империи середины XIII в., отчеканенный от имени каана Мунке (1251–1259 гг.) в г. Болгаре. В настоящее время это самая ранняя происходящая из Нижнего Новгорода монетная находка (рис. 6).

Проведенные исследования подтверждают ранее сделанные наблюдения, указывающие на размещение в этой части кремля, на краю мысового плато при устье р. Почайны, дворов нижегородской элиты XIII–XIV вв.

Наблюдения в прибровочной части Волжского откоса, у мемориала «Вечный огонь» (2021 г.)

В верхней части склона коренного волжского берега и в районе бровки левого (южного) борта Ивановского оврага, рядом с мемориальным комплексом «Вечный огонь» под руководством А. М. Фатькова и Н. Н. Грибова проведены масштабные исследования на площади около 1100 кв. м. Изыскания сопровождали монтажные работы по сооружению противооползневых конструкций.

В результате этих работ удалось впервые изучить культурные отложения в прибровочной

Рис. 5. Раскопки на месте строительства кремлевского фуникулера. Расчищенное сооружение № 51 второй половины XIV – начала XV в.

части Волжского откоса. Выяснилось, что береговую бровку в древности нарушали многочисленные эрозионные врезки – небольшие овраги, промоины и рытвины. Стратиграфические наблюдения показали, что первые планировочные работы по выпрямлению бровки берегового склона на территории кремля проводились, скорее всего, во время строительства кремля в начале XVI в.

Рис. 6. Раскопки на месте строительства кремлевского фуникулера. Монета середины XIII в., отчеканенная от имени монгольского каана Мунке

Неожиданным стало обнаружение прослоек с богатым археологическим материалом XIII–XVIII вв. в делювиальных отложениях на склоне Волжского откоса. Их формирование подчинено скорее геологическим процессам, чем хозяйственному освоению соответствующих участков берегового склона. Среди находок две бронзовые прикладные печати-привески XVI–XVII вв., многочисленные серебряные и медные монеты XVI–XIX вв., фрагменты стеклянных браслетов, бусы из горного хрусталя, фрагменты привозной восточной поливной посуды из кашина, разнообразные украшения из цветных металлов XIV–XVI вв. Один из наиболее поздних обнаруженных здесь предметов представляет собой памятную реликвию – бронзовый двухсторонний медальон, отчеканенный в 1903 г. по случаю прославления и причисления к лику святых старца Серафима Саровского.

Впервые обнаружены следы средневековой застройки в виде остатков погребов или подпольных ям жилых наземных построек XIV в. на бровке обрыва Часовой горы. Отсутствие следов

средневековых дерево-земляных укреплений как у бровки Волжского откоса, так и у бровки борта Ивановского оврага противоречит версии о двухчастной структуре первой нижегородской крепости. Этот вывод – один из важнейших результатов проведенных археологических наблюдений, проведенных вблизи кремлевского мемориала «Вечный огонь».

Работы на территории бывшего Губернаторского сада (2021 г.)

Археологические наблюдения сопровождали работы по благоустройству территории и оборудованию новой парковой зоны на Волжском откосе в северной части кремля, где в конце XIX в. располагался Губернаторский сад. В этом районе кремля когда-то находилась пострадавшая от оползней церковь Сошествия Святого Духа. Исследования на площади около 1478 кв. м проходили под руководством сотрудников ИА РАН А.И Письмаркиной и С. В. Очеретиной.

Главным результатом работ стало обнаружение ранее неизвестного некрополя у стен церкви Сошествия Святого Духа, располагавшейся в полугоре над Борисоглебской башней кремля (*Лаппо-Данилевский*, 1899. С. 24). В ходе наблюдений вскрыто не менее 50 грунтовых погребений. По сопутствующим находкам – бронзовым нательным крестам XVIII в., монетам Российской империи периода правления Николая I, мундирным пуговицам – некрополь датирован второй половиной XVIII – первой половиной XIX в. Обследование эскарпированных участков на береговом склоне позволило определить местоположение церкви Сошествия Святого Духа, локализовать и исследовать остатки фундаментов, выяснить размеры этого утраченного церковного строения. В непосредственной близости от него расчищены следы хозяйственных построек и сооружений «губернского» периода – фрагменты теплиц и дорожек сада XIX в.

Раскопки на Спасской горе по месту прокладки теплотрассы между Дмитриевской башней и корпусом № 3 (2021 г.)

До последнего времени археологические исследования в Нижегородском кремле сосредотачивались исключительно на площадке Часовой горы, представляющей собой большой, но лишь один из нескольких выделенных в рельефе районов кремлевской территории. Только в 2021 г. археологи получили возможность проследить и исследовать культурные отложения почти на всем протяжении мыса Спасской горы – площадки, отделенной от основной кремлевской территории Ивановским оврагом. Проведенные здесь раскопки предшествовали укладке теплосетей между Дмитриевской башней и зданием Нижегородского государственного художественного музея (кремлевским корпусом № 3). Раскоп представлял собой протяженную траншею, позволившую проследить культурные отложения на протяжении 270 м и на площади около 585 кв. м. Работы проводились под руководством А. Н. Свиридова и Н. Н. Грибова.

Вскрытая толща культурных отложений состояла из трех основных стратиграфических горизонтов: XIII – начала XV в., XVI–XVII вв., конца XVII – начала XIX в. В раскопе прослежены заполнение верхней части рва древнейшей нижегородской дерево-земляной крепости (1221 г.), погребения на ранее неизвестном кремлевском некрополе XVIII – начала XIX в., остатки подземной церкви последнего здания кафедрального Спасо-Преображенского собора первой половины XIX в.

Впервые на территории Нижегородского кремля обнаружены следы поселения эпохи бронзы в виде переотложенных фрагментов керамических сосудов, украшенных ямками и «жемчужинами», характерными для орнаментики поздняковской археологической культуры середины – второй половины 2-го тыс. до н. э.

Невдалеке от Дмитриевской башни зафиксирована осыпь вала с включением древесного тлена от нарушенных внутривальных деревянных конструкций первой нижегородской крепости (рис. 7). По включениям обломков керамики удалось установить, что снос древнейших городских укреплений происходил в промежутке конца XV – середины XVI в.

Уточнена локализация последнего, постройки 30-х гг. XIX в., главного нижегородского храма – Спасо-Преображенского собора (*Смирнова, Званцева*, 1991. С. 17). Фундамент двух его стен (южной и северной) на доступных для изучения участках выбран в советское время. Во внутреннем пространстве расчищены часть цокольной стены, основание одного из поддерживающих храмовые своды кирпичных столбов и ступенчатый спуск в подземную церковь-усыпальницу, куда после строительства церковного здания перенесены гробницы великих нижегородских князей и Козьмы Минина. Здесь обустроены погребения и некоторых других именитых нижегородцев (рис. 8).

На протяженном участке раскопа впервые удалось проследить следы усадебной застройки XIII – начала XV в. на северо-восточной периферии нижегородской крепости 1221 г. Собранная

Рис. 7. Работы на Спасской горе. Разрез осыпи вала нижегородской древо-земляной крепости на западном борту траншеи

Рис. 8. Работы на Спасской горе. Участок ступенчатого спуска в подземную церковь-усыпальницу внутри кафедрального Спасо-Преображенского собора

Рис. 9. Работы на Спасской горе. Серебряные монеты нижегородского князя Даниила Борисовича

здесь нумизматическая коллекция состоит из более чем двух десятков серебряных и медных монет XIV – начала XV в. чеканки Нижнего Новгорода, Москвы и городов Золотой Орды. Впервые в Нижнем Новгороде найдены монетные выпуски вел. кн. Даниила Борисовича – последнего из его суверенных правителей (рис. 9). В котловане одного углубленного сооружения вместе с монетами обнаружены монетные весы. Еще одной примечательной находкой является каменный наперсный крест, доставленный в Нижний Новгород, наверное, одним из паломников, посетивших Святую землю в XIV – начале XV в. Он изготовлен из брекчиевидного змеевика с прожилками кальцита и включением мрамора, что характерно для знаменитого «фессалийского» камня, разрабатываемого с римского времени вблизи греческого города Ларисса. Изделия из него широко распространены в Византии, он же использовался для облицовки константинопольского собора святой Софии.

Раскопки подтвердили существование перерыва в накоплении городских культурных отложений на большей части XV столетия. На северо-восточной периферии кремля, как и в других археологически исследованных районах средневекового Нижнего Новгорода, возобновление застройки произошло вблизи рубежа XV–XVI вв.

Археологические исследования на Верхнем и Нижнем посадах

Историческая часть современного Нижнего Новгорода кроме кремля включает в себя прилегающую к нему территорию городских посадов, первое подробное описание которых сохранилось только в делопроизводственных документах первой половины XVII в. (см.: Писцовая и переписная книги… 1896). Археологические исследования показали, что хозяйственное освоение и застройка городских посадов началась еще в XIII–XIV вв. Центрами притяжения застройки здесь служили церковные приходы, а структура уличных проездов подчинялась трассировкам укреплений Нового (Малого) и Старого (Большого) острогов. Посадская территория Нижнего Новгорода охватывала значительную площадь, многие ее районы остаются археологически слабо изученными. Существенный вклад в исследование отдельных из них внесла Волжская экспедиция ИА РАН.

Раскопки на Верхне-Волжской набережной (2020 г.)

Самая большая площадка на Верхнем посаде Нижнего Новгорода археологически исследована на месте расположения церкви св. Георгия Победоносца, где в советское время построили гостиницу «Волжский откос» (она же «Россия»). Раскопки, охватившие здесь площадь 5057 кв. м, проводились под руководством А. Н. Свиридова и А. И. Письмаркиной.

Наиболее ранние, хотя и немногочисленные, обнаруженные на исследованном участке находки датированы XIV в. К ним относятся небольшая бронзовая накладка, оформленная в виде фигуры дракона; железные ключи от цилиндрических навесных замков типов В и В1, серебряные монеты чеканки городов Золотой Орды, посредственно обожженная русская средневековая керамика с грубозернистыми отощителями в тесте.

Рис. 10. Раскопки на Верхне-Волжской набережной.
Расчищенные погребения и часть фундамента Георгиевской церкви

В северной половине раскопа вскрыты остатки фундамента кирпичной Георгиевской церкви начала XVIII в. Выяснилось, что ее фундамент сложен из крупных моренных валунов, перекрытых плинтом из белокаменных плит различной конфигурации и размеров. К востоку и северо-востоку от фундаментной конструкции расчищены погребения приходского кладбища (рис. 10). На изученной части некрополя исследовано 55 захоронений XVII–XVIII вв., совершенных по христианскому обряду. Останки погребенных располагались вытянуто на спине и ориентированы головой на запад.

На пострадавшем от позднейших перекопов участке к юго-западу от некрополя и югу от Георгиевской церкви зафиксированы следы городской застройки двух периодов: второй половины XVI – середины XVII в. и второй половины XVII – XIX в. (рис. 11).

Исследовано почти два десятка обширных подпольных ям, оставшихся от наземных деревянных домов городских обывателей. Конструктивные

Рис. 11. Раскопки на Верхне-Волжской набережной. Комплекс подпольных и хозяйственных ям в центральной части раскопа

особенности этих сооружений типичны для жилых построек XVI–XIX вв. Квадратные или прямоугольные котлованы подполий имели глубину до 2 м и размеры около (3–4)×(3–4) м. Две подпольные ямы выделялись присутствием следов пристенных деревянных конструкций. Большинство сооружений датировано концом XVII – XVIII в., что соответствует времени активной строительной деятельности в Нижнем Новгороде. Одной из наиболее интересных находок оказался монетный клад, обнаруженный в заполнении одной из подпольных ям конца XVII в. (*Свиридов, Грибов, Милованов*, 2024). В придонной части котлована расчищено компактное скопление 95 серебряных копеек, изготовленных еще в проволочной технике. Наиболее ранние монеты отчеканены в период правления царя Михаила Федоровича, наиболее поздние – во время совместного правления Ивана и Петра Алексеевичей (рис. 12).

Полученные материалы существенно дополняют сведения о развитии исторической застройки в районе прихода верхнепосадской Георгиевской церкви.

Раскопки на улице Рождественской (2022 г.)

В 2022 г. Нижегородская епархия выступила с инициативой восстановления храма св. Живоначальной Троицы, кирпичное здание которой построено в 1663 г. на Нижнем посаде в районе современного пер. Вахитова. Строительным работам предшествовали археологические раскопки на площади 539 кв. м. Исследования проведены под руководством сотрудника ИА РАН А. Н. Свиридова совместно с представителями ООО «Межрегиональный центр археологических исследований». Земляные работы ограничивались глубиной нижних отметок заложения фундамента нового церковного строения, что обусловлено высоким уровнем стояния грунтовых вод, плотной близлежащей городской застройкой и риском обрушения угла одного из соседних зданий без надежной фундаментной конструкции.

На раскопе выявлен ранее неизвестный некрополь конца XVII – начала XVIII в. Изучено около трех десятков взрослых и детских погребений. Большая часть захоронений совершена в деревянных колодах – антропоморфных взрослых и прямоугольных детских (рис. 13). Использование антропоморфных колод, характерных для погребального обряда некоторых некрополей русских городов XV–XVII вв. (*Панова*, 2004. С. 72–73), впервые зафиксировано в Нижнем Новгороде.

Из-за обильной увлажненности вмещающего грунта в могилах хорошо сохранились вещи из органики. Благодаря этому обстоятельству в собранную коллекцию вошла целая серия плетенных из лыка лаптей.

Рис. 12. Раскопки на Верхне-Волжской набережной. Монеты из клада (1614–1696 гг.)

Настоящим открытием для нижегородской археологии Нового времени стала зафиксированная практика возведения фундаментов капитальных кирпичных построек на лежнях – крупных деревянных брусьях, образующих так называемый плавающий фундамент.

В центральной части раскопа расчищен фрагмент настила из 14 уплощенных балок прямоугольного сечения разной степени сохранности (рис. 14). Их ширина варьировалась от 20 до 45 см. Стыковая подгонка балок выполнена столь качественно, что зазоры между отдельными деталями этой наборной конструкции остались неразличимыми даже спустя много лет после его сооружения. О вторичном использовании балок (в качестве строительного материала) свидетельствуют проделанные в них отверстия диаметром по 3–4 см с остатками забитых деревянных гвоздей-нагелей, сохранившихся от их первоначального использования в качестве элементов корабельной обшивки.

Наиболее масштабные по исследованной площади на Нижнем посаде раскопки в зоне воссоздания Троицкого храма подтвердили наличие органонасыщенных культурных отложений большой мощности в этой части городской территории. Полученные данные, в том числе о специфике градостроительства в «подгорном» районе со сложными гидрогеологическими условиями, существенно дополняют известные по письменным источникам сведения о посаде Нижнего Новгорода в Новое время.

Археологические исследования городища Городок в предместье Нижнего Новгорода (2022 г.)

В связи с застройкой пустующей мысовой площадки в районе метромоста проводились раскопки археологического памятника, известного здесь еще с конца 80-х гг. XX в. Обозначенное укрепленное поселение – городище Городок – по результатам небольших первых рекогносцировочных

Рис. 13. Раскопки на ул. Рождественской. Погребения рубежа XVI–XVII вв. после расчистки

Рис. 14. Раскопки на ул. Рождественской. Расчищенный деревянный настил

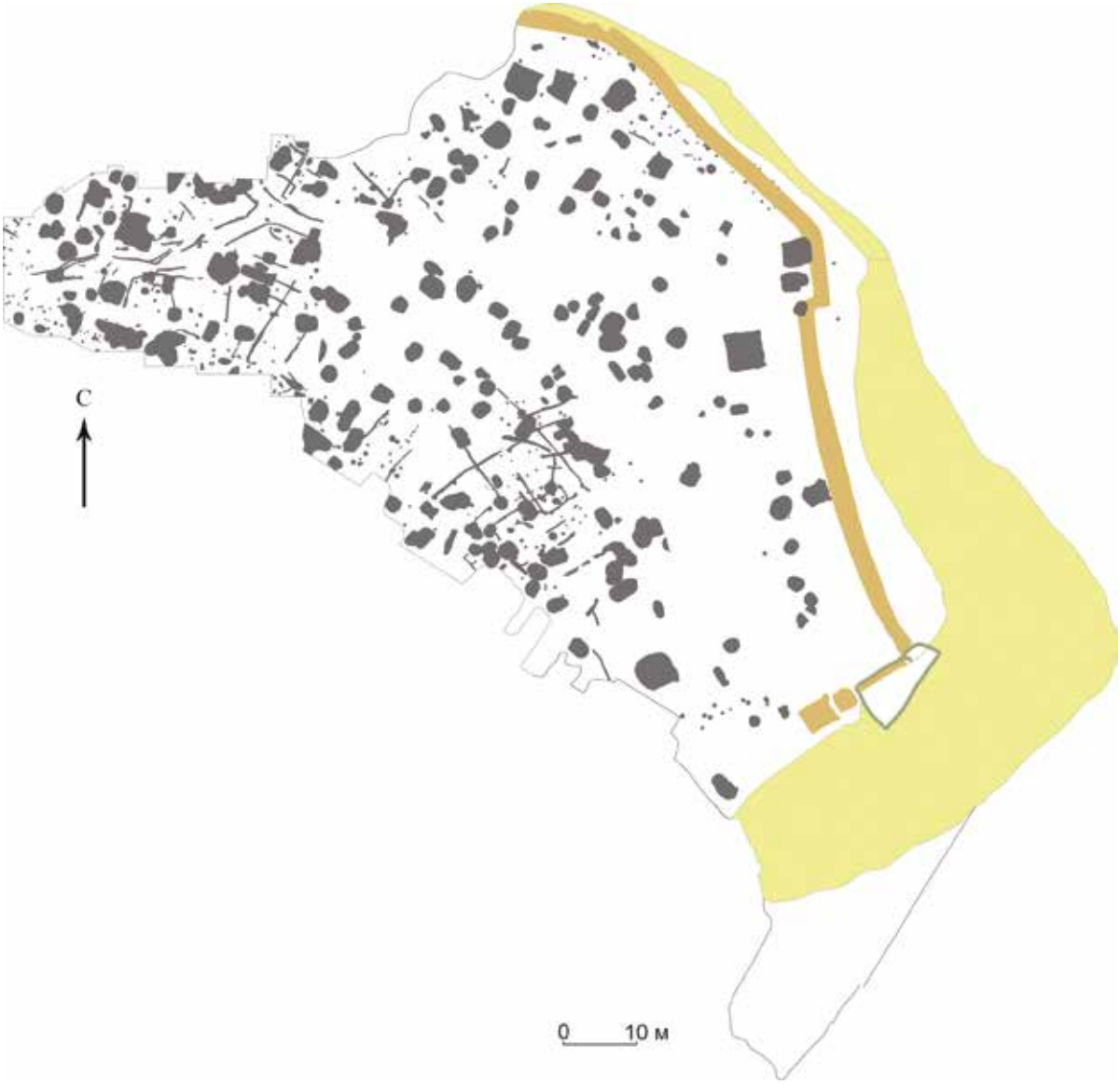

Рис. 15. Городище Городок. Сводный план раскопа

раскопок представляло собой крепость-осаду, построенную представителями московской великокняжеской администрации после фактического присоединения Нижнего Новгорода к землям Московского княжества (см.: *Грибов,* 2018).

Памятник располагается на правом коренном берегу Оки, на мысу, образованном двумя протяженными овражными отвершками. Раскопками охвачена вся его территория на площади 8030 кв. м. Работы проводились под руководством С. В. Очеретиной, С. И. Милованова и И. С. Аникина.

Археологические раскопки подтвердили ранее высказанное предположение о том, что Городок представлял собой хорошо укрепленную крепость XV в. Период ее функционирования состоял минимум из двух этапов (рис. 15).

С напольной стороны поселение защищала дерево-земляная стена, возведенная на эскарпированном склоне овражного отвершка. Остатки этой стены, состоявшей из одной линии взаимосвязанных заполненных грунтом узких вытянутых срубов, обнаружены на выположенном участке склона в 1,2–1,3 м ниже уровня дневной поверхности основной площадки памятника. С напольной стороны площадку городища ограничивал ров, переходящий в отвершек оврага. Максимальная зафиксированная ширина этого углубления – 14,5 м, глубина – 3,3 м.

На площадке городища исследовано 590 углубленных объектов XV – начала XVI в. (рис. 16). Установлено, что территория крепости была застроена наземными жилыми постройками. Маркерами

Рис. 16. Городище Городок. Усадебная застройка городища (ямы и частокольные канавки после разбора)

их локализации служат связанные с ними углубленные сооружения – материковые ямы. В ходе археологических раскопок исследованы десять обширных четырехугольных подполий и большое число небольших овальных или округлых ям с остатками рухнувших или разобранных печей. Развалы последних перекрывали углисто-золистый, насыщенный кухонными отходами грунт, как правило, лежащий на материковом дне таких углубленных сооружений.

Памятник являлся небольшой по площади крепостью-осадой. Подтверждением пребывания в ней военного гарнизона являются находки предметов вооружения – наконечники стрел, арбалетные болты, детали клинкового оружия, доспешные пластины (рис. 17). Примечательны находки свинцовых пуль, маркирующие раннюю стадию использования ручного огнестрельного оружия. Снаряжение всадника и верхового коня представлено фрагментами шпор, стремян, различными накладками от конской узды, ременными пряжками.

В целом полученные материалы представляют собой срез русской материальной культуры XV – начала XVI в., так как исследованный памятник имеет узкую дату. После разрушения крепости в начале XVI в. жизнь на ее территории больше не возобновлялась.

Масштабные раскопки городища Городок позволили получить новые данные для понимания как истории Нижнего Новгорода в кризисном для него XV в., так и процессов формирования единого централизованного Русского государства. Небольшая крепость-осада, поставленная на подступах к Нижнему Новгороду во второй четверти XV в., являлась одним из ранних форпостов ранней Московской Руси в стратегически важном районе, отмеченном устьем р. Оки. Хорошо укрепленное городище, поставленное для размещения военного гарнизона и укрытия населения городской округи в случае угрозы вражеского нападения, а также обеспечения защиты восточных рубежей государства, выполняло и функцию временной

Рис. 17. Городище Городок. Наконечники стрел и арбалета. XV – начало XVI в.

резиденции московской великокняжеской администрации в Нижнем Новгороде (*Грибов*, 2005. С. 73).

Вклад проведенных исследований в понимание истории города

Совокупность археологических работ, проведенных Институтом археологии РАН в Нижнем Новгороде в 2018–2024 гг., значительно обогатила представления об историческом облике города на разных этапах его исторического развития.

Во-первых, уточнены важнейшие вехи истории освоения городской территории. Среди неожиданных результатов оказались следы существования поселения эпохи бронзы на территории кремля. Выяснилось, что освоение человеком Дятловых гор – мысовых останцов на краю возвышенного плато Волго-Окского правобережья, где в начале XIII в. появилась первая городская застройка Нижнего Новгорода, началось не в раннем железном веке, как считалось ранее, а в предыдущую археологическую эпоху.

Подтверждены кратковременное запустение городской территории в течение большей части XV в. и последующий бурный рост городской застройки в XVI–XVII вв., начало которого синхронно времени сооружения кирпично-каменного кремля.

Во-вторых, раскопки позволили получить новые сведения о планировке и исторической топографии Нижнего Новгорода. Впервые зафиксированы следы средневековой застройки в двух ранее плохо археологически обследованных районах Нижегородского кремля – в его нижней части и на северо-восточной периферии, отделенной Ивановским оврагом. На раскопанных участках впервые локализованы многие объекты, до этого известные только по упоминаниям в письменных источниках. Среди них – Большой мост, связывающий нижнюю и верхнюю части города в XVI – начале XVII в., Симеоновская, Георгиевская, Троицкая церкви, кремлевский храм Сошествия Святого Духа, позднейший Спасо-Преображенский собор и связанная с ним колокольня. Впервые зафиксированы несколько городских некрополей, неизвестных по памятникам письменности (например, кремлевский некрополь у Симеоновской церкви). Все это позволяет намного полнее представить облик города в разное время – от средневекового деревянного Нижнего Новгорода до губернского центра XIX в.

В-третьих, собранная археологическая коллекция имеет самостоятельное большое научное значение, выходящее за рамки значимости только региональной истории. К примеру, серия монет кн. Даниила Борисовича заполнила пробел в нижегородской нумизматической коллекции, а клад конца XVII в. с Верхне-Волжской набережной стал ценным комплексом для изучения денежного обращения накануне Петровских реформ. Детали отделки и остатки конструкций архитектурных сооружений – фундаменты собора, колокольни, храмов – дали уникальный материал по истории русской церковной архитектуры (например,

оригинальный фундамент на лежнях под Троицкой церковью). Массовый керамический материал, предметы быта, ремесленные изделия позволяют проследить торговые связи нижегородцев, уровень их благосостояния. Антропологическое изучение человеческих останков из кремлевских некрополей дает сведения о здоровье, питании и происхождении жителей города на устье Оки в XVIII–XIX вв.

В-четвертых, в методическом плане реализованные проекты продемонстрировали эффективный подход к спасению археологического наследия в условиях современной городской застройки. Волжская экспедиция ИА РАН смогла успешно совместить масштабные раскопы с архитектурно-археологическими наблюдениями, что позволило исследовать даже те объекты, полное раскрытие которых было невозможно (например, некрополи, уходящие под существующие здания). Применение современных методов фиксации (цифровая фотограмметрия, GIS-картирование раскопов, оперативный анализ находок) обеспечило высокое качество документации раскопок. В свою очередь, тесное взаимодействие с органами охраны культурного наследия и строителями позволило интегрировать исследования в строительный процесс и избежать потерь ценной информации.

Археологическое наследие Нижнего Новгорода исключительно богато и разнообразно, и его комплексное изучение кардинально расширяет наши знания об одном из великих городов России.

Литература

Грибов Н. Н., 2005. Русское городище второй половины XV в. из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 9. Нижний Новгород. С. 69–82.

Грибов Н. Н., 2018 Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24). 592 с.

Зеленцова О. В., Милованов С. И., Грибов Н. Н., Марьёнкина Т. А., Свиридов А. Н., Очеретина С. В., Баранов Н. А., Аникин И. С., Письмаркина А. И., Пронин А. С., Русаков П. Е., Фатьков А. М., 2024. Археологические исследования Института археологии РАН в Нижнем Новгороде в 2018–2021 гг. // Новгород земли Низовской. М.: ИА РАН. С. 7–29.

Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. Рязань: Александрия, 2001. 586 с.

Лаппо-Данилевский А. С., 1899. Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданная археографической комиссией. СПб. 339 с.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVII веков. М.: Радуница. 183 с.

Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. СПб.: Синодальная тип., 1896. 338 с.

Свиридов А. Н., Грибов Н. Н., Милованов С. И., 2024. Подполье конца XVII в. с монетным комплексом из Нижнего Новгорода // Новгород земли Низовской. М.: ИА РАН. С. 96–107.

Смирнова Л. С., Званцева Т. З., 1991. Церкви Нижнего Новгорода, уничтоженные и уцелевшие. Краткий путеводитель по старому городу. Нижний Новгород: Нижегородское книжное изд. 80 с.

O. V. Zelentsova, N. N. Gribov, S. I. Milovanov, A. N. Sviridov, S. V. Ocheretina

Nizhny Novgorod in the Orbit of Rescue Research of the Institute of Archeology RAS

Summary

Archaeological research by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in Nizhny Novgorod from 2018 to 2022 significantly enriched our understanding of the city's historical appearance. Key milestones in its chronological and urban development history were clarified. An unexpected result emerged from the cultural form of the Kremlin, reflecting an earlier era – the recorded artifacts from the Bronze Age attest to human development on the Dyatlovy Hills long before the city's founding. The excavations yielded new insights into the layout and topography of medieval Nizhny Novgorod. Thanks to these finds, objects previously only known in written records have been materialized for the first time: a large bridge within the Kremlin, and the construction of the first fortifications. The Volga expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences successfully combined large-scale excavations with electromagnetic archaeological observations, which makes it possible to process even those objects whose full disclosure was impossible.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.60-68

А. А. Гольева[*], Т. А. Марьёнкина[**], О. В. Зеленцова[**], И. А. Козмирчук[***]
[*] Институт географии РАН (г. Москва)
[**] Институт археологии РАН (г. Москва)
[***] ООО «Экспедиция» (г. Липецк)

Естественнонаучные исследования археологических памятников Арзамас 2, 3 и Память Парижской Коммуны 9 (раскопки 2019 и 2021 годов)

Масштабные охранные раскопки, проводимые в лесной зоне европейской территории России, позволяют существенно расширить и дополнить как историко-археологический, так и естественнонаучный объем знаний о природной среде и специфике бытования народов в древности. Особенно это важно для достаточно древних памятников ввиду слабой сохранности многих артефактов за счет длительного воздействия различных процессов, включая почвенные. В лесной зоне это низкие значения pH водных растворов в совокупности с промывным водным режимом.

Исследование нескольких памятников одного временного среза, функционировавших в близких природно-климатических условиях, но созданных представителями разных культур, позволяет не только разделить антропогенную и природную составляющие периода функционирования селищ, но и делает возможным провести сравнительный анализ, определить вероятные предпочтения по использованию растительного сырья в быту для каждой из культур. Получаемые в результате комплексных естественнонаучных исследований результаты позволяют расширять географию имеющихся данных о палеоэкологических условиях обитания человека в древности (*Кулькова, Косорукова, Сапелко,* 2015; *Александровский и др.*, 2018; *Овчинников и др*., 2020; *Alenius et al.,* 2020).

Цели работы: 1) дать естественнонаучную характеристику неолитических памятников, определить их специфику; 2) выявить общие и особенные характеристики бытования для стоянок одного хроноинтервала, общего географического положения, но принадлежащих разным культурам.

Объекты исследования

Культурные слои трех археологических памятников – стоянки Память Парижской Коммуны 9, поселений Арзамас 2 и Арзамас 3.

1. Стоянка Память Парижской Коммуны 9 (56°05’52,2” с. ш. и 44°31’26,7” в. д.) находится на расстоянии 0,8 км к юго-востоку от восточной окраины пос. Память Парижской Коммуны и в 1,1 км к востоку от пристани в Борском городском округе Нижегородской области. Она располагается на краю первой надпойменной террасы, в 15 м выше края карьера (участка, где первая надпойма срыта трассами нефтепроводов). Поверхность памятника задернована, культурные напластования покрыты эоловыми отложениями (перевеянным песком), поросла редкими соснами. Высота – 16 м над Волгой, южный край размывается рекой. Нами исследованы слои раскопа 1, относящиеся к верхневолжской неолитической культуре IV тыс. до н. э. Изучены фоновый разрез (площадь 9Г, квадрат 22А, западная стенка) и два участка, где выявлено скопление неолитических артефактов (площадь 9Г, квадрат 15Б, восточная стенка и площадь 5Б, квадрат 8Б, южная стенка).

2 и 3. Поселения Арзамас 2 и 3 (55°24’55,36” с. ш. и 43°47’00,16” в. д.) расположены в центральной части Арзамасского района Нижегородской области, в пределах правобережья р. Тёши, правого притока р. Оки, на северо-западе г. Арзамаса. Располагаются в пределах первой надпойменной террасы правобережья р. Тёши.

Почвенный покров здесь представлен антропогенно сильно переработанными серыми и светло-

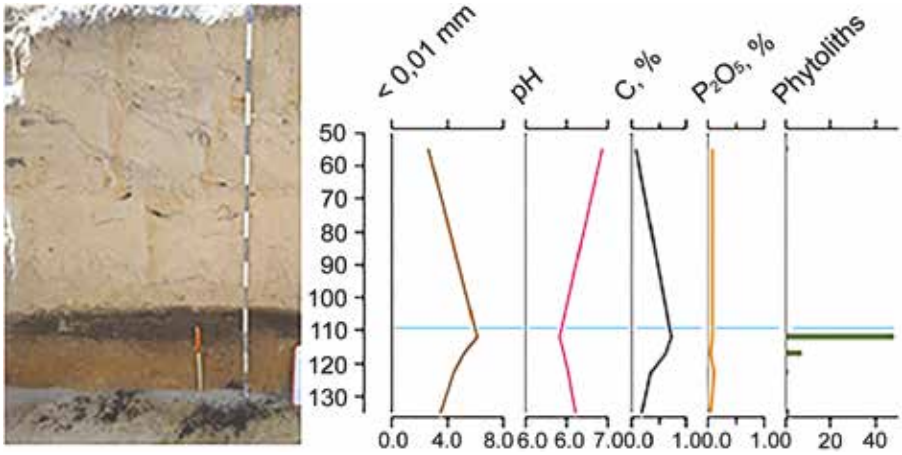

Рис. 1. Стоянка Память Парижской Коммуны 9. Фоновый разрез (на графике по вертикали показана глубина отбора проб по стенке раскопа в сантиметрах, горизонтальной линией показан уровень погребенной поверхности современной (XX в.) почвы)
Морфологический облик и основные физико-химические и микробиоморфные свойства.
Здесь и далее: < 0,01 мм – содержание физической глины (сумма частиц менее 0,01 мм) в %; pH – значение кислотности почвенных растворов; C – содержание органического углерода; P_2O_5 – содержание валового фосфора; Phytoliths – количество фитолитов, шт.

серыми лесными почвами, развитыми на аллювии террасы. Абсолютные отметки поверхности района проведения работ изменяются от 115,00 до 145,00 м в Балтийской системе высот. Растительность представлена луговым разнотравьем, кустарниками, разнообразными культурными насаждениями, островками широколиственного леса (береза, осина, ольха, реже – дуб) в зонах понижения рельефа, а также участками лесопосадок с лиственницей и сосной. Исследованные культурные слои относятся к 4–3-му тыс. до н. э. (волосовская и балахнинская археологические культуры). На объекте Арзамас 2 исследована южная стенка квадрата 3 раскопа 1; а на объекте Арзамас 3 – северо-западная стенка квадрата 3 участка 1 раскопа 2.

Методы исследования

Во всех случаях использовался стандартный набор методов, применяемых в археологическом почвоведении.

1. Морфологический – описание объектов исследования непосредственно на месте проведения раскопок.

2. Физико-химический – определение основных, наиболее значимых при работе с археологическими памятниками свойств методами почвоведения: кислотность почвенных растворов (pH), содержание органического углерода и валового фосфора, гранулометрический состав.

3. Микробиоморфный – состав и распределение микробиоморф биогенной и органоминеральной природы по диагностическим горизонтам и культурным слоям.

Объект 1. Стоянка Память Парижской Коммуны 9

Фоновый разрез (рис. 1)

Морфологическая характеристика

В качестве фонового выбран участок западной стенки квадрата 22А, площади 9Г на раскопе 1. Основным критерием выбора данного участка являлось полное отсутствие археологического материала как в пределах самого квадрата, так и нескольких близко расположенных.

Верхние 109 см – однородный светло-бурый песчаный нанос, на котором сформирована маломощная мохово-травянистая подстилка. Нижняя граница наноса ровная, линейная, хорошо фиксируется по цвету и некоторому увеличению плотности.

109–110 см – погребенная поверхность, представляющая собой чередование темно-серых (черных) и бурых песчаных линз. Очевидно, прослой сформирован за счет процессов переотложения обугленного материала поверхности почвы и привнесенного извне бурого песка. Нижняя граница выделенного прослоя ровная, линейная, заметная по исчезновению бурых включений.

110–124 см – практически однородный темно-серый (черный) пирогенный горизонт, обогащенный обугленной органикой, что определяет общий

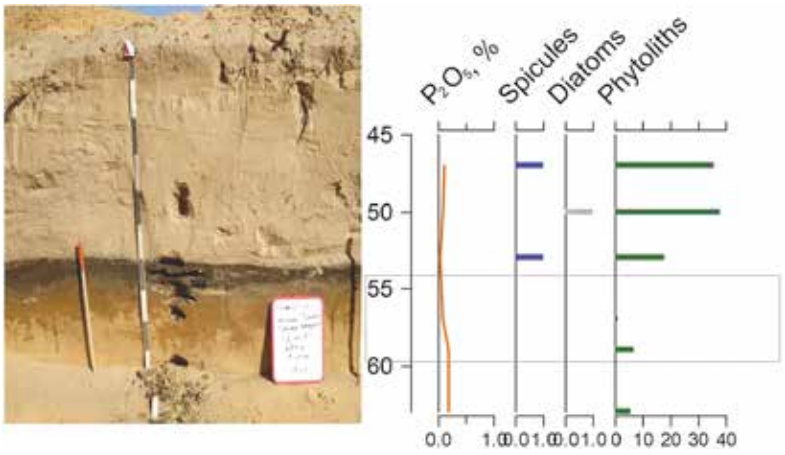

Рис. 2. Стоянка Память Парижской Коммуны 9. Раскоп 1, площадь 9Г, квадрат 15Б, восточная стенка (здесь и далее прямоугольником выделен неолитический культурный слой)
Морфологический облик и основные физико-химические и микробиоморфные свойства.
Здесь и далее: *Spirules* – спикулы губок, шт.; *Diatoms* – панцири диатомовых водорослей, шт.

цвет горизонта. Фрагментарно в толще встречаются тонкие горизонтальные прослои бурого цвета. Это позволяет считать, что толща сформирована за счет привноса в основном обугленного материала, а также бурого песка с более высоких позиций рельефа. Нижняя граница слабо волнистая, неровная, определена по изменению цвета.

124–130 см – нижняя часть исходного гумусового горизонта серого цвета. В толще горизонта встречаются светлые песчаные комочки. По ходам корней из вышележащей толщи прослеживаются темные субвертикальные линии. Нижняя граница горизонта неровная, определена по исчезновению серой окраски.

130–150 см – охристо-бурый однородный ожелезненный песок. За счет ожелезненности горизонт плотнее предыдущих.

Физико-химические свойства

Содержание физической глины (сумма частиц менее 0,1 мм в %) не превышает 8% по всему профилю (график <0,01 мм на рис. 1), то есть вся толща – это песок рыхлый. Незначительное увеличение количества пылевато-илистой фракции на глубине 110 см связано с привносом обугленного органического материала и не влияет на общий гранулометрический состав изучаемой стенки разреза.

Значения почвенных растворов нейтральные в верхней части и слабокислые ниже по глубине (график pH на рис. 1).

Органического углерода мало, что типично для песчаных почв (график C, % на рис. 1). Ожидаемо пирогенный горизонт содержит больше органического материала по сравнению с остальными горизонтами. Валового фосфора мало (график P_2O_5, % на рис. 1), распределение по профилю ровное, что полностью соответствует требованиям для фоновых песчаных почв.

Микробиоморфная характеристика

Кроме фитолитов, других биогенных частиц нет. Фитолитов мало даже в пирогенном горизонте, в остальных они единичны. В пирогенном горизонте преобладают формы, характерные для лугового разнотравья, хотя есть и лесные морфотипы, включая хвойные, но они не преобладают (табл. 1).

Вывод по разрезу

Темный цвет погребенного горизонта, обогащенность его пирогенным материалом и наличие в толще бурых песчаных линз указывают на переотложенный генезис верхней толщи. То есть использование разреза в качестве фонового условно и объясняется исключительно отсутствием археологического материала. Но по своим морфологическим, физико-химическим и микробиоморфным характеристикам данный разрез можно использовать в качестве фонового.

Раскоп 1, площадь 9Г, квадрат 15Б, восточная стенка (рис. 2)

Морфологическая характеристика

0–61 см – однородный песчаный нанос светло-бурого цвета. Нижняя граница линейная, ровная, хорошо заметная по цвету.

61–63 см – погребенный слой, состоящий из чередования черного (пирогенного) материала

Таблица 1. **Состав фитолитных комплексов (%)**

Место отбора проб	Глубина, см	Двудольные травы	Хвойные	Лесные злаки	Луговые злаки	Степные злаки	Культурные злаки	Сорная флора	Тростник	Обломки
Стоянка Память Парижской Коммуны 9										
Р1, пл. 9Г, кв. 22А, зап. ст. Фон	0–110 нанос	0	0	0	100	0	0	0	0	0
	110–115	46	10	12	20	10	0	0	0	2
	115–120	44	28	0	28	0	0	0	0	0
	120–125	0	10	0	0	0	0	0	0	0
	125–150	50	50	0	0	0	0	0	0	0
Р1, пл. 9Г, кв. 15Б, вост. ст.	0–61 нанос	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	61–65	72	0	0	0	28	0	0	0	0
	65–70	32	28	10	28	0	0	0	0	2
	70–73	34	33	0	0	0	0	0	0	33
	73–75	80	7	6	7	0	0	0	0	0
	75–90	51	16	25	7	0	0	0	0	0
	90–100	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Р1, пл. 5Б, кв. 8Б, южн. ст.	42–49	41	8	6	39	0	0	0	3	3
	49–52	50	21	13	13	3	0	0	0	0
	52–55	45	28	11	11	0	0	0	0	5
	55–58	100	0	0	0	0	0	0	0	0
	58–61	44	0	14	42	0	0	0	0	0
	61–66	50	0	0	16	0	0	0	0	33
Поселение Арзамас 2										
Р1, кв. 3, южн. ст.	0–10	38	16	8	3	0	0	0	4	0
	10–30	35	7	5	35	18	0	0	0	0
	30–36	38	8	5	37	12	0	0	0	0
	36–46	34	6	4	34	19	0	1	1	1
	46–53	40	8	5	36	3	0	0	1	7
	55–63	45	1	11	31	12	0	0	0	0
	63–74	34	33	33	0	0	0	0	0	0
Поселение Арзамас 3										
Р2, уч. 1, кв. 3, с-з ст.	0–7	48	2	8	37	5	0	0	0	0
	7–13	20	15	6	40	10	1	2	6	2
	13–36	46	3	7	31	8	1	0	1	0
	36–37	100	0	0	0	0	0	0	0	0
	37–46	38	4	4	27	26	0	0	1	0
	46–56	44	3	7	32	23	0	1	0	1
	56–64	51	6	9	20	14	0	0	0	0
	64–73	46	7	17	30	10	0	0	0	0

и бурого песка. Нижняя граница неровная, неявная, определяется по исчезновению бурых прослоев.

63–68 см – пирогенный горизонт темного (черного) цвета, однородный. Нижняя граница неровная, бахромчатая, хорошо заметная по цвету.

68–70 см – нижняя часть исходного гумусового, гумусово-подзолистого горизонта имеет светло-серый, фрагментами белесоватый цвет. Нижняя граница постепенная, слабодиффузная, выделяется по исчезновению серой окраски.

70–75 см – КС и верхняя часть минерального железистого горизонта охристо-бурого цвета. Слой выделен как культурный слой, поскольку содержал артефакты эпохи неолита. Какие-либо изменения, позволяющие провести границу между этим слоем и нижележащим, не выявлены.

75–90 см – минеральный горизонт *Bf*. Однородный уплотненный охристо-бурый песок. Переход к нижележащему горизонту неровный, заметный по цвету.

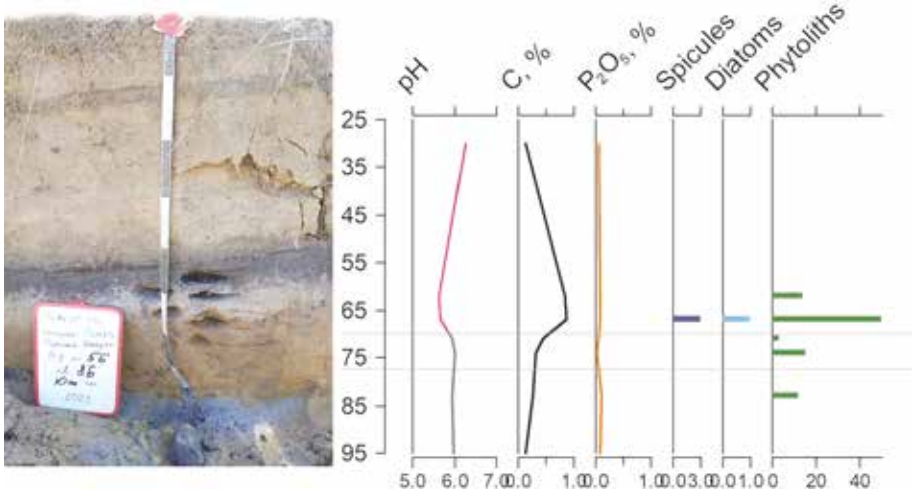

Рис. 3. Стоянка Память Парижской Коммуны 9. Раскоп 1, площадь 5Б, квадрат 8Б, южная стенка
Морфологический облик и основные физико-химические и микробиоморфные свойства

90–100 см – горизонт *C*, почвообразующая порода, однородный светло-бурый песок.

Химические свойства

Наиболее интересный для палеореконструкций горизонт 70–75 см, в котором сосредоточены находки, по своим химическим свойствам не выделяется от соседних горизонтов и полностью соответствует критериям, предъявляемым к зональным песчаным почвам.

Фиксируемое увеличение органического углерода относится к пирогенному горизонту и не связано с культурным слоем.

Микробиоморфная характеристика

Фитолитов мало, то есть накопление археологического материала не сопровождалось в прошлом использованием растительной органики.

Вывод по разрезу

Процессы почвообразования и формирования культурного слоя (то есть периода обживания территории человеком) не синхронны. Почвенные процессы (формирование гумусового, подзолистого и железистого горизонтов) шли существенно позднее ухода людей в эпоху неолита. Это объясняет отсутствие морфологически выраженного культурного слоя, его каких-либо геоархеологических диагностических критериев (например, накопления валового фосфора, фитолитов), поскольку поздние процессы почвообразования полностью видоизменили (проработали) всю толщу, затронутую почвенными процессами. Фиксируемый пирогенный горизонт (63–68 см) никак не связан с древним периодом освоения территории, он сформировался существенно позже.

Раскоп 1, площадь 5Б, квадрат 8Б, южная стенка (рис. 3)

Морфологическая характеристика

0–40/44 см – светло-бурый рыхлый песчаный нанос. В нижней части нанос состоит из чередующихся бурых и черных (горелых) прослоев. Нижняя граница ровная, линейная, хорошо заметная по цвету.

44–45 см – тонкий прослой черного цвета. Нижняя граница прослоя линейная, ровная, то есть это не сгоревшая дернина, а маломощный пирогенный нанос. В пользу данного вывода свидетельствуют небольшие линзы бурого песка под прослоем.

45–50 см – гумусовый горизонт погребенной почвы серого цвета. Нижняя граница неровная, с хорошо выраженными ходами червей, землероев и корней. Переход к нижележащему горизонту определяется по исчезновению серых тонов окраски.

50–57 см – белесый подзолистый горизонт, пронизан темными вертикальными линиями по ходам почвенной фауны и корней. Переход к следующему горизонту неровный, заметный по цвету.

В толще 51–61 см выявлены артефакты эпохи неолита.

57–110 – бурый минеральный горизонт *B* Несколько уплотнен.

Химические свойства

Интересующий нас культурный слой (51–61 см), как и в предыдущем случае, не выделяется по сво-

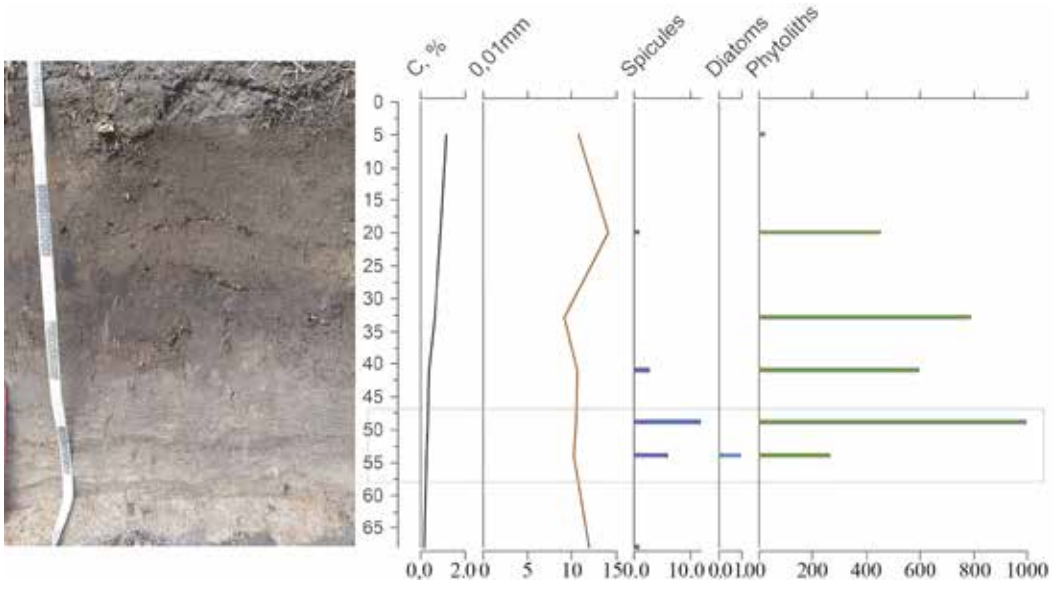

Рис. 4. Поселение Арзамас 2. Раскоп 1, кв. 3, южная стенка
Морфологический облик и основные физико-химические и микробиоморфные свойства

им свойствам, в данном случае нет какого-либо увеличения содержания валового фосфора.

Микробиоморфная характеристика

Фитолитов мало, существенно меньше, чем в вышележащей погребенной почве. Состав фитолитных комплексов соответствует природным (табл. 1). Каких-либо морфотипов фитолитов растений, искусственно привнесенных человеком (например, тростника), не выявлено.

Вывод по разрезу

Основными отличиями данного разреза от предыдущих является малая мощность пирогенного наноса. Если на площади 9Г этот нанос мощный, то здесь он выделяется в виде тонкой, временами прерывистой полоски. Очевидно, это связано с локализацией пожара и направлением переноса горелого материала. Также здесь ярче выражен подзолистый горизонт. Возможно, сохранность белесой окраски горизонта и мощность вышележащей пирогенной толщи взаимосвязаны.

Тот факт, что культурный слой не только не выделяется как самостоятельный горизонт, а в его толще проходит граница между почвенными горизонтами, независимо подтверждает вывод о несинхронности процессов почвообразования и формирования культурного слоя в эпоху неолита. Гораздо более поздними процессами почвообразования культурный слой был частично осветлен подзолообразованием. Формирование гумусового горизонта, как и пожар, имели место на более поздних этапах даже по сравнению с процессом подзолообразования.

Объект 2. Поселение Арзамас 2, раскоп 1, кв. 3, южная стенка (рис. 4)

Морфологическая характеристика

0–10 – современный дерновый горизонт темно-серый, рыхлый, с обилием корней трав. Переход к следующему горизонту ровный, хорошо заметный по увеличению минеральной массы.

10–30 см – первый огородный горизонт, однородный, серый, несколько уплотнен. Нижняя граница ровная, практически линейная, заметная по цвету. Изредка встречаются артефакты эпохи неолита.

30–36 см – второй огородный горизонт. Цвет темно-серый, однородный. Изредка встречаются артефакты эпохи неолита. Нижняя граница слабо линейная, с обилием червеходов, определяется по цвету.

36–46 см – гумусовый горизонт серого цвета. Цвет неоднородный, много червеходов более темного или светлого цветов. Предположительно верхняя часть культурного слоя эпохи неолита. Переход к следующему горизонту неровный, определен по цвету.

46–63 см – темно-серый культурный слой с артефактами неолитического времени. Переход к следующему горизонту проходит по охристому ортзандовому (псевдофибровому) прослою, определен по цвету.

63–74 см – светло-бурый минеральный горизонт с большим количеством мелких рыхлых охристых ортштейнов.

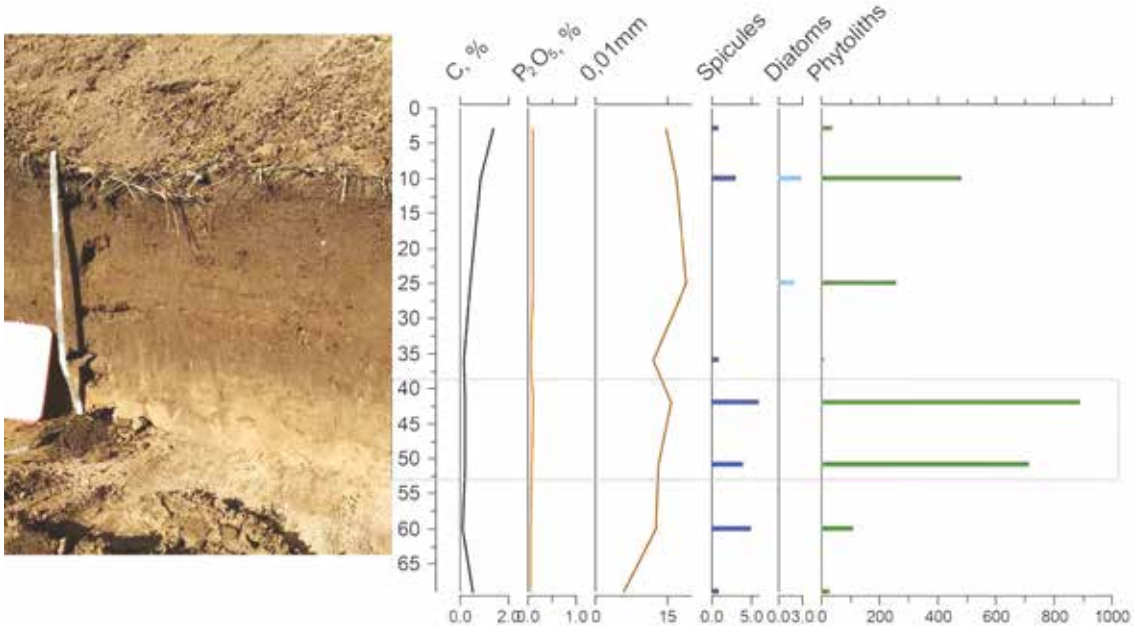

Рис. 5. Поселение Арзамас 3, раскоп 2, участок 1, квадрат 3, северо-западная стенка
Морфологический облик и основные физико-химические и микробиоморфные свойства

Физико-химические свойства

Содержание физической глины варьируется, но в пределах изучаемого культурного слоя количество этих частиц не превышает 16%, то есть это супесь – песок связный.

Органического углерода мало, в пределах нормы для нижних горизонтов подзолов – типичных зональных почв.

Микробиоморфная характеристика

Горизонт культурного слоя выделяется значительным количеством спикул губок – микроскопических организмов, живущих преимущественно в пресных проточных водах.

Помимо спикул горизонт характеризуется обилием фитолитов – порядка 1000 штук в стандартном объеме. Это абсолютно нетипично для зональных почв и однозначно связано с генезисом слоя. Состав фитолитного комплекса сложносоставной – преобладают формы, характерные для лугового разнотравья, но в небольших количествах встречаются морфотипы лесных и хвойных растений, ксероморфной флоры и тростника (табл. 1).

Вывод по разрезу

Все находки кремней и керамики в огородных горизонтах переотложены и, возможно, перемещены. Ниже, начиная с глубины 36 см, вероятность наличия в прошлом КС высока, и найденные артефакты могут быть связаны с поселением эпохи неолита. В пользу вывода о наличии здесь ранее места обитания представителей волосовской и/или балахнинской культур свидетельствует как обилие фитолитов, так и большое разнообразие их морфотипов. Большое количество спикул губок можно связать с привносом вместе с тростником.

Объект 3. Поселение Арзамас 3, раскоп 2, участок 1, квадрат 3, северо-западная стенка (рис. 5)

Морфологическая характеристика

0–7 см – дерновый горизонт темно-серого цвета с обилием корней трав разной степени разложенности. Переход к следующему горизонту ровный, заметный по уменьшению органической составляющей.

7–13 см – гумусовый горизонт серого цвета. Интенсивность окраски ослабевает сверху вниз. Нижняя граница диффузная, расплывчатая, определена по усилению бурой окраски.

13–36 см – огородный горизонт бурый с серым. Нижняя граница линейная, ровная, заметная по цвету.

36–37 см – бурая прослойка. Переход к следующему горизонту резкий, неровный, хорошо заметный по цвету.

37–46 см – темно-серый гумусовый горизонт луговой погребенной почвы и культурный слой

эпохи неолита. Встречаются редкие древесные угольки. Интенсивность серой окраски уменьшается сверху вниз. Переход к следующему горизонту неровный, резкий, заметный по цвету.

46–56 см – светло-серый гумусовый горизонт лесной погребенной почвы с наличием небольшого количества артефактов. Переход к следующему горизонту неровный, резкий, заметный по цвету.

Физико-химические свойства

Содержание физической глины, как и в предыдущем разрезе (Арзамас 2), варьируется, но в пределах культурного слоя составляет менее 15%, то есть исследуемая толща – песок связный.

Содержание органического углерода и валового фосфора мало, нетипично для культурных слоев, полностью соответствует требованиям для нижних горизонтов песчаных подзолов.

Микробиоморфная характеристика

Культурный слой выделяется наличием спикул губок и обилием фитолитов. В составе фитолитного комплекса доминируют формы, характерные для лугово-степного разнотравья, то есть высока доля ксероморфной флоры, что выделяет изучаемый слой по сравнению с современной почвой (табл. 1).

Вывод по разрезу

В данном разрезе культурный слой поселения отделен от огородного горизонта бурой прослойкой, что позволяет уверенно говорить о сохранности культурного слоя. То есть все находки артефактов эпохи неолита расположены *in situ* и связаны непосредственно с деятельностью человека в тот период. Данный слой характеризуется обилием фитолитов.

Фиксируется смена фитоценозов с лесного на луговой, лугово-степной. Большинство находок приурочены к луговой почве с высокой долей ксероморфной флоры. Возможно, исчезновение леса и формирование культурного слоя поселения взаимосвязаны.

Сравнительный анализ полученных естественнонаучных данных для локальных культурных слоев одного хроносреза, но относящихся к разным культурам

Проведенные исследования позволили выявить ряд признаков, которые являются общими для всех изученных археологических памятников:

1) легкий гранулометрический состав;

2) морфологическая невыраженность культурных слоев в почвенных профилях;

3) невыраженность культурных слоев по содержанию валового фосфора и органического углерода.

Локализация всех памятников на песчаных или супесчаных почвах объясняется быстрым прогреванием этих почв и хорошим дренажем. То есть жить на этих почвах было комфортнее по сравнению с другими участками, где почвообразующими породами являлись глины или суглинки. Наши данные совпадают с материалами из других неолитических стоянок (*Иванов,* 2014; *Солодков, Ломов*, 2015; *Никитин,* 2019; *Сычева,* 2019), независимо подтверждая вывод о неслучайной локализации изученных памятников на песчаных почвах.

Отсутствие морфологических и химических маркеров культурных слоев связано с двумя факторами. Первый – длительная постпоселенческая стадия почвообразования. Почвенные процессы практически полностью (не считая фрагментов древесных углей в ряде случаев) преобразовали созданный культурный слой, включив этот горизонт в общую систему сформированной почвы. Второй – вероятно, кратковременный (сезонный или иной цикличный) характер жизни на памятниках без создания долговременных жилищ. Это не позволило создать значимую концентрацию такого характерного диагноста антропогенеза, как валовый фосфор.

В то же время археологические памятники представителей разных культур имеют четко выраженные различия, связанные, очевидно, с их спецификой бытования. К этим различиям относятся количество и разнообразие морфотипов фитолитов. В образцах из культурных слоев стоянки Память Парижской Коммуны 9 фитолитов очень мало, состав фитолитных комплексов простой, соответствующий природной среде, окружающей памятник. В то время как во всех культурных слоях поселений Арзамас 2 и Арзамас 3 фитолитов очень много, состав комплексов сложный, многокомпонентный. Некоторые растения (например, тростник), вероятнее всего, искусственно привнесены людьми в хозяйственных целях.

Дальнейшие исследования, накопление данных по специфике культурных слоев неолитических памятников лесной зоны позволят дополнить и расширить полученные выводы.

Естественнонаучные исследования выполнены в рамках темы госзадания ИГРАН FMGE-2024-0010, археологические исследования в рамках госзадания ИА РАН (№ НИОКТР 126011315528-9).

Литература

Александровский А. Л., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Александровская Е. И., Скрипкин В. В., 2018. Почвообразование на территории Старой Ладоги в неолите и раннем средневековье // Записки ИИМК РАН. №. 18. С. 99–104.

Иванов И. В., 2014. Палеоэкологические условия обитания племен эпохи неолита и энеолита в песках Волго-Уральского междуречья // Самарский научный вестник. № 3 (8). С. 108–115.

Кулькова М. А., Косорукова И. В., Сапелко Т. В., 2015. Палеогеографические условия жизнедеятельности древнего человека в раннем неолите в бассейне озера Воже // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Матер. Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию В. П. Третьякова / Под ред. В. М. Лозовского, О. В. Лозовской, А. А. Выборнова. СПб.: ИИИМК РАН. С. 281–284.

Никитин В. В., 2019. Мезолит и неолит Марийского Полесья (эволюция, проблемы выделения культур) // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. С. 69–71.

Овчинников А. Ю., Выборнов А. А., Кулькова М. А., Занина О. Г., Лопатина Д. А., Дога Н. С., Юдин А. И., Алифанов В. М., 2020. Почвенно-экологические условия на неоэнеолитическом поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Почвоведение. №. 2. С. 165–177.

Солодков Н. Н., Ломов С. П., 2015. Почвы эоловых геосистем (неолитические памятники) в поймах рек Среднего Поволжья // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. С. 104–107.

Сычева С. А., 2019. Палеопочвенные и археологические свидельства ритмичного развития пойм рек в голоцене // Археология поймы: рельеф, палеосреда, история заселения. С. 83–87.

Alenius T. H., Gerasimov D., Sapelko T. V., Ludikova A., Kuznetsov D., Golyeva A., Nordqvist K., 2020. Human-environment interaction during the Holocene along the shoreline of the Ancient Lake Ladoga: A case study based on palaeoecological and archaeological material from the Karelian Isthmus, Russia // Holocene. V. 30 (11). P. 1622–1636.

A. A. Golyeva, T. A. Maryenkina, O. V. Zelentsova, I. A. Kozmirchuk

Naturally Scientific Research of the Archaeological Monuments of Arzamas and the Memory of the Paris Commune (Excavations in 2019 and 2021)

Summary

The article presents the results of a comprehensive study of the cultural layers of three Neolithic sites studied during conservation excavations: Arzamas 2, 3, and Memory of the Paris Commune 9. General characteristics of the settlement locations, the specific reflection of cultural layers in modern soils, and the likely preferences of representatives of different cultures for the use of plant materials are identified.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.69-83

А. В. Лагуткин, Е. В. Лагуткина
Тверской государственный университет (г. Тверь)

Изделия из цветного металла городища Игутьево 1 в Тверском Поволжье: к вопросу о культурных связях в раннем железном веке

Исследователям, изучающим дьяковские древности, хорошо известно значение, которым обладают изделия из цветного металла. На памятниках этой культуры их количество, как правило, невелико. Некоторые из них, являясь привозной продукцией, позволяют судить о направлении и характере взаимодействия с соседними регионами и культурами раннего железного века, другие отражают развитие собственных технологий бронзолитейного производства дьяковского населения. При этом именно изделия из цветного металла зачастую являются маркерами, определяющими хронологию памятника, отдельных его напластований или этапов формирования культурного слоя.

В связи с этими и многими другими дискуссионными или нерешенными вопросами изучение и публикация предметов, найденных на отдельных памятниках, представляет значительный интерес. В статье рассматривается коллекция изделий из цветного металла, полученная в результате раскопок городища раннего железного века Игутьево 1 (городище/Городня I/Игутьево 1), а также предлагается ее предварительный анализ. Коллекция небольшая, но, на наш взгляд, выразительная. Ценность ее определяется среди прочего небольшой изученной площадью памятника (80 кв. м с учетом последних исследований 2024 г.), и есть большая вероятность, что при дальнейшем изучении коллекция будет пополняться. Кроме того, необходимо отметить, что городище в последние два десятилетия интенсивно разрушается грабителями, а изделия из цветного металла, как известно, первые их жертвы. Можно только догадываться, какого количества находок мы в результате этой деятельности уже лишились.

Памятник находится в пределах нынешнего Старицкого муниципального округа Тверской области, на правом берегу р. Улюсть, левого притока р. Волги (рис. 1). На этом участке Тверского Поволжья располагаются и другие объекты, относящиеся к периоду раннего железного века, преимущественно городища. Большинство известно благодаря разведкам, однако некоторые из них раскапывались. В 60–70-е годы XX в. в их числе городище Пентурово, селище Захаровское (Козлово) (*Крайнов, Бухтеева,* 1968; *Крайнов,* 1996), городище Дулёво (Толпино) (*Крайнов и др.,* 1974; *Исланова*, 2002). В 2000-е годы городище Крестцы изучалось экспедицией Тверского госуниверситета (*Лагуткина, Лагуткин*, 2010; 2013). Вскрытые площади в некоторых случаях достигают 300 кв. м и более. Однако на всех этих изученных раскопками памятниках предметы из цветного металла представлены единичными экземплярами. Материалы исследований публиковались выборочно или не публиковались вовсе, поэтому неудивительно, что специальных исследований, посвященных изделиям из цветного металла, найденным на памятниках раннего железного века в Тверском Поволжье, нет. Исключение составляет, пожалуй, подробная характеристика и анализ (включая химический состав) И. А. Сапрыкиной коллекции предметов городища Отмичи, материалы исследований разных лет которого опубликованы И. В. Исламовой в монографии, посвященной данному памятнику (он находится в 33 км ниже по течению Волги) (*Сапрыкина,* 2008).

Городище Игутьево 1 расположено на вершине моренного холма первой надпойменной террасы, занимая относительно ровную площадку (рис. 2). Склоны городища крутые, вероятно, специально подрезанные, с северной стороны сохранились остатки рва и двух валов (один по краю площадки). Южная часть городища разрушена карьером. Работы на данном объекте начаты в 2019 г. (шурф 2×2 м), в 2023 г. продолжены

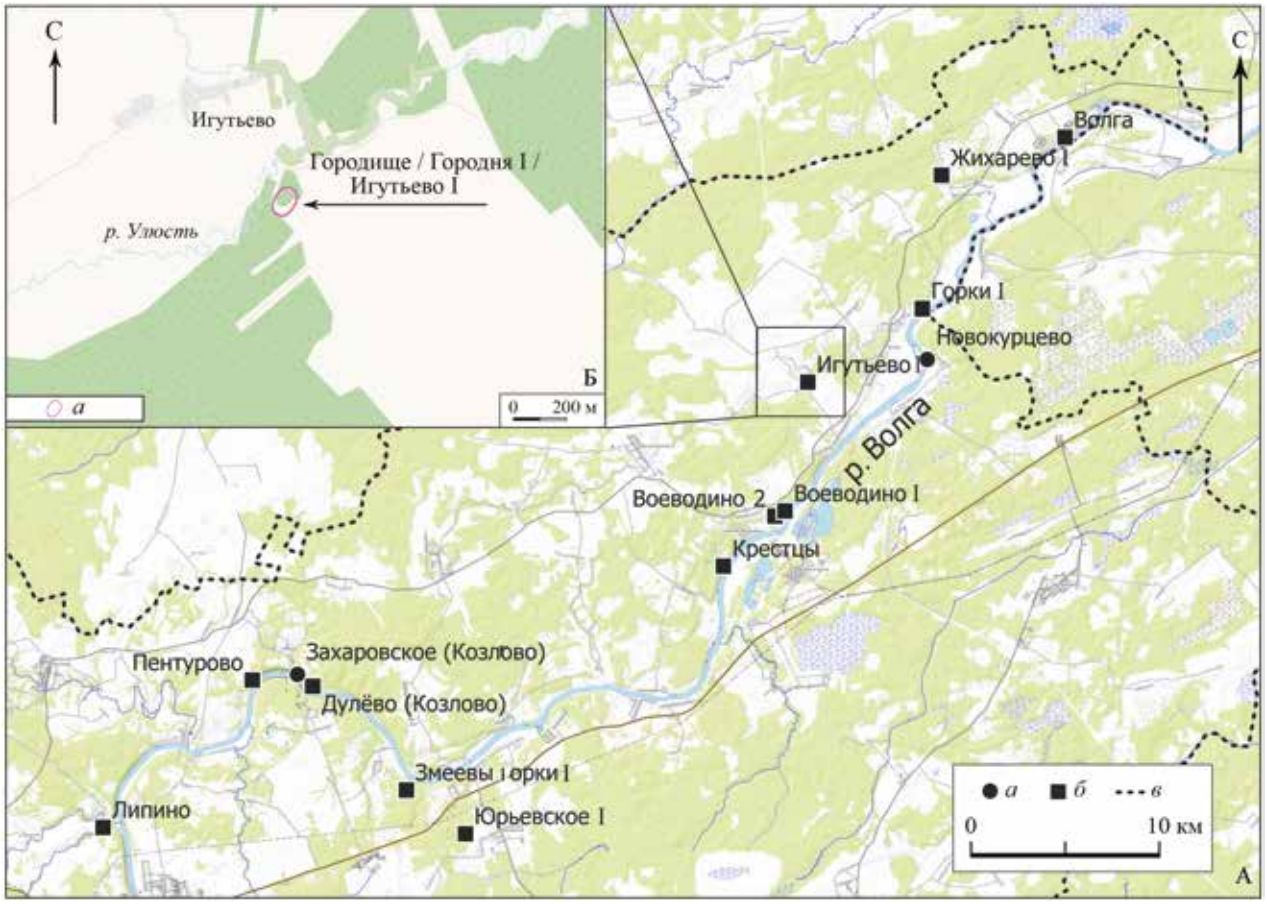

Рис. 1. Памятники раннего железного века в Старицком муниципальном округе Тверской области
А – фр-т карты памятников РЖВ в Старицком муниципальном округе Тверской обл.; *Б* – ситуационный план городища Игутьево 1
а – селище; *б* – городище; *в* – граница Старицкого м.о.

(раскопано 40 кв. м). Первые результаты этих исследований (в том числе некоторые предметы из цветного металла) недавно опубликованы (*Лагуткина, Лагуткин*, 2024). В 2024 г. изучен раскоп площадью 36 кв. м.

Все изделия, за исключением одного, найденного при просмотре отвалов грабительских ям, происходят из слоя городища и обнаружены в процессе археологических раскопок. Слой памятника представлен черной (темно-серой) супесью, не стратифицирован, выглядит достаточно однородным, мощностью от 0,4 до 0,8 м. Он подстилается предматериковым слоем серой и черной супеси, не содержащим находок из цветного металла. Слой городища раскапывался пластами по 10 см. Находки фиксировались по пластам и слоям, которые в них выделялись. Раскопы 1 и 2 располагались в восточной части площадки городища. В раскопе 1 2023 г. вскрыт участок оборонительных сооружений, представленный на первоначальном этапе частоколом, впоследствии засыпанным невысоким валом, идущим вдоль края площадки городища. Сооружения датированы серединой – второй половиной 1-го тыс. до н. э. (*Лагуткина, Лагуткин*, 2024). В раскопе 2 2024 г. зафиксированы элементы строительных конструкций в виде линий частоколов, предположительно интерпретированные как остатки жилых или хозяйственных строений плетневого или столбового типа. За все годы исследований очевидных признаков жилой застройки на городище (отопительное сооружение, пятна повышенной гумусации, крупные хозяйственные ямы и т. д.) пока не выявлено.

Находки из других материалов, обнаруженные на городище за эти годы, представлены предметами из кости, железа и глины. Костяные изделия (скобели, проколки, фрагменты обработанных костей, рукоять костяного ножа, однозубые гарпуны с муфтой, наконечники стрел, другие предметы) указывают на хорошо развитую и разнообразную костяную индустрию, датируемую по аналогиям на других памятниках серединой – второй половиной 1-го тыс. до н. э. (*Лагуткина, Лагуткин*, 2024. С. 169–170. Рис. 6). Этим датировкам не противо-

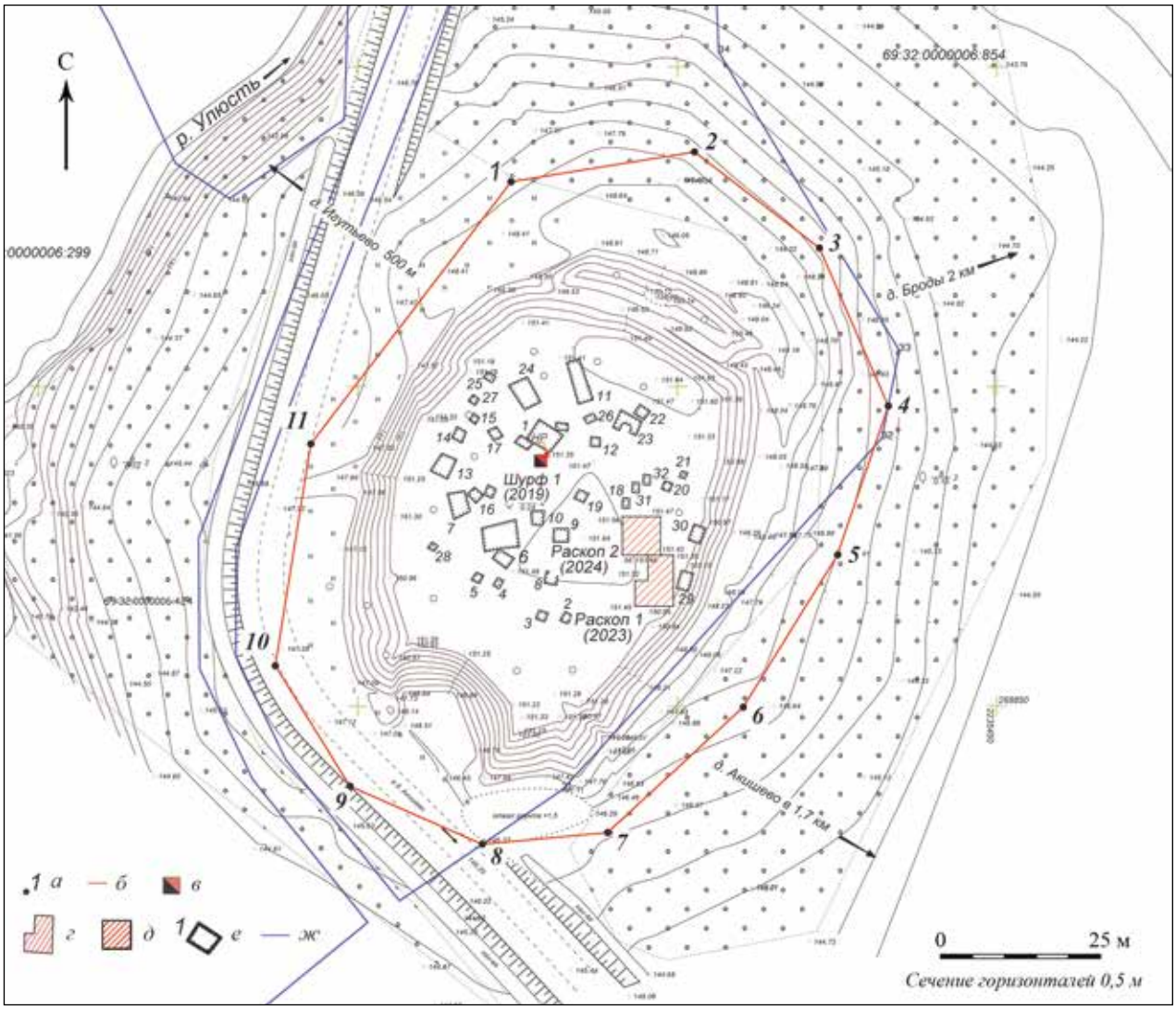

Рис. 2. Топографический план городища Игутьево 1
а – поворотная точка объекта; *б* – граница объекта археологического наследия; *в* – шурф (2019 г.); *г* – раскоп 1 (2023 г.); *д* – раскоп 2 (2024 г.); *е* – разрушение и его номер; *ж* – граница кадастрового участка

речат найденные изделия из железа (серповидные ножи, булавки с кольцевидным навершием, заостренные стержни (шилья), глиняные предметы (в частности, грузик милоградского типа) (*Лагуткина, Лагуткин*, 2024. С. 169–170. Рис. 3). Найденные в 2024 г. два фрагмента грузиков дьякова типа, видимо, относятся к первым векам н. э.

Гладкостенная и сетчатая керамика, в том числе с гребенчатым и ямочным орнаментом, представлена примерно поровну (43 и 44% соответственно), около 10% – штрихованная керамика и чуть более 3% – это лощеная керамика. Преобладают формы сосудов, характерных для второй половины 1-го тыс. до н. э. Керамический комплекс городища Игутьево 1 в целом можно отнести к периоду VIII/VII вв. до н. э. – VI–VII в. н. э. Однако основную часть керамики следует датировать периодом середины – второй половины 1-го тыс. до н. э. (с учетом значительного процента сетчатой посуды, преобладания орнамента в виде гребенчатого штампа, наличия штрихованной керамики). Единичные фрагменты лощеной (затертой) керамики, по-видимому, связаны с периодом первой половины – третьей четверти 1-го тыс. н. э. Таким образом, вся совокупность находок (вещей и массового материала) свидетельствует о том, что основной, наиболее активный период жизнедеятельности на городище относится к раннедьяковскому времени, а именно ко второй половине 1-го тыс. до н. э. При этом присутствуют немногочисленные свидетельства позднедьяковского периода (отдельные находки и лощеная керамика).

Отметим также, что некоторые предметы нетипичны для дьяковских городищ Верхневолжья. Грузик в форме сосуда характерен для памятников милоградской культуры (*Мельниковская*, 1967. С. Рис. 54, *30, 34, 35*; *Лошенков,* 2011. Рис. 81, 82). Булавки с кольцевидным навершием встречаются на многих памятниках культур раннего железного века во второй половине 1-го тыс. до н. э. (днепродвинской, юхновской, милоградской). Они изготавливались как из цветного металла, так и из железа. Характерным отличием булавок такого типа является расположение навершия не на центральной оси булавки, а сбоку от нее (*Шмидт,* 1992. С. 170. Табл. 12, *1–11*; *Каравайко,* 2012. С. 118, рис. 72, *12*; *Мельниковская*, 1967. С. 88–89, рис. 37, *3*).

Коллекция изделий из цветного металла, происходящих из раскопок городища Игутьево 1, небольшая и содержит 17 предметов. Один найден при просмотре отвалов грабительских ям, два – в шурфе 2019 г., еще два – в раскопе 1 2023 г., остальные 12 обнаружены в раскопе 2 2024 г. Как видно на схеме расположения находок на плане раскопов 1 и 2, большинство их концентрируется в центральной части раскопа 2 (рис. 3).

Прежде всего отметим семь изделий, точнее, их фрагменты, назначение которых и датировка неясны или предположительны (рис. 4, *1–4, 6, 8, 11*). Это кусочки проволоки, стержни, фрагменты пронизей (вероятно) в виде трубочек или спирали. Последние предметы (рис. 4, *1, 2, 6*) находят аналогии на Дьяковом городище, где такие изделия встречаются в слоях конца 1-го тыс. до н. э. и первых веков н. э. (*Кренке*, 2011. С. 58. Рис. 140).

Следующие изделия встречаются достаточно часто на дьяковских памятниках. Их четыре экземпляра. Это бусина (или колечко) (рис. 4, *5*). Судя по находкам подобных предметов на Дьяковом городище, датируемых там концом II – I в. до н. э., они могли входить в состав комбинированных украшений с использованием пронизей (*Кренке*, 2011. С. 58. Рис. 140). Это подтверждается материалами клада, найденного на городище Дютьково, где такие бусины и пронизи в форме колечек наряду с умбоновидными подвесками составляли элементы головного или нагрудного украшения, органическая основа которого почти не сохранилась. Время сокрытия клада исследователи относят к I–II вв. н. э. (*Кренке, Лазукин, Тавлинцева,* 2011. С. 140, 147. Рис. 4, *29–38*). Аналогичные бусины найдены на ближайшем к Игутьево 1 городище Крестцы, датируемом раннедьяковским временем (*Лагуткина, Лагуткин*, 2010. С. 142). Следующие предметы – булавка со спиральным навершием и обломанный фрагмент такого навершия (рис. 4, *7, 10*). Это находки из раскопа 2 2024 г. Бронзовые булавки со спиральными навершиями исследователи датируют концом 1-го тыс. до н. э. – первыми веками н. э. (*Смирнов,* 1974. С. 45; *Дубынин*, 1974. С. 238. Табл. XI, *25*). На Дьяковом городище данные находки встречены в слое конца II – I в. до н. э. (*Кренке*, 2011. С. 57. Рис. 102). В Тверском Поволжье такие булавки найдены на городище Крестцы (*Лагуткина, Лагуткин*, 2010. С. 142), серия булавок происходит с городища Отмичи (*Исланова,* 2008. С. 21. Рис. 64). Присутствуют такие украшения и на памятниках раннего железного века в бассейне верхней Мсты (*Исланова,* 2023. Рис. 32, 43, 47). И. В. Исланова полагает, что найденные булавки являлись одним из характерных украшений дьяковского населения и, в отличие от москворецкого региона, в Верхневолжье бытуют, видимо, дольше – до III–IV вв. (*Исланова,* 2008. С. 21).

Коническая прорезная привеска найдена при просмотре отвалов грабительских ям в 2019 г. (рис. 4, *9*). По типологии И. Г. Розенфельдт это колокольчатая привеска без петли. Они происходят преимущественно с подмосковных городищ, их датировки разнятся. И. Г. Розенфельдт датирует привески такого типа V–VI вв. (*Розенфельдт,* 1982. Рис. 2). На Щербинском городище, где найдено семь экземпляров привесок, они датированы I–IV вв. (*Дубынин,* 1974. С. 233. Табл. XII, *12*). Подобные привески есть в Алтуховском кладе, содержавшим предметы первой половины 1-го тыс. н. э. (*Тавлинцева, Кренке,* 2017. С. 186–187, 189). На Дьяковом городище такие привески происходят из слоя, датированного III – первой половиной IV в. н. э. (*Кренке*, 2011. С. 63). А. С. Сыроватко схожую привеску в комплексе с другими ювелирными украшениями с городища Апонитищи 1 относит к I–II вв. н. э. (*Сыроватко,* 2024. С. 183).

Наконец, предметы, представляющие наибольший интерес.

Два фрагмента схожих предметов, найденных на расстоянии 17 м друг от друга, как нам кажется, являются обломками рубчатых браслетов, или так называемых браслетов латенского стиля (рис. 4, *12, 13)*. Один фрагмент найден в шурфе 2019 г. в центре площадки, в согнутом виде; второй – в раскопе 2 2024 г. На Верхней Волге такие находки единичны. На городище Отмичи И. В. Исланова в придонной части ямы нашла обломок такого браслета, также согнутого. Она предположила, что он мог использоваться в качестве лома, т. е. сырья для изготовления других предметов (*Исланова,*

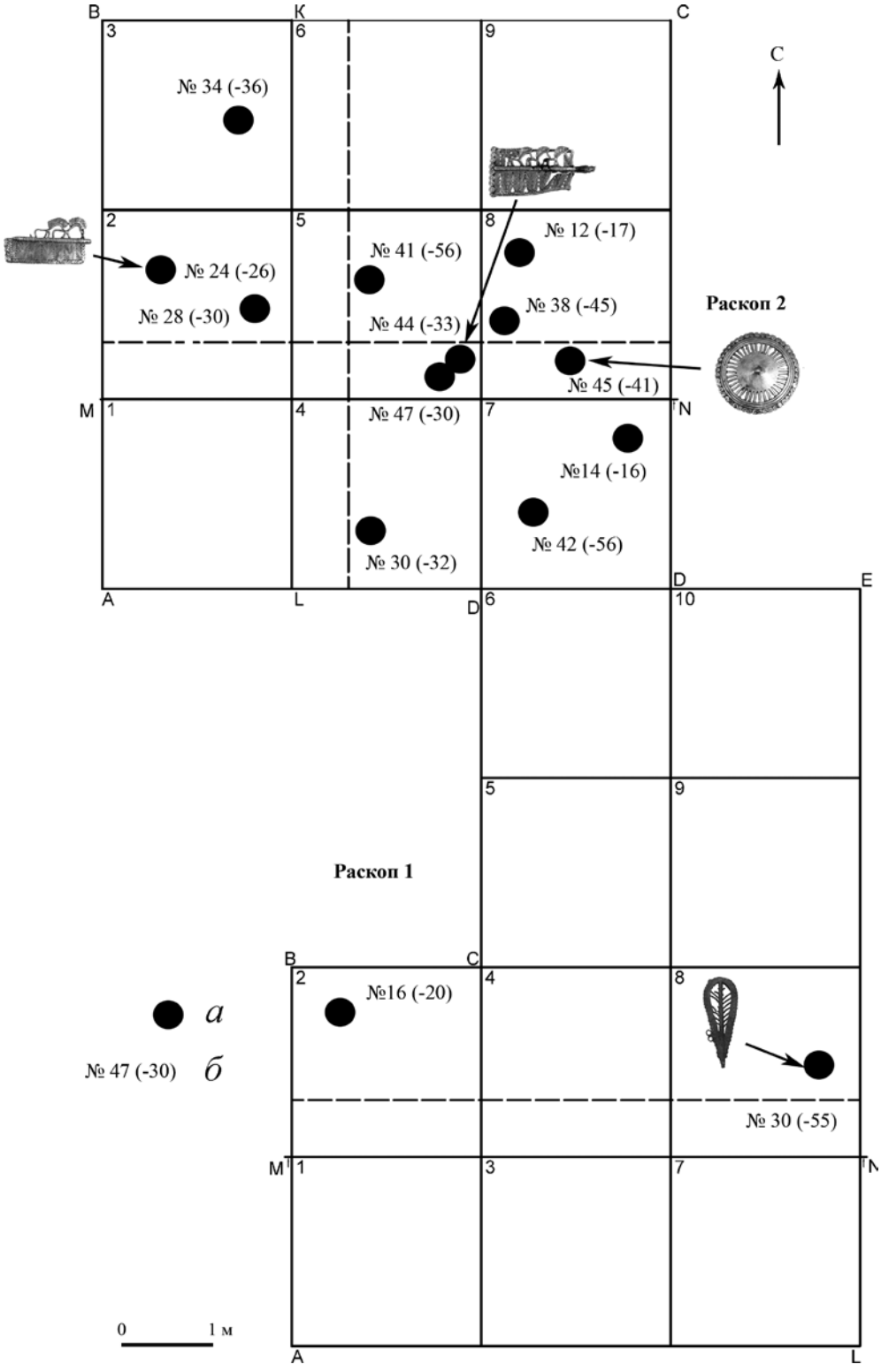

Рис. 3. Городище Игутьево 1. Находки из цветного металла на плане раскопов 1 и 2.
(Здесь и далее указаны номера по полевой описи)

а – место находки; *б* – номер находки и глубина залегания. Р. 1: № 16 – бусина (колечко), № 30 – булавка с ажурным листовидным навершием. Р. 2: № 12 – фр-т стержня, № 14 – фр-т рубчатого браслета, № 24 – булавка с ажурным прямоугольным навершием с конями, № 28 – булавка со спиральным навершием, № 30 – фр-т проволоки, № 34 – фр-т пронизи в виде спирали, № 38 – фр-т спирального навершия булавки, № 41 – фр-т пронизи в виде трубочки, № 42 – стержень, № 44 – булавка с ажурным прямоугольным навершием с конями, № 45 – ажурная умбоновидная бляха, № 47 – фр-т пронизи в виде трубочки

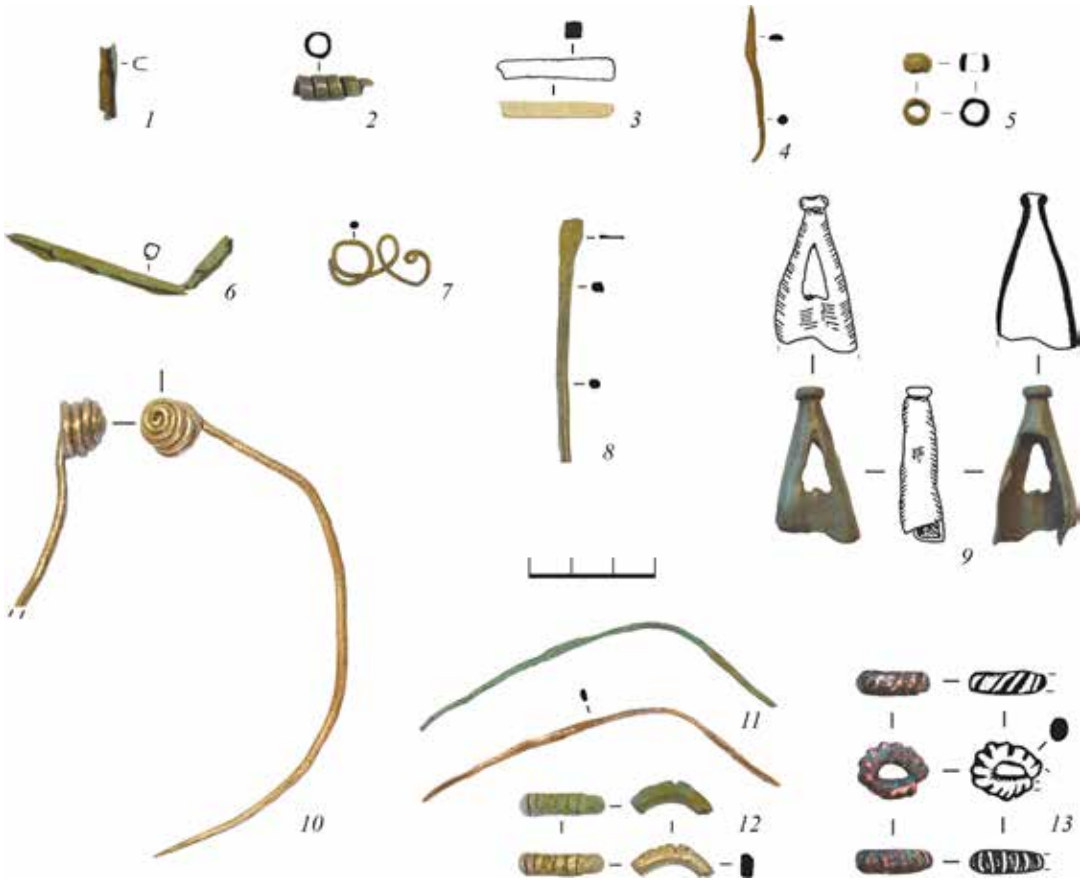

Рис. 4. Городище Игутьево 1. Изделия из цветного металла
1 – фр-т пронизи в виде трубочки, № 41; *2* – фр-т пронизи в виде спирали, № 34; *3* – фр-т изделия, № 4; *4* – фр-т проволоки, № 30; *5* – бусина (колечко), № 16) *6* – фр-т пронизи в виде трубочки, № 47; *7* – фр-т спирального навершия булавки, № 38; *8* – стержень, № 42; *9* – коническая прорезная привеска, № 4; *10* – булавка со спиральным навершием, № 28, после реставрации; *11* – стержень, № 12, до и после реставрации; *12* – фр-т рубчатого браслета, № 14, до и после реставрации; *13* – фр-т рубчатого браслета, № 3. (*9* – подъемный материал; *3, 13* – ш. 2019 г.; *5* – р. 1; *1, 2, 4, 6–8, 10–12* – р. 2)

2008. С. 20–21, 48. Рис. 59, *10*). Возможно, наши обломки выполняли ту же функцию. Единственный целый рубчатый браслет на памятниках раннего железного века Тверского Поволжья найден при раскопках Ф. Х. Арслановой многослойного поселения Избрижье в 1976 г. (*Лагуткин, Лагуткина,* 2025. С. 35. Рис. 52, *2*). Как и Отмичское городище, это памятник расположен ниже по течению Волги, в 16 км. Наиболее близкие регионы, где подобные изделия встречаются чаще, – Верхнее Поднепровье и бассейн Оки. Распространение браслетов здесь датируется IV–III вв. до н. э. (*Нефёдова,* 1992. С. 29; *Столяров,* 2012. С. 51). Аналогиями нашим изделиям могут служить фрагменты браслетов, найденные на городищах днепро-двинской и милоградской культур (*Шмидт,* 1992. Табл. 9, *19–20*; *Мельниковская,* 1967. С. 78–80. Рис. 34, *7, 9*). Клад рубчатых браслетов найден на городище Свиридоново III в Юго-Восточном Подмосковье (*Сыроватко,* 2018). По мнению Е. В. Столярова, на территорию Верхней Оки и Волги данные украшения попадали с Нижнего и Среднего Поднепровья (*Столяров,* 2012. С. 51).

В раскопе 1 2023 г. найдена биметаллическая булавка с ажурным листовидным навершием (головкой) (рис. 5, *1*). Изделие (№ 30) обнаружено около восточного борта раскопа 1 (рис. 3), на глубине -55 см от нулевого репера, фактически на краю площадки городища и начинающегося склона, на уровне четвертого пласта, в слое черной супеси, перекрытом слоем вала (*Лагуткина, Лагуткин*, 2024. Рис. 5, *Б*). Булавка состоит из головки (навершия) и проколки. Проколка составная в виде округлого в сечении стержня, железный край обломан, ложновитая часть проколки из цветного металла в составе головки сплошная цельная.

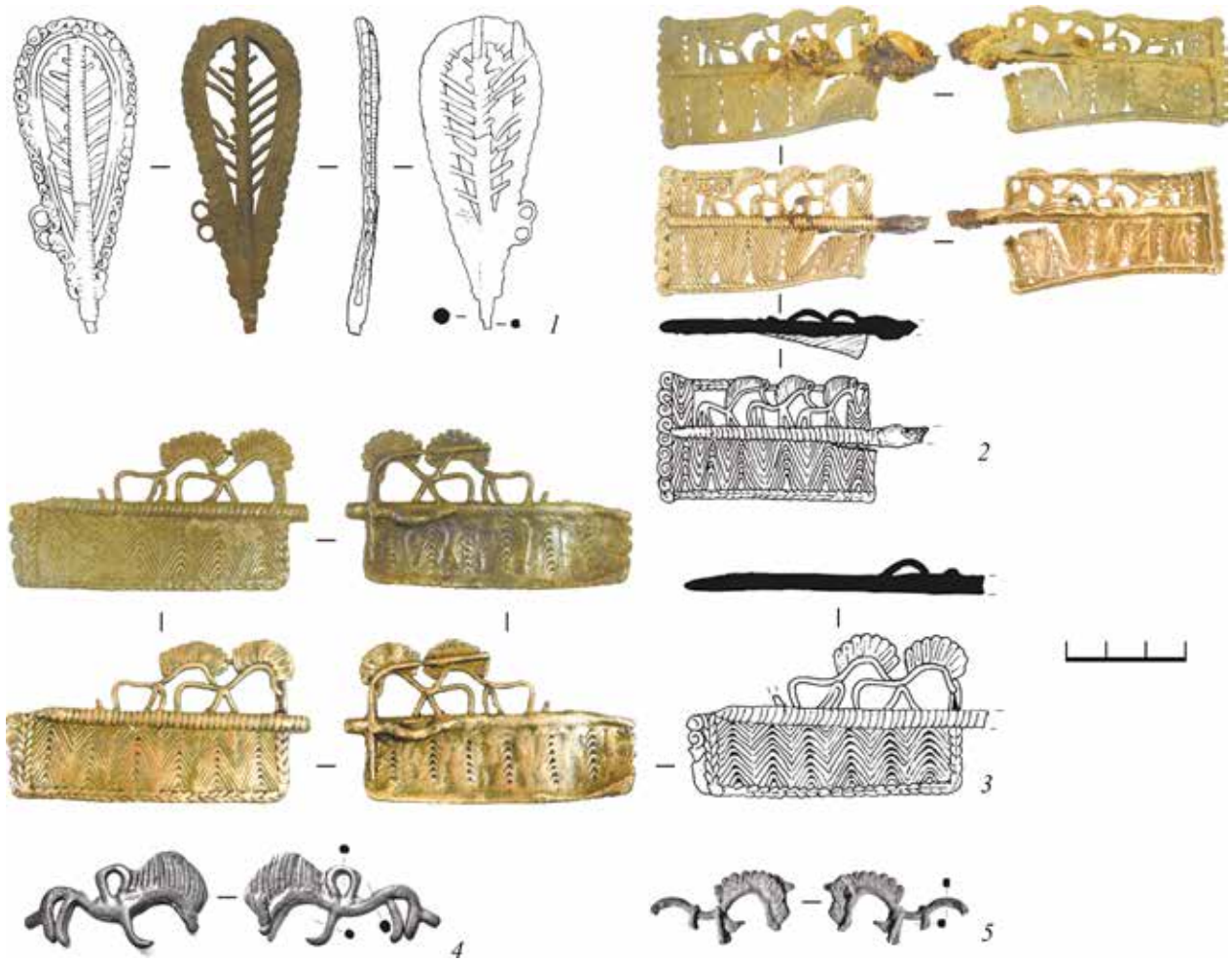

Рис. 5. Булавки с ажурным навершием с городища Игутьево 1 и аналогии к ним
1 – булавка с ажурным листовидным навершием, № 30; *2* – булавка с ажурным прямоугольным навершием с конями, № 44; *3* – булавка с ажурным прямоугольным навершием с конями, № 24; *4* – подвеска-конек (по: *Обломский и др.*, 2012. Рис. 1, *1*); 5 – подвеска-конек (по: *Обломский и др.*, 2012. Рис. 1, *2*). (*1* – Игутьево 1, р. 1; *2, 3* – Игутьево 1, р. 2; *4* – Ксизово 19; *5* – Свиридоново III)

Соединение проколки с головкой неподвижное, в одной плоскости. Навершие (головка) расположено на проколке сверху. Головка плоская, ажурная, составная, каплевидной формы. Внутреннее поле представляет собой сложный узор из тонких стерженьков (лучей), расходящихся веерообразно от долевого стержня симметрично в обе стороны вверх; пять стерженьков обломаны и не сохранились. Внешний контур головки (навершия) имеет вид пластины, имитирующей два спаянных стерженька, по краю пластина оформлена S-видными завитками. В нижней части навершия с левой стороны располагаются две петли из круглой в сечении тонкой проволоки (для крепления). Навершие напаяно на проколку (стержень), обломанную у основания головки. Общая длина изделия составляет 8,6 см. Размеры навершия – 7,8×3,3×0,1 см.

Эта булавка ранее опубликована (*Лагуткина, Лагуткин*, 2024. С. 171. Рис. 3, *7*). Исследователи единодушно связывают такие булавки с изделиями подгорцевского стиля, они встречается на памятниках раннего железного века от Западной Двины до верховьев Десны, Оки и Дона, т. е. к югу и юго-западу от региона Верхневолжья и ареала дьяковской культуры. Исследователи датируют эти предметы V–III вв. до н. э. (*Столяров,* 2013; *Шпилев,* 2018). По имеющейся типологии нашу булавку можно отнести к верхнеокскому типу (тип 1). Практически аналогичный предмет найден на городище верхнеокской культуры Николо-Ленивец в Калужской области (*Чубур,* 2012. С. 121. Рис. 2, *5*).

На территории Тверской области булавка с ажурным листовидным навершием найдена однажды в 1924 г. при раскопках Ермоловского

городища, находящегося на участке так называемого Ржевского Поволжья (расположено в 73 км к юго-западу от городища Игутьево 1 выше по течению Волги) (*Шульц,* 1926. С. 180). Материалы этих раскопок ввела в научный оборот И. В. Исланова, опубликовав и проанализировав сохранившиеся архивные материалы в сопоставлении с современными разведочными исследованиями (*Исланова,* 2018. С. 288–293). Таким образом, экземпляр с городища Игутьево 1 является вторым найденным на Верхней Волге.

В раскопе 2 2024 г. найдены еще два предмета, также являющиеся ажурными навершиями булавок. Однако они прямоугольной формы и иного художественного оформления.

Учитывая уникальность данных находок для памятников раннего железного века на территории Тверского Поволжья, остановимся на них более подробно[1].

Первая из них (№ 24; рис. 5, *3*) найдена в слое черной супеси на уровне пласта 3, ближе к западному борту раскопа 2 (рис. 3), на глубине -26 см. Булавка биметаллическая с прямоугольным ажурным навершием. Железный стержень (игла) обломан. Головка (навершие) плоская, составная, из прямоугольного цельного элемента с имитацией колосков (волн), составленных из жгутов, и ажурной части в виде стилизованных фигурок двух коней (изначально трех коней, один обломан) в профиль друг за другом. Они сделаны из подпрямоугольной в сечении проволоки (жгутов) с изогнутой шеей, опущенной вниз мордой и поднятой гривой (обозначенной имитацией волн из тонких жгутов). У всех коней обозначены три ноги. На цельном прямоугольном элементе на лицевой стороне по трем сторонам по краю – орнамент в виде плетеной косички и в верхней части – спирали (завитки). С обратной гладкой стороны к стержню проколки напаяно ушко (петля) для крепления из одинарного жгута. Общая длина изделия составляет 7,4 см. Размеры навершия – 6,8×2,2–4,3×0,1 см. Размеры коней – 2,0×2,2 см.

Навершие второй булавки (№ 44) несколько деформировано, но сохранилось полностью (рис. 5, *2*). Изделие найдено в слое черной супеси на уровне пласта 4, при разборе бровки раскопа 2 (рис. 3), в ее центральной части, на глубине -33 см. Расстояние от места находки предыдущей булавки составляет 3 м. Булавка тоже биметаллическая с прямоугольным ажурным навершием. Она состоит из головки (навершия) и проколки (стержня). Проколка составная, в виде округлого в сечении стержня диаметром 0,3–0,5 см, железный край (игла) обломан. Ложновитая часть проколки из цветного металла в составе головки сплошная цельная. Соединение проколки с головкой неподвижное, в одной плоскости. Головка расположена на проколке сверху. Головка плоская, ажурная, составная из прямоугольной рамки, в нижней части которой имитация плетенных из проволоки «колосьев» (волн), а в верхней части между двумя плетеными «колосьями», расположенными по краям, три стилизованные фигурки коней в профиль друг за другом. Они сделаны из подпрямоугольной в сечении проволоки (стерженьков/жгутов), с изогнутой шеей, опущенной вниз мордой и поднятой гривой (обозначенной вертикальными насечками на пластине) и выделенным ухом в виде петельки перед гривой. У всех коней обозначены четыре ноги и хвосты. На лицевой стороне головки по длинным краям – орнамент в виде плетеной косички; по короткой стороне – S-видные спирали (волны/волюты). С обратной, гладкой стороны к стержню проколки напаяны два ушка (петли) для крепления, из пластины, имитирующей три спаянных стерженька (или, возможно, из трех скрепленных между собой жгутов). Общая длина изделия составляет 7 см. Размеры навершия – 5,5×3,2–3,5×0,1–0,2 см. Размеры коней – 1,4×1,7 см.

Как видим, обе булавки между собой имеют схожий внешний вид, схожие приемы изготовления, различаясь в деталях. Кроме того, как и более распространенные булавки с ажурным листовидным навершием, они, по крайней мере частично, оформлены различными узорами в виде спиралей, завитков, волн, косичек. Оборотная сторона у них также гладкая. На оборотной стороне имеются петли для крепления (в одном случая одинарная петля, в другом – двойная). Однако главное отличие данных булавок с прямоугольным навершием заключается в том, что они содержат не только различные элементы этой условной орнаментации, но и вполне узнаваемые образы реальных объектов – коней. Можно даже сказать, что обе булавки имеют схожую композицию – половину прямоугольной формы навершия занимают кони, выстроенные в ряд друг за другом.

Прямых аналогий такого рода навершиям в научных публикациях нами не найдено[2]. Е. В. Столяров в работе, посвященной ажурным навершиям булавок, отмечает, что навершия прямоугольной

[1] На рисунках навершия булавок расположены горизонтально для лучшей наглядности их стилистического оформления. Кроме прорисовки приведены фотографии до и после реставрации с лицевой и оборотной стороны.

формы на памятниках лесной зоны Восточной Европы единичны. Два из них найдены на городищах Демидовка и Холмец днепро-двинской культуры, одно на Мутёнковском городище в Юго-Западном Подмосковье, еще одно на городище Ромоданово в Калужской области (*Столяров,* 2013. С. 429, 431). К этому списку можно добавить случайные находки двух булавок из Курской области (*Шпилев,* 2018. С. 40). Ни одна из этих находок не содержит близких или похожих элементов композиции.

Между тем мы полагаем, что аналогиями могут быть предметы, функционально булавками не являющиеся. В 2012 г. А.М. Обломский с соавторами опубликовал статью о коньковых подвесках, найденных на территории от Оки до Верхнего Подонья (*Обломский, Сыроватко, Сапрыкина,* 2012). Всего они учли 13 изделий, связанных с общностями раннего железного века (юхновская, днепродвинская, верхнеокская, милоградская культуры и одна находка с городища Свиридоново каширской группы дьяковской культуры). Авторы считают данные предметы проявлением так называемого ажурного подгорцевского литья и датируют их IV–III вв. до н. э. Позже Ю.Д. Разуваев дополнил эту серию еще несколькими предметами, найденными на Верхнем Дону, датируя их тем же временем и включив в ареал их распространения городецкую культуру (*Разуваев,* 2017). Исследователи отмечают, что на некоторых памятниках, где найдены подобные подвески, имеются следы бронзолитейного производства, т.е. их изготовление могло быть местным. Наконец, А.А. Чубур постарался в своей статье с характерным названием «Откуда скачут бронзовые кони?» учесть максимальное количество известных на данный момент коньковых подвесок (всего более 100 предметов, большей частью случайных находок), а также предлагает собственную типологию, опираясь на ряд признаков, среди которых важнейшим является способ оформления гривы коней (*Чубур,* 2021). На это, кстати, обращали внимание все исследователи. Гривы у подвесок оформлены либо из тонких жгутов в форме волны, либо в виде цельного гребня, орнаментированного насечками.

Нам кажется, что сходство коней на наших булавках с представленными коньковыми подвесками очевидно. Наибольшее сходство отмечается с коньками из Свиридоново III и Ксизово 19 (рис. 5, *4, 5*). Это касается и внешнего вида, и способа воссоздания фигуры лошади, и оформления гривы (оба варианта присутствуют). Интересным в связи с приведенными наблюдениями является тот факт, что мотив изображения коней с подвесок перекочевал на булавки, т.е. присутствует на украшениях разного вида. Отметим также, что выводы исследователей относительно хронологии коньковых подвесок совпадают с датировкой большей части индивидуального и массового материала, полученного на городище Игутьево 1 (IV–III вв. до н. э.). Появление в Тверском Поволжье подобных изделий указывает на южный и юго-западный след культур раннего железного века. Логичным, таким образом, выглядит предположение, что центры производства коньковых подвесок и булавок были одни и те же. В связи с этим появляется возможность представить данные предметы (булавки с листовидным или прямоугольным навершиями, коньковые подвески, а возможно, и другие изделия), рассматриваемые ранее отдельно, в качестве свидетельств общей традиции изготовления украшений для поселений лесной и лесостепной зон раннего железного века.

В контексте приводимых аналогий, думается, не лишне отметить некоторые примеры изделий с других раннедьяковских памятников, также содержащие схожие изображения лошадей. В первую очередь следует упомянуть о находке костяной рукояти ножа на подмосковном Мамоновом городище. На ней имеется резное изображение животного и птицы. Животное прочерчено схематично, это скорее силуэт с изогнутой дугообразно шеей, с гривой и четырьмя ногами. Автор исследований полагает, что это лошадь (*Качанова,* 1954. С. 35. Рис. 22а). Городище датируется широко – с середины 1-го тыс. до н. э. и до III–IV вв. н. э. Однако значительная часть коллекции опубликованных находок и массового материала, несомненно, относится к раннедьяковскому времени. Возможно, и рукоять также.

Вероятно, лошадью является изображение животного, процарапанное на костяном предмете, найденном на Пекуновском городище на Верхней Волге (*Бадер,* 1950. С. 121. Рис. 40).

Похожие изображения лошадей, также выгравированные на костяной рукоятке, найдены при

[2] В сети Интернет имеется несколько примеров подобных изделий (прямоугольные навершия булавок с конями), композиционно оформленные схожим образом, но имеющие различные стилистические отличия. К сожалению, изображения этих предметов, являющихся результатом использования металлодетектора, не имеют никакой сопроводительной информации и лишены археологического контекста, включая название памятника. В некоторых случаях обозначен лишь регион, откуда они происходят (Курская, Рязанская, Ярославская области). Является ли эта информация достоверной, неизвестно. Тем не менее это можно учитывать при выяснении географии распространения подобных изделий. В любом случае очевидно, что булавки с прямоугольными навершиями с конями представляют собой отдельную группу таких украшений.

раскопках городища Настастьино. А. В. Энговатова отмечает узнаваемость животного (дугообразность фигур лошадей, длинная узкая морда и поднятое ухо), а также стилистическую близость с фигуркой лошади с Дьякова городища (*Энговатова,* 2009. С. 274. Рис. 5; *Кренке,* 2011. Рис. 244, *8*). Анализируя эти и другие предметы искусства с городищ Москворечья, Н. А. Кренке полагает, что в раннедьяковское время (V–III вв. до н. э.) здесь складывается местный художественный стиль, в котором образы животных, в том числе лошади, играют важную роль (*Кренке,* 2011. С. 222). Что-то похожее можно предполагать и для региона Тверского Поволжья. Судя по всему, населению раннедьяковских поселений традиция создания изображений лошади была близка, и навершия булавок с фигурками коней вполне соответствуют этой традиции.

Наконец, последний предмет в нашей коллекции – литая ажурная умбоновидная бляха (№ 45; рис. 6, *1*). Она найдена в слое черной супеси на уровне пласта 5 раскопа 2 (рис. 3), на глубине -41 см. Расстояние до ближайшей булавки с навершием с конями из пласта 4 составляет 1,2 м. Бляха из цветного металла состоит из щитка (диаметром 6 см) и ушка (петли 1,4×0,4×0,1 см). Щиток литой округлый ажурный из пластины толщиной 0,1 см, в центре – цельный выпуклый умбон диаметром 2,9 см. От умбона расходятся лучи из прямоугольного в сечении прута, ограниченные тремя обручами из жгутов. По краю внешнего обруча – орнамент из S-видных спиралей (обоюдозагнутых волн, волют). Ушко (петля) цельное, с имитацией из трех прутов, соединение с щитком неподвижное, на обратной гладкой стороне бляшки в центре умбона, в разных плоскостях.

К настоящему времени исследователи выделяют целую серию таких изделий, происходящих с дьяковских памятников, отличающихся в деталях, но в целом близких по внешнему виду. Самый близкий к нашему городищу памятник, где найдена похожая бляха, – это многослойное поселение Беседы со слоями селища раннего железного века (в 14 км ниже по течению Волги), на котором расположена курганная группа древнерусского времени. При раскопках одного из курганов под слоем погребальной площадки обнаружена ажурная бляха, внешне очень напоминающая изделие с городища Игутьево 1 (рис. 6, *2*; *Лагуткина, Степанова,* 2001. С. 127. Рис. 3, *3*; *Кунгурцева, Степанова, Жукова,* 2009. С. 476. Рис. 4, *5*). Авторы раскопок датируют возникновение памятника IV–III вв. до н. э., а наиболее интенсивный период его существования, и бляху в том числе, отнесли к первым векам н. э. И. В. Исланова в связи с анализом керамической коллекции данного поселения, подтверждая наличие слоя и находок раннедьяковского селища, определяет также материалы концом 1-го тыс. до н. э. – первыми веками н. э. Именно эти материалы в качестве опорных И. В. Исланова использует для выделения особой культурно-хронологической группы древностей в Верхневолжском регионе типа Беседы (*Исланова,* 2010. С. 93–94). Происхождение древностей этой группы автор связывает с культурными импульсами с юго-запада и запада, т. е. с территорий днепро-двинской, верхнеокской и юхновской культур. Ажурную умбоновидную бляху наряду с другими индивидуальными находками И. В. Исланова также включает в этот период (*Исланова,* 2010. С. 93–94).

В Молого-Шекснинском междуречье похожие ажурные бляхи встречены в погребальных памятниках Усть-Бельского археологического комплекса, а также на комплексе памятников у д. Куреваниха (рис. 6, *4, 5*) (*Башенькин, Васенина,* 2004. С. 21, рис. 6, *11, 12, 17*; 2006. С. 409. Рис. 4, *5)*. Домик мертвых с фрагментами блях на раскопе III в устье р. Белой датирован II в. до н. э. – I в. н. э., домик мертвых Куреваниха XVI-а с целой ажурной бляхой отнесен авторами к II–III вв. н. э. На территории могильника Куреваниха XIV-а выявлены остатки длинной постройки столбовой конструкции, перекрытой погребальным сооружением – домиком мертвых. Среди предметов данной постройки – изделия раннедьяковского времени: преобладающая сетчатая керамика, серповидный нож, однозубый гарпун с муфтой, грузики милоградского типа. Обнаружены также бронзовая ажурная бляха и фрагмент еще одной. Домик мертвых, перекрывший данную постройку (которую, видимо, следует вместе с бляхой относить ко второй половине 1-го тыс. до н. э.) и также содержавший фрагменты ажурных блях, датирован авторами концом 1-го тыс. до н. э. – рубежом эр (*Башенькин, Васенина,* 2008. Рис. 2, *9, 10*).

Найденные на памятниках Молого-Шекснинского междуречья ажурные бляхи близки по внешнему виду бляхе, обнаруженной на городище Березняки в Ярославском Поволжье П. Н. Третьяковым (рис. 6, *3*). Предмет найден в сооружении, также интерпретируемом автором как домик мертвых, и датируется IV–V вв. н. э. (*Третьяков,* 1941. С. 60, 136. Рис. 31, *4*). Комментируя данную находку, Е. И. Горюнова называет ее пряжкой и находит параллели в пьяноборских древностях и материалах окских могильников (*Горюнова*, 1961. С. 68).

Известны такие бляхи и на москворецких дьяковских городищах, изученных в разные

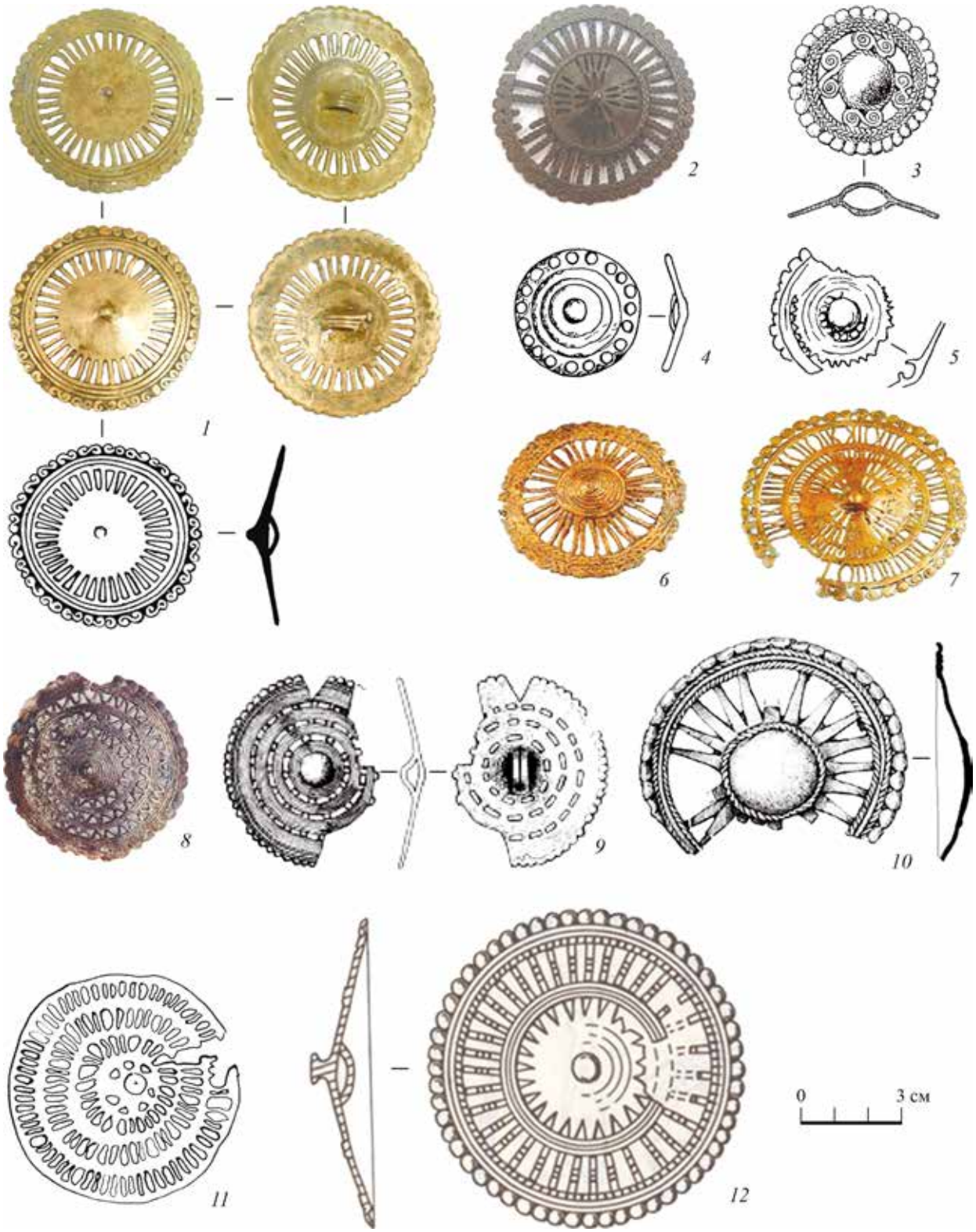

Рис. 6. Ажурная умбоновидная бляха с городища Игутьево 1 и аналогии к ней
1 – гор. Игутьево 1, р. 2, № 45; *2* – поселение Беседы (по: *Лагуткина, Степанова*, 2001. Рис. 3, *3*); *3* – гор. Березняки (по: *Третьяков*, 1941. Рис. 31, *4*); *4, 5* – мог-к и посел. Куреваниха XIV-а (по: *Башенькин, Васенина*, 2008. Рис. 2, *9, 10*); *6* – городище Мамоново, б/м (по: *Качанова*, 1954. Рис. 20, *4*), *7* – гор. Кунцево, б/м (ММ); *8* – гор. Настасьино, б/м (по: *Энговатова*, 2009. Рис. 6); *9* – Дьяково гор. (по: *Кренке*, 2011. Рис. 142, *399-82*); *10* – сел. Ряд 3 (по: *Исланова*, 2023. Рис. 48, *5*); *11* – Большое Торопецкое гор., б/м (по: *Ереемев*, 2024. Рис. 46); *12* – Кошибеевский мог-к (по: *Шитов*, 1988. Табл. VII, *13*)

годы. На городище Мамоново при раскопках 1952–1953 гг. найдена «бронзовая ажурная бляха диаметром 5 см, круглая, со спиральным орнаментом по краю» (рис. 6, *6*; *Качанова,* 1954. С. 30. Рис. 20, *4*). Интересно, что, точно не датируя данный предмет, автор исследований ссылается на бляху с городища Березняки (IV–V вв. н. э.) как на аналогию, а орнамент характеризует как близкий к орнаменту навершия булавки со Свинуховского городища (IV–III вв. до н. э.) (*Качанова,* 1954. С. 30). Аналогичная бляха происходит с Кунцевского городища (рис. 6, *7*). А. Г. Векслер считает ее проявлением солярных религиозных культов у дьяковцев и относит, по-видимому, к середине 1-го тыс. н. э. (*Векслер,* 1982. С. 188). Бляха с Дьякова городища (рис. 6, *9*) датирована по слою концом II – I в. до н. э. (*Кренке,* 2011. С. 57–58. Рис. 142, *399–82*). Бляха из раскопок городища Настасьино (рис. 6, *8*) в составе коллекции изделий из цветного металла датируется не позднее рубежа I–II вв. н. э. (*Энговатова*, 2009. С. 276. Рис. 6).

Ареал распространения бронзовых ажурных блях дополняют предметы, найденные на территории Тверской области, но за пределами поволжского региона. Бляху, найденную на селище Ряд 3 (рис. 6, *10*) (бассейн р. Мсты), И. В. Исланова относит к II–IV вв. н. э. (*Исланова,* 2023. С. 43. Рис. 48, *5*). При этом материалы раннедьяковского времени на данном памятнике также присутствуют (*Исланова,* 2023. С. 35). Из раскопа 1939 г. Н. П. Милонова на Большом Торопецком городище (регион Верхнего Подвинья, ареал днепро-двинской культуры раннего железного века) происходит бляха (рис. 6, *11*), обнаруженная в слое, подстилающем древнерусский. В шурфах разных лет на городище найдена также сетчатая керамика. Автор публикации И. И. Еремеев полагает, что подобные вещи относятся к кругу древностей выемчатых эмалей II–IV вв. н. э. (*Еремеев,* 2024. С. 102–103. Рис. 46).

Наконец, в качестве хронологического индикатора и указателя направления культурных связей дьяковского населения некоторые авторы приводят типологически близкие бляхи из Кошибеевского могильника в бассейне Нижней Оки (*Горюнова,* 1961. С. 68; *Кренке,* 2011. С. 58). В некоторых женских погребениях могильника (раскопки В. Н. Глазова, 1902 г.) в верхней части груди зафиксированы бронзовые ажурные бляхи (рис. 6, *12*). Погребения датируются III в. н. э. (*Шитов,* 1988. С. 10. Табл. VI, *10*; VII, *13*).

Обзор приведенных аналогий ажурных блях показывает существенный разброс в датировке таких изделий (от конца 1-го тыс. до н. э. до середины 1-го тыс. н. э.), а также широкую географию их распространения и культурных влияний (от Верхнего Подвинья до Нижнего Поочья). В большинстве случаев ареал распространения блях так или иначе совпадает с ареалом дьяковской культуры (Москворечье и Верхняя Волга), в связи с чем можно предположить, что они являются продукцией дьяковских ювелиров. Однако неясно, к какому времени относить такую деятельность, собственным «изобретением» она является или заимствованным, как эволюционировал художественный стиль продукции. Кроме того, стилистически изделия действительно отличаются, и, возможно, здесь рассмотрены вещи, принадлежащие к разным традициям и центрам их изготовления. Вероятно, необходимы специальные исследования (создание типологии данных изделий, изучение технологии их изготовления и химического состава), которые позволят прояснить вопросы хронологических и территориальных рамок бытования ажурных блях. Картина может оказаться более сложной, нежели та, которая представляется на нынешнем этапе авторам.

Не оспаривая выводы предыдущих исследований, так или иначе анализирующих бронзовые ажурные бляхи, но учитывая весь комплекс обнаруженных на городище Игутьево 1 изделий из цветного металла (прежде всего вещи, впервые найденные в Тверском Поволжье), вполне логичным выглядит предположение, что данная бляха так же, как булавки с прямоугольными навершиями с конями, принадлежит к кругу находок «ажурного подгорцевского стиля» и является импортом с территории Верхнего или Среднего Поднепровья или подражанием ему. Соответственно, и датировать ее следует более ранним временем.

Что на это может указывать? Во-первых, внешнее очевидное визуальное сходство изделий (наверший биметаллических булавок, в том числе с конями, и ажурной бляхи), указывающее не только на морфологическую, стилистическую, но, возможно, на близкую технологию и общее место их изготовления. Булавки же датируются исследователями V–III вв. до н. э. Во-вторых, при всей условности наблюдений за закономерностями расположения небольшого количества находок в таком нестратифицированном слое, как на городище Игутьево 1, тем не менее отметим, что почти все они концентрируются в пластах с 3 по 5, на глубинах от -25 до -55 см от нулевого репера, т. е. в центральной части толщи культурных отложений. При этом глубина залегания бляхи ниже, чем у наверший с конями. Отметим далее, что места

находок наверший булавок с конями и ажурной бляхи находятся достаточно близко друг к другу (1,2 м и 3,5 м соответственно)[3]. В-третьих, другие находки из тех же пластов, что и украшения (костяные наконечники стрел, однозубые гарпуны, скобели, проколки, серповидные железные ножи), надежно датируются исследователями серединой и второй половиной 1-го тыс. до н. э. Кроме того, среди находок – предметы, характерные для соседних (днепро-двинской, милоградской) культур также второй половины 1-го тыс. до н. э. В четвертых, в массовом материале раскопов на городище доминирует раннедьяковский керамический комплекс (в том числе в тех пластах, где найдены наиболее яркие находки из цветного металла), признаками чего являются высокий процент сетчатой керамики (от 40 до 50%), преобладание среди орнаментированных фрагментов гребенчатого штампа, господство форм сосудов преимущественно V–III вв. до н. э. В-пятых, обратим внимание на стилистическое сходство ажурной бляхи с городища Игутьево 1 с умбоновидными подвесками, хорошо известными на дьяковских памятниках Москворечья. По мнению исследователей, время появления наиболее ранних типов таких украшений – V–III вв. до н. э. (*Сапрыкина,* 2006. С. 37; *Кренке, Тавлинцева,* 2011. С. 79–81). Это время наиболее интенсивного взаимодействия с племенами Среднего Дона, верховьев Днепра, племенами среднего течения Оки. Впоследствии традиция их изготовления привела к созданию собственно дьяковских форм. Наконец, добавим к этим аргументам мнение белорусского археолога С. Е. Рассадина. Характеризуя ювелирные изделия подгорцевского стиля (среди которых не только разнообразные навершия булавок, но также бляхи, в том числе умбоновидные), он считает, что распространение и заимствование ажурного литья племенами лесной зоны (днепродвинской, юхновской, дьяковской культур) идет из Среднего Поднепровья (ареала милоградской культуры) и не позднее III в. до н. э. (*Рассадин,* 1994. С. 263–272; 2005. С. 19–20, 32–34. Рис. 3).

Все приведенные аргументы не противоречат друг другу, однако нуждаются в уточнении и дополнении, прежде всего дальнейшими исследованиями технологии изготовления найденных предметов, их химического состава, сопоставления по данным показателям с другими коллекциями.

Завершая морфологическую характеристику изделий из цветного металла городища Игутьево 1, отметим следующее. На территории Тверского региона на памятниках раннего железного века впервые найдены не отдельные единичные находки, а целый комплекс украшений, характеризующий широкие культурные связи региона с соседними культурами, а также развитую традицию бронзолитейного производства у населения лесной зоны Восточной Европы. Очевидно, что среди ближайших известных и исследованных памятников Тверского Поволжья городище Игутьево 1 явно нерядовое. Важно отметить также, что найдены изделия при раскопках в соответствующем археологическом контексте, в то время как в других регионах значительная часть таких изделий (булавки, например) является случайными находками. Мы предполагаем, что данные изделия являются привозными, во всяком случае, на городище пока не обнаружено явных признаков изготовления предметов из цветного металла. Наиболее предпочтительное направление поступления рассмотренных вещей – южное и юго-западное, с территории Верхнего и Среднего Поднепровья, верховьев Дона, Верхнего Поочья, а время таких контактов – V–III вв. до н. э., возможно, до рубежа эр. Тем не менее все это не исключает возможности рассмотрения данных изделий в контексте дальнейшего развития собственного «дьяковского» ювелирного стиля на рубеже эр и далее в первой половине 1-го тыс. н. э., тем более что на многих памятниках присутствуют очевидные свидетельства бронзолитейной производственной деятельности.

Литература

Бадер О. Н., 1950. Древние городища на Верхней Волге // Материалы по археологии Верхнего Поволжья. М., Л.: АН СССР. (МИА. № 13). С. 90–132.

Башенькин А. Н., Васенина М. Г., 2004. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобожа // Чагодощенская земля: культура, история, люди. Материалы краеведческой конференции. Вологда: ОНМЦК и ПК. С. 19–54.

Башенькин А. Н., Васенина М. Г., 2006. Поселение и погребальное сооружение Куреваниха XVI и XVI-а на р. Мологе // Археология: история

[3] При обсуждении доклада на конференции коллеги высказывали мнение, что найденные предметы могли быть частью клада, разбросанного или распаханного после его сокрытия. Приносим им свою благодарность.

и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. Ярославль. С. 406–416.

Башенькин А. Н., Васенина М. Г., 2008. Комплекс памятников раннего железного века и средневековья у д. Куреваниха на р. Мологе в Вологодской области // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН. С. 149–152.

Векслер А. Г., 1982. Москва в Москве. История в недрах столицы. М.: Московский рабочий. 239 с.

Горюнова Е. И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: АН СССР. (МИА. № 94). 268 с.

Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура / Ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 198–281.

Еремеев И. И., 2024. Средневековый Торопец и древности Верхнего Подвинья (историко-археологические очерки). К 950-летию первого упоминания Торопца в русских летописях. СПб.: ИИМК РАН. 274 с.

Исланова И. В., 2002. Керамика городища Дулёво (Козлово) // ТАС. Вып. 5. С. 508–519.

Исланова И. В., 2008. Городище Отмичи. М.: ИА РАН. (РСМ; вып. 11). 283 с.

Исланова И. В., 2010. Памятники типа Беседы на Верхней Волге // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы. М.: ИА РАН. С. 90–111. (РСМ; вып. 13)

Исланова И. В., 2018. Ермоловское городище (материалы раннего железного века) // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А. Е. Леонтьева / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН. С. 288–293.

Исланова И. В., 2023. Культурно-исторические процессы II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. М.: ИА РАН. 439 с. (РСМ; вып. 22).

Каравайко Д. В., 2012. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАНУ. 276 с.

Качанова В. И., 1954. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.: Госкультпросветиздат. (Тр. МИГМ; вып. 5). С. 8–38.

Крайнов Д. А., 1996. Захарьинское селище // ТАС. Вып. 2. С. 352–353.

Крайнов Д. А., Бухтеева М. Н., 1968. Пентуровское городище // Отчет о результатах работ Верхневолжской экспедиции за 1967 г. на территории Ивановской, Ярославской и Калининской области / Архив ИА РАН. Р–1. № 3567. Л. 170–179.

Крайнов Д. А., Кольцов Л. В., Комаров К. И., Молодцова Е. М., 1974. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1973 г. / Архив ИА РАН. Р–1. № 5033.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 546 с.

Кренке Н. А., Лазукин А. В., Тавлинцева Е. Ю., 2011. Клад украшений с городища Дютьково // РА. № 1. С. 134–148.

Кренке Н. А., Тавлинцева Е. Ю., 2011. Типология и хронология умбоновидных подвесок // *Кренке Н. А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. С. 79–82.

Кунгурцева С. А., Степанова Ю. В., Жукова Е. Н., 2009. Поселение раннего железного века Беседы в Тверской области // ТАС. Вып. 7. С. 474–483.

Лагуткин А. В., Лагуткина Е. В., 2025. Избрижский микрорегион в древности // Избрижский археологический комплекс: история изучения, памятники, находки. Тверь: Твер. гос. ун-т. С. 23–43.

Лагуткина Е. В., Лагуткин А. В., 2010. Работы Тверского ГУ в Тверской области // АО 2007 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры. С. 140–143.

Лагуткина Е. В., Лагуткин А. В., 2013. Работы Тверского ГУ в Твери и Тверской области // АО 2009 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 109–112.

Лагуткина Е. В., Лагуткин А. В., 2024. Новые исследования городища раннего железного века Игутьево 1 в Тверском Поволжье // КСИА. Вып. 276. С. 158–176.

Лагуткина Е. В., Степанова Ю. В., 2001. Комплекс археологических памятников у д. Беседы: предварительные итоги исследований // ТАС. Вып. 4. Т. II. С. 125–138.

Лошенков М. И., 2011. Городища милоградской культуры на территории Беларуси. Минск: Минская фабрика цветной печати. 408 с.

Мельниковская О. Н., 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука. 195 с.

Нефёдова Е. С., 1992. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени: по материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.) / Науч. ред.: М. Б. Щукин, О. А. Гей. СПб. С. 21–34.

Обломский А. М., Сыроватко А. С., Сапрыкина И. А., 2012. Об одном типе подвесок-коньков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы // КСИА. Вып. 226. С. 169–178.

Разуваев Ю. Д., 2017. Бронзовые конько-вые подвески скифского времени на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 247. С. 267–273.

Рассадин С. Е., 1994. Ажурные украшения подгорцевского стиля // Гістарычна-археалагічны

зборник. Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Вып. 5. С. 263–274.

Рассадин С. Е., 2005. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». 106 с.

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука. 179 с.

Сапрыкина И. А., 2006. К вопросу об умбоновидных подвесках дьяковской культуры // РА. № 4. С. 36–40.

Сапрыкина И. А., 2008. Каталог исследованных изделий из цветного металла городища Отмичи // Исланова И. В. Городище Отмичи. М.: ИА РАН. С. 245–265. (РСМ; вып. 11.)

Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 7–89.

Столяров Е. В., 2012. Находки браслетов «латенского стиля» в Верхнем Поочье // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 45–52.

Столяров Е. В., 2013. Украшения подгорцевского стиля в бассейне Верхней Оки (ажурные навершия булавок) // ТАС. Вып. 9. С. 427–435.

Сыроватко А. С., 2018. Свиридоново III: памятник-загадка раннего железного века // ТАС. Вып. 11. С. 220–227.

Сыроватко А. С., 2024. Новые материалы с городищ финала раннего железного века: к вопросу о «войне I в. н. э.» // КСИА. Вып. 276. С. 177–191.

Тавлинцева Е. Ю., Кренке Н. А., 2017. Клад с городища Алтухово // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А. М. Обломского. М.: ИА РАН. (РСМ; вып. 19). С. 184–192.

Третьяков П. Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. М., Л.: АН СССР (МИА. № 5). 150 с.

Чубур А. А., 2012. Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой). Курск: Курский гос. обл. музей археологии. (Матер. и иссл. по археологии Днепровского Левобережья; вып. IV). С. 117–135.

Чубур А. А., 2021. Откуда скачут бронзовые кони? Вновь о коньковых подвесках раннего железного века // Русский сборник. Вып. 10. Брянск: Брянский гос. унив. С. 136–159.

Шитов В. Н., 1988. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н. э. Саранск: Мордовское книжное изд. (Тр. МНИИЯЛИЭ; вып. 93). С. 4–43.

Шмидт Е. А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. I. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Прометей. 208 с.

Шпилев А. Г., 2018. Новые находки булавок с ажурными навершиями эпохи раннего железного века из Курской области // Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур: к 25-летию Курского государственного областного музея археологии. Курск: Курский гос. обл. музей археологии. (Матер. и иссл. по археологии Днепровского Левобережья; вып. 5). С. 38–46.

Шульц П. Н., 1926. Археологические разведки в Ржевском уезде за 1923–25 г. // Ржевский край: сб. Ржевского краевед. о-ва. № 1. Ржев. С. 172–194.

Энговатова А. В., 2009. Дьяковское городище Настасьино в Подмосковье // АО 1991–2004 гг.: Европейская Россия. М.: ИА РАН. С. 269–280.

A. V. Lagutkin, E. V. Lagutkina

Bronze Products from the Hillfort Igutyevo 1 in the Tver Volga Region: on the Issue of Cultural Ties in the Early Iron Age

Summary

The article examines the bronze products found at the hillfort Igutyevo 1 of the Early Iron Age in the Tver Volga region. The collection includes jewelry and clothing items. These objects are compared with finds from other monuments of the Dyakovo culture, as well as neighboring archaeological cultures. It is assumed that some of the decorations indicate broad cultural ties with the population of the Upper and Middle Dnieper region, Upper Oka region during the second half of the first millennium BC.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.84-89

А. Н. Артамкин, И. Ю. Стрикалов
Институт археологии РАН, г. Москва

Поясной набор погребения второй половины XI – первой половины XII века из раскопок в Старой Рязани

В 2024 г. на городище Старая Рязань продолжались ежегодные плановые исследования, приводимые совместными усилиями Института археологии РАН и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Одним из участков работ являлся раскоп 47, начатый в 2017 г. Нижний горизонт этого раскопа представлял собой остатки крупного городского некрополя XI – первой половины XII в.

Старорязанский некрополь, занимающий прибрежную полосу Южного городища протяженностью до полукилометра и шириной более 100 м, исследовался преимущественно в 1960–1970-е годы. За этот период раскопано 216 погребений, подробный анализ которых содержится в монографии В. П. Даркевича и Г. В. Борсевича «Древняя столица Рязанской земли» (1995. С. 339–369). Позднее, начиная с 1994 г., отдельные участки могильника исследованы на раскопах 7АБ, 25 и 47, где в общей сложности открыто еще 82 погребения, в том числе 65 – на рассматриваемом здесь раскопе 47.

Большинство из них безынвентарные. Однако в некоторых случаях (обычно в более ранних погребениях) имеется погребальный инвентарь (в основном украшения: височные кольца, бусы, перстни, браслеты), подробно рассмотренный исследователями (*Даркевич, Борисевич,* 1995; *Стрикалов*, 2022). При продолжении работ в 2024 г. на раскопе 47 найдено уникальное мужское погребение с поясным набором и бытовыми вещами (погребение № 62). Всего в погребении найдено 14 предметов (рис. 1): четыре поясных кольца, два ременных разделителя, две пряжки, ременной крюк, бубенчик (все из цветного металла), железный нож, костяной гребень, железное кресало и кремень. Все предметы лежали относительно компактно в районе пояса и верхней части бедер.

Поясные кольца из цветного металла – 4 шт. (рис. 1, *1–4*). Все кольца гладкие, круглые в сечении. Три из них имеют внешний диаметр около 3 см и внутренний около 2,2 см (рис. 1, *1–3*). Они располагались следующим образом (рис. 2, *1–3*): одно кольцо в районе крестца и два в верхней части бедер (у левой ноги поверх костей таза, у правой – под костями таза). У четвертого внешний диаметр составил около 2,6 см, внутренний – около 2 см (рис. 1, *4*). Это кольцо лежало в районе пояса, с левой стороны, вместе с бубенчиком (лежал внутри кольца), кресалом и кремнем (рис. 2, *4*).

Аналогии этим кольцам широко известны по раскопкам Великого Новгорода – они встречаются в слоях X–XV вв. (*Седова,* 1981. С. 152). В Мининском археологическом комплексе (Вологодская обл.) второй половины X в. – начала XIII в. похожие изделия происходят из верхнего слоя поселения и из погребений (Археология… 2007. С. 157. Рис. 131. С. 252–253).

На назначение этих колец указывает их положение в районе таза. Вероятно, они входили в состав поясного набора и использовались в качестве соединительных элементов для нескольких ремней. В нашем случае рядом с самым маленьким из колец присутствовало скопление предметов. Возможно, его функция – крепление сумки с кресалом и кремнем.

Ременные разделители из цветного металла – 2 шт. (рис. 1, *5–6*). Имеют форму кольца, поделенного перекладинами на четыре попарно равных сегмента (с шириной отверстий около 2,1 и 0,7 см). В центре разделителя перекладины соединяются диском. Внешний диаметр колец – около 3,7 см, внутренний – около 3 см. Диаметр центрального диска – около 1,2 см. Ширина перекладин – 0,2–0,4 см. Все элементы разделителей

Рис. 1. Инвентарь погребения 62 раскопа 47 Старой Рязани
1–4 – поясные кольца; *5–6* – ременные разделители; *7–8* – пряжки; *9* – поясной крюк; *10* – бубенчик; *11* – нож; *12* – фрагмент гребня; *13* – кресало; *14* – кремень. (*1–10* – сплав на основе меди; *11* – железо, дерево; *12* – кость; *13* – железо; *14* – камень)

орнаментированы. По краям кольца и перекладин прослеживаются ободки, а внутри – ложная зернь. На центральном диске орнамент представлен вписанным в круг крестом. Разделители в сечении уплощенные, толщиной около 0,3–0,4 см. Располагались в районе пояса, по одному с каждой стороны (рис. 2, *5–6*).

Из надежно датируемых разделителей такого типа можно назвать, например, находку из шурфа на участке ювелирного производства XI в. в Смоленске (*Кренке и др*., 2016. С. 11. Рис. 4, *8*). Еще один разделитель найден в постройке на Подоле в Киеве, где датируется второй половиной XI в. (*Приймак*, 2014. С 544.). Подобные предметы встречались и на территории Суздальского Ополья. Например, на селище Крапивье 10 (*Макаров*, 2023. С. 310. Рис. 155, *8*).

Лировидные пряжки из цветного металла (рис. 1, *7–8*). Необычным для ременной гарнитуры погребения являлось наличие сразу двух лировид-

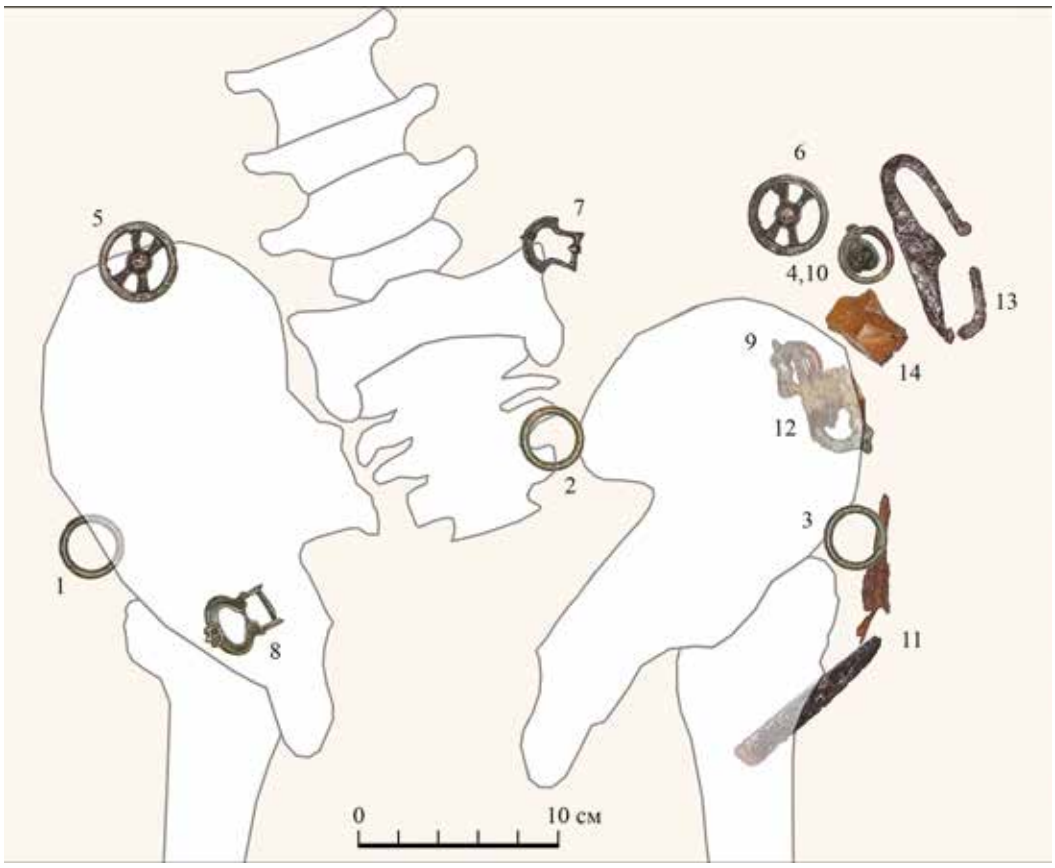

Рис. 2. Схема расположения предметов в погребении 62. Старая Рязань, раскоп 47
1–4 – поясные кольца; *5–6* – ременные разделители; *7–8* – пряжки; *9* – поясной крюк; *10* – бубенчик; *11* – нож; *12* – фрагмент гребня; *13* – кресало; *14* – кремень

ных пряжек в комплексе: одночастной (с остатками язычка; рис. 1, *7*) и двухчастной (без язычка; рис. 1, *8*).

Одночастная лировидная пряжка имеет длину около 2,8 см и максимальную ширину также около 2,8 см. Ширина основания – 1,9 см. Рамка орнаментирована насечками. Пряжка располагалась в районе пояса, с левой стороны (рис. 2, *7*).

Двухчастная лировидная пряжка имеет общую длину около 3,5 см и максимальную ширину около 3 см. В верхней части лировидной рамки – декор в виде трех фигурных выступов. Предмет располагался у верхней части правого бедра (рис. 2, *8*).

Лировидные пряжки очень широко распространены на территории Древней Руси. Большинство из них уверенно датируются XI–XII вв. (*Седова*, 1981. С. 144).

Использование двух пряжек, также как и использование двух ременных разделителей, может говорить о сложной конструкции ременного комплекса.

Поясной крюк из цветного металла (рис. 1, *9*) имеет S-образную форму и окончания, оформленные в виде голов животных (обычно интерпретируются как драконы или лошади). Одно окончание (верхнее) замкнуто в петлю через перемычку, а второе (нижнее) разомкнуто. Общая длина предмета – 6,3 см, ширина – 3,9 см. Образованная замкнутым верхним концом петля имеет внешние размеры 2,5×2,4 см и внутренние 1,5×0,9 см. На этом окончании фиксируются следы кожаного ремешка шириной 6 мм, что соответствует ширине узкого отверстия ременных разделителей из набора (0,7 см).

На древнерусских памятниках такие предметы встречаются нечасто. Для Старой Рязани это третья находка: один крюк найден в подъемном материале в 1971 г., еще один – в 2017 г. в слое XII в. раскопа 40 (*Артамкин*, 2020. С. 28, 29).

М. В. Седова упоминает один такой крюк из слоя XIII в. Великого Новгорода (*Седова*, 1981. С. 151). Аналогичные предметы найдены на территории Суздальского Ополья, например, на селищах Гнездилово 2 (*Макаров и др.*, 2016. С. 124) и Григорово 3 (*Макаров*, 2023. С. 317. Рис. 160, *12*). Известны они и из некрополей, например, из кур-

ганной группы Харлапово XI – начала XIII в. (*Седов,* 1982. С. 224). Про их наличие в прибалтийских курганных могильниках пишет М. В. Седова (1981. С. 151). В этих погребениях они встречаются в районе пояса.

В поясном наборе из Старой Рязани крюк также лежал в зоне пояса, под верхней частью костей таза, с левой стороны (рис. 2, *9*). Судя по лежащему ниже ножу, крюк мог использоваться для подвешивания ножен.

Крестопрорезной бубенчик из цветного металла (рис. 1, *10*). Высота – 2,4 см, поперечник – 1,8 см. Такие бубенчики широко распространены по территории Руси и датируются концом X – началом XII в. (*Лесман*, 1990. С. 60).

Бубенчик располагался в районе пояса с левой стороны, в скоплении предметов, внутри поясного кольца (рис. 2, *10*).

Железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 1, *11*). Спинка ножа прямая, лезвие отломано от рукояти с черенком. Черенок с остатками деревянной рукояти имеет размеры около 7,0×0,7 см. Лезвие – длину 8,7 см и высоту до 1,4 см.

Нож располагался в верхней части левого бедра (рис. 2, *11*), ниже уровня костей таза (рукоять сбоку от них, а лезвие – под бедром), рядом с предметами, которые крепились к поясу. Однако однозначно трактовать положение ножа в поясном наборе не представляется возможным. Учитывая, что лезвие и рукоять располагались обособленно, более того, лезвие повернуто острием к рукояти, можно предположить, что нож поместили в погребение в районе пояса погребенного уже в сломанном виде.

Фрагмент костяного гребня (рис. 1, *12*) представляет собой остатки двустороннего цельного гребня предположительно типа Л (из-за неполной сохранности точнее установить тип невозможно; *Колчин*, 1958. С. 100). Такие гребни датируются XI в. Сохранившийся фрагмент имеет размеры 4,7×2,7 см. На гребне фиксируются следы орнамента в виде линий у основания зубьев. Гребень лежал на поясном крюке (рис. 2, *12*).

Железное кресало (рис. 1, *13*). Калачевидное с язычком. Такие предметы датируются X–XI вв. (*Колчин*, 1958. С. 99). Размеры – 9,0×3,5 см. Располагалось с левой стороны от тазовых костей, в верхней их части (рис. 2, *13*). Рядом с кресалом лежал кусок кремня неправильной формы (рис. 2, *14*) размерами 4,0×2,9×2,0 см.

Таким образом, хотя погребение невозможно датировать по стратиграфии уже, чем XI – первой половиной XII в., набор предметов позволяет отнести его ко второй половине XI – началу XII в.

Рис. 3. Общий вид погребения 62 раскопа 47 Старой Рязани

Структуру поясного набора можно охарактеризовать как сложную. В набор входило несколько предметов, служивших для соединения и разделения ремней: четыре ременных кольца, два разделителя и две пряжки.

Кроме того, с левой стороны фиксируются два набора предметов. В первом наборе (немного сбоку от костяка, в районе пояса) лежали кресало и кремень. Рядом с ними – поясное кольцо и бубенчик. Возможно, через кольцо ремешком с нашитым бубенчиком крепилась поясная сумка с кресалом и кремнем внутри. Во втором наборе (на уровне верхней части бедра, под костями) – поясной крюк, гребень и нож. Вероятно, крюк через замкнутое окончание с ремешком надевался на верхний пояс. Гребень мог располагаться в каком-то отдельном чехле и подвешиваться на крюк или крепиться непосредственно к ремню.

Все детали пояса (пряжки, поясные кольца и разделители) располагаются двумя линиями. Верхняя линия проходила в районе пояса и верхней части тазовых костей (пряжка с остатками язычка, оба разделителя и меньшее по диаметру поясное кольцо). Нижняя линия проходит в районе крестца и верха бедер (пряжка без остатков язычка и три поясных кольца).

Остальные предметы расположены с левой стороны в районе пояса, рядом с тазовой костью и под ней. Такое расположение предметов поясного гарнитура может иметь две разные интерпретации.

Первая заключается в том, что мы имеем дело с двумя отдельными поясами, которыми, возможно, были обернуты разные элементы одежды.

В таком случае к одному поясу относятся пряжка со следами язычка и два ременных разделителя. Также к этому поясу должны были крепиться следующие предметы: кресало, кремень, поясное кольцо меньшего диаметра, бубенчик, гребень, поясной крюк и нож. Ко второму поясу относятся в этом случае вторая пряжка и три поясных кольца.

Погребения, при которых фиксировались несколько поясов, известны, хотя и не являются ординарными. Однако обычно только один пояс оборачивается вокруг погребенного, а другие являются погребальным даром. В данном случае оба пояса должны быть надеты на погребенного, поскольку разные элементы находятся как над костяком, так и под ним (в первом поясе это поясной крюк, гребень и нож, во втором – одно из поясных колец, рис. 2, *1*).

Другая интерпретация заключается в отнесении всех элементов поясного набора к одной конструкции. В таком случае ременные разделители в верхней части пояса служили для навязывания дополнительных ремешков и крепления нижней части пояса. В этом случае верхняя часть конструкции также служила для подвешивания предметов. Нижняя, возможно, могла использоваться для более плотного крепления ножен к бедру.

Культурный слой на участке 47 раскопа Старой Рязани не способствует сохранению кожи и ткани. Без этих элементов достоверно восстановить облик поясного набора, остатки которого найдены при погребении 62, не представляется возможным. Большое количество и особенности расположения предметов позволяют уверенно говорить лишь о сложности этого набора. Представленные выше интерпретации (два отдельных пояса или единая конструкция) допускают различные варианты реконструкции.

Литература

Артамкин А. Н., 2020. Поясной крюк из Старой Рязани // Старая Рязань: крупный городской центр на международных торговых путях. Матер. науч. конфер. М.: ИА РАН. С. 28–31.

Археология северорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 1 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2007. 374 с.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Кругъ. 448 с.

Колчин Б. А., 1958. Хронология новгородских древностей // СА. № 2. С. 92–111.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Муренцева Т. Ю., Хаврин С. В., 2016. Ювелирная мастерская XI в. на Рачевке в Смоленске // КСИА. Вып. 245. Ч. II. С. 7–28.

Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. Л.: Ленинградский гос. университет, 1990. С. 29–98.

Макаров Н. А., 2023. «Усадьбы знати» на поселениях XII–XV вв. // Археология Суздальской земли. Т. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: ИА РАН. С. 305–327.

Макаров Н. А., Карпухин А. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В., Угулава Н. Д., 2016. Обследование средневековых памятников в Суздальском ополье // АО 2014 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 122–126.

Приймак В. В., 2014. Ременные распределители древнерусского и золотоордынского времени (новые находки) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк: ЛГПУ. С. 538–545.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 327 с.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

Стрикалов И. Ю., 2022. Новые факты о времени основания Старой Рязани // Русский средневековый город. Археология, культура. К юбилею Алексея Владимировича Чернецова. М.: ИА РАН. С. 533–580.

A. N. Artamkin, I. Yu. Strikalov

Belt Set from a Burial of the Second Half of the 11th – First Half of the 12th Century, Excavated in 2024 in Old Ryazan

Summary

In 2024, a necropolis from the 11th to the first half of the 12th century was excavated in Old Ryazan. A male burial with a belt set and household items was researched. A total of 14 items were found. This quantity and the particular arrangement of things indicate the complex nature of the belt set, for which two fundamentally different interpretations can be offered. The first is that we are dealing with two separate belts. The second is that all elements of the belt set can belong to a common structure. In addition, the combination of objects allows us to narrow the dating of the burial to the second half of the 11th – early 12th century.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.90-96

В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова
Институт археологии РАН (г. Москва)

Роль археометаллографических данных в изучении материальной культуры городского социума (по материалам раскопок Московского Кремля)

Полномасштабные археологические работы, проводимые в 2014–2018 гг. на территории демонтированного 14-го корпуса Московского Кремля, позволили получить яркий, представительный и разнообразный материал, характеризующий культурные отложения и остатки архитектурных сооружений XVI–XIX вв. в восточной части Кремля (*Макаров*, 2022. С. 19). В результате этих работ собрана весьма значительная коллекция железных изделий, дающая представление о материальной культуре населения этой части средневекового города. С типологической точки зрения железные артефакты из этих раскопок подробно рассмотрены в работе В. С. Курмановского (2022). В настоящей статье мы представляем результаты археометаллографического анализа, дополненного исследованиями на сканирующем электронном микроскопе в сочетании с энергодисперсионной рентгеновской спектроскопией (СЭМ-ЭДС) небольшой серии железных предметов из раскопок 2016 г.

История развития древнерусского кузнечного ремесла в настоящее время относительно хорошо изучена. Так, установлено, что в золотоордынский период железообработка характеризуется применением двух основных технологий: ковка орудий из сырцовой стали с последующей термообработкой и наварка стального лезвия на железную основу.

К сожалению, предоставленная для анализа коллекция невелика, всего 11 предметов (десять ножей и серп)[1], но при этом она состоит из такой значимой категории, как ножи. На основании многочисленных археометаллографических исследований установлено, что именно эта категория наиболее информативна с технологической точки зрения. В целом коллекция по стратиграфическим данным датируется XIII–XVI вв., но основная часть предметов относится к первой половине XIII – XIV в. Все исследованные ножи представлены универсальным типом. Наиболее полно сохранившиеся экземпляры имеют выступы с двух сторон при переходе клинка к черенку. Можно выделить ножи с относительно широким (17–23 мм) и относительно узким (10–14 мм) клинком. Рукоять насаживалась на шилообразный черенок.

Что касается фрагмента серпа, то в многочисленной коллекции железных изделий из раскопов на территории Чудова монастыря он представлен в единственном экземпляре (*Курмановский*, 2022. С. 162). Это вполне объяснимо, поскольку серпы являлись в основном принадлежностью сельского, а не городского населения. Исследованный экземпляр имеет вид полосы сегментовидного сечения с вогнутым режущим краем, оформленным насечками с шагом 1 мм.

Шесть ножей и серп происходят из раскопов I, II и III на территории Чудова монастыря, а четыре ножа – из шурфа № 4, заложенного на Ивановской площади. В шурфе выявлены остатки трапезной палаты Чудова монастыря. Площадь шурфа, свободную от архитектурных остатков, довели до материка. Нижние напластования содержали керамику и находки домонгольского времени (*Макаров*, 2022. С. 15–16).

Исследование железных артефактов проводилось по стандартной процедуре. Образцы отбирались ручным инструментом с рабочих частей орудий. Затем они заплавлялись в сплав Вуда, шлифовались и полировались, после чего травились реактивами ниталь (4%-ный раствор азотной кислоты в этиловом спирте) и Обергоффера.

[1] Еще два ножа в силу сохранности не могли быть исследованы.

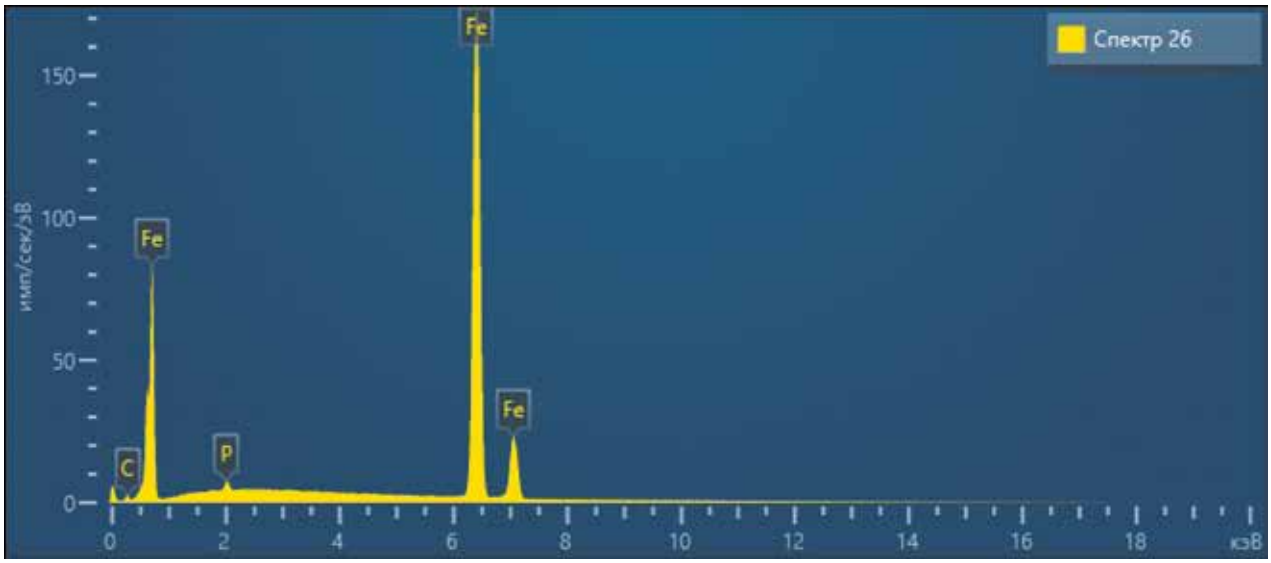
Таблица 1. **Технологические характеристики железных изделий из Московского Кремля (раскопки 2016 г.).**

№ анализа	Предмет	Дата, век	Структура основы	Структура лезвия	Содержание углерода (%)	Микротвердость основы (кг/мм²)	Микротвердость лезвия (кг/мм²)	Технология изготовления
13261	Черенок ножа	Сер. XIV	Феррит	Феррит	–	105–122	116	Целиком из железа
13263	Черенок ножа	Сер. XVI	Феррит	Феррит	–	181–206	193	Целиком из железа
13264	Нож	Сер. XVI	Феррит, феррито-перлит	Мартенсит	0,2–0,3	181–206	383–464	Вварка
13265	Нож	XIII – сер. XIV	Феррит	Феррит	–	122–128	160	Целиком из железа
13266	Нож	1-я пол. XIII	Феррит, мартенсит	Феррит, мартенсит	–	322–383	206–420	Торцовая наварка
13267	Нож	Кон. XVI – XVII	Феррито-перлит	Феррит, мартенсит	0,3–0,4	160	274–350	Из сырцовой стали
13268	Нож	1-я пол. XIII	Феррит, феррито-перлит	Сорбит	0,2–0,3	170–206	254–322	V-образная наварка
13269	Нож	Сер. XIV	Феррит	Сорбит	–	116–170	274–322	Цементация
13270	Нож	Сер. XIV	Феррит, феррито-перлит	Мартенсит	0,2	193–206	383–642	Из сырцовой стали
13271	Серп	1-я пол. XIII	Феррит	Феррито-перлит	0,4–0,5	143–170	151–160	Цементация
13273	Нож	Сер. XIV	Феррит	Мартенсит	–	181–206	514	V-образная наварка

Подготовленные таким образом шлифы просматривались на металлографическом микроскопе ММР-2Р при увеличениях 150 и 490. Микротвердость измерялась на микротвердомере ПМТ-3 алмазным пирамидальным индентором при нагрузке 100 г, время нагрузки – 10 сек. Фотографирование микроструктур проводилось на цифровую камеру для микроскопа серии *ToupCam* с последующей коррекцией снимков в программе *ToupVew 3.7*. Обработка полученных аналитических данных проводилась по методике, разработанной в кабинете археометаллографии Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (*Завьялов, Терехова, Щербаков*, 2024. С. 20–22). Предложенная нами методика позволяет реконструировать технологию производства древних изделий из железа и стали, т. е. извлекать аккумулированную в артефакте информацию о производственных знаниях, технологических приемах и навыках мастера.

Микроструктурный анализ выявил широкий набор технологических приемов, использовавшихся при изготовлении кузнечных изделий из Московского Кремля (табл. 1). Наиболее просты в изготовлении предметы, откованные целиком из кричного железа (структура феррита) – три экземпляра. Однако следует учитывать, что два артефакта представлены черенками ножей, то есть для них не требовалось каких-либо дополнительных операций по улучшению рабочих качеств. При этом один из этих ножей, как показал СЭМ-ЭДС анализ (рис. 1), откован из фосфористого железа (содержание фосфора 0,5%), что привело к повышенной микротвердости железа (193–206 кг/мм²). Клинок железного ножа XIII – середины XIV в. (ан. 13265), по мнению В. С. Курмановского, перекован из шарнирных ножниц (*Курмановский*, 2022. С. 153), и вследствие длительного нагрева при перековке стальная часть на лезвии могла не сохраниться. Обнаружение ферритных структур в основном на черенках, а не на клинках ножей подтверждает мнение Б. А. Колчина о том, что древнерусские кузнецы не изготовляли цельножелезных ножей (*Колчин*, 1953. С. 81). Все же обнаруженные цельножелезные экземпляры или являются браком, или утратили стальные лезвия из-за длительного использования или коррозии.

Не менее просты в изготовлении ножи, откованные из сырцовой стали, то есть стали, полученной в ходе сыродутного процесса. Для такой стали характерно неравномерное распределение и, как правило, невысокое содержание углерода. Из такого материала были откованы два ножа (ан. 13267, 13270; рис. 2). Все изделия термообработаны

Элемент	Тип линии	Вес, %	Сигма вес, %	Атом, %	Оксид	Оксид, %	Сигма, % оксида
O	K-серия	22,60	0,09	50,37			
P	K-серия	0,43	0,03	0,49	P_2O_5	0,97	0,07
Fe	K-серия	76,97	0,09	49,14	FeO	99,03	0,12
Всего		100		100		100	

Рис. 1. Нож, ан. 13263. Химический состав феррита по СЭМ/ЭДС

(резкая закалка). Вследствие этой операции значительно повысились твердость и острота лезвия. Ножи из сырцовой стали, как уже отмечалось нами, демонстрируют переход кузнецов к производству качественной продукции с наименьшими затратами, что отвечало потребностям формирующегося общерусского рынка (*Завьялов, Розанова, Терехова*, 2007. С. 157).

Технология цементации заготовки зафиксирована на двух предметах – ноже середины XIV в. (ан. 13269) и серпе первой половины XIII в. (ан. 13271). Нож подвергся двухсторонней цементации с последующей закалкой и высоким отпуском (структура сорбита) (рис. 3). При цементации серпа науглероживанию подвергся самый край лезвия. В результате химико-термической обработки содержание углерода на лезвии составило 0,4–0,5%. Термообработке серп не подвергался.

Четыре предмета демонстрируют сложные технологии, связанные с применением технологической сварки. Образцы двух ножей первой половины XIII – середины XIV в. (ан. 13268, 13273) демонстрируют технологическую схему V-образной наварки (рис. 4; 5). При этом стальная наваренная полоса у ножа № 13268 составляет более двух третей ширины клинка, в то время как у другого экземпляра сталь наварена только на режущую кромку.

На орудии первой половины XIII в. обнаружена структура, свидетельствующая о проведении торцовой наварки стального лезвия (ан. 13266). Основа ножа также откована из стали (рис. 6). Структура на всей площади шлифа представлена мартенситом с ферритом, что свидетельствует о закалке сырцовой стали.

Нож середины XVI в. изготовлен по технологии вварки стального лезвия (ан. 13264). Основой клинка послужила пакетная заготовка, сваренная из полос сырцовой стали с содержанием углерода 0,2–0,3%. Лезвие подверглось резкой закалке (рис. 7). Следует отметить, что технология вварки (как разновидности трехслойного пакета) в древнерусском кузнечном ремесле выходит из употребления в конце XII в. Чем вызвано применение этой технологии в позднем Средневековье, остается загадкой. Форма и тип ножа вполне соответствуют датировке по слою. Отметим, что в предыдущих исследования железных изделий из Московского Кремля ножи с вварными лезвиями не встречались (*Завьялов, Розанова, Терехова*, 2007. С. 58). Не исключено изготовление данного предмета на заказ по особой технологической схеме.

Дополнительно в Центре коллективного пользования ИА РАН проведено определение химического состава самого металла и шлаковых включений

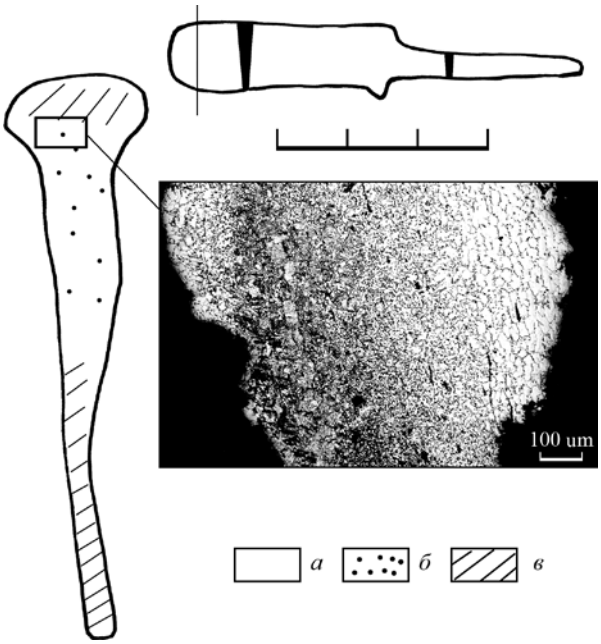

Рис. 2. Нож, ан. 13270. Технологическая схема изготовления и фотография микроструктуры
а – железо; *б* – сталь; *в* – термообработанная сталь

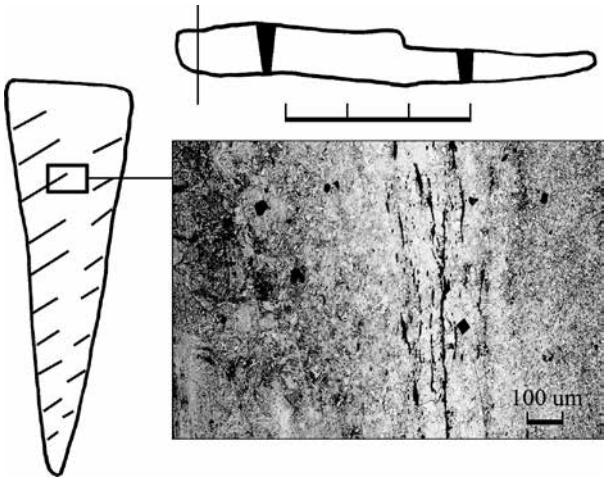

Рис. 3. Нож, ан. 13269. Технологическая схема изготовления и фотография микроструктуры (условные обозначения см. на рис. 2)

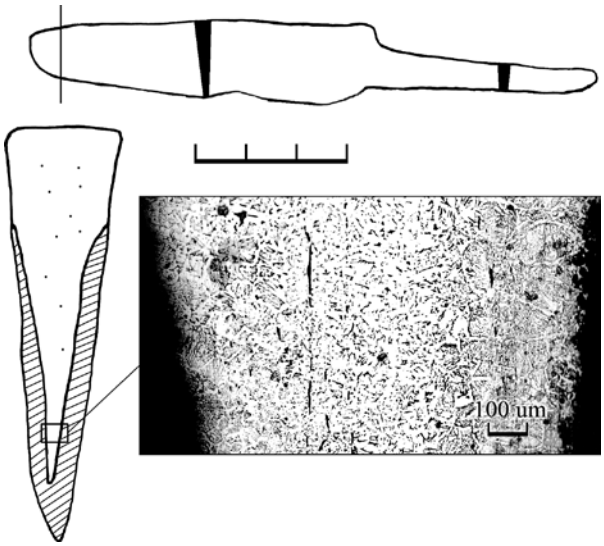

Рис. 4. Нож, ан. 13268. Технологическая схема изготовления и фотография микроструктуры (условные обозначения см. на рис. 2)

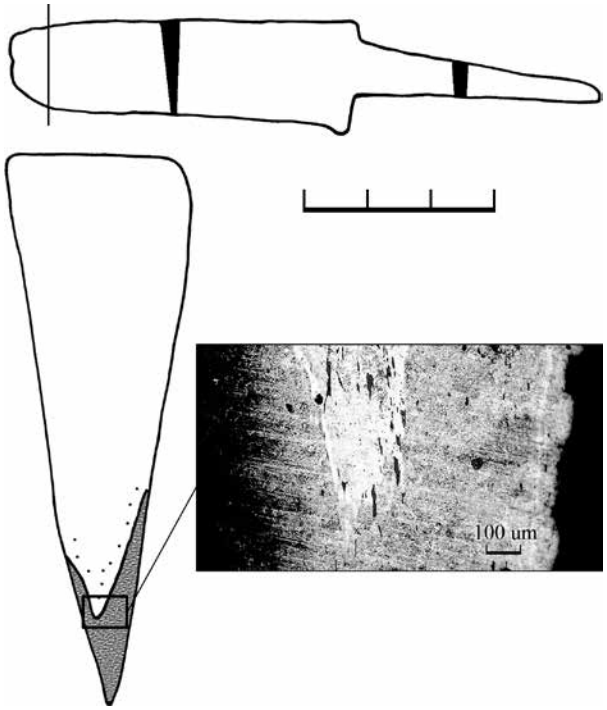

Рис. 5. Нож, ан. 13273. Технологическая схема изготовления и фотография микроструктуры (условные обозначения см. на рис. 2)

в металле (табл. 2). Исследования проводились методом СЭМ-ЭДС на сканирующем электронном микроскопе *TESCAN VEGA Compact LMH*[2]. Анализ полученных результатов позволяет высказать предположение о сходстве или различии железорудных источников, металл из которых использовался для изготовления исследованных предметов.

Для каждого образца проводилось 10–12 замеров. При этом два замера делались непосредственно на металле (это позволило выделить предметы с повышенным содержанием фосфора), и 9–10 замеров проводились на шлаковых включениях различных типов. Отдельно проводились замеры лезвия и основы предметов, изготовленных

[2] Приносим благодарность Е. Я. Зубавичису за помощь в проведенных исследованиях.

Таблица 2. **Химический состав шлаковых включений (в вес. %) в железных изделиях из Московского Кремля (раскопки 2016 г.).**

№ анализа	Fe	Si	Al	Mn	Mg	P	K	Ca	Ti	S	Na	Ba	O
13261	13,26	14,6	2,63	1,99	1,36	1,61	3,2	7,57	0,14	0,16	Н/о	Н/о	35,49
13263	44,66	3,91	0,44	0,5	Н/о	12,96	0,79	1,13	Н/о	Н/о	Н/о	0,42	35,19
13265	40,31	12,35	2,39	2,14	3,11	0,7	1,83	3,22	0,13	0,3	Н/о	Н/о	33,52
13267	16,04	18,26	4,61	5,11	5,31	0,22	2,79	8,6	0,17	Н/о	Н/о	Н/о	38,89
13268 лезвие	53,52	6,08	1,39	0,24	Н/о	0,32	1,61	0,42	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	27,14
13268 основа	37,78	14,41	3,44	2,21	0,8	1,55	2,32	2,32	Н/о	0,12	Н/о	Н/о	35,05
13269	22,51	17,58	4,23	5,84	4,4	0,33	5,18	4,52	0,17	Н/о	Н/о	Н/о	37,59
13270	10,31	22,19	3,41	1,52	1,85	1,24	2,87	15,02	0,3	Н/о	Н/о	Н/о	41,3
13271	38,7	9,38	1,64	14,72	Н/о	1,67	0,19	1,66	Н/о	Н/о	Н/о	1,49	31,55
13264 лезвие	7,98	34,34	2,17	1,03	0,71	Н/о	3,86	2,89	0,12	Н/о	0,3	Н/о	46,29
13264 основа	53,23	11,85	0,68	Н/о	Н/о	1,52	0,6	0,48	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	31,63
13266 лезвие	45,14	13,41	0,22	3,69	3,13	0,65	0,45	1,00	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	32,77
13266 основа	5,79	23,79	3,2	6,64	5,26	Н/о	3,18	9,98	0,19	Н/о	0,17	Н/о	41,81
13273 лезвие	12,01	31,75	2,7	0,69	1,07	Н/о	2,39	3,73	0,17	Н/о	0,35	Н/о	45,13
13273 основа	39,97	6,23	1,25	1,35	0,57	10,66	0,97	3,29	Н/о	Н/о	Н/о	Н/о	35,71

с применением сварки. Таким образом, проведено исследование 15 образцов (11 предметов и 4 лезвия). При анализе выделялись спектры, загрязненные элементами, составляющими сплав Вуда (свинец, олово, висмут и кадмий), в который заплавлялись образцы. Такие спектры в расчет не принимались. Спектры одного образца сравнивались между собой на предмет их сходства, а затем выбирался наиболее репрезентативный спектр. Подчеркнем, что ввиду малочисленности коллекции СЭМ-анализов полученные наблюдения носят предварительный характер.

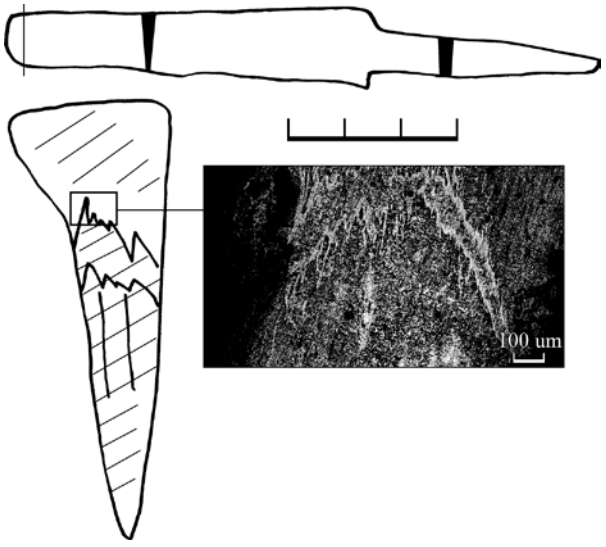

Рис. 6. Нож, ан. 13266. Технологическая схема изготовления и фотография микроструктуры (условные обозначения см. на рис. 2)

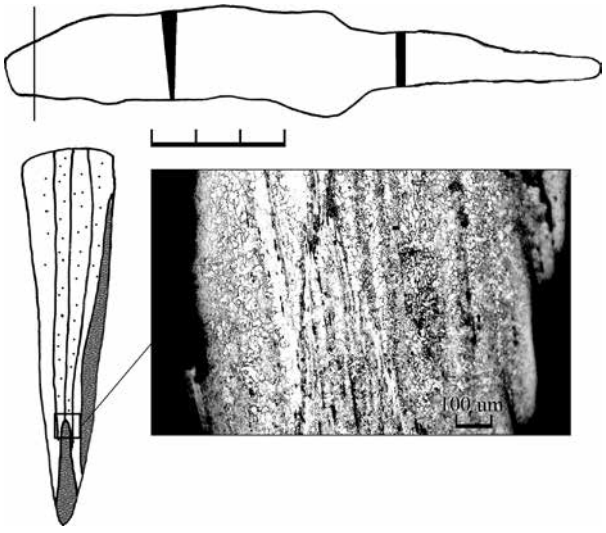

Рис. 7. Нож, ан. 13264. Технологическая схема изготовления и фотография микроструктуры (условные обозначения см. на рис. 2)

Результаты СЭМ-анализа черного металла артефактов из раскопа 2016 г. в Московском Кремле продемонстрировали, как и следовало ожидать, чистоту железа от примесных элементов, которые сосредоточены в шлаковых включениях. Единственным элементом, присутствующем в железе (за исключением углерода), оказался фосфор. Фосфор, как известно, естественная примесь, переходящая в металл из болотной железной руды. Он придает железу такие специфические свойства, как твердость, сопротивление коррозии. В настоящее время общеизвестно, что некоторые виды фосфористого железа (при содержании фосфора в металле свыше 0,1%) в прошлом высоко ценились, в частности, за возможность хорошо свариваться с высокоуглеродистой сталью и повышенную устойчивость к коррозии. Опытный кузнец при определенных условиях легко мог отличить их невооруженным глазом от нефосфористого железа и стали (*Thiele, Hosek*, 2015. P. 114). В исследованной коллекции фосфористое железо обнаружено у шести артефактов. При этом содержание фосфора, как правило, оказывается сопоставимым в металле и шлаковых включениях. Лишь в двух случаях (ан. 13263 и 13273) содержание фосфора в шлаковых включениях в несколько раз превышает содержание этого элемента в металле.

Следует отметить различия по фосфору у сварных конструкций (ан. 13264, 13268, 13273). Если в основе этих ножей наблюдается повышенное содержание элемента (0,12–0,43% P), то на лезвии фосфор отсутствует. Это, несомненно, свидетельствует о выковке основы и лезвия из заготовок, полученных из разных руд.

Сопоставление трех основных составляющих шлаковых включений – железа, кремния и алюминия – позволило выделить две группы по содержанию в шлаковых включениях оксида железа (свыше 60% и менее 60%). При этом у сварных изделий содержание железа в шлаковых включениях значительно отличалось у основы и лезвия орудий. Этот факт подтверждает сделанный выше вывод по содержанию фосфора, что основа и наварное лезвие ковались из разных заготовок.

Основными примесями, содержащимися в рудах и переходящими в шлаковые включения в металле, являются марганец и магний. У большинства образцов содержание этих элементов коррелируется (то есть при увеличении оксида марганца увеличивается и оксид магния, и наоборот). Как правило, содержание марганца и магния в шлаковых включениях не превышает 6–7%.

На общем фоне выделяется серп первой половины XIII в. (ан. 13271), у которого отмечено высокое содержание марганца (14,72%) при полном отсутствии магния. Следует отметить, что группа изделий с высоким содержанием марганца в шлаковых включениях при содержании магния, близком к нулю, выделена среди материалов раскопок Большого сквера в Московском Кремле. Все эти предметы датируются второй половиной XIII – первой половиной XIV в. Полученные данные свидетельствуют о том, что в указанное время одним из источников поступления металла в Москву было рудопроявление с указанными характеристиками.

Интересное наблюдение сделано нами о соотношении марганца, магния и фосфора. Отмечено, что в шлаковых включениях с более высоким содержанием марганца и магния содержание фосфора минимально. Напротив, в шлаковых включениях с высоким содержанием фосфора содержание марганца и магния незначительно.

Итак, проведенный нами комплексный анализ железных предметов из раскопок 2016 г. в Московском Кремле позволил получить полноценную характеристику кузнечных изделий. Прежде всего отметим разнообразие технологических схем изготовления ножей. Даже на примере небольшой коллекции аналитических данных мы можем судить о том, что московские мастера находились в русле общего развития городского ремесла. Это демонстрирует применение мастерами разнообразных технологических приемов. В их числе следующие технологические схемы.

1. Ковка предмета целиком из сырцовой стали – непосредственного продукта металлургического процесса.

2. Цементация заготовки, то есть преднамеренное получение стального лезвия.

3. Наварка стального лезвия на железную основу.

4. Вварка стального лезвия в многослойную основу.

На основании полученных данных можно высказать предположение о развитом мастерстве кузнецов, владевших стандартным набором кузнечных операций.

Соотношение технологических приемов изготовления кузнечной продукции из Московского Кремля демонстрирует общие закономерности развития древнерусского кузнечного ремесла. Для него на позднем этапе развития характерным становится широкое использование сырцовой стали с последующей термообработкой при сохранении значения наварной технологии. Еще Б. А. Колчин отмечал более трудоемкое (а значит, и более

дорогое) изготовление орудий с наварными лезвиями по сравнению с ковкой предметов из цельнометаллических заготовок (*Колчин*, 1953. С. 78–80). Следовательно, сосуществование двух основных приемов изготовления кузнечной продукции свидетельствует о расширении рынка сбыта, когда мастера поставляли и более дешевые (цельностальные), и более дорогие (с наварными лезвиями) изделия.

Принципиально новая информация получена при анализе шлаковых включений в металле с помощью электронного сканирующего микроскопа. Это позволило установить, что лезвия и основа ножей с наварными лезвиями ковались из металла, полученного из разных рудных источников. Впервые мы обратили внимание на закономерность соотношения марганец – магний – фосфор в шлаковых включениях. На основании анализа серпа подтверждено предположение о поступлении в Москву в XIII–XIV вв. металла из руды, отличавшейся высокой примесью марганца при низком (близким к нулю) содержании магния.

Таким образом, комплексный подход к анализу даже небольшой серии артефактов, примененный в настоящей работе, позволил всесторонне рассмотреть особенности железных изделий из Московского Кремля. Дополняя типологическое изучение кузнечной продукции (*Курмановский*, 2022) археометаллографическими исследованиями и анализом состава шлаковых включений, мы получаем наиболее адекватные данные для изучения материальной культуры городского социума.

Литература

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак. 280 с.

Завьялов В. И., Терехова Н. Н., Щербаков В. Л., 2024. Металлургия и железообработка на сельских поселениях Древней Руси. М.: Таус. 216 с.

Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М.: АН СССР. (МИА; № 32.) 280 с.

Курмановский В. С., 2022. Изделия из железа // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 152–175.

Макаров Н. А., 2022. Введение. Задачи и ход раскопок 2014–2016 гг. // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 8–21.

Thiele A., Hosek J., 2015. Estimation of Phosphorus Content in Archaeological Iron Objects by Means of Optical Metallography and Hardness Measurements // Acta Polytechnica Hungarica. Vol. 12. No. 4. P. 113–126.

V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova

The Role of Archaeometallographic Data in the Study of the Material Culture of Urban Society (Based on Excavations of the Moscow Kremlin)

Summary

Archaeometallographic analysis and scanning electron microscopy (SEM) of a series of iron objects excavated in the Moscow Kremlin in 2016 revealed that the knife blades and their bases were forged from steel of different origins. Both inexpensive solid metal knives and more expensive ones with welded blades were sold on the Moscow market.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.97-110

В. Л. Щербаков
ООО «Древности Поволжья» (г. Кострома)

Объекты и материалы XII–XIV веков из раскопок Костромского посада в 2023 году

В 2023 г. на территории объекта археологического наследия «Участок культурного слоя по берегам р. Сулы (посад города)», XII–XVIII вв., в г. Костроме, на месте нового строительства по ул. Щемиловке, 13, под руководством В. Л. Щербакова проведены археологические раскопки (рис. 1). Площадь работ составила 646 кв. м. Участок исследований находится в центральной части города, приурочен к площадке, полого спускающейся к р. Волге. С точки зрения исторической топографии города местность примечательна тем, что входила в состав посада как первого, так и второго костромских кремлей. Градостроительный контекст участка работ 2023 г. для проведения археологических исследований можно охарактеризовать как негативный: под мусором от разрушения деревянного барака на площади раскопа обнаружен капитальный кирпичный фундамент, вероятно, от предшествующего здания, превышающий по площади стоявший на участке до начала 2000-х годов барак. Точная дата его постройки неизвестна. Соседний жилой дом барачного типа по ул. Щемиловке, 17 построен в 1959 г. Ближайшие наиболее ранние дома по ул. Щемиловке, 5 и 15, – в 1917 г.

Культурный слой внутри фундамента и за его пределами в некоторых точках имел удовлетворительную сохранность. В раскоп попало 18 построек, 39 столбовых и 85 хозяйственных ям, 19 канавок от изгородей (рис. 2). Примечательны крупные размеры погребов XVI–XVII вв. – до 31 кв. м. Собрана представительная вещевая коллекция, включающая 606 индивидуальных находок. Учтено около 25 тыс. единиц массового материала.

Большая часть выявленных ям и объектов относится к XVI–XVII вв. В этот период были в значительной мере переработаны более ранний культурный слой и объекты. В частности, много материалов XII–XIV вв. найдено в переотложенном состоянии. Это относится как к керамике, так и к индивидуальным находкам. Переотложенная ранняя костромская керамика представлена горшками из ожелезненной глины с крупными примесями высокой концентрации (дресвой и песком). Венчики сосудов сильно профилированы, многочисленные аналогии имеются в материалах сопредельных регионов. Выделяются редкие фрагменты грубых сосудов из неожелезненной глины (белоглиняных), в целом нехарактерных для Костромы (около 0,11% керамики, найденной вне ям). Напротив, в Ярославле такая посуда обычна.

Всего при работе с керамической коллекцией раскопа по ул. Щемиловке, 13 нами выделено 12 групп керамики[1] (рис. 3; табл. 1; 2), в том числе пять групп – относительно поздняя посуда, две – с очень широкой датировкой, пять групп (V, VI, VII, VIII, IX) на том или ином отрезке своего бытования связаны с периодом XII–XIV вв., для них приведена доля в выборке венчиков.

Группа I – сосуды без выраженной шейки, с завернутым наружу краем венчика, имеют аналогии в материалах XVIII–XIX вв. Аналогии: венчики типа 13 конца XVII–XIX в. владимирской посуды по Е. В. Майоровой (2011. С. 145–147. Рис. 1). Посуда такой формы часто встречается в культурном слое Костромы XVIII–XIX вв. (*Щербаков,* 2009; 2017).

[1] Оговоримся, что данная группировка керамики по форме имеет утилитарный, рабочий характер и не претендует на выявление и фиксацию исторических и культурных закономерностей. Ранее С. И. Алексеев попытался классифицировать в целом костромскую керамику. К сожалению, публикация результатов лаконична и исключает возможность использовать их в работе с другими коллекциями, включая рассматриваемую (*Алексеев*, 2006. С. 38. Рис. 1).

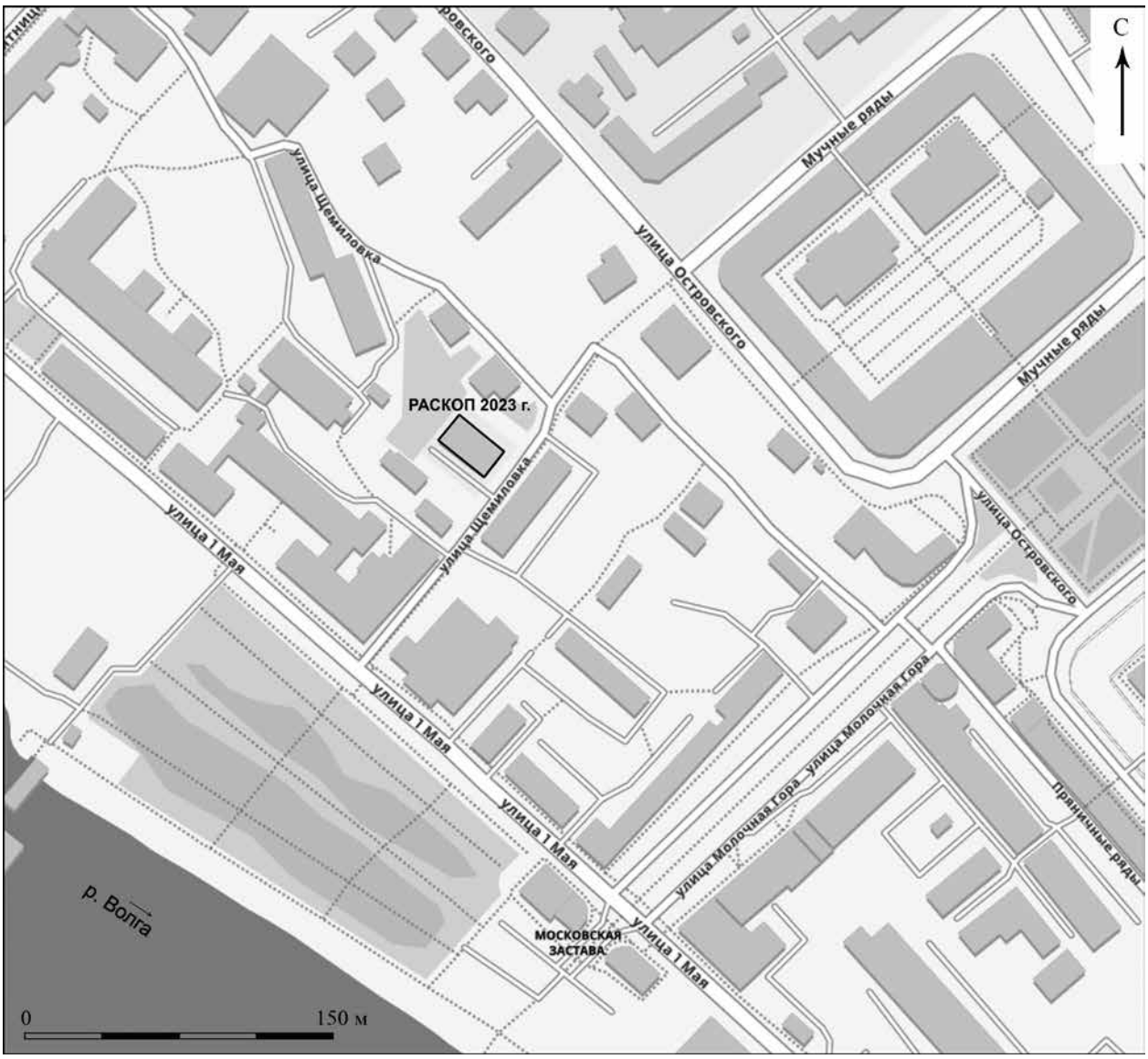

Рис. 1. Участок раскопок 2023 г. на карте г. Костромы

Группа II – сосуды с выраженной шейкой, вертикальной или наклоненной внутрь сосуда, черновой край венчика завернут наружу, имеют многочисленные аналогии в материалах XVI–XVIII вв. Аналогии: венчики условного типа 10 XVI–XIX вв. по В. Ю. Ковалю (2014. С. 553); венчики типа 10 XVI–XVIII вв. владимирской посуды по Е. В. Майоровой (2011. С. 145–147. Рис. 1) и др.

Группа III – сосуды с выраженной шейкой, вертикальной или наклоненной внутрь сосуда, черновой край венчика завернут наружу, шейка несколько утоплена вниз, на плечике в ряде случаев фиксируется ребро. Сосуды имеют многочисленные аналогии в материалах XV–XVII вв. Аналогии: венчики условного типа 3 XV–XVI вв. по В. Ю. Ковалю (частичная аналогия) (*Коваль,* 2014. С. 552); посуда Новгорода Великого типа VIII по Г. П. Смирновой (1959. С. 229. Рис. 1. Рис. 8. С. 244–247), бытующая с XV в. и встречающаяся в материалах XVI в.; владимирская керамика XVI в. (*Зоц,* 2010. С. 363–364. Рис. 4, *14, 17, 22*); посуда типа XIV из г. Твери, встречается с начала XV в. и господствует в XVIII в. (*Лапшин,* 2009. С. 129, 448. Рис. 198). Посуда такой формы, найденная при раскопках расположенного вблизи г. Нерехты Костромской области селища Тетеринское, датирована нами в пределах конца XV – первой половины XVII в. (*Щербаков,* 2014).

Подгруппа IIIа – сосуды с выраженной шейкой, слабо наклоненной наружу, черновой край венчика срезан и заглажен, шейка утоплена вниз,

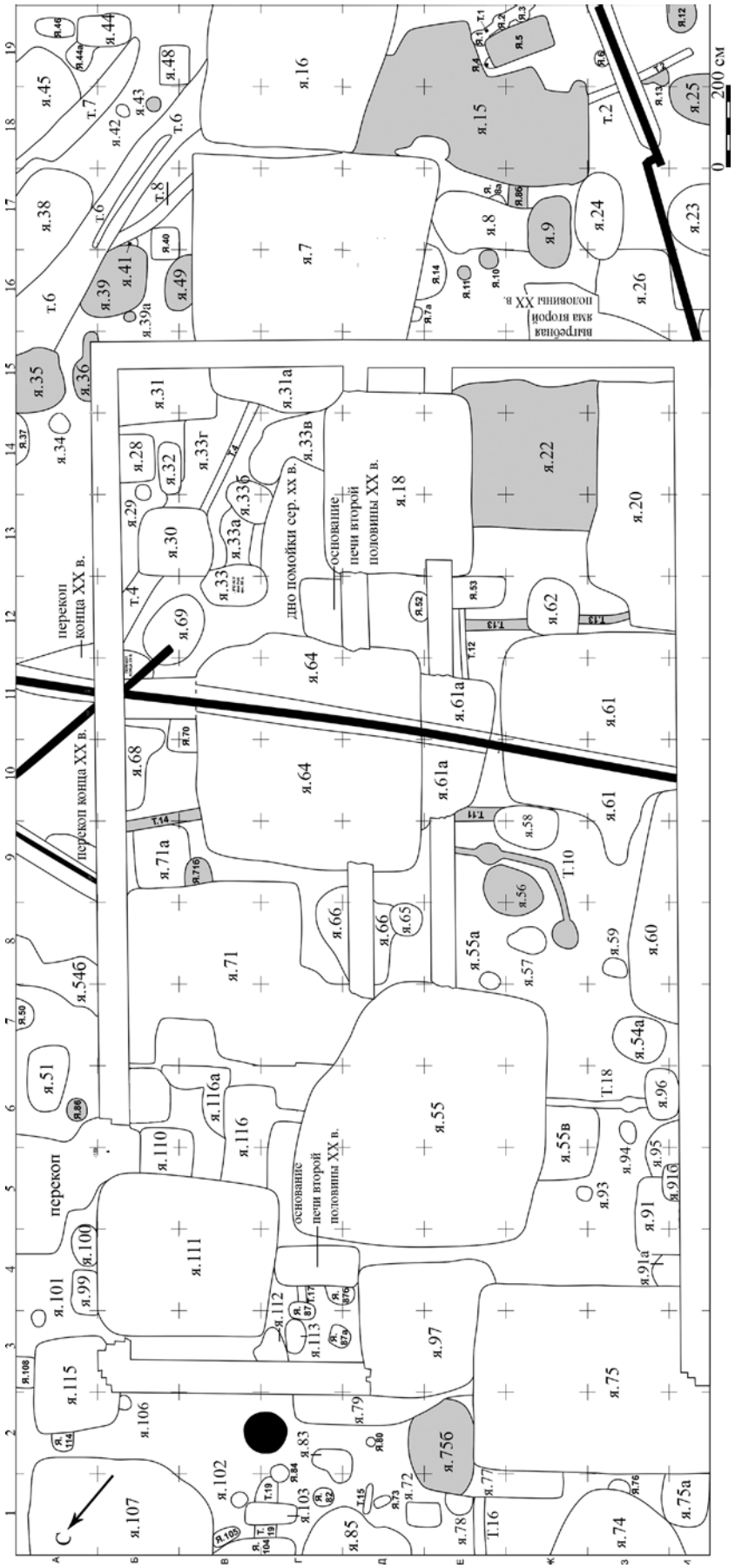

Рис. 2. Объекты XII–XIV вв. на плане материка. Выделены серым

Таблица 1. **Распределение массового материала по объектам. Раскопки Костромского посада в 2023 г.**

Объект №	Керамика								гвозди кованые/ железный предмет	фр-ты костей	осколки стекла	куски шлака	ошлакованная керамика	Всего
	грубая поверхность, с дресвой	грубая поверхность, с песком	гладкая поверхность, без примесей	гладкая поверхность, с песком	гладкая поверхность, с дресвой	гладкая поверхность, с шамотом	белоглиняная грубая	чернолощеная						
Яма 5	61	34	–	3	–	–	5	–	–	–	–	–	1	104
Яма 9	124	46	–	19	5	6	2	–	7	62	–	–	–	271
Яма 10	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	5
Яма 13	55	7	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	63
Яма 15	130	30	–	8	9	1	4	–	–	5	–	–	1	194
Яма 22	31	1	–	4	18	–	–	–	–	–	–	–	–	54
Яма 35	36	3	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	42
Яма 36	57	9	–	2	–	–	–	–	2	1	–	–	1	72
Яма 39	36	10	–	1	–	–	3	2	–	–	–	–	–	52
Яма 49	22	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	22
Яма 71а	25	8	–	20	12	–	–	–	1	2	–	–	–	68
Траншея 14	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5
Яма 75б	24	6	–	5	4	–	–	–	–	–	–	–	–	39

Таблица 2. **Распределение по форме венчиков из заполнения объектов. Раскопки Костромского посада в 2023 г.**

Объект №	Группы									Всего
	I	II	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
Яма 5	–	7	–	5	8	10	2	–	–	32
Яма 9	–	–	–	5	28	9	5	13	–	60
Яма 13	1	–	–	–	7	4	–	–	–	12
Яма 15		4	–	10	20	35	–	–	–	69
Яма 22	–	–	–	16	–	5	2	–	1	18
Яма 35	–	–	–	1	2	4	1	–	–	8
Яма 36	–	–	–	–	5	9	2	–	–	16
Яма 39	–	–	–	–	4	1	10	–	–	15
Яма 49			–	–	1	–	2	–	–	3
Яма 71а	–	3	–	–	11	3	1	–	–	18
Траншея 14	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Яма 75б	–	1	1	1	4	2	5	–	–	14

на плечике отчетливо фиксируется ребро. От сосудов предыдущей группы отличаются наклоном шейки и более грубым по составу тестом. Сосуды имеют аналогии в материалах XV в. Аналогии: сосуды подтипа IVБ из материалов Житного раскопа Переяславля Рязанского (*Судаков,* 2019. С. 76. Рис. 4); венчик из нижней части заполнения ямы № 4 (до 1493 г.) из Монетного двора 1988 г. в Москве (*Бойцов,* 1991. С. 38. Табл. 102, *4916*).

Группа IV – посуда с выраженной шейкой вертикальной постановки или слабо наклоненной внутрь сосуда, черновой край завернут внутрь и/или профилирован, плечико выраженное, без ребра. Большая часть венчиков этой группы характеризуется частым линейным орнаментом по шейке сосуда, небольшая часть венчиков – из неожелезненной глины, остальные – из ожелезненной. Сосуды имеют многочисленные аналогии в материалах XVI–XVII вв. Аналогии: посуда XVI в. из ожелезненной глины, повторяющая формы коломенской белоглиняной керамики, из раскопок по ул. Володарского, 4

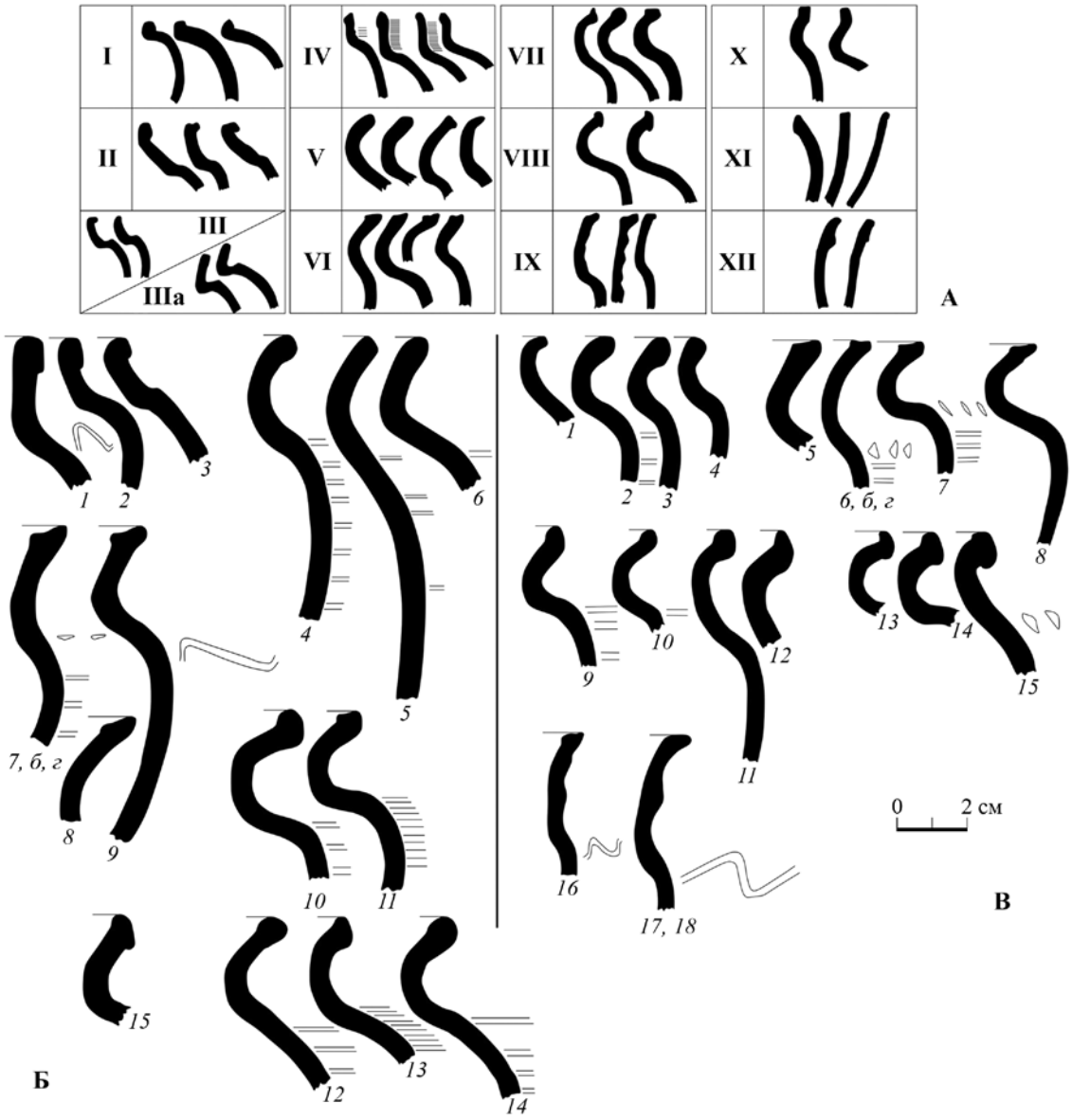

Рис. 3. Керамика из раскопа 2023 г.
А – группы венчиков, 2023 г., по ул. Щемиловке, 13; **Б** – образцы венчиков из заполнения ямы № 5;
В – образцы венчиков из заполнения ямы № 9

в г. Владимире (*Зоц,* 2010. С. 365–366. Рис. 8); посуда третьей четверти XVI – третьей четверти XVII в. из раскопок Романова двора в Москве (из «горизонта Опричного двора»; из слоя огорода начала XVII в.; из горизонта пожара денежного двора и др.) (Археология Романова двора… 2009. С. 468–477. Рис. 222, 230, 231).

Группа V (6,8% венчиков, найденных вне ям) – сосуды с выраженной шейкой, выгнутой или наклоненной наружу, завернутым или заглаженным краем, имеют многочисленные аналогии в материалах XIV–XVII вв. Аналогии: венчики условного типа 6 XV–XVII вв. по В. Ю. Ковалю (2014. С. 553); посуда типа 6 из г. Владимира (по Е. В. Майоровой), получившая широкое распространение в XIV–XV вв. (*Майорова,* 2011. С. 145, 146. Рис. 1).

Группа VI (4,3% венчиков, найденных вне ям) – сосуды с выраженной шейкой, отогнутой или наклоненной наружу, завернутым внутрь краем, которому придана близкая к треугольной форма, имеют многочисленные аналогии в материалах XII–XV вв. Аналогии: венчики условного типа 5 В. Ю. Ковалю (2014. С. 552–553); московская красноглиняная керамика середины XIV – начала XV в. по И. А. Бойцову (1991. С. 37. Рис. 1,

Б, В); владимирская керамика первой трети XIII в. по Е. К. Кадиевой (2003. С. 321. Рис. 7, *2, 10*) и др.

Группа VII (4,7% венчиков, найденных вне ям) – сосуды с выраженной выгнутой наружу шейкой, завернутым внутрь краем, профилированным в виде валика или ограненным, имеют многочисленные аналогии в материалах XII–XIV вв. Аналогии: венчики условного типа 7 по В. Ю. Ковалю (2014. С. 553); московская серая керамика по И. А. Бойцову (1991. С. 37. Рис. 1, А) и др.

Группа VIII (0,3% венчиков, найденных вне ям) – сосуды с выраженной выгнутой наружу шейкой, профилированным (секировидным) краем, имеют многочисленные аналогии в материалах XII – начала XIII в. Аналогии: венчики условного типа 8а по В. Ю. Ковалю (2014. С. 553); владимирская посуда первой трети XIII в. по Е. К. Кадиевой (2003. С. 321. Рис. 10, *5*; 12, *5*) и др.

Группа IX (0,5% венчиков, найденных вне ям) – сосуды с высокой вертикальной или наклоненной наружу шейкой, иногда профилированной (с утолщениями), с профилированным краем, имеют аналогии в материалах XI – начала XIII в. Аналогии: венчики условного типа 1 по В. Ю. Ковалю (2014. С. 552); владимирская посуда первой трети XIII в. по Е. К. Кадиевой (2003. С. 321. Рис. 6, *2, 4, 6*) и др.

Группа X – сосуды с общим наклоном шейки внутрь, но с выгнутым наружу и оттянутым наверх заглаженным краем, имеют аналогии в материалах XVI в. Аналогии выявлены в керамическом комплексе из раскопок по ул. Володарского, 4, во Владимире (*Зоц,* 2010. С. 363. Рис. 4, *3, 10, 11*) и др.

Группа XI (миски) – сосуды, максимальная ширина которых приходится на устье, могут иметь разное оформление чернового края. Форма мисок в рассматриваемом случае датирующим признаком не является.

Группа XII (кувшины) – сосуды с туловом шарообразной формы с цилиндрическим горлом и отогнутым наружу краем венчика. Бытовали в разные периоды, основанием для датировки являются технологические признаки.

Суммарно в культурном слое за пределами ям найдено 1465 фрагментов венчиков, из них 16,6% связаны с периодом XII–XIV вв., но ко времени не позднее начала – середины XIII в. относятся только 0,8% венчиков.

Вне соответствующего по хронологии археологического контекста найдены (рис. 4): фрагменты стеклянных браслетов XII–XIV вв. (*Полубояринова,* 1963; *Щапова,* 1969) и единственный фрагмент стеклянного перстня; пряслице из розового пирофиллита XI – конца XIII в. (*Рыбина,* 1978. С. 26); рубчатый перстень из медного сплава конца XI в. – конца XIV в. (*Седова,* 1981. С. 122–123); фрагмент церковного осветительного прибора (хороса?) в виде драконьей головы с открытой пастью, аналогичный фрагмент ранее найден при раскопках в г. Костроме и отнесен к периоду XIII–XIV вв. (*Лазарев, Кузнецова,* 2022. С. 204); фрагменты привозных (из золотоордынского Поволжья) керамических сосудов из полуфаянса с черной росписью под бирюзовой глазурью середины – второй половины XIV в. (*Коваль,* 2010. С. 90, 91. Рис. 31); подвеска-лапка плохой сохранности, возможно, часть шумящего украшения XI–XII вв.; биконическая (битрапецоидная) бусина из голубого непрозрачного стекла по аналогии с экземпляром из Григорьевского раскопа в Ростове Великом может быть датирована второй половиной XIII – XV в. (*Самойлович,* 2006). Монеты: 1) данг (Золотая Орда), вторая половина XIV в., обрезан под русскую весовую норму в начале XV в.[2]; 2) деньга, 1390-х годов. Фрагменты днищ сосудов с клеймами: 1) в виде тамгообразного знака внутри колеса, в целом датированные Е. К. Кадиевой серединой XII – началом XIV в. (*Кадиева,* 2007. С. 174. Табл. 1), однако рассматриваемое клеймо имеет более сложную конфигурацию; 2) в виде шестилучевой звезды, похожие клейма найдены во Владимире в слое первой половины XIII в.

Исключением в рамках раскопа по ул. Щемиловке, 13 является небольшой участок лежащего на материке слоя серой супеси (пласт 4 в кв. Ж/4, З/4), почти не поврежденный в более позднее время. Из 13 найденных здесь венчиков три относятся к сосудам XVI–XVIII вв., пять – к группам керамики V и VI (описаны выше), частично попадающим в период XII–XIV вв. Наиболее примечательны оставшиеся пять фрагментов венчиков группы VIII домонгольского времени.

Относительно хорошо сохранились 24 ямы раннего периода[3] (рис. 2): пять столбовых ям (№ 10, 11, 39а, 43, 86), тринадцать хозяйственных ям (№ 5, 8б, 9, 12, 13, 25, 35, 35а (только в профиле раскопа), 36, 39, 49, 56, 71а, 75б), две углубленные

[1] Статья А. С. Лазарева, посвященная нумизматическим материалам раскопа, готовится к публикации.

[2] Датировка некоторых ям отличается от приведенной в научном отчете. Предлагаемые датировки отражают итоговое мнение автора.

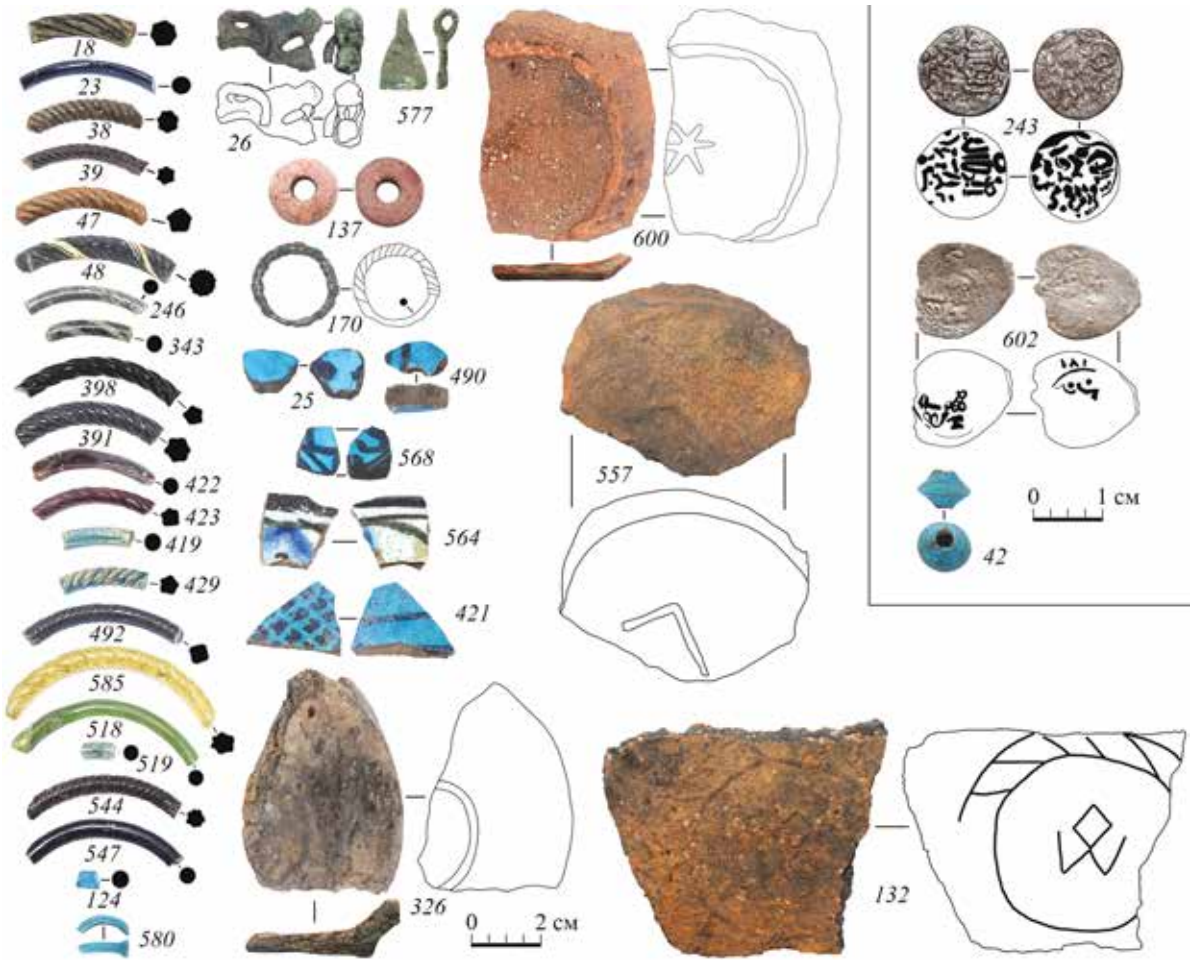

Рис. 4. Переотложенные находки XII–XIV вв. из культурного слоя раскопа (нумерация соответствует описи)
18, 23, 38, 39, 47, 48, 124, 246, 343, 391, 398, 419, 422, 423, 429, 492, 518, 519, 544, 547, 585 – фр-ты браслетов, стекло; 25, 421, 490, 564, 568 – фр-ты поливной керамики, кашин, глазурь; 26 – фр-т хороса (?), медный сплав; 42 – бусина, стекло; 132, 326, 557, 600 – днища сосудов с клеймами, глина; 137 – пряслице, пирофиллитовый сланец; 170 – рубчатый перстень, медный сплав; 243 – монета, данг, 2-я пол. XIV в., белый металл; 577 – подвеска в виде лапки, медный сплав; 580 – фр-т перстня, стекло; 602 – монета, денга, 1390-е, белый металл

части наземных построек (ямы № 15, 22), четыре канавки от изгородей (траншеи № 10, 11, 13, 14). Систему в расположении объектов проследить не удалось, если не считать факта более высокой их концентрации в юго-юго-восточной части раскопа. Кажущаяся бессистемность, на наш взгляд, связана с исключительно активным использованием участка в XVI–XVII вв.: крупные постройки этого времени попросту разрушили более ранние слои и ямы. Часть ям отнесена к рассматриваемому периоду на основании характера заполнения и планиграфических особенностей. Керамика и индивидуальные находки выявлены в 13 археологизированных объектах. Ниже приведем их подробную характеристику.

Яма № 5, хозяйственная. Форма подпрямоугольная, 133×74 см. Заполнение – черно-серая супесь с включениями обожженной глины, черно-серая супесь с включениями желтого песка. Глубина – 68 см от уровня выявления. Найдено 104 фрагмента керамики[4]. Из них 100 фрагментов, или 96,1%, – грубая посуда с крупнозернистыми примесями дресвы и песка высокой концентрации в тесте, сюда же включены пять фрагментов грубой белоглиняной керамики. Орнаментировано 39 фрагментов керамики: линейный орнамент – 32 фрагмента, волнистый – пять, вдавления – один, линии и вдавления также на одном фрагменте. Венчики представлены в выборке 32 экземплярами (рис. 3): семь фраг-

[4] Здесь и далее – количество поддающихся атрибуции фрагментов. Мелкое керамическое крошево учтено отдельно.

ментов сосудов с наклоненной внутрь шейкой и с завернутым наружу краем, обычно относимых к XVI–XVIII вв., в данном случае имеют грубую поверхность и примесь крупного песка в тесте, не отличаются технологически от более профилированной посуды, что дает основание удревнить их дату; группа V (XIV–XVII вв.) – пять фрагментов; группа VI (XII–XV вв.) – восемь; группа VII (XII–XIV вв.) – 10 фрагментов; группа VIII (XII – начало XIII в.) – два. Индивидуальные находки не выявлены. Заполнение ямы № 5 формируется в XIII–XIV вв.

Яма № 9, хозяйственная. Форма близка к овальной, 132×102 см. Заполнение – черно-серая супесь с включениями угля и обожженной глины. Глубина – 79 см от уровня выявления. В яме найдено 202 фрагмента керамики (из них 170, или 84%, – грубая посуда с крупнозернистыми примесями дресвы и песка высокой концентрации в тесте). Примечательна находка двух фрагментов грубой белоглиняной керамики. Посуда с более гладкой поверхностью также во всех случаях содержит в тесте примеси песка, дресвы или шамота. Орнаментировано 50 фрагментов керамики (около 25%): линейный орнамент – 20 фрагментов, волнистый – 16, по одному линейно-волнистый и отпечатки штампа, вдавления/насечки – девять фрагментов, один с линиями и вдавлениями. Профилированные части сосудов (венчики) представлены в выборке 60 экземплярами (рис. 3): группа V (XIV–XVII вв.) – пять фрагментов, их отличительная черта – грубая поверхность и крупнозернистые примеси, что позволяет несколько удревнить нижнюю дату; группа VI (XII–XV вв.) – 28; группа VII (XII–XIV вв.) – девять; группа VIII (XII – начало XIII в.) – пять; группа IX (XI – начало XIII в.) – 13 фрагментов. Помимо массового материала при разборке заполнения ямы № 9 выявлено 39 индивидуальных находок (рис. 5): 1) 35 фрагментов стеклянных браслетов XII–XIV вв. (*Полубояринова,* 1963; *Щапова,* 1969), в том числе 22 крученых (зеленых – четыре, голубых – два, желто-коричневый, желтый, черных – четыре, черно-зеленый, коричневых – девять), девять гладких (голубых – два, зеленый, коричневых – четыре, черный и розовый), три профилированных – с четырехлепестковой розеткой в поперечном сечении (по одному желто-коричневого, голубого и зеленого цвета), также мелкокрученый, зеленый, с перевитьем желтой полосой; 2) костяной затыльник рукоятки ножа без выраженных датирующих признаков; 3) бусина из горного хрусталя (?) мутного желтоватого оттенка, шарообразная, X–XIII вв. (*Фехнер,* 1959. С. 156–157. Рис. 2; *Рыбина,* 1978. С. 52); 4) кольцевидная стеклянная бусина, навитая, из голубого прозрачного стекла, XI–XIII вв. (*Фехнер,* 1959. С. 169. Рис. 6; Археология севернорусской деревни… 2008. С. 186–189. Табл. 86, 87); 5) биконическое глиняное пряслице, окрашенное желтой минеральной (?) краской. Наиболее вероятная датировка ямы – первая половина XIII в. либо шире, в пределах XII–XIII вв.

Яма № 10, столбовая. Форма округлая, диаметр приблизительно 30 см. Заполнение – серая супесь с включениями желто-серого песка, тлен. Глубина – 32 см от уровня выявления. Найдено четыре фрагмента грубой керамики с примесью дресвы в тесте. Один фрагмент орнаментирован линиями. Венчиков и индивидуальных находок нет. Яма датирована в пределах XII–XIV вв.

Яма № 13, хозяйственная. Форма неправильная, 84×47 см. Заполнение – обожженная глина с включениями черно-серой супеси, черно-серая супесь с включениями желтого песка. Глубина – 20 см от уровня выявления. В яме найдено 63 фрагмента керамики (из них 62, или 98,4%, – грубая посуда с крупнозернистыми примесями дресвы и песка высокой концентрации в тесте). Орнаментирован 21 фрагмент керамики: линейный орнамент – 20 фрагментов, с линиями и вдавлениями – один. Венчики представлены 12 экземплярами (рис. 6): посуда XVIII–XIX вв. с туловом, переходящим в устье без выраженной шейки, с завернутым наружу черновым краем представлена одним фрагментом; группа VI (XII–XV вв.) – семь фрагментов; группа VII (XII–XIV вв.) – четыре фрагмента. Индивидуальные находки не выявлены. Яма датирована в пределах XII–XIV вв.

Яма № 15, углубленная часть наземной постройки. Форма неправильная, 647×502 см. Заполнение – черно-серая супесь с включениями обожженной глины и угля. Глубина до 100 см от уровня выявления. Найдено 188 фрагментов керамики. Из них 164, или 87,2%, – грубая посуда с крупнозернистыми примесями дресвы и песка высокой концентрации в тесте, в том числе четыре фрагмента белоглиняной грубой керамики. Орнаментировано 49 фрагментов: линейный орнамент – 34 фрагмента, волнистый – восемь, линейно-волнистый – пять, по одному с отпечатками штампа и линиями с вдавлениями. Венчики представлены 69 экземплярами (рис. 6): сосуды с наклоненной внутрь сосуда шейкой и завернутым наружу краем (XVI–XVIII вв.) – четыре; группа V (XIV–XVII вв.) – 10 фрагментов; группа VI (XII–XV вв.) – 20; группа VII (XII–XIV вв.) – 35.

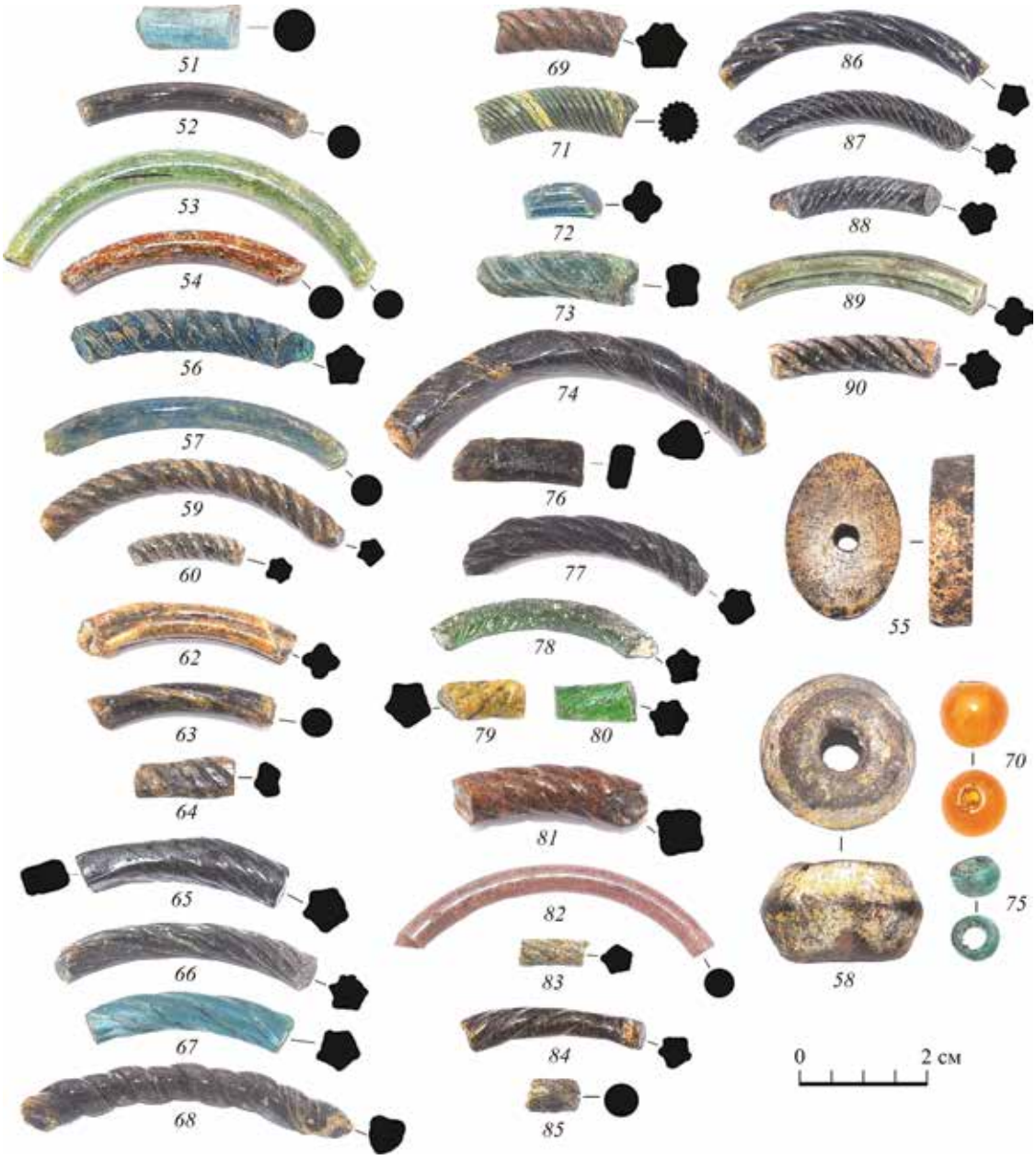

Рис. 5. Индивидуальные находки из заполнения ямы № 9 (нумерация по описи)
51–54, 56, 57, 59, 60, 62–69, 71–74, 76–90 – фр-ты браслетов, стекло; 55 – затыльник рукоятки ножа, кость; 58 – пряслице, пирофиллит; 70 – бусина, горный хрусталь (?); 75 – бусина, стекло

Помимо массового материала при разборке заполнения ямы № 15 выявлено 11 индивидуальных находок (рис. 6): 1) на поверхности ямы – проволочная монета, медное маленькое пуло 1530–1560-х годов плохой сохранности; 2) на поверхности ямы – фрагмент днища с клеймом в виде окружности первой половины XI – середины XIII в. (*Кадиева,* 2007. С. 175); 3) железный нож с двумя уступами при переходе от клинка к черенку, не поддающийся точной датировке; 4) три фрагмента гладких стеклянных браслетов (зеленый, голубой и коричнево-черный) XII–XIV вв. (*Полубояринова,* 1963; *Щапова,* 1969); 5) днище сосуда с клеймом в виде двузубца («птички») второй половины XII – середины XIII в. (*Кадиева,* 2007. С. 184); 6) оселок с прочерченным на одной стороне крестиком, не поддающийся точной датировке; 7) кованая железная ведерная дужка (фрагментированная), не имеющая точной датировки; 8) фрагмент оселка; 9) фрагмент миски. Последние две находки не поддаются точной датировке Яма датирована в пределах XIII–XIV вв., повреждена

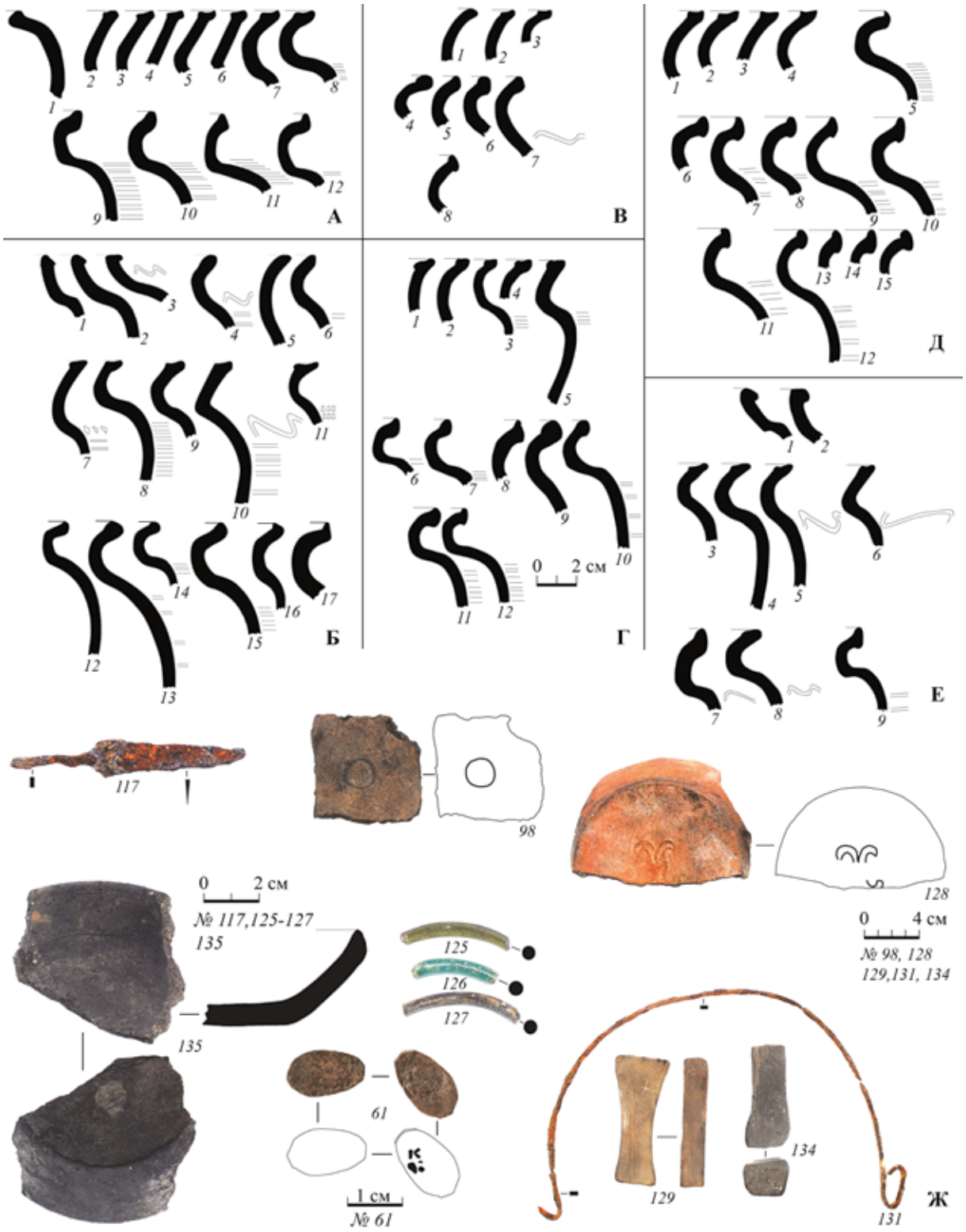

Рис. 6. Находки из объектов раскопа 2023 г.

А – образцы венчиков из заполнения ямы № 13; **Б** – образцы венчиков из заполнения ямы № 15; **В** – образцы венчиков из заполнения ямы № 35; **Г** – образцы венчиков из заполнения ямы № 36; **Д** – образцы венчиков из заполнения ямы № 39; **Е** – образцы венчиков из заполнения ямы № 71а; **Ж** – из ямы № 15 (61 – маленькое пуло, 1530–1560-е, медь, поверхность ямы; 98 – днище сосуда с клеймом, глина; 117 – нож, железо; 125–127 – фр-ты браслетов, стекло; 128 – днище сосуда с клеймом, глина; 129, 134 – оселки, камень; 131 – дужка ведра, железо; 135 – фр-т сосуда, глина)

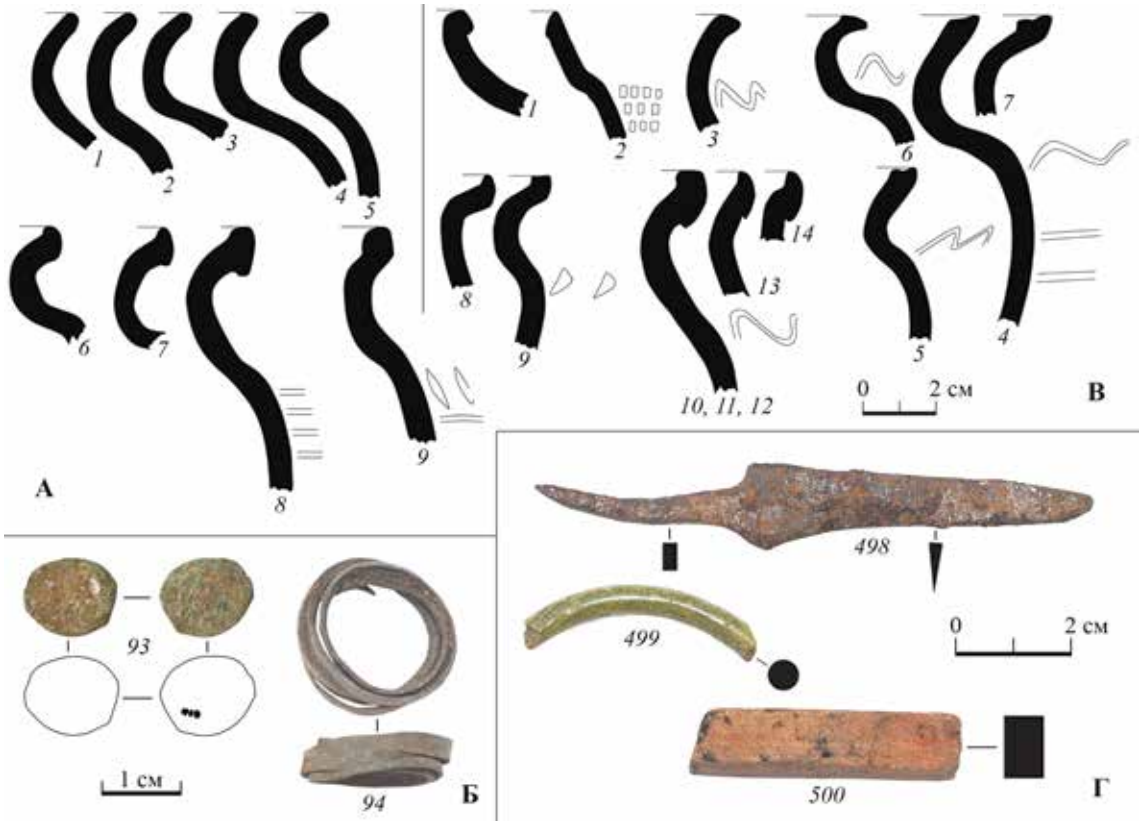

Рис. 7. Находки из ям № 22 и 75б
А – образцы венчиков из заполнения ямы № 22; **Б** – находки из ямы № 22 (93 – копейка, 1655–1663 гг., медь; 94 – спиральный перстень (?), медный сплав); **В** – образцы венчиков из заполнения ямы № 75б; **Г** – находки из ямы № 75б (498 – нож, железо; 499 – фр-т браслета, стекло; 500 – оселок, камень)

перекопом XVI в. Сооружение неоднократно перестраивалось без существенных перерывов во времени функционирования.

Яма № 22, углубленная часть наземной постройки. Форма подпрямоугольная, со скругленными углами, 500×319 см. Заполнение: черно-серая супесь с включениями угля и кирпичной крошки (1 см, счистилась); пестрая супесь (до 100 см); слоистая черно-серая супесь (до 21 см) с включениями желтого песка и тлена. Глубина – 120 см от уровня выявления. Найдено 54 фрагмента керамики. Из них 32, или 59,3%, – грубая посуда с крупнозернистыми примесями дресвы и песка высокой концентрации в тесте. Все остальные фрагменты (с гладкой поверхностью) также характеризуются примесями песка и дресвы в тесте. Орнаментировано шесть фрагментов керамики, в том числе линейный орнамент – четыре фрагмента, вдавления/насечки – один; линии и вдавления – один. Венчики представлены 24 экземплярами (рис. 7): группа V (XIV–XVII вв.) – 16 фрагментов; группа VII (XII–XIV вв.) – пять; группа VIII (XII – начало XIII в.) – два; один фрагмент сосуда с общим наклоном шейки внутрь, но с выгнутым наружу и оттянутым наверх заглаженным краем, имеет аналогии в материалах XVI в. из раскопок по ул. Володарского, 4 в г. Владимире (*Зоц,* 2010. С. 363. Рис. 4, *3, 10, 11*). Помимо массового материала при разборке приповерхностной части заполнения ямы № 22 выявлены две индивидуальные находки (рис. 7): 1) проволочная монета – копейка 1655–1663 гг. плохой сохранности; 2) скрученная в спираль медная полоса, возможна атрибуция в качестве спирального перстня из прямоугольной в сечении уплощенной проволоки. В Новгороде спиральные перстни из прямоугольной в сечении проволоки датируются XI – началом XII в. (*Седова,* 1981. С. 125). Яма датирована в пределах XIII–XIV вв., сильно повреждена более поздними объектами, с которыми, вероятно, связана находка монеты и некоторой части керамики.

Яма № 35, хозяйственная. Форма неправильная, размеры наблюдаемой части приблизительно 242×102 см. Заполнение – черно-серая супесь, серый песок. Глубина – 45 см от уровня выявления. Найдено 42 фрагмента керамики (из них 39, или

92,9%, – грубая посуда с крупнозернистыми примесями дресвы и песка высокой концентрации в тесте). Орнаментировано 16 фрагментов: линейный орнамент – 14 фрагментов, волнистый – один, линии и вдавления – также один. Венчики представлены в выборке восемью экземплярами (рис. 6): группа V (XIV–XVII вв.) – один фрагмент; группа VI (XII–XV вв.) – два; группа VII (XII–XIV вв.) – четыре; группа VIII (XII – нач. XIII в.) – один. Индивидуальные находки не выявлены. Яма датирована XIII–XIV вв.

Яма № 36, хозяйственная. Форма неправильная, 180×78 см. Заполнение – черно-серая супесь, обожженная глина с включениями черно-серой супеси. Глубина – 44 см от уровня выявления. В заполнении ямы найдено 68 фрагментов керамики (из них 66, или 97%, – грубая посуда с крупнозернистыми примесями дресвы и песка высокой концентрации в тесте). Орнаментировано 28 фрагментов: линейный орнамент – 27, волнистый – один. Венчики представлены 16 экземплярами (рис. 6): группа VI (XII–XV вв.) – пять; группа VII (XII–XIV вв.) – девять; группа VIII (XII – начало XIII в.) – два фрагмента. Индивидуальные находки не выявлены. Яма датирована XIII–XIV вв.

Яма № 39, хозяйственная. Форма неправильная, 239×151 см. Заполнение – черно-серая супесь с включениями угля, желто-серый песок с включениями черно-серой супеси. Глубина – 57 см от уровня выявления. Найдено 52 фрагмента керамики (из них 49 или 94,2% – грубая посуда с крупнозернистыми примесями дресвы и песка высокой концентрации в тесте, в том числе три фрагмента грубой белоглиняной керамики; два чернолощеной керамики XVI–XVIII вв. связаны с перекопом по краю ямы). Орнаментировано линиями 26 фрагментов. Венчики представлены в выборке 15 экземплярами (рис. 6): группа VI (XII–XV вв.) – четыре фрагмента; группа VII (XII–XIV вв.) – один; группа VIII (XII – начало XIII в.) – 10. Индивидуальные находки не выявлены. Яма датирована XII – первой половиной XIII в.

Яма № 49, хозяйственная. Форма неправильная, 134×81 см. Заполнение – черно-серая супесь с включениями угля. Глубина – 26 см от уровня выявления. Найдено 22 фрагмента керамики (100% – грубая посуда с крупнозернистой примесью дресвы высокой концентрации в тесте). Орнаментировано линиями девять фрагментов. Венчики представлены тремя экземплярами: группа VI (XII–XV вв.) – один фрагмент; группа VIII (XII – начало XIII в.) – два. Индивидуальные находки не выявлены. Яма датирована XII – первой половиной XIII в.

Яма № 71а, хозяйственная. Форма овальная, 155×148 см. Заполнение – черно-серая супесь с включениями обожженной глины и желтого песка, черно-серая супесь с включениями угля, желто-серого песка. Глубина – 56 см от уровня выявления. Найдено 65 фрагментов керамики. Из них 33, или 50,8%, – грубая посуда с крупнозернистыми примесями дресвы и песка высокой концентрации в тесте; наличие большой доли гладкой керамики с примесью песка и дресвы в тесте связано с сильным повреждением ямой № 71 XVI в. Орнаментировано 12 фрагментов керамики: линейный орнамент – три, волнистый – семь, вдавления – два. Венчики представлены 18 экземплярами (рис. 6): сосуды с наклоненной внутрь сосуда шейкой и завернутым наружу краем (XVI–XVIII вв.) – три фрагмента; группа VI (XII–XV вв.) – 11; группа VII (XII–XIV вв.) – три; группа VIII (XII – нач. XIII в.) – один фрагмент. В заполнении ямы помимо массового материала выявлена единственная индивидуальная находка – днище сосуда с клеймом в виде креста в круге середины XI – середины XIV в. (*Кадиева,* 2007. С. 174. Табл. 1). Яма датирована XIII–XIV вв., повреждена ямой XVI в.

Яма № 75б, хозяйственная. Форма вытянутая, 228×104 см. Заполнение – темно-серая супесь, желто-серый песок с включениями темно-серой супеси, уголь, тлен, желто-серый песок. Глубина – 79 см от уровня выявления. Найдено 39 фрагментов керамики. Из них 30, или 76,9%, – грубая посуда с крупнозернистыми примесями дресвы и песка высокой концентрации в тесте; наличие большой доли гладкой керамики с примесью песка и дресвы в тесте связано с повреждением ямой № 75 первой половины XVIII в. Орнаментировано 11 фрагментов керамики: линейный орнамент – три фрагмента, волнистый – четыре, по одному – линейно-волнистый, отпечатки штампа и вдавления. Венчики представлены 14 экземплярами (рис. 7): сосуды с наклоненной внутрь сосуда или вертикальной шейкой и завернутым наружу или профилированным краем (XVI–XVIII вв.) – два; группа V (XIV–XVII вв.) – один; группа VI (XII–XV вв.) – четыре; группа VII (XII–XIV вв.) – два; группа VIII (XII – начало XIII в.) – пять фрагментов. В заполнении ямы № 75б выявлены три индивидуальные находки (рис. 7): 1) железный нож с уступами при переходе от клинка к черенку, без выраженных датирующих признаков; 2) фрагмент стеклянного браслета (зеленый, гладкий) XII–XIV вв. (*Полубояринова,* 1963. С. 164–199; *Щапова,* 1969. С. 102–107); 3) каменный брусковидный оселок без выраженных датирующих признаков. Яма

датирована в пределах XIII в., повреждена ямой первой половины XVIII в.

Траншея № 14, канавка изгороди. Форма вытянутая, 187×41 см. Заполнение – темно-серая супесь. Глубина – 18 см от уровня выявления. Найдено пять фрагментов керамики с грубой поверхностью и примесью дресвы в тесте. Орнаментирован линиями один фрагмент. Единственный венчик относится к группе VI (XII–XV вв.). В заполнения ямы помимо массового материала выявлен фрагмент стеклянного браслета (коричневый, гладкий) XII–XIV вв. (*Полубояринова,* 1963; *Щапова,* 1969). Траншея № 14 датируется XIII–XIV вв.

Таким образом, из материалов раскопа 2023 г. на ул. Щемиловке, 13, в г. Костроме выделен комплекс объектов и находок XII–XIV вв. Приходится констатировать, что культурный слой раннего периода истории города в значительной мере разрушен многочисленными объектами более позднего времени, преимущественно XVI–XVII вв. Имеющиеся материалы указывают, что не позднее XIII в. территория была застроена в рамках посада так называемого первого Костромского кремля. Доля форм посуды, характерных для домонгольского времени, – около 0,8% от керамики, найденной вне ям. Это наблюдение можно дополнить фактом почти полного отсутствия в коллекции пряслиц из розового пирофиллита (найден всего один экземпляр), как раз характерных для слоев древнее середины XIII в. Количество найденных бус по сравнению с количеством браслетов тоже минимально. Надежных свидетельств застройки до XIII в. нет, находки, датируемые строго временем до середины XIII столетия, малочисленны, а объекты невыразительны.

Литература

Алексеев С.И., 2006. Формирование территории Костромы в сер. XII – сер. XIII вв. // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 2. Кострома. С. 34–41.

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12). 524 с.

Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология / Ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 265 с.

Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение гончарной слободы в Москве // МК. М.: ИА АН СССР. С. 33–42.

Зоц С.А., 2010. Позднесредневековая керамика г. Владимира (по материалам раскопок 2006 г.) // АП. Выпуск 6. М.: ИА РАН. С. 361–370.

Кадиева Е.К., 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII – XIII века: (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 315–339.

Кадиева Е.К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 172–196.

Коваль В.Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII века) и раннего железного века Восточной Европы (методические рекомендации) // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 489–571.

Коваль В.Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII веков. М.: ИА РАН. 269 с.

Лазарев А.С., Кузнецова В.Н., 2022. Фрагмент осветительного прибора из Костромы (раскоп на ул. Симановского 2019 г.) // ТТЗ. Вып. 14. Тверь. С. 199–205.

Лапшин В.А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: СПбГУ. 540 с.

Майорова Е.В., 2011. Опыт статистической обработки керамики их раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 г. // АВСЗ. Вып. 3. М.; СПб.: ИА РАН; Нестор-история. С. 142–153.

Полубояринова М.Д., 1963. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА СССР. Вып. 117. М. С. 164–181.

Рыбина Е.А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: МГУ. 167 с.

Самойлович Н.Г., 2006. Стеклянные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М.: ИА РАН. С. 371–386.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука. 195 с.

Смирнова Г.П., 1959. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА СССР. № 65. С. 228–248.

Судаков В.В., 2019. Керамика Житного раскопа // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3 / Отв. ред. В.И. Завьялов. М.: ИА РАН. С. 67–100.

Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Тр. ГИМ. Вып. 33. М.: ГИМ. С. 149, 224.

Щапова Ю.Л., 1969. Стеклянные браслеты и датирование городского культурного слоя // СА. № 4. С. 102–107.

Щербаков В.Л., 2009. Отчет об археологической разведке в 45–48, 64–68 кварталах г. Костромы в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 38155. 126 л.

Щербаков В.Л., 2013. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII–XIII, XIV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 41870. 197 л.

Щербаков В.Л., 2017. Отчет об археологической разведке на территории г. Костромы и г. Галича Костромской области в 2017 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 59899. 200 л.

V.L. Shcherbakov

Objects and Materials from the 12th–14th Centuries from Excavations in the Kostroma Settlement in 2023

Summary

This article presents materials from the 12th to 14th centuries uncovered during excavations at 13 Shchemilovka Street, part of a medieval settlement in Kostroma. The cultural layer from this period has been preserved primarily in structures dug into the subsoil. The remains of buildings and pits of various purposes were studied. The buildings at the excavation site date back to no later than the 13th century.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.111-131

П. С. Киреев[*], В. В. Судаков[**]
[*] Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (г. Рязань)
[**] Независимый исследователь (г. Рязань)

К разработке керамической шкалы Переяславля Рязанского. Керамика без дополнительной обработки поверхности

Глиняная посуда с момента ее появления являлась востребованным и повсеместно распространенным элементом материальной культуры, что делает древнюю керамику важным археологическим источником. Особенно велика ее роль в качестве датирующего материала. Зачастую она является основной категорией находок, без которой довольно затруднительно точно определить датировку культурных напластований и залегающих в них комплексов: каждому периоду присущи свои особенные черты и типы сосудов. В свою очередь, применение традиционного метода датирования слоев по вещам-хроноиндикаторам не может предложить неоспоримых аргументов (*Стрикалов,* 2005. С. 59). Все это делает древнюю керамику одним из самых сложных материалов для археологического изучения.

Гончарная посуда средневекового Переяславля Рязанского до недавнего времени практически не исследовалась, если не считать ее краткого, местами неточного описания, выполненного Р. Л. Розенфельдтом и А. Л. Монгайтом по результатам раскопок середины 1950-х гг. (*Монгайт,* 1961. С. 278–281; *Коваль,* 2011. С. 88). Первые шаги в данном направлении были сделаны в 1980–1990-е годы XX в., когда удалось выделить и хронологически упорядочить, исходя из стратиграфического залегания в культурном слое, наиболее характерные типы горшков на основании их морфологической, технологической и орнаментальной изменчивости (*Судаков,* 1986; 1988а; 1988б; 1990; 1993). Полученная керамическая шкала Переяславля Рязанского в дальнейшем нашла применение в работах некоторых исследователей (*Челяпов,* 1994; 2004; 2007; 2009; *Буланкин,* 1992; *Челяпов, Иванов,* 2006; и др.). К сожалению, столовая и тарная посуда при этом практически не изучалась.

Хорошо стратифицированный Житный раскоп дал возможность уточнить и дополнить типологию и хронологию керамики Переяславля Рязанского (*Коваль,* 2011; *Завьялов, Судаков,* 2017; *Судаков,* 2019). Анализ всех имеющихся данных (керамики, дендродат, распределения хроноиндикаторов) позволил выделить 10 стратиграфических горизонтов, последовательно сменяющих друг друга (*Завьялов, Судаков,* 2017; *Завьялов,* 2019). Культурный слой в раскопе практически не потревожен перекопами. Это подтверждается в том числе и результатами статистико-типологического анализа гончарной посуды: за хронологические рамки стратиграфических горизонтов выходят не более 5% фрагментов (в основном из осыпей стенок), что дало возможность датировать культурные напластования по керамике в пределах половины столетия и проследить, как на протяжении веков изменялась традиция орнаментации сосудов.

Полученная керамическая шкала хорошо зарекомендовала себя в ходе комплексных археологических исследований на Введенском раскопе в кремле Переяславля Рязанского. Очень показательна в этом отношении находка там в 2021 г.[1] в слое, датированном по керамике второй половиной XV в., первой берестяной грамоты, содержащей фрагмент текста из пасхалии 1459 г. (*Завьялов,* 2021; *Гиппиус, Завьялов,* 2023. С. 183).

Однако по большей части уточнение керамической шкалы коснулось лишь кухонных горшков. Остальные функциональные формы посуды практически не изучались в связи с их крайней малочисленностью и фрагментарностью (целые формы

[1] Руководитель работ – доктор исторических наук В. И. Завьялов.

Таблица 1. **Керамическая шкала кухонных горшков Переяславля Рязанского (по материалам Житного раскопа).**

Стратиграфический горизонт I		Тип, %										Кол-во фр.
		II	III	IV	V	VII	VI	VIII	IX	X		
I	2-я пол. XII в.	–	–	–	0,3	0,6	0,2	1,9	10,3	78,2	8,5	913
II	Рубеж XII – 1-я пол. XIII в.	0,3	–	–	0,6	0,7	0,5	16,4	18,7	56,9	5,9	1745
III	2-я пол. XIII в.	0,6	–	–	0,2	0,9	1,6	35,1	17,6	40,7	3,3	1285
IV	1-я пол. XIV в.	–	0,1	–	0,6	3,4	3,2	51,7	22,5	17,8	0,7	2033
V	2-я пол. XIV в.	0,2	1,6	0,3	5,2	7,4	17,8	45,0	15,5	7,0	–	1447
VI	Кон. XIV – 1-я пол. XV в.	0,1	2,1	3,5	48,6	4,2	23,0	13,6	3,0	3,9	–	3517
VII	Сер. – 2-я пол. XV в.	–	5,5	15,7	69,3	3,5	2,3	2,2	1,5	–	–	1323
VIII	1-я пол. XVI в.	–	29,4	21,0	35,3	5,9	2,1	0,7	2,1	3,5	–	2012
IXA	2-я пол. XVI – нач. XVII в.	0,4	63,8	21,0	7,3	2,1	1,9	0,8	0,2	2,5	–	2210
IXБ (пл. 9)	1-я пол. XVII в.	27,3	56,6	12,5	0,8	–	0,3	0,9	0,6	1,0	–	655
Кол-во фр.		286	2544	1301	3500	561	1262	2988	1503	2959	236	17140

единичны). Для них, а также для керамики с дополнительной обработкой поверхности сделано лишь обобщенное описание (*Судаков,* 2019. С. 88–98). Для мисок была предложена первичная типология, однако сами признаки, по которым были выделены типы, четко не определены (*Судаков,* 2019. С. 91).

По материалам Житного раскопа хорошо видно, что до XVI в. на территории города остальные формы сосудов, кроме кухонных горшков, единичны и в процентном соотношении не превышают 3–5% (*Судаков,* 2019. С. 69; *Коваль,* 2011. С. 92). Кроме того, кувшинообразные и мискообразные формы, в отличие от горшков, мало подвержены хронологическим изменениям в конструкции, поэтому их довольно затруднительно использовать в качестве хроноиндикаторов. Однако они являются неотъемлемой частью местной гончарной традиции и в совокупности могут помочь уточнить и дополнить керамическую шкалу Переяславля Рязанского, основой которой являются кухонные горшки.

За последние годы исследований удалось систематизировать большую часть керамического материала из раскопок на территории всех исторически сложившихся районов древнего города – кремля, Острога, Верхнего и Нижнего посадов, что позволило не только значительно расширить и уточнить типологию и хронологию кухонных горшков (табл. 1; *Киреев, Судаков,* 2025а), но и разработать остальные разделы керамической шкалы, включая столовую и тарную посуду.

В рамках данной работы проведен статистико-типологический анализ массовой керамики (за исключением кухонных горшков) хорошо стратифицированного Житного раскопа – 1211 фрагментов сосудов без дополнительной обработки поверхности[2] (табл. 2), из которых 490 – венчики кувшинообразных и мискообразных сосудов (табл. 3; 4). А также исследована выборка из 257 целых форм, полных профилей и наиболее показательных крупных фрагментов керамики из раскопок на территории кремля, Острога, Верхнего и Нижнего посадов Переяславля Рязанского (рис. 1–4), хранящихся в фондах РИАМЗ[3].

Для классификации всего многообразия форм керамики Переяславля Рязанского авторами предлагается следующая типологическая схема, предполагающая деление гончарной посуды на группы, подгруппы, типы и подтипы.

---

[2] Дополнительная обработка поверхности (ДОП) проводится гончаром при помощи специальных инструментов или материалов после завершения этапа формовки как до первичного (основного) обжига сосуда, так и после него (*Коваль*, 2016. С. 26). Можно выделить такие приемы ДОП, как лощение, ангобирование, глазурование и др. Керамика Переяславля Рязанского с дополнительной обработкой поверхности исследована нами отдельно. В настоящее время материалы готовятся к публикации.

[3] *Кремль.* Раскопы А. Л. Монгайта (1951–1957 гг.): А638, КП-6137; А664а, КП-7357 (рис. 2, *1–4*); раскоп А. А. Коновалова (1979–1980 гг.): А946, КП-29149, НВ-5674 (рис. 2, *5*); раскопы М. М. Макарова (1983, 1987, 1989 гг.) и В. В. Судакова (1986, 1988, 1990 гг.): А726, КП-14615; А756, КП-11423; А807, КП-15726; А810, КП-16499; А944, НВ-5499 (рис. 2, *6–8*); Житный раскоп (2004–2015): А902: КП: 28300, 28310, 28523, 28824, 28825, 29086, 29301, 29559, 29696, 29844–30844, НВ: 4755, 4836, 4975–4979, 5008, 5284, 5330, 5617, 5619, 5654, 5709, 5799, 5823, 5863 (рис. 2, *9а*); шурфы В. И. Завьялова (2009 г.): А939, НВ-5469, КП-28634 (рис. 2, *9б–д*); Введенский раскоп (2016 г. по н. в.): А966: КП: 30206, 30175, 30380, 30574, 30600, 30754, 30893, 30960, 31062, 31189, НВ: 5938, 5993, 6073 (рис. 2, *10*).

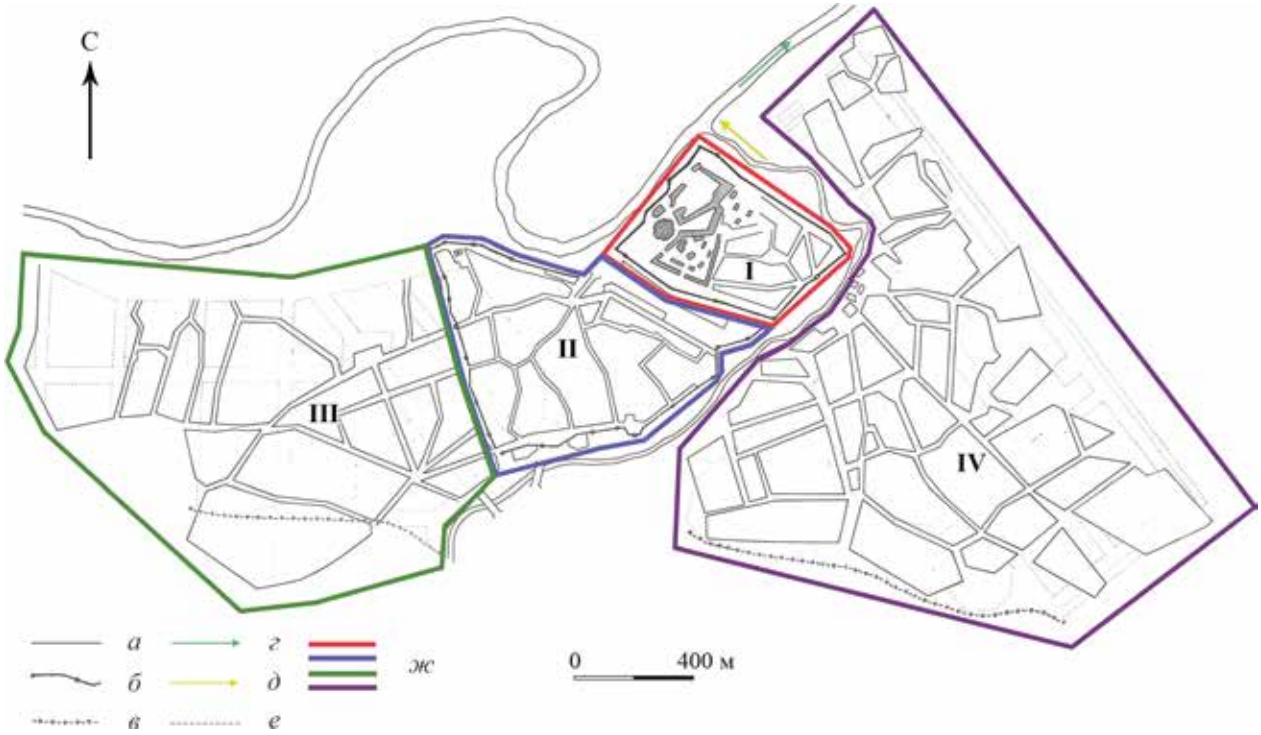

Рис. 1. План Переяславля Рязанского
а – план XVII в. (НА РИАМЗ. № 1189); *б* – стены и башни; *в* – надолбы; *г* – р. Трубеж; *д* – р. Лыбедь; *е* – регулярный план застройки 1780 г.; *ж* – исторические районы (I – Кремль; II – Острог; III – Верхний посад; IV – Нижний посад)

В качестве основного критерия группировки послужил состав конструктивных элементов сосудов, среди которых выделяются (рис. 5; *Цетлин,* 2012. С. 158):

1) венчик, состоящий из края (губы) – верхнего окончания емкости, устья (щеки) – сливного устройства и шейки – дозатора слива;

2) стенки, к которым относятся плечики – ограничитель емкости, предплечье – дополнительная емкость, тулово – основная емкость;

3) донце – нижнее окончание емкости.

При этом край, тулово и донце являются субстратными конструктивными элементами, которые присутствуют в составе любого сосуда (*Цетлин,* 2012. С. 158, 159).

В качестве дополнительного критерия группировки для так называемых переходных форм сосудов, которые по составу конструктивных элементов могут относиться сразу к нескольким группам, использовались метрические характеристики (соотношение диаметров, высот и размеров конструктивных элементов).

По составу конструктивных элементов выделяются три группы сосудов.

1. Горшкообразные сосуды. К данной группе относятся четырех- (рис. 5, *3*), пяти- (рис. 5, *4–5*) и шестичастные сосуды (рис. 5, *6*), в составе конструктивных элементов которых имеется устье (рис. 5, *3–6*; 6). Данная посуда, за исключением кухонных горшков, рассмотренных нами отдельно (*Киреев, Судаков,* 2025а), среди керамики Переяславля Рязанского крайне малочисленна: зафиксировано лишь 54 крупных типообразующих фрагмента (табл. 2; 5), большая часть которых датируется концом XIV – первой половиной XVI в. (20,7–31,0%). Стоит отметить, что все они хорошо

Острог и Верхний посад. Шурфы В.П. Челяпова (1981 г.): А750, КП-10138 (рис. 3, *1а–в*); шурфы В.В. Судакова (1990 г.): А809, КП-16498 (рис. 3, *2а–д*); раскопы В.М. Буланкина (1992 г.): А838, КП-17477 (рис. 3, *3а–в*); раскоп В.М. Буланкина (1992 г.): А839, КП-17477 (рис. 3, *4*); раскопы В.В. Судакова и В.П. Челяпова (1993–1994 гг.): А851, КП-18107; А852, КП-18762, НВ-3916 (рис. 3, *5*); раскоп В.В. Судакова (2000 г.): А943, КП-28671 (рис. 3, *6*); раскопы И.Ю. Стрикалова (2015 г.): А902, НВ-5848 (рис. 3, *7а–б*).

Нижний посад. Раскоп В.М. Буланкина (1992): А 837, КП-17477 (рис. 4, *1*); раскоп В.В. Судакова (2002): А880, КП-27943 (рис. 4, *2*); раскопы В.П. Челяпова (2004 г., 2007 г.) (*Челяпов,* 2005; 2008; рис. 4, *3, 6*); раскопы А.А. Вячина (2006, 2007 гг.) (*Вячин,* 2006, 2007; 2009; *Киреев, Брысин,* 2025; рис. 4, *4, 5*); раскоп И.Ю. Стрикалова (2020 г.): А982, КП-30938 (рис. 4, *7*); наблюдения И.Н. Канаева (1986 г.) (*Киреев, Судаков,* 2022; рис. 4, *8*).

***Таблица 2*. Гончарная посуда Житного раскопа без дополнительной обработки поверхности (за исключением кухонных горшков).**

Стратиграфический горизонт		Горшкообразные сосуды		Мискообразные сосуды						Кувшинообразные сосуды							Кол-во	
				Миски			Крышки			Кувшины			Крынки			Кубышки		
		Корчаги	Миниатюрные	БГК	КСОЖ	КВО	БГК	КСОЖ	КВО	БГК	КСОЖ	КВО	БГК	КСОЖ	КВО		фр.	%
I	2-я пол. XII в.	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	3	0,2
II	Рубеж XII – 1-я пол. XIII в.	–	1	–	–	5	1	–	1	2	1	1	–	–	–	–	12	1,0
III	2-я пол. XIII в.	–	–	1	–	3	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–	6	0,5
IV	1-я пол. XIV в.	11	–	2	1	1	2	–	1	2	5	4	1	1	–	–	31	2,6
V	2-я пол. XIV в.	–	–	1	–	4	–	–	–	11	9	6	2	1	1	–	35	2,9
VI	Кон. XIV – 1-я пол. XV в.	1	–	1	–	–	–	3	7	43	39	5	3	1	–	–	103	8,5
VII	Сер. – 2-я пол. XV в.	–	–	–	1	2	–	2	9	48	37	5	7	2	1	–	114	9,4
VIII	1-я пол. XVI в.	–	1	–	–	1	3	8	10	23	98	6	4	7	8	–	169	14
IXA	2-я пол. XVI – нач. XVII в.	10	–	–	2	3	11	15	58	139	189	48	24	25	11	4	539	44,5
IXБ (пл. 9)	1-я пол. XVII в.	–	–	–	1	–	1	9	8	27	121	6	–	23	3	–	199	16,4
Кол-во	фр.	22	3	5	5	19	18	37	94	295	501	81	41	61	25	4	1211	100
				29			149			877			127					
		25		178						1008								
	%	1,8	0,2	17,2	17,2	65,6	12,1	24,8	63,1	33,6	57,2	9,2	32,3	48,0	19,7	0,3	100	
				2,4			12,3			72,5			10,5					
		2,0		14,7						83,3								

***Таблица 3*. Хронологическое распределение кувшинообразных сосудов Житного раскопа.**

Стратиграфический горизонт		Тип, %												Кол-во			
		IA		IБ		IВ		IIA		IIБ	IIВ	III	IV	фр.	%	фр.	%
		Кувшины	Крынки	Кувшины	Крынки	Кувшины	Крынки	Кувшины	Крынки	Кувшины	Кувшины	Кувшины	Кувшины	Кувшины		Крынки	
I	2-я пол. XII в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	0,4	–	–
II	Рубеж XII – 1-я пол. XIII в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	0,4	–	–
III	2-я пол. XIII в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
IV	1-я пол. XIV в.	1	–	2	–	–	–	1	–	–	–	–	–	4	1,4	–	–
V	2-я пол. XIV в.	2	–	8	–	–	–	2	1	–	–	–	–	12	4,2	1	2,0
VI	Кон. XIV – 1-я пол. XV в.	4	1	5	2	–	–	3	–	–	–	–	–	12	4,2	3	6,1
VII	Сер. – 2-я пол. XV в.	3	1	8	4	1	–	1	–	–	–	–	–	13	4,6	5	10,2
VIII	1-я пол. XVI в.	9	4	21	4	2	–	2	1	–	1	–	–	35	12,2	9	18,4
IXA	2-я пол. XVI – нач. XVII в.	32	6	83	10	22	2	1	–	1	6	–	–	146	51,0	18	36,8
IXБ (пл. 9)	1-я пол. XVII в.	9	3	25	10	26	–	2	–	–	–	–	–	62	21,6	13	26,5
Кол-во, фр.		60	15	154	30	51	2	12	2	1	7	1	1	286	100	49	100

Таблица 4. **Хронологическое распределение мискообразных сосудов Житного раскопа.**

Стратиграфический горизонт		Тип, фр.										Кол–во			
		I	IIA		IIБ		IIB		IIIA	IIIБ	IV	фр.	%	фр.	%
		Крышки	Миски	Крышки	Миски	Крышки	Миски	Крышки	Миски (горшки-миски)		Миски	Миски		Крышки	
I	2-я пол. XII в.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
II	Рубеж XII – 1-я пол. XIII в.	–	–	1	–	–	–	1	–	3	2	5	18,5	2	1,6
III	2-я пол. XIII в.	–	–	–	–	–	–	–	–	4	–	4	14,8	–	–
IV	1-я пол. XIV в.	–	2	1	–	1	1	–	4	–	–	4	14,8	2	1,6
V	2-я пол. XIV в.	–	–	–	1	–	4	–	–	–	–	5	18,5	–	–
VI	Кон. XIV – 1-я пол. XV в.	–	–	4	–	1	–	2	1	–	–	1	3,7	7	5,4
VII	Сер. – 2-я пол. XV в.	2	1	2	–	1	2	6	–	–	–	3	11,2	11	8,6
VIII	1-я пол. XVI в.	–	–	5	–	6	–	10	–	–	–	–	–	21	16,4
IXA	2-я пол. XVI – нач. XVII в.	–	2	15	–	19	2	35	–	–	–	4	14,8	69	53,9
IXБ (пл. 9)	1-я пол. XVII в.	1	1	1	–	2	–	12	–	–	–	1	3,7	16	12,5
Кол-во фр.		3	6	29	1	30	9	66	5	7	2	27	100	128	100

Таблица 5. **Керамическая шкала горшкообразных сосудов Переяславля Рязанского (за исключением кухонных горшков).**

Датировка (тип)	Горшки с ручками, фр.	Горшки с трубчатым сливом, фр.	Корчаги, фр.	Миниатюрные горшки, фр.	Итого	
					фр.	%
XVII–XVIII вв. (I)	–	4	–	–	4	13,8
2-я пол. XV – 1-я пол. XVII в. (III)	–	–	–	3	3	10,3
XV – 1-я пол. XVI в. (IV)	–	–	–	2	2	6,9
Кон. XIV – 1-я пол. XVI в. (V)	2	–	–	4	6	20,7
2-я пол. XIV – 1-я пол. XV в. (VII)	–	–	9	–	9	31,0
XIII – 1-я пол. XV в. (VI)	–	–	–	1	1	3,5
2-я пол. XII – XIII в. (IX)	–	–	–	1	1	3,5
2-я пол. XII – 1-я тр. XIII в. (X)	–	–	3	–	3	10,3
Итого	2	4	12	11	29	100

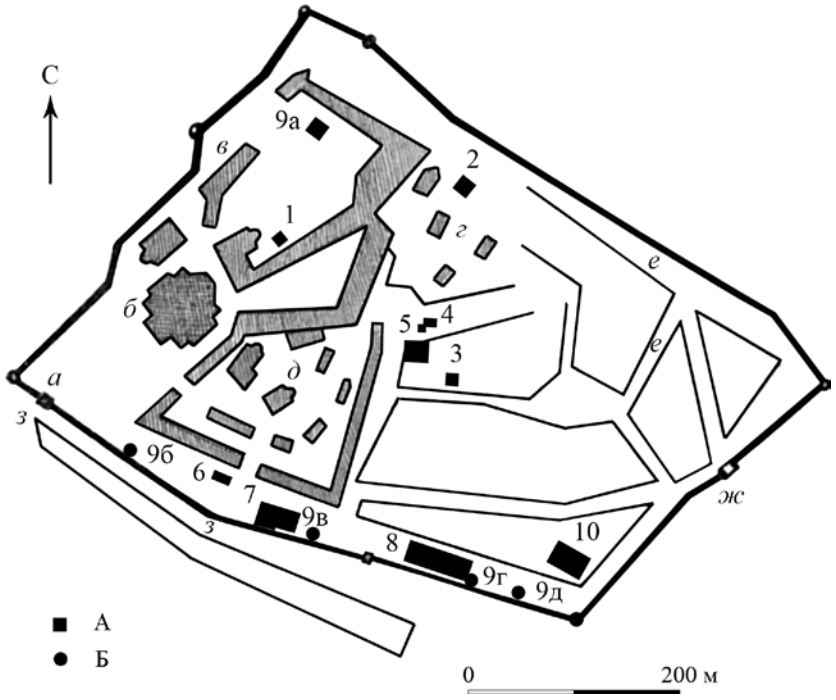

Рис. 2. Материальная база исследования. Археологические раскопы (А) и шурфы (Б) на территории кремля Переяславля Рязанского

а – Глебовская башня (на месте совр. Соборной колокольни); *б* – Успенский собор; *в* – Дворец Олега; *г* – бывш. Явленский девичий мон-рь (Архиерейский сад); *д* – Спасский мужской мон-рь; *е* – совр. ул. Рабочих; *ж* – Рязанские ворота; *з* – Московская дорога. 1–4 – раскопы А. Л. Монгайта, 1956–1957 гг.; 5 – раскоп А. А. Коновалова, 1979–1980 гг.; 6 – раскоп М. М. Макарова, 1983 г.; 7 – раскопы М. М. Макарова, 1987, 1989 гг.; 8 – раскопы В. В. Судакова, 1986, 1988, 1990 гг.; 9 а – Житный раскоп, 2004–2015 гг.; 9, б–д – шурфы В. И. Завьялова, 2009 г.; 10 – Введенский раскоп, с 2016 г.

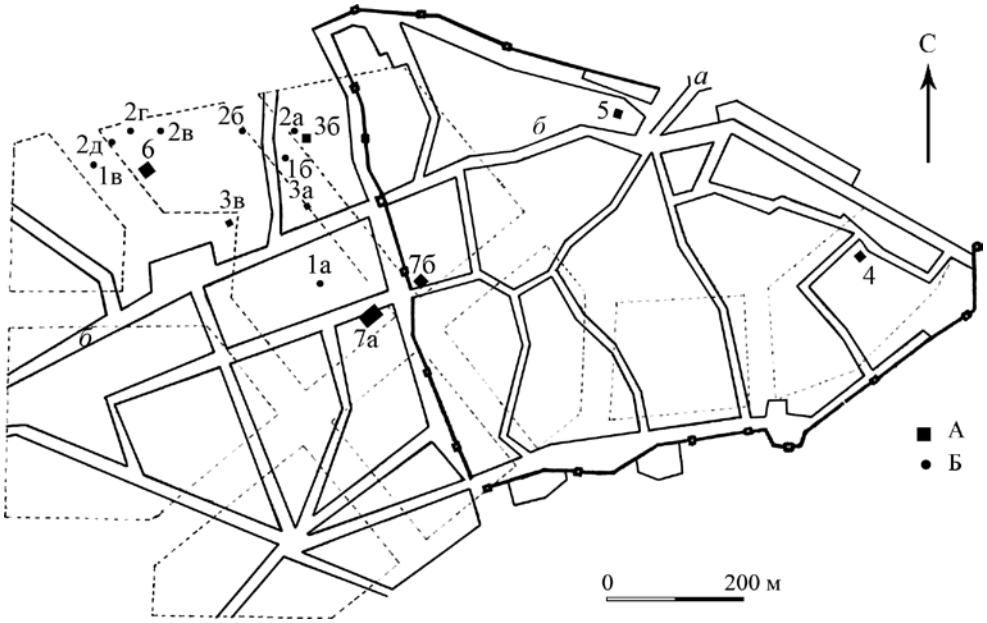

Рис. 3. Материальная база исследования. Археологические раскопы (А) и шурфы (Б) на территории Острога и Верхнего посада

а – Глебовский мост; *б* – Московская дорога: 1, а–в – шурфы В. П. Челяпова, обком КПСС (ЦБ РФ), 1981 г.; 2, а–д – шурфы В. В. Судакова, канализационный коллектор, 1990 г.; 3, а–в – раскопы В. М. Буланкина, «Школа менеджеров», 1992 г.; 4 – раскоп В. М. Буланкина, жилой дом (уч. 16), 1992 г.; 5 – раскопы В. В. Судакова и В. П. Челяпова, сев. кромка мыса у набережной р. Трубежа, 1993–1994 гг.; 6 – раскоп В. В. Судакова, жилой дом, ул. Некрасова, 24, 2000 г.; 7, а–б – раскопы И. Ю. Стрикалова, здание РИАМЗ, ул. Соборная, 20а, 2015 г.

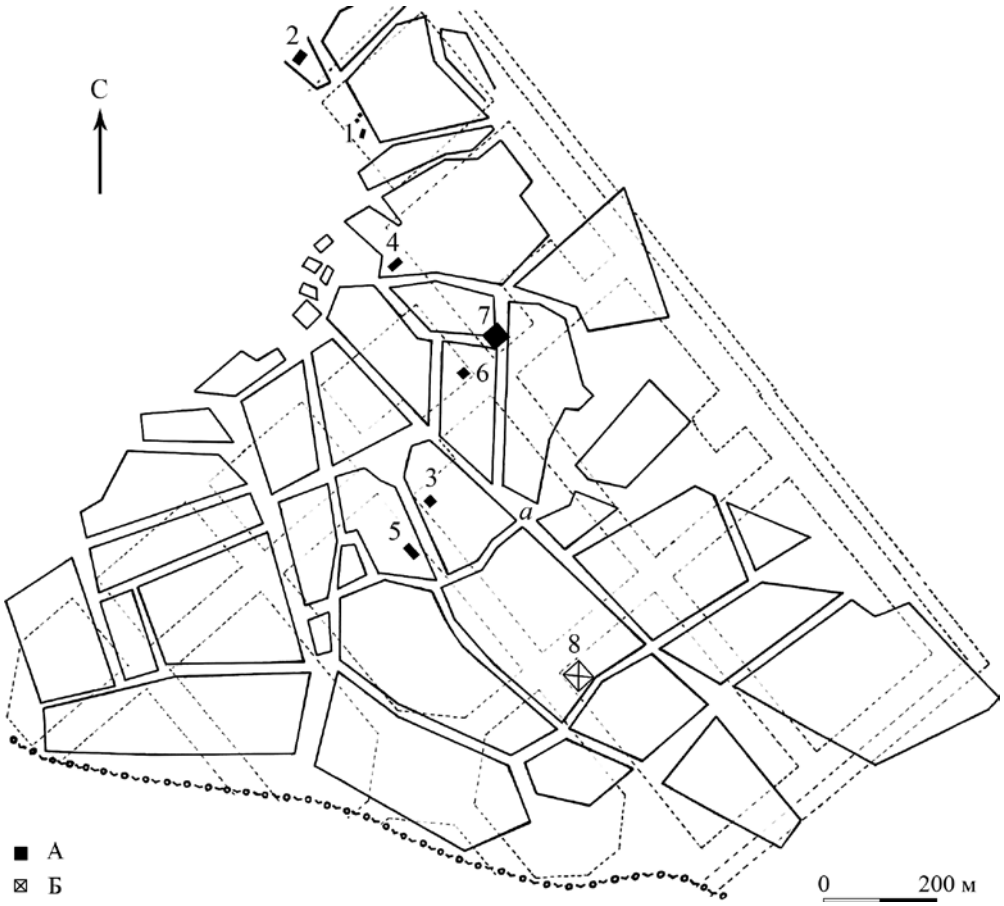

Рис. 4. Материальная база исследования. Археологические раскопы (А) и наблюдения (Б) на территории Нижнего посада
1–3 раскопы В. М. Буланкина, бывш. Рыбацкой слободы, 1992 г.; 2 – раскоп В. В. Судакова, ул. Затинная, 88, 2002 г.; 3 – раскоп В. П. Челяпова, ул. Грибоедова, 48, 2004 г.; 4 – раскоп А. А. Вячина, ул. Скоморошинская, 5, 2006 г.; 5 – раскопы А. А. Вячина, ул. Грибоедова, 47–59, 2007 г.; 6 – раскоп В. П. Челяпова, ул. Свободы, 4, 2007 г.; 7 – раскоп И. Ю. Стрикалова, ул. Затинная, 60, 2020 г.; 8 – наблюдения И. Н. Канаева, ул. Грибоедова, 24/5, 1986 г.

укладываются в типологию местных кухонных горшков (табл. 1; *Киреев, Судаков,* 2025а), поэтому для них не разрабатывалась отдельная типологическая схема[4]. Тем не менее в общей сложности горшкообразная посуда является преобладающей группой керамики Переяславля Рязанского.

2. Кувшинообразные сосуды. К данной группе относятся пяти- (рис. 5, *8*), шести- (рис. 5, *6–7*) и семичастные сосуды (рис. 5, *1*), в составе конструктивных элементов которых имеется шея (рис. 5, *6–8*). Доля кувшинообразной посуды в керамическом комплексе Житного раскопа (без учета кухонных горшков) составляет 83,3% (табл. 2). Наибольшее распространение данная группа керамики получила в Переяславле Рязанском начиная со второй половины XVI в.

3. Мискообразные сосуды. К данной группе относятся трех- (рис. 5, *2*), четырех- (рис. 5, *3*) и пятичастные (рис. 5, *4*) сосуды без шеи. Самая малочисленная группа керамики Переяславля Рязанского (табл. 2; 7). Ее доля в керамическом комплексе Житного раскопа (без учета кухонных горшков) составляет 14,7% (табл. 2). Данная керамика в единичном количестве встречается во всех стратиграфических горизонтах начиная с конца XII в., но наибольшее распространение в Переяславле Рязанском, как и кувшинообразная посуда, получила начиная со второй половины XVI в.

Также выделяются две переходные разновидности сосудов, которые имеют одинаковый состав конструктивных элементов, но могут относиться к разным группам:

[4] Датировка горшкообразных сосудов в таблице 5 приведена в соответствии с керамической шкалой кухонных горшков Переяславля Рязанского (табл. 1).

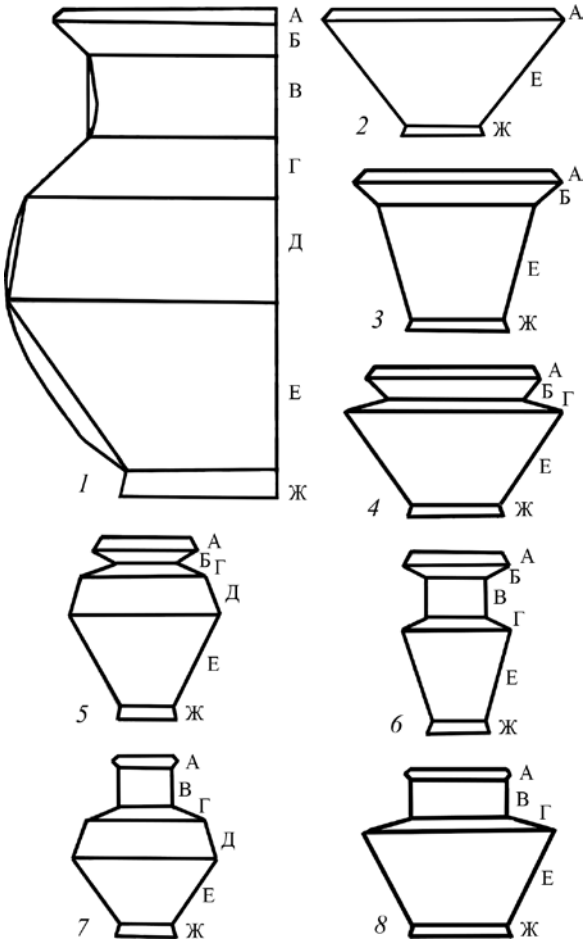

Рис. 5. Группы гончарных сосудов Переяславля Рязанского

1 – функциональные части гончарных сосудов (А – край; Б – устье; В – шея; Г – плечо; Д – предплечье; Е – тулово; Ж – донце); *2* – мискообразные; *3, 4* – мискообразные/горшкообразные; *5* – горшкообразные; *6* – горшкообразные/кувшинообразные; *7, 8* – кувшинообразные

1) если высота четырех- и пятичастных сосудов с устьем (рис. 5, *3–4*) меньше или равна диаметру венчика (края), то такую посуду следует относить к мискообразной (так называемые горшки-миски), в противном случае – к горшкообразной;

2) если шея шестичастных сосудов с устьем (рис. 5, *6*) слабовыражена (длина шеи меньше или равна длине устья), а диаметр венчика при этом приближен к диаметру тулова, то такую посуду следует относить к горшкообразной, в противном случае – к кувшинообразной.

После разделения массива керамики на группы происходит их разбиение на подгруппы, а также на типы и подтипы.

По функциональному назначению сосудов выделено 14 подгрупп.

1. Четыре подгруппы горшкообразных сосудов (рис. 6):

а) горшки. К данной подгруппе относятся кухонные горшки и столовые горшки с ручками (одна или две круглые ручки в районе плечиков). Кухонные горшки рассмотрены нами отдельно (*Киреев, Судаков,* 2025а). Горшки с одной ручкой могли использоваться в качестве сосудов для питья (рис. 6, *3*), с двумя – для подачи пищи на стол (рис. 6, *4*). Среди керамики Переяславля Рязанского зафиксировано всего два крупных фрагмента подобных сосудов, относящихся к типу V по типологии кухонных горшков и датирующихся концом XIV – первой половиной XVI в. (табл. 5). Также по материалам Житного раскопа малочисленны и круглые ручки (4 фр.), которые отнесены к ручкам кувшинов;

б) горшки с трубчатым сливом. Использовались как тара для молочной продукции. В Переяславле Рязанском подобные сосуды относятся к типу I по типологии кухонных горшков (табл. 5; рис. 6, *1–2*). Они бытовали в Переяславле Рязанском в XVII–XVIII вв. В Москве подобные горшки с «косо поставленной трубчатой горловиной верхней части» встречаются в XV – начале XVI в. (*Розенфельдт,* 1986. С. 15, 81. Табл. 2, *3*);

в) корчаги. Крупногабаритные тарные сосуды. Толщина стенок доходит до 25 мм. На Житном раскопе в кремле в слоях XIV – начала XVII в. найдено 22 фрагмента корчаг. Поздние сосуды, украшенные перекрещивающимися диагональными линиями (10 фр.), встречаются и в слоях начала – первой половины XVII в. (табл. 2; *Коваль*, 2011. С. 107; 113). Фрагменты корчаг с насечками (рис. 6, *13*), судя по форме венчика, относятся к типу VII. Также девять фрагментов корчаг типа VII зафиксированы во время раскопок в других районах Переяславля Рязанского (табл. 5). Горшки типа VII встречаются в небольшом количестве абсолютно во всех стратиграфических горизонтах, однако наиболее распространены во второй половине XIV – первой половине XV в. (табл. 1). Среди них часто встречаются крупногабаритные толстостенные сосуды (рис. 6, *11–12*), зафиксированные в большом количестве, например, во время раскопок у южной оконечности кремлевского вала в 1983 г.[5];

г) миниатюрные горшки. Использовались как столовая керамика (например, как емкость для мелких сыпучих продуктов), так и в качестве игрушек (рис. 6, *5–10*; *Черкасов,* 2004. С. 167). Они могли изготавливаться детьми – подмастерьями гончаров:

[5] Руководитель работ – М. М. Макаров.

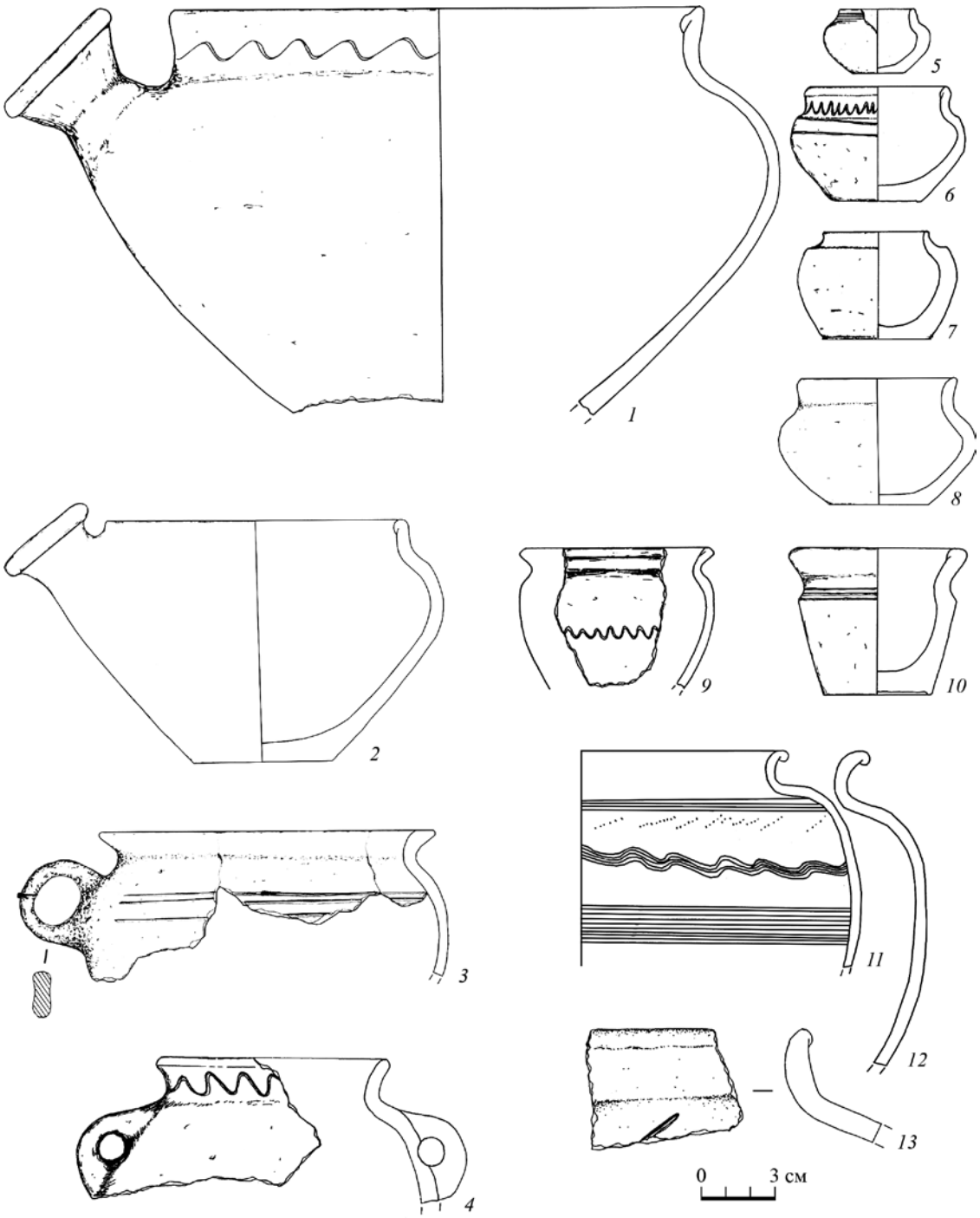

Рис. 6. Горшкообразные сосуды
1–2 – с трубчатым сливом (тип I); *3–4* – с ручками (тип V); *5–10* – миниатюрные (*5* – тип III; *6–7* – тип IV; *8* – тип V; *9* – тип VI; *10* – тип IX); *11–13* – корчаги (тип VII)

«Отецъ же гончарь, обыкновенно начинаетъ пріучать своего сына къ ремеслу уже съ 12-ти лѣтняго возраста сначала забавляя его выдѣлкою какихъ либо игрушекъ, затѣмъ формовкою изъ глины мелкихъ предметовъ уже на формовальномъ кругѣ и т. д.» (*Гомилевский,* 1882. С. 1553). В Переяславле Рязанском миниатюрные горшки встречаются крайне редко: на Житном раскопе в кремле зафиксировано всего три фрагмента миниатюрных горшков (табл. 2), еще 11 – в других районах города (табл. 5).

2. Пять подгрупп кувшинообразных сосудов:

а) кувшины. Тарная посуда для хранения жидкостей. Среди керамики Переяславля Рязанско-

Таблица 6. **Керамическая шкала кувшинообразных сосудов Переяславля Рязанского.**

Тип	Датировка	Кувшины		Крынки		Кубышки		Жбаны		Итого	
		фр.	%	фр.	%	фр.	%	фр.	%	фр.	%
IA	XVI–XVIII вв.	2	7,6	3	12,0	1	11,1	1	20,0	19	29,2
IБ		1	3,9	–	–	–	–	–	–		
IB		2	7,6	7	28,0	2	22,2	–	–		
IIA	2-я пол. XIV – нач. XVII в.	1	3,9	2	8,0	3	33,4	2	40,0	18	27,7
IIБ		1	3,9	–	–	–	–	–	–		
IIB		2	7,6	5	20,0	2	22,2	–	–		
IIIA	XIII–XV вв.	3	11,5	3	12,0	–	–	–	–	22	33,9
IIIБ		7	26,9	1	4,0	–	–	1	20,0		
IIIB		1	3,9	4	16,0	1	11,1	1	20,0		
IV	2-я пол. XII – XIV в.	6	23,0	–	–	–	–	–	–	6	9,2
Итого		26	100	25	100	9	100	5	100	65	100

го встречаются конструкции преимущественно с носиком-сливом на горловине, как с ручками (зачастую с двумя широкими или овальными, реже – с круглыми), так и без них. Венчик – с высокой цилиндрической шейкой (рис. 7–8). На Житном раскопе зафиксировано 877 фрагментов (табл. 2), из которых 286 фрагментов – венчики (табл. 3). При этом не обнаружено ни одного профиля, из-за чего отнести их к овоидным или сфероидным без целых форм не представляется возможным. Среди остальных фрагментов кувшинов, найденных в других районах Переяславля Рязанского (табл. 6), полные профили также единичны (рис. 7, *3*);

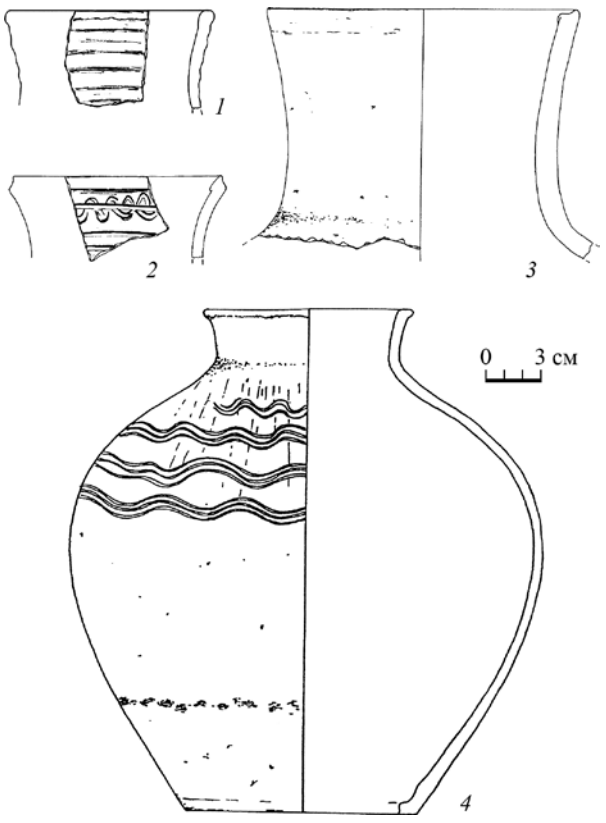

Рис. 7. Кувшинообразные сосуды. Кувшины типа I
1 – подтип А; *2–3* – подтип Б; *4* – подтип В

б) крынки. Сосуды для хранения молока с высокой, довольно широкой шеей, диаметр которой рассчитан под обхват руки, плавно переходящей в округлое тулово (рис. 9, *1–3*). Крынки отличаются от кувшинов наличием петельчатых ручек-ушек с обеих сторон шейки в ее центральной части, которые предназначались для подвешивания или перемещения сосуда с помощью веревки (*Черкасов,* 2004. С. 161). Встречаются в керамическом комплексе Переяславля Рязанского вместе с кувшинами, но в сравнительно меньшем количестве (10,5%, табл. 2). Это объясняется тем, что из-за фрагментарности кувшины и крынки иногда бывает практически невозможно достоверно различить. В подобных случаях такие фрагменты было принято относить к кувшинам;

в) жбаны. Сосуды с ручками-ушками как у крынок, но с более широкой и зачастую слабовыраженную шейкой, порой неотличимой от устья (рис. 9, *4–5*). Вероятно, тара под напитки из солода. Среди керамического комплекса Переяславля Рязанского зафиксировано пять фрагментов венчиков (табл. 6);

г) кубышки. Столовые сосуды для жидкостей с широким туловом, узкой «бутылочной» шейкой (менее высокой, чем у узкогорлых кувшинов) и вертикальным устьем. Среди них встречаются разные по размерам сосуды: крупные (фактически бутыли) и мелкие («флаконы»). Кубышки также использовались для помещения в них монетных кладов (*Гомзин*, 2019). Среди керамики Переяславля Рязанского они встречаются достаточно редко,

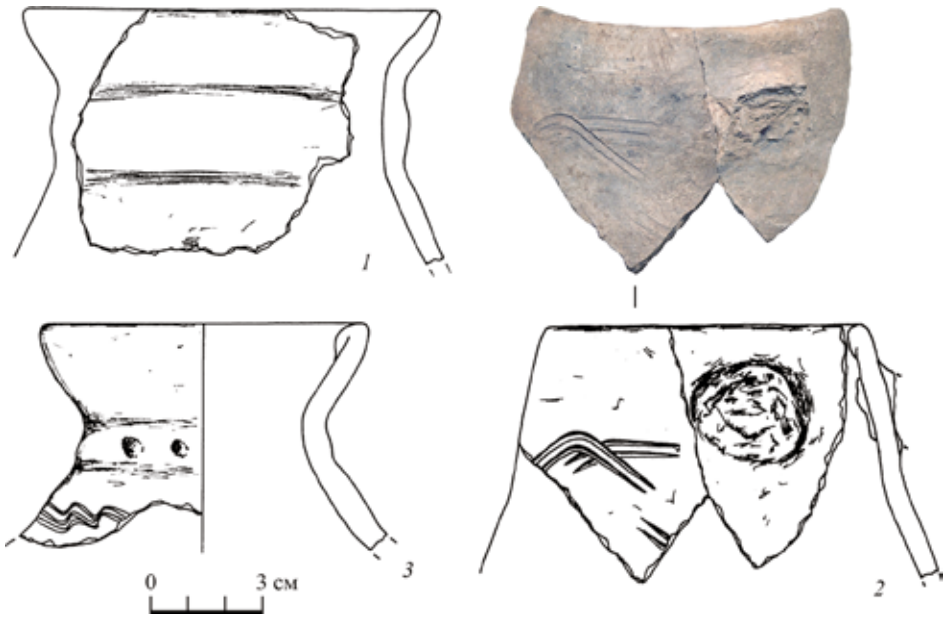

Рис. 8. Кувшинообразные сосуды. Кувшины типов II–IV
1 – подтип IIA; *2* – тип III; *3* – тип IV

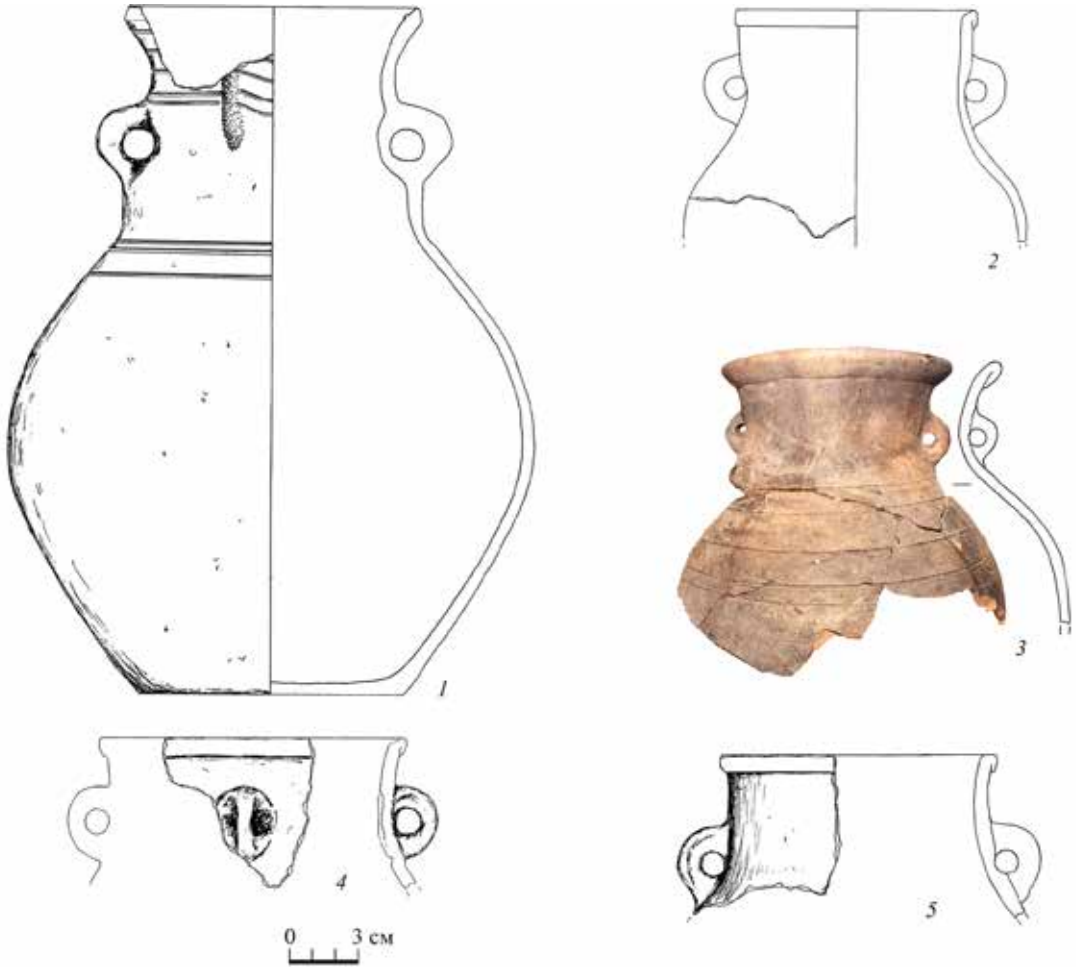

Рис. 9. Кувшинообразные сосуды. Крынки и жбаны
1–3 – крынки (*1* – подтип IIA; *2* – подтип IB; *3* – подтип IIB); *4–5* – жбаны, подтип IB

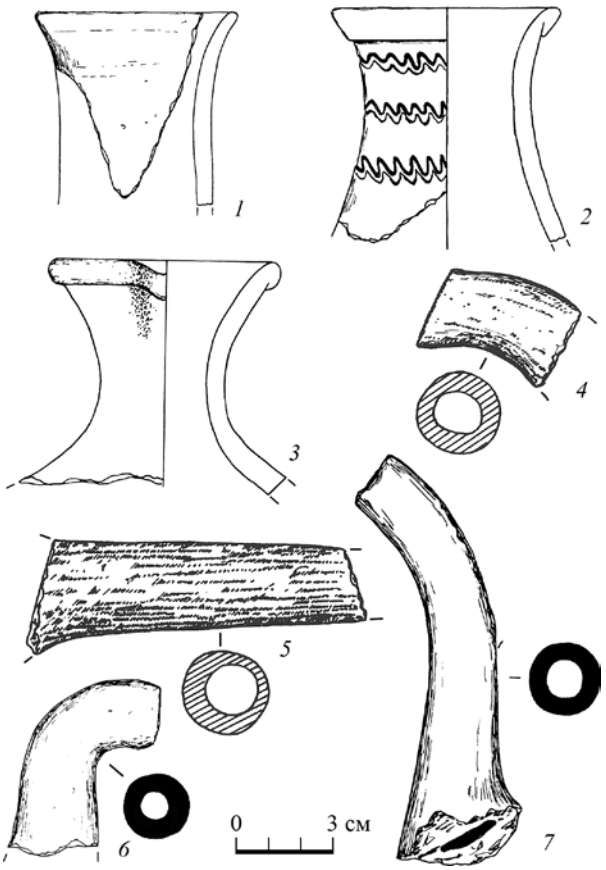

Рис. 10. Кувшинообразные сосуды. Кубышки и кумганы
1–3 – кубышки (*1* – подтип IA; *2* – подтип IB; *3* – подтип IIB); *4–7* – носики кумганов

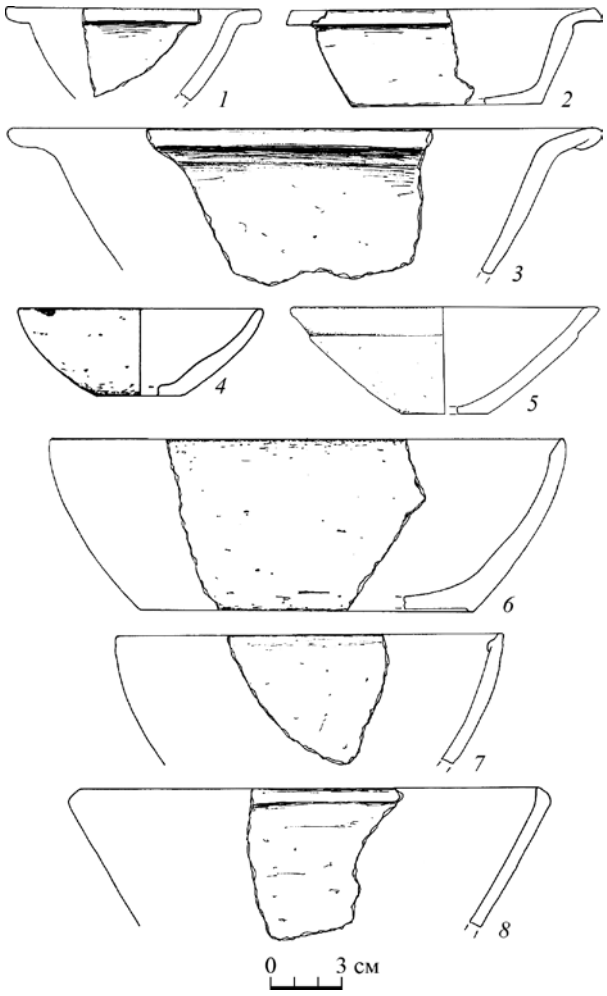

Рис. 11. Мискообразные сосуды. Миски типов I–IIA
1–3 – тип I; *4–6* – подтип IIA; *7, 8* – подтип IIБ

зафиксировано лишь девять крупных фрагментов венчиков (табл. 6; рис. 10, *1–3*). По материалам Житного раскопа данные сосуды составили всего 0,3% (4 фр.) от общего количества столовой и тарной посуды (табл. 2);

д) кумганы. Под кумганами понимаются узкогорлые кувшины с трубчатым носиком-сливом и ручкой, предназначенные для хранения и разлива жидкостей. Венчики кумганов среди керамики Переяславля Рязанского крайне фрагментарны и единичны. Представлены они фрагментами носиков, изредка перемычками с отверстиями, которыми носики крепились к сосуду (рис. 10, *4–7*), поэтому отнести их к той или иной таксономической ячейке представленной далее типологии не представляется возможным.

3. Пять подгрупп мискообразных сосудов:

а) миски. Столовая посуда зачастую полусферической формы (рис. 11–14). Встречаются как с ручками (рис. 14, *4–5*), так и без них. Миски с примазанными втулками, предназначавшимися для деревянных ручек, Р. Л. Розенфельдт называет «кастрюльками для разогрева пищи» (*Розенфельдт,* 1986. С. 15, 81. Табл. 2, *15–16*). Как и кувшины, наибольшее распространение в Переяславле Рязанском миски получили начиная со второй половины XVI в. (табл. 4; 7);

б) крышки. Данную керамику не совсем уместно относить к сосудам в понимании емкости для приготовления, потребления и хранения пищи. Однако по мелким фрагментам бывает невозможно отличить ее от мисок из-за сильного сходства венчиков, поэтому они рассматриваются по единой типологии. Как и миски, крышки встречаются в слоях конца XII – XVIII в. (табл. 4; 7; рис. 15). Судя по материалам Житного раскопа, наибольшее распространение они получили также со второй половины XVI в. (табл. 4). На ряде крышек нанесен циркульный линейный и/или волнистый орнамент;

в) плошки. Сосуды с прямыми или слегка отогнутыми невысокими стенками чашевидной формы (рис. 16, *1–3*). Среди керамики данной группы зафиксирован один сосуд, предположительно интерпретированный как черпак (рис. 16, *3*). В нижней

Таблица 7. **Керамическая шкала мискообразных сосудов Переяславля Рязанского.**

Тип	Датировка	Миски		Крышки		Плошки		Латки и сковородки		Чарки		Итого	
		фр.	%	фр.	%	фр.	%	фр.	%	фр.	%	фр.	%
I	2-я пол XV – XVIII в.	5	5,2	3	7,1	–	–	2	25,0	–	–	10	6,1
IIА	Кон. XIV – XVIII в.	42	43,8	13	31,0	8	61,5	1	12,5	4	100,0	132	81,0
IIБ		4	4,2	–	–	–	–	–	–	–	–		
IIВ		28	29,2	26	61,9	1	7,7	5	62,5	–	–		
IIIА	XIV в.	4	4,2	–	–	–	–	–	–	–	–	4	2,5
IIIБ	Кон. XII – XIII в.	12	12,4	–	–	–	–	–	–	–	–	12	7,4
IV	Кон. XII – XIV в.	1	1,0	–	–	4	30,8	–	–	–	–	5	3,0
Итого		96	100	42	100	13	100	8	100	4	100	163	100

его части примазана глиняная втулка, уходящая ниже плоскости донца, куда вставлялась деревянная ручка. На Житном раскопе плошки не зафиксированы. На территории Переяславля Рязанского они встречаются в небольшом количестве в слоях конца XII–XVIII в. (табл. 7). Среди сосудов-плошек выделяется обособленная функциональная форма – *светильники* (рис. 16, *4–9*). Внутрь наливалось сало или масло, и помещался фитиль или свеча. На Житном раскопе светильников не обнаружено. На территории Переяславля Рязанского фрагменты плошек-светильников с петлевидной ручкой (рис. 16, *4–5*) фиксируются начиная с XIV в. К более ранним формам, датируемым концом XII – первой половиной XIV в., относятся так называемые чашевидные светильники (рис. 16, *6–7*) и светильники киевского типа (рис. 16, *8–9*). Последние представляют собой полые открытые снизу стояки, к которым прикреплялись два блюдца – одно вверху, другое – в верхней трети стояка. При горении в нижнее блюдце стекало масло;

г) латки и сковородки. Кухонная посуда продолговатой формы с относительно малой высотой стенок (рис. 17). Латки доставали из печи при помощи ухвата. У сковородок имелась примазанная втулка, куда вставлялась деревянная ручка. На Житном раскопе они не зафиксированы. В Переяславле Рязанском фрагменты сковородок и латок найдены в слоях конца XIV – XVIII в. (табл. 7);

д) чарки – небольшие сосуды для питья, тулово которых имеет слабовыраженный S-образный изгиб (рис. 18). На Житном раскопе не зафиксированы. В керамическом комплексе Переяславля Рязанского встречаются вместе со сковородками в слоях конца XIV – XVIII в. (табл. 7).

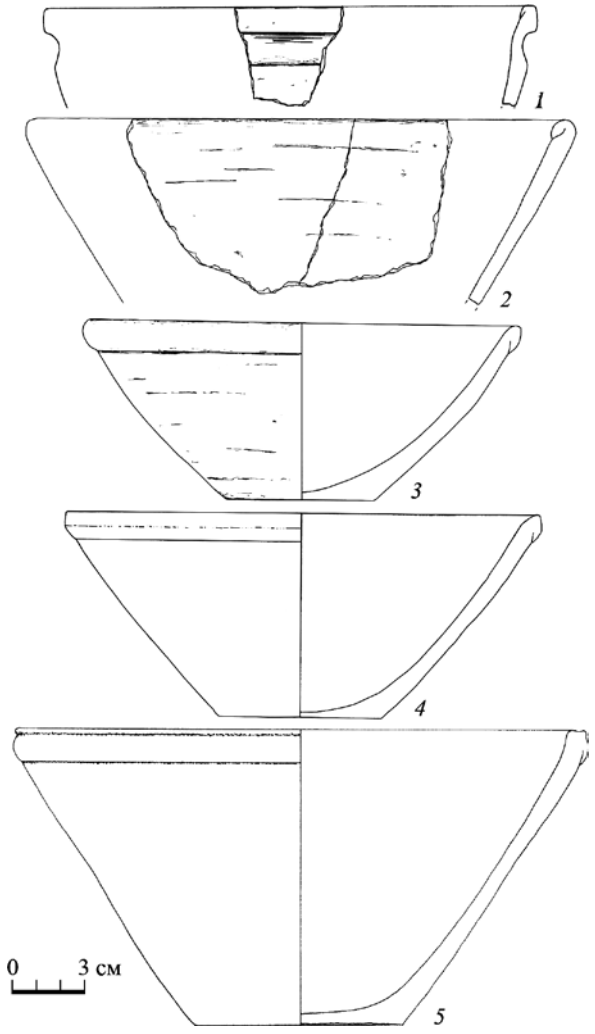

Рис. 12. Мискообразные сосуды. Миски подтипов IIБ–IIВ
1, 2 – подтип IIБ; *3–5* – подтип IIВ

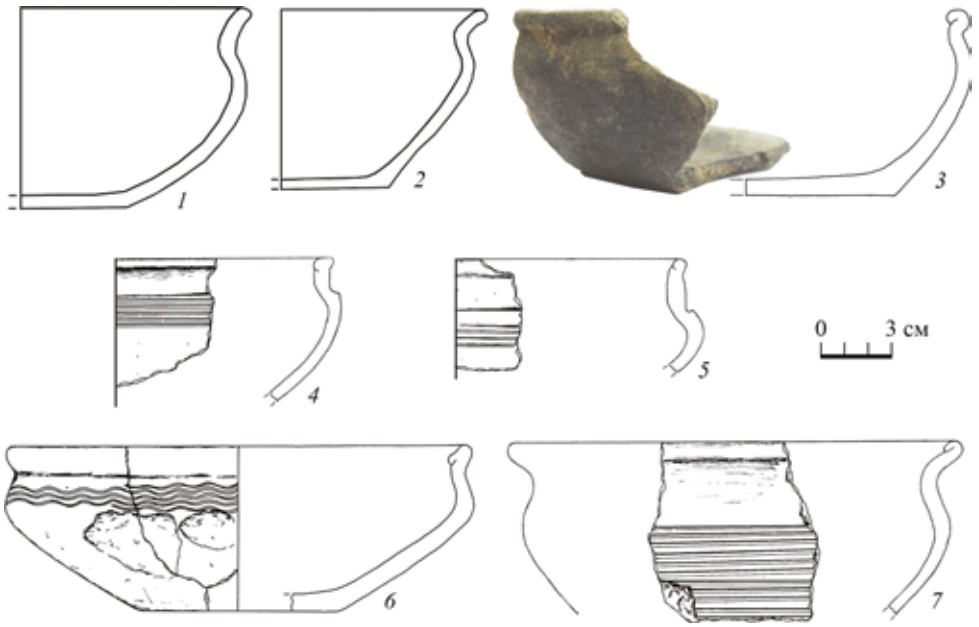

Рис. 13. Мискообразные сосуды. Горшки-миски типа III
1, 2 – тип V; *3* – тип VI; *4, 5* – тип VIII; *6, 7* – тип IX

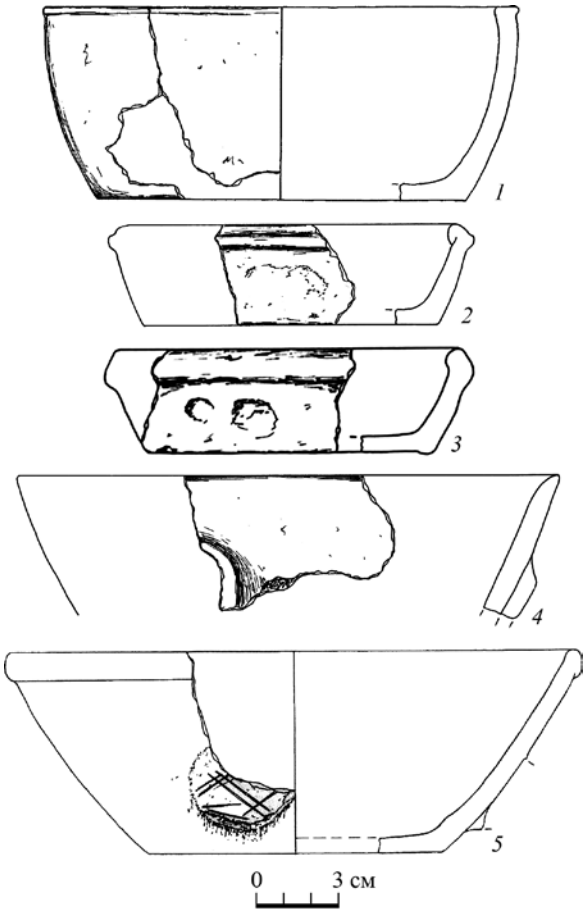

Рис. 14. Мискообразные сосуды. Миски типа IV и миски с ручками
1–3 – миски типа IV; *4–5* – миски с ручками: *4* – подтип IIA; *5* – подтип IIB

Помимо деления на подгруппы группы также подразделялись на типы и подтипы. Разработка типологии каждой из обозначенных выше функциональных форм не представляется целесообразной в связи с их малочисленностью и фрагментарностью в керамическом комплексе Переяславля Рязанского.

Типы выделялись на основании формы венчика, которая подвержена наибольшим хронологическим изменениям при относительной устойчивости остальных функциональных частей. Под венчиком понимается верхняя профилированная часть сосуда, переходящая в тулово (или предплечье) через плечики (*Коваль,* 2016. С. 50). Иногда место перехода оформлялось уступом. Край, устье и шейка в составе венчика (*Коваль,* 2016. С. 51) ограничиваются так называемыми точками перегиба, в которых гончар прилагал акцентированные усилия с целью изменения направления «течения» формовочной массы (*Цетлин,* 2012. С. 156). Таким образом, типы выделялись в зависимости от положения прямых или изогнутых устья и шейки, которые могли быть вертикальными, наклоненными внутрь или наружу. При этом в процессе типологизации не учитывались индивидуальные особенности венчиков сосудов (наличие профилирующих выемок, двойные срезы и пр.), типологически учесть их не представляется возможным.

Подтипы выделялись по способу оформления края, который мог моделироваться гончаром при работе на медленно вращавшемся круге путем заворота излишков формовочной массы (т. е. чер-

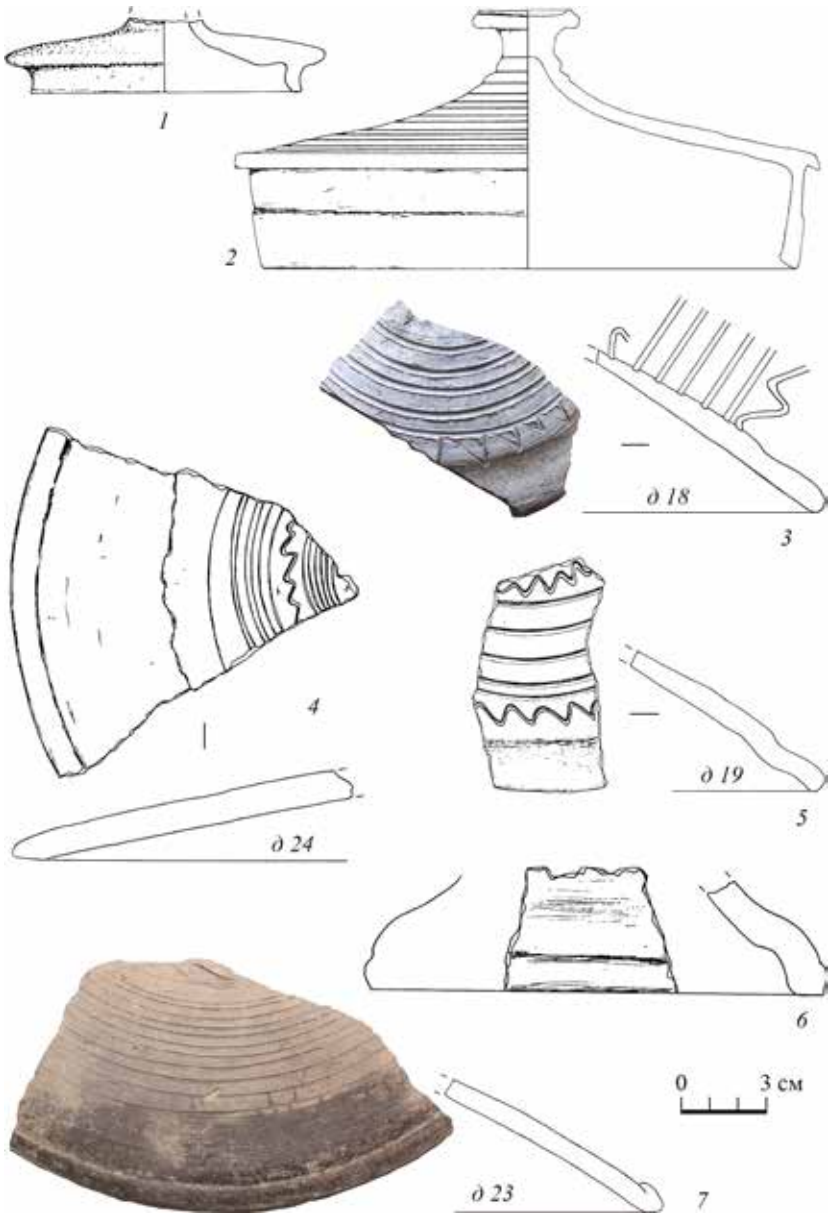

Рис. 15. Мискообразные сосуды. Крышки
1, 2 – тип I; *3–6* – подтип IIA; *7* – подтип IIB

нового края) внутрь или/и наружу по отношению к объему сосуда, в результате чего формировалось валикообразное утолщение чистового края венчика (*Коваль,* 2016. С. 53). Черновой край может быть не выражен, завернут внутрь или наружу. Чистовой край мог дополнительно оформляться путем срезания излишков глины ножом (прямой или косой срез) либо заглаживания (закругления или приострения) пальцами рук (*Коваль,* 2016. С. 54).

В связи с малочисленностью кувшинообразной и мискообразной посуды Переяславля Рязанского ее дополнительное разбиение на варианты с учетом способа оформления чистового края, как это было сделано для горшкообразных сосудов (*Киреев, Судаков,* 2025а), не производилось.

В общей сложности типология керамики Переяславля Рязанского насчитывает 66 таксономических ячеек (18 типов, 47 подтипов и 24 варианта).

Среди группы горшкообразных сосудов выделяется 51 таксономическая ячейка (10 типов, 36 подтипов и 24 варианта – *Киреев, Судаков,* 2025а).

Среди группы кувшинообразных сосудов выделяется восемь таксономических ячеек (четыре типа и шесть подтипов).

Тип I. Шейка вертикальная (прямая или изогнутая), устье прямое. Венчик может иметь слабо-

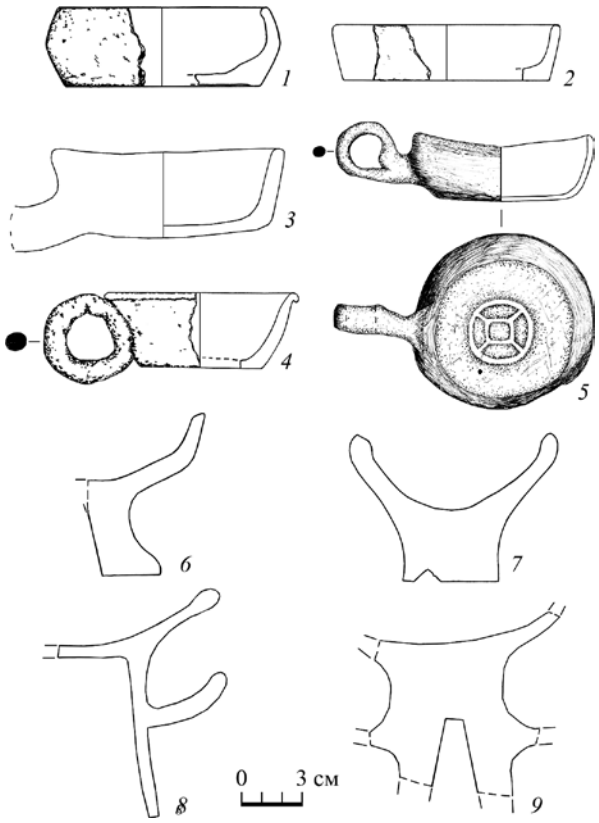

Рис. 16. Мискообразные сосуды. Плошки и светильники
1, 2 – плошки (подтип IIA); *3* – плошка с ручкой – ковш (подтип IIA); *4–9* – светильники (*4, 5* – плошки-светильники: *4* – подтип IIB; *5* – подтип IIA; *6, 7* – чашевидные; *8, 9* – киевского типа)

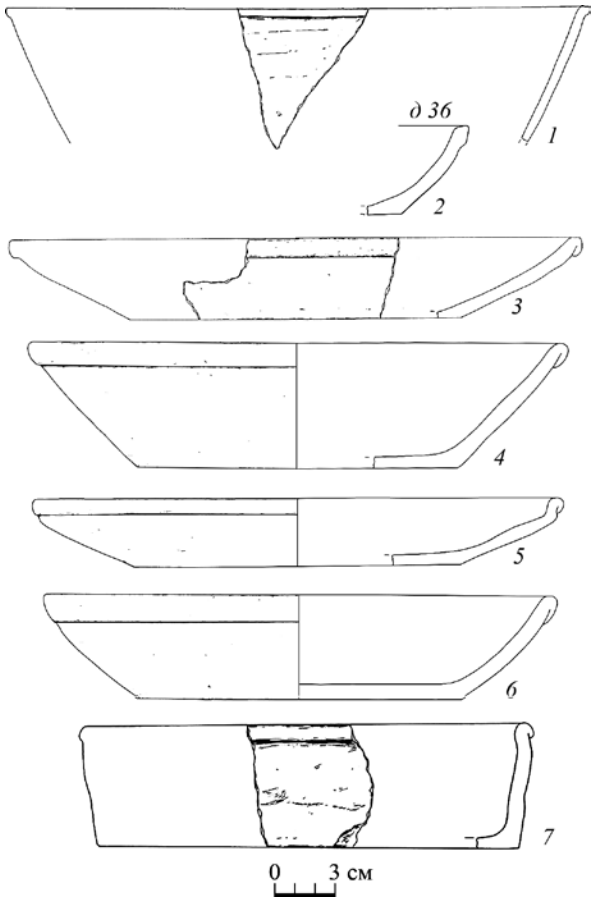

Рис. 17. Мискообразные сосуды. Латки и сковородки
1, 2 – тип I; *3–6* – подтип IIB; *7* – тип IV

выраженный изгиб. Сосуды типа I в Переяславле Рязанском получили наибольшее распространение начиная с XVI в. (табл. 3; рис. 19, *1*) и встречаются здесь вплоть до XVIII в. Также зафиксированы в комплексах XV в., но их доля там незначительна. Выделяются три подтипа.

Подтип А. Черновой край не сформирован (рис. 7, *1*; 10, *1*).

Подтип Б. Черновой край завернут внутрь (рис. 7, *2, 4*).

Подтип В. Черновой край завернут наружу и плотно прижат (рис. 7, *3*; 9, *2*, *4*, *5*).

Несмотря на то что кувшины и крынки встречаются среди всех типов кувшинообразных сосудов, подавляющее их большинство относится именно к типу I. Остальные функциональные формы единичны и распределены среди всех типов (рис. 19, *2*).

Тип II. Шейка вертикальная (прямая или изогнутая), устье наклонено наружу. Кувшины типа II в Переяславле Рязанском появляются *со второй половины XIV в.* (рис. 19, *1*) и продолжают бытовать вместе с типом I вплоть до начала XVII в., но в гораздо меньшем количестве (табл. 3; 6). Выделяются три подтипа.

Подтип А. Черновой край не сформирован (рис. 8, *1*).

Подтип Б. Черновой край завернут внутрь. При этом устье наклонено наружу примерно посередине венчика (рис. 9, *1*).

Подтип В. Черновой край завернут наружу и плотно прижат. При этом устье наклонено наружу практически горизонтально (рис. 9, *3*; 10, *2*, *3*).

Тип III. Шейка и устье наклонены внутрь, черновой край завернут внутрь и плотно прижат (рис. 8, *2*). Кувшины типа III в Переяславле Рязанском встречаются в комплексах XIII–XV вв. (табл. 3; 6).

Тип IV. Шейка наклонена внутрь, устье наклонено наружу, черновой край завернут наружу (рис. 8, *3*). В Переяславле Рязанском кувшины типа IV встречаются в комплексах второй половины XII–XIV в. (табл. 3; 6).

Среди кувшинообразных сосудов Переяславля Рязанского практически в равной степени

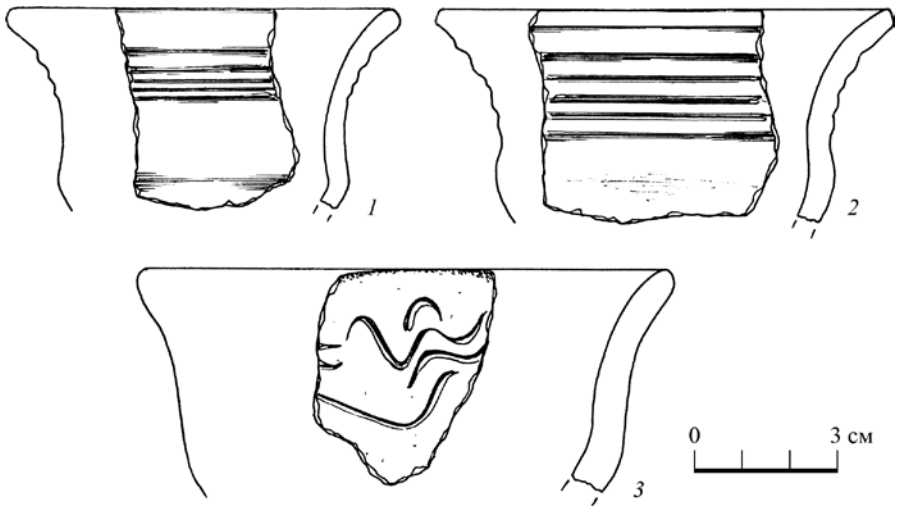

Рис. 18. Мискообразные сосуды. Чарки. Подтип IIA

(27,7–33,9%) распространены все обозначенные типы, за исключением ранней керамики типа IV (табл. 6). До второй половины XVI в. большая часть кувшинообразной посуды Переяславля Рязанского изготавливалась из неожелезненных (белых) глин (рис. 19, *3*). Во второй половине XVI в. и вплоть до XVIII в. стала преобладать керамика из слабоожелезненных глин. Все сосуды зачастую полного обжига без визуально фиксируемых примесей, реже – с примесью крупного песка.

Среди группы мискообразных сосудов выделяются семь таксономических ячеек (четыре типа и пять подтипов).

Тип I. Четырехчастные сосуды с отогнутым горизонтально устьем (отложным краем) или уступом (рис. 11, *1–3*; 15, *1–2*; 17, *1–2*). Среди функциональных форм мискообразных сосудов типа I в Переяславле Рязанском встречаются миски, крышки и латки/сковородки. Появляется данная керамика во второй половине XV в. и бытует вплоть до XVIII в. (табл. 4; 7).

Тип II. Трехчастные сосуды, тулово которых может иметь слабовыраженный изгиб. Керамика типа II датируется концом XIV–XVIII в. (табл. 7) и является преобладающей в данной группе сосудов (рис. 20, *1*). Среди таких сосудов в Переяславле Рязанском в том или ином количестве встречаются все обозначенные подгруппы (рис. 20, *2*). Выделяются три подтипа.

Подтип А. Черновой край не сформирован (рис. 11, *4–6*; 15, *3–6*; 16, *1, 3*; 18, *1–3*).

Подтип Б. Черновой край завернут внутрь и плотно прижат (рис. 11, *7*; 12, *1–2*).

Подтип В. Черновой край завернут наружу и плотно прижат (рис. 12, *3–5*; 15, *7*; 17, *3–6*).

Тип III. К данному типу относятся горшки-миски – пятичастные сосуды усеченно-конической формы с немного отогнутым наружу прямым или плавно изогнутым устьем. Диаметр их венчика зачастую равен диаметру тулова, а иногда и несколько больше него (*Коваль,* 2004. С. 86), при этом всегда больше высоты сосуда. В Переяславле Рязанском подобные сосуды распространены в слоях конца XII – XIV в. (табл. 4; 7), что соответствует общей тенденции для значительной части территории Древней Руси (*Коваль,* 2004. С. 86–87). На Житном раскопе они преобладают в XIII – первой половине XIV в. (табл. 4). Похожая тенденция наблюдается, например, в керамическом комплексе Коломны (*Черкасов,* 2004. С. 157–158).

Выделяются три подтипа.

Подтип А. Черновой край не сформирован. Венчик переходит в неорнаментированные или покрытые зонным волнистым орнаментом плечики, без уступа (рис. 13, *1–2*). По форме венчика соответствуют горшкообразным сосудам типа V (*Киреев, Судаков,* 2025а). Датируются XIV в. (табл. 4; 7).

Подтип Б. Черновой край сначала отгибался наружу, а потом заворачивался внутрь, образуя валик. Венчик переходит в неорнаментированные или покрытые зонным/сплошным линейным/волнистым орнаментом плечики, без уступа (рис. 13, *3–7*). По форме венчика соответствуют горшкообразным сосудам типов VIII и IX (*Киреев, Судаков,* 2025а). Датируются концом XII – XIII в. (табл. 4; 7).

Тип IV. Трехчастные невысокие сосуды с прямыми или немного отогнутыми стенками. Черновой край может быть как не сформирован, так и загнут вовнутрь или наружу (рис. 14; 16, *2*). Похожи на сковородки, но диаметр

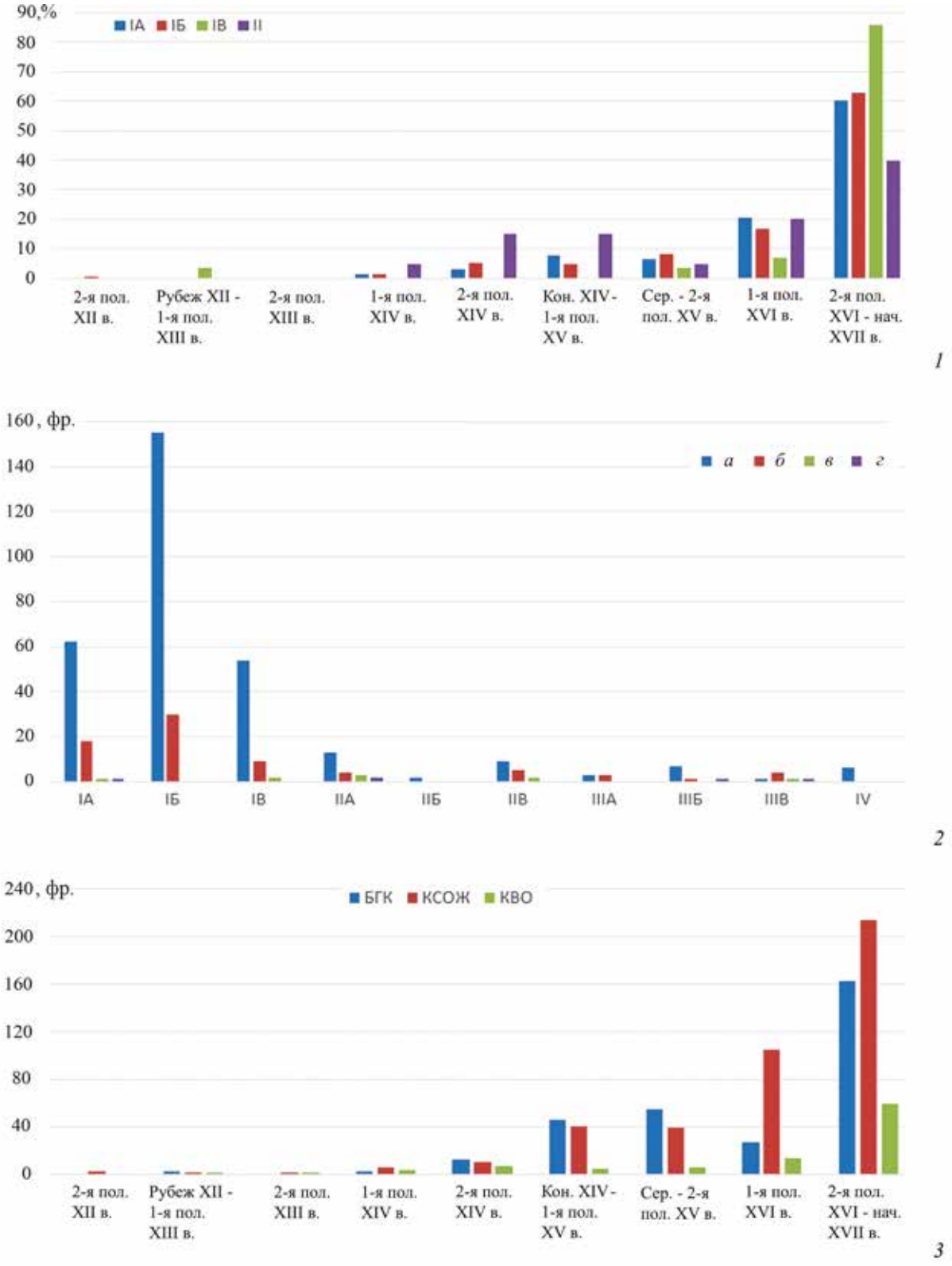
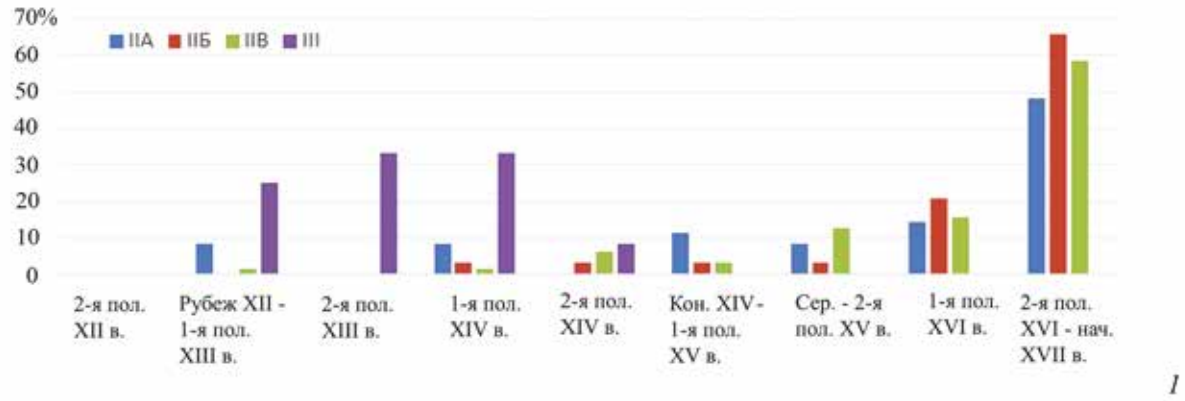
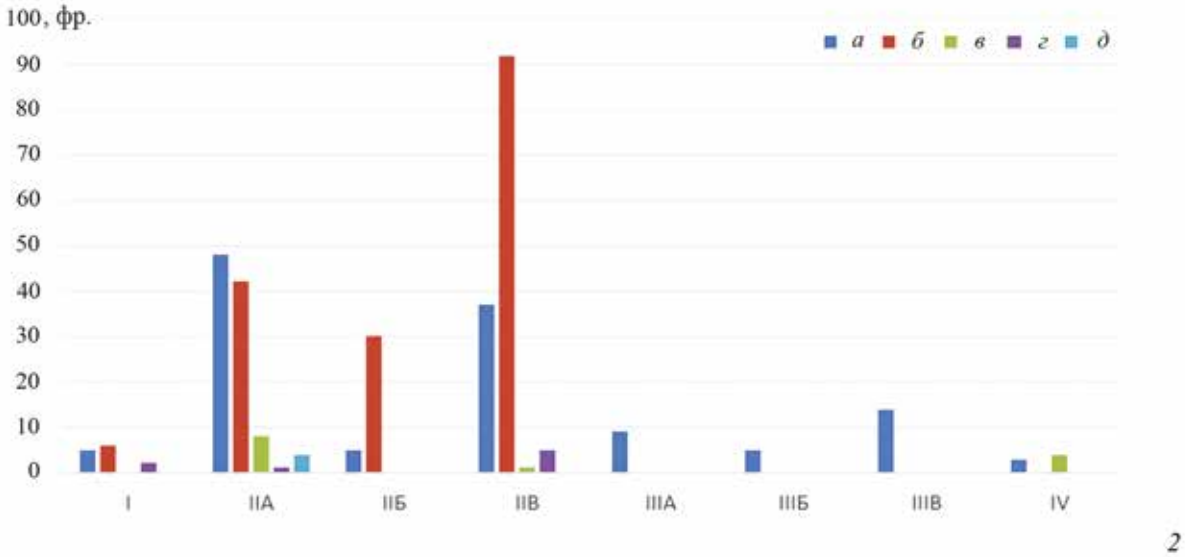

Рис. 19. Статистико-типологическое распределение кувшинообразных сосудов по стратиграфическим горизонтам Житного раскопа (*1, 3*)

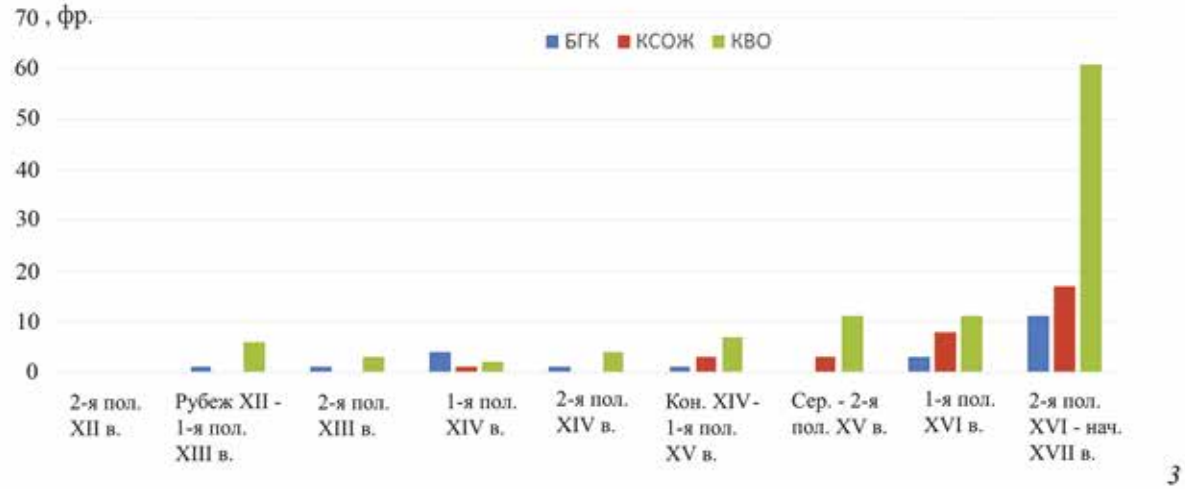
1 – по типам; *2* – по функциональным формам кувшинообразных сосудов Переяславля Рязанского (*а* – кувшины; *б* – крынки; *в* – кубышки; *г* – жбаны); *3* – по технологии изготовления

1

2

3

Рис. 20. Статистико-типологическое распределение мискообразных сосудов по стратиграфическим горизонтам Житного раскопа (*1, 3*)

1 – по типам; *2* – по функциональным формам мискообразных сосудов Переяславля Рязанского (*а* – миски; *б* – крышки; *в* – плошки; *г* – латки и сковородки; *д* – чарки); *3* – по технологии изготовления

сравнительно небольшой. При изучении керамического комплекса селища Меткомелино 2 (бывш. Гжельская вол.) подобные формы названы мисками-сковородками (*Полюлях*, 2023. С. 308). Среди функциональных форм зафиксированы миски и плошки (рис. 20, *2*). Сосуды типа IV встречаются в Переяславле Рязанском в слоях конца XII–XIV в. (табл. 4; 7).

Подавляющая часть мискообразной посуды Переяславля Рязанского всех обозначенных типов обжигалась в восстановительном режиме (рис. 20, *3*), поэтому определить степень ожелезненности глин, из которых она изготавливалась, зачастую не представлялось возможным. Часто все сосуды полного обжига без визуально фиксируемых примесей, реже – с примесью мелкого песка.

Таким образом, малочисленность остальных форм керамики Переяславля Рязанского без дополнительной обработки помимо кухонных горшков, особенно в слоях второй половины XII – XIV в., где они зафиксированы в единичных экземплярах, не позволяет добавить что-то нового к уже обозначенным предварительным линиям развития местной гончарной традиции (*Киреев, Судаков,* 2025а). Однако статистико-типологический анализ данной посуды позволил выделить хронологические периоды их бытования, что дало возможность дополнить хронологическую шкалу местной керамики.

Литература

Буланкин В. М., 1992. Отчет о раскопках в исторической части Рязани в 1992 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 22578–22581.

Вячин А. А., 2006. Отчет об охранных археологических раскопках на Нижнем Посаде Переяславля Рязанского (г. Рязань), ул. Скоморошинская, д. 5, в 2006 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 36151–36153.

Вячин А. А., 2007. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Гончарной слободы г. Рязани в 2007 г. (ул. Грибоедова, д. 47–59 в 68 квартале) / Архив ИА РАН. Р-1. № 47034, 47035.

Вячин А. А., 2009 Раскопки в Гончарной слободе г. Рязани // Битва на Воже и средневековая Русь: Материалы межрегиональной научной конференции «Битва на Воже и средневековая Русь», 1–3 октября 2008 г. Рязань: Центр сохранения ОКН. С. 102–112.

Гиппиус А. А., Завьялов В. И., 2023. Берестяная грамота из Переяславля Рязанского // РА. № 2. С. 179–186.

Гомзин А. А., 2019. Нумизматические материалы на территории Переяславля Рязанского // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 375–376.

Гомилевский В., 1882. Общий очерк Херсонской губернии и кустарные промыслы Александровского уезда // Кустарная промышленность (сельский промысел) Херсонской губернии. Вып. I. СПб. С. 1477–1700.

Завьялов В. И., 2019. Житный раскоп в Кремле Переяславля Рязанского // МАПР. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 5–66.

Завьялов В. И., 2021 Отчет об археологических исследованиях в Кремле Переяславля Рязанского (г. Рязань) в 2021 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 74561–74563.

Завьялов В. И., Судаков В. В., 2017. Стратиграфия и хронология Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 69–87.

Киреев П. С., Брысин И. Н., 2025. Круговая керамика Нижнего посада Переяславля Рязанского // АП. Вып. 21. М.: ИА РАН. С. 399–407.

Киреев П. С., Судаков В. В., 2022. «Заорленая» мера в составе керамического комплекса второй половины XVIII в. как материальное свидетельство питейного дела Переяславля Рязанского // Вест. гум. образования. Киров: Вятский гос. унив. С. 91–97.

Киреев П. С., Судаков В. В., 2025а. Керамическая шкала кухонных горшков Переяславля Рязанского XII–XVIII вв. // РА. В печати.

Киреев П. С., Судаков В. В., 2025б. К разработке керамической шкалы Переяславля Рязанского. Орнаментированная керамика // РА. В печати.

Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // АП. ИА РАН. С. 58–88.

Коваль В. Ю., 2011. Керамика Переяславля Рязанского XVII–XVIII вв. // МАПР. Вып. 1. Рязань: РИАМЗ. С. 87–122.

Коваль В. Ю., 2016. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 9). 128 с.

Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.: АН СССР. 400 с.

Полюлях А. А., 2023. Археологическое исследование селища Меткомелино 2: белоглиняные кувшины, корчаги, плошки, миски и сковороды // АП. Вып. 19. М.: ИА РАН. С. 288–343.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. (САИ. Е1-39). 124 с.

Стрикалов И. Ю., 2005. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия // Великое княжество Рязанское. М.: Памятники исторической мысли. С. 36–89.

Судаков В. В., 1986. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1986 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12119.

Судаков В. В., 1988а. Отчет об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14169.

Судаков В. В., 1988б. Керамика Переяславля Рязанского // Науч. чт. «Археология Рязанской земли». Тез. докл. Рязань. С. 32–33.

Судаков В. В., 1990. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля и Верхнего посада г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1990 г. / Архив ИА РАН. № 17660–17662.

Судаков В. В., 1993. Отчет об археологических раскопках на территории Острога г. Рязани в 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 21691–21693.

Судаков В. В., 2019. Керамика Житного раскопа // МАПР. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 67–100.

Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 430 с.

Челяпов В. П., 1994. Отчет об охранных раскопках на территории Острога г. Рязани в 1994 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 18981.

Челяпов В. П., 2004. Отчет об охранных раскопках в Гончарной слободе Переяславля Рязанского в 2004 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 26526.

Челяпов В. П., 2007. Отчет об охранных раскопках на Нижнем посаде г. Переяславля Рязанского (современный г. Рязань, ул. Свободы, д. 4) в 2007 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 44308.

Челяпов В. П., 2009. Исследования на Нижнем посаде г. Переяславля Рязанского (современный г. Рязань) в 2007 году // Битва на Воже и средневековая Русь: Материалы межрегиональной научной конференции «Битва на Воже и средневековая Русь», 1–3 октября 2008 г. Рязань: ГУК «Центр сохранения объектов культурного наследия». С. 81–101.

Челяпов В. П., Иванов Д. А., 2006. Охранные раскопки на территории Гончарной слободы Переяславля Рязанского // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси) / Матер. Всерос. науч. конф. «Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековья)». Рязань, 7–10 сентября 2005 года. Рязань: Политех. С. 155–167.

Черкасов В. В., 2004. Круговая керамика Коломны XII–XVIII вв. (эволюция гончарной продукции). Дисс. … канд. ист. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 413 с.

P. S. Kireev, V. V. Sudakov

Developing a Ceramic Scale for Pereyaslavl Ryazansky. Ceramics without Additional Surface Treatment

Summary

This work continues the research devoted to developing a ceramic scale for Pereyaslavl Ryazansky (modern-day Ryazan). Two publications on the range of local pottery forms are currently in print (*Kireev, Sudakov*, 2025a; 2025b). This article examines ceramics from Pereyaslavl Ryazansky without additional surface treatment (with the exception of kitchen pots). The primary sources are materials from excavations in various parts of the city: the Kremlin, Ostrog, and the Lower and Upper Trading Quarters. The main forms of pottery used in Pereyaslavl Ryazansky from the second half of the 12th to the 18th centuries are identified. It is proposed to divide ceramics into three large groups based on the composition of their functional parts: pot-shaped, jug-shaped and bowl-shaped vessels.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.132-138

А. С. Абдельманова[*], Л. В. Яворская[**], А. В. Энговатова[**], Н. А. Зиновьева[*]

[*] ВИЖ имени академика Л.К. Эрнста (пос. Дубровицы, Подольский р-н, Московская обл.)

[**] Институт археологии РАН (г. Москва)

Ярославская корова. Археология и генетика[1]

Активно развивающиеся в XXI в. палеогенетические исследования домашнего скота приносят двойной результат, обогащая как археологию, так и современную генетику. С одной стороны, они позволяют на основе новых независимых данных реконструировать историю одомашнивания животных, направления их эксплуатации, верифицировать гипотезы о перемещении человеческих групп вместе со своими домашними копытными, а также точнее понимать экономические и социальные процессы древних обществ. С другой стороны, информация по древним популяциям домашних копытных является неотъемлемой частью генетического изучения истории формирования тех или иных современных породных групп и оценки их внутрипородного и межпородного разнообразия (*Groeneveld et al*., 2010). Кроме того, данные генетики уже сейчас используются при проведении полногеномных ассоциативных исследований (*Genome Wide Association Study – GWAS*) и даже для редактирования геномов представителей современных пород (*Zinovieva et al.*, 2019).

Для практической генетики в условиях сокращения численности традиционных российских пород крупного рогатого скота из-за распространения более продуктивных коммерческих пород на первом плане оказывается сохранение аутентичных геномных компонентов отечественных пород, максимально адаптированных к конкретным климатическим, кормовым и хозяйственным условиям. Одними из самых уникальных пород, известных с XVIII в. на северо-востоке России, являются современные холмогорские и ярославские коровы. Именно для этих пород появилась возможность проследить их более древнюю историю по средневековым костным останкам крупного рогатого скота из археологических раскопок Ярославля.

Подчеркнем, что облик археологической ярославской коровы достаточно хорошо представлен по результатам изучения остеологических коллекций из Ярославля XII–XVIII вв., в которых кости крупного рогатого скота составляют не менее 70%. Рост в холке этих животных оказался небольшим – от 83 до 115 см (рис. 1) (*Антипина, Лебедева*, 2012. С. 180). Установлено также, что максимальный возраст коров достигал 15 лет, а наиболее многочисленную группу составляли особи 3–8 лет, от которых получали чрезвычайно востребованные в то время прижизненные продукты: молоко, полноценный белковый компонент пищевого рациона сельского и городского населения, и навоз – главное и почти единственное эффективное удобрение для возделываемых агрокультурных земель (*Антипина, Лебедева*, 2012). Анализ патологий на костях ярославских коров – поражения зубной системы и артрозы крупных суставов – позволяют обсуждать неблагоприятные условия стойлового содержания скота в холодный период, а также неполноценность используемых веточных и других грубых кормов. Немногочисленность костных патологий указывает на устойчивость средневековой популяции ярославских коров к климатическим особенностям региона (*Антипина, Лебедева*, 2012. С. 181). Проведенные широкие изотопные исследования подтверждают адаптивность средневековых коров к существовавшим тогда агроклиматическим условиям (*Яворская и др*., 2015; *Антипина, Яворская*,

[1] Исследования выполнены в рамках Договора о сотрудничестве между ФГБУН ИА РАН и ФГБНУ ФИЦ ВИЖ им. Л. К. Эрнста. Генотипирование образцов проведено по гранту РНФ № 21–66–00007.

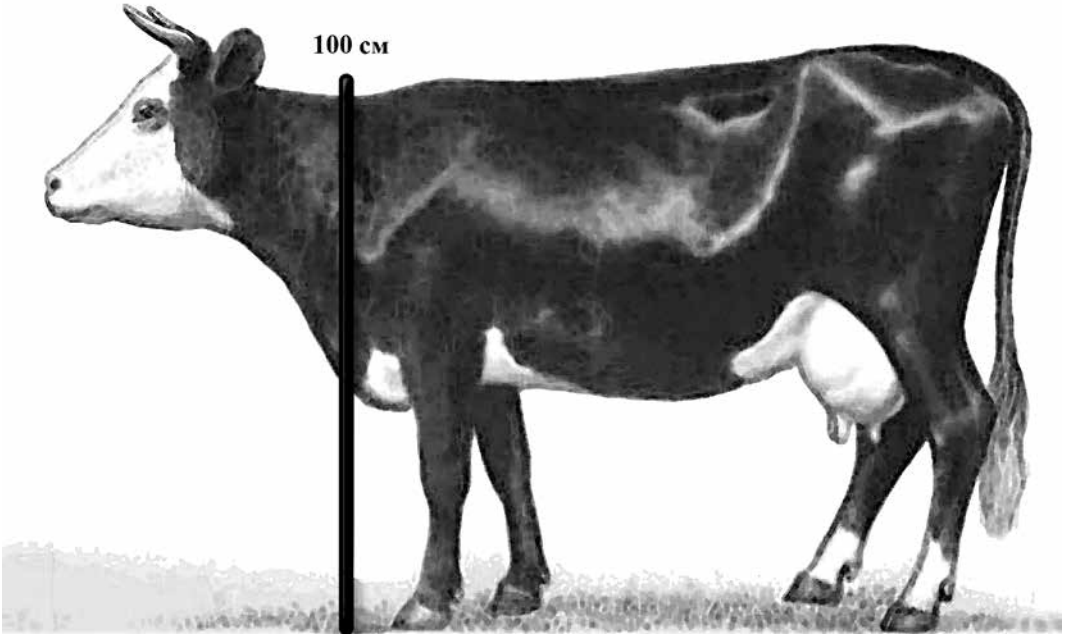

Рис. 1. Реконструкция облика средневековой коровы из Ярославля XII–XVIII вв.

2022). Результаты всего комплекса археозоологических исследований поставили и новые вопросы, связанные, в частности, с морфологической однотипностью средневековой ярославской популяции этого вида, выраженной в крайне малых размерах как коров, так и быков (рис. 1), которые полностью соответствуют размерным характеристикам крупного рогатого скота из других древнерусских поселений (*Цалкин*, 1956).

Безусловно, за этим могут стоять как агроклиматические, так и генетические факторы.

Получив археологические образцы костей древней ярославки и имея геномы современных холмогорских и ярославских коров, сотрудники группы исторической генетики ВИЖ и археологи ИА РАН сфокусировали внимание на двух вопросах.

1. Есть ли генетическое родство знаменитых российских пород с животными эпохи Средневековья?

2. Как менялась структура генома при формировании современной ярославской породы?

Для ответа на эти вопросы предстояло определить гаплотипическую принадлежность коров средневекового Ярославля и проанализировать вероятность их генетического сходства с геномами современных представителей ярославской и холмогорской пород. Все этапы генетических работ с археологическими образцами проводили в специально оборудованной для работы с древней ДНК лаборатории ФГБНУ ФИЦ ВИЖ имени академика Л. К. Эрнста по принятым в этом учреждении протоколам и методическим разработкам.

Для исследования отбирались образцы от различных элементов скелета коров, полученных из археологических раскопок экспедиции Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой в центральной части средневекового Ярославля, датированные второй половиной XIII – началом XIV в. (*Антипина и др.*, 2024. С. 21–24). Проведено полногеномное секвенирование (*Whole genome sequencing – WGS*) и с помощью биоинформатических методов извлечена последовательность митохондриальной ДНК (мтДНК) для 10 образцов. Однако в соответствии с международными оценками только шесть образцов с покрытием генома более 30% были включены в дальнейший анализ. В качестве фона сравнения использованы полные митохондриальные геномы современных представителей холмогорского, ярославского и голштинского скота, а также митогеномы разных гаплогрупп крупного рогатого скота (*Антипина и др.*, 2024. С. 26–27. Рис. 2). Исследование показало, что все шесть исследуемых археологических образцов принадлежат к одной и той же макрогаплогруппе T3. Все они оказались в общих кластерах с образцами от представителей современных ярославской и холмогорской пород, в одном консолидированном блоке этой гаплогруппы (*Антипина и др.*, 2024. Рис. 2). Полученные данные отчетливо указывают на генетическое

Таблица 1. **Характеристика качества секвенирования ядерной ДНК из археологических образцов. Раскопки ЯАЭ.**

№ п/п	№ ВИЖ	Год раскопок, археологический контекст	Датировка, вв.	Доля успешно генотипированных локусов, %	Включен в анализ
1	AR06	2019, ВН, уч. 1. Культ. слой. -260/-280, кв. 16	XIII–XIV	61,02	Нет
2	AR27	2019, ВН, уч. 1. Об. 156, санитарное захоронение	XIII (1238 г.)	73,72	Нет
3	*AR34*	*2019, ВН, уч. 1. Культ. слой. -260/-280, кв. 29*	*XIII–XIV*	*87,57*	*Да*
4	AR38	2019, ВН, уч. 1. Культ. слой. -260/-280, кв. 39	XIII–XIV	48,72	Нет
5	AR08	2019, ВН, уч. 1. Культ. слой. -260/-280, кв. 23	XIII–XIV	70,48	Нет
6	*AR09*	*2019, ВН, уч. 1. Культ. слой. -260/-280, кв. 26*	*XIII–XIV*	*86,17*	*Да*
7	AR12	2019, ВН, уч. 1. Культ. слой. -260/-280, кв. 33	XIII–XIV	70,63	Нет
8	*AR29*	*2019, ВН, уч. 1. Культ. слой. -260/-280, кв. 23*	*XIII–XIV*	*95,82*	*Да*
9	*AR32*	*2019, ВН, уч. 1. Культ. слой. -260/-280, кв. 26*	*XIII–XIV*	*95,64*	*Да*
10	*AR35*	*2019, ВН, уч. 1. Культ. слой. -260/-280, кв. 31*	*XIII–XIV*	*81,28*	*Да*
11	***AR151***	***2006, Успенский. Постр. 38***	***XVI–XVII***	***99,87***	***Да***
12	**AR280**	**2021, ВН, 1, Об-1, эпидемическое захоронение 3-й четв. XVIII в.**	**XVIII**	**97,08**	**Да**
13	**AR281**	**2021, ВН, 1, Об-1, эпидемическое захоронение 3-й четв. XVIII в.**	**XVIII**	**93,89**	**Да**

родство популяции средневекового скота и обеих современных пород.

Оценка генетических дистанций полной митохондриальной последовательности археологических и современных образцов КРС позволила увидеть, что у средневековых животных с современными ярославкой и холмогоркой были общие предки (*Антипина и др.*, 2024. Рис. 3).

Сравнительные молекулярно-генетические исследования современных и археологических образцов ярославского скота позволяют получать данные и об изменчивости генома крупного рогатого скота за более чем 500-летний исторический период, а также идентифицировать «древние» компоненты, сохранившиеся в геномах современных представителей пород, и, напротив, участки генома, подвергшиеся наибольшим изменениям в процессе исторического развития пород. Включение в исследование результатов полногеномного секвенирования образцов костей КРС из хорошо датированных археологических объектов XVI–XVIII вв. с того же раскопа на Волжской набережной Ярославля существенно расширило его возможности и улучшило качество получаемых сведений[2].

Биоинформатическая обработка данных проводилась в среде *R* 3.5.0 с использованием дополнительных пакетов и программы *PLINL1.9*. Выравнивание сиквенсов выполнялось с помощью инструментов *bwa-mem2* и *SAMtools* на референсный геном крупного рогатого скота по сборке *ARS-UCD1.2*.

Данные секвенирования ядерной ДНК включали информацию о 75 256 320 биаллельных однонуклеотидных полиморфизмах (*single nucleotide polymorphism – SNP*).

Проведение контроля качества на первом этапе состояло в отборе для дальнейшего анализа локусов, успешно генотипированных у 90% образцов, для которых частота минорного (наиболее редкого) аллеля не превышала процента. Первый этап контроля качества прошло только 1 159 162 *SNP*, что можно связать с сильной деградацией ДНК в археологических образцах и общим низким качеством генотипирования таких образцов (табл. 1). На втором этапе контроля качества из дальнейшего анализа были исключены шесть образцов, у которых генотипировано менее 80% локусов (табл. 1).

В итоговый набор данных вошло восемь археологических образцов. Из них пять образцов из Ярославля XIII–XIV вв. (AR34, AR09, AR29, AR32, AR35 – даны курсивом), один – из постройки XVI–XVII вв. (AR151 – полужирный курсив) и два образца из эпидемического захоронения – объекта № 1 (AR280, AR281 – полужирным шрифтом), датированного третьей четвертью XVIII в. (табл. 1) (*Энговатова, Яворская*, 2022).

[2] Полногеномное секвенирование выполнялось на секвенаторах *NovaSeq* 6000 (2 x 100 bp) и *NovaSeq X Plus* (2 x 150 bp), библиотеки подготовлены с использованием наборов *TruSeq DNA Nano Library Prep kit (Illumina)* и *Accel-NGS® 2S Plus DNA Library Kit (IDT)*, *Twist Mechanical Fragmentation (Twist Bioscience)*.

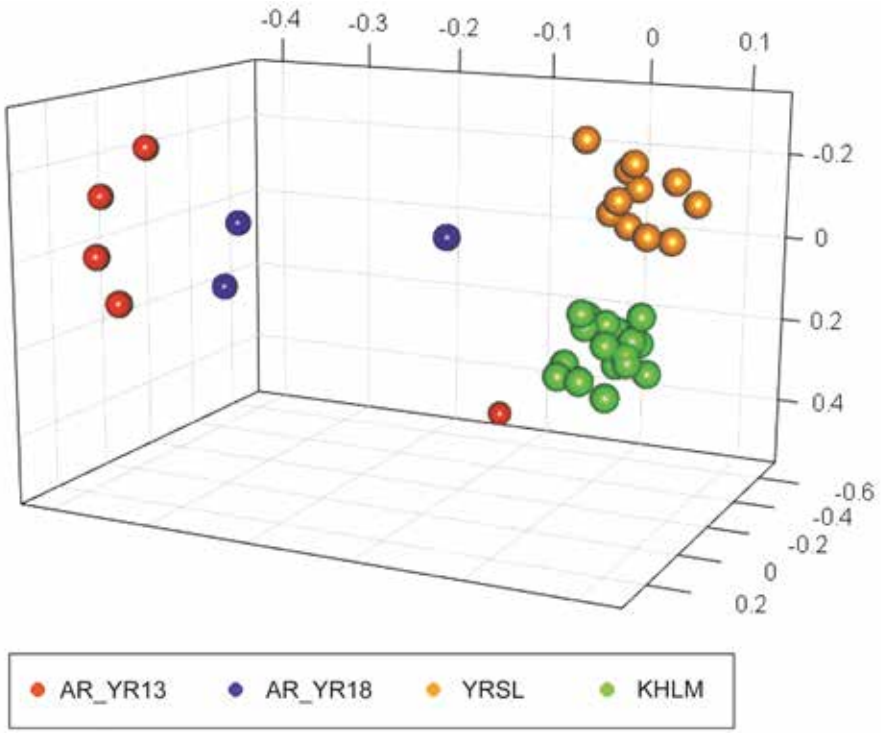

Рис. 2. Взаимосвязи средневекового ярославского скота и современных локальных российских пород.
Археологические образцы: AR_YR13 – Ярославль, XIII–XIV в. (красные); AR_YR18 – Ярославль, XVI–XVIII в. (синие); современные образцы: YRSL – ярославская порода (оранжевые), KHLM – холмогорская порода (зеленые)

На основе этих данных проведен анализ взаимосвязей ярославского скота Средневековья и Нового времени с современными локальными породами – холмогорской и ярославской (рис. 2).

Визуализация результатов анализа главных компонентов показала, что данные по образцам от современных пород – ярославской и холмогорской, оказались более консолидированы, что объясняется направленной селекционной работой в них в XIX и XX вв. (рис. 1). Археологические образцы – средневековые и Нового времени – более разнородны. Отметим, что образцы XVI–XVIII вв. расположены между современной ярославской породой и средневековыми образцами XIII–XIV вв., несколько отделяясь от обеих групп. Один образец (AR29) из средневековой группы (XIII–XIV вв.) локализован в отдалении от своей группы, между средневековыми и современными образцами, недалеко от образца XVIII в. Такое расположение позволяет выдвинуть гипотезу о поэтапном формировании ярославской породы XIX–XX вв. на основе средневекового скота (XIII–XIV вв.).

Анализ структуры популяции и оценка адмиксии (смешения генетического материала между разными популяциями) в исследованных группах (рис. 3) показали, что в образцах крупного рогатого скота, обнаруженных при раскопках эпидемического захоронения в Ярославле, датированных третьей четвертью XVIII в., присутствуют генетические компоненты, свойственные образцам ярославского скота эпохи Средневековья (XIII–XIV вв.). Но в одном образце XVIII в. выявились компоненты, характерные для современной ярославской породы, что может свидетельствовать об общности их происхождения. Кроме того, в образцах XVIII в. обнаружилась некоторая доля (14,46–24,70%) примеси компонентов, свойственных холмогорской породе, что также подтверждает гипотезу об общности происхождения локальных пород от группы северного великоросского скота.

Еще одна важная часть генетического исследования связана с размерами крупного рогатого скота в средневековой и современной популяциях. Многочисленными исследованиями (*Randhawa et al*., 2015; *Boitard et al*., 2016; *Абдельманова и др.*, 2021) доказано, что вариант G однонуклеотидного полиморфизма *rs*109815800, локализованного в гене плеоморфной аденомы 1 (*PLAG1*), связан с более крупными размерами тела животных, а вариант T – с более мелкими.

Проведено генотипирование указанного полиморфизма в образцах крупного рогатого скота

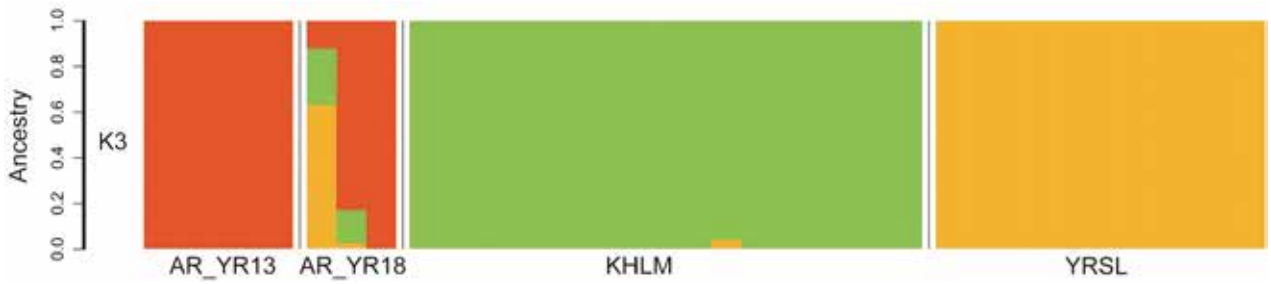

Рис. 3. Оценка генетической структуры популяций средневекового ярославского скота и современных пород на основании анализа данных полногеномного секвенирования.
Археологические образцы: AR_YR13 – Ярославль, XIII–XIV в.; AR_YR18 – Ярославль, XVIII в.; современные образцы: YRSL – ярославская порода, KHLM – холмогорская порода

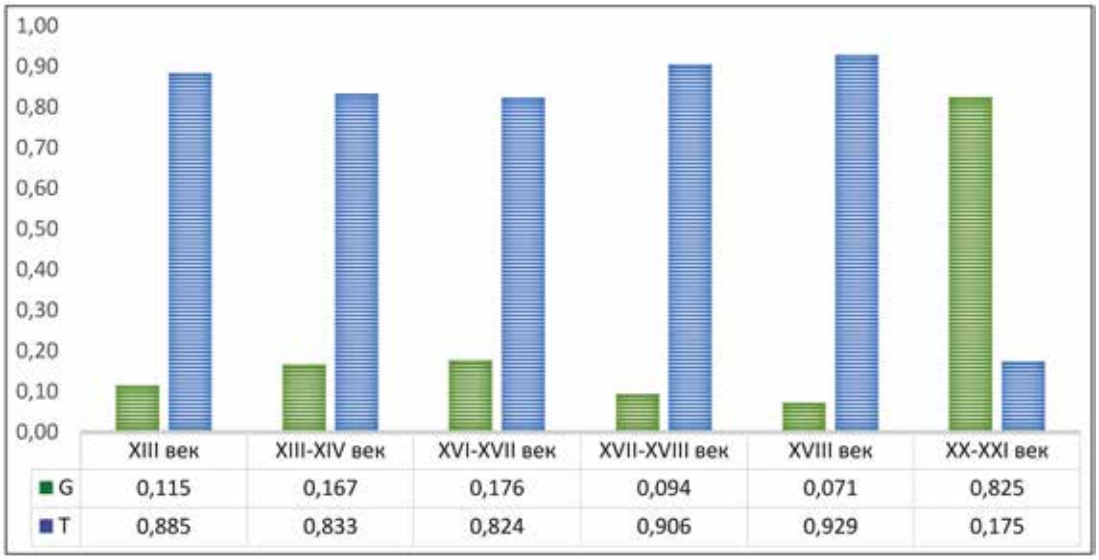
из археологических раскопок на территории Ярославля и его округи разных веков. Определены частоты встречаемости вариантов исследуемого полиморфизма в разные века (рис. 4).

Как видно из данных рисунка 4, с XIII до XVIII в. включительно у ярославского скота решительно преобладал вариант T, связанный с небольшими размерами тела – *малорослостью*. В настоящее время в ярославской породе наиболее распространен вариант G, маркирующий крупные размеры тела животных – *высокорослость*.

Вероятнее всего, существенное возрастание частоты встречаемости варианта G (высокорослости) у современных животных XX и XXI вв. может являться следствием селекционной работы, направленной на повышение продуктивности, когда отбор велся по признаку роста, а также результатом использования высокорослых зарубежных пород, в частности голштинской, для улучшения поголовья локальных российских пород.

Получается, что главное отличие средневековой ярославской коровы от современной «родственницы» заключается в росте животных, тогда как особенности конституции – сухая небольшая голова, гармоничные пропорции туловища, узкогрудость, укороченные конечности – оказываются поразительно похожими у обеих форм. Вероятно, именно эти признаки, отражающие адаптацию древней ярославки к местным природным условиям, а потому наиболее ценные, закрепились в течение восьми веков генетически и проявились в современной ярославской породе.

В результате проведенных исследований получены данные об изменениях геномной архитектуры

	XIII век	XIII-XIV век	XVI-XVII век	XVII-XVIII век	XVIII век	XX-XXI век
G	0,115	0,167	0,176	0,094	0,071	0,825
T	0,885	0,833	0,824	0,906	0,929	0,175

Рис. 4. Частоты встречаемости разных вариантов полиморфизма в гене PLAG1, связанного с размерами тела животных.
Вариант G связан с высокорослостью, вариант T – с малорослостью

ярославского крупного рогатого скота от Средневековья до настоящего времени. Показано местное происхождение обнаруженного в средневековом Ярославле крупного рогатого скота (XIII–XIV вв.), возможного предка современной ярославской породы. Важно и то, что присутствие генетических компонентов, характерных для средневековых образцов (XIII–XIV вв.), обнаружено в геноме ярославского скота XVI–XVIII вв., что, вероятнее всего, свидетельствует о поэтапном развитии местной популяции, на основе которой могли сформироваться как современная ярославская, так и холмогорская породы. Эти данные согласуются с имеющимися историческими сведениями о появлении обеих современных пород черно-пестрого корня. Известно, что ярославская порода выведена в XIX в. в Ярославской губернии по поймам рек Волги, Шексны и Мологи. Холмогорскую породу начали выводить еще в XVII в. на берегах Двины. После 1725 г. и в архангельские, и в ярославские земли завозился черно-пестрый голштинский скот из Голландии с целью скрещивания (Исследование современного… 1884). Наше исследование позволяет предположить, что формирование будущих породных групп ярославского и холмогорского скота в Восточной Европе началось не в XVII–XIX вв., как утверждалось до настоящего времени, а еще в Средние века.

Литература

Абдельманова А. С., Форнара М. С., Бардуков Н. В., Сермягин А. А., Доцев А. В., Зиновьева Н. А., 2021. Полногеномное исследование ассоциаций SNP с высотой в холке в популяциях локальных и трансграничных пород крупного рогатого скота в России // Сельскохозяйственная биология. Т. 56. № 6. С. 1111–1122.

Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю., 2012. Растения и животные. Глава 6 // Археология древнего Ярославля: загадки и открытия / Ред.-сост. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 144–229.

Антипина Е. Е., Яворская Л. В., 2022. Археозоологические контексты к результатам изотопного анализа костей домашних копытных из древнерусских городов // КСИА. № 266. С. 265–279.

Антипина Е. Е., Энговатова А. В., Яворская Л. В., Абдельманова А. С., Форнара М. С., Зиновьева Н. А., 2024. Какими были коровы древнего Ярославля? (Первые результаты изучения митохондриальных геномов крупного рогатого скота средневекового Ярославля) // Археология: история и перспективы: Одиннадцатая межрегиональная конференция / Ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: ЯГИАМЗ, ИА РАН. С. 18–31.

Исследование современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. Вып. 1. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К., 1884.

Цалкин В. И., 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. М.: Наука. (МИА. № 51). 183 с.

Энговатова А. В., Яворская Л. В., 2022. Эпидемическое захоронение животных из Ярославля: археозоологический контекст заполнения объекта № 1 из раскопа на Волжской набережной в 2021 году // Археология: история и перспективы: Десятая межрегиональная конференция / Ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: ЯГИАМЗ. С. 245–259.

Яворская Л. В., Антипина Е. Е., Энговатова А. В., Леонтьев А. Е., 2015. Изотопный анализ и вопросы реконструкции палеодиеты домашних животных в средневековых городах Восточной Европы // КСИА. № 241. С. 380–386.

Boitard S., Boussaha M., Capitan A., Rocha D., Servin B., 2016. Uncovering adaptation from sequence data: lessons from genome resequencing of four cattle breeds. *Genetics*, 2016, 203 (1). P. 433–450.

Groeneveld L. F., Lenstra J. A., Eding H. et al., 2010. Genetic diversity in farm animals – a review // Anim. Genet. № 41. P. 6–31.

Randhawa I. A. S., Khatkar M. S., Thomson P. C., Raadsma H. W., 2015 Composite selection signals for complex traits exemplified through bovine stature using multibreed cohorts of European and African *Bos taurus*. *G3 Genes|Genomes|Genetics*, 2015, 5 (7): 1391–1401.

Zinovieva N. A., Sermyagin A. A., Dotsev A. V., et al., 2019. Animal genetic resources: developing the research of allele pool of Russian cattle breeds – mini-review // Sel'skokhozyaistvennaya Biologiya [Agricultural Biology]. № 54 (4). P. 631–641.

A. S. Abdelmanova, L. V. Yavorskaya,
A. V. Engovatova, N. A. Zinovieva

Yaroslavl Cow. Archeology and Genetics

Summary

The results of whole-genome sequencing of samples from cows from the medieval layers of Yaroslavl were compared with those from animals of the modern era and from modern traditional Russian breeds – Kholmogory and Yaroslavl. The study confirmed that both medieval and modern cows belong to the same ancient European taurine haplogroup T-3. Significant mtDNA similarity suggests that the medieval animals are the ancestors of both modern breeds. The local cattle population was transformed gradually, as the genomes of Yaroslavl cows from layers dating from the 16th to 18th centuries contain components characteristic of medieval samples from the 13th and 14th centuries. Yaroslavl cows and bulls in the medieval era were distinguished by their short stature, and the short stature gene variant predominated in the genome until the late 19th century. However, in the 20th century, targeted selection changed the situation, and the tall stature gene variant became dominant. The study showed that the Yaroslavl and Kholmogory breed groups began to form in Eastern Europe as early as the Middle Ages.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.139-146

А. Е. Леонтьев, Н. Г. Самойлович
Институт археологии РАН (г. Москва)

Некоторые результаты спасательных археологических исследований в Ростове

После появления в 2003 г. Федерального закона «Об использовании и охране объектов культурного наследия…» (ФЗ-73) спасательные археологические исследования в Ростове, как и в других исторических городах с охраняемым культурным слоем, для Волго-Окской экспедиции ИА РАН стали обязательной ежегодной работой. И если повторяющиеся наблюдения за прокладкой коммуникаций при ограниченной глубине траншей дают лишь общую информацию о состоянии позднейших отложений, то более емкие исследования, связанные с новым строительством и реставрацией существующих зданий, позволяют получить новые данные о развитии городской территории и истории отдельных ее участков. До 2025 г. раскопки были проведены на 21 земельном участке (рис. 1). Полученные материалы в большинстве случаев с разной степенью подробности введены в научный оборот. Ниже будут рассмотрены итоги некоторых работ, представляющие интерес для изучения исторической топографии Ростова.

В этом отношении важными оказались результаты раскопок на территории Конюшенного двора – хозяйственной части резиденции ростовских митрополитов (рис. 1, *1*), проводившихся в рамках проекта реконструкции здания. В двух смежных раскопах площадью 300 кв. м был вскрыт культурный слой мощностью 3,6–4,8 м, отразивший историю участка на протяжении конца X – XVII в. Раскоп затронул край древнего оврага, существование которого определено благодаря исследованиям геологов. Археологические данные показывают, что именно эта природная ложбина служила границей города до рубежа X–XI вв. К востоку от нее в сторону существовавшего тогда озерного притока реч. Пижермы находилась территория первоначального мерянского поселка и раннего города. Открытый в раскопе западный склон оврага в то время использовался для выработки глины. В первой половине XI в. на месте прежнего глинища начинает формироваться городской культурный слой. С этим временем связаны следы существования поблизости ремесленной мастерской по обработке цветного металла. Во второй половине столетия та же мастерская начинает изготавливать нательные крестики, в чем можно видеть свидетельство деятельности первых ростовских епископов свв. Леонтия и Исайи (*Леонтьев*, 2021. С. 49–54).

В начале XII в. на участке появились первые деревянные постройки. Изучение вышележавшего культурного слоя позволило выявить девять последовательных строительных горизонтов, отражающих этапы истории территории будущего Конюшенного двора на протяжении последующих почти 500 лет. За это время появилась и исчезла сложившаяся к первой трети XIII в. усадебная застройка, сменившаяся постройками, возникшими во второй половине того же столетия. После запустения второй половины XIV – начала XV в. сменяемая со временем деревянная хозяйственная застройка возобновилась. Позднейшие из выявленных сооружений на основании дендродат относятся к началу XVII в. Еще моложе оказались две творильные ямы в деревянной опалубке с остатками извести. По стратиграфическому положению их можно отнести к 80–90-м гг. XVII в. и связать со строительством здания Конюшенного двора (*Самойлович*, 2007; *Леонтьев, Самойлович*, 2022).

В многочисленной коллекции находок из раскопок Конюшенного двора среди обычных для археологии средневекового города предметов во всех разновременных слоях культурного слоя встречались артефакты, имеющие отношение к церковной деятельности: от металлических и каменных нательных крестов и свидетельств их изготовления (XI–XIV вв.) до продукции мастерской

Рис. 1. Раскопы 2001–2025 гг. на территории Ростова
1 – Конюшенный (2001–2005 гг., 2007–2013 гг.); 2 – Подозерка (2020 г.); 3 – Яковлевский монастырь (2023–2025 гг.); 4 – Гостиница Плешанова (2011 г.); 5 – Стадион (2011 г.); 6 – ул. Февральская, д. 9 (2015 г.); 7 – ул. Луначарского, д. 1 (2023 г.); 8 – ул. Луначарского, д. 4 (2014 г.); 9 – ул. Луначарского, д. 6 (2021 г.); 10 – ул. Окружная, д. 51 (2017 г.); 11 – ул. Пушкинская, д. 5 (2022 г.); 12 – Бастионный (2004 г.); 13 – церковь Исидора Блаженного (2006 г.); 14 – гостиница «Московская» (2004 г.); 15 – Типографский раскоп (2016 г.); 16 – Крестовоздвиженская колокольня (2022 г); 17 – Рождественский монастырь (2004 г.) 18 – Успенский собор (2017, 2018 гг.); 19 – Торговые ряды и ц. Спаса на Торгу, 2021 г.); 20 – Авраамиев монастырь (2013, 2018, 2022 гг.); 21 – Петровский монастырь (2009 г.)

по изготовлению глиняных плиток пола начала XVI в. Второй половиной XV в. датируется удивительно сохранившийся кусок привезенной благовонной смолы – ладана (*Леонтьев, Самойлович*, 2022. С. 310–312. Рис. 12, *7*). С Ростовским владычным двором нужно связывать находки старейших из известных в Московской Руси привозных изразцов XV–XVI вв. (*Леонтьев*, 2023. С. 232–239).

Важные для понимания истории Ростова результаты получены при раскопках на участке строительства в приозерной части городской территории с внешней стороны земляной крепости 1632 г. (рис. 1, *2*), также показавшие сравнительно позднее время появления застройки. Раскоп площадью 154 кв. м находился в 30 м от кромки озера. Мощность культурного слоя составляла 2,6–2,8 м.

Здесь под верхней насыпной, перемещенной с других городских участков землей сохранился слой огорода XVIII–XX вв. Отложения предыдущих двух столетий отсутствовали, что объясняется археологически ранее подтвержденным использованием грунта близлежащей территории при строительстве городских укреплений 1632 г. Поэтому непосредственно под упомянутым огородом открылся горизонт городской усадьбы второй половины XIII – XIV в. с остатками деревянных построек. Находки многочисленных грузил и поплавков, фрагмента сети, деталей корпуса лодки подтверждают понятное занятие рыболовством жителей побережья.

Более ранняя застройка на исследованном участке отсутствовала. Хозяйственная деятельность предшествующего времени отмечена редкими находками фрагментов древнерусской лепной керамики X–XI вв. Очевидно, в первые столетия существования города эту территорию использо-

вали для подсобного хозяйства под покосы, выгон скота, для рыбалки, но регулярная застройка здесь отсутствовала. В предматериковом горизонте погребенной почвы встречены обычные для побережья оз. Неро находки ранней сетчатой керамики и кремневые орудия эпохи бронзы (*Янишевский, Орлов, Самойлович*, 2022).

Окраинную часть территории средневекового города затронул раскоп на ул. Февральской, д. 9 (бывшая Введенская) (рис. 1, *6*). Раскопки показали, что освоение территории здесь началось во второй половине XII – XIII в. К этому времени относятся обнаруженные материковые ямы и остатки канавок частокольных оград. Однако в дальнейшем хозяйственная деятельность на участке прекратилась, и он на несколько столетий превратился в пустошь с вероятным использованием под пашню или огороды. Новое строительство началось только в XVIII в., когда здесь появился деревянный дом, территориально относившийся к стоявшей невдалеке Введенской церкви. После 1779 г. на том же месте ставится новый дом по новой красной линии улицы (*Леонтьев*, 2015. С. 21).

За пределами земляных валов большинство исследованных участков находилось на Всполье – так в документах XVII–XVIII вв. назывались отдаленная от озера напольная северная и северо-восточная части города за пределами земляной крепости. В настоящее время топоним обозначает территорию между ул. Луначарского (бывш. Благовещенская) и ул. Бебеля (бывш. Успенская) за пределами ул. Окружной. На современном плане города он сохранился в названии церкви Николы Чудотворца на Всполье, расположенной на ул. Гоголя (бывшая Б. Никольская) (*Крестьянинова, Никитина*, 2019. С. 123, 124).

В раскопе по ул. Луначарского, д. 1 (рис. 1, *1*) под горизонтами разрушения и строительства здания конца XIX в. залегал культурный слой мощностью до 0,8 м. Его нижний горизонт можно датировать XIII–XV вв., в площадь раскопа попали система сменяющих друг друга линий частоколов и несколько хозяйственных ям. Со слоем связаны найденные фрагменты стеклянных браслетов, литые медные пуговицы, свинцовый грузик и шиферное пряслице поздней формы, корпус литой шумящей подвески-птички[1] и цепочки с привеской-лапкой (рис. 2, *1–7, 10, 11*). Более позднее время характеризуют находки красноглиняной керамики, фрагмента плоского двустороннего костяного гребня и двух нательных крестиков свойственной для конца XIV – начала XVI в. формы (рис. 2, *8, 9*). В последующий длительный период участок пустовал и какое-то время использовался для свалки разнообразного бытового мусора и хозяйственных отходов. На рубеже XVIII–XIX вв. по красной линии новой тогда Благовещенской ул. на участке появился дом с изразцовой печью, на месте которого, в свою очередь, в 70-е годы XIX в. построили дом с торговой лавкой (*Самойлович*, 2024. С. 252–255).

Три раскопа заложены на противоположной стороне ул. Луначарского при строительстве новых жилых домов. В раскопе на перекрестке ул. Луначарского и Окружной (рис. 1, *8*) культурный слой имел мощность до 1,2 м. Временем освоения этого участка городской территории можно считать рубеж XIII–XIV вв.; здесь находилась окраинная часть усадьбы, огороженная частокольной оградой, трижды переносившейся. В пределах огороженного участка на поверхности материка прослежены следы копки лопатой, т. е. здесь находился огород. Основанием для датировки этого горизонта служат находки двух обломков стеклянных браслетов, бубенчик с щелевидной прорезью и рельефным пояском, двусторонний костяной гребень, фрагмент поливной писанки, обломок бронзовой шумящей подвески, а также фрагментов характерной для указанного времени керамики.

Следующий этап в истории участка связан с существованием здесь приходского кладбища неизвестной по документам и планам городской церкви. В западной части раскопа зафиксированы 12 погребений. Для определения времени функционирования некрополя данных немного: уровень, с которого опущены погребения, не читается, поскольку вышележащие отложения полностью переотложены, найденные обломки нательных крестов и бронзовые грибовидные пуговки позволяют предположительно датировать кладбище XVI в. В последующее время участок долго пустовал, пока в конце XVIII в. не попал по плану регулярной застройки 1779 г. в границы нового домовладения на пересечении ул. Окружной и ул. Благовещенской (Луначарского) (*Самойлович, Кашкин, Орлов*, 2016).

Аналогичная история оказалась у соседних участков у д. 6 по ул. Луначарского и соседнего с ним д. 51 по ул. Окружной (рис. 1, *9, 10*). Территория существовавшей здесь в XIII–XIV вв. усадьбы была на столетия заброшена, лишь на рубеже XVIII–XIX вв. вошла в границы домовладений, но в силу своего низинного положения

[1] Характерное украшение XII–XIII вв. (см.: *Рябинин*, 1981. С. 18, 19, тип V. Табл. VI, *1, 2*).

Рис. 2. Находки из нижних слоев раскопов на Всполье
1, 2, 13 – шумящие украшения; *3–5* – стеклянные браслеты; *6, 7, 14* – пуговицы; *8, 9* – нательные крестики; *10, 15* – шиферные пряслица; *12, 16* – костяные гребни. *1–12* – раскоп на ул. Луначарского, д. 1; *13–16* – раскоп на ул. Пушкинская, д. 5

не застраивалась, оставаясь под огородами. В XX в. существовавшую поверхность перекрыли насыпным грунтом.

Еще один исследованный участок Всполья находился на ул. Пушкинской, д. 5 (рис. 1, *11*). Бывший огород при существующем доме затрагивал верхнюю часть вскрытых отложений незначительной для Ростова толщины – 0,7 м. Под огородом сохранилась прослойка остатков строительства первой трети XIX в. Ниже шел темно-серый суглинок почвы, не имевший признаков постоянной хозяйственной деятельности. Следы первоначального освоения участка в виде ямок от столбов плетневой ограды и скопления очажных камней

фиксировались в предматериковом слое с включениями угольков поверх погребенной почвы. Кроме небольшой коллекции древнерусской керамики в этом горизонте найдены обломок стеклянного браслета, шиферное пряслице, костяной гребень, бронзовая пуговка, фрагмент шумящей подвески и бронзовая подвеска-петушок (рис. 2, *13–16*) (*Самойлович*, 2024. С. 262, 263). Подобные подвески характерны для Северо-Восточной Руси и датируются XII – серединой XIII в. (*Рябинин*, 1981. С. 18. Тип IV; *Зайцева*, 2023. С. 227). В Ростове пережившее свое время аналогичное украшение встречено в раскопе Конюшенного двора в слое XV в. (*Самойлович*, 2007. С. 24. Рис. 45, *8*). Учитывая облик найденной керамики, время освоения участка можно датировать серединой XIII – XIV в.

Для решения вопросов исторической топографии Ростова важны результаты раскопок на месте строительства на ул. Окружной, д. 12 (рис. 1, *15*), где в Типографском раскопе под верхними отложениями последних столетий сохранился отложившийся до появления новой регулярной планировки города культурный слой XI–XVIII вв. мощностью до 1,3 м. Стратиграфически выделялись слои XVI–XVIII вв., горизонт почвы, образовавшейся в период запустения участка в XIV–XV вв., слой древнерусской усадьбы XII–XIII столетий. Нижний предматериковый горизонт погребенной почвы имел следы использования под огород или пашню. Многочисленные находки лепной и характерной круговой керамики позволяют полагать, что начало освоения этого исследованного участка пришлось на вторую половину XI в. (*Нефедов, Орлов, Самойлович*, 2018). Это наблюдение показывает, что размеры территории Ростова до XII в. были больше, нежели предполагалось на основе данных ранее проведенных работ (ср.: *Леонтьев*, 2003. С. 39, 40).

Интересные результаты получены при обследовании колокольни Крестовоздвиженской церкви, находящейся за пределами городских валов (рис. 1, *16*). Церковь построена в 1689–1692 гг. на месте предшествующей деревянной, колокольня при ней появилась в конце XVIII в. (*Мельник*, 2008. С. 37–39). Как показали раскопки, ее соорудили по непривычному для Ростова строительному проекту в открытом котловане с созданным подземным помещением и последующей засыпкой стен с внешней стороны.

Церковь разобрали в 1930-е годы; колокольня уцелела и без купола, но с установленными часами и вплоть до 2000-х гг. использовалась как пожарная каланча.

Заложенные у стен колокольни три шурфа показали, что культурный слой мощностью до 3 м сохранил отложения, отразившие историю участка начиная с рубежа X–XI вв. В раскопках зафиксированы разновременные следы благоустройства и строительства XVII–XX вв. Отсутствовали определимые слои XV–XVI вв., что, как уже отмечалось, можно связать с использованием грунта близлежащей территории для устройства земляной крепости 1632 г.

Хорошей сохранностью отличался влажный, насыщенный щепой средневековый культурный слой с остатками деревянных построек. На основании найденной керамики и немногочисленных находок в целом его можно датировать в пределах второй половины XI (XII) – XIV в. В основании культурного слоя под линзой переотложенного материкового суглинка сохранилась погребенная почва с находками лепной древнерусской керамики. Обнаруженные ранние отложения позволяют расширить границы территории Ростова в первое столетие его истории (*Самойлович*, 2025).

Особыми по своей специфике являются археологические исследования в рамках разработки и воплощения проектов реставрации памятников церковной архитектуры, преимущественно монастырской.

Спасательные работы велись в находящемся на северо-восточной окраине современного города старейшем ростовском Авраамиевом Богоявленском монастыре (рис. 1, *20*), согласно житийной традиции основанном преподобным Авраамием Ростовским в «Чудском конце» (*Титов*, 1894. С. 4, 5) на месте языческого капища. Время события историки определяют в пределах второй половины XI – начала XII в.[2] Такая ранняя и вполне вероятная датировка не нашла пока археологического подтверждения. Причина, видимо, в том, что территория монастыря остается недостаточно изученной. Исследования разных лет велись в связи с реставрацией единственного объекта – Богоявленского собора, построенного в 1553–1555 гг. Заложенные шурфы показали сильную нарушенность отложений с внешней стороны стен собора в результате многочисленных разновременных земляных работ. Захоронения, встреченные в большинстве шурфов как снаружи здания, так и в подклетах, показывают, что собор построен на месте кладбища. Следы существования на месте собора

[2] Об обстоятельствах и времени деятельности Авраамия см.: *Ключевский*, 2003. С. 25–35; Православная энциклопедия, 2000. С. 176–178.

более раннего храма не зафиксированы. Напластования и артефакты, которые можно связать с освоением территории до строительства собора, не обнаружены.

Петровский монастырь, находящийся в северо-восточной оконечности современного города (рис. 1, *21*), по преданию, основан преподобным Петром, царевичем Ордынским на купленной у ростовского князя Бориса пригородной земле. Раскопки показали, что монастырь действительно возник во второй половине XIII в., что не противоречит сведениям «Жития» и оценке историками времени этого события. Первоначальный культурный слой содержал древнерусскую круговую керамику XIII–XIV вв. Древность и значимость церковного кладбища подтверждают обнаруженные фрагменты белокаменных саркофагов XIII в. Тем же временем на основании находки характерного нательного крестика датируется одно из ранних сохранившихся погребений (*Леонтьев, Самойлович, Яганов,* 2012. С. 126–129, 136). Научный интерес представляет граффити «вавилон» на внутренней стороне крышки одного из саркофагов, а также фрагменты отличающихся своеобразием эпитафий, сохранившиеся на обломках более поздних белокаменных надгробных плит конца XV – начала XVI в. (*Авдеев*, *Леонтьев,* 2015. С. 297–302).

К истории другого, Спас-Яковлевского Димитриева монастыря в противоположном юго-восточном конце города (рис. 1, *3*) позволили обратиться недавно закончившиеся раскопки старейшего монастырского храма Зачатия св. Анны, построенного в 1678–1686 гг. В ходе масштабных реставрационных работ 2023–2025 гг. по укреплению фундамента в режиме наблюдений и раскопок пришлось почти полностью обследовать подземное пространство в интерьере церкви и снаружи по внешнему периметру здания.

В письменных источниках сведений о ранней истории обители нет, по отраженному в «Житии» церковному преданию, монастырь в конце XIV в. основал ростовский епископ св. Иаков[3] (Описание ростовского… 1849. С. 3–8).

Раскопки показали, что монастырь возник на неосвоенном участке побережья, никаких следов хозяйственной деятельности древнерусского времени там не обнаружено. С сохранившимся местами предматериковым горизонтом погребенной почвы связаны находки кремневого наконечника стрелы и немногочисленных фрагментов керамики эпохи неолита и бронзы. Выше находился составляющий основную толщу отложений горизонт церковного кладбища, существовавшего вплоть до закрытия монастыря в 1920-х гг. В перемешанном кладбищенском грунте среди разновременной керамики самая ранняя представлена фрагментами глиняной посуды XIV–XV вв. У северной апсиды храма в не самом раннем, но близком по уровню к материку погребении встречены перстнеобразное височное кольцо и серьга «в виде знака вопроса» (*Самойлович, Янишевский,* 2025 С. 273, 274). Эти данные подтверждают вероятность начала функционирования некрополя и, следовательно, появления Зачатьевского монастыря в конце XIV в.

На кладбище построена ныне существующая церковь. В ее площади под слоем насыпного грунта для повышения уровня пола сохранилось более 100 захоронений, совершенных до начала строительства XVII в. и лучше сохранившихся в сравнении с оставшимися за пределами церковных стен. Благодаря этому удалось зафиксировать некоторые особенности обустройства могил. Так, отмечено использование камней в качестве надгробий. В трех случаях куски плитняка поперечником 0,40–0,65 м находились в восточной оконечности могил, то есть в ногах погребенного, в 0,3–0,6 м выше захоронений. Еще несколько таких же камней связи с определенными погребениями не имели. Помимо них обнаружены несколько разбитых надгробных белокаменных плит, по форме, размерам и характеру оформления относящихся к концу XV – началу XVI в. Судя по размерам, покатости поверхности и оформлению, над одним из ранних погребений в качестве могильной плиты положили крышку белокаменного саркофага, изготовленного в традиции XIII–XIV вв. (рис. 3).

Под алтарем и солеей церкви обнаружены вероятные следы предшествовавшей деревянной постройки. От нее сохранились лишь участки истлевших бревен и два валуна, вероятно, использованных как подкладки под нижний венец сруба, судить о полных размерах которого затруднительно. В пользу существования строения говорит отсутствие в этом месте погребений кладбища.

С историей церковного здания связаны обнаруженные в алтаре валунные основания престола и основания заалтарного иконостаса в центральной апсиде. В четверике у южной стены сохранились опоры площадки для известного по описям храма ковчега с мощами святых, а в юго-западном углу – созданная в 1752 г. кирпичная площадка

[3] Занимал ростовскую кафедру с 1385 (?) г. Канонизирован в 1549 г. (см.: *Титов*, 1890. С. 37; *Хорошев*, 1986. С. 171, 174).

Рис. 3. Кладбище ц. Зачатия св. Анны Спас-Яковлевского монастыря. Крышка саркофага, использованная в качестве надгробной плиты

на месте захоронения св. Димитрия Ростовского († 1709 г.). В притворе открыты остатки фундамента и мощения первоначальной паперти.

Подводя итог обзора спасательных археологических исследований в Ростове, можно отметить, что полученные результаты позволяют уточнить размеры и особенности развития города в разные периоды его истории. Определена его первоначальная западная граница на рубеже X–XI вв., а восточная часть оказалась больше, нежели предполагалось ранее (ср.: *Леонтьев*, 2003. С. 39. Рис. 4). Подтверждено расширение городской территории в напольную сторону в XIII–XIV вв. и запустение тех же участков в последующие столетия вплоть до XVIII в. Работы, связанные с проектами восстановления и реставрацией памятников церковной архитектуры, позволили уточнить или подтвердить известные по письменным источникам и житийной литературе сведения о времени основания Петровского и Спас-Яковлевского монастырей.

Литература

Авдеев А.Г., Леонтьев А.Е., 2015. Памятники эпиграфики из раскопок Петровского монастыря в Ростове Великом // Вопросы эпиграфики. Вып. VIII. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 285–306.

Зайцева И.Е., 2023. Шумящие украшения // Археология Суздальской земли. Т. II / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 208–230.

Ключевский В.О., 2003. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Астрель. 395 с.

Крестьянинова Е.Н., Никитина Г.А., 2019. По старинным улицам Ростова. М.: Перо. 208 с.

Леонтьев А.Е., 2003. От столицы княжества к уездному городу (Материалы к исторической топографии Ростова X–XIV вв.) // Русь в XIII в. Древности темного времени. М.: Наука. С. 34–47.

Леонтьев А.Е., 2015. Отчет о об археологических исследованиях в г. Ростове Ярославской области по адресу ул. Февральская, д. 9, в 2015 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 49679.

Леонтьев А.Е., 2021. Начало освоения территории Конюшенного двора в Ростове // Мир Средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии. М.: ИА РАН. С. 47–60.

Леонтьев А.Е., 2023. О некоторых ранних изразцах из раскопок в Ростове // Московская Русь. Археология, история, архитектура. К 75-летию Леонида Андреевича Беляева. М.: ИА РАН. С. 231–240.

Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г., 2022. «Конюшенный двор» ростовского иераршего дома в XIV–XV веках // Русский средневековый город. Археология. Культура. К юбилею Алексея Владимировича Чернецова. М.: ИА РАН. С. 301–314.

Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г., Яганов А.В., 2012. Археологические исследования в ростовском Петровском монастыре в 2009 г. // Археология: история и перспективы. Пятая межрегиональная конференция. Ярославль. С. 116–136.

Мельник А.Г., 2008. Уничтоженные храмы Ростова Великого. М.: Индрик. 288 с.

Нефедов В.С., Орлов В.Н., Самойлович Н.Г., 2018. Типографский раскоп 2016 г. Новые данные к исторической топографии Ростова Великого // АВСЗ. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 90–98.

Описание ростовского ставропигиального первоклассного Спасо-Яковлевскаго-Димитриева монастыря и приписного к нему Спасского, что на песках. СПб.: Тип. Я. Трея, 1849. 96 с.

Православная энциклопедия. Т. 1. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. 750 с.

Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука. (САИ. Вып. Е1-60). 122 с.

Самойлович Н. Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. М.: Таус. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 9). 88 с.

Самойлович Н. Г., 2024. Культурный слой Всполья // Археология: история и перспективы. Одиннадцатая межрегиональная конференция. Ярославль. С. 252–267.

Самойлович Н. Г., 2025. Раскопки у колокольни Крестовоздвиженской церкви в Ростове Великом // АП. Вып. 21. М.: ИА РАН. С. 210–218.

Самойлович Н. Г., Кашкин А. В., Орлов В. Н., 2016. Охранные археологические исследования в Ростове Великом в 2014 г. // Археология: история и перспективы. Седьмая межрегиональная конференция. Ярославль. С. 113–123.

Самойлович Н. Г., Янишевский Б. Е., 2025. Археологические исследования Зачатьевской и Яковлевской церквей в Спасо-Яковлевском монастыре Ростова Великого // Сохранение археологического наследия: раскопки и исследования. Т. 36. М.: ИА РАН. С. 260–275.

Титов А. А., 1890. Ростовская иерархия. Материалы для истории русской церкви. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых. 75 с.

Титов А. А., 1894. Ростовский Богоявленский Авраамиев мужской монастырь Ярославской епархии. Сергиев Посад.

Хорошев А. С., 1986. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Изд. Московского унив. 206 с.

Янишевский Б. Е., Орлов В. Н., Самойлович Н. Г., 2022. Результаты раскопок на Подозерке в Ростове Великом (предварительная публикация // Археология: история и перспективы. Десятая межрегиональная конференция. Ярославль. С. 276–287.

A. E. Leontyev, N. G. Samoylovich

Some Results of Rescue Archaeological Research in Rostov

Summary

This article summarizes the results of rescue archaeological research in Rostov the Great over the past 20 years. The results of excavations in various parts of the city are examined in relation to the history and historical topography of the city and its monasteries.

Позднее Средневековье и Новое время

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.147-159

А. В. Суворов, М. В. Чирков
Институт археологии РАН (г. Москва)

Раскопки Северной экспедиции ОСАН ИА РАН в исторической части Вологды в 2023–2025 годах

Вологда – самый южный и один из древних городов Русского Севера. Вологда известна по письменным источникам с 1264 г., когда в старейшей договорной грамоте Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем она названа в числе новгородских владений (Грамоты… 1949. С. 9–10). Город, появившийся как одна из восточных опорных точек Новгорода, со временем превратился в крупный торгово-экономический центр. Расцвет Вологды пришелся на вторую половину XVI и XVII в. и был связан с функционированием в качестве крупнейшей перевалочной базы на Северном торговом пути, связывавшем Московское царство с рынками Европы.

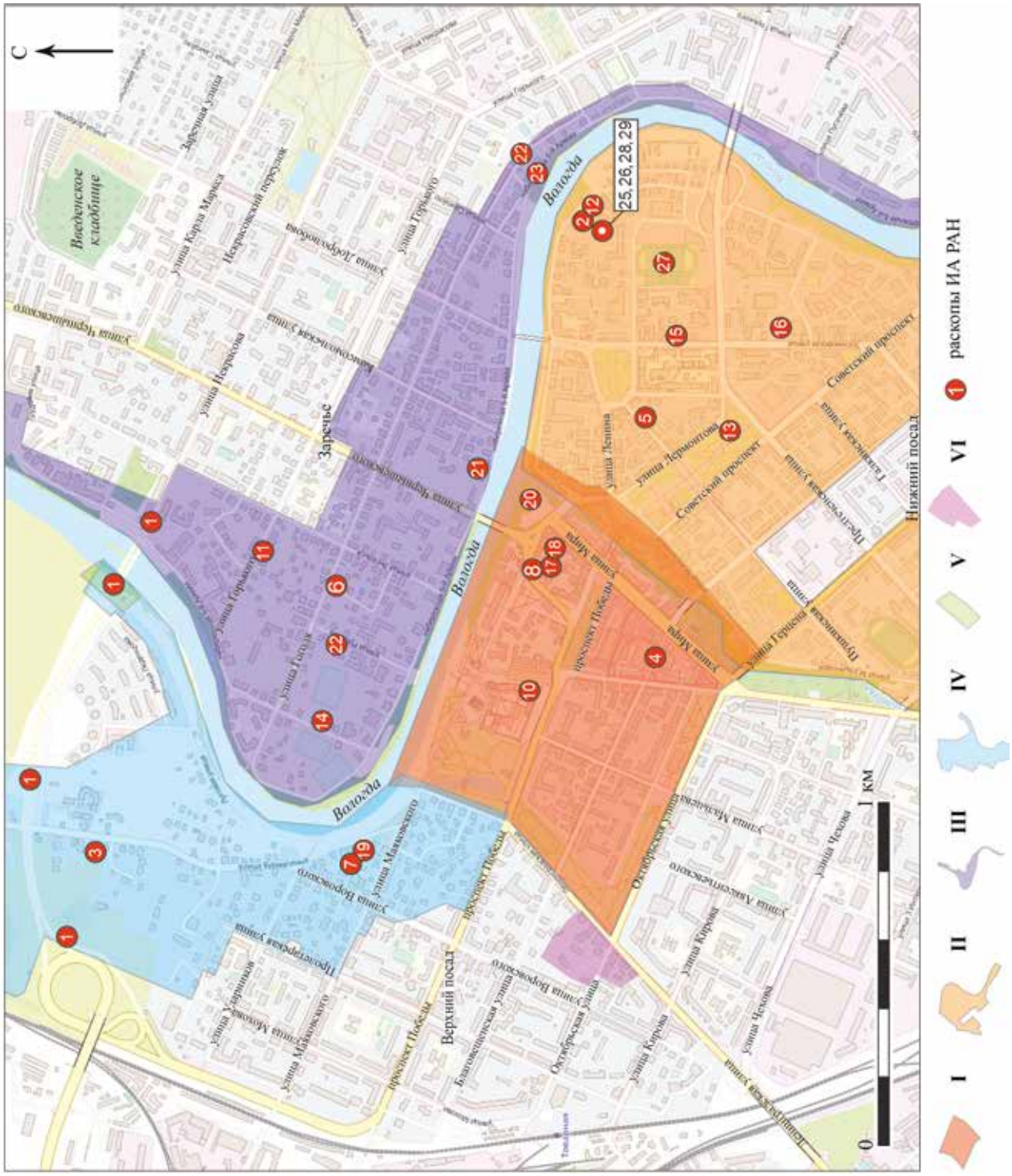
Интерес к археологическому наследию Вологды начинается в последней четверти XVIII в. с изучения истории и достопримечательностей города историком-краеведом А. А. Засецким, а в 1809 г. вологодскими древностями в ходе первой в России историко-археологической экспедиции по городам России заинтересовался К. М. Бороздин (*Башенькин, Кукушкин*, 1994. С. 31). Начало научному археологическому изучению города положили работы, проведенные в 1947 г. П. И. Засурцевым на территории Вологодского городища (*Макаров*, 2007). Планомерные раскопки на Вологодском городище и его посаде вел с 1948 по 1957 г. А. В. Никитин, впервые сформировавший на археологических источниках системное представление о раннем периоде истории города (*Никитин*, 1960; 1961). Основные тезисы исследователя не потеряли актуальности до настоящего времени. С 1960 г. Вологодское городище находится на государственной охране.

В последней трети XX и начале XXI в. археологические исследования в Вологде (уже спасательные) проводили О. Н. Адаменко, А. А. Аникина, Л. С. Андрианова, Н. Б. Васильева, А. М. Иванищев, М. В. Иванищева, Б. С. Короткевич, А. В. Кудряшов, И. П. Кукушкин, М. Л. Мокрушин, Н. Г. Недомолкина, И. Ф. Никитинский, А. Ю. Кашинцев, И. В. Папин, А. В. Суворов, А. С. Угланов, А. С. Федоров и др.

В результате планомерного исследования современной территории города выявлено и поставлено на охрану в 2010-х гг. несколько крупных объектов археологического наследия, соответствующих четырем историческим частям Вологды в хронологическом диапазоне от XIV до XIX в. Выявлено также несколько объектов позднего Средневековья – Нового времени, соответствующих пригородным селениям, монастырям и местам приходских церквей с кладбищами. В городской черте обнаружены разновременные стоянки и поселения первобытности. В целом археологическое наследие Вологды изучено крайне неравномерно. Например, культурные слои Нового и Новейшего времени начали изучаться только в рамках спасательных раскопок в конце XX в.

С 2023 г. на территории Вологды крупные спасательные исследования ведет коллектив Северной экспедиции ОСАН ИА РАН (С. В. Алейников, Ш. Ш. Амиров, А. П. Рухмакова, И. В. Сивожелезов, В. И. Столбов, Т. В. Толубаев, М. В. Чирков, С. В. Язиков) под общим руководством А. В. Суворова. Археологические исследования имеют целью выявление и сохранение объектов археологического наследия, в соответствии с законодательством они проводятся перед строительными работами или сопровождают их. Наиболее представительные результаты получены в результате археологических раскопок, о которых пойдет речь ниже. В 2023–2025 гг. отрядами Северной экспедиции проведены спасательные раскопки на 29 участках реализации строительных проектов следующих четырех типов:

1) крупное строительство регионального уровня – один объект (рис. 1, *1*);

С
Введенское кладбище
Заречье
Верхний посад
Нижний посад
Волга
25, 26, 28, 29
0
1 км
I
II
III
IV
V
VI
раскопы ИА РАН

2) реставрация памятников архитектуры – два объекта (рис. 1, *10, 13*);

3) муниципальное строительство и благоустройство – два объекта (рис. 1, *4, 27*);

4) частное строительство и прокладка коммуникаций – 24 объекта (рис. 1, *2, 3, 5–9, 11, 12, 14–26, 28, 29*).

Спасательные раскопки 2023–2025 гг. в основном были сосредоточены на пяти объектах археологического наследия Вологды. Ниже выборочно охарактеризуем наиболее интересные исследования на них.

ОАН «Городище XII–XV вв. – место основания г. Вологды»

Памятник, расположенный на правом берегу р. Вологды, соотносится с наиболее ранними этапами истории Вологды и представляет собой место зарождения города в XIII в. По историческим источникам не позднее XV в. прослеживается деление Вологды на укрепленную часть и примыкающий к ней посад, протянувшийся вдоль реки (*Кукушкин*, 2018. С. 22). В середине XVI в. в связи со строительством новой каменной крепости ниже по течению реки старые укрепления были разрушены. Территория ОАН охватывает как само Вологодское городище, расположенное на всхолмлении, окруженном изгибом русла Хрулёва ручья при его впадении в р. Вологду, так и значительную территорию примыкающих посадов.

Раскопки на ул. Бурмагиных в районе домов 3 и 5

В 2023–2025 гг. велись исследования последовательно вскрываемыми участками на одном из самых крупных раскопов в этой старейшей части городского посада (рис. 1, *7, 19*). Работы проводились под руководством М. В. Чиркова. Общая площадь намеченного единого раскопа составляет 1430 кв. м, к концу 2025 г. из них полностью изучено 854 кв. м.

В 2023 г. раскопками изучены преимущественно остатки застройки XVIII–XX вв., обнаружены валунные фундаменты, ямы и заглубленные срубные конструкции. Выделено два строительных горизонта, последний из которых включал

Рис. 1. Объекты археологического наследия и участки раскопок Северной экспедиции ОСАН ИА РАН в центральной части г. Вологды в 2023 (1–8), 2024 (9–18) и 2025 (19–29) годах

I – «Культурный слой города Вологды в границах крепости XVI века»; II – «Культурный слой Нижнего посада города Вологды XVI – первой четверти XVIII века»; III – «Культурный слой Заречной части г. Вологды XV–XVII веков»; IV – «Городище XII–XV вв. – место основания г. Вологды»; V – «Культурный слой ансамбля Владимирских церквей в г. Вологде». 1 – «Строительство мостового перехода через реку Вологда и автодороги от перекрестка ул. Некрасова с ул. Чернышевского до транспортной развязки через железную дорогу Москва – Архангельск в городе Вологда»; 2 – «Строительство двух жилых домов на земельном участке с к. н. 35:24:0202005:646 по улице Пречистенская набережная в г. Вологде»; 3 – «Объект нежилого назначения для хранения автотранспорта на земельном участке с кадастровым номером 35:24:0201001:359 по адресу: г. Вологда, пер. Завражский»; 4 – «Благоустройство площади по ул. Благовещенской, д. 4 с устройством фонтана в городе Вологде»; 5 – «Строительства жилого дома по адресу: г. Вологда, ул. Пушкинская, 5, расположенного на земельном участке с кадастровым номером 35:24:0202003:1»; 6 – «Строительство многоквартирного жилого дома по ул. Гоголя, д. 42»; 7 – «Строительство жилого дома, расположенного по адресу: г. Вологда, ул. Бурмагиных, 3а»; 8 – «Строительство дома, расположенного по адресу: г. Вологда, ул. Сергея Орлова, 3а»; 9 – «УГС 160010, Вологодская обл., Вологда г., Слободская ул., до ЗУ с к. н. 35:24:0101001:1384»; 10 – «Проект реставрации и приспособления объекта культурного наследия федерального значения «Колокольня, XVI–XIX вв.»; 11 – «Строительство индивидуального жилого дома по адресу: г. Вологда, ул. Горького, д. 14»; 12 – «Двухэтажный жилой дом по Пречистенской наб., д. 28 в г. Вологде, с к. н. 35:24:0202005:649»; 13 – «Реставрация и сохранение объекта культурного наследия федерального значения «Церковь Иоанна Предтечи в Рощенье с фресками, 1710 г. »; 14 – «Строительство индивидуального жилого дома по адресу: г. Вологда, ул. Варенцовой, д. 6»; 15 – «Участок газораспределительной сети (газопровод-ввод). Вологодская область, г. Вологда, ул. Зосимовская, д. 15 до границы земельного участка с к. н. 35:24:0202005:135»; 16 – «Многоквартирный жилой комплекс по адресу: г. Вологда, ул. Зосимовская, на земельном участке с к. н. 35:24:0202010:115»; 17 – «Строительство дома (участок с к. н. 35:24:0201008:408), расположенного по адресу: г. Вологда, ул. Сергея Орлова, 1б»; 18 – «Строительство дома (участок с к. н. 35:24:0201008:409), расположенного по адресу: г. Вологда, ул. Сергея Орлова, 1б»; 19 – «Строительство зданий, расположенных по адресу: г. Вологда, ул. Бурмагиных, на земельном участке с к. н. 35:24:0201004:531»; 20 – «Многофункциональный центр в г. Вологде Вологодской области, к. н. 35:24:0202001:41»; 21 – «Индивидуальный жилой дом по адресу: г. Вологда, Набережная VI Армии, д. 121а»; 22 – «Распределительный газопровод по наб. VI Армии г. Вологды до ЗУ с к. н. 35:24:0305007»; 23 – «Реконструкция индивидуального жилого дома на земельном участке с к. н. 35:24:0305007:1903. Устройство систем газоснабжения, водоснабжения и водоотведения»; 24 – «Антенная опора высотой 35 м, Вологодская область, г. Вологда, ул. Рубцова, с координатами размещения 59,2277039,88530 WGS-84»; 25 – «Жилой дом по Пречистенской набережной в г. Вологде, к. н. 35:24:0202005:645»; 26 – «Подключение объекта, расположенного по адресу: г. Вологда, наб. Пречистенская на земельном участке с к. н. 35:24:0202005:645»; 27 – «Капитальный ремонт стадиона “Политехник” по ул. Зосимовской в г. Вологде Вологодской области»; 28 – «Здание на земельном участке по Пречистенской набережной в г. Вологде, к. н. 35:24:0202005:647»; 29 – «Здание на земельном участке по Пречистенской набережной в г. Вологде, к. н. 35:24:0202005:647 (коммуникации)»

Рис. 2. Раскопки на ул. Бурмагиных в районе домов 3 и 5, 2025 г. Дворы и мостовая XV в. Вид с запада

дом, построенный на рубеже XIX–XX вв. Ранние напластования были разрушены в ходе городского строительства. Находки представлены преимущественно фрагментами керамики и костей животных. При исследованиях 2024 и 2025 гг. к востоку и юго-востоку от ранее вскрытой части зафиксирован практически не поврежденный перекопами участок мокрого слоя мощностью до 1,8 м, подстилаемый археологически стерильным торфом. Предварительная датировка отложений в этой части раскопа – конец XIII – XVII в. Подобные участки редки для памятника, характеризуемого высокой степенью повреждения отложений и преобладанием сухого культурного слоя.

Влажный слой позволил проследить этапы хозяйственного освоения территории и их особенности с конца XIII по XVII в. В связи с заболоченностью участка первоначально сюда вывозили мусор, здесь, вероятно, располагались загоны для скота. С увеличением населения города к XV–XVI вв. местность превращается в типичную часть городского посада: застраивается дворами с бревенчатыми постройками, разделенными частоколами и жердевыми изгородями, ориентированными вдоль параллельной реке узкой улицы (рис. 2). Ориентировочно в начале второй половины XVI в. активное строительство на исследуемой территории прекращается. Возможно, это связано с переносом центра города вниз по реке, на место строящейся каменной крепости.

Среди 940 индивидуальных находок можно выделить комплексы предметов, связанных с рыболовством (крючки, грузила, острога), охотой на пушного зверя (наконечники томаров), косторезным и кожевенным ремеслом (предметы быта и отходы производства), обработкой льна и ткачеством (юрок, чесала, кудельные булавки). Найдены украшения (стеклянные браслеты, монетовидные привески, бусина, серьга), предметы личного благочестия (нательные кресты), фрагменты кожаной обуви, фрагменты изделий из ткани и войлока, предметы личной гигиены (деревянные гребни, складная бритва). Большой интерес вызывают предметы игр и досуга: кожаные мячи, кубари, доска для игры в мельницу (рис. 3). Множество изделий из цветных металлов имеют аналогии в Новгороде (монетовидные привески, перстни, кресты). Любопытно изделие мелкой пластики в виде «лютого зверя» (рис. 4), новгородская аналогия которому датируется рубежом XIII–XIV вв.

ОАН «Культурный слой города Вологды в границах крепости XVI века»

После начала строительства каменной Вологодской крепости Иваном IV в 1565 г. в нее переносится административный центр, располагавшийся

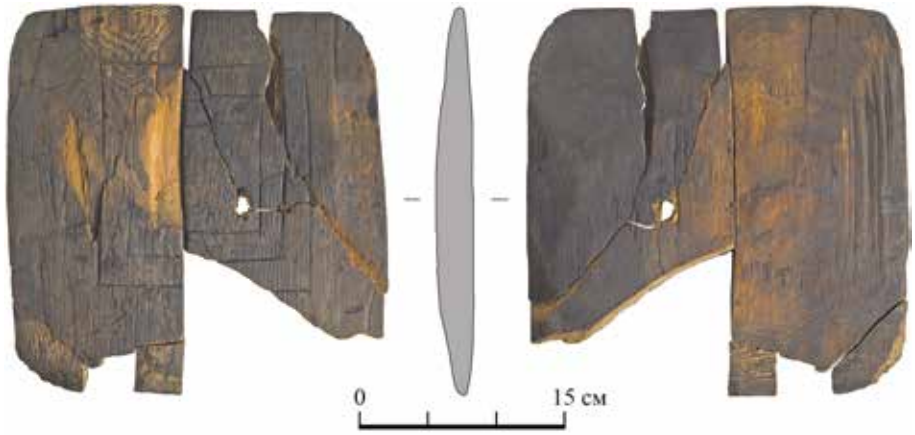

Рис. 3. Раскопки на ул. Бурмагиных в районе домов 3 и 5, 2025 г. Доска для игры в мельницу

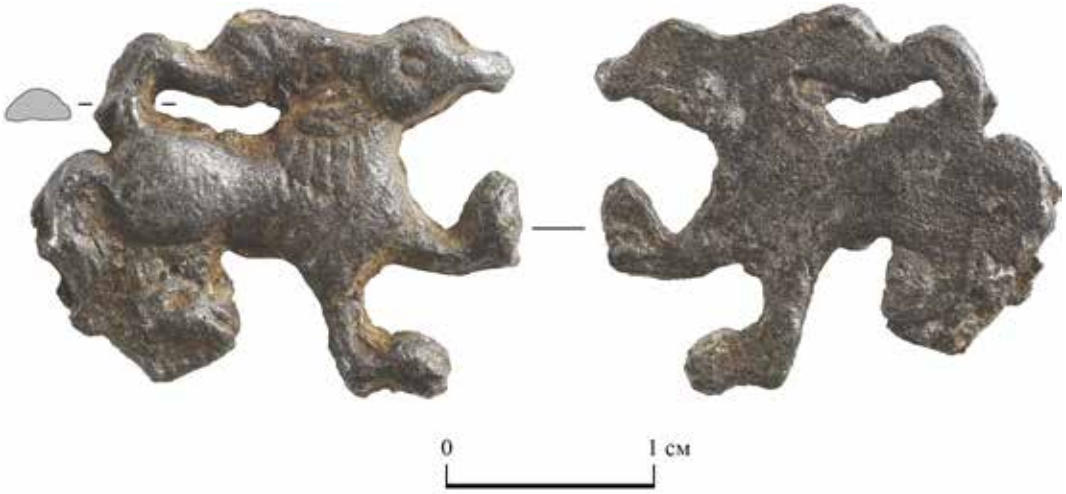

Рис. 4. Раскопки на ул. Бурмагиных в районе домов 3 и 5, 2025 г. Фигурка «лютого зверя», бронза

ранее на Вологодском городище. Однако планы крупнейшего в России каменного строительства оказались реализованы частично. Из камня (причем не на полную высоту) была построена лишь юго-восточная стена крепости (по линии современной ул. Мира) с девятью башнями, а также две башни с участками прясел вблизи пересечения современных улиц Октябрьской и Ленинградской, а остальные крепостные сооружения выстроили из дерева. Внутри укреплений, рядом с воздвигнутым в 1568–1570 гг. Софийским собором, началось строительство из камня теплой Богоявленской церкви и палат, оставшееся незавершенным. План крепости, в частности, размещение ее проездных ворот и местоположение собора определили направление главных городских улиц. В крепости было шесть улиц и семь переулков. Территория оформляется как военно-административный, духовный и торговый центр Вологды. За исключением заложенных при Иване Грозном нескольких каменных сооружений, остальные постройки, в том числе храмы, вплоть до середины XVII в. строились исключительно из дерева. В южной части огромной территории крепости оставались неосвоенные заболоченные участки. Все сооружения и часть рвов крепости разрушены в XVIII–XIX вв.

Раскопки на месте строительства многофункционального центра на ул. Мира

В 2025 г. под руководством И. В. Сивожелезова проводились раскопки в северо-восточном углу Вологодской крепости на площади 1574 кв. м (рис. 1, *20*). Под техногенным горизонтом мощностью 0,7–2,0 м выявлен мало насыщенный находками культурный слой мощностью от 0,2 до 2,5–3,0 м, включающий материал

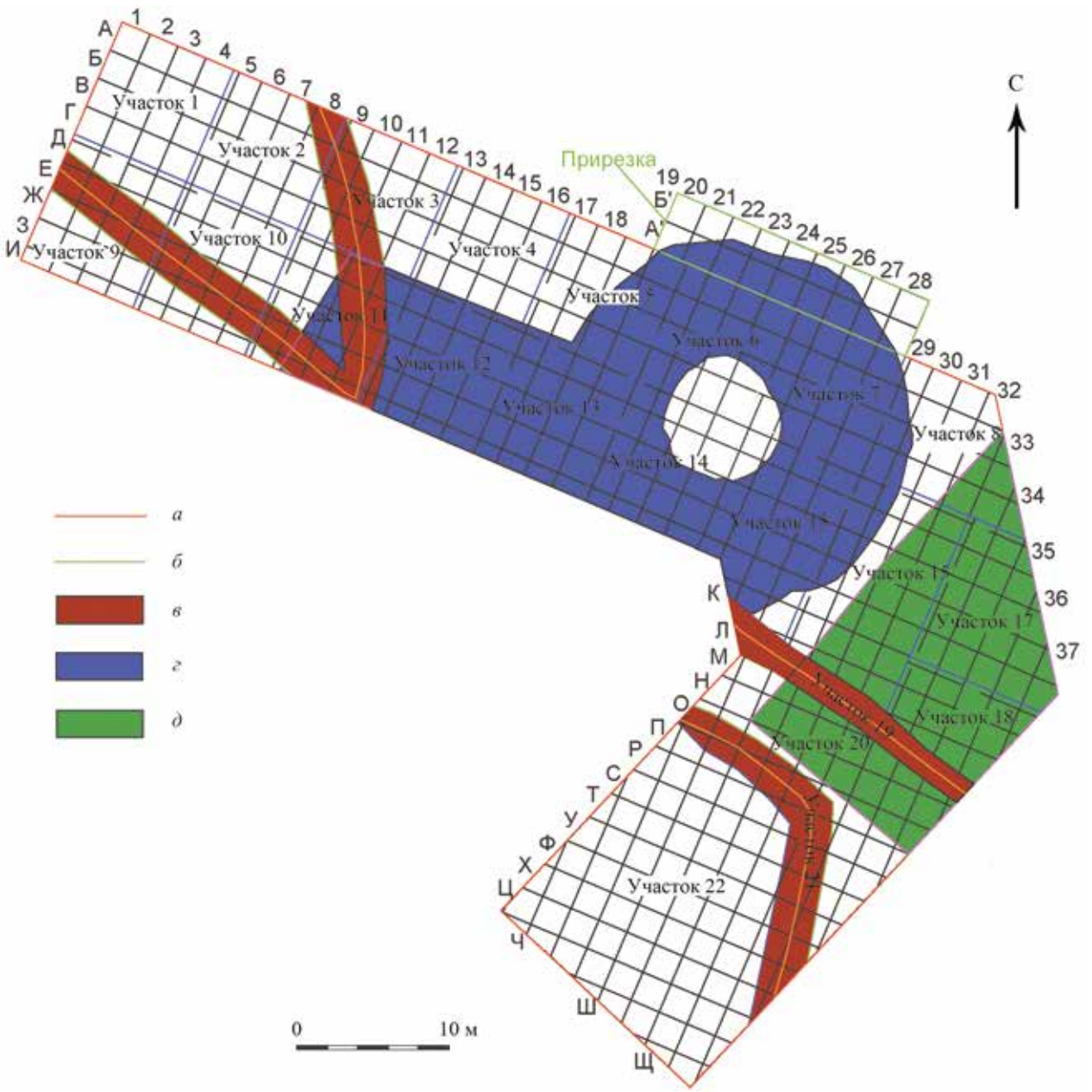

Рис. 5. Раскопки на месте строительства многофункционального центра на ул. Мира, 2025 г. Схема выявленных в раскопе сооружений

а – граница раскопа 1 (1717 кв. м); *б* – граница прирезки 1 (72 кв. м); *в* – охранная зона кабелей; *г* – участок фундамента Наугольной (Вознесенской) башни и крепостной стены XVI в.; *д* – участок фундамента Рыбных рядов XVIII в.

в хронологическом диапазоне от конца XV до начала XX в. Обнаружены хозяйственные и столбовые ямы. Расчищены фундамент и цокольный этаж части здания Рыбных рядов 1790-х гг., изучены 37 погребений, относившихся к некрополю утраченной церкви Вознесения Христова (каменное здание XVII–XX вв.). Впервые в истории археологического изучения Вологды полностью раскрыт фундамент одного из сооружений крепости XVI в. – каменной наугольной «что у реки Вологды» (Вознесенской) башни, снесенной в конце XVIII в. (рис. 5). Зафиксированы фундаменты как башни, имевшей диаметр около 22 м, так и примыкавшего к ней небольшого участка прясла северо-восточной стены (рис. 6). Установлено, что в фундаментных рвах для сложенного насухо бутового фундамента строителями крепости создано сплошное поле из плотно прилегающих друг к другу дубовых свай длиной около 3 м. Остатки исторических построек

Рис. 6. Раскопки на месте строительства многофункционального центра на ул. Мира, 2025 г. Фундамент Наугольной башни середины XVI в., вид с юга

законсервированы для доследования и последующей музеефикации.

184 индивидуальные находки представлены монетами, изделиями из керамики (курительные трубки, поливные изразцы), дерева (обода от ведер и бочек и др.), стекла (чернильницы, бутылки с клеймами), фарфора и фаянса (осколки столовой посуды, помадные банки), железа (подковы, ножи, ножницы, рыболовные крючки), меди (накладки, нашивки), кожи (обувь), бересты (лапти).

Раскопки на ул. Орлова, 3а

Участок исследования находится в северо-восточной части Вологодской крепости, примыкает с востока к Торговой площади (рис. 1, *8*). Торг окружали дома горожан. Через площадь проходила Покровская улица, начинавшаяся от церкви Александра Невского, шедшая между входом в церковь Покрова на Торгу и алтарем церкви Казанской Божией Матери на Болоте по направлению к Спасской башне крепости с Никольскими воротами, находившимися в районе здания по современному адресу: ул. Мира, 6.

В 2023 г. на участке проектируемого строительства здания под руководством М. В. Чиркова проведены раскопки на площади 900,5 кв. м. Под техногенным горизонтом мощностью до 1,5 м зафиксирована застройка из нежилых помещений XVII – первой половины XVIII в. (рис. 7)[1], расположенная вдоль края оврага. В овраг выходили дренажные сооружения в виде деревянных труб и дощатых лотков (рис. 8). Культурные слои датируются XVI–XIX вв.

Получены данные по хозяйственному освоению этой части города, где велась торговля и складирование грузов в разные периоды, и уточнен палеорельеф местности. Единичные средневековые находки – ледоходный шип, зооморфная шумящая подвеска XII–XIII вв. (рис. 9; *Рябинин*, 1981. С. 38–39) – свидетельствуют о посещении этого некогда удаленного от Вологодского городища места в Средневековье. В XVI – начале XVII в. русло оврага используется для дренажа прилегающей переувлажненной территории внутри северо-восточной части Вологодской крепости. В XVII–XVIII вв. на участке располагаются складские помещения.

[1] Датировки дендрохронологических образцов проведены в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН А. А. Карпухиным.

Рис. 7. Раскопки на ул. Орлова, 3а, 2023 г. Нежилая застройка и дренажные трубы у оврага (в южной части раскопа – железобетонный лоток теплотрассы). Вид с юго-востока

Рис. 8. Раскопки на ул. Орлова, 3а, 2023 г. Деревянные дренажные трубы

Рис. 9. Раскопки на ул. Орлова, 3а, 2023 г. Зооморфная шумящая подвеска XII–XIII вв.

В конце XVIII и в XIX в. ведется активная деятельность, связанная с перестройкой города по регулярному плану, в это время овраг засыпается.

Раскопки на ул. Орлова, 1б, участок 408

В 2024 г. поблизости от раскопа по ул. Орлова, 3а на участке проектируемого строительства проведены раскопки на площади 214,6 кв. м (рис. 1, *17*). Исследования велись под руководством М. В. Чиркова. Выявлен участок плотной застройки с хозяйственными постройками, сгоревшими, вероятно, во время разграбления Вологды в 1612 г. На это указывают находки свинцовых пуль и дендрохронологические даты, полученные с фрагментов срубов, фиксирующие их строительство в конце XVI и начале XVII в. О достатке населения этой части города в начале XVII в. говорит большое количество оплавленных фрагментов изделий из цветных металлов, мелких фрагментов стеклянных предметов, происходящих из центральноевропейских мастерских (рис. 10). К более раннему этапу освоения местности относятся расчищенные на материке дренажные канавы и гати конца XV – XVI в. В одной из ям найдена деревянная лопата с металлической оковкой (рис. 11). Всего собрано 280 индивидуальных находок.

Раскопки на ул. Орлова, 1б, участок 409

В 2024 г. вблизи раскопа по ул. Орлова, 1б на участке проектируемого строительства произведены раскопки на площади 137 кв. м (рис. 1, *18*). Исследования велись под руководством М. В. Чиркова.

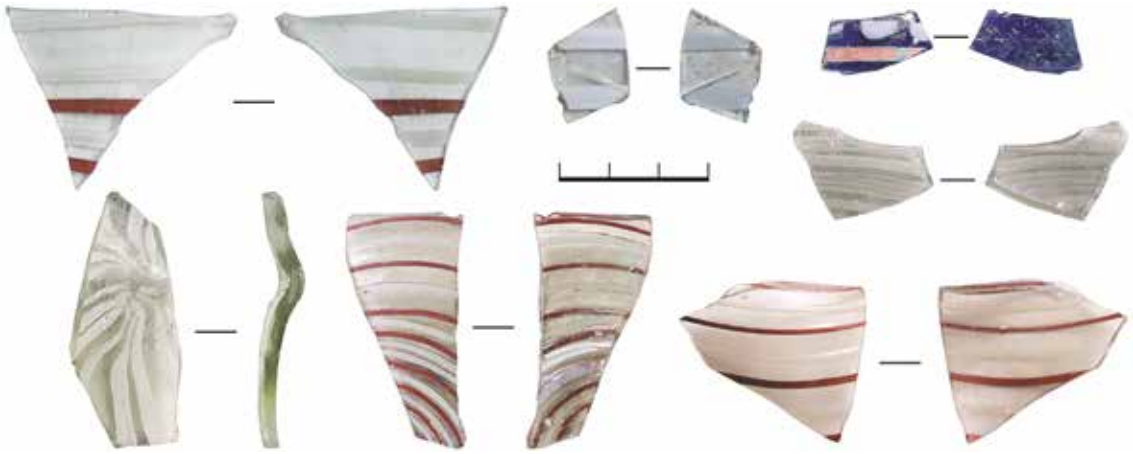

Рис. 10. Раскопки на ул. Орлова, 1б, участок 408, 2024 г. Фрагменты импортных стеклянных сосудов

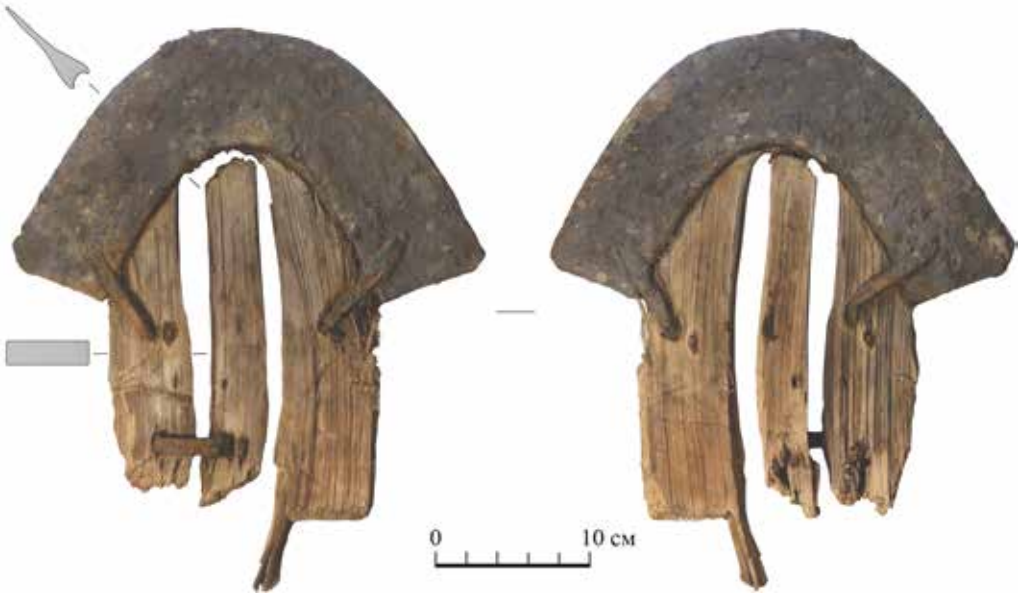

Рис. 11. Раскопки на ул. Орлова, 1б, участок 408, 2024 г. Деревянная лопата с металлической оковкой

При проведении раскопок зафиксировано, что отложения частично разрушены при строительстве валунного фундамента на лежнях здания XIX в. В сохранившейся части выявлена застройка XV–XVII вв. (рис. 12). Ранний этап хозяйственного освоения связан с существованием загона для скота и сооружением гатей поверх дренажных траншей. Среди 143 индивидуальных находок стоит отметить серьгу XV в. с изображением птицы (рис. 13).

Рис. 12. Раскопки на ул. Орлова, 1б, участок 409, 2024 г. Застройка XV–XVII вв.

ОАН «Культурный слой Нижнего посада города Вологды XVI – первой четверти XVIII века»

Памятник, выявленный в 2017 г., расположен на протяжении 3,2 км по правому берегу р. Вологды, ниже впадения р. Золотухи, текущей в юго-восточном рву крепости середины XVI в. Охватывает территорию исторического Нижнего посада Вологды, находящуюся под современной застройкой.

Раскопки при реставрации церкви Иоанна Предтечи в Рощенье

В 2024 г. в связи с работами по реставрации ОКН «Церковь Иоанна Предтечи в Рощенье с фресками, 1710 г. » (рис. 1, *13*) при раскопках на площади 220,7 кв. м сделаны 52 индивидуальные находки. Спасательные исследования велись под руководством Ш. Ш. Амирова. Исследована часть некрополя существовавшего здесь деревянного храма святителя Алексия, митрополита Московского, который впервые упомянут в 1618 г., но существовал и ранее. Обнаружены расположенные в несколько ярусов более 70 погребений в дощатых гробах и колодах, датируемые в диапазоне от конца XVI до XVIII в.

Раскопки при строительстве жилого дома на Пречистенской набережной

Раскопки к югу от дома 26 на Пречистенской набережной в границах кадастрового участка 35:24:0202005:645 проводились в 2025 г. на площади 341,5 кв. м (рис. 1, *25*). Руководитель работ – И. В. Сивожелезов. Под техногенным горизонтом

Рис. 13. Раскопки на ул. Орлова, 1б, участок 409, 2024 г. Серьга, XV в.

толщиной 0,7–1,0 м выявлен культурный слой Нового времени мощностью до 0,8 м, а в восточной части раскопа также и подстилающий его культурный слой эпохи бронзы мощностью 0,15–0,30 м, в ряде мест поврежденный ямами XIX–XX вв. Выявлено 84 археологических объекта: 52 хозяйственные ямы (две из которых относятся к эпохе бронзы), две траншеи, 29 столбовых ям и деревянная конструкция. Большая часть 1459 индивидуальных находок происходит из культурного слоя эпохи поздней бронзы и представлена кремневыми отщепами, нуклеусами, ножами, скребками, а также фрагментами лепных керамических сосудов с сетчатым декором (рис. 14). Открытие участка культурного слоя поздней бронзы в этой части города на расстоянии 100 м от современного русла реки дает новую информацию об освоении бассейна р. Вологды во 2-м тыс. до н. э.

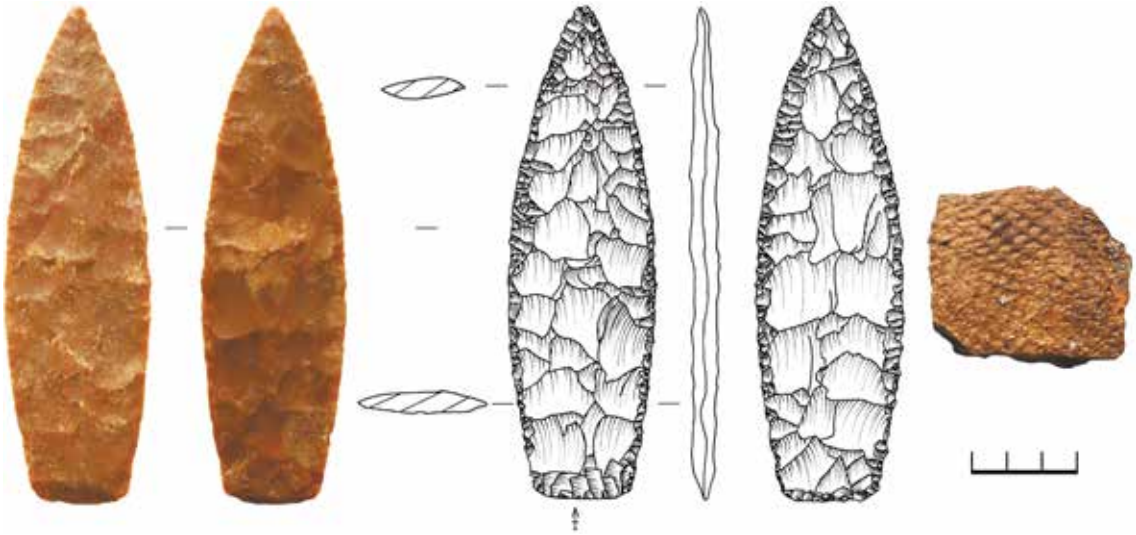

Рис. 14. Раскопки на Пречистенской набережной, 2024. Находки эпохи поздней бронзы: кремневый нож, фрагмент керамического сосуда с сетчатым декором

Рис. 15. Раскопки на ул. Гоголя, 42, 2023 г. Створки каменных литейных форм, серьга-двойчатка (цветной металл, стекло)

ОАН «Культурный слой Заречной части г. Вологды XV–XVII веков»

Памятник, выявленный в 2016 г., расположен на левом (Заречном) берегу р. Вологды, вытянут вдоль берега на 5,3 км. Охватывает находящуюся под городской застройкой территорию исторического Заречного посада, пригородной Дюдиковой пустыни и сел.

Раскопки на месте строительства дома на ул. Гоголя, 42

Исследования проводились на сформировавшейся одной из первых в Заречной части (не позднее XVII в.) улице, ранее называвшейся Калашной. На участке (рис. 1, *б*) ранее располагался деревянный дом. Первое упоминание о доме на этом участке фиксируется в обывательских книгах 1785 г. В 2023 г. археологические исследования на этом месте велись под руководством М. В. Чиркова. Согласно разделу по обеспечению сохранности ОАН на участке планировались археологические наблюдения, но в результате шурфовки установлено, что под техногенным горизонтом сохранились неповрежденный культурный слой и валунно-кирпичный фундамент дома. После снятия техногенного горизонта мощностью до 0,6 м на площади 522,9 кв. м проведены раскопки. Раскрыт фундамент дома XVIII–XIX вв., зафиксированы его перестройки вплоть до начала XX в. Кирпично-валунный фундамент располагался на деревянных лежнях, что типично для вологодских построек XVIII–XIX вв. Исследованы и относившиеся к дому хозяйственные и столбовые ямы, дренажные траншеи, частоколы, ледник и колодец.

Собрано 437 индивидуальных находок, представленных хозяйственно-бытовыми изделиями, предметами личного благочестия, деталями одежды, монетами, украшениями, формами для литья, фрагментами обуви, изделиями из дерева и кости. Стоит выделить створки каменных литейных форм и серьгу-двойчатку первой половины XVII в. (*Жилина*, 2018. С. 286. Рис. 5, *1*) (рис. 15). Обнаруженные объекты в комплексе с проволочными монетами (более 40), украшениями и предметами личного благочестия свидетельствуют о зажиточности населения Заречной части Вологды в XVII в.

Исследования на месте строительства Некрасовского моста через р. Вологду

Поскольку исследования на этом объекте охватили сразу три памятника археологии на территории Вологды, его стоит упомянуть особо. Общая площадь раскопок и наблюдений здесь составила 39490 кв. м, это крупнейшие исследования в истории археологического изучения Вологды. Исследования проводились в 2023–2024 гг. в рамках строительства автомобильного моста через р. Вологду и подъездных путей к нему. Руководитель работ – С. В. Язиков. Проведены раскопки и наблюдения на правом берегу р. Вологды на территории ОАН «Городище XII–XV вв. – место основания г. Вологды», на территории участка наложения территорий ОАН «Городище XII–XV вв. – место основания г. Вологды» и ОАН «Поселение Верхний дол», а также на левом берегу реки на территории ОАН «Культурный слой Заречной части г. Вологды XV–XVII веков». Выявлены сотни хозяйственных и столбовых ям, частокольных канавок, траншей, колодцев, десятки заглубленных частей жилых и хозяйственных построек, изучены погребения периферийной части кладбища при Троицкой церкви. В результате археологических работ обнаружено 164027 единиц массового материала и 1431 индивидуальная находка. Их датировка укладывается в хронологические рамки от раннего железного века

до Новейшего времени. Численно преобладает материал с конца XV до начала XX в. Результаты работ пока не опубликованы, важность этих работ для археологии Вологды еще предстоит оценить.

Заключение

Спасательные раскопки Северной экспедиции ОСАН ИА РАН в г. Вологде охватывают диапазон памятников от эпохи бронзы до Нового времени. В качестве результатов исследований нужно назвать установление палеорельефа территории и этапов освоения периферийных частей посадов, примыкавших к Вологодскому городищу. Получены как никогда полные материалы о городской застройке внутри северо-восточной части Вологодской крепости. Найдены фундаменты значимых для истории Вологды утраченных каменных сооружений: Наугольной башни середины XVI в. и Рыбных рядов конца XVIII в. Выявление этих объектов и погребений при работах на ул. Мира еще раз подтверждает тот факт, что даже при мощном техногенном воздействии на участок раскопок возможно сохранение перспективы изучения археологических объектов и, при определенных условиях, их музеефикации. В настоящее время проведение исследований Северной экспедицией ОСАН ИА РАН перед строительными и реставрационными работами в городе позволяют сохранить ту часть ранней истории города, которая до недавнего времени оставалась в тени. Значимость полученных результатов способствует пропаганде научного знания, способствует распространению в местном сообществе уважительного отношения к объектам археологического наследия.

Литература

Башенькин А. Н., Кукушкин И. П., 1994. Древняя Вологда // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Изд. ВГПИ «Русь». С. 29–45.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. 210 с.

Жилина Н. В., 2018. Серьги в уборе Московской Руси // АП. Вып. 14 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 278–306.

Кукушкин И. П., 2018. Вологодская крепость. Вологда: Древности Севера. 199 с.

Макаров Н. А., 2007. Шестьдесят лет первым археологическим исследованиям в Вологде // Археология Вологды: История и современность. Сб. статей. Вологда: Древности Севера. С. 4–9.

Никитин А. В., 1960. О начальном периоде истории города Вологды // КСИА. Вып. 81. С. 31–38.

Никитин А. В., 1961. Древняя Вологда по археологическим данным // Сборник по археологии Вологодской области / под ред. А. Я. Брюсова. Вологда: Книж. изд-во. С. 6–24.

Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси. М.: Наука. (САИ. Е1-60). 122 с.

A. V. Suvorov, M. V. Chirkov

Excavations by the Northern Expedition of the Archaeological Heritage Rescue Department of the Institute of Archaeology RAS the Historical Part of Vologda in 2023–2025

Summary

Vologda is the most southern and one of the oldest cities of the Russian North. The rescue excavations of the Northern Expedition of the IA RAS in Vologda cover a range of sites from the Bronze Age to the Modern Period in various parts of the city. The research has revealed the paleotopography of the area and the stages of settlement in the outlying areas of the settlements adjacent to the Vologda fortified settlement. More comprehensive data has been obtained on the urban development within the northeastern section of the Vologda Fortress. The foundations of lost stone structures significant for the history of Vologda have been discovered: the Naugolnaya Tower from the mid-16th century and the Fish Rows from the late 18th century.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.160-184

Р. Н. Модин, О. Л. Прошкин
Институт археологии РАН (г. Москва)

Позднесредневековые погреба с деревянными конструкциями на селище Отяково 1

В 2023 г. Подмосковная экспедиция ИА РАН проводила охранные археологические исследования на селище Отяково 1 близ г. Можайска Московской области (рис. 1). Селище расположено в 750 м к юго-востоку от д. Отяково, в 70 м к юго-западу от запруды Дьяконовского ручья (правый приток р. Ведомки, правый приток р. Москвы), на его левом берегу. Размеры по оси северо-запад – юго-восток составляют 225 м, по линии запад – восток – 96 м. Площадь – 14 083 кв. м.

Селище открыл и обследовал в 2021 г. отряд Подмосковной археологической экспедиции под руководством И. И. Сироштана (2021). В 2022 г. повторно обследовано А. Е. Кравцовым (2022).

На момент проведения археологических исследований поверхность селища была плотно задернована и частично покрыта мелким кустарником, ранее распахивалась. С севера территория селища ограничена автомобильной дорогой, при строительстве которой часть его, по всей видимости, была разрушена. Поверхность в центральной и южной частях площадки селища приходится на небольшое всхолмление, которое понижается к северо-востоку, в направлении ручья. Абсолютные отметки – 202–205 м.

В 2023 г. на селище заложены два раскопа общей площадью 12 222 кв. м (рис. 2)[1]. Мощность культурного слоя доходит до 47 см и до 184 см в заполнении ям. Раскопками исследованы 63 заглубленные в материк ямы, зафиксированы остатки, вероятно, пруда (пожарный водоем?). Полученные материалы включают 265 индивидуальных находок из металлов, глины, камня и кости (предметы быта, инструменты и орудия труда, предметы христианского культа, монеты и др.), 9196 фрагментов круговых глиняных сосудов и датируются XV – началом XVII в.

Среди выявленных объектов выделяются семь крупных ям, заглубленных в материк на 103–184 см. Шесть из них находились на раскопе 1, еще одна на раскопе 2 (рис. 2). Данная статья посвящена публикации этих объектов. Они представляют интерес тем, что внутри котлованов сохранились остатки деревянных конструкций, зафиксированные во всех ямах на раскопе 1. В яме на раскопе 2 деревянные конструкции практически не сохранились, но есть все основания полагать, что они там были. Эти объекты можно интерпретировать как остатки углубленных хозяйственных сооружений, то есть погребов. Подобные сооружения довольно часто встречаются археологам при раскопках как городских, так и сельских поселений. Однако далеко не во всех из них сохраняются остатки деревянных конструкций.

Среди исследователей не существует единого мнения о возникновении традиции сооружения крупных погребов на русских средневековых памятниках лесной полосы. Как правило, возникновение этой традиции связывают с южнорусским влиянием (*Седова,* 1997. С. 169; *Коваль*, 2007. С. 58). Существует мнение о самостоятельно возникшей традиции сооружения наземных построек с крупными подпольями (*Шполянский,* 2008. С. 62). В любом случае крупные углубленные хозяйственные постройки больше характерны для памятников с сухим культурным слоем. В мокром слое строительство подобных сооружений нецелесообразно, так как в котлован будет просачиваться вода (*Засурцев,* 1963. С. 78; *Лапшин,* 2009. С. 172).

Известно несколько разновидностей погребов в зависимости от характера их конструкции. Чаще всего встречаются погреба с деревянными

[1] Работы проводились по открытому листу, выданному на имя В. В. Бубликова, которому авторы выражают благодарность за предоставленные для публикации материалы.

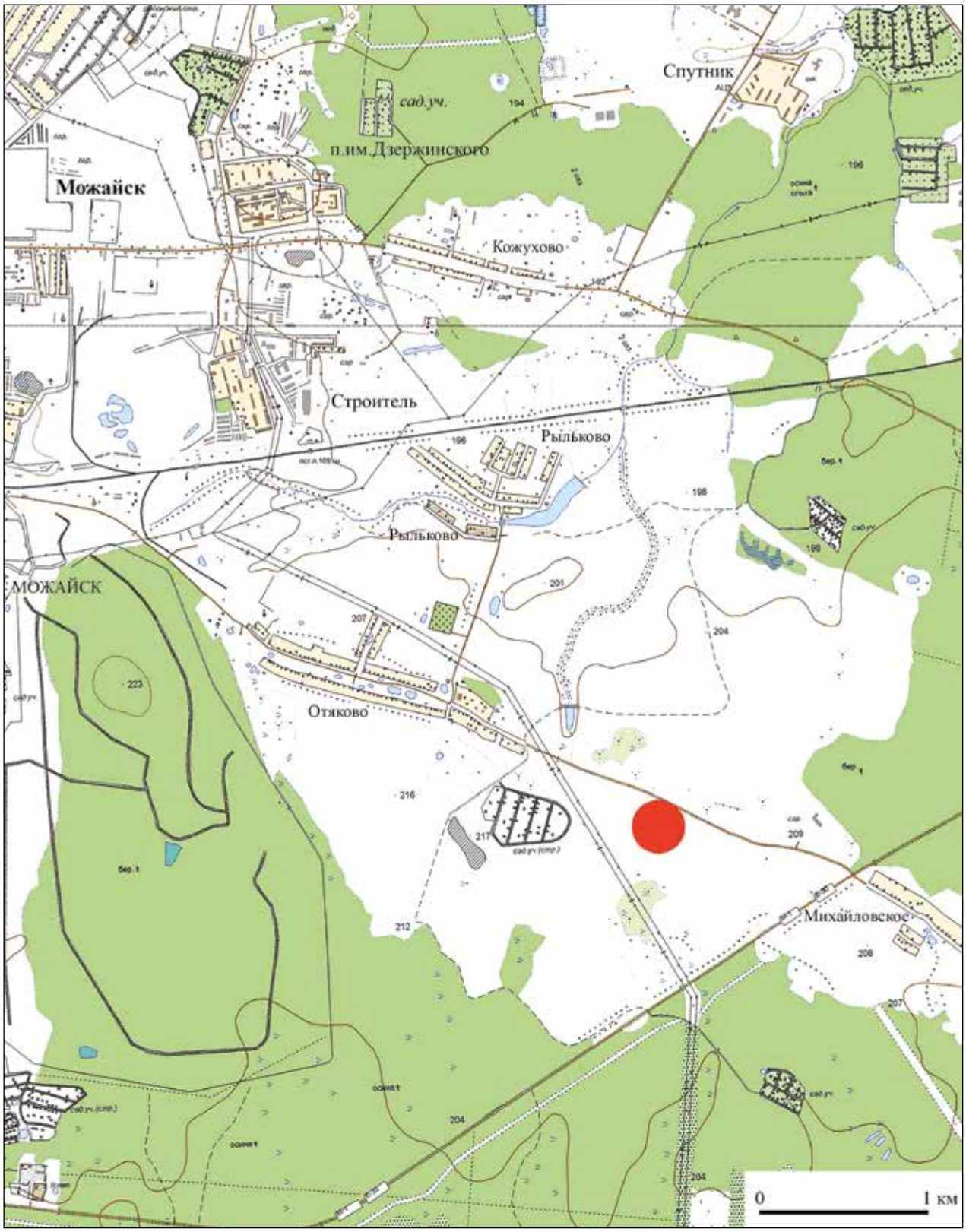

Рис. 1. Селище Отяково 1 (обозначено красным кружком) на фрагменте топографической карты ФГУП «ГОСГИСЦЕНТР» начала 2000-х гг. Горизонтали проведены через 10 м

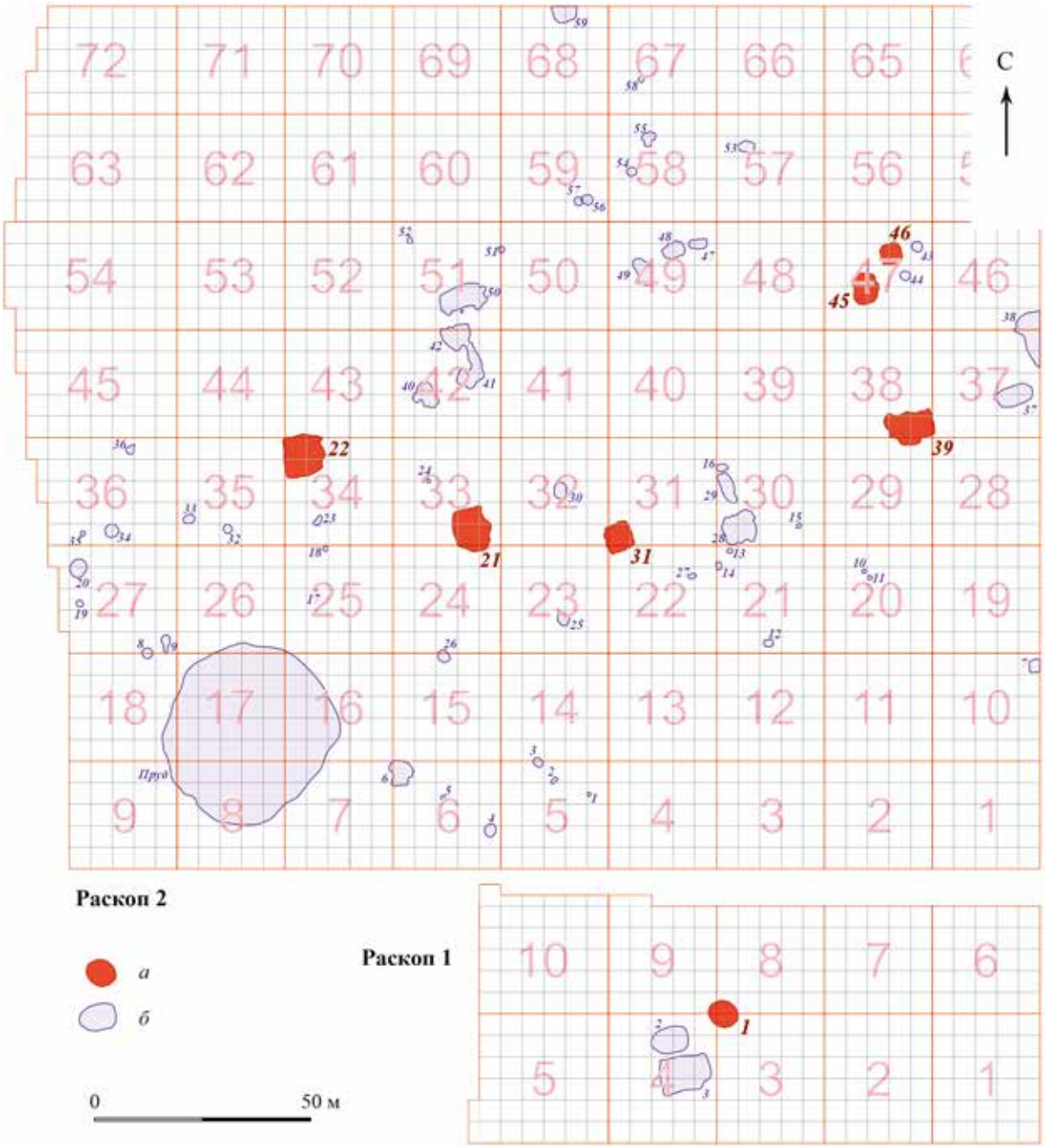

Рис. 2. Селище Отяково 1. Раскопы 2023 г.
а – ямы с остатками деревянных сооружений; *б* – ямы без остатков деревянных сооружений

сооружениями, помещенными внутрь котлована, в основном срубной или каркасно-столбовой конструкции. Ко второй разновидности погребов относятся каменные сооружения. Стенки, а иногда и пол котлованов таких погребов выложены камнями. Например, подобные сооружения в последнее время исследованы на территории Подмосковья на селищах Большое Саврасово 2, Десна 3 и Мякинино 1, где они датируются XVI–XVII вв. (*Богомолов и др.,* 2015. С. 345; Рис. 34, 40, 63; *Прошкин,* 2012. С. 195, 226–227).

К третьей разновидности относятся погреба без следов каких-либо конструкций. Некоторые из них, судя по всему, все же изначально были деревянными, в пользу чего говорят столбовые ямы и канавки, фиксируемые на дне котлованов вдоль стенок. Деревянные конструкции в них не сохранились из-за особенностей грунта, в котором они погребены.

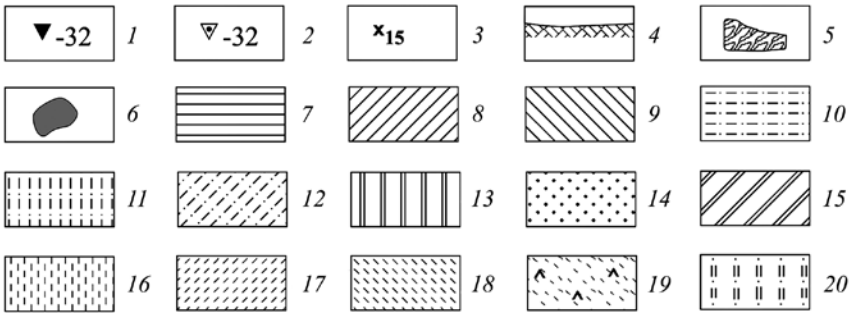

Рис. 3. Условные обозначения к планам и профилям ям

1 – нивелировочная отметка; *2* – нивелировочная отметка на уровне материковой поверхности; *3* – индивидуальная находка; *4* – материк в профиле; *5* – дерево; *6* – камень; *7* – суглинок серый; *8* – суглинок коричневый; *9* – суглинок серо-коричневый с включениями суглинков серого и белесого; *10* – суглинок серо-коричневый с включениями суглинка коричневого и углистых прослоек; *11* – суглинок коричнево-серый; *12* – суглинок серо-коричневый; *13* – суглинок черный углистый; *14* – песок желтый; *15* – суглинок черный углистый с включениями печины, суглинка серого зольного и суглинка коричневого; *16* – суглинок серый с включениями суглинка коричневого и угольков; *17* – суглинок коричнево-серый с включениями угольков и печины; *18* – суглинок серый с включениями угольков и печины; *19* – глина обожженная, угли; *20* – суглинок коричневый с включениями обожженной глины

Но не исключено, что часть этих сооружений изначально никаких конструкций не имела вовсе, а представляла собой простой земляной погреб. Подобные погреба фиксировались этнографами еще в начале XX в. (*Харузин,* 1907. С. 133).

Зачастую исследователи называют погреба подпольями крупных жилых наземных построек. Однако подобная интерпретация углубленных хозяйственных сооружений как составных частей жилого дома не является обязательной. Погреба могли воздвигаться и как самостоятельные постройки, располагаться не в жилищах, а около них. Информацию об этом можно найти в письменных источниках. Например, в закладной подьячего из Москвы Ивана Григорьева сына Колпенского от 1 мая 1691 г. перечислены строения, располагавшиеся на его дворе: «А на том моем дворе хоромного строения: светлица поземная, другая черная поземная же, промеж ими сени, в сенях чулан, на сенях чердак, погреб с напогребицей; на том же дворе колодец…» (Акты… 1864. Ст. 20–22). Другой пример находим в закладной новгородских посадских людей Якима Филипова и его сына Василия Якимова от 15 июля 1669 г.: «…а хором на том нашем дворе: горница на жилом подклете, а против горницы стоит повалуша с вышкою на подклете же, а сени на подсенье, да на дворе ж сенница да погреб с напогребником, и подле погреба конюшня…» (Акты… 1864. Ст. 13–14). Погреба как отдельные постройки фиксируются и при археологических раскопках. В частности, М.Г. Рабинович по материалам раскопок в Зарядье и Заяузье указал 12 погребов, стоявших на территории усадеб отдельно от жилых домов (*Рабинович*, 1964. С. 228). В ряде случаев свидетельством того, что углубленная постройка являлась подземной частью жилища, может служить характер ее заполнения, например, присутствие в нем конструктивных частей находившейся сверху постройки, в частности, развала печи, стоявшей на полу жилища рядом с погребом. Как раз к такому случаю относится один из публикуемых ниже погребов. В верхней части его заполнения зафиксированы остатки нижней части печи (пода) в виде массива плотно обожженной глины и угля. Но все же стоит признать, что большинство исследуемых раскопками погребов не имеют признаков наличия над ними жилого дома, следовательно, они в равной степени могут быть как подпольями наземных построек, так и отдельно стоящими сооружениями.

На селище Отяково 1 исследованы погреба двух конструкций – каркасно-столбовой и срубной.

К первому типу относится **яма № 45** прямоугольной формы, ориентированная по оси север – юг (рис. 3; 4, *А*; 5). Размеры котлована по верхнему краю составляют 328×285 см, глубина от уровня материка – 118–130 см. Стенки котлована укреплены деревянными столбами, поставленными по периметру ямы вплотную друг к другу в канавку. Столбы серьезно подгнили, их сохранившийся диаметр составляет 6–13 см, высота – 27–50 см. Однако, судя по следам тлена, изначально их диаметр составлял 15–20 см. Судя по всему, по углам стояли более мощные столбы, диаметром до 30 см. Столбовая яма от такого столба зафиксирована в северо-западном углу сооружения. Внутреннее пространство погреба внутри деревянной конструкции имеет размеры пример-

Рис. 4. Ямы № 45 и 1. Остатки и следы деревянных конструкций
А – остатки деревянного сооружения в яме 45, р. 1; *Б* – яма 1, р. 2;
В – фр-т деревянного кола от конструкции сооружения

но 2,2×2,2 м. На дне ямы зафиксированы остатки пола. Это фрагменты досок и брусьев шириной до 20 см и толщиной 3–16 см, лежащих по линии север – юг.

Южная стенка котлована имеет две ступени шириной около 40 см и высотой 35–40 см. Южный ряд столбов у юго-восточного угла погреба на протяжении 110 см имеет разрыв. Этот разрыв по длине соответствовал длине нижней ступени. Кроме того, крайний столб здесь также был более мощным, чем остальные столбы. Вероятно, в этом месте мог находиться вход в погреб. Возможно, деревянные столбы в этом месте не сохранились.

Погреба похожей столбовой конструкции в Москве и ближайшей округе известны как в домонгольский период, так и в более позднее время. Однако встречаются они нечасто. В основном здесь предпочитали строить срубные погреба. Домонгольский погреб с такой конструкцией исследован в Кремле на раскопе 1–3 2016–2018 гг. (*Коваль,* 2022. С. 90–95). Погреб XV в. аналогичной конструкции (сооружение Т1–35), но сохранившийся гораздо лучше, исследован в 2007 г. на Подоле Московского Кремля (*Панова, Коваль,* 2007. С. 221–222). Похожие позднесреднековые погреба со стенками, укрепленными вертикальными

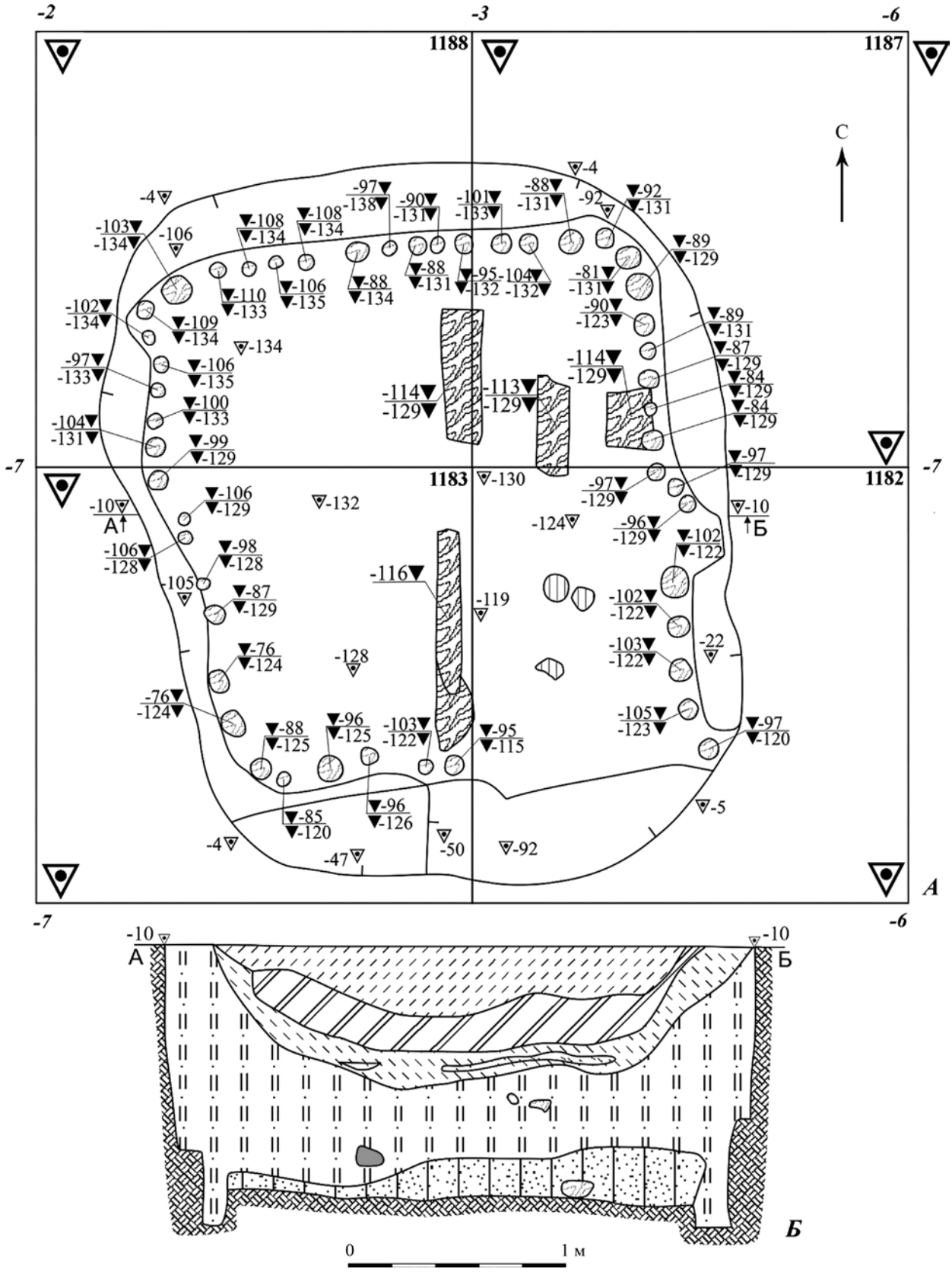

Рис. 5. Яма № 45 (условные обозначения см. на рис. 3)
А – план на уровне деревянных конструкций; ***Б*** – разрез

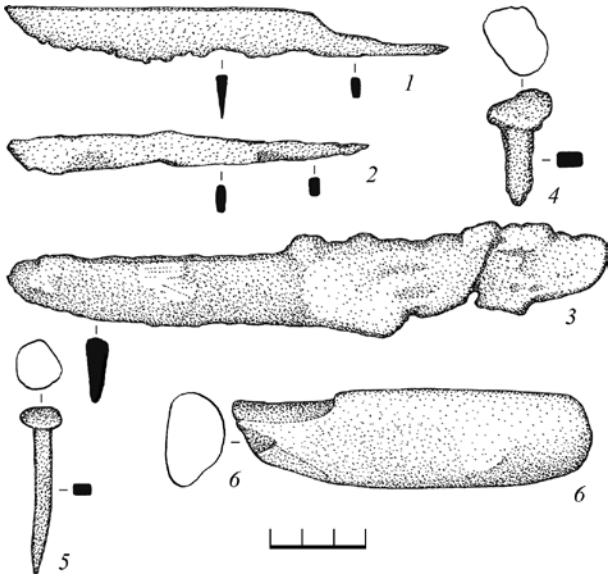

Рис. 6. Яма № 45.
Индивидуальные находки из заполнения
1–3 – ножи; *4, 5* – гвозди; *6* – точильный брусок.
1–5 – железо; *6* – камень

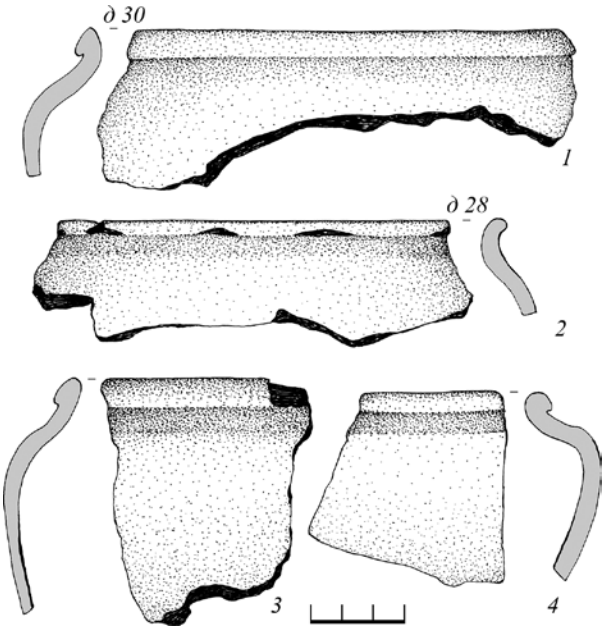

Рис. 7. Яма № 45. Керамика из заполнения ямы

столбами или досками, раскопаны на Романовом дворе (Археология Романова двора… 2009. С. 83). Вероятно, остатки погреба каркасно-столбовой конструкции XV в. представляет собой яма № 1 XV в. на селище Протасово 4 (Верхние Кухарки) в г. о. Щёлково (*Чернов,* 2020. С. 233–247). Гораздо чаще погреба аналогичной каркасно-столбовой конструкции встречаются во Владимиро-Суздальской земле. В Суздале и его округе стенки котлована погреба обшивались в основном вертикальными плахами, жердями, горбылем, тонкими бревнами, реже – горизонтальными досками или плахами, помещенными между угловыми столбами (*Шполянский,* 2008. С. 58–60). Эта же техника являлась доминирующей при строительстве погребов во Владимире (*Жарнов,* 2003. С. 51; *Зеленцова, Кузина,* 2008. С. 129–130*; Зеленцова, Кузина, Милованов,* 2011. С. 111, 113). Много таких погребов исследовано раскопками последних лет в Ярославле (*Энговатова,* 2007. С. 62, 77–78; 79–81; 166; 2008. С. 257–258; 2010. С. 74, 75). Известны они и в других городах, например в Нижнем Новгороде, Переяславле-Залесском и др. (*Лапшин,* 2016. С. 130, 132; *Зейфер и др.,* 2019. С. 136).

Заполнение котлована ямы № 45 многослойное (рис. 5). Верхнее заполнение состояло из прослоек суглинков: коричнево-серого с включениями угольков и обожженной глины; черного углистого с включениями обожженной глины; серого с включениями угольков и обожженной глины. Ниже шло основное заполнение ямы – суглинок коричневый с включениями обожженной глины с остатками деревянной конструкции. На материковом дне ямы внутри остатков деревянной конструкции залегала прослойка суглинка темно-серого с включениями угольков и древесного тлена с основанием самой деревянной конструкции.

Большинство индивидуальных находок было сосредоточено в верхней части заполнения: три ножа, два крепежных гвоздя, точильный камень (рис. 6, *1–5*). В самом нижнем слое, практически на дне ямы найден еще один точильный камень (рис. 6, *6*). Из ямы также происходят 350 фрагментов круговых сосудов (рис. 7).

Судя по всему, каркасно-столбовую конструкцию имел еще один погреб – **яма № 1** на раскопе 2. Сооружение располагалось в котловане размерами 266×238 см по верхнему краю и глубиной около метра (рис. 4, *Б*). К сожалению, дерево от сооружения здесь не сохранилось, поэтому о его конструкции можно судить лишь предположительно. На дне котлована, по его периметру располагалась канавка, ограничивающая пространство размерами около 2,2×2,2 м. С внешней стороны канавки зафиксировано несколько столбовых ям. С запада, около юго-западного угла сооружения, канавка имела разрыв. Вероятно, здесь был обустроен вход в погреб. Судя по всему, в канавку вставлялись вертикальные доски/плахи или тонкие колья, составлявшие стены погреба. Тлен и труха от одного

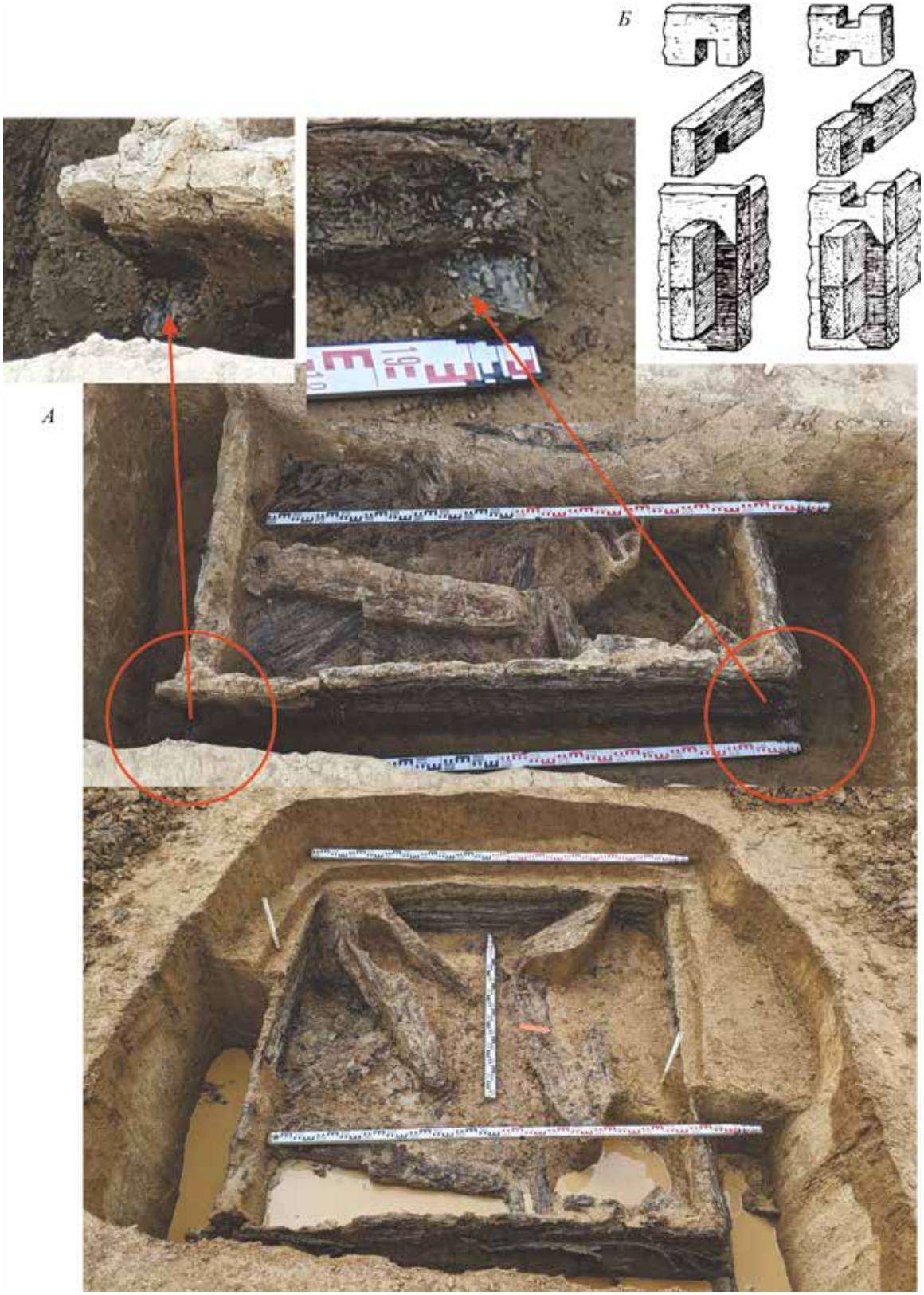

Рис. 8. Остатки деревянного сооружения в яме 46
А – расчищенная конструкция; *Б* – схема соединения венцов в замок (по: *Бломквист*, 1956. Рис. 7, *е*)

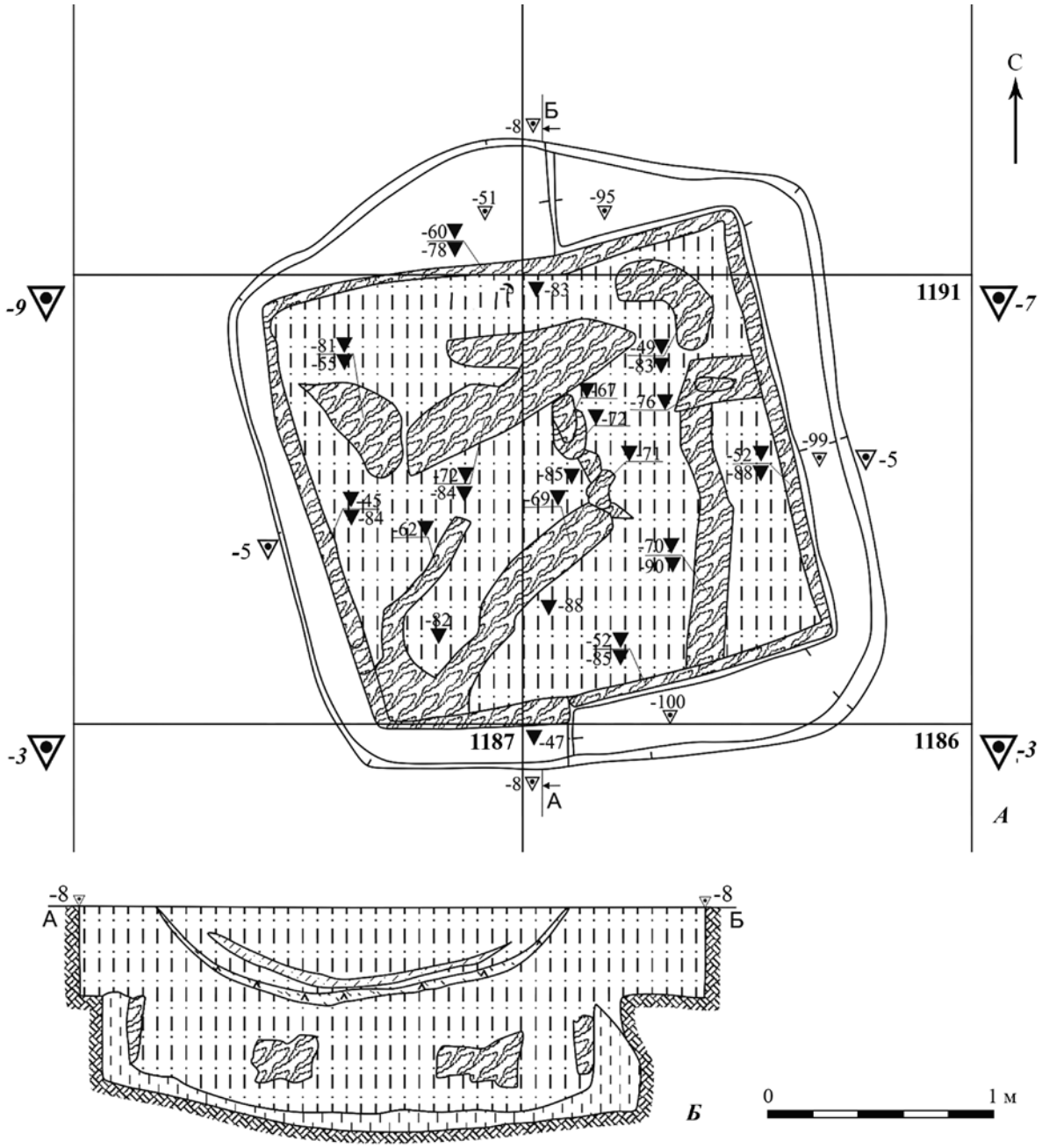

Рис. 9. Яма № 46 (условные обозначения см. рис. 3)
А – план на уровне деревянных конструкций; ***Б*** – разрез

такого кола, вставленного в канавку, зафиксированы в разрезе ямы (рис. 4, *В*).

Четыре исследованных погреба имеют срубную конструкцию. Наиболее хорошо из них сохранилось сооружение в **яме № 46** квадратной формы и ориентированной по оси северо-запад – юго-восток (рис. 8, *А*; 9). Размеры котлована по верхнему краю составляли 267×280 см, глубина – 103–106 см. В яму было опущено деревянное сооружение, остатки которого зафиксированы на дне котлована. Степень сохранности дерева плохая, оно дошло до нас в виде трухи. Тем не менее представление о характере конструкции составить можно. Сооружение – сруб квадратной формы размерами примерно 2–2,2×2–2,2 м, поставленный в котлован на расстоянии 9–50 см от его стенок. После установки сооружения пазухи котлована были плотно забутованы суглинком. Удалось проследить два венца сруба. Его сложили из поставленных на ребро разноразмерных досок или плах

шириной 18–39 см и толщиной 2–11 см. В северо-восточном и юго-восточном углах сруба прослежены небольшие выпуски концов. Места соединения бревен сохранились плохо, поэтому не удалось проследить, как соединялись между собой венцы перпендикулярных стен. Однако имеющиеся этнографические и археологические аналогии позволяют предположить, что сруб рублен в замок. Такой способ характерен для рубки стен, состоящих не из целых бревен, а из различных колотых плах и досок, поставленных на ребро, а также бруса. Как и при рубке в обло, венцы в таких срубах соединялись при помощи чашек или пазов, вырубавшихся как сверху, так и снизу венца, а иногда с двух сторон венцов (рис. 8, *Б*) (*Бломквист,* 1956. С. 69, рис. 7, е). Погреба XV в., рубленные таким способом, известны в Москве: на территории Кремля и Зарядья (*Модин,* 2025. С. 132; Табл. 1, № 3, 27, 59).

В материковом дне ямы зафиксирована небольшая столбовая яма. На дне ямы № 46, внутри сруба расчищен завал досок, бревен и брусов, брошенных сюда сверху при засыпке погреба.

Основное заполнение ямы – суглинок коричневый с включениями обожженной глины (рис. 9). В верхней части заполнения находилась прослойка обожженной глины с угольками. На материковом дне ямы внутри сруба залегал слой темно-серого суглинка с включениями угольков и древесного тлена с основанием самой деревянной конструкции.

Все индивидуальные находки находились в основном заполнении, в его верхней части: пробой, крепежный гвоздь, два ножа. Из ямы также происходят 1284 фрагмента круговых сосудов (рис. 10, *1–4*).

Яма № 21 в плане имела форму, близкую квадратной, со скругленными углами и выступом в юго-восточной части и была ориентирована по оси северо-запад – юго-восток (рис. 11; 12). Размеры – 380×470 см, глубина – 164–169 см. На дне котлована зафиксированы остатки помещенного сюда деревянного сруба размерами, близкими 2,4×2,4 м. Стенки сруба сохранились на два венца. Он был сложен из бревен диаметром 10–13 см. Сохранились только два угла сруба – на месте соединения северо-западной стенки с юго-западной и северо-восточной. Судя по всему, венцы по углам соединялись без перерубов, встык, на месте соединения дополнительно укреплены колышками с внутренней стороны. Следы одного такого колышка диаметром 6 см зафиксированы в одном из углов. Кроме того, концы венцов подтесывались внутрь под углом около 45°. Следы такой подтески зафиксированы на верхнем венце северо-западной стенки.

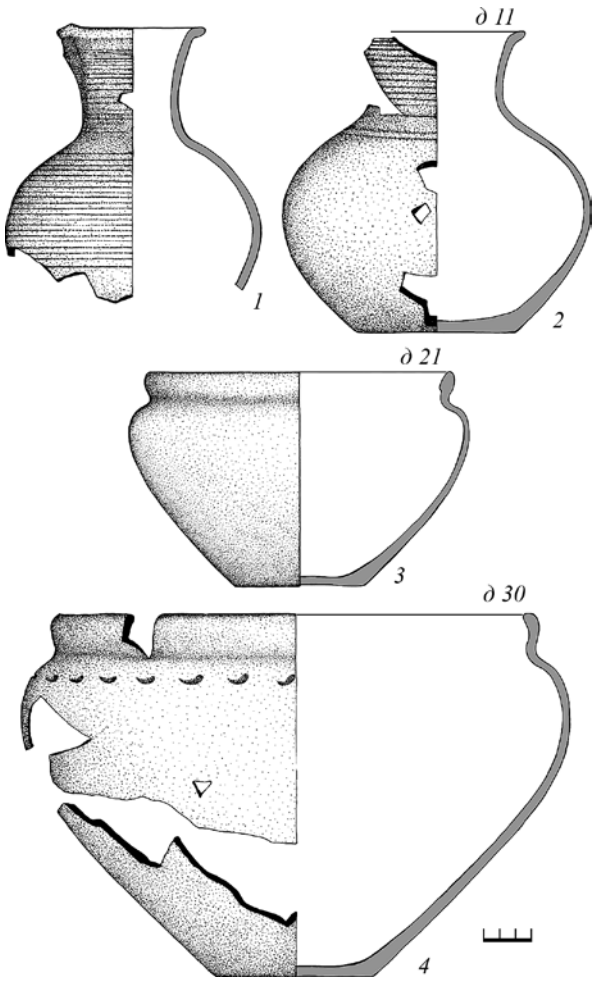

Рис. 10. Яма № 46. Керамика из заполнения ямы

Погреба XIV–XV вв. с таким способом соединения углов известны в Москве, три из них исследованы на Подоле Московского Кремля, еще два в Зарядье (*Модин,* 2025. С. 132; Табл. 1, № 8, 9, 10, 49, 58).

Вход в погреб, вероятно, располагался в юго-восточной части. Котлован здесь имеет прямоугольный выступ-ступеньку шириной примерно 0,8 м (рис. 11; 12). В центральной части ступеньки зафиксированы две столбовые ямы диаметром 25–30 см, расположенные на расстоянии 85 см друг от друга.

В придонной части котлована, у северо-восточной стенки сруба, расчищены плохо сохранившиеся остатки двух досок толщиной 2–4 см. Одна из них лежала параллельно стенке, вплотную к ней, вторая – перпендикулярно им. Не исключено, что это остатки пола.

Заполнение ямы состояло из двух частей (рис. 12). В верхней части яма заполнена серо-коричневым суглинком (культурный турбированный

Рис. 11. Остатки деревянного сооружения в яме 21

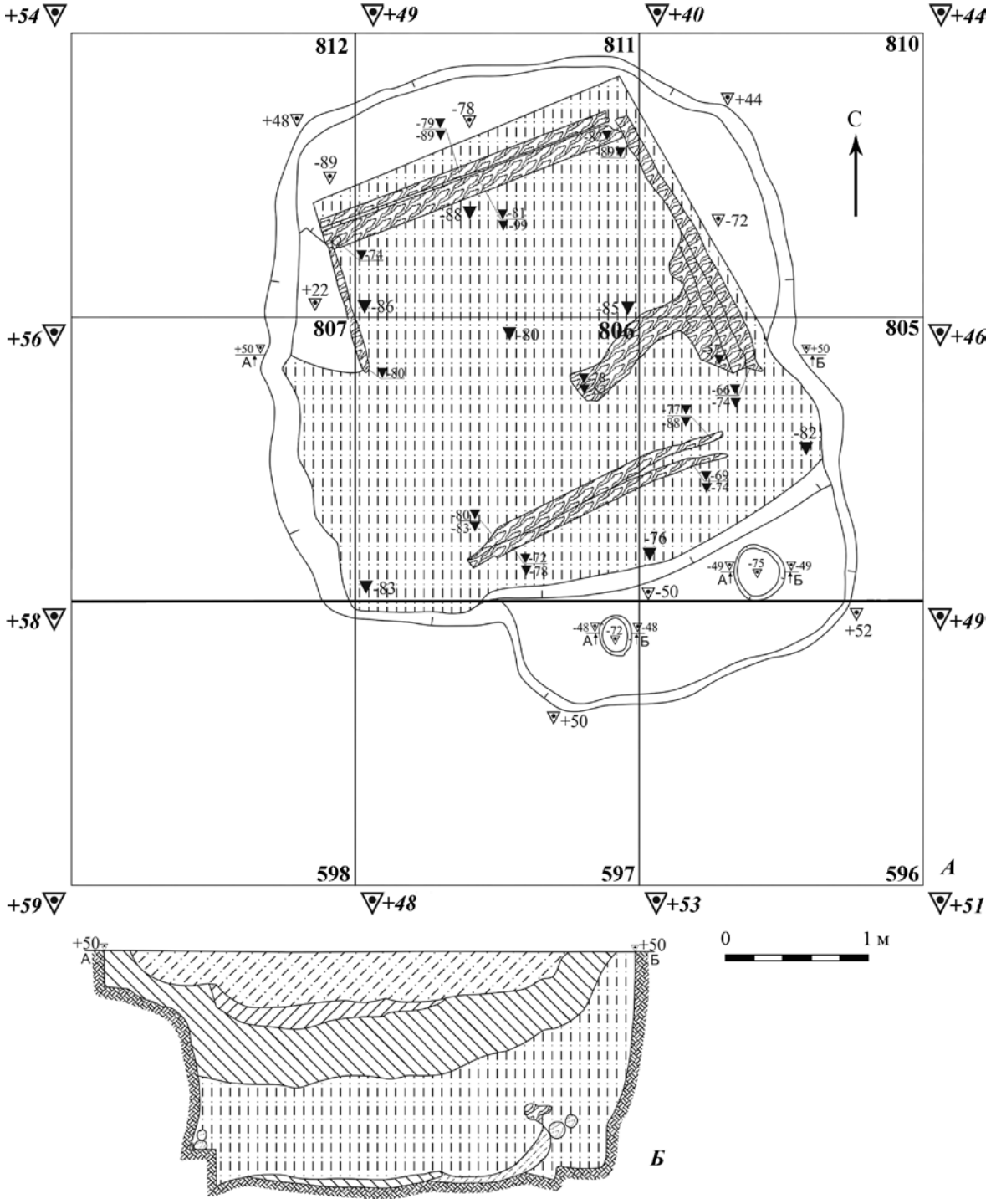

Рис. 12. Яма № 21 (условные обозначения см. рис. 3)
А – план на уровне деревянных конструкций; ***Б*** – разрез

слой селища), перемешанного с другими включениями. Именно отсюда происходило основное число индивидуальных находок: железные нож, фрагмент изделия, штырь, фрагмент гвоздя, свинцовая пуля и два точильных каменных бруска (рис. 13).

В нижней части котлован заполнял коричнево-серый плотный суглинок с включениями угольков. В этом же слое находились остатки деревянной конструкции. В северной части ямы в пределах конструкции найдены две глиняные игрушки и точильный каменный брусок (рис. 14). Из нижней части заполнения происходит основная масса керамических изделий – около 500 фрагментов круговых сосудов (рис. 15).

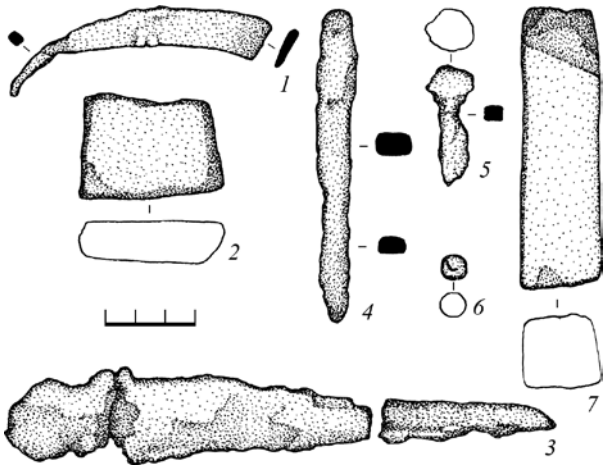

Рис. 13. Яма № 21. Индивидуальные находки из заполнения верхнего яруса
1 – фр-т изделия; *2, 7* – точильные бруски; *3* – нож; *4* – штырь; *5* – гвоздь; *6* – пуля. *1, 3–5* – железо; *2, 7* – камень; *6* – свинец

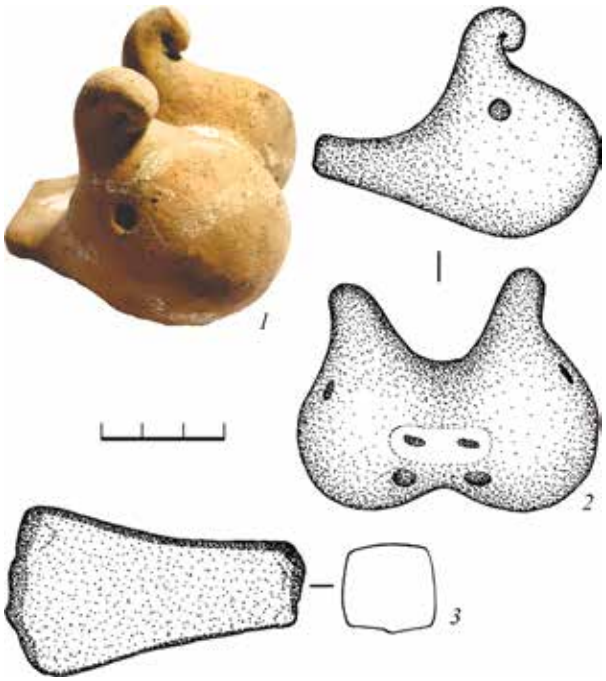

Рис. 14. Яма № 21. Индивидуальные находки из заполнения нижнего яруса
1, 2 – игрушки; *3* – точильный брусок.
1, 2 – глина; *3* – камень

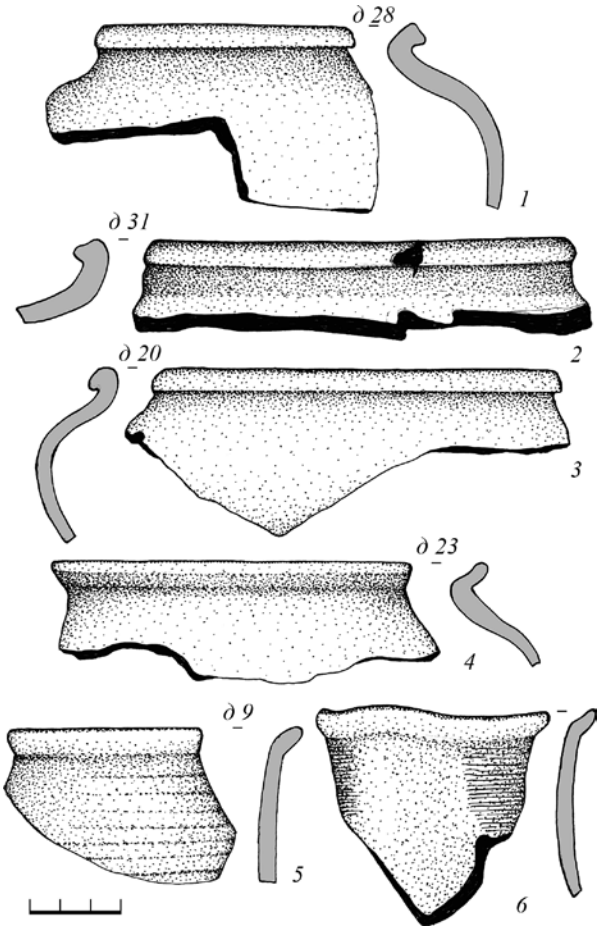

Рис. 15. Яма № 21. Керамика из заполнения нижнего яруса

Яма № 31 в плане имела форму, близкую квадратной, со скругленными углами и была ориентирована по оси северо-запад – юго-восток (рис. 16, *А*; 17). Ее размеры – 208×260×263×245 см, глубина – 118–147 см. В котлован был помещен сруб размерами ~2,3×2,3 м, сохранившийся на два венца. Он сложен из бревен диаметром 15–17 см, соединенных встык. С внешней стороны сруба в юго-западном, юго-восточном и северо-западном его углах зафиксированы столбовые ямы, вероятно, являвшиеся подпорами под перекрытие. Еще несколько небольших столбовых ям находились в центральной части котлована.

В верхней части заполнение ямы состояло из прослоек суглинков серого и черного углистого с обожженной глиной (рис. 17). Эти напластования образовались в результате проседания перекрывающего котлован грунта. Находки из верхней части заполнения включают пули, фрагменты неопределенных изделий, подкову конскую, фрагмент гвоздодера, ножи, гвозди подковные и крепежные и их фрагменты, штырь, игрушку (рис. 18, *1–6, 9, 11*).

Нижняя часть ямы заполнена прослойками суглинка серо-коричневого с включениями углистых прослоек и суглинка коричневого (рис. 17). Из этой части заполнения происходило большинство индивидуальных находок: гвозди подковные

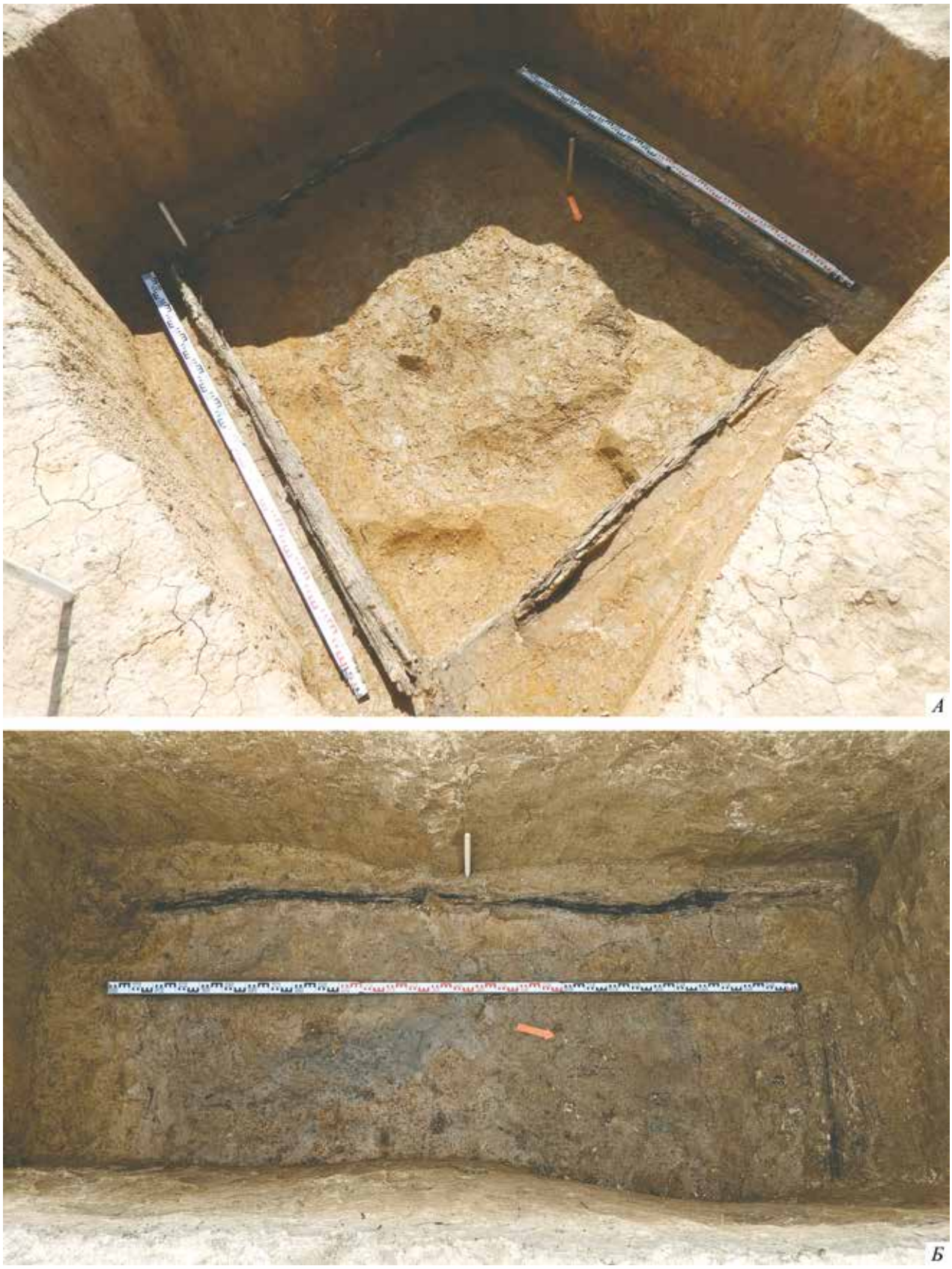

Рис. 16. Остатки деревянных сооружений в ямах № 31 (*А*) и 22 (*Б*)

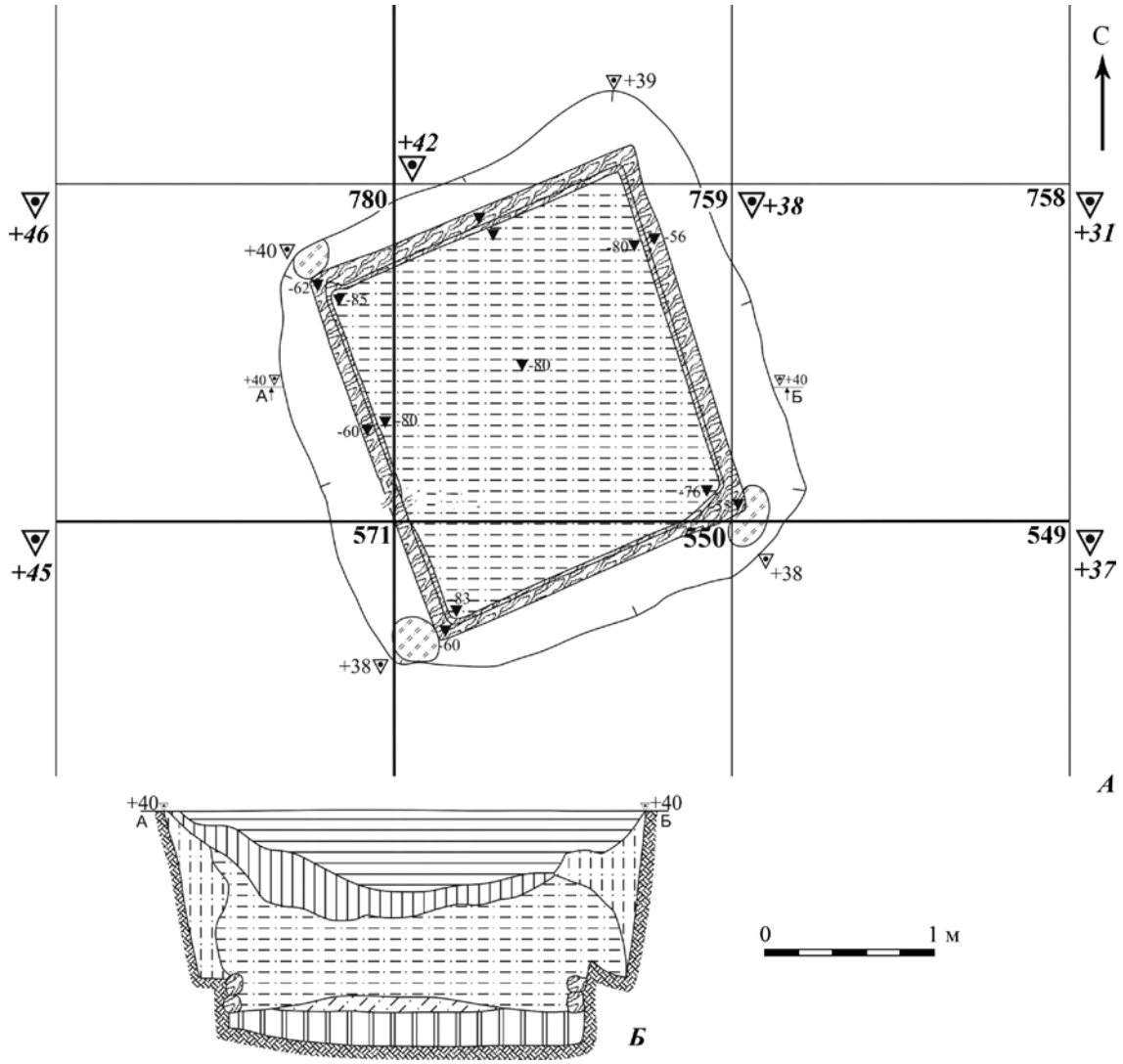

Рис. 17. Яма № 31 (условные обозначения см. рис. 3)
А – план на уровне деревянных конструкций; ***Б*** – разрез

и крепежные и их фрагменты, замок навесной пружинный, ключ, фрагменты неопределенных изделий, пробой, зубило, кайло, фрагменты жерновов, обувная (фрагмент) и конская подковы, фрагменты ножей и серпа (рис. 18, *7, 8, 10*; 19, *1–3*). Здесь же собрана основная масса керамических изделий – около 2000 фрагментов круговых сосудов, на донце одного из которых имеется клеймо (рис. 19, *4*; 20, *1–12*).

Яма № 22 близкой к квадрату формы, со скругленными углами ориентирована по сторонам света (рис. 16, *Б*; 21). Размеры ямы по верхнему краю – 344–362×304–350 см, глубина от уровня материка – 180–184 см. В котловане располагалась деревянная конструкция, однако она практически не сохранилась (рис. 16, *Б*). Вероятно, это был сруб размерами ок. 2,7×2,7 м. Его нижние венцы вдавлены в материк, в результате чего образовалась канавка. В виде трухи сохранились фрагменты нижних венцов западной и северной стенок сруба. Углы сруба не сохранились, однако предположительно они имели выпуски. На это указывает тот факт, что ось сохранившегося фрагмента венца северной стенки сооружения пересекает западный венец на расстоянии от его края. На дне котлована зафиксированы три округлые ямы: две возле юго-западного угла, одна ближе к северо-восточному углу. Не исключено, что они выполняли дренажную функцию.

Заполнение ямы было многослойным, но в целом состояло из двух основных горизонтов – верхнего и нижнего (рис. 21). Верхняя часть котлована

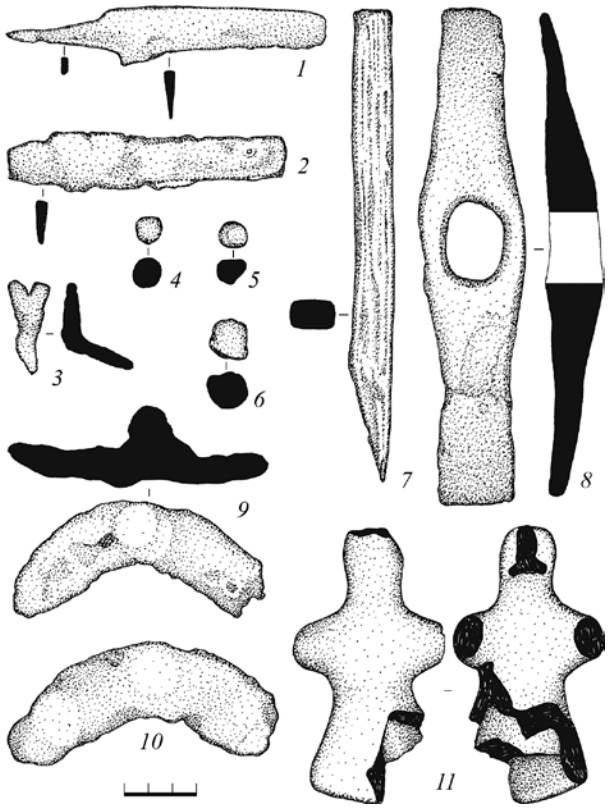

Рис. 18. Яма № 31. Индивидуальные находки из заполнения
1, 2 – ножи; *3* – фр-т гвоздодера; *4–6* – пули; *7* – зубило; *8* – кайло; *9, 10* – конские подковы; *11* – игрушка. *1–3, 7–10* – железо; *4–6* – свинец; *11* – глина

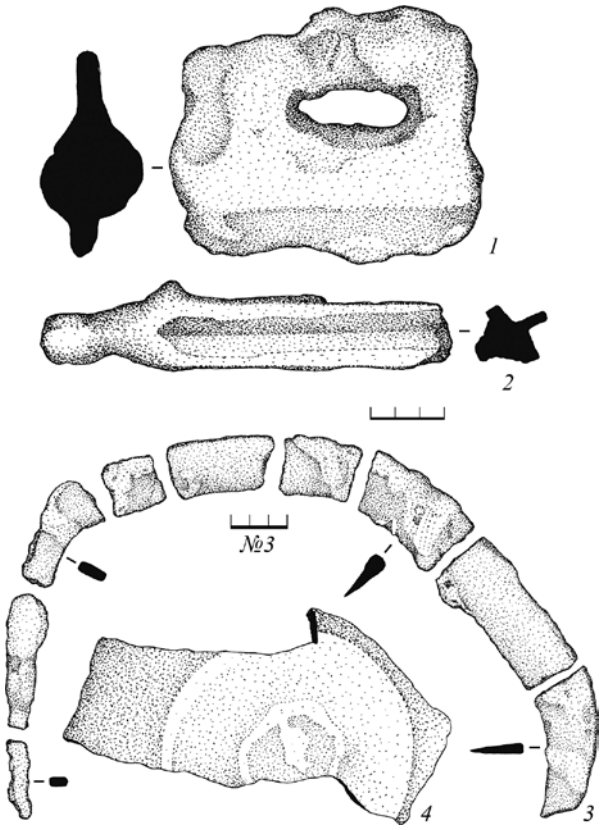

Рис. 19. Яма № 31. Индивидуальные находки из заполнения
1 – замок; *2* – ключ; *3* – серп; *4* – донце с клеймом. *1–3* – железо; *4* – глина

заполнена прослойками суглинков серой и коричневой окраски с включениями угольков и обожженной глины. Из этой части заполнения происходит большинство находок: три монеты, подковные и крепежные гвозди, фрагменты ножей и неопределенных изделий, фрагменты замка, обувная и конская подковы, каменный точильный брусок (рис. 22, *1, 2, 5, 7, 9*).

Нижняя часть заполнения котлована состоит из двух основных прослоек: коричнево-серого суглинка и лежавшего под ним серого суглинка с включениями угольков и обожженной глины. Находки отсюда включали три монеты, две конские подковы, фрагменты ножей (рис. 22, *3, 4, 6, 8*). Из заполнения ямы происходит 928 фрагментов круговых сосудов, большая часть которых находилась в самой нижней прослойке из серого суглинка (рис. 23, *1–7*).

Последний погреб – **яма № 39**. Ее размеры по верхнему краю составляют 460×266–330 см. Глубина от уровня материка – до 162 см. Яма имела прямоугольную форму и была ориентирована по оси запад – восток (рис. 24). Здесь также зафиксированы остатки деревянного сооружения. Однако степень его сохранности очень плохая и не позволяет установить особенности конструкции. У западной стенки находились фрагменты двух бревен длиной 107 см и 96 см, шириной 4–24 см, толщиной 19–30 см. Они лежали перпендикулярно друг другу и вплотную примыкали к стенке котлована. В 20 см юго-восточнее находилась деревянная плашка длиной 30 см, шириной до 26 см и толщиной до 10 см. Фрагмент еще одного бревна находился в центре ямы, в 30 см к юго-востоку от предыдущих. Его размеры составляли: длина – 47 см, ширина – 9–22 см, толщина – 15–18 см. У южной стенки ямы лежали две мелкие деревянные плашки длиной 15 и 18 см, шириной 2–3 см и толщиной 3–5 см. На дне ямы, возле северной и южной стенок, находились шесть столбовых ямок. Вероятно, стоявшие здесь столбы связаны с конструкцией сооружения.

Основу верхней части заполнения ямы составляла прослойка коричнево-серого суглинка с угольками и обожженной глиной (рис. 24). В этом грунте в восточной части ямы зафиксирован

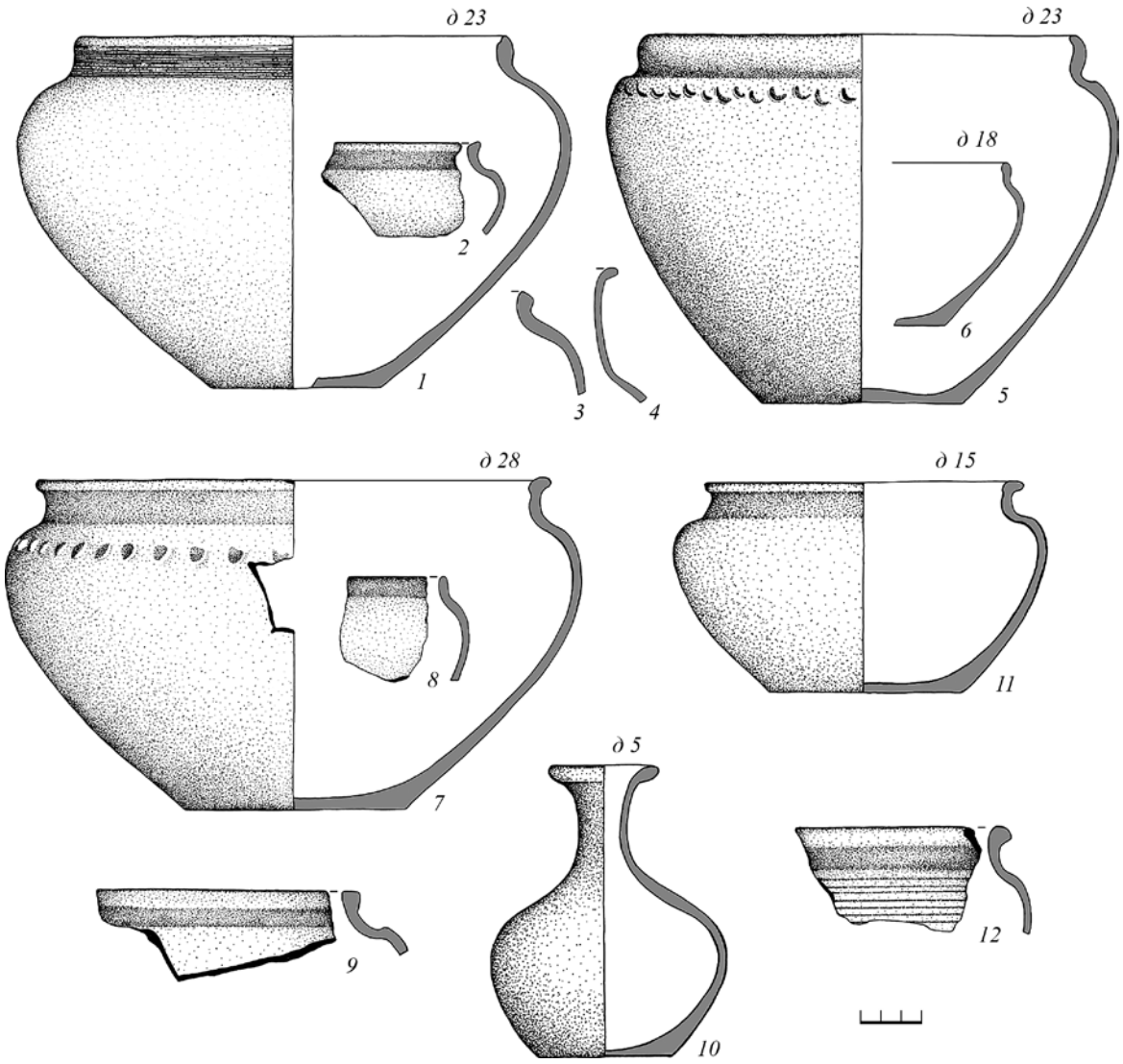

Рис. 20. Яма № 31. Керамика из заполнения нижнего яруса

массив обожженной глины и черного углистого суглинка. Судя по всему, это остатки печи, сброшенной в погреб при его засыпке. Не исключено, что эта печь располагалась в жилом доме, в подполье которого находился погреб. Находки из верхней части заполнения включают две монеты, подковные и крепежные гвозди и их фрагменты, нож, пробой, фрагменты неопределенных изделий, шило (рис. 25, *1–5, 10*).

Нижняя часть заполнения ямы состояла из коричневого суглинка, разделенного прослойкой с включениями угольков и обожженной глины (рис. 24). На материковом дне ямы залегала прослойка черного углистого суглинка, с остатками деревянной конструкции на его поверхности. Из нижнего заполнения котлована происходило большинство индивидуальных находок и массового материала. Здесь найдены подковные и крепежные гвозди и их фрагменты, конская подкова, фрагменты конских удил, фрагменты серпа и жерновов, игрушка (рис. 25, *6–9*). На самом нижнем уровне, соответствующем остаткам деревянных конструкций, найден крест-энколпион (рис. 26). Также в нижней части заполнения ямы собрано 1500 фрагментов круговых сосудов (рис. 27, *1–3*).

В описании погребов необходимо отметить одну конструктивную деталь, зафиксированную у некоторых из них (ямы № 1, 21, 45). Это наличие небольшого входного тамбура, примыкавшего к одной из стенок сооружения возле угла котлована. В этом месте стенки котлованов имели ступеньку. Судя по всему, в тамбур спускались по лестнице, а из него через специально оборудованный проход попадали уже в сам погреб. Об этом четко

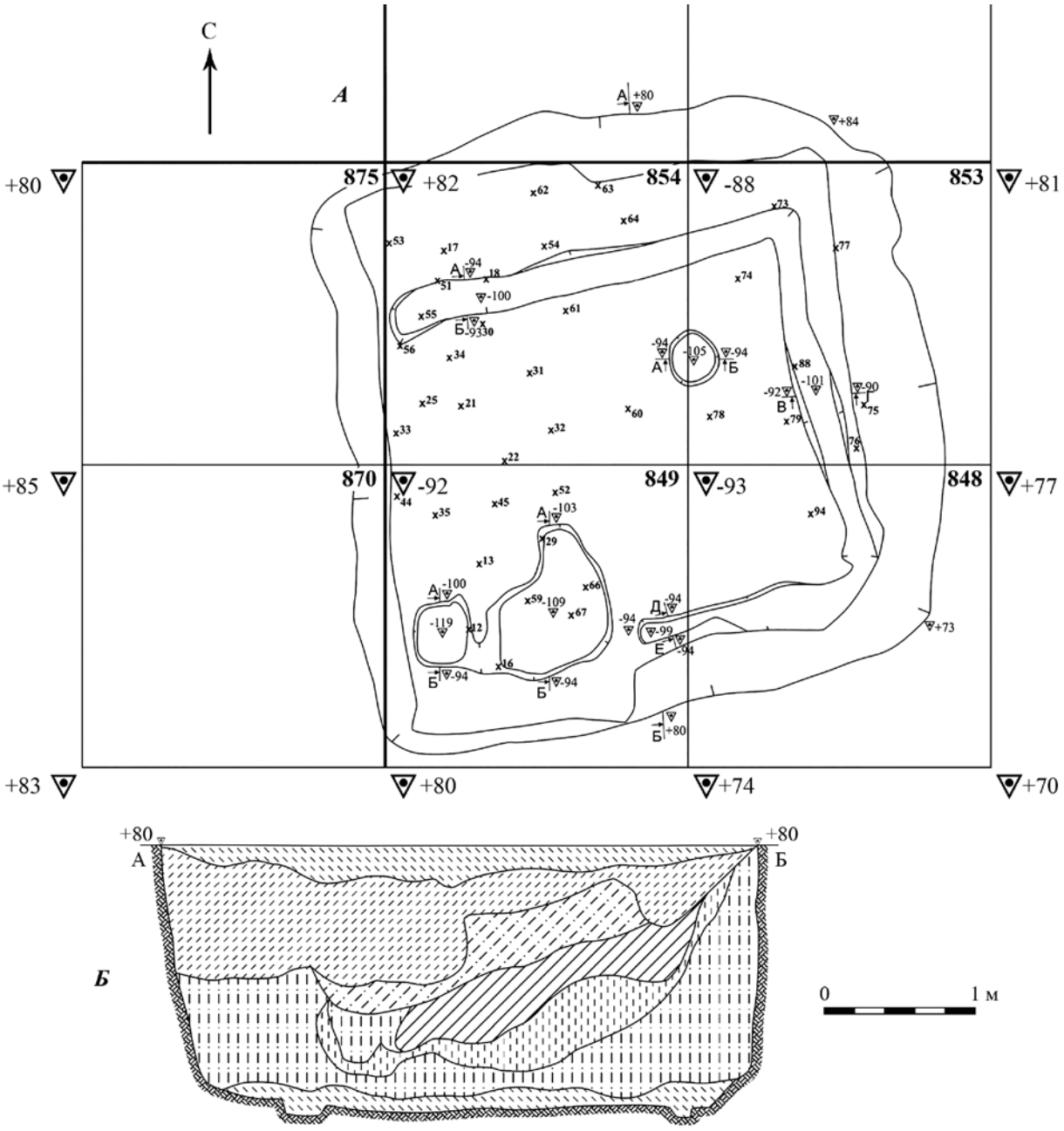

Рис. 21. Яма № 22 (условные обозначения см. рис. 3)
А – план на уровне деревянных конструкций; ***Б*** – разрез

свидетельствует разрыв в стенках каркасно-столбовых конструкций в ямах № 45 и 1. О наличии дверного проема в стенке сруба в яме № 21 свидетельствуют две столбовые ямы в тамбуре. Расстояние между ними (85 см) соответствует стандартной ширине дверного проема. Подобные конструктивные детали на местах предполагаемого входа иногда встречаются в погребах. В одних случаях это может быть ступенька в стенке котлована, как, например, в постройке 2 XV в. на селище Дмитровское 2 на р. Истре (*Цыбин,* 2007. С. 235, 238, рис. 4). В других случаях в котловане делался выступ шириной около метра, как, например, в ямах № 171 и 190 XVI в. на селище Кулаково 3 на р. Москве (*Богомолов и др.,* 2013. С. 202–209, 212–213). Особенности конструкции подобного входного тамбура, в частности, можно посмотреть на примере погреба-ледника XVI в. на Федоровском VI раскопе в Новгороде. В тамбуре этого погреба сохранились фрагменты стен, полы и опорная плаха для лестницы, по которой спускались в тамбур (*Дубровин, Тарабардина,* 2000. С. 305–306). Еще

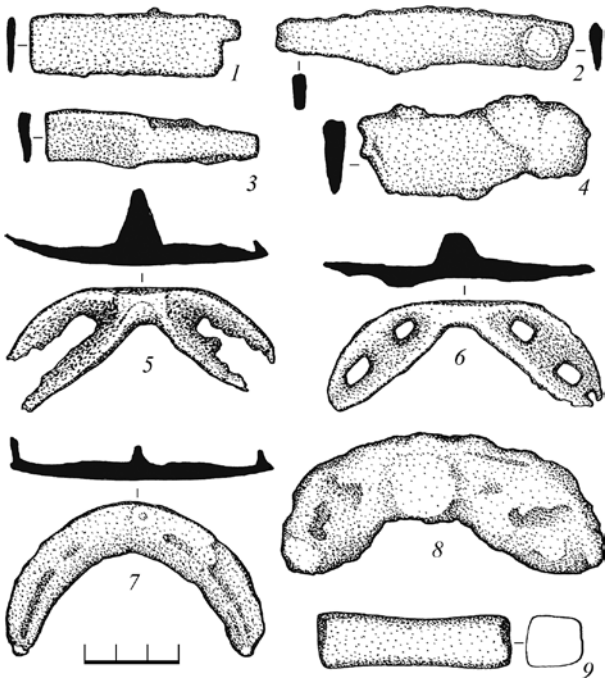

Рис. 22. Яма № 22. Индивидуальные находки из заполнения
1–4 – фр-ты ножей; *5, 6, 8* – конские подковы; *7* – обувная подкова; *9* – точильный брусок. *1–8* – железо; *9* – камень

один погреб XVI в. с входным тамбуром с хорошо сохранившейся лестницей на «срубном каркасе» исследован в 2017 г. в раскопе на Биржевой площади в Москве (*Воронин*, 2017. С. 60–74).

Массовый материал и индивидуальные находки

В заполнении ям № 22 и 39 найдены монеты[2]:

1) деньги (4 шт.), чеканка 1535 – рубеж 1530–1540-х годов, Москва, Тверь (рис. 28, *1–4*);

2) копейка, чеканка 1535–1547 гг., Псков (рис. 28, *5*);

3) денежка и копейка (спекшиеся), чеканка времени правления Ивана IV, Великий Новгород (копейка) (рис. 28, *6*);

4) пуло, чеканка времени правления Ивана IV, Тверь (рис. 28, *7*).

Большой интерес представляет предмет христианского культа из ямы № 39 – медный энколпион квадрифолийного типа с изображением в средокрестии погрудно Николая Чудотворца (рис. 26). В медальонах – поясные изображения святых. По убедительному мнению В. Г. Пуцко, крест принадлежит ремесленной продукции московского круга XV–XVI вв. (*Пуцко*, 2009. С. 82).

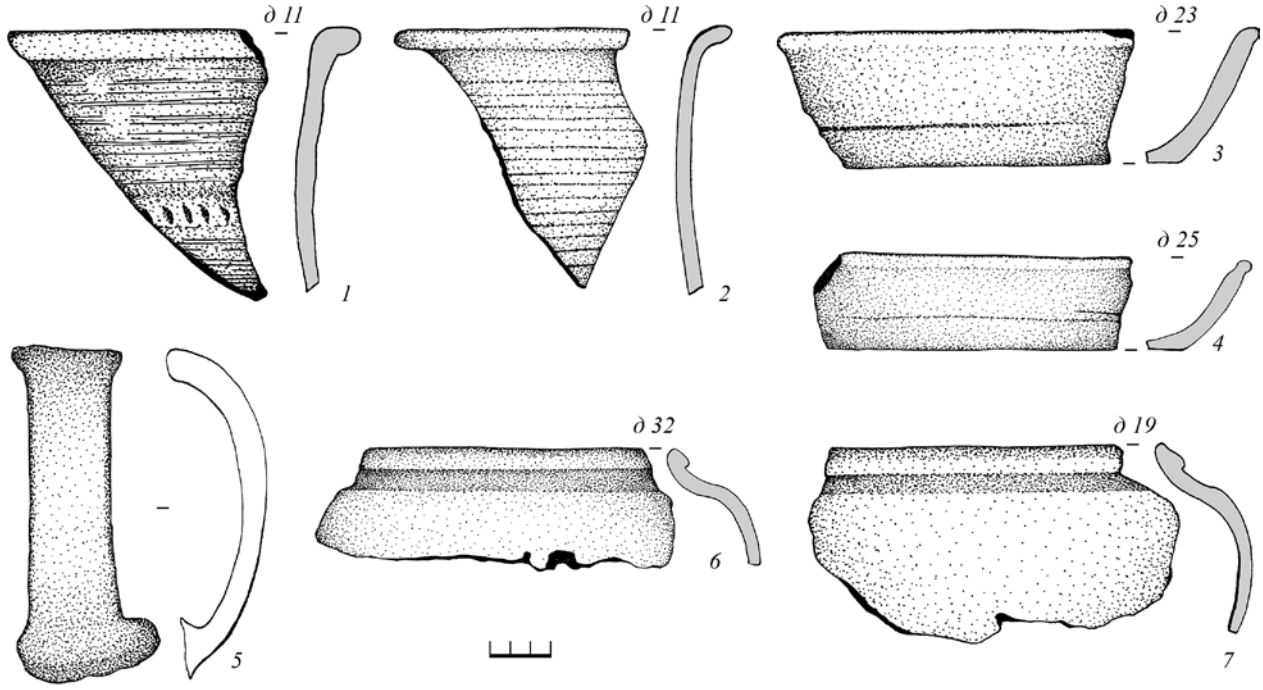

Рис. 23. Яма № 22. Керамика из заполнения нижнего яруса (слой серого суглинка)

[2] Определение нумизматических находок выполнил К. В. Клочков (КГОМЗ), за что авторы выражают ему искреннюю благодарность.

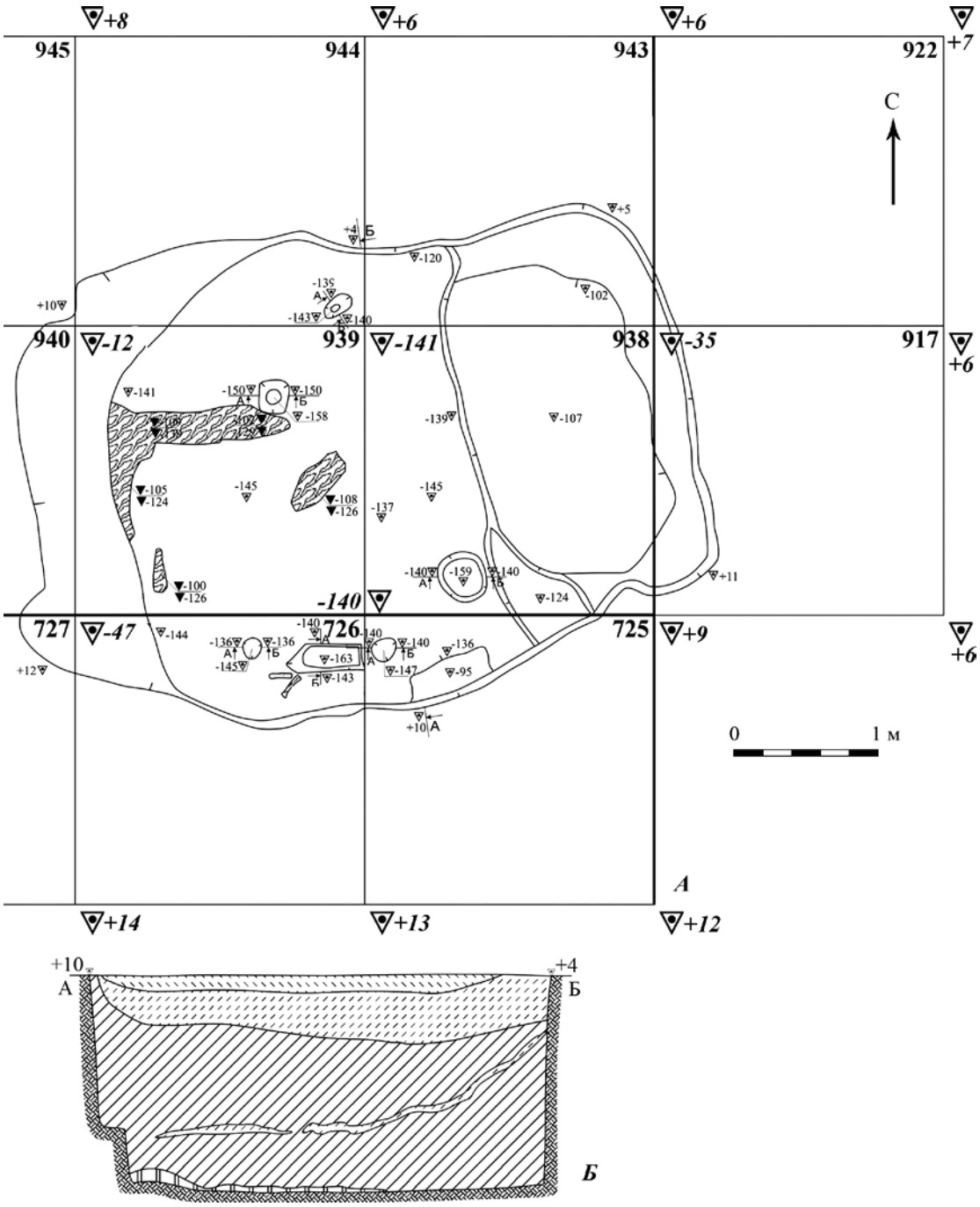

Рис. 24. Яма № 39 (условные обозначения см. рис. 3)
А – план на уровне деревянных конструкций; ***Б*** – разрез

Конские железные подковы представлены двумя типами – сегментовидные и полукруглые. Найдены в заполнении ям № 22, 31 и 39. Сегментовидные подковы с передним шипом и четырьмя отверстиями для гвоздей по типологии О.В. Двуреченского относятся к первому варианту первого типа конских подков XV–XVII вв. в Подмосковье (рис. 18, *9*; 22, *5, 6, 8*; 25, *6*; *Двуреченский*, 2004. С. 240). Наибольшее число таких подков найдено в культурных напластованиях XVI–XVII вв. (Смоленск, Радонеж и др.) (*Пронин, Соболь*, 2012. Рис. 58, *7*; *Савельев, Сергеев, Чернов*, 2016. Рис. 5, *21* и др.). Полукруглая подкова из ямы № 31 с передним шипом и отверстиями для гвоздей по той же типологии относится ко второму варианту первого типа подков XV–XVII вв. (рис. 18, *10*) (*Двуреченский*, 2004. С. 40).

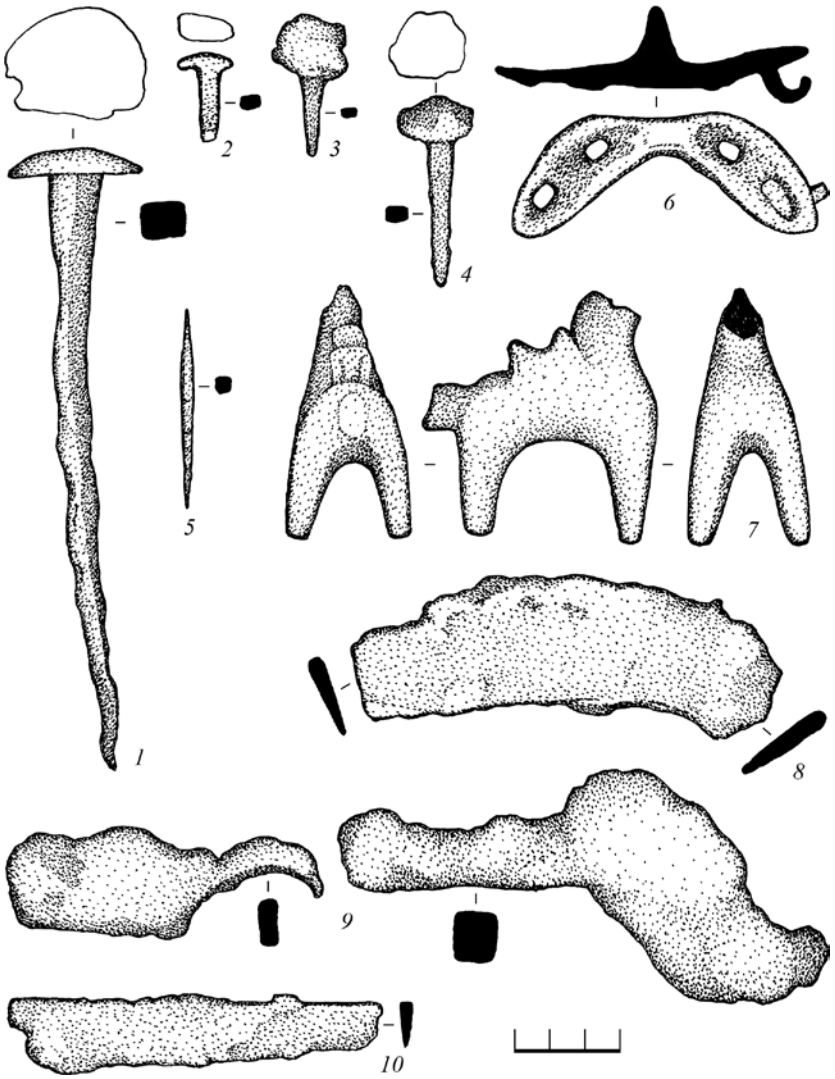

Рис. 25. Яма № 39. Индивидуальные находки из заполнения
1–4 – гвозди; *5* – шило; *6* – конская подкова; *7* – игрушка; *8* – фр-т серпа; *9* – фр-ты удил; *10* – нож. *1–6, 8–10* – железо; *7* – глина

Обувная подкова из ямы № 22 узкопластинчатая с тремя шипами (рис. 22, *7*). Она относится к разновидности врезных подковок, появляющихся и массово распространенных в Московском государстве начиная с середины XVI в. (*Осипов, Коваль, Смирнов,* 2022. С. 264–265). К этому же времени относятся находки глиняных игрушек – белоангобированных и с пятнами белого ангоба (рис. 14, *1, 2*; 18, *11*; 25, *7*) (*Коваль*, 2018. С. 431–436. Рис. 10).

Керамическая посуда из ям представлена горшками, кувшинами и мисками. В численном отношении преобладают фрагменты горшков. Вся керамика соответствует этапам РФК – 6–7 по А. А. Бобринскому, в большинстве своем без дополнительной обработки поверхности. Около 19% красноглиняной керамики имеет сплошное или разреженное лощение поверхности. Вся керамика – без видимых примесей или с примесью очень мелкого песка. Цвет поверхности – белый, коричневый и красно-коричневый, что говорит об окислительном обжиге. Не более процента составляют обломки сосудов черного и серого цвета – восстановительного обжига. Преобладающий орнамент – рифление в верхней части сосуда, реже встречается в виде ямчатых вдавлений, наколов и насечек.

В морфологическом отношении венчики сосудов можно разделить на два основных типа. Преобладающим типом венчиков у горшков являются вертикальные или с малым наклоном наружу, с различным оформлением устья (в виде валиков разных форм и размеров, с утоньшенным и округлым чистовым краем и др.) (рис. 10, *2;* 20, *1, 6, 7,*

Рис. 26. Яма № 39. Крест-энколпион

8, 11; 27, *3*). Выделяется группа горшков с венчиками, имеющими небольшой перелом профиля и заглаженный край (рис. 10, *4;* 20, *5*; 27, *1*). Подобное оформление венчиков горшков характерно для XVI–XVII вв. (*Васильев,* 1991. Табл. 77, *116*; *Коваль*, 2004. Рис. 14, *80, 86*; 2018. Рис. 1, *1*; *Воронцов и др.*, 2011. Рис. 14, 23; *Вишневский*, 2014. Рис. 16, *9*; 21, *16*. С. 133, табл. 3; *Пронин, Соболь*, 2020. Рис. 29, *7*; 87, *3*; 271, *8*).

Еще одна серия вертикальных венчиков представлена высокими венчиками с коротким, отогнутым наружу устьем, без деформации края (рис. 10, *1, 3;* 15, *5, 6*; 20, *4*; 23, *1, 2*; 27, *2*). Характерны для кувшинов периода позднего Средневековья из Подмосковья, Смоленска и других территорий (*Коваль*, 2014. Рис. 8; 31; 2018. Рис. 1, *1*; *Пронин, Соболь*, 2020. Рис. 89, *2*). Ручки от таких кувшинов являются одной из массовых находок как в городских культурных напластованиях (Смоленск, Москва и др.), так и на сельских поселениях (Игнатьево 2) (рис. 23, *5.2*; *Пронин, Соболь, Гусаков*, 2011. Илл. 92, *7–10*; *Коваль*, 2018. Рис. 2; *Смирнов, Алексеев*, 2019. Рис. 9, *1*).

Следует особо отметить, что кувшины из рассматриваемых ям красноглиняные, с частичным лощением поверхности. Верхняя их часть украшена рифленым орнаментом (рис. 10, *1, 3;* 27, *2*). По В. Ю. Ковалю, это «поздняя краснолощеная керамика можайского типа», датируемая им на основании находок в объектах с середины XVI в. (*Коваль*, 2010. С. 200–202, рис. 6–8).

Для другой, также многочисленной группы горшков характерны венчики иного типа – наклоненные внутрь сосуда с отогнутым наружу коротким устьем, имеющим различное оформление (с закругленным краем, со срезанным краем и др.) (рис. 7, *1–4;* 15, *1–4*; 20, *2, 3*; 23, *6, 7*). Горшки с аналогичными венчиками характерны для XVI–XVII вв. Найдены в культурных напластованиях городов и сельских поселений (Смоленск, Москва и др.) (*Пронин, Соболь*, 2020. Рис. 48, *5*; 87, *4, 7*; *Коваль*, 2016. Рис. 11, *8*).

Для всех найденных мисок характерны отогнутые наружу стенки без деформации края устья (рис. 23, *3, 4*).

Остатки углубленных хозяйственных сооружений при раскопах сельских поселений эпохи Средневековья на территории среднерусской равнины встречаются довольно часто. Однако сведений об особенностях их конструкции очень мало. Это объясняется тем, что зачастую остатки деревянных сооружений в таких постройках, как правило, либо не сохраняются вовсе, либо сохраняются в неинформативном виде (тлен, труха, отдельные фрагменты бревен/досок). Для городских поселений дело обстоит гораздо лучше. В тех из них, где проводятся систематические раскопки на протяжении многих лет (Москва, Владимир, Ярославль и др.),

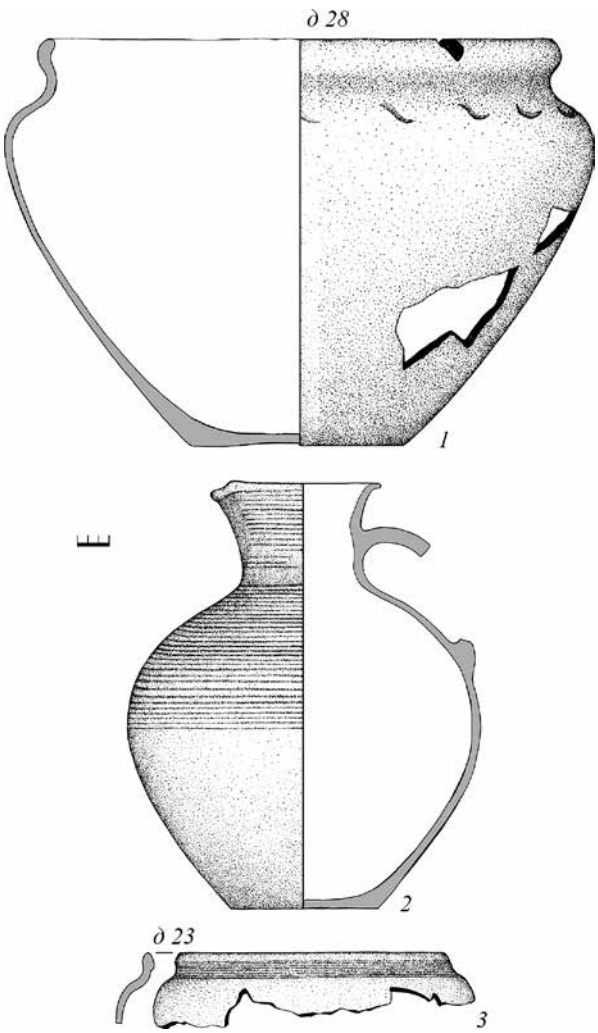

Рис. 27. Яма № 39. Керамика из заполнения нижнего яруса

Рис. 28. Нумизматические находки из ям № 22 (*1–5, 7*) и 39 (*6*)
1–4 – деньги; *5* – копейка; *6* – спекшиеся денежка и копейка; *7* – пуло

изучено большое количество деревянных построек той или иной степени сохранности, что позволяет получить информацию об особенностях их конструкции. Учитывая дефицит такой информации для сельских поселений, погреба с остатками деревянных конструкций с селища Отяково 1 представляют значительный интерес для изучения сельского деревянного домостроительства периода позднего Средневековья на территории Подмосковья.

Литература

Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 2 / Под ред. Н. Калачова. СПб.: Изд. Археографической комиссии 1864. 872 ст.

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. 524 с.

Бломквист Е. Э., 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сб. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М.: АН СССР. С. 3–458.

Богомолов В. В., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2013. Позднесредневековый комплекс из раскопок на поселении Кулаково 3 Раменского района Московской области // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 200–216.

Богомолов В. В., Володин Е. О., Заидов О. Н., Цыбин М. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2015. Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 339–411.

Васильев Ю. Ю., 1991. Керамический комплекс из раскопок на Старом Ваганькове в Москве // МК. М.: ИА РАН. С. 41–42.

Вишневский В. И., 2014. Селище Сергиев Посад 5 (раскопки 2010–2011 годов) // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 129–155.

Воронин К. В., 2017. Отчет о проведении археологических полевых работ (археологических раскопок) на основании Открытого листа

№ 1944 от 13 сентября 2017 г. в г. Москве, на территории объекта археологического наследия «Культурный слой Китай-города XI–XVII вв., Биржевая площадь, г. Москва» в 2017 г. / Архив ИА РАН. № 66845.

Воронцов А. М., Гриценко В. П., Фомин К. Н., Шеков А. В., 2011. Позднесредневековые слои Торховского городища // Позднесредневековый город III: археология и история. Тула: Музей-заповедник «Куликово поле». С. 23–59.

Двуреченский О. В., 2004. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // АП. М.: ИА РАН. С. 238–244.

Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А., 2000. Погреб-ледник XVI века с Федоровского раскопа в Новгороде // Новгородские древности. Вып. V. С. 301–330.

Жарнов Ю. Э., 2003. Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука. С. 48–58.

Засурцев П. И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА СССР. № 123. С. 5–165.

Зейфер В. А., Мазурок О. И., Леонтьев А. Е., Столярова Е. К., Сапрыкина И. А., 2019. К вопросу об усадебной застройке Переяславля-Залесского (Переяславля) в XIII–XIV веках (по материалам исследований 2016 года) // АП. Вып. 15. С. 132–149.

Зеленцова О. В., Кузина И. Н., 2008. Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 г. // АВСЗ. Вып. 2. С. 127–136.

Зеленцова О. В., Кузина И. Н., Милованов С. В., 2011. Древнерусские усадьбы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2008 г. // АВСЗ. Вып. 3. С. 111–121.

Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // АП. М.: ИА РАН. С. 58–88.

Коваль В. Ю., 2007. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 58–70.

Коваль В. Ю., 2010. Три группы керамики из Северо-Западного Подмосковья // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 196–205.

Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации // АП. Вып. 10. М: ИА РАН. С. 489–571.

Коваль В. Ю., 2016. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 437–475.

Коваль В. Ю., 2018. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 414–441.

Коваль В. Ю., 2022. Сооружения, постройки, элементы усадебной организации // Древности Московского Кремля. Т. I. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 90–111.

Кравцов А. Е., 2022. Отчет о проведении археологических работ (разведки) на земельном участке с кадастровым номером: 50:18:0080402:888, подлежащем воздействию земляных/строительных работ по объекту: «Капитальное строительство производственно-складского здания», расположенном по адресу: Московская область, р-н Можайский, д. Отяково» / Архив ИА РАН. Б/№

Лапшин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ. 540 с.

Лапшин В. А., 2016. Датирование комплексов длительного накопления (по материалам раскопок в Нижегородском Кремле) // АВСЗ. Вып. 6. С. 127–135.

Модин Р. Н., 2025. Московские деревянные погреба середины XIII–XV в.: особенности конструкции // Залесская Русь и ее соседи: археология, история, культура: к 70-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2025. С. 130–139.

Осипов Д. О., Коваль В. Ю., Смирнов А. Н., 2022. Обувные подковки из раскопок в Московском Кремле // КСИА. Вып. 268. С. 256–272.

Панова, Т. Д., Коваль, В. Ю., 2007. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 29009.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е., Гусаков М. Г., 2011. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск: ОАО «Смоленский полиграфический комбинат». 208 с.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е., 2012. Оборонительные укрепления Смоленска конца XVI–XVII в. у Молоховских ворот. Смоленск: Свиток. 120 с.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е., 2020. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. М.: ИА РАН. 336 с.

Прошкин О. Л., 2012. Отчет об археологических исследованиях на селище Икша-1 (Дмитровский район Московской области), на селище Десна-3 (г. Москва) и на городище «Чертово Городище» (Козельский район Калужской области) в 2012 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 40973–40979.

Пуцко В. Г., 2009. Фрагменты русской металлопластики из тарусских находок // Археология

XXI века: синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области. Калуга: ООО «Полиграф-Информ». С. 80–85.

Рабинович М. Г., 1964. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.: Наука. 354 с.

Савельев Н. И., Сергеев А. Ю., Чернов С. З., 2016. Усадьба служилого человека 1540–1550-х годов на посаде Радонежа по данным раскопок 2014 года // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 299–332.

Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М: Русский мир. 320 с.

Сироштан И. И., 2021. Отчет о проведении археологических полевых работ (разведки) на территории городских округов Ленинский, Дмитровский, Солнечногорск, Богородский, Раменский, Домодедово, Ступино, Балашиха, Сергиево-Посадский, Подольск, Одинцовский, Можайский, Серпухов, Наро-Фоминский, Красногорский, Кашира, Коломна, Зарайск, Серебряные пруды Московской области в 2021. Т. 7 / Архив ИА РАН. № 76107.

Смирнов А. Н., Алексеев А. В., 2019. Стратиграфия и хронология селища Игнатьево 2 по материалам охранных раскопок 2015 года // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 189–213.

Харузин Ал., 1907. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильно: Типо-Лит. Тов-ва п. ф. «Н. Мац и Ко». 449 с.

Цыбин М. В., 2007. Средневековое селище Дмитровское-2 (некоторые результаты исследований 2005 г.) // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 234–241.

Чернов С. З., 2020. «Душенное с деревням и бортью»: феномен парных селищ по данным раскопок Верхних и Нижних Кухарок в 2009–2011 годах // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 219–262.

Шполянский С. В., 2008. Конструкция подполий средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации) // АВСЗ. Вып. 2. С. 56–66.

Энговатова А. В., 2007. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля «Мэриот» (Волжская набережная, д. 1) в 2007 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 44361.

Энговатова А. В., 2008. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2008 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 30438.

Энговатова А. В., 2010. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2010 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 30889.

R. N. Modin, O. L. Proshkin

Late Medieval Cellars with Wooden Structures in the Settlement of Otyakovo 1

Summary

This article presents the main findings of archaeological research conducted in 2023 in the pits of the Otyakovo 1 settlement, where the remains of wooden structures were discovered. The research gathered a large collection of various artifacts (numismatic materials, Christian religious items, household items, etc.). All finds clearly indicate intensive settlement activity in the 16th and early 17th centuries.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.185-226

С. З. Чернов
Институт археологии РАН (г. Москва)

Власьевский монастырь в Волоколамске по данным археологических раскопок в церкви Петра и Павла в 2017 году

До разорения в Смутное время в начале XVII в. на посаде Волока Ламского, как тогда назывался город, располагалось пять монастырей. К северу от крепости, на правом берегу р. Городни (правый приток р. Ламы), находился мужской Ильинский монастырь. В западной части посада, на левом берегу реки, упоминаются Варваринский женский и Покровский мужской монастыри. В восточной части посада, также на левом берегу Городни, известны Крестовоздвиженский мужской и Власьевский женский монастыри (рис. 1). За пределами посада находился окологородный Возмищский монастырь. По преданию, зафиксированному в Волоколамском патерике Досифея Топоркова, в Ильинском и Крестовоздвиженском монастырях в конце XV в. сохранялись жалованные грамоты Ярослава Мудрого[1].

До недавнего времени ни один из этих монастырей не исследовался археологически[2]. Лишь в 2017 г. в рамках реставрационных работ по церкви Петра и Павла (1693–1696 гг.) возникла возможность изучить Власьевский монастырь (*Чернов*, 2017а).

Власьевский монастырь известен тем, что в нем постриглась и провела 30 лет мать Иосифа Волоцкого Марина (в иночестве Мария). Вот как говорит об этом Досифей Топорков в Надгробном слове Иосифу Волоцкому: «Марина же бѣ матери нарицаніе: съвръши же въ постничествѣ иноческыхъ бореній яко до тридесяте лѣтъ, въ них же стяжа преименованіе Марія» (Надгробное слово… 1865. С. 163). «Ея же, – продолжает Досифей Топорков, – дръжавный града того благовѣрный князь Борисъ Васильевичь зѣло почиташе и от трапезы своея посылаше: она же вся нищимъ подаваше» (Надгробное слово… 1865. С. 164). Инокиня Марина была погребена во Власьевском монастыре: «Стечежеся все множьство народа въ день погребенія въжелѣннаго ея тѣлеси, и отпѣвше надгробная и полагаютъ подъ помостомъ церкви с(вя)таго священномученика Власія» (Надгробное слово… 1865. С. 164).

По мнению исследователей, пострижение Марины произошло вскоре после пострижения Иосифа Волоцкого (13 февраля 1460 г.). Следовательно, кончина ее имела место около 1490 г.

После Смутного времени территория монастыря представляла собой пустовую церковную землю. В книге Патриаршего казенного приказа 146 (1638) г. сообщалось: «Съ церковные земли Власьевскаго монастыря съ огородца на посадскихъ людехъ на Гаврилкѣ Герасимовѣ съ товарищи оброку дв гривны и іюня въ 14 день тѣ деньги платилъ староста попъ Никита» (*Холмогоровы*, 1896. С. 8). На одном из чертежей XVII в. территории Волока Ламского напротив Возмищского монастыря на противоположной стороне «речки Весовки» изображена часовня, при которой имеется подпись: «часовня что бывал Вл(асье)вской монастырь».

Как свидетельствует приходная книга того же приказа, «в 203 г., декабря въ 10 день», то есть 10 декабря 1694 г., «по челобитью Волоколамскаго Іосифова монастыря… построена на сей землѣ надъ гробомъ матери преподобнаго отца Іосифа схимонахини Маріи церковь каменная во имя св. апостолъ Петра и Павла, и съ сей земли оброчныя деньги велѣно сложить…» (*Холмогоровы*, 1896. С. 8). Церковь эта сохранилась до нашего времени.

Согласно ведомости 1734 г., во Власьевском монастыре тогда находились «церковь каменная… колокольня и Святые ворота каменные, ограда

[1] Подробнее о монастырях Волоколамска см.: *Чернов*, 2019. С. 494–498.

[2] Исключение составляет лишь статья о надгробиях из Возмищского монастыря (*Авдеев*, 2008).

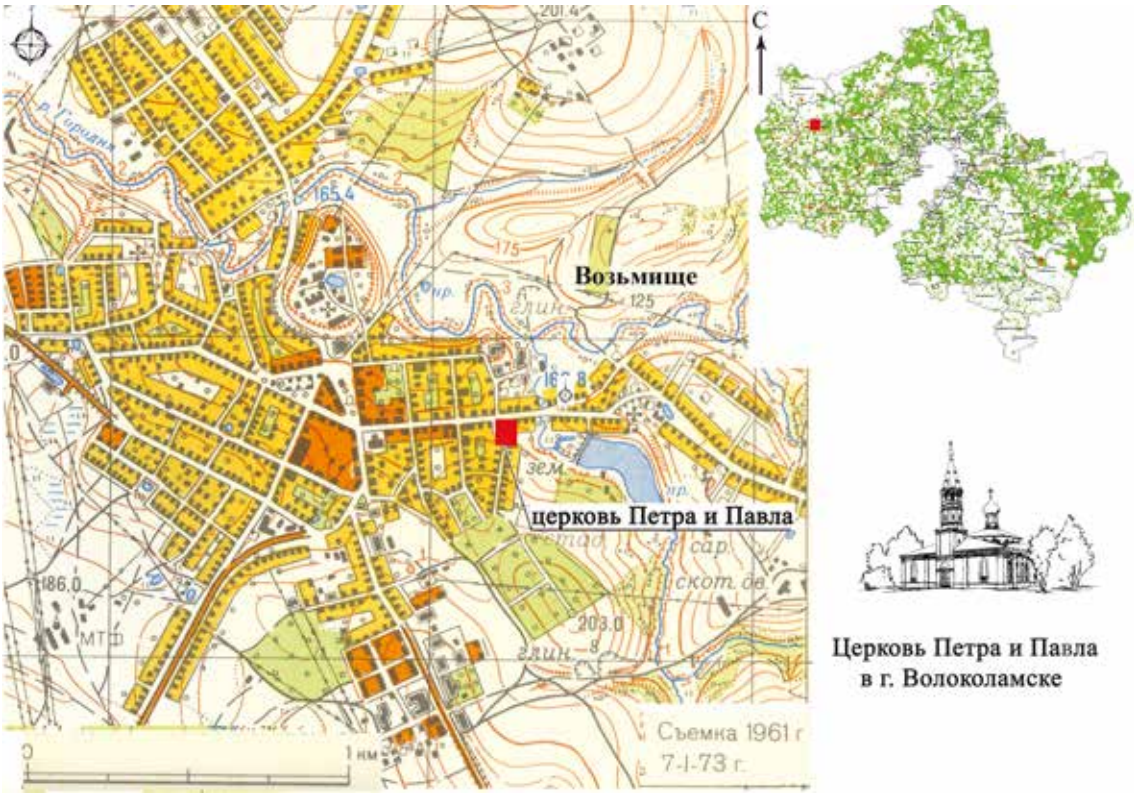

Рис. 1. Схема расположения церкви Петра и Павла на плане г. Волоколамска Московской обл.

и кельи деревянные». В монастыре проживало пять монахинь с наместницей[3]. В 1764 г. монастырь был закрыт.

Топография монастыря

Церковь Петра и Павла, сохранившаяся на месте Власьевского монастыря, располагалась на юго-восточном краю города, на возвышенном левом берегу реч. Весовки, притока Городни, в 600 м к юго-востоку от крепости Волоколамска, в 200 м к югу от Крестовоздвиженского монастыря и в 400 м к западу от церкви Рождества Богородицы в Возмищах (1537 г.).

Судя по наложению показанных на плане Волоколамска 1766 г. границ церковной земли на современную геоподоснову, церковная земля включала большую часть возвышенности (рис. 2). Церковь Петра и Павла находится в центре этой возвышенности. Абсолютная отметка (в качестве репера был использован кирпичный пол XVII в. Царских врат) равняется 174,61 в Балтийской системе высот. От апсиды храма в восточном направлении начинается склон к реч. Весовке, которая протекает в 115 м. Над уровнем речки (166 м) церковь возвышается на 8,6 м. У подножия склона, в 37 м от апсиды церкви, был заложен шурф 7 (4×2 м), который выявил культурный слой XV–XVI вв. Немного далее на восток (в 50 м от апсиды церкви) начинается пойма реч. Весовки.

К северу от церкви ныне пролегает ул. Советская, бывшая Московская ул., которая была проложена вновь в ходе перепланировки города в конце XVIII – начале XIX в. Эта улица отсутствует на плане города 1766 г. и присутствует на плане 1830 г. К северу и северо-западу от церкви холм также имеет склон, более пологий, чем склон к Весовке. Горизонталь, отражающая уровень 170 м над Балтийским морем, пролегает в 23 м к востоку от церкви и в 97 м к северу от нее. Несколько далее в направлении на север склон завершается тальвегом оврага, впадающего в реч. Весовку и отделяющего холм Власьевского монастыря от холма, на котором располагается храм Крестовоздвиженского монастыря. К югу от церкви Петра и Павла на пространстве в 35 м распространяется плоская поверхность (горизонталь 176 м). Далее начинается резкий подъем возвышенности, которая достигает отметки 196 м над уровнем Балтийского моря

[3] Ведомость 1734 г. Власьевского монастыря / РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. Д. 14. Л. 4об.

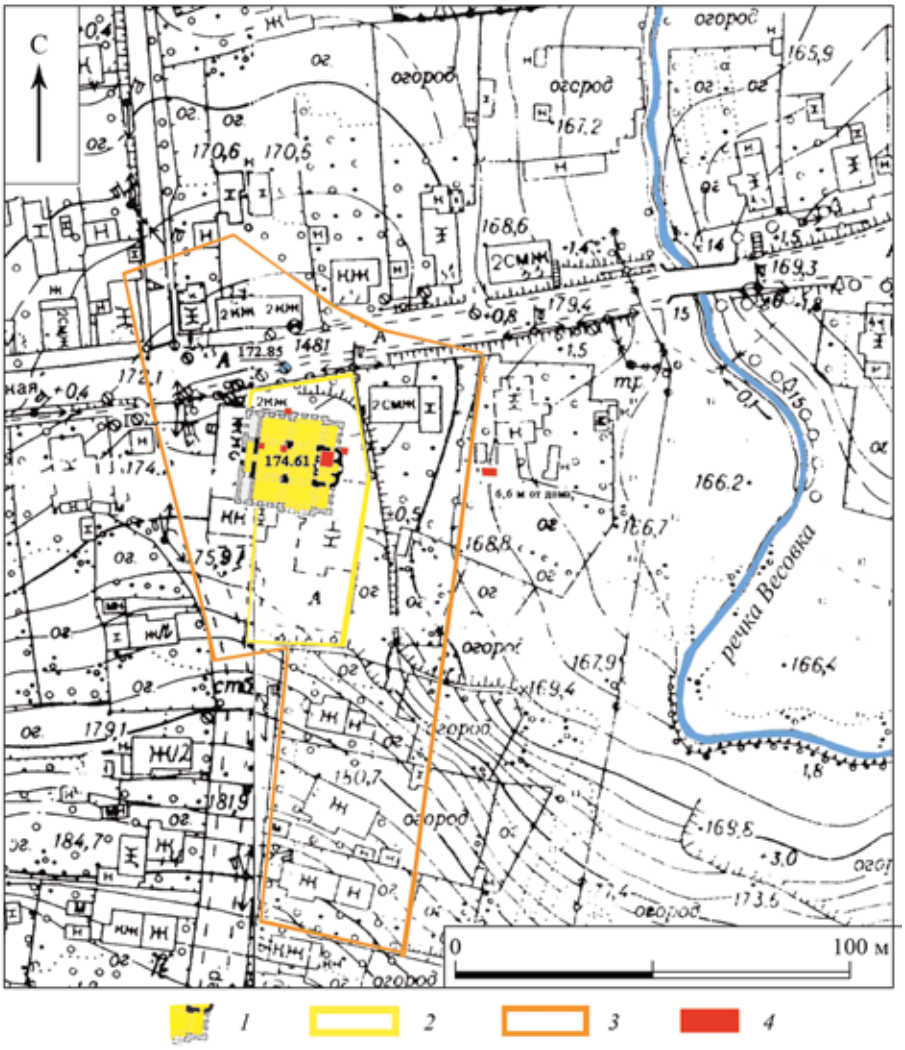

Рис. 2. Церковь Петра и Павла и церковный участок. Инструментальный план
1 – церковь; *2* – современный церковный участок; *3* – церковный участок на плане г. Волоколамска 1766 г. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 2450); *4* – шурфы Московской областной археологической экспедиции ИА РАН 2017 г.

в районе соединения Советского переулка, Нагорного проезда и парка Памяти.

И холм, на котором расположена церковь Петра и Павла, и господствующая над ней высота, как формы рельефа имеют ледниковое происхождение и относятся к Гжатско-Рузской моренной возвышенности. Как показали данные бурения 2017 г., проведенного у южной и восточной стен церкви, культурный слой залегает на материке. Материк представлен коричневым суглинком, который фиксируется с балтийских отметок 172,50 (у южного входа в церковь) – 171,50 (у апсиды). Мощность толщи суглинка колеблется от 3,6 м (западный вход в церковь) до 4,5 м (у апсиды). Верхний горизонт суглинка – мягкопластичный, нижний – тугопластичный, с прослоями песка. Под толщей суглинка залегают пески, которые, как и суглинки, по своему происхождению являются ледниковыми отложениями (Технический отчет, 2017. Л. 4–5).

Судя по наложению планов (рис. 2), церковные земли включали большую часть описанного выше холма. В центре церковной земли, на возвышенности, располагался сам монастырь. Его размеры зафиксированы описью монастыря от июля 1763 г.: «Оной м(о)н(а)ст(ы)рь в длину на дватцеть шесть саженей, шириною на двадцать две сажени»[4]. При длине сажени 2,1336 м мы получаем размеры ограды воссозданного в конце XVII в. монастыря 55,5×46,9 м.

[4] Опись Власьевского монастыря. 1763 г. Л. 78 об.

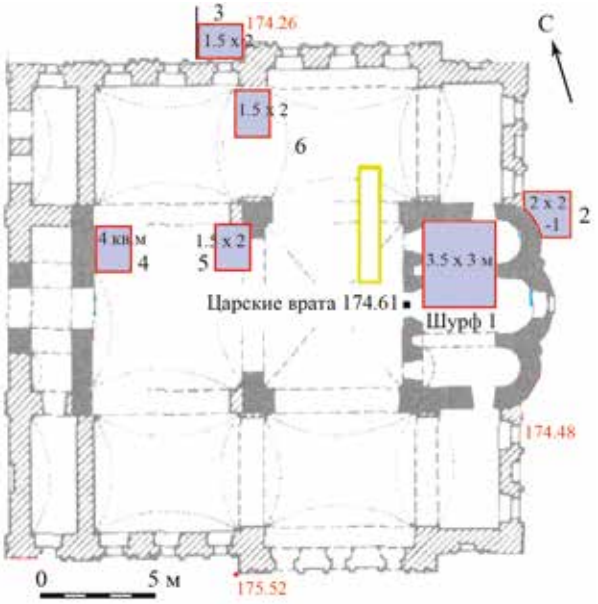

Рис. 3. Церковь Петра и Павла. Археологические исследования 2017 г. Схема расположения шурфов

Расположение шурфов и границы некрополя

Археологические исследования, проведенные в сентябре – октябре 2017 г., включили пять шурфов, заложенных внутри (1, 4, 5) и снаружи (2, 3) церкви Петра и Павла (рис. 3). Наиболее крупный по площади (3,7×2,85 м, составил 10,54 кв. м) шурф заложен в северной части апсиды храма. Он позволил изучить культурные отложения Власьевского монастыря и дал информацию о ходе строительства храма.

Три шурфа (2, 3 и 4) заложены с целью изучить фундаменты церкви. Шурфом 2 изучен участок в районе примыкания северной апсиды храма 1694–1696 гг. и придела Алексея человека Божьего 1884 г. (рис. 4). Шурф 3 был размещен у северной стены придела Алексея человека Божьего. Шурф 4 локализован внутри храма, в северо-западном углу Трапезной 1693–1696 гг. Он дал возможность изучить фундаменты Трапезной и одновременно прояснить стратиграфию участка, отстоящего на 13 м к западу от шурфа в апсиде церкви (рис. 5). Шурф № 5, в северо-восточном углу Трапезной, близ северного столба, открыл основание деревянного сооружения, которое, возможно, являлось ракой инокини Марии (рис. 3)[5].

Шурф 2 (2×2 м), заложенный у апсиды церкви Петра и Павла, с внешней стороны от храма, дал представление о стратиграфии восточной части монастыря близ бровки коренного берега р. Весовки. Уровень современной дневной поверхности у фасада храма имеет небольшой уклон с юга на север, с отметки -98 до -107 см[6]. Под верхним слоем темно-серой супеси с мелкими обломками кирпича мощностью 50 см (период строительства приделов в 1884–1885 гг.) залегал слой серой супеси мощностью 45 см – насыпной горизонт, связанный с подсыпкой, производившейся в период строительства храма Петра и Павла в 1693–1696 гг. (рис. 4). На уровне -195/-199 см его подстилала прослойка черной супеси, отражающая поверхность кладбища XVI в. На черной супеси залегало надгробие № 4, а непосредственно под этим слоем – надгробие № 5. Далее до отметки -270 см прослежен слой могильного перекопа – сырой серый суглинок.

Надгробие 4 (88×62×10 см с полукруглым выступом в оглавии) зафиксировано в восточной части шурфа и уходит в его восточную стенку. Открыта вся плита, за исключением ее восточного угла. Она выполнена из довольно редкого для раннемосковских надгробий типа известняка-ракушечника, который имел поверхность, испещренную кавернами.

---

[5] Археологическая фиксация осуществлялась автором. Фиксация находок производилась сотрудницей ИА РАН Екатериной Юрьевной Лебедевой 9–11 и 15–18 сентября (пл. 1–5), а также Сергеем Сергеевичем Черновым с 22 по 26 сентября (пл. 6–9). На завершающем этапе раскопок (4, 5, 7, 8 октября) фиксация велась автором (пласты 10–14).

Экспедиция была сформирована из группы волонтеров музейно-выставочного комплекса «Волоколамский Кремль», которая прошла подготовку в период, когда директором музея являлся Виктор Леонидович Ивченков. Собственно разборку культурного слоя вел Павел Борисович Кручинин. Александр Викторович Блинов осуществлял предварительный прозвон пласта детектором металла и выставление вешек на месте находок. Кроме того, он просеивал грунт на сите. Владимир Сергеевич Алтаев производил расчистку погребений. Андрей Андреевич Соколов вел камеральные работы, заключавшиеся главным образом в мытье и просушке керамики, общее число которой составило 4 тыс. фрагментов. Вывоз грунта и другие технические работы проводили сотрудники фирмы «Крилак-Спецстрой», работавшие на реставрируемом объекте. Архитектурно-археологическая фиксация велась Еленой Леонидовной Хворостовой.

По окончании археологических исследований и изучения антропологом Наталией Николаевной Гончаровой костных останков погребенных в монастырском некрополе (22.10.2017) произведено перезахоронение останков (15.11.2017). Костные останки были уложены в деревянные ковчеги, спущены в раскоп и установлены на тех местах и уровнях, где зафиксированы соответствующие погребения. По перезахороненным дьяконом храма Рождества Богородицы в Возмищах в присутствии настоятеля храма отца Михаила отслужена панихида. После этого раскоп засыпали речным песком, чтобы исключить проседание грунта.

[6] Нивелировочные отметки всех шурфов брались от репера – кирпичного пола XVII в. Царских врат – 174,61 в Балтийской системе высот.

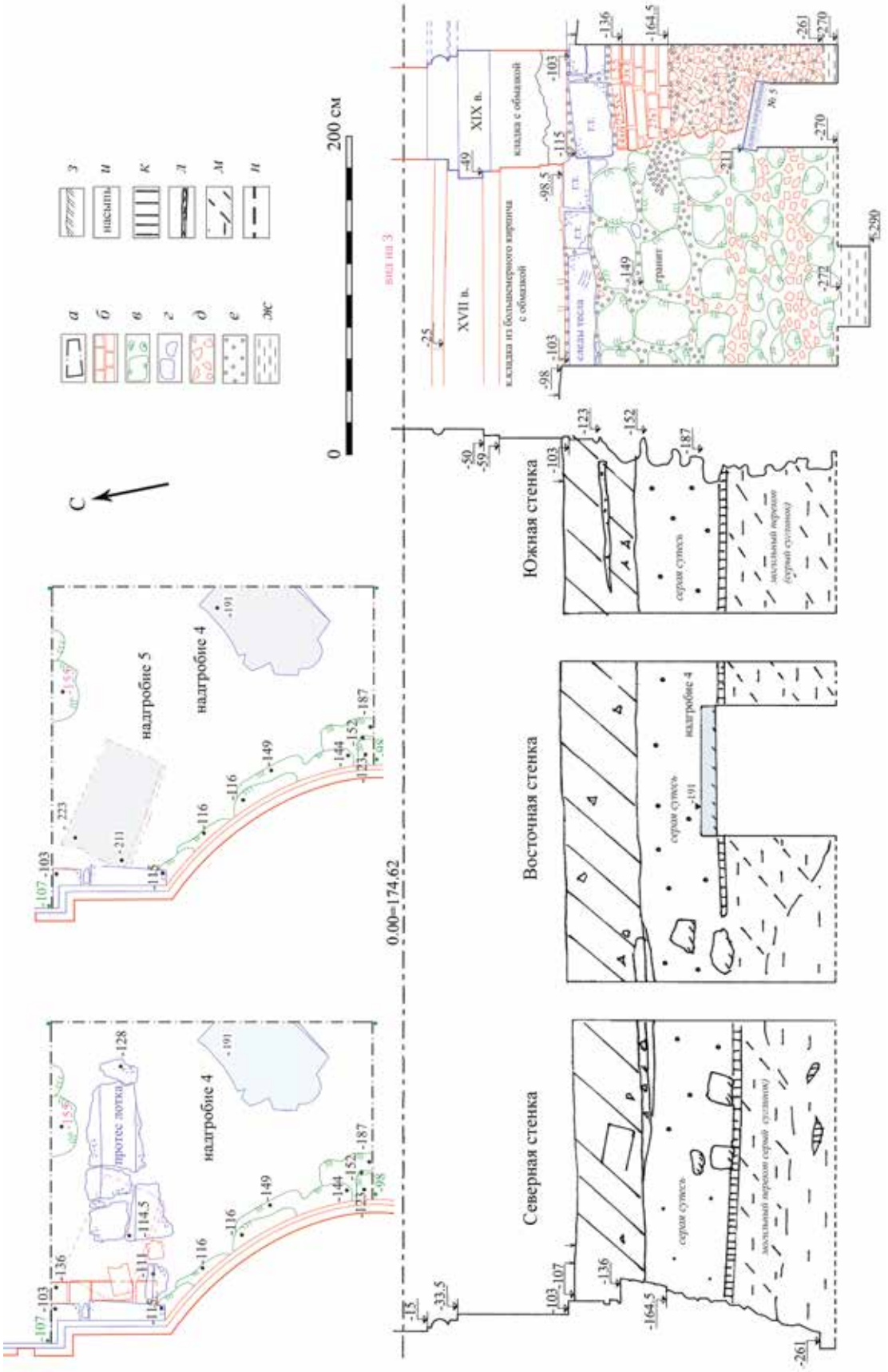

Рис. 4. Шурф 2 на стыке северной апсиды и придела XIX в. План и профили. Раскопки в ц. Петра и Павла

а – границы шурфа; *б* – кирпичная кладка; *в* – валуны, булыжники; *г* – белокаменный бут; *д* – кирпичный щебень; *е* – известь; *жс* – суглинок перемешанный; *з* – материк; *и* – серая гумусированная супесь – насыпь 1693 г.; *к* – черная гумусированная супесь; *л* – слой древесного тлена; *м* – могильный перекоп – гумусированный суглинок; *н* – уровень прокопа

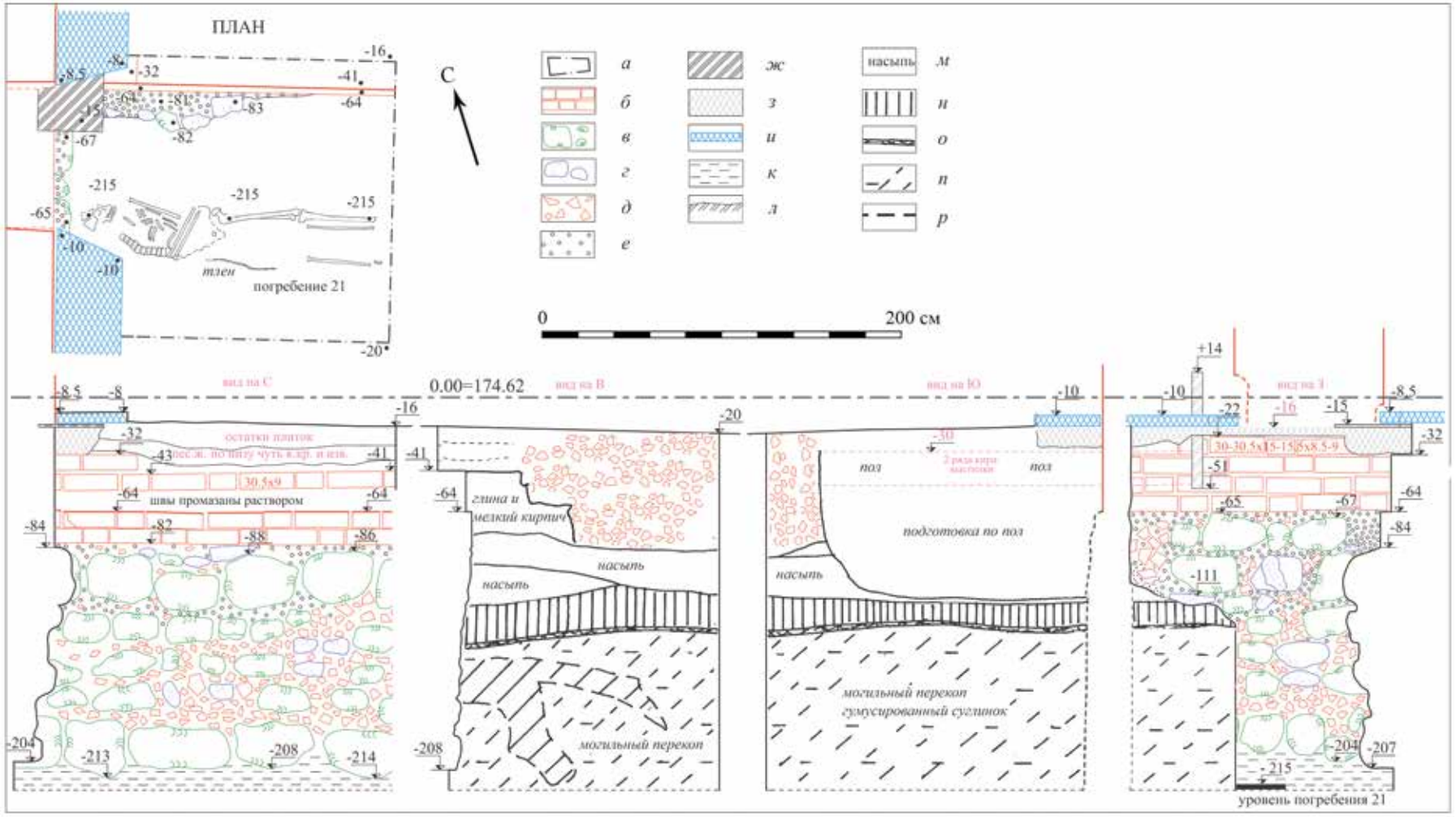

Рис. 5. Шурф 4 у западной стены трапезной храма 1693–1696 гг. План и профили. Раскопки в ц. Петра и Павла
а – границы шурфа; *б* – кирпичная кладка; *в* – валуны, булыжники; *г* – белокаменный бут; *д* – кирпичный щебень; *е* – известь; *ж* – металлические плиты, металлический уголок; *з* – цемент; *и* – бетонные плиты; *к* – суглинок; *л* – материк; *м* – серая гумусированная супесь – насыпь 1693 г.; *н* – черная гумусированная супесь; *о* – слой древесного тлена; *п* – могильный перекоп – гумусированный суглинок; *р* – уровень прокопа

Рис. 6. Надгробия XVI в. Раскопки в ц. Петра и Павла
А – ш. 1, надгробие 1, фр-т 1; *Б* – ш. 1, надгробие 1, фр-т 2; *В* – ш. 1, надгробие 2;
Г – ш. 2 (восточнее апсиды), надгробие

Из-за твердости этого камня, который был труден в обработке, его поверхность осталась неровной. Она лишена орнаментации и надписи.

Надгробие 5. Размеры (80)×37×9 см. Белокаменное плиточное надгробие зафиксировано в северо-западной части шурфа, ориентировано по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток и наклонено на северо-восток. Оно залегало на отметках -211/-223 см. Сохранилась центральная часть плиты и изножие. Оглавие отломлено. Ширина плиты в изножии составляла 37 см, а в средней части – 48 см. Поверхность плиты, видимо из-за мягкости камня, размыта водой. Тем не менее достаточно четко читаются следы трехгранно-выемчатого орнамента («волчий зуб») (рис. 6, Г). Сохранилась орнаментальная полоса

по контурам плиты, а также три тяги, сходящиеся у «солнца» в центральной части плиты.

Шурф № 4 (1,50×1,58 м) дал представление о центральной части монастыря. Он был заложен в интерьере храма, у западной стены Трапезной, у ниши, располагающейся к северу от западного входного проема (рис. 3).

На момент начала раскопок в храме были разобраны бетонные полы советского времени и чугунные плиты размером 36,5×36,5×1,5 см (отметка -15 см). Раскопки начались с уровня, имевшего высотную отметку -20 см. В зачистке 1-го пласта (-20/-40 см) открылась кирпичная кладка, которая могла представлять собой пол или выстилку. После разборки верхнего уровня кирпичей был зафиксирован второй их уровень. Размеры кирпича 25×14×8 см позволяют относить эту выстилку к концу XVII в. (*Киселев*, 1986. С. 15). Под кладкой залегал слой кирпичного боя, который был связан со строительством 1693–1694 гг., а под ним слой серой супеси – насыпь, представлявшая собой результаты подсыпки, выполненной в период строительства храма. В этом слое в пласте 4 найдено два красных грубых венчика со слабо отогнутым срезанным краем и заглаженными поверхностями.

На глубине -105 см слой насыпи сменился черной супесью, которая прослеживалась также в шурфах 2 и 1 (в апсиде) и отражала поверхность некрополя XVI в. В пласте 5 встречено несколько находок: мореная керамическая плитка пола (12×12×3 см) (№ 195), массивный железный пробой (№ 196), два миниатюрных железных гвоздика (№ 199), два бронзовых миниатюрных гвоздика, бронзовая пластинка (№ 200) и обломок оконного стенка, покрытый патиной (№ 198). Кроме того, зафиксирована красноглиняная грубая (пять), гладкая (два венчика, три стенки), белоглиняная грубая (две) и чернолощеная (кувшин с линейным орнаментом), а также верхняя часть горшка из белой глины с сильно профилированным манжетовидным венчиком и орнаментом в виде мелкой косой волны, который, по всей видимости, можно датировать XV в. Встречены фрагменты костей человека (фрагмент черепной коробки, ребро, позвонок) и кости животных (три).

Под слоем черной супеси, подстилаемой тонкой прослойкой тлена (уровень дневной поверхности некрополя), залегал слой могильного перекопа – однородный влажный серый суглинок. В этом слое (пл. 6–8) найдена красноглиняная грубая (два венчика, три донца, 10 стенок), гладкая (два венчика, донце, 24 стенки), белоглиняная грубая (три венчика, три стенки) и чернолощеная (венчик кувшина, 19 стенок). Среди костей человека встречены ребро, ключица, позвонок, нижняя челюсть, две лопатки, локтевая кость, фрагмент черепной коробки и 17 мелких фрагментов костей.

На отметке -215 см, или на глубине 195 см от дневной поверхности, 185 см от поверхности пола конца XVII в. и на глубине 83 см от дневной поверхности кладбища XVI в. обнаружено *погребение 21* (рис. 5). Общая длина погребения – 160 см. Ориентировано оно по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток и расположено ровно по центру шурфа. Сохранились череп и северная левая часть посткраниального скелета. Череп раздавлен, но сохранился довольно полно. Позвоночник сохранился полностью, но деформирован в результате смещения грунта. Также смещены и ребра. Полностью сохранились кости левой руки погребенного: плечевая, локтевая и лучевая. Кисть погребенного лежала на нижней части груди. Кости правой руки утрачены. Сохранилась большая часть тазовых костей и кости левой ноги (бедренная, большеберцовая и малоберцовая). Костяк ввиду его плохой сохранности из земли не поднимался и антропологически не исследовался. Он был оставлен на своем месте и засыпан грунтом.

Раскопки шурфа 4 показали, что в XVI в. кладбище Власьевского монастыря существовало не только на месте, где позднее были возведены апсиды церкви, но и в 13 м к западу от него. В период строительства храма 1693–1694 гг. эта часть кладбища также была перекрыта мощной подсыпкой.

Шурф 1 в алтаре: насыпные отложения, возникшие после строительства стен церкви (пласты 1–4)

Шурф 1 площадью 10,54 кв. м (рис. 7) позволил привести в известность никогда ранее не исследовавшийся исторический культурный слой Власьевского монастыря, а также изучить отложения, связанные со строительством храма Петра и Павла. Это стало возможным благодаря нескольким обстоятельствам. Во-первых, алтарь церкви не был затронут хозяйственной деятельностью 1930–2000-х гг. в период функционирования пекарни и столярного цеха. Во-вторых, в период строительства храма в 1693–1696 гг. вторжение в культурный слой предшествующего времени ограничилось в этом районе лишь копкой рвов под ленточные фундаменты. За их пределами культурный слой, который на тот момент представлял собой поверхность некрополя, не только не затрагивался, но и был законсервирован засыпкой.

Шурф был заложен таким образом, чтобы его границы соприкасались лишь со стеной северной

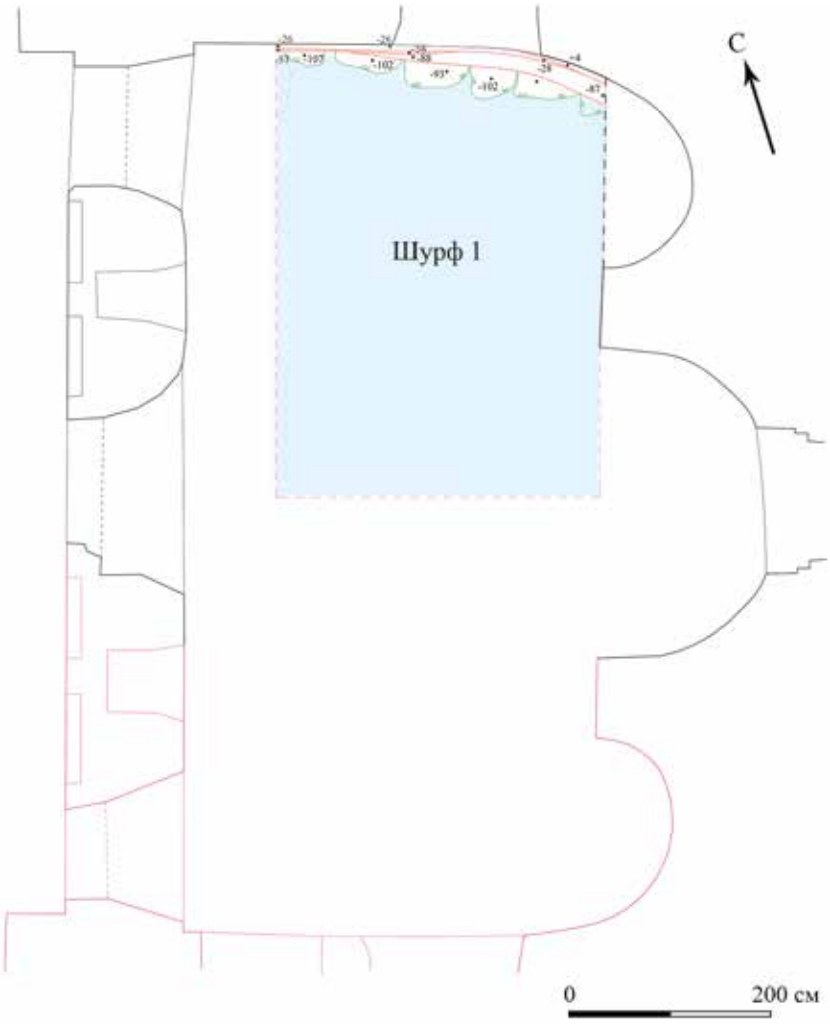

Рис. 7. Раскопки в ц. Петра и Павла. План шурфа 1 в апсиде по обмерам Е. Л. Хворостовой

апсиды и пилоном, отделяющим северную апсиду от центральной. Благодаря этому раскоп имел три полноценных профиля стенок, из которых западный оказался наиболее информативным (рис. 8). Раскопки культурного слоя производились вручную, с первичным просмотром на лопате и с тщательным просеиванием всего грунта на сетке с ячейкой 0,5 см.

Поверхность шурфа лежала на 3–8 см ниже репера в Царских вратах. Верхние 80 см культурного слоя (пласты 1–4) были сложены залегающими горизонтально слоями темно-серой супеси с тонкими прослойками извести и спресованной супеси (-50/-60 см). На уровне этих прослоек (-48/-58 см) лежало скопление из 13 большемерных кирпичей (30×16×9 см, 15×8 см, 15×6 см, 14×8,5 см). Следовательно, разливы извести следует связывать со строительными работами 1693–1694 гг. Как свидетельствует западный профиль раскопа, верхний культурный слой подстилал строительный горизонт 1693–1694 гг., который примыкал к основанию цоколя северной стены апсиды (рис. 8). Это позволяет рассматривать данные отложения как насыпь, сделанную уже после возведения цокольного уровня стены на предварительно заложенных фундаментах. Земля для насыпи была, по-видимому, извлечена из фундаментных рвов и, таким образом, изначально представляла собой культурный слой центральной части монастыря.

Вещевой и керамический материалы насыпного слоя делятся на три фракции, относящиеся к раннему поселению с лепной керамикой, поселению первой половины XIV в. (о них будет сказано ниже) и монастырским отложениям XV в. Эти последние количественно доминировали.

К изделиям из бронзы относятся прямоугольноконечный нательный крест с изображением Креста распятия (рис. 9, А, *8*), поясная пряжка (рис. 9, А, *1*)

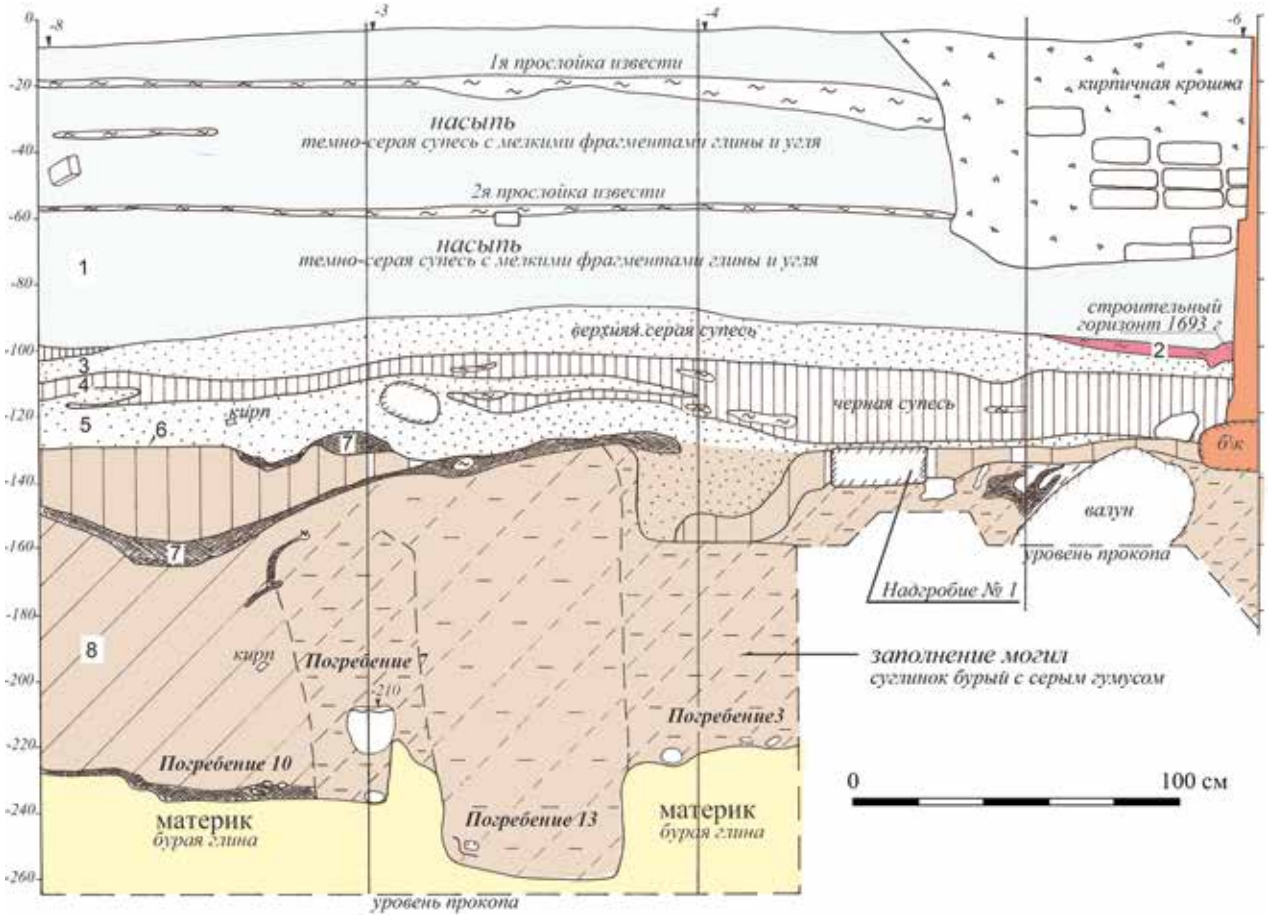

Рис. 8. Шурф 1 в апсиде церкви. Профиль западной стенки. Слои выбросов из фундаментных рвов 1693–1694 гг. (*1–5*) и слои, связанные с некрополем (*6–8*). Раскопки в ц. Петра и Павла

1 – насыпь; *2* – строительный горизонт 1693–1694 гг.; *3* – верхняя серая супесь; *4* – черная супесь; *5* – нижняя серая супесь; *6* – прослойка, перекрывающая надгробия; *7* – слой тлена; *8* – могильный перекоп

и фрагмент оклада (?) из тонкого бронзового листа (рис. 9, А, *2*), встреченные в пласте 1. Весьма важной датирующей находкой является бронзовая серьга в форме знака вопроса, которые бытовали в XIV–XV вв. (пл. 2; рис. 9, А, *26*). Капля бронзы фиксирует производство мелких изделий из этого металла (рис. 9, А, *15*). В 3-м пласте найдены бронзовая заклепка (рис. 9, Б, *33*) и свинцовая пломба с плохо различимым оттиском округлый формы (рис. 9, А, *27*). Наибольший интерес представляет плитка пола (?) с зеленой поливой (рис. 9, А, *32а*). В пласте 4 найден перстень с плоским щитком, украшенным пересекающимися симметричными насечками (рис. 9, Б, *69*). Подобные перстни широко использовались (иногда в качестве личной печати) в XV–XVI вв. Труднее интерпретировать навершие с четырьмя расширениями, которое завершается цилиндром длиной 2 см с резьбой (рис. 9, Б, *34*). Неясно назначение фрагментарно сохранившейся свинцовой пластины толщиной 4 мм с круглыми отверстиями (рис. 9, Б, *49*). Из известняка выполнено круглое пряслице (рис. 9, Б, *56*).

Из железа изготовлены найденные в пласте 1 нож, жиковина, острога (рис. 10, А, *3, 5, 177*) и гвозди (рис. 10, *6, 176*). Обнаружены также обрывки бересты. Во 2-м пласте встречены круглая поясная пряжка и ножи (рис. 10, А, *24, 13, 18*), элементы обустройства дома – скоба (рис. 10, *12*) и пробой (№ 22), а также гвоздь, костыль (рис. 10, А, *17, 11*) и миниатюрные гвоздики (рис. 10, А, *20, 21*; № 16). Обнаружен фрагмент остекленного шлака (№ 32). Предметы из железа пласта 4 довольно разнообразны. Наряду с такими обычными бытовыми находками, как гвозди (рис. 10, Б, *42, 45, 47*) и обломки ножей (рис. 10, Б, *43, 72*), встречаются элементы фурнитуры – пробои (рис. 10, Б, *55, 63, 71*), а также костыли (рис. 10, Б, *31, 60, 74*). Кроме того, встречено много миниатюрных гвоздиков (рис. 10, Б, *37, 44, 66, 67*), в том числе обивочных (рис. 10, Б, *52, 62*), свидетельствующих

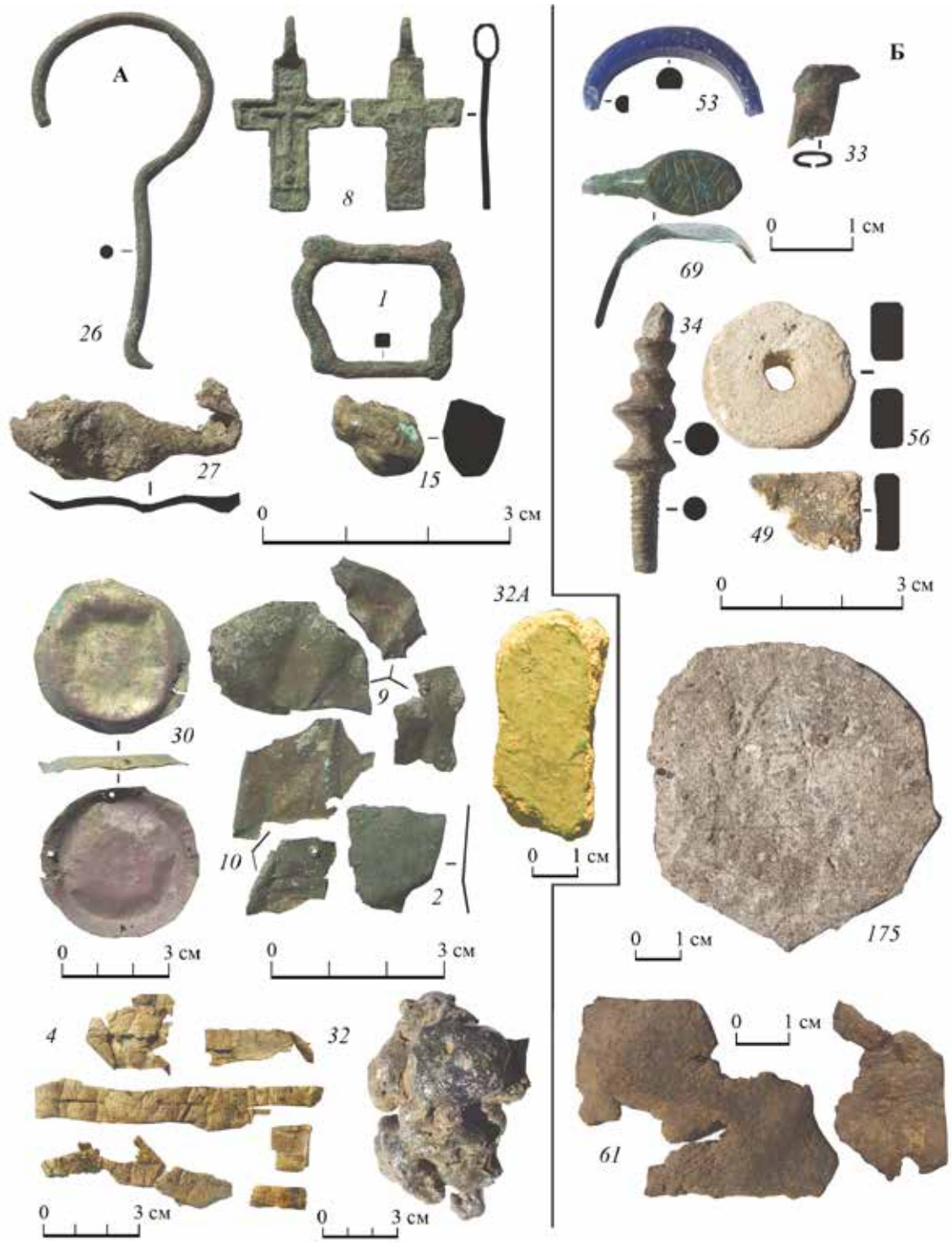

Рис. 9. Индивидуальные находки из слоя насыпи над прослойкой извести (пл. 1–3 – А) и слоя насыпи под прослойкой извести (пл. 4 – Б). Раскопки в ц. Петра и Павла. Шурф 1 в апсиде

1 – бронзовая поясная пряжка; *2, 9, 10* – фр-ты оклада из тонкого бронзового листа; *4* – фр-ты бересты; *8* – квадратноконечный крест-тельник; *15* – капля бронзы; *26* – серьга в виде знака вопроса; *27* – свинцовая пломба; *30* – поддон лампады из тонкого медного листа; *32* – стеклянный шлак из слоя извести; *33* – заклепка бронзовая; *34* – навершие с винтом; *49* – фр-т изделия из свинца; *53* – стеклянный перстень; *56* – пряслице из известняка; *61* – обрывки кожи; *69* – бронзовый перстень широкосрединный; *175* – донце керамического сосуда с клеймом в виде треугольника

Рис. 10. Индивидуальные находки железа. Насыпь над прослойкой извести (пл. 1–3 – А) и насыпь под прослойкой извести (пл. 4 – Б). Раскопки в ц. Петра и Павла. Шурф 1 в апсиде
3, 13, 18 (?) – ножи; *5* – жиковина; *6, 17, 28, 42, 45, 47* – гвозди; *11, 31, 74* – костыли; *12* – скоба; *23* – замок цилиндрический типа В-I, 2-я пол. XII – нач. XV в.; *20, 21, 37, 44, 60, 66, 67* – гвоздики; *24* – поясная пряжка; *38, 57* – иглы; *43, 72* – фр-ты ножей; *52, 62* – обивочные гвоздики; *55* – крючок; *63, 71* – пробои; *73* – поясной крючок

о присутствии в быту небольших деревянных предметов, обитых тканью. Наличие игл (№ 38, 57), крючка (№ 73) и фрагментов обработанной кожи (рис. 9, Б, *61*) свидетельствует о пошиве или ремонте одежды и обуви. Следует отметить также плоские (гробовые) гвоздики (№ 58, 65), поковки (№ 48, 51) и брак кузнечного производства (№ 41). К XIV в., скорее чем к XV в., можно отнести донце керамического сосуда с клеймом в форме дома под двускатной крышей (рис. 9, Б, *175*).

Состав находок не противоречит предположению о том, что слой, перемещенный в апсиду в виде насыпи, отложился в районе келий Власьевского монастыря.

В слое насыпи было найдено 2646 фрагментов керамики (в коллекции 489). Следует отметить, что ранний материал составляет всего 2–9% керамического материала насыпных горизонтов. Основной этап хозяйственной жизни (91–98% материала) характеризуется сочетанием красноглиняной грубой (20,3–40,8%) и гладкой (30,7–40,3%) керамики с белоглиняной грубой (7–13%), а также столовыми типами (краснолощеной, чернолощеной и ангобированной керамикой), которые вместе

Таблица 1. **Процентное соотношение типов керамики. Раскопки в ц. Петра и Павла. Шурф 1 в апсиде.**

Тип керамики	Пласты, слои								
	1	**2**	**3**	**4**	**5, верхняя серая супесь**	**6, черная супесь**	**7, нижняя серая супесь**	**8, 9, могильный перекоп**	**10– 3, могильный перекоп**
Лепная	0,5	0,4	–	1,0	0,2	–	–	0,8	–
Раннекруговая	1,7	4,0	0,3	1,5	0,8	3,2	1,0	0,8	4,7
Курганная	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Серая	6,2	5,0	1,6	0,8	0,6	1,4	1,4	1,6	7,8
Красноглиняная грубая	20,3	21,3	35,0	40,8	44,0	33,5	36,3	47,0	51,6
Красноглиняная гладкая	32,6	40,3	30,7	31,0	26,7	28,1	24,3	27,0	6,2
Краснолощеная	0,7	2,0	2,8	4,3	2,4	0,9	2,1	0,8	–
Белоглиняная грубая	12,2	9,0	5,7	6,8	11,4	14,0	7,4	8,2	11,0
Белоглиняная гладкая	0,7	3,8	1,6	0,6	–	–	–	–	–
Чернолощеная и мореная ранняя	16,5	6,8	16,5	10,2	13,2	18,7	27,5	13,0	17,1
Ангобированная	8,6	7,4	5,8	3,0	0,8	1,1	–	0,8	1,6

образуют от 16 до 25% (табл. 1). Подобное сочетание типов посуды могло сложиться на протяжении нескольких этапов бытования средневековой керамики. Первый этап может быть датирован последней четвертью XIV – первой четвертью XV в. и связан с комплексами керамики типа Шавыкин Дубенский монастырь и Михайловское-2, для которых характерно сочетание красноглиняной грубой и краснолощеной керамики (МК, 1991. С. 29, 30, 131–134). Второй период датируется второй-третьей четвертями XV в. и связан с комплексами типа Дунино-6, для которого характерно сочетание красноглиняной грубой, красноглиняной гладкой ранней керамики с незначительным числом белоглиняной грубой, чернолощеной и ангобированной столовой посуды (*Чернов*, 2017б. С. 335–341). Поскольку последние типы довольно широко представлены в шурфе 1 церкви Петра и Павла, можно предполагать, что жизнедеятельность дворов продолжалась здесь и в последней четверти XV в., когда бытовала керамика, характерная для комплексов типа яма 2 Исторического проезда и других сооружений, исследованных в Историческом проезде Москвы и погибших в пожаре 1493 г. (МК, 1991. С. 50, 56). Небольшой процент белоглиняной грубой керамики (7–13%) свидетельствует о том, что в первой половине XVI в., когда этот тип керамики начинает доминировать, хозяйственная активность прекратилась и на месте построек возник некрополь.

Медные пула, найденные в шурфе 1 в апсиде церкви Петра и Павла

В ходе раскопок в апсиде церкви Петра и Павла обнаружено 17 медных монет, определенных в качестве пул (рис. 11–13)[7].

Приведем сводку этих находок, исходя из типологии, предложенной П. Г. Гайдуковым в его монографии (*Гайдуков*, 1993).

Тверское пуло, чеканенное до 1485 г. Находка № 36 (пл. 4, кв. 1) атрибутируется варианту № 141 типа 10 монет Твери с названием города, выпускавшихся до присоединения к Москве в 1485 г. Л. с. Четвероногое животное влево с поднятой передней лапой и хвостом, вокруг ободок из круглых точек. О. с. Трехстрочная надпись между линиями «ПУЛО/ТФРЬС/КОЕ». Вокруг линейный ободок. Волоколамский экземпляр плохо отчеканен, стерт и испорчен коррозией. На лицевой стороне читается лишь морда животного, впрочем, весьма характерная по очертаниям. На оборотной стороне читается только буква «П» (рис. 11, *3б*).

Тверские пула, чеканенные после 1485 г. Находка № 19 (пл. 2, кв. 3). Пуло атрибутируется варианту № 358 типа 2 монет Твери с названием города, выпускавшихся после присоединения к Москве в 1485 г. Л. с. Птица влево, голова повернута назад, в клюве цветок на длинном стебле. О. с. «ПОУ / ЛОТВЕ / РЬСК/ОЕ». Волоколамский экземпляр сохранился удовлетворительно. На лицевой стороне четко

[7] Монеты отреставрировал П. Г. Дервиз (Научно-исследовательский институт реставрации Министерства культуры РФ) и атрибутировал чл.-кор. РАН П. Г. Гайдуков, за что автор высказывает им благодарность.

Рис. 11. Тверские пула, чеканенные до 1485 г. (*36*) и после (*19, 131, 115, 77*). Раскопки в ц. Петра и Павла. Шурф 1 в апсиде

Рис. 12. Московские пула. Раскопки в ц. Петра и Павла. Шурф 1 в апсиде

читается птица, голова немного оттянута назад по сравнению с монетой, опубликованной в каталоге. На оборотной стороне надпись читается полностью: «ПОУ / ЛОТВЕ / РЬСК / ОЕ». (рис. 11, *19*).

Находка № 131 (пл. 7, кв. 3). Атрибутируется тому же варианту № 358. В отличие от находки № 19 монета сохранилась плохо. На лицевой стороне еле читается головка птицы, повернутая назад, с круглым глазом. На оборотной стороне читаются лишь отдельные буквы «(ПОУ / ЛОТ) В (Е / РЬСК/О(Е)» (рис. 11, *131*).

Находка № 115 (пл. 6, кв. 1). Пуло атрибутируется варианту № 360 типа 4 монет Твери с названием города, выпускавшихся после присоединения к Москве в 1485 г. Л. с. Птица влево с распростертыми крыльями, вокруг линейный ободок.

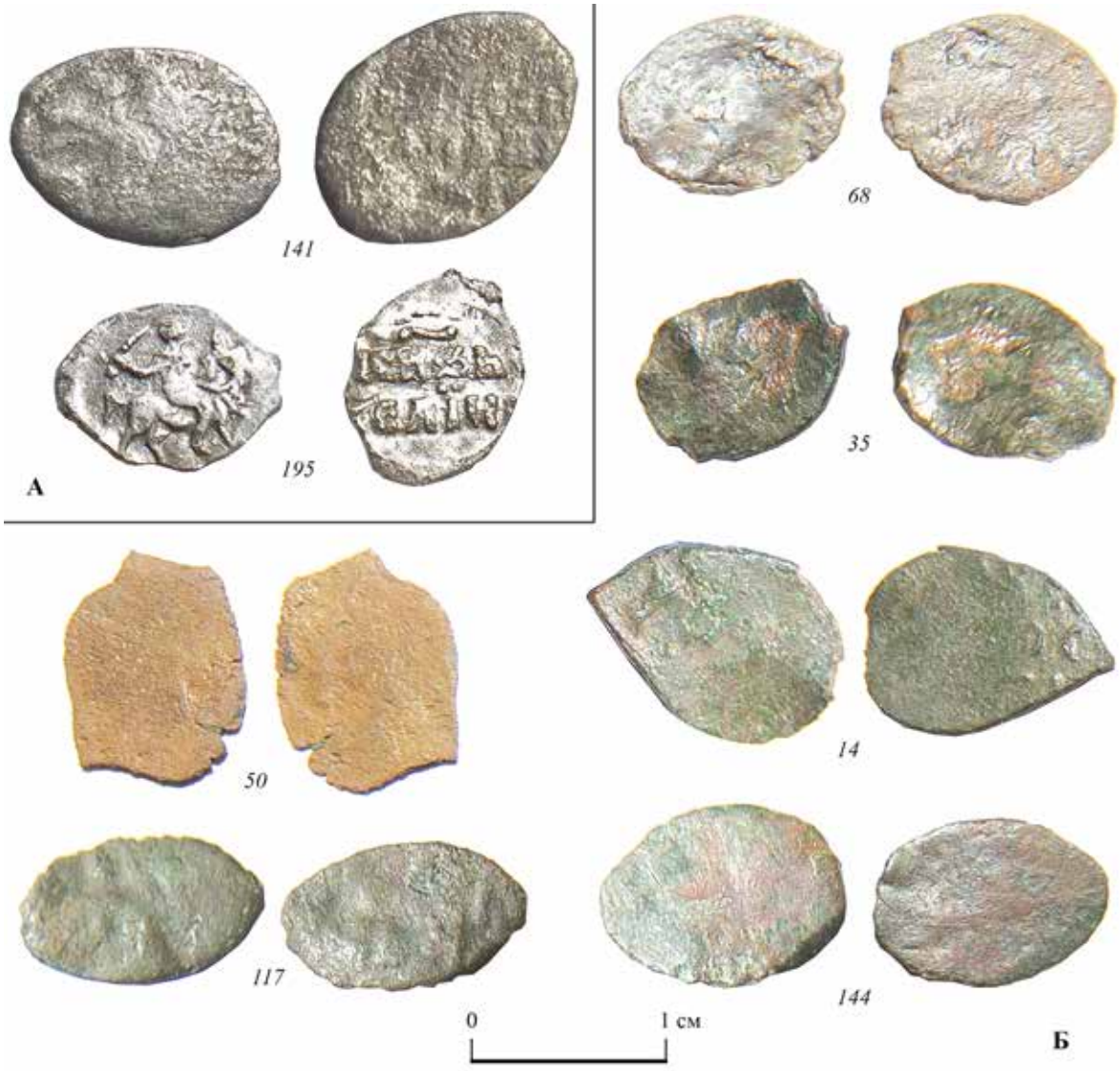

**Рис. 13. Серебряные (А) и неатрибутированые медные пула (Б).
Раскопки в ц. Петра и Павла. Шурф 1 в апсиде**

О. с. «ПУ / ЛОТВ /ЕРЬСК/ОЕ». Монета сохранилась удовлетворительно. На лицевой стороне отчеканилась лишь нижняя часть изображения: хвост и правое крыло. На оборотной стороне также отчеканилась лишь правая часть надписи: «(ПУ / ЛО) ТВ /(ЕРЬ)СК/(О)Е» (рис. 11, *115*).

Находка № 77 (пл. 5, кв. 1). Пуло атрибутируется варианту № 361 типа 4 монет Твери с названием города, выпускавшихся после присоединения к Москве в 1485 г. Л. с. Птица направо с распростертыми крыльями. О. с. Четырехстрочная надпись. «ПОУЛ / ОТВЕ / РЬСКОЕ». Волоколамский экземпляр сохранился удовлетворительно. В отличие от опубликованного варианта № 361 лапы птицы не проработаны, а крылья расположены практически на одном уровне. На оборотной стороне надпись читается хорошо, но наполовину утрачена буква «С» и отсутствует последняя буква «Е» (рис. 11, *77*).

Московские пула. Находка № 93 (пл. 5, кв. 5). Пуло атрибутируется варианту № 406, типа 3 московских пул, несущих название города. Л. с. Двуглавый орел впрямь с распростертыми крыльями, между головами какой-то знак, над крыльями – по крестику. О. с. Четырехстрочная надпись «ПУЛ / ОМОСК / ОВЬСК / ОЕ». Волоколамский экземпляр сохранился неудовлетворительно. На лицевой стороне монеты читаются только хвост и растопыренные лапы орла, верхняя часть не прочеканена. На оборотной стороне читаются лишь отдельные буквы: «(ПУЛ) / ОМ (ОСК / О) ВЬ (СК / ОЕ)» (рис. 12, *93*).

Находка № 105 (пл. 6, кв. 1) атрибутируется тому же варианту № 406. Эта монета сохранилась лучше. На лицевой стороне двуглавый орел читается уверенно, хотя изображение сильно стерто в ходе использования монеты. Сохранились его правая голова, оба крыла, намек на нижние лапы и хвост. На оборотной стороне читается «ПУ(Л / О) МОС (К / О)ВЬС (К / ОЕ)». Ободок сохранился, но имеет овальную форму. С этим связано отсутствие крайних букв (рис. 12, *105*).

Находка № 64 (пл. 4, кв. 5). Пуло атрибутируется варианту № 407 или 408 типа 3 московских пул, несущих название города. Сохранность монеты неудовлетворительная. На лицевой стороне читается лишь овальный ободок. На оборотной стороне читается «(ПУЛ) / ОМОС (К)/ОВЬ(СК)/О(Е)» (рис. 12, *64*).

Находка № 7 (пл. 1, кв. 3). Пуло атрибутируется варианту № 409 типа 4 московских пул, несущих название города. Л. с. Птица влево с распростертыми крыльями. О. с. Четырехстрочная надпись «ПОУЛ / ОМОСК / ОВСК / ОЕ», вокруг линейный ободок. Волоколамский экземпляр сохранился хорошо. На лицевой стороне четко читается птица (видимо, орел), идущая влево с распростертыми крыльями. На оборотной стороне надпись читается практически полностью: «ПОУЛ / ОМОС(К) / (ОВ)СК / ОЕ», Буква «К» не отчеканилась, а буквы ОВ при чеканке слились в нечитаемое пятно (рис. 12, *7*).

Находка № 54 (пл. 4, кв. 3) атрибутируется тому же 4-му типу пул. На оборотной стороне монеты читается надпись: «ПОУЛ / ОМОСК / (О)ВЬСК / (ОЕ)». Первая строка напоминает вариант № 409, третья строка с мягким знаком – варианты 406–408 (рис. 12, *54*).

Находка № 119 (пл. 6, кв. 2) трактована как подражание пулу конца XV–XVI в. Это маленькая почти круглая монета с изображениями на обеих сторонах. На лицевой стороне это двигающееся животное, на оборотной стороне изображение сильно стерто (рис. 12, *119*).

Остальные пула не поддаются идентификации, поскольку их поверхность разрушена коррозией, а изображения и надписи не читаются (рис. 13, *14, 35, 50, 68, 117, 144*)[8].

Таким образом, монеты свидетельствуют о том, что с начала 1480-х гг. (или немного ранее), и особенно после присоединения Тверского княжества к Москве в 1485 г., жилые постройки монастыря активно функционировали. Московские и тверские пула бытовали на протяжении всего XVI в., поэтому установить жесткую верхнюю дату их бытования на территории Власьевского монастыря не представляется возможным. Верхняя дата, как было отмечено выше, определяется по типологии керамики: в первой половине XVI в. хозяйственная деятельность в районах, откуда происходит культурный слой, прекратилась.

Шурф 1 в алтаре: насыпные отложения, пробитые фундаментами церкви (пласты 5–7)

Ниже строительной прослойки 1693–1694 гг. залегало три слоя ранней подсыпки: верхняя серая супесь (пл. 5), черная супесь (пл. 6) и нижняя серая супесь (пл. 7) (рис. 8). Эти слои пробивали фундаментные рвы храма, в которых выполнена кладка из валунов. Следовательно, раннюю подсыпку сделали до закладки фундаментов, на стадии подготовки к строительству, в целях нивелирования площадки. Слои ранней подсыпки накрыли поверхность старинного кладбища, которая существовала к 1693 г.

Пласт 5 (-85/-105 см). Несмотря на меньшую гумусированность, слой верхней супеси был богат находками. Коллекция медных монет пополнилась двумя пулами (рис. 11, *77*; 12, *93*). Особенный интерес представляет фрагмент поливного сосуда русской работы (рис. 14, А, *180*), а также донце керамического сосуда с клеймом (№ 190).

Большая часть находок выполнена из железа. Ряд из них относится к обустройству дома: скоба, жиковина и массивный костыль (рис. 14, А, *83, 94, 86*), гвозди строительные (рис. 14, А, *78, 84*) и обыкновенные (№ 95, 9, 101). Уже знакомые нам иглы (рис. 14, А, *75, 87, 89,* а также № 100) и фрагмент овечьих ножниц (рис. 14, А, *92*) связаны с обработкой ткани и (или) кожи. Вновь, как

[8] Находка № 14 (пл. 2, кв. 3). Изображение отчеканилось на самом краю монетного овала. На лицевой стороне читается небольшой выступ. На оборотной стороне, вероятно, конец надписи «ое». Находка 35 (пл. 4, кв. 1). Поверхности монеты ровные: изображения и текст, если они были, утрачены в результате коррозии. На лицевой стороне угадывается ободок. Находка 50 (пл. 4, кв. 3). Монета (?) представляет собой закись меди с ровной поверхностью. Находка 68 (пл. 4, кв. 5). Поверхность монеты неровная – изображения и текст, если они были, утрачены в результате коррозии. На лицевой стороне угадывается ободок. Находка 117 (пл. 6, кв. 1). Поверхность монеты затерта и несет утраты в результате коррозии. На лицевой стороне от изображения остался лишь небольшой выступ, на оборотной – следы букв. Предположительно тверское пуло. Находка № 144. Поверхности монеты затерты. На одной из них читаются пересекающиеся линии, нанесенные острым предметом.

Рис. 14. Индивидуальные находки из железа. Слой верхней серой супеси (пл. 5 – А) и слоя нижней серой супеси (пл. 7 – Б). Раскопки в ц. Петра и Павла. Шурф 1 в апсиде

75, 87, 89 – иглы; *76, 81, 88, 91, 98, 132* – гвоздики; *78, 84* – строительные гвозди; *80* – изделие на пластине; *82, 85* – обивочные гвоздики; *83* – скоба; *86, 137* – костыли; *90* – крючок; *92* – фр-т овечьих ножниц; *94* – жиковина; *96* – монетовидная пластина диам. 12 мм; *99* – полоса с округлым завершением; *128, 129* – фр-ты пробоев или скоб; *133, 138* – гвоздь; *134* – стенка поливного керамического сосуда; *136, 139, 140* – гвозди плоские (гробовые); *141а* – полоса со штифтом для крепления; *142* – колечко

и в насыпи, в слое фиксируются миниатюрные гвоздики (рис. 14, А, *76, 81, 88, 91, 98*), в том числе обивочные (рис. 14, А, *82, 85*). Все эти находки не противоречат тому, чтобы связывать культурный слой с женским монастырем.

Пласт 6 (-105/-125 см) столь же богат находками (24 предмета), что и предыдущий. В черной супеси найдено пять медных пул – больше, чем в нижней части насыпи. Вновь тверские пула (рис. 11, *115*) совстречались в слое с московскими (рис. 12, *105*) и неопределимыми (рис. 12, *119;* 13, *117)*.

Из бронзы выполнена миниатюрная круглая орнаментированная накладка с крепежным штифтом, возможно, элемент книжного переплета или

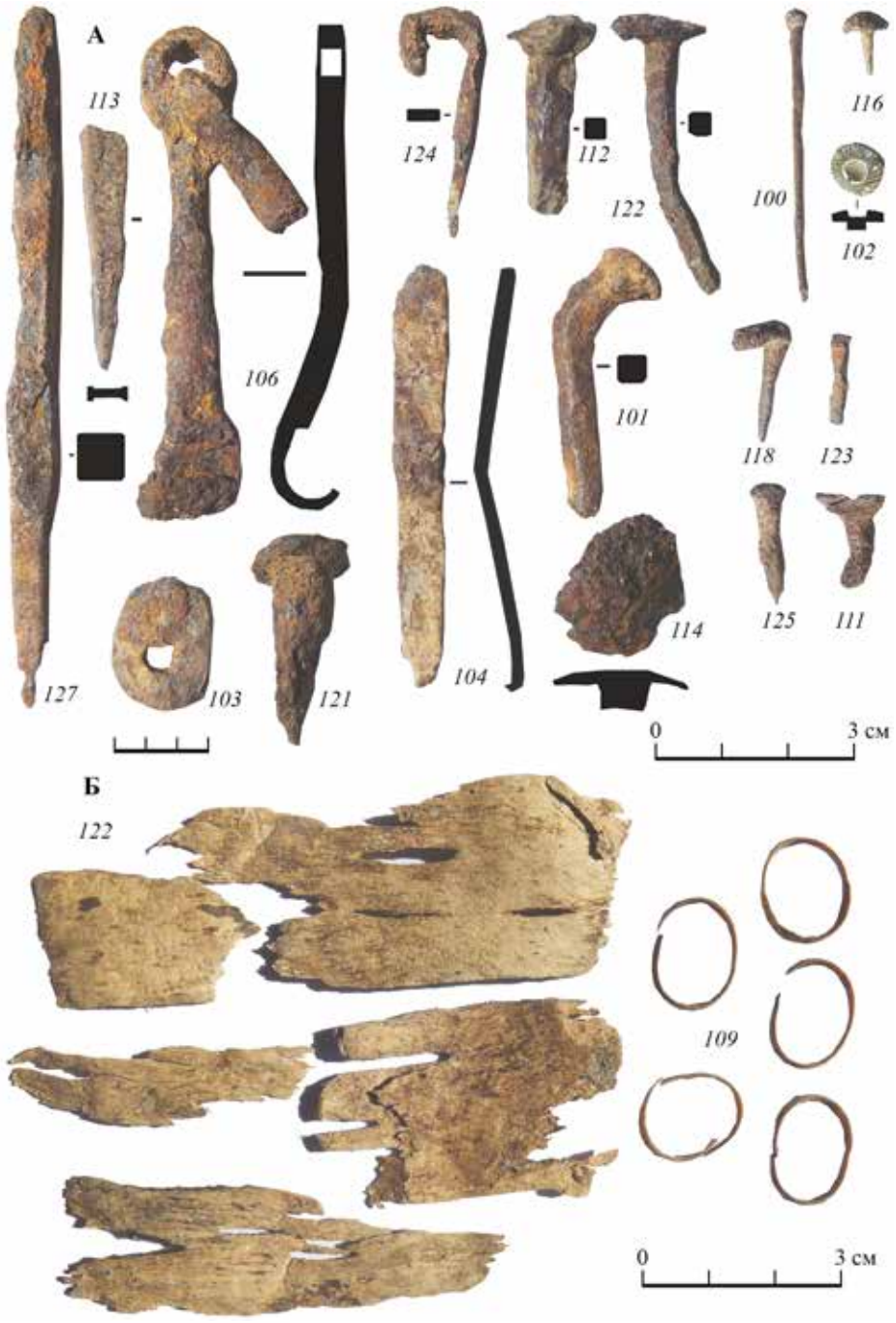

Рис. 15. Индивидуальные находки из железа (А), бронзы (102) и органических материалов (Б) в слое черной супеси (пл. 6). Раскопки в ц. Петра и Павла. Шурф 1 в апсиде

100 – игла; *101, 112, 114, 122* – строительные гвозди; *102* – орнаментированная накладка с крепежным штифтом; *103, 104* – изделия; *106* – удила; *109* – фрагменты костей; *111* – плоский гробовой гвоздик; *113, 121* – пробойник; *116* – обивочный гвоздик; *118, 123, 125* – гвоздики; *122* – обрывки бересты; *124* – пробои; *127* – долото

украшение ларца (рис. 15, А, *102*). Остальные предметы выполнены из железа. Интересны удила (рис. 15, А, *106*) – первая находка, связанная с упряжью лошади. Выделяются инструменты ремесленного производства – превосходное долото (рис. 15, А, *127*) и массивный пробойник с круглой шляпкой (рис. 15, А, *121*), а также уже известные нам строительные гвозди (рис. 15, А, *101, 112, 114, 122*), пробои (рис. 15, А, *113, 124*) и предметы неясного назначения – шайба и изогнутая пластина (рис. 15, А, *103, 104*). Вновь встречены иглы хорошей сохранности (рис. 15, А, *100*), миниатюрные

гвоздики (рис. 15, А, *111, 116, 118, 123, 125*), в том числе обивочные и плоские гробовые (рис. 15, А, *116, 111*), Картину дополняют обрывки бересты (рис. 15, Б, *122*) и фрагменты костей мелких животных (рис. 15, Б, *109*).

Пласт 7 (-125/-145 см). По всей площади шурфа раскапывался слой нижней серой супеси. При разборке нижней части пласта характер слоя стал меняться. Он стал более вязким и по своим механическим характеристикам стал соответствовать суглинку. Появление в этом слое фрагментов человеческих костей позволило предположить, что мы начали входить в слой могильного перекопа. Антропологическое определение установило, что среди костей присутствуют нижняя челюсть ребенка 1–2 лет и левая бедренная кость ребенка 4–5 лет.

В толще пласта 7 найдено 15 предметов. Нумизматическая коллекция пополнилась медным тверским пулом, датируемым периодом после присоединении Твери к Москве в 1485 г. Она была найдена на отметке -131 см в слое нижней серой супеси (рис. 11, *131*).

Здесь же найдена копейка Ивана IV. На лицевой стороне угадывается изображение всадника с копьем, а на обороте – затертая надпись (рис. 13, А, *141*). Она залегала в слое серой супеси (-147 см), который, судя по профилям, накрывал надгробные плиты 3 (-152/-158, толщиной 8 см) и 2 (рис. 8, слой № 6). Под этим слоем залегал слой, насыщенный тленом, возможно, от наземных деревянных погребальных сооружений (рис. 8, слой № 7). Ниже залегал суглинистый слой могильного перекопа (рис. 8, слой № 8). Таким образом, серебряная копейка Ивана IV происходит, скорее всего, из слоя, откладывавшегося на поверхности кладбища.

Из железа выполнены полоса со штифтом для крепления (рис. 14, Б, *141а*), гвозди (рис. 14, Б, *133, 138*), в том числе плоские (гробовые) (рис. 14, Б, *136, 139, 140*), обломки пробоев или скоб (рис. 14, Б, *128, 129*), костыль (рис. 14, Б, *137*), миниатюрный гвоздь и колечко (рис. 14, Б, *132, 142*).

Интерес заслуживает вторая находка стенки поливного керамического сосуда с коричневой поливой (рис. 14, Б, *134*) – свидетельство устойчивого уровня достатка жителей. Очень близкие по технологии и цвету стенки поливных сосудов найдены под Звенигородом, на селище Дунино-6 (средневековая деревня Власьевская), в закрытом комплексе погреба жилой постройки второй четверти – середины XV в., принадлежавшей скорняку, который принимал мелкую монету (найдены монетные весы и четыре удельные монеты, характерные для обращения до 1425 г.). Такая двойная аналогия с комплексом Дунино-6 – обычной керамики (см. выше) и керамики поливной – показывает, что значительную часть находок можно датировать вслед за наиболее многочисленной группой типов керамики второй – третьей четвертями XV в.

Высокий процент чернолощеной керамики обусловлен тем, что в этом и главным образом в следующем пластах обнаружен развал обгоревшего чернолощеного кувшина. Само по себе наличие такого развала явилось свидетельством входа раскопок в слои, сохранившиеся *in situ*. Скорее всего, пожар произошел уже в период, когда здесь функционировало кладбище.

Керамики в пластах 5–7 найдено 1615 фрагментов (в коллекцию взято 220). Ранний материал включает немногочисленные фрагменты лепной и раннекруговой посуды (1,0–3,2%), а также серой керамики (0,6–1,4%). Основной керамический комплекс состоял из красноглиняной грубой (33,5–44,0%) и гладкой (24,3–28,1%) посуды, а также белоглиняной грубой керамики (7,4–14,0%). Столовые типы керамики представлены краснолощеной (0,9–2,4%), чернолощеной и мореной (13,2–27,5%), ангобированной посудой (0,3–1,1%) (табл. 1). Таким образом, в этих отложениях представлено такое же сочетание типов керамики, что и в насыпи, и оно может быть датировано рубежом XIV и XV – рубежом XV и XVI вв.

По мере разборки слоя пласта 7 в северо-западном углу шурфа, на отметке -134 см, обнажился валунный камень (48×15 см – рис. 16, в кв. 1). Валун был ориентирован по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Он не имел отношения к кладке стен 1693–1694 гг., однако в силу его неправильной ориентировки невозможно с уверенностью говорить, что перед нами валунное надгробие – «голгофа».

К югу от валуна, в непосредственном к нему примыкании, на отметках -135/-143 см залегало белокаменное плиточное надгробие № 1, расколотое на семь частей. Оно было ориентировано по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. С появлением этого надгробия стало окончательно ясно, что раскопки прошли насыпь, сделанную перед началом строительства, и вышли на поверхность средневекового кладбища.

Зачистка пласта 7 (-143/-147 см), которая прошла примерно по уровню основания белокаменной плиты, обнажила однородный слой могильного перекопа, представлявшего собой светло-серый слабогумусированный вязкий суглинок. У смыкания квадратов 3 и 5 зафиксировано круглое (диаметром 25 см) пятно тлена, уходившее в западную

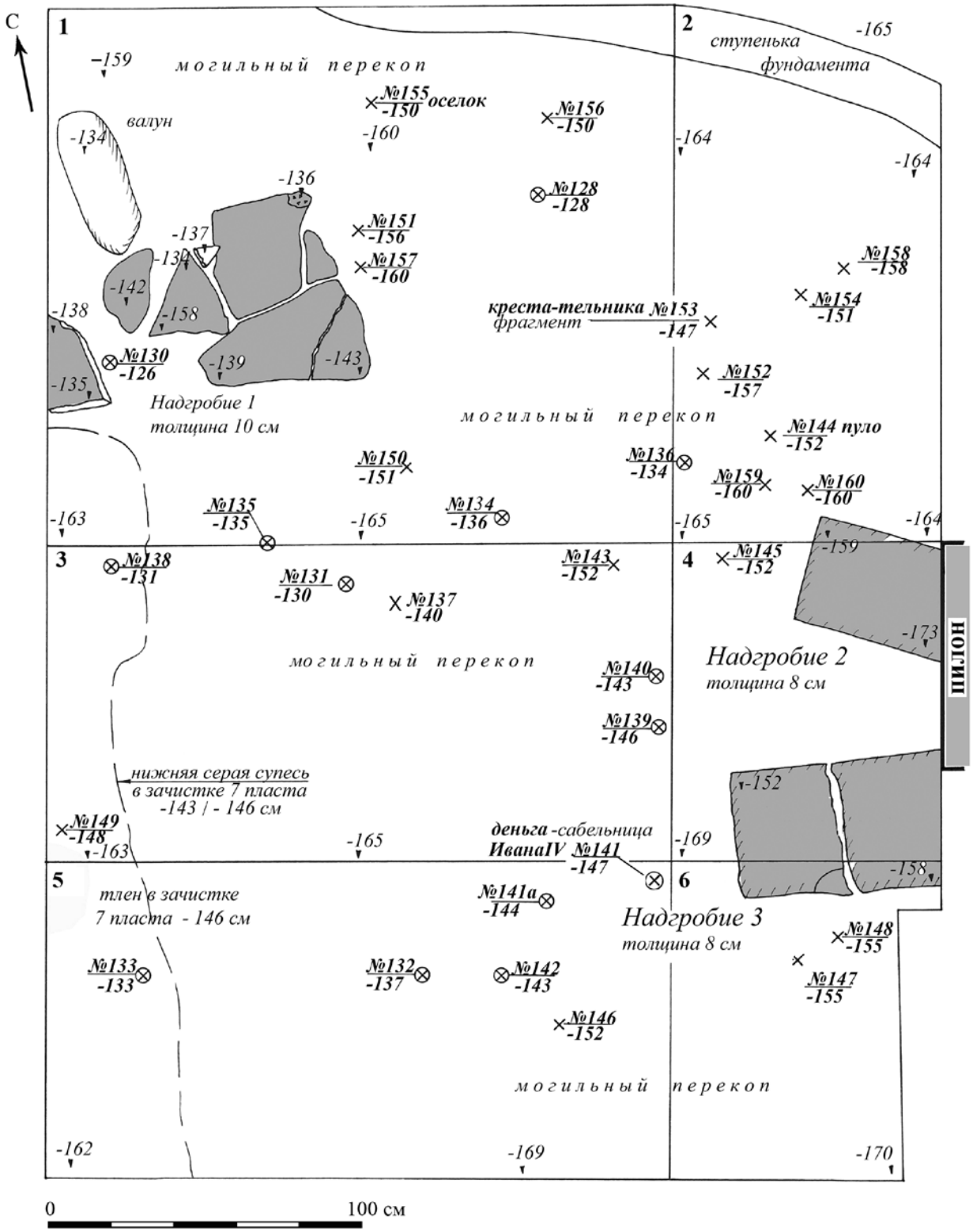

Рис. 16. Раскопки в ц. Петра и Павла. Шурф 1 в апсиде церкви. Зачистка пл. 8 (-165 см) и надгробная плита № 1 с уровня зачистки пл. 7 (-145 см)

Зачистка фиксирует уровень поверхности древнего монастырского кладбища с надгробными плитами, залегающими *in situ* и поврежденными в ходе засыпки в период строительства 1693–1694 гг.

стенку шурфа. Подобное пятно тлена (60×30 см) прослежено и в восточной части кв. 5.

Шурф 1 в алтаре: некрополь Власьевского монастыря и его надгробия (пласт 8)

На всем пространстве шурфа в толще 8 пласта (-145/-165 см) раскапывался могильный перекоп – бурый вязкий суглинок, который за счет присутствия гумуса имел серый цвет. В этом слое встречались отдельные фрагменты костей человека. Находки этого пласта отражали характер культурного слоя, залегавшего на этом месте до начала копки могил. Во время функционирования кладбища он был перекопан настолько интенсивно, что нигде в пределах раскопа не сохранился *in situ*.

Найдена правая часть квадратоконечного бронзового креста-тельника с красивой выполненной уставом надписью «(кресту тв)оему п(оклоняюся)» на обороте (рис. 17, А, *153*), медное пуло, на поверхности которого читаются пересекающиеся линии, нанесенные острым предметом (рис. 13, Б, *144,* на отметке -152 см), полуфабрикат из свинца шарообразной формы с кавернами (рис. 17, Б, *158*), бронзовая пластинка (№ 167), оселок из сланца и кальцинированные кости (рис. 17, *155, 157)*. Из железа выполнены строительные (рис. 17, А, *152, 159, 160*) и обычные гвозди (№ 145, 147, 154, 156), а также миниатюрные обычный, обивочный и плоский (гробовой) гвоздики (рис. 17, Б, *146*, *143, 151*), поковка из прямоугольного профиля (рис. 17, А, *149*), фрагменты изделий (рис. 17, А, *161*, № 150) и брак кузнечного производства (рис. 17, А, *148*).

В пласте 8 найдено 448 фрагментов керамики (в коллекции 39). Столь значительное число керамики свидетельствует о том, что существовавший здесь до начала копки могил культурный слой сложился в ходе функционирования жилой застройки. В отличие от описанных выше насыпных отложений в этом слое нет лепной и раннекруговой керамики. Доминирует красноглиняная грубая (34,8%) и гладкая (21,5%) посуда, а также белоглиняная грубая керамика (10,1%) при исчезающе малом количестве более ранней серой (0,4%) (табл. 1). Столовые типы керамики представлены краснолощеной (0,4%), чернолощеной и мореной керамикой (32,8%) при отсутствии ангобированной посуды. Именно здесь, в районе надгробия 1, обнаружена основная часть развала обгоревшего чернолощеного кувшина, маркирующего пожар, затронувший поверхность уже сформировавшегося кладбища.

Зачистка пласта 8 (-163/-165 см) открыла новые следы некрополя – теперь уже в восточной части шурфа. Здесь, в квадрате 4, найдено два белокаменных плиточных надгробия, залегавших *in situ* (рис. 16).

Дневную поверхность кладбища отражают три белокаменных плиточных надгробия, зафиксированные на отметках -135 см (плита 1 – в профиле на рис. 8) в западной части раскопа и на отметках -159/173 см (плита 2) -152/-158 см (плита 3) в восточной его части (рис. 16).

Надгробие 1. Размер (115)×48×10 см. Найдено в северо-западной части шурфа 1. Плита ориентирована по линии запад – восток. Она подверглась разрушению. Центральная ее часть утратила поверхность. Оглавие сохранило поверхность и часть надписи при утрате верхней и правой частей. По левому контуру плиты нанесен мелкий трехгранно-выемчатый орнамент («волчий зуб»). От верхней полосы сохранилась лишь часть выступающей розетки из треугольников. В нижней части сохранившегося фрагмента от орнаментальной полосы, идущей по левому контуру плиты, отходит полоса, ведущая к центральному «солнцу». Внутри верхнего контура обрамления имеется вторая полоса треугольников, ориентированных острыми концами наружу. В центре верхнего контура орнаментации читается надпись (рис. 6, Б):

1 строка «ЛѢт З

2 строка МЦ (под титлом) Ъ ИЮ

Надпись расшифровывается: «Лета 7… Месяцъ Ию(ня) (или ию(ля))». Из надписи видно, что кончина захороненного совершилась после 1 сентября 1492 г.

Надгробие 2. Размер (50)×40×8 см. Сохранилось лучше (рис. 6, В). Оно залегало *in situ*, в 1,6 м к юго-востоку от плиты 1. Уклон плиты значительный: юго-восточная оконечность ее (-173 см) на 14 см ниже, чем северо-западный угол (-159 см). Ориентировано надгробие северо-запад – юго-восток. В раскоп вошла западная половина плиты (оглавие и центральная часть). В центральной части плита расколота пополам, видимо, под давлением земли. Поверхность надгробия сохранилась без утрат. Орнамент лицевой грани: по верхнему, правому и левому контурам плиты нанесена рамка трехгранно-выемчатой резьбы («волчий зуб»). Особенностью данной плиты является то, что верхняя полоса орнамента не переходит в боковые, но простирается вплоть до краев плиты. В оглавии изнутри эта рамка дополнена внутренней рамкой из мелких треугольников, ориентированных остриями наружу. К верхней полосе примыкает полукруглое клеймо. Оно выполнено крупными треугольниками, обращенными вершинами внутрь.

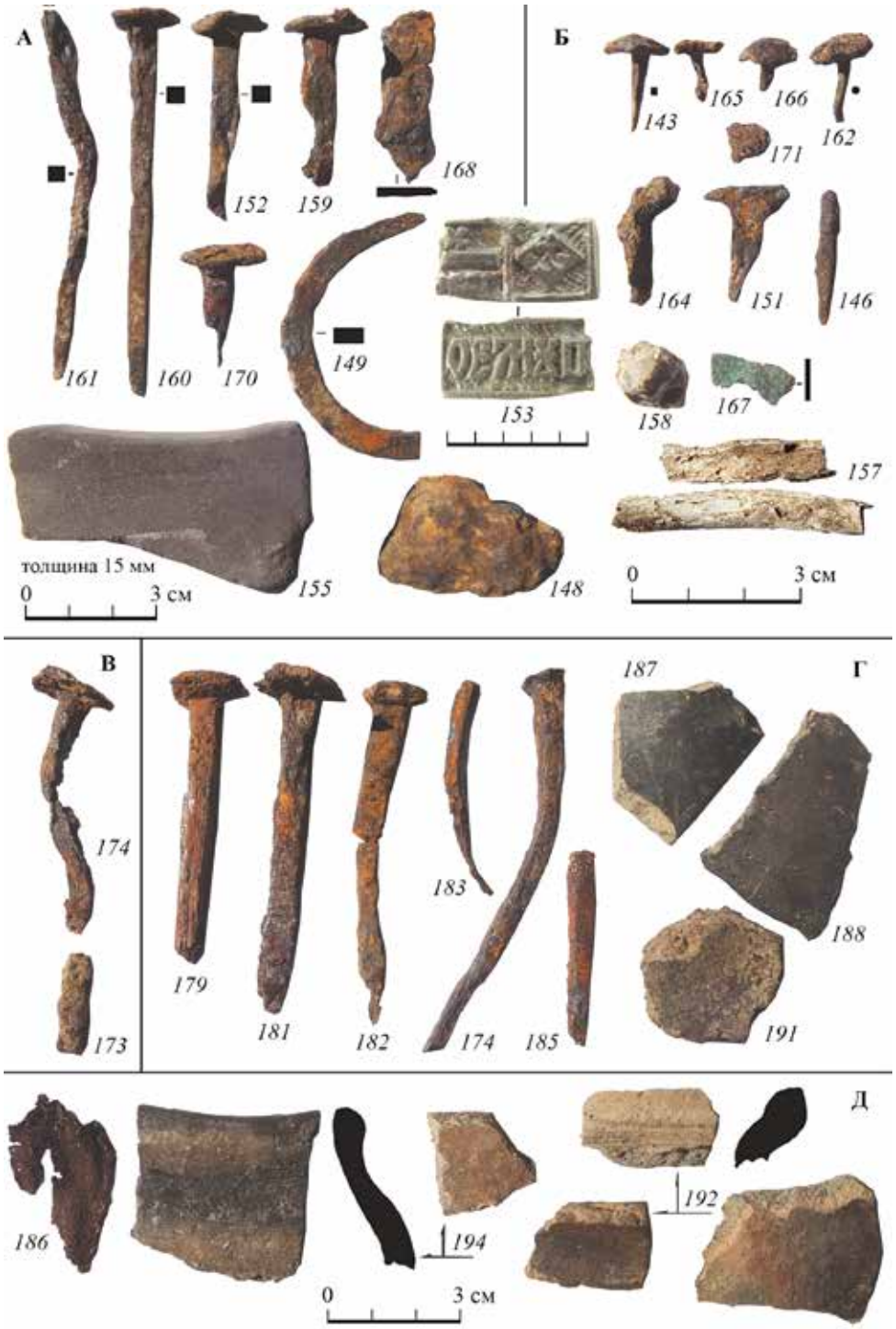

Рис. 17. Раскопки в церкви Петра и Павла. Шурф 1 в апсиде. Индивидуальные находки из могильного перекопа (пл. 8, 9 – А и Б; пл. 10 – В), ям погребений № 10 (Г) и № 13 (Д)

143, 162, 165, 166, 171 – железные обивочные гвоздики; *146* – железный гвоздик; *148* – брак кузнечного производства; *149* – железная поковка с острием на конце; *151* – железный плоский (гробовой) гвоздик; *152, 159, 160, 170* – железные строительные гвозди; *155* – оселок из сланца; *157* – кальцинированные кости; *158* – свинцовая пуля; *164* – железный фр-т инструмента; *167* – бронзовая пластинка; *168* – железный фр-т ножа; *173, 174, 179, 181, 182, 183, 184, 185* – железные гвозди; *186* – обрывок кожаной обуви, найденный в районе ступни; *187* – чернолощеная керамика; *188, 191* – красноглиняная керамика; *192* (верхняя) – серая керамика; *192* (нижняя); *194* – красноглиняная грубая керамика

Внешний контур клейма обрамлен мелкими треугольниками, поставленными вершинами наружу. В средней части надгробия сохранились орнаментальные полосы – тяги, выполненные также из «волчьего зуба», которые ведут к центральному «солнцу». Поле в верхней части плиты, расположенное внутри орнаментального контура и предназначающееся для надписи, не имеет утрат и лишено каких-либо признаков надписи.

Среди аналогий можно указать на две плиты из Высоко-Петровского монастыря – большое подписное надгробие Ивана (Ионы) Александровича Беззубцева 1535 г. и надгробие середины XVI в. (ВПм № 7, 28) (*Беляев*, 1996. Фото 53, 72 вкл.). Кроме того, можно указать на плиты Михаила Беклемишева (?) 1537/1538 г. из Зачатьевского монастыря (Зм1) (*Кренке, Беляев,* 2006. С. 45) и иноки схимницы Анисии 1540 г., найденное на территории Московского зоопарка (*Шокарев,* 2006. С. 126).

По характеру орнаментации (мелкий «волчий зуб») и указанным аналогиям надгробие может быть датировано концом XV – первой половиной XVI в.

Надгробие 3. Зафиксировано в 30 см к югу от плиты 2 (рис. 16). Оно небольшое. Размеры (67)×40×8 см. Надгробие относится к восточному ряду захоронений, оставшемуся почти полностью за пределами исследованной зоны (собственно некрополь копался на площади 2,2×2,0 м). Плита расколота пополам, видимо, под давлением земли. Уклон плиты с северо-запада на юго-восток незначительный. Разница уровней северо-западного ее угла (-152 см) и юго-восточного края (-158 см) составляет 6 см. Плита сохранилась без заметных утрат и не несет надписи и орнамента.

Надгробие 3 залегает на 10 см выше, чем надгробие 2, что видно в профиле восточной стенки шурфа. Следует добавить, что оглавие погребения 11, над которым положена плита 3, вошло в пределы раскопа в виде черепа и верхней части грудной клетки. Таким образом, плиту положили по отношению к погребению с небольшим смещением к востоку.

Здесь необходимо взглянуть на некрополь несколько шире, чем это позволяет шурф 1. Для сравнения следует отметить, что в шурфе 4, заложенном в 13 м к западу от шурфа 1, поверхность некрополя находилась на отметках -120/-130 см, то есть немного выше, чем в районе алтаря (-135 см, шурф 1). В свою очередь, надгробия, располагавшееся за алтарем, в шурфе 2, в 4–5 м к востоку от плиты 1, зафиксированы на отметках -191 и -211 см, то есть на полметра ниже, чем плита 1. Надгробия № 2 и 3, лежащие на отметках -152/-173 см, занимают промежуточное положение. Эти данные показывают, что разница уровней поверхности кладбища на момент начала строительства в западной и восточной частях строившейся тогда церкви составляла примерно 20 см. Более заметное падение (на 50 см) имело место в районе закладки восточной стены, расположенной вблизи бровки коренного берега реч. Весовки. Таким образом, мощная подсыпка, в районе апсиды составлявшая 1,3 м, была обусловлена как стремлением выровнять поверхность, имевшую уклон к востоку, так и задачей приподнять уровень пола храма над поверхностью земли.

Шурф 1 в алтаре: некрополь Власьевского монастыря и его погребения (пласты 9–14)

После открытия в шурфе 1 горизонта, на котором залегали белокаменные надгробия, раскоп был сужен до размеров 2,2×2,0 м. Для изучения нижнего горизонта избрана юго-западная часть первоначального шурфа с тем, чтобы опустить до материка наиболее информативные западный и южный профили.

Пласт 9 (-165/-185 см) представлял собой однородный могильный перекоп (гумусированный суглинок), в котором встречались фрагменты костей человека и скол поверхности белокаменного надгробия с орнаментом «волчий зуб» в виде «солнца». Находки отражают состав культурного слоя, нарушенного погребениями. Это бронзовая пластинка (рис. 17, А, *167*), обломки ножа (рис. 17, А, *168*), строительные гвозди (№ 170), миниатюрные обивочные гвоздики (рис. 17, Б, *162, 165, 166, 171*), обломок инструмента с плоской лопаточкой на конце (№ 164) и отходы кузнечного производства (рис. 17, А, *163*).

На отметке -189 обнаружена серебренная деньга-сабельница Ивана IV. На ее лицевой стороне изображен конный воин с саблей, на оборотной читается надпись «князь велік (ий Иван)» (рис. 13, А, *195*). Дата монеты – 1535–1547 гг. Следует отметить, что обе монеты Ивана IV найдены в могильном перекопе. Поскольку этот слой содержит небольшой процент белоглиняной грубой керамики, есть основания полагать, что в первой половине XVI в. хозяйственная деятельность здесь не велась. Поэтому монеты Ивана IV, по всей видимости, связаны с кладбищем.

Общее число керамики в пласте 9 (123 фрагмента) сократилось (с учетом уменьшения площади шурфа) наполовину по сравнению с пластом 8. Распределение ее типов, видимо, еще точнее отра-

жает исходное их соотношение в слое, поскольку число чернолощеной посуды ближе к «нормальному» для комплексов второй половины XV в., чем в предыдущих пластах. Доминирует красноглиняная керамика – грубая (47%) и гладкая (27%), она сочетается с белоглиняной грубой (8,2%) и столовой посудой – краснолощеной (0,8%), чернолощеной, мореной (8,2%) и ангобированной (0,8%). Примесь лепной (0,8%), раннекруговой (0,8%) и серой керамики (1,6%) исчезающе мала.

Еще меньше керамики зафиксировано в нижних горизонтах могильных ям (табл. 1). На четыре пласта (10–13) здесь пришлось 64 фрагмента, то есть по 16 фрагментов на пласт. Состав ее почти не изменился. Также доминировали красноглиняная грубая (51,6%) и гладкая (6,2%) керамика, которая сочеталась с белоглиняной грубой (11%), чернолощеной (17,1%) и ангобированной (1,6%). Не вполне поддается объяснению лишь довольно высокий процент раннекруговой (4,7%) и серой (7,8%) посуды.

Как показали раскопки пластов 9–14, уменьшенный в размерах шурф накрыл две большие могильные ямы, которые включали погребения центрального ряда некрополя. На поверхности некрополя этот ряд маркировался надгробием 1. Кроме того, в раскоп попали оглавия погребений восточного ряда (черепа погребений 1 и 11), который плотно примыкал к центральному и маркировался надгробиями 2 и 3. К западу от центрального ряда прослежены следы изножий западного ряда могил, который также плотно примыкал к центральному.

Пласт 10 (-185/-205 см). В процессе разборки этого слоя обнаружены следы двух погребений. Кроме того, в слое могильного перекопа встречены фрагмент челюсти человека, ребро, позвонок и 40 мелких неопределимых фрагментов.

Погребение 1. Оглавие этого погребения в виде черепа (-187 см), лежавшего на левой стороне, левой ключицы (-191 см) и четырех позвонков зафиксировано *in situ* в восточной части квадрата 1. Ориентировано головой на запад-северо-запад. Погребение уходило в восточную стенку вновь сформированного шурфа и, судя по всему, принадлежало к восточному ряду погребений. Глубина залегания от дневной поверхности кладбища составляла 43 см. Антропологом интерпретировано как погребение мужчины 45–50 лет.

Погребение 2, найденное в центре квадрата 5, состояло из фрагмента черепной коробки и примыкавшего к нему с востока скопления костей, зафиксированных на небольшой площади (40×20 см). Глубина залегания от поверхности кладбища -40 см. Это скопление костей интерпретировано антропологом как кости трех детей возрастом 9 месяцев – 1,5 лет, 2–3 года. Кроме того, в прилегающих слоях обнаружены отдельные кости мужчины 30–40 лет и женщины 18–20 лет.

Пласт 11 (-205/-225 см). Однородный слой могильного перекопа, представляющий собой бурый суглинок, который приобрел серый оттенок за счет гумусированности, сменился на глубине -210/-215 см более контрастной картиной. В зачистке, проведенной на этом уровне, проявилось два пятна. *Могильная яма погребения 3* зафиксирована в северо-западном углу шурфа (-205, кв. 1). Она представляла собой пятно темного гумусированного суглинка размерами 115×40 см, ориентированного по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток и уходившего в западную и северную стенки шурфа.

В южной части шурфа, на отметках -207/-208 см, зачищена большая *могильная яма погребений 4* и *5*, позднее открытых в этой яме, в пласте 12. Могильная яма ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток и имела размеры 190×90 см. На востоке пятно уходило в восточную стенку шурфа. Пятно состояло из серого суглинка с мелкими угольками и фрагментами тлена. Отчетливо полосы тлена прослежены у юго-западного угла пятна на пространстве 70×25 см. По форме они напоминали следы тления углов деревянной колоды.

Пласт 12 (-225/-245 см). В ходе разборки заполнения могильной ямы, зафиксированной в зачистке пласта 11 в кв. 1, на отметках -222/-225 см, обнаружены следы *погребения 3* – кости левой ноги мужчины 30–40 лет, длина тела которого, по мнению антрополога, достигала 172–177 см (рис. 12, А). Кости были ориентирован по линии запад – восток. Таким образом, оказалось, что северный край шурфа накрыл южную часть изножия погребения. Судя по всему, перед нами одно из наиболее поздних погребений. Оно совершено на глубине 83 см от дневной поверхности некрополя.

В южной могильной яме на глубине -220 (90 см от дневной поверхности некрополя) зафиксированы лежавшие рядом, но, видимо, в отдельных гробах (колодах), погребения подростка (№ 4) и ребенка (№ 5) (рис. 18; 19).

Погребение подростка, получившее № 4, залегало на отметках -227/-230 см, череп возвышался над уровнем костяка, отметка лобных долей равнялась -221. Глубина залегания от поверхности древнего кладбища составляла -85/-88 см. Погребение ориентировано головой на запад-северо-запад.

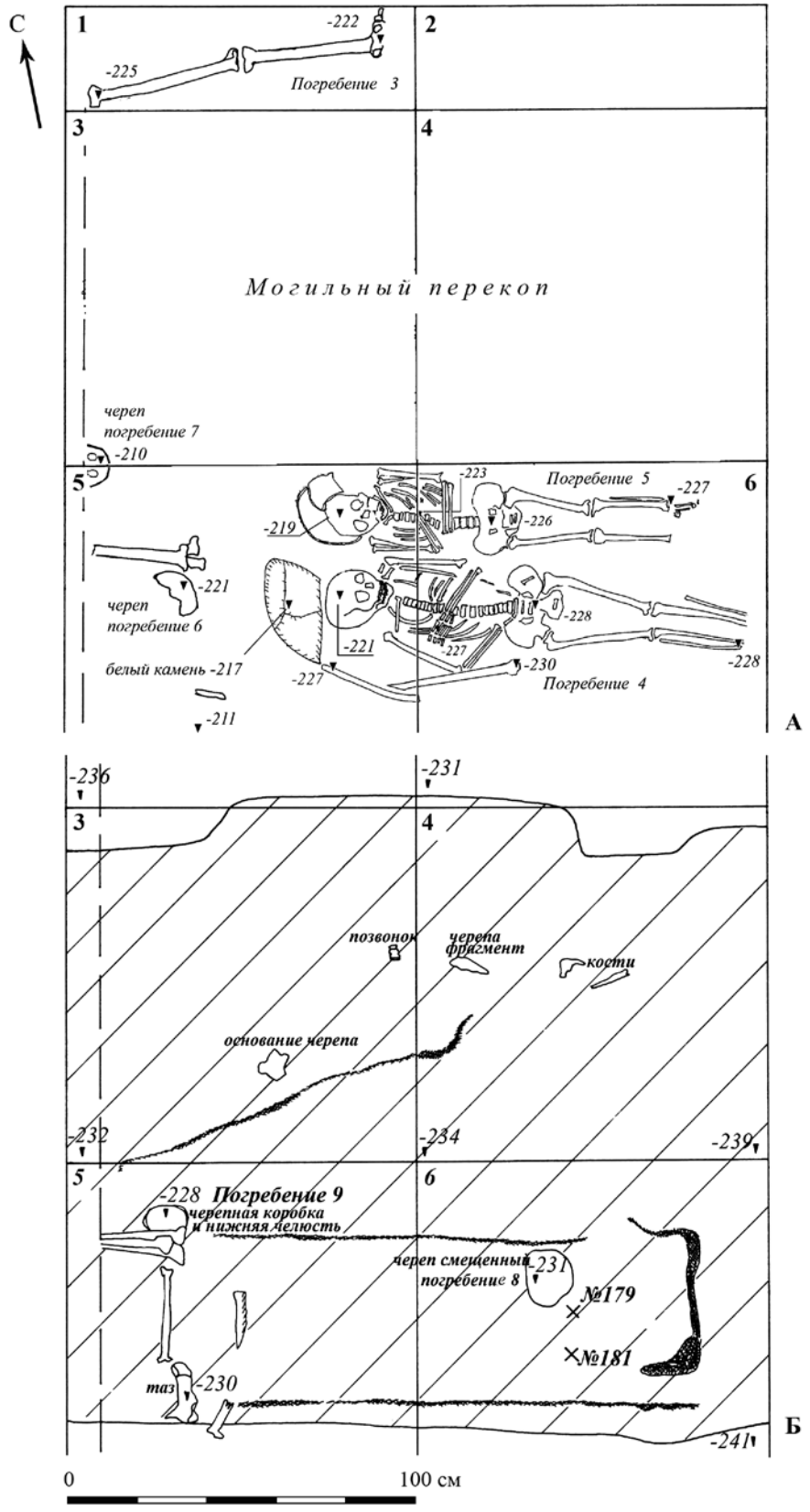

Рис. 18. Шурф 1 в апсиде ц. Петра и Павла. Планы
А – пл. 12, верхняя зачистка (-228 см); *Б* – пл. 12, нижняя зачистка (-235 см)

Расстояние от западной стенки шурфа до черепа равнялось 75 см. Кости ног погребенного на уровне середины большеберцовых костей уходили в восточную стенку шурфа. Общая длина скелета до восточной стенки составляла 115 см. Скелет погребенного сохранился полностью и залегал *in situ*.

Череп лежал лицевой частью вверх и не был затронут позднейшими перекопами. С запада к нему примыкал валун (27×20 см). Его верхняя отметка (-227 см) была на 6 см ниже верхней отметки черепа. Судя по всему, камень играл роль подголовного камня, но в связи с большой величиной положен не под голову, а рядом с ней, как бы символически выполняя свое назначение. Нет прямых оснований утверждать, что валун был помещен в колоду, но и случайно здесь оказаться он не мог. Обычай класть камень под голову погребенным характерен для монастырей. Однако, учитывая, что Власьевский монастырь был в XV–XVI вв. женским, видеть в подростке монаха нет возможности. Остается загадкой, какой смысл вкладывался в полагание камня такой величины под голову столь юному человеку. Плечевые кости лежали вдоль тела, локтевые сложены на груди: левая чуть приподнята, а правая чуть опущена так, что кости руки лежали на нижнем позвонке. Позвонки и кости ребер сохранились удовлетворительно. Таз (-228 см) узкий. Бедренные кости лежали не параллельно, поскольку колени сведены вместе. Антропологом определено как погребение подростка мужского пола 12–15 лет[9].

Погребение 5. Располагалось севернее погребения 4, параллельно ему и практически на том же уровне (-223/-227 см), на глубине 81–85 см от поверхности земли в период функционирования кладбища (рис. 18, А; 19). Расстояние между плечевыми костями этих двух погребений составляло 3–5 см. Западный край черепа ребенка и западный край черепа подростка (погребение 4) лежали так, будто оглавия их гробов (колод) были положены рядом в одну могилу.

Скелет погребенного сохранился полностью и залегал *in situ*. Череп ребенка раздавлен под давлением земли, причем черепная коробка сохранилась в виде четырех фрагментов, один из которых представлял собой лицевую часть черепа. Ключицы сохранились. Плечевые кости лежали параллельно телу. Локтевые кости сложены на груди, как и у соседнего погребения, что вообще характерно

Рис. 19. Шурф 1 в апсиде ц. Петра и Павла. Верхняя зачистка пл. 12 (-228 см). Погр. № 4 отрока (слева) и № 5 ребенка (справа), совершенные в одной могильной яме на глубине -219 / -228 см. Вид с востока

для православного обряда погребения. В отличие от погребения подростка у ребенка правая локтевая кость поднята, так что кости руки лежали посередине груди. Левая локтевая кость лежала перпендикулярно плечевой, а кости рук – на животе. Кости таза сохранились удовлетворительно (-226). Кости ног лежали параллельно и на расстоянии 10 см друг от друга. Кости ступней сохранились плохо. Общая длина костяка (он весь вошел в раскоп) составляла 116 см. Антропологом определено как погребение ребенка 6–7 лет.

Вдоль западной стенки шурфа зафиксированы следы двух погребений западного ряда – 6 и 7

[9] В 10 см к югу от валуна на отметке -215, то есть на 2 см выше его верхней части, была найдена тонкая железная проволока (№ 178). В могильной яме погребения 4 зафиксированы переотложенные фрагмент черепа и нижней челюсти человека 55–60 лет, а также нижняя челюсть ребенка 3–4 лет.

(рис. 18, А). В 10 см к западу от камня погребения 4 начали открываться следы *погребения 6.* Как показали дальнейшие раскопки, в шурф попало изножие большой могильной ямы шириной 60 см, выложенной на дне, вдоль северного и восточного краев, останками нарушенных при ее копке погребений. Вначале, на отметке -221 см, открылись фрагмент свода черепа и нижняя челюсть, рядом с которым в широтном направлении залегала бедренная кость.

В 15 см к северу от края костных выкладок ямы погребения 6, на 18 см выше их, на отметке -210 см у западной стенки шурфа зафиксирован череп, лежавший в перемещенном состоянии. Он получил условное обозначение *погребение 7*. Череп не извлекался из земли, поскольку уходил в стенку шурфа, и поэтому не был осмотрен антропологом (рис. 8).

После снятия погребений 4 и 5, на отметке -235 см, проведена дополнительная зачистка, позволившая выявить могильные ямы, существовавшие до устройства погребений 4 и 5 (рис. 18, Б). В северной и южной частях шурфа в зачистке обнажился материк – бурый суглинок. В северной части шурфа он имел ширину 25–40 см, а в южной – 2–28 см. Все пространство между материковыми отложениями занимал могильный перекоп, который мог трактоваться как две могильные ямы (рис. 18, Б).

Северная яма имела в ширину порядка 80 см и уходила в западную и восточную стенки шурфа. На фоне гумусированной серо-бурой глины фиксировались фрагменты костей – основание черепа, позвонок, фрагмент черепа. От точки смыкания квадратов 3 и 5 с западной стенкой шурфа в направлении на восток на пространстве в метр прослеживалась полоса тлена, которую позднее удалось связать с могильной ямой раннего погребения 14.

В южной яме (рис. 18, Б), имевшей примерно такую же ширину, четко читался тлен от деревянной колоды или гроба. Тлен залегал в виде тонкой полосы, маркирующей внешние контуры этого деревянного сооружения. Северная и южная полосы тлена сохранились на пространстве в 1,4 м, они располагались на расстоянии 46–48 см друг от друга, залегали параллельно друг другу и ориентированы по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Восточная полоса тлена, ориентированная перпендикулярно описанным полосам, имела длину 50 см и располагалась в 20 см от края шурфа. Таким образом, следы колоды сохранились от изножия на пространстве в 1,4 м.

Оглавие погребения, совершенного в этой колоде, разрушено могильной ямой *погребения 6*, частично описанного выше. На уровне зачистки -235 см изножие этого погребения открылось на уровне дна могильной ямы. Вдоль северного края могильной ямы залегала большая бедренная кость, а вдоль восточного края уложены две кости (-230 см). Они интерпретированы антропологом как останки мужчины 20–25 лет с восстановленной длиной тела 166–169 см.

Рядом с бедренной костью обнажился череп (-228), залегавший в переотложенном состоянии, которому присвоен условный номер погребения 9 (рис. 18, Б). Еще один череп, также залегавший в переотложенном состоянии, обнаружен в 35 см к западу от восточной полосы тлена колоды на отметке -231 см. Об их интерпретации будет сказано ниже.

Пласт 13 (245–265 см) (рис. 20, А). *Погребение 10.* В южной могильной яме в границах описанного выше контура тлена, маркирующего колоду или гроб, на отметках -238/-243 см (то есть с уклоном к краю холма) обнаружен почти полный (за вычетом черепа, ключиц и костей левой руки) скелет человека, залегавший *in situ* (рис. 20, А). Плечевая кость правой руки лежала вдоль тела. Локтевая и лучевая кости лежали под прямым углом так, что кисть руки находилась над левой частью груди. Позвоночник сохранился полностью. Верхний позвонок имел отметку -238 см, тазовые кости – -241 см. Бедренные и берцовые кости ног лежали параллельно на расстоянии 22–17 см. По определению антрополога, погребенный был мужчиной 20–25 лет, невысокого роста (163–165 см), с развитой мышечной системой. «Развитие рельефа плечевой кости, – отмечает Н. Н. Гончарова, – позволяет восстановить характер преимущественных движений – отведение руки назад с усилием. Иллюстрацией такой деятельности могут быть движения гребца или человека, работающего молотом».

В 18 см к северу от северного края костей таза погребения на всем пространстве шурфа прослежен северный край могильной ямы погребения 10. Он был ориентирован запад-северо-запад – восток-северо-восток.

Как уже отмечалось при описании колоды погребения 10, его оглавие разрушено при рытье могилы западного ряда. При этом череп погребения 10 сместился на 15 см к северу и был помещен впритык к описанной выше северной границе могильной ямы (череп получил обозначение «погребение 9», отметка -228 см) (рис. 20, А). На это указывает возраст, установленный для черепа 9 – 20–25 лет, что соответствует возрасту посткраниального скелета погребения 10.

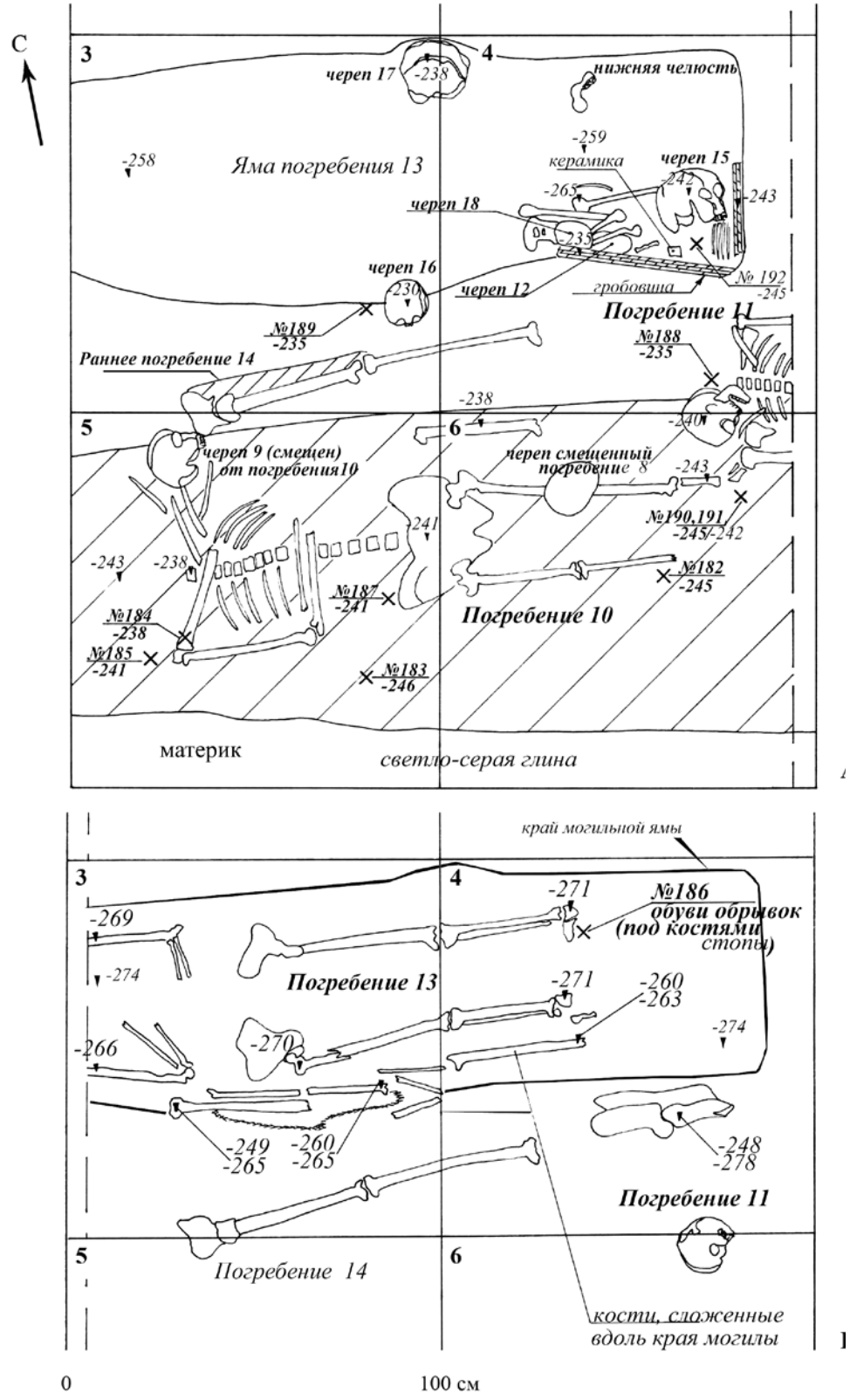

Рис. 20. Шурф 1 в апсиде ц. Петра и Павла. Планы
А – зачистка пл. 13 (-250 / -260 см); *Б* – зачистка пл. 14 (по дну ямы погр. № 13 на уровне -279 см)

Над коленной чашечкой погребения 10 залегал череп 8 (рис. 20, А). Судя по всему, он относился к какому-то более раннему погребению, которое было нарушено при копке могилы погребения 10 (см. ниже предположение о идентификации черепа 8). В заполнении ямы погребения 10 также найдены отдельные переотложенные кости, принадлежавшие четырем индивидам, один из которых – подросток 14–15 лет.

Погребение выделялось среди окружающих значительным количеством находок железных гвоздей (рис. 20, А – см. размещение находок). Первые два гвоздя (рис. 17, Г, *179, 181*) встречены выше зачистки (-230/-240 см), в которой читались следы колоды или гроба, в центре изножия колоды (рис. 18, Б). Третий гвоздь (рис. 17, Г, *182*) найден примерно там же, но ниже (-245 см), рядом с большеберцовой костью правой ноги погребенного. Такое расположение мало напоминает расположение гвоздей, которыми скрепляют стенки гроба. Четвертый и пятый гвозди (рис. 17, Г, *184, 185*) лежали рядом с верхним краем плечевой кости правой руки на отметках -238 и -241 см, то есть практически на уровне залегания скелета (-238 см), и, наконец, шестой гвоздь помещался в 12 см к юго-востоку от локтя правой руки погребенного (рис. 17, Г, *183*, -246 см; рис. 20, А). Таким образом, из шести гвоздей расположение лишь двух (№ 183, 185) можно связывать с креплением южной стенки колоды (гроба). Более вероятным представляется, что гвозди положили в могилу «гребца», опасаясь, что призрак погребенного («навь») может вернуться в мир людей.

Для датировки погребения небезынтересны находки фрагментов керамики, попавших в могилу из культурного слоя, отложившегося здесь до начала функционирования кладбища. Это фрагмент чернолощеного сосуда (рис. 17, Г, *187*), лежавшего рядом с тазовой костью на одном с ней уровне (-241 см), и фрагмент красноглиняного сосуда (рис. 17, Г, *191*), найденный у ступни левой ноги (-242). Таким образом, погребение не могло быть совершено ранее отложения в культурным слое чернолощеной посуды, то есть не ранее второй-третьей четверти XV в.

Погребение 11. Северо-восточный угол могильной ямы погребения 10 затронут еще одним погребением, открытым практически на том же уровне, что и погребение 10 (рис. 20, А). В пределы шурфа попало лишь оглавие погребения № 11. Все кости залегали *in situ*. Это был хорошо сохранившийся череп (-240). Он лежал лицевой частью вверх, свернутый под 45 градусов в южную сторону. Были расчищены ключицы, верхние части плечевых костей, шесть позвонков и четыре пары лопаток. В силу того, что это хорошо сохранившееся погребение уходило в восточную стенку шурфа, оно не извлекалось из шурфа и не исследовалось антропологом. Близ черепа погребенного найден фрагмент стенки чернолощеного сосуда (рис. 17, Г, *188*), что подтверждает датировку *post quem*, сделанную для погребения 10.

Таким образом, для южной части могильной ямы устанавливается следующая последовательность захоронений. Вначале совершено погребение, от которого сохранился череп № 8. Затем на глубину 101 см от дневной поверхности кладбища выкопана яма и в нее положена колода с погребением 10. Затем оглавие погребения 10 нарушила могильная яма погребения западного ряда. Это последнее погребение нарушило еще одно погребение, описанное под номером 6. Северный угол изножия ямы погребения 10 был затронут (колода и сам костяк не пострадали) погребением 11, которое принадлежало к восточному ряду могил. Над ним установлено белокаменное плиточное надгробие 3.

Позднее в могильную яму погребения 10 совершено парное погребение подростка и ребенка (№ 4 и 5) на глубине 81–88 см от уровня дневной поверхности кладбища. И наконец, на завершающей стадии существования кладбища над могилами 4 и 5 на глубине 40 см положили останки младенца и двух малолетних детей (погребение 2). Таким образом, последовательность захоронения в южной части центрального ряда могил свидетельствует о том, что люди, совершавшие здесь захоронения, помнили о местоположении и даже о глубине захоронений, производившихся на этом месте ранее. В частности, о могиле «гребца» помнили те, кто совершил захоронение ребенка и подростка.

Северная могильная яма (рис. 20, А) формировалась по совершенно иному сценарию. *Яма погребения 13*, сохранившегося до наших дней, представляет собой наиболее позднюю могильную яму, которая пробила все предыдущие. Об этом можно догадываться на основании зачистки пласта 12 (-235 см) (рис. 18, Б). Но полная картина разгрома более ранних погребений открылась лишь в зачистке пласта 13 на уровне -260 (рис. 20, А).

В зачистке -260 полностью очертились границы могильной ямы, ориентированной по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Яма имела в длину 1,8 м, причем ее оглавие уходило в западную стенку шурфа (см. на профиле западной стенки – рис. 8). Ширина ее в районе изножия равнялась 60 см, в центральной части увеличивалась до 75 см, а в районе оглавия вновь сокращалась

до 55 см. Вдоль западной и южной стенок оглавия, соответственно на 30 и 50 см в длину и на 20 см в высоту, сохранились стенки деревянной колоды в виде наполовину истлевшей древесины, сохранившей свою структуру и светло-бурый цвет (рис. 20, А). Фрагменты колоды взяты для изучения как находки № 189 и 193. Отметки их верхних частей равнялись -242 см для восточной и -235 для южной стенки колоды.

В юго-восточном углу колоды, впритык к ее стенкам, уложены прихороненные останки нарушенных в ходе копки могилы костяков. Черепа получили номера 15, 18 и 19 (рис. 20, А). Присутствовало также большое количество посткраниальных костей. Как показало антропологическое описание, это скопление включало останки мужчины 45–55 лет (погребение 15), фрагменты черепов подростка 15–17 лет и мужчины 40–50 лет (погребение 18), а также кости женщины 18–25 лет (погребение 19). Верх наиболее возвышенного черепа 15 (-242 см) располагался на 28 см выше посткраниального скелета основного погребения 13 (его описание см. ниже). При этом череп, несомненно, был положен внутрь колоды, в которой совершено погребение 13.

Кроме того, в центральной части могильной ямы обнаружены еще два черепа. У южной стенки располагался череп 16 (-230 см), а у северной – череп 17 (-238 см). Черепа несколько (на 3–5 см) выдвинуты за границы могильной ямы. Верхние отметки этих черепов были на 32 и 40 см выше посткраниального костяка основного погребения 13. Хотя колода сохранилась на высоту 20 см, маловероятно, что после проседания в нее земли она сохранила высоту 40 см. Поэтому, скорее всего, эти черепа положили на колоду и частично между нею и краем могильной ямы. Судя по антропологическому описанию, черепа принадлежали женщине (?) 20–30 лет и мужчине 50–60 лет.

В могильной яме (над скоплением костей в юго-восточном углу колоды) найдены венчик серого горшка, стенки красноглиняного и белоглиняного горшков, а также венчик красной грубой керамики (рис. 17, Д, *194, 192*). Это позволяет установить *terminus post quem* для погребения 13 – вторая-третья четверти XV в., когда в быту населения Московского княжества появились ранние формы белоглиняной грубой посуды.

Погребение 14. В зачистке на уровне -258 см, то есть на глубине 116 см от дневной поверхности кладбища, между северной и южной могильными ямами в материке зафиксирован северный край изножия ранней могильной ямы, вдоль которого залегали в анатомируемом порядке *in situ* часть тазовой, бедренная, большеберцовая и малоберцовая кости левой ноги погребения 14. Это погребение разрушено в ходе копки могилы погребения 10, которое, как показано выше, принадлежит к числу ранних погребений. Следовательно, погребение 14 можно трактовать как наиболее раннее из изученных погребений, залегающих *in situ*. Антропологическое определение показало, что здесь была захоронена женщина 30–40 лет с восстановленной длиной тела 160–161 см.

Продолжая развивать предложенную выше гипотезу о том, что о могиле «гребца» (погребение 10) знали те, кто хоронил ребенка и подростка (погребения 4 и 5), следует сказать, что устроители могилы самого «гребца» не знали о захоронении женщины. Возможно, они прихоронили ее череп в районе левой ноги погребения «гребца».

После разборки погребения 10 зачищено дно его могильной ямы, сложенное материковым бурым суглинком.

Пласт 14 (-265/-275). После снятия прихороненных в могиле 13 останков (погребения 15–19) раскопки продолжались, и вскоре на отметках -266/-271 см, то есть на глубине -129 см от дневной поверхности кладбища, обнаружились залегавшие *in situ* в анатомическом порядке кости посткраниального скелета *погребения 13* (рис. 20, Б). Череп не вошел в пределы шурфа. По антропологическому определению, это был мужчина 40–50 лет со следами артроза на коленных суставах. На уровне залегания скелета следов деревянной колоды различить не удалось. Тем не менее не было никаких сомнений в том, что захоронение 13 совершено в описанной выше колоде. Сохранность костей плохая, возможно, поэтому мелкие кости не сохранились. В шурф вошли практически полностью обе плечевые кости, лежавшие параллельно друг другу. Локтевая и лучевая кости правой руки (последняя смещена) лежали под острым углом к плечевой кости, так что несохранившиеся кости кисти должны были лежать на груди. Соответственно локтевая и лучевая кости левой руки были опущены так, что несохранившиеся кости кисти должны были находиться на животе. Кости таза сохранились частично, кости ног – полностью, включая мелкие кости стоп. Они лежали параллельно на расстоянии 20–27 см друг от друга. Под костями стопы левой ноги погребенного найден фрагмент кожаной обуви (рис. 17, Д, *186*).

В 10 см к югу от описанного выше скелета, вдоль южного края могильной ямы залегали прихороненные кости от нарушенных погребений

Рис. 21. Вид из трапезной в направлении наоса ц. Петра и Павла. Открытка нач. XX в. и фото 08.08.2017. Стрелкой показано место шурфа № 5

(рис. 20, Б). Скопление вскрыто на пространстве 113 см в длину и 10–15 см в ширину. Верхние отметки этого скопления костей на всем его протяжении составляли -260, а нижние -265 см. Лишь в западной части уложенные одна на другую кости поднимались до отметки -249 см, то есть на 20 см выше, чем отметки скелета погребения 13. По данным антропологического определения, этот склад костей (условно назван погребением 20) включал останки двух индивидов мужского пола, один из которых был экстремально высоким (177–178 см), одной женщины с длиной тела 160–162 см и подростка 16–18 лет.

Таким образом, раскопки свидетельствуют о рядности захоронений и чрезвычайно плотном их расположении, а также о практике захоронений в старую могильную яму. Само по себе это говорит о том, что захоронения совершались на протяжении довольно значительного периода. Большое число погребений мужчин свидетельствует, что шурф 1 пришелся на ту часть монастырского кладбища, где хоронили горожан.

Среди находок, сделанных в могильных ямах, преобладают гвозди. Найдены фрагменты красноглиняной гладкой и чернолощеной керамики, а также пуло, свидетельствующие о том, что могилы пробили слой, отложившийся в начале распространения чернолощеной и белоглиняной грубой посуды, то есть во второй – четвертой четвертях XV в. Таков *terminus post quem* могильника. Присутствие белокаменных надгробий с мелким «волчьим зубом» показывает, что некрополь существовал в первой половине XVI в., а возможно, вплоть до Смутного времени.

Шурф 5 на месте предполагаемой раки над могилой Марины (в иночестве Марии), матери преподобного Иосифа Волоцкого

Шурф 5 (2×1,6 м) заложен в северо-восточном углу Трапезной 1693–1696 гг. (рис. 3), где в XVIII–XIX вв. предположительно находилась рака, отмечавшая место, где под спудом помещалось погребение матери преподобного Иосифа Волоцкого. В описании Власьевского монастыря 1763 г. упоминается «гробница, где погребены чюдотворца Иосифа мать», причем об одной из икон, украшавших эту гробницу, сказано, что она располагалась «на стене» (*Горячева, Невзорова*, 2013. С. 139).

При выборе места шурфа использовалась фотография интерьера Трапезной начала XX в. (рис. 21, А), которая фиксирует у северо-восточного и у юго-восточного углов Трапезной сооружения, напоминающие раки.

После разборки северной и восточной стен Трапезной в ходе перестройки храма в 1884–1885 гг. от них сохранился лишь северо-восточный угол, обращенный в столб. Шурф 5 был заложен таким образом, что его северо-восточный угол вошел в нишу столба. В качестве нулевого уровня выбран уровень Царских врат. От этого уровня взята отметка кирпичной ступеньки в углу столба (175,38 м), которая использовалась как репер.

Раскопки начались после снятия асфальтового покрытия советского времени и чугунного пола. После разборки однородного слоя кирпичного боя мощностью 40 см в восточной и центральной частях шурфа обнажились кирпичные кладки. Кладка в восточной части шурфа представляла собой четыре ряда кирпичей размерами 28×14 см, которые прилегали к восточной стене Трапезной и располагались на отметке -60 см (рис. 22, А). Западный край кладки соответствовал створу западной стороны столба храма.

Кладка в центральной части шурфа ориентирована перпендикулярно первой, располагалась

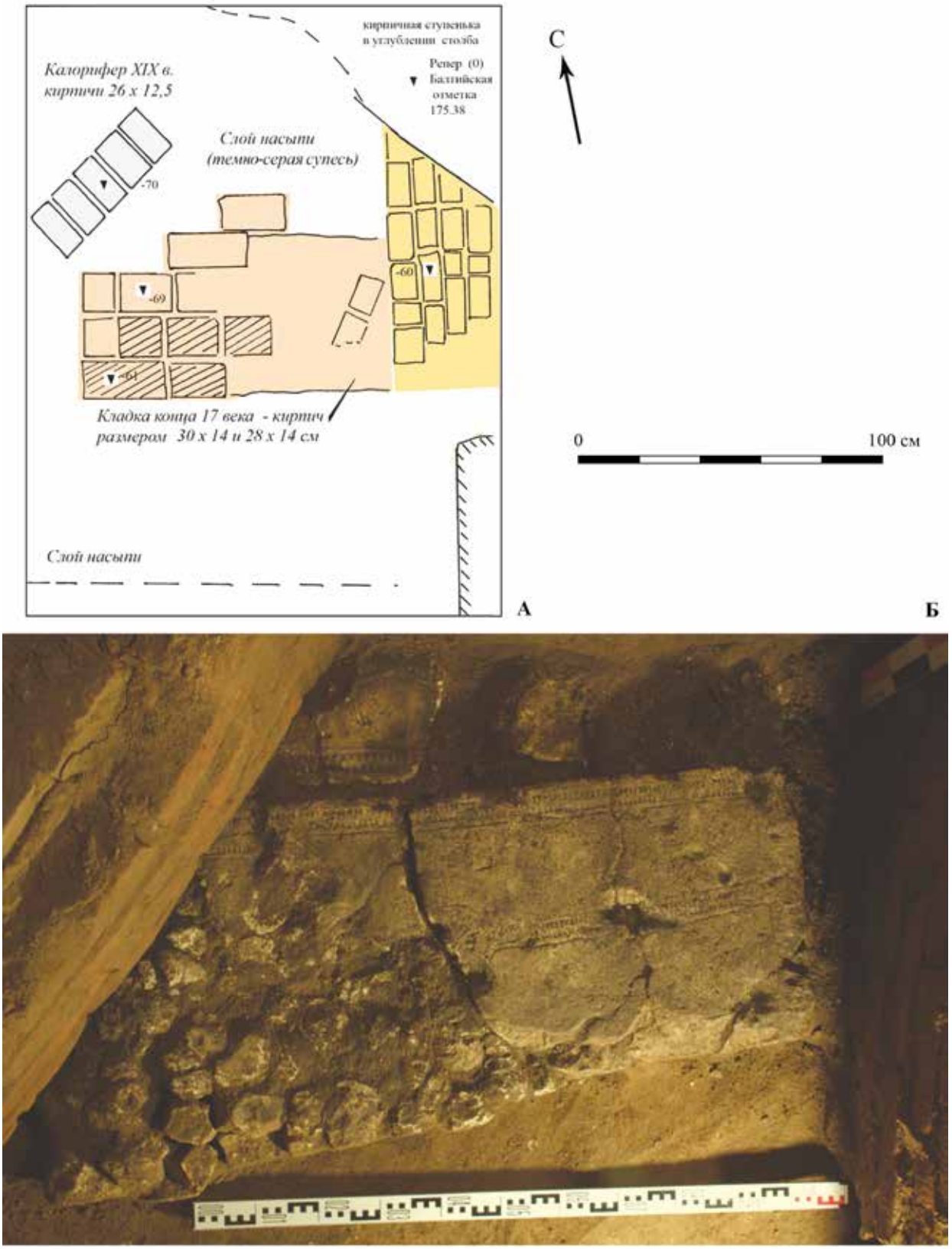

Рис. 22. Шурф 5 у северо-восточного угла трапезной храма 1693–1696 гг. в районе предполагаемой раки Марины (инокини Марьи), матери Иосифа Волоцкого. Раскопки в ц. Петра и Павла
А – зачистка на отметке -60 / -70 см; *Б* – белокаменное плиточное надгробие 6

в 90 см к югу от северной сены Трапезной (северная сторона ниши) и находилась на отметке -61 см, то есть на том же уровне, что и восточная кладка (рис. 22, А). Прослежено четыре ряда кирпичей 30×14×8 см. Судя по их размерам (большемер), они датируются периодом строительства церкви Петра и Павла (1693–1696 гг.) или периодом вскоре после строительства, когда мог использоваться заготовленный для храма материал (*Киселев*, 1986. С. 15). Расчистка данной кладки на дополнительную глубину (10 см) показала, что под первым слоем кирпича располагается второй на отметке -69. Западная кладка не была полностью расчищена на примыкании к восточной, но создавалось впечатление, что они не перевязаны друг с другом.

Поскольку обе кладки имели практически одинаковую отметку поверхности, одинаковую ширину и перпендикулярны друг другу, можно сделать вывод, что шурф 5 открыл основание деревянной конструкции, которая зафиксирована на фотографии в северо-восточном углу Трапезной. Раскопки показали, что фундамент этой конструкции выполнен из большемерного кирпича, видимо, вскоре после завершения строительства храма (1693–1696 гг.).

Пока мы не можем однозначно утверждать, что данное сооружение служило основанием раки над могилой инокини Марии. Однако совершенно очевидно, что раку устроили на метровой подсыпке, которая накрыла кладбище XVI в. Эта подсыпка зафиксирована шурфами 1 и 4.

После завершения раскопок в июле 2018 г. в помещении Трапезной начали снимать верхний грунт. Поскольку практически на всей площади Трапезной культурный слой был разрушен помещением калорифера XIX в. (рис. 23), эти работы велись без археологического надзора. Район шурфа 5 в северо-восточном углу Трапезной не был затронут калорифером, и здесь сохранился слой насыпи, выполненный в 1693–1694 гг. В связи с этим 27 июля 2018 г. мною этот участок был осмотрен. На глубине 53 см от уровня кирпичной кладки, выявленной шурфом 5, *in situ* залегало белокаменное плиточное надгробие. Оно было ориентировано изножием на восток, а оглавием на запад.

Надгробие 6 (рис. 22, Б) имело в длину 133 см. Ширина надгробия составляла в изножии 44 см, а в оглавии -65 см. Толщина плиты равнялась 12 см. Плита расколота по центру, но не смещена. По контуру лицевой грани плита украшена полосой трехгранно-выемчатого орнамента (вдоль южной стороны плиты не сохранился). В 50 см от края изножия, в центральной части плиты, просматривалось клеймо-«солнце» (диаметр 13 см), сохранившееся только в восточной своей части. Клеймо выполнено большими треугольниками, ориентированными вершинами внутрь, и мелкими треугольниками по внешнему контуру. В районе оглавия и центральной части плиты ее поверхность поколота таким образом, что между углублениями сохранялись участки поверхности размерами от 12×11 см до 5×3 см. По характеру орнамента в виде мелкого «волчьего зуба» плиту можно датировать концом XV – серединой XVI в.

Надгробие 6 по своему стратиграфическому положению соответствовало плитам, исследованным в шурфах 1 (в алтаре) и 2 (к востоку от апсид) и представляло собой часть некрополя Возмищского монастыря XVI в. Есть основания предполагать, что оно отмечает место погребения Марины (в иночестве Марии) Саниной.

Шурф, заложенный в апсиде храма, открыл на глубине 1,3 м поверхность монастырского некрополя, маркируемую тремя белокаменными плиточными надгробиями, два из которых украшены мелким «волчьим зубом» первой половины – середины XVI в., а также валуном-голгофой (?). Найдены серебреные деньга-сабельница, чеканенная в 1535–1547 гг., и копейка Ивана IV. В шурфе, заложенном с внешней стороны апсиды, на отметке -210 см открыто еще одно плиточное надгробие с «волчьим зубом» и надгробие из ракушечника. Глубокое залегание некрополя связано с тем, что полы храма 1693–1696 гг. устроены на метровой подсыпке, образованной из культурного слоя, извлеченного из фундаментных рвов. Слой отражает период жизни монастыря, когда на месте некрополя еще располагались кельи. Большая часть материала датируется XV в. Это керамика, близкая закрытым комплексам Михайловское 2 (1400–1425 гг.), Дунино-6 (1425–1460 гг.) и Исторического проезда Москвы (постройки, погибшие в пожаре 1493 г.), и 17 медных тверских и московских пул. Наиболее ранним является тверское пуло варианта 141, чеканившегося до присоединения к Москве в 1485 г. Из пяти тверских пул, датируемых после 1485 г., два относятся к варианту 358 и два – к вариантам 360 и 361. Из шести московских пул два относятся к варианту 406, одна монета напоминает варианты 407 или 408. Превосходно сохранилась монета 409-го варианта. Монеты свидетельствуют о том, что кельи монастыря активно функционировали в 1480-е и 1490-е годы. Судя по составу керамического комплекса, в период великого княжения Василия III (1505–1533) жилая и хозяйственная деятельность здесь прекратилась.

Рис. 23. Трапезная ц. Петра и Павла. Вид из юго-западного угла на северо-восток. На переднем плане – калорифер, разрушивший культурный слой. На заднем плане – белокаменное плиточное надгробие, раскрытое в северо-восточном углу трапезной

Среди находок (всего 201) к XV в. относятся часть квадратоконечного бронзового креста-тельника с надписью «(кресту тв)оему п(оклоняюся)» на обороте, фрагменты поливных сосудов русской работы, удила, предметы, связанные с обустройством дома (скоба, жуковина, массивный костыль, строительные гвозди) и обработкой ткани и кожи (иглы, ножницы), инструменты (долото, пробойник), обивочные гвоздики, элементы книжного переплета или накладки на ларец.

Выделяются материалы более раннего времени. Это цилиндрический замок типа В (второй половины XII – начала XV в.) (рис. 10, *23*), перстень из сине-фиолетового стекла первой половины XIV в. (рис. 9, *53*) (аналогичный перстень с составом стекла Na-Ca-Si обнаружен в срубе 6 Исторического проезда Москвы (*Чернов, Бойцов*, 1992. С. 227. Рис. 12, № 428; *Столярова*, 2016. Рис. 7, 9; С. 634, № 818) и серая керамика, которая также находит аналогии в срубе 6. По всей видимости, к этому времени следует относить и лицевую створку бронзового литого креста-энколпиона (пл. 4, кв. 2; -91 см; № 46) с изображением «триумфирующего» Христа на кресте и надписью «IC XC». По типологии Г. Ф. Корзухиной – А. А. Песковой крест принадлежит к группе энколпионов с высоким рельефом типа II.4.3 с изображением Распятия на лицевой и Богоматери Агиосоритиссы (Заступницы) на оборотной стороне. Исходя из этих материалов, появление Власьевского монастыря предположительно относится к концу XIII – первой половине XIV в. (подробнее см.: *Чернов,* 2018).

В ходе раскопок могильника (-130/200 см) открыто 14 погребений. Это безынвентарные ингумации по православному обряду головой на запад. Изучены две возобновляемые могилы центрального ряда, к которому с запада и востока примыкали два других ряда могил. Прослежены следы деревянных колод. Глубина погребений от поверхности XVI в. – от 0,4 до 1,2 м. При захоронении

в старую могильную яму разрушались более ранние погребения, и эти кости укладывались в изножие и (или) по бокам от гроба. Антропологическое исследование (см. *Прил. 1*) выявило кости семи мужчин, четырех (3 предположительно) женщин, 10 детей и пяти не поддающихся определению индивидов. Проведен анализ микроэлементного состава костной ткани (см. *Прил. 2*). Судя по преобладанию мужских захоронений, здесь похоронены горожане, а не насельницы монастыря.

В костной ткани большинства погребенных зафиксировано низкое содержание железа и меди, что объясняется низким уровнем гемоглобина из-за плохого питания. На этом фоне резко выделяются высокие показатели железа и меди в погребении 10 («гребец»). Скорее всего, этот случай связан с обезвоживанием, наблюдаемым при холере или ином инфекционном эпидемическом заболевании. Отсутствие избытка цинка и марганца свидетельствует о том, что жители Волоколамска, погребенные во Власьевском монастыре, не страдали остеопорозом (ср.: *Чернов*, 2022. С. 95–98).

Среди керамики, найденной в слоях подсыпки, перекрывающей некрополь, встречена лепная (27 фрагментов) и раннекруговая, подправленная от руки (10 фрагментов) посуда (*Чернов,* 2017а. Табл. 142–145). Слабопрофилированный горшок с заостренным венчиком напоминает керамику финальной стадии культуры смоленско-псковских длинных курганов. Она сочетается с раннекруговыми сосудами с воронковидным горлом, а также с горшками, венчики которых имеют валик. Судя по всему, первое поселение появилось на этом месте в XI в.

В северо-восточном углу Трапезной (1693–1696 гг.), там, где в XVIII–XIX вв. располагалась рака, отмечавшая место погребения Марии, матери Иосифа Волоцкого, заложен шурф 5. На уровне пола зафиксирована кладка в четыре ряда из большемерных кирпичей, не скрепленных раствором и датируемых периодом строительства храма (30×14×8). Под кладкой, на глубине 53 см от уровня пола, открылось залегавшее *in situ* по линии запад – восток плиточное белокаменное надгробие (133×75×12 см) с орнаментом из мелкого «волчьего зуба». Есть основания предполагать, что именно здесь погребена инокиня Мария. Поскольку на месте ее погребения в XVII в. располагалась часовня, память о нем могла сохраниться.

Литература

Авдеев А. Г., 2008. Эпиграфические памятники конца XV–XVI в. Возмищского монастыря «Пречистой Богородицы честнаго ея Рождества и Святаго Преподобнаго отца нашего Кирила Чюдотворца» // Преподобный Иосиф и его обитель. Матер. науч.-практ. конф., посвященной пятилетию обретения мощей Преподобного Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма – Успенского собора – и 80-летию со дня рождения Митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. М.: Северный паломник. С. 329–336.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-граффити. 567 с.

Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты XIV–XVI вв. М.: Наука. 298 с.

Горячева М. Ю., Невзорова Л. Г., 2013. Власьевский монастырь города Волоколамска // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Матер. науч.-практ. Конф., посвященной 530-летию основания Иосифо-Волоцкого монастыря и 20-летию возрождения в нем монашеской жизни. Вып. II. М. С. 127–144.

Киселев И. А., 1986. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальной характеристике. М.: Росреставрация. 34 с.

Кренке Н. А., Беляев Л. А., 2006. Монастырский некрополь XV–XVI веков. Плиты из Зачатьевского монастыря // Русское средневековое надгробие XIII–XVII веков. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 44–50.

МК / Отв. ред. С. З. Чернов, М. Д. Полубояринова. М.: ИА АН СССР, 1991. (Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 5). 198 с., ил.

Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его инока Досифея Топоркова / Подготовил К. И. Невоструев // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. Книга 2. Приложение. М.: Синодальная типография, 1865. С. 153–180.

Опись Власьевского монастыря. 1763 г., июль // Горячева М. Ю., Невзорова Л. Г., 2013. Власьевский монастырь города Волоколамска. Приложение. М. С. 138–144.

Столярова Е. К., 2016. Стекло средневековой Москвы XII–XIV веков. М. 691 с.

Технический отчет. Инженерно-геологические изыскания на объекте: «Московская область. Г. Волоколамск, ул. Советская. 28. Церковь Св. Петра и Павла». М.: ООО «ИнжГеоДриллинг», 2017.

Холмогоровы В. и Г., 1896. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII вв. Вып. 9. Волоколамская и Серпуховская десятины. М. 284 с.

Чернов С. З., Бойцов И. А., 1992. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII–XIV вв. // СА. № 1. С. 211–230.

Чернов С. З., 2017а. Отчет об археологических раскопках для разработки проекта реставрации церкви Петра и Павла в г. Волоколамск в 2017 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 58939, 58938.

Чернов С. З., 2017б. Двор с монетными весами в деревне Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век // АП. Вып. 13 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 309–345.

Чернов С. З., 2018. Энколпион из Власьевского монастыря в Волоколамске и его археологический контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (74). С. 97–115.

Чернов С. З., 2019. Волок Ламский старый и новый: историческая топография и археологические данные // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.: ИРИ РАН. С. 483–516.

Чернов С. З., 2022. Власьевская, звенигородская деревня XIII–XVI веков. М.; Звенигород: Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. 176 с.

Шокарев С. Ю., 2006. Некрополь XVI–XVII веков в избранных надписях. Плиты из коллекции Музея истории г. Москвы // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 124–129.

S. Z. Chernov

Vlasyevsky Monastery in Volokolamsk According to Archaeological Excavations in the Church of Peter and Paul in 2017

Summary

The article presents the results of archaeological excavations at the Church of Peter and Paul (1693–1696) in the city of Volokolamsk in 2017. A pit laid in the apse of the temple revealed the surface of the necropolis of the Vlasyevsky monastery (3 white-stone tiled tombstones) at a depth of 1.3 m. The necropolis was deep because the floors of the church were built on a meter-high foundation. It was formed from a cultural layer extracted from the foundation ditches. The layer reflects the period of the monastery's life (15th c.), when buildings were still located on the site of the necropolis. Ceramics have been found that are close to the closed complexes of Mikhailovskoye 2, Dunino-6, Historical Passage of Moscow (1493) and 17 copper Tver and Moscow coins from the 1480s to the 1490s. Earlier materials are highlighted. These are a cylindrical lock of type B, a blue-purple glass ring of the first half of the 14th century, gray ceramics and cross-encolpion of type II.4.3 by G. F. Korzukhina-A. A. Peskova with the image of the Crucifixion. Based on these materials, the appearance of the Vlasyevsky monastery dates back to the end of the XIII – beginning of the XIV century. During the excavations of the necropolis, 14 burials of the XVI century were discovered, which were studied by the anthropologist N. N. Goncharova. In the refectory in the 18th–19th centuries the tomb of the nun Mary, the mother of Joseph Volotsky, was located. A white stone tombstone (133×75×12 cm) with a small "wolf's tooth" ornament from the end of the 15th – the first half of the 16th century was found at this place.

Приложение 1

Н.Н. Гончарова. Антропологический отчет о погребениях в апсиде церкви Петра и Павла (г. Волоколамск, 2017 г.)

Общее описание материала

1. Демографическая картина. Подсчет индивидов проведен следующим образом: подсчитаны погребения, затем достоверно определенные индивиды из перезахоронений или скоплений костей. Учтены возможные совпадения. Так, например, если в скоплении костей определен индивид на основании анализа длинных костей, а в заполнениях ям встречен индивид аналогичного пола и возраста, но определенный по черепу, то в конечном количестве учитывается только один индивид, а не два. Достоверный подсчет возможен при учете только одноименных костей (так, если в одном скоплении костей обнаружены две лобные или две затылочные кости, очевидно, перед нами останки двух индивидов). Подобная методика позволяет утверждать, что в изученной группе достоверно определяются останки десяти детей, семерых мужчин, одной женщины, еще три индивида определяются как «вероятнее женщины», для пяти индивидов пол неопределим. В это суммарное количество не вошли еще четыре ребенка, у которых были найдены только отдельные кости, но которые по своим параметрам не могли быть причислены к упомянутым десяти индивидам детского возраста. Так, например, в подсчет не включены находки 3 и 7, кость ребенка из погребения 1 и т. д.

Таким образом, можно уверенно говорить, что на небольшой площади (4,6 кв. м) найдены останки около 20 человек. Из них 50% – дети, 30% – взрослые мужчины, 5% – женщины (один индивид), у остальных индивидов пол не определен в силу фрагментарности останков.

Средний возраст смерти мужчин – 37,9 года, средний возраст смерти в целом по группе (без учета детской смертности) – 34,0 года. Результат ожидаемый, средний возраст смерти мужчин, как правило, выше, чем средний возраст женщин. Следует учесть, однако, что разрозненные кости индивидов грацильного (тонкосложенного) типа могли быть идентифицированы как женские. Достоверное определение пола возможно только при наличии тазовых костей или хотя бы бо́льшей части скелета, поэтому определение «вероятнее женщина» в случае фрагментированных костей носит ориентировочный характер.

Средний возраст смерти детей – 6,5 лет, при этом шестеро детей (60%) умерли в возрасте до 3 лет, то есть в первые три года жизни. Еще трое (30%) – в подростковом периоде. Традиционно именно эти два пика смертности в детском возрасте и отмечаются в различных демографических исследованиях городского населения.

Длина тела у мужчин определена в шести случаях, в среднем она составила 170,5 см, это средние значения длины тела мужчин-горожан в XV–XVI вв.

Длина тела женщин заметно меньше, в среднем 161 см, что тоже является вполне обычным показателем для городских жителей начиная с древнерусского времени. Особенностью группы можно было бы считать значительное преобладание числа мужчин, однако, учитывая контекст захоронения, и это обстоятельство выглядит вполне обычным. Необычно лишь количество погребенных на небольшом пространстве.

2. Анализ индивидуализирующих особенностей. В изученной серии отмечается большое количество патологий опорно-двигательного аппарата. Так, например, для анализа были доступны всего пять полностью или частично комплектных позвоночников, при этом два позвоночника найдены в детских погребениях. Значит, «взрослых» позвоночников встретилось всего три. При этом в двух случаях на позвонках были выявлены патологии. И если для возраста 40–50 лет спондилоартроз шейного отдела является скорее нормой, то хрящевые грыжи на позвонках молодого (погребение № 10; 25 лет) человека свидетельствуют о значительной и постоянной нагрузке на позвоночник. Необходимо также сказать и о спондилоартрозе. В современном мире фактором, приводящим к развитию спондилеза или спондилоартроза шейного отдела, выступает сидячая работа в фиксированной неудобной позе. Для прежних времен такого рода деятельность была скорее исключением, но к возникновению заболевания приводят любые чрезмерные нагрузки на плечевой пояс. Современными исследованиями показано, что дегенеративные изменения шейных позвонков возникают у спортсменов, занимающихся поднятием тяжестей. Кроме того, у обоих мужчин, имевших проблемы с осевым скелетом, выявлены сопутствующие особенности: в погребении 1 отмечена травма кисти, у индивида из погребения 10 – выраженная рельефность костей плечевого пояса. Очевидно, что большие нагрузки на позвоночник были

нормой для мужчин, погребения которых исследовались в апсиде церкви.

Еще одним показателем, на который следует обратить внимание, является частота эмалевой гипоплазии, фиксируемая на постоянной смене зубов. Только для пяти индивидов из общего числа погребенных была возможность наблюдать зубочелюстной аппарат, полностью или частично. В трех случаях из пяти была отмечена множественная (то есть встреченная на нескольких зубах) эмалевая гипоплазия. Конечно, учитывая маленький объем выборки, нельзя утверждать, что частота этого маркера стресса достигает 66%, так как велика случайная ошибка, зависящая от объема выборки. Однако очевидно, что остановки ростовых процессов как следствие недоедания или болезней были также нормой для изученной группы.

Необходимо отметить и еще одну особенность – наличие окислов металла на черепе из погребения 9 (отнесенном к погр. 10). Учитывая контекст погребений, можно предположить, что на лице погребенного находилась ткань, вышитая металлическими нитями, так называемый воздýх, которым покрывали (и до сих пор покрывают) лицо умершего священника. Разумеется, это только допущение, следы окислов металла могли появиться на лобной кости и по каким-либо другим причинам.

Подводя итог, отметим еще раз особенности изученной группы: большое количество погребенных на малой площади, преобладание числа мужчин, высокие частоты различных маркеров стресса и физических нагрузок. Обычными являются показатели среднего возраста смерти и длины тела.

Сохранность	**Определение пола и возраста, особенности**
Погребение 1	
Сохранность средняя. Найдены: череп средней сохранности, первые пять шейных позвонков, фрагменты лопаток, плечевых костей, кости кисти. Здесь же – лучевая кость ребенка.	Мужчина, возраст смерти – 45–50 лет. Особенности: очень крупный индивид, костяк массивный, следы холодового стресса на костях свода черепа (периостит), заживший перелом правых пястных костей, спондилоартроз шейных позвонков (полировка суставных поверхностей отростков позвонков). Отмечено большое количество патологий зубочелюстного аппарата: кариес, потеря зубов, сильно развитый зубной камень, остеомиелит на верхней челюсти (в области коренного и предкоренного зуба слева). Очень высокая степень стертости резцов. Ребенок 4–5 лет.
Погребение 2/ Скопление костей № 2	
1. Верхнечелюстная кость, фрагменты свода черепа, локтевая и лучевая кости (левые), ключица (левая) и множество фрагментов позвонков, ребер ребенка. 2. Верхнечелюстная кость (левая) и две нижние челюсти детей примерно одного возраста. 3. Множество длинных костей детей: парные (принадлежащие одному индивиду) бедренные, две левые бедренные разной длины, две парные большеберцовые, плечевая кость, малоберцовая кость. 4. Много длинных костей взрослых: две парные локтевые, фрагменты четырех лучевых костей, одна плечевая, одна бедренная, фрагменты трех большеберцовых. 5. Череп взрослого индивида. 6. Кроме того, много фрагментов позвонков, ребер, ключиц, мелких костей стопы и кисти.	Кости не менее пяти человек. 1. Ребенок, возраст – 9 мес. – 1,5 года. 2. Два ребенка, возраст – 2–3 года. Количество длинных костей взрослых позволяет утверждать, что в скоплении находится останки не менее двух индивидов. Один индивид – мужчина (в соответствии с рельефом и размерами костей), другой индивид – женщина (ей принадлежит череп). Сохранность костей не позволяет рассчитать длину тела. Возраст смерти мужчины – 30–40 лет. Возраст женщины – 18–20 лет.
Погребение 3	
Найдены только кости правой ноги.	Мужчина, возраст 30–40 лет. Восстановленная длина тела – 172–177 см.
Погребение 4	
Полная сохранность всех костей.	Подросток (ребенок) 12–15 лет, вероятнее, мужского пола. Множественная эмалевая гипоплазия (на нижних резцах, верхних и нижних клыках, премолярах), период неблагополучия (физиологического стресса) и остановки ростовых процессов от 3 до 8 лет.

Сохранность	Определение пола и возраста, особенности
Погребение 5	
Полная сохранность костяка	Ребенок, возраст 6–7 лет
Погребение 6	
Сохранность плохая. Найдены разрозненные кости: бедренная левая (эпифизы разрушены), фрагмент правой бедренной, обе большеберцовые (фрагментированы), нижняя челюсть и фрагменты свода черепа.	Мужчина, 20–25 лет, очень массивный, выражен рельеф костей, нижняя челюсть очень высокая. Восстановленная длина тела – 166–169 см.
Череп № 9	
Смещен, относится к погребению 10.	Мужчина, возраст смерти – 20–25 лет. На лобной кости следы окислов металла.
Погребение 10	
Средняя сохранность скелета. Найдены длинные кости рук и ног (одна из плечевых находилась в скоплении костей, смотри запись Разрозненные кости из ямы погребения 10), череп, кости обеих стоп, грудные и поясничные позвонки.	Мужчина, возраст смерти – 20–25 лет. Восстановленная длина тела 163–165 см. На нижних грудных и всех поясничных позвонках – хрящевые грыжи. При небольшом росте индивид обладал хорошо развитой мышечной системой, особенно выражен рельеф костей, входящих в плечевой пояс. Морфологический тип – брахиморфный, с широкими плечами, относительно короткими ногами. Развитие рельефа плечевой кости позволяет восстановить характер преимущественных движений – отведение руки назад с усилием. Иллюстрацией такой деятельности могут быть движения гребца или человека, работающего молотом.
Погребение 13. Основной костяк	
Сохранность плохая, наличествуют только длинные кости рук и ног, а также тазовые кости и мелкие кости стопы.	Мужчина, возраст смерти – 40–50 лет. Восстановленная длина тела – 169–170 см. Оба коленных сустава несут следы артроза, на правом, возможно, была травма.
Находка 13Б	
Лобная кость (посмертно деформирована).	Половую принадлежность определить затруднительно, вероятнее, женщина, возраст смерти – 20–30 лет.
Погребение 13в	
Свод черепа, посмертно деформирован.	Мужчина, 50–60 лет.
Погребение13г. Склад останков в ЮВ углу гроба ямы13	
Скопление костей двух индивидов: фрагменты черепа (кости свода черепа и левая верхнечелюстная кость), длинные кости рук и ног – индивид № 1; черепная коробка, длинные кости правой руки взрослого человека – индивид № 2.	Индивид № 1 – подросток 15–17 лет (см. след. запись). Индивид № 2 – мужчина, возраст смерти – 40–50 лет. Локтевая кость искривлена, возможно, в детстве перенес рахит или рука была травмирована (трещина на костях предплечья). Длина тела – 170–171 см.
Погребение 13с	
Нижняя челюсть, по возрасту, зубной дуге и особенностям совпадает с верхнечелюстной костью индивида № 1 из погр.13г. Здесь же найдена плечевая кость (левая) новорожденного ребенка.	Подросток, 15–17 лет, вероятнее, мужского пола, на зубах множественные следы эмалевой гипоплазии (маркера остановки ростовых процессов), а также зубной камень (редко встречается на зубах молодых людей). По положению линий гипоплазии можно говорить, что периоды недоедания/физиологического стресса у этого индивида были неоднократными на этапе от 3 до 10 лет. Ребенок, новорожденный (0–1 мес.)
Погребение 13д. Квадрат 3, шурф 1	
Череп между 13а и 13г (см. рис. 9 – надписи на этикетке). Фрагменты черепа (кости свода черепа, височные кости и фрагмент затылочной кости).	Половую принадлежность определить сложно, вероятнее, индивид женского пола, возраст наступления смерти – 18–25 лет.
Погребение 13д (пласт 13, шурф 1) (см. рис. 9)	
Полная черепная коробка, посмертно деформирована.	Вероятнее – мужчина, возраст смерти – 45–55 (см. запись «Погребение 13, основной костяк», возможно, это кости одного индивида).

Сохранность	Определение пола и возраста, особенности
Погребение 13. Склад костей вдоль края могилы	
Длинные кости: 1. Парные (принадлежащие одному индивиду) бедренные, а также две отдельные правые бедренные. 2. Две пары парных большеберцовых костей, а также одна правая большеберцовая, одна левая (другой формы, длины, строения) и большеберцовая кость подростка. Кроме того, множество фрагментов черепа, фрагментированных костей рук, таза, позвонков и ребер, мелкие кости стопы и кисти.	Не менее пяти индивидов (это количество определено по числу большеберцовых костей). Определение пола и возраста: – два индивида мужского пола, у одного из них длина тела – 177–178 см, у другого рассчитать длину тела невозможно; – одна женщина (?), длина тела – 160–162 см; – подросток, пол неопределим, возраст смерти – 16–18 лет.
Погребение 14 (раннее)	
Сохранность средняя. Найдены длинные кости: обе бедренные (правая фрагментирована), левая большеберцовая, тазовая кость, коленная чашечка, фрагменты костей предплечья.	Женщина, 30–40 лет. Восстановленная длина тела – 160–161 см. Особенностей не обнаружено.
Разрозненные кости из ямы погребения 10	
Найдены: три плечевые кости, две левые (одна из них относится к скелету из погребения 10, идентична по строению и особенностям) и одна правая (фрагментирована); парные (левая и правая одного индивида) локтевые кости; три пары бедренных разной степени сохранности; две пары большеберцовых костей и отдельный фрагмент большеберцовой кости. Кроме того, большое количество фрагментированных позвонков, ребер, фрагмент таза подростка.	Эти кости принадлежат четырем индивидам, один из которых – подросток 14–15 лет (лобковая кость), остальные взрослые. Однако большей информации о них получить не удается.
Пласт 12, квадрат, слой 3, 5. «Кость»	
Скопление фрагментированных костей. Тазовая кость подростка. Фрагменты черепа взрослого, в том числе нижняя челюсть (все зубы выпали прижизненно, кроме двух коренных слева, альвеолярный отросток редуцирован). Парные кости предплечья (локтевая и лучевая) подростка. Правая верхнечелюстная кость подростка. Позвонки, ребра, фрагменты длинных костей, кости стоп и т.д.	В скоплении достоверно могут быть идентифицированы два индивида: индивид № 1 – пол неопределим, возраст – 45–60 лет; и подросток (пол неопределим) 14–17 лет.
Яма погребения 4	
Разрозненные кости. Фрагменты черепа и нижняя челюсть взрослого. Нижняя челюсть ребенка.	Пол неопределим, возраст – 55–60 лет. Ребенок, 3–4 года.
Пласт 6, находка 8	
Нижняя челюсть ребенка.	Ребенок, 2–4 года.
Пласт 6, кв. 1, находка 3	
Левая бедренная кость.	Ребенок, 8–10 лет.
Пласт 7, кв. 3, находка 14	
Нижняя челюсть ребенка.	Ребенок, 1–2 года.
Пласт 7, кв. 2, находка 7	
Левая бедренная кость ребенка.	Ребенок, 4–5 лет.

Приложение 2

Е.И. Александровская. **Результаты микроэлементного анализа костных тканей некрополя Власьевского монастыря XVI в.**

П1	1) кости запястья (много):	1	(одно определение)
	2) *Scapula Fibula** 1:	1	(лопатка)
П3	1) кость стопы 1:	1	
	2) кость стопы 1:	1	
П4	1) позвонки 2:	2	
	2) *Scapula Fibula* 2:	1–2	(лопатка)
П5	1) позвонки 2:	2	
	2) *Scapula fr. Cranium:*	1	(лопатка)
П10	1) позвонок 1:	1	
	2) *Metacarpodium* (4):	2	(кисть руки)
П13	1) кости стопы (2):	2	
	2) *Radius Ribs* (4):	2	(лучевая кость, ребра)
П14	1) крестец, колени (3):	3	
	2) локтев., мал. берцов. (2)	1–2	
	Итого:	20–22	

Результаты микроэлементных определений

Исследована костная ткань из погребений № 1, 10, 3, 4, 5, 13, 14 (анализ РФА).

Погр.	Fe	Mn	Ni	Cu	Zn	Sr	V	Br	Zr
1	7230	***2790***	50	37	1020	266	50	33	93
10	***23 700***	1550	30	***72***	478	461	70	14	***138***
3	7140	702	21	24	277	325	43	33	84
4	8340	785	20	34	1120	715	76	26	78
5	6310	*210*	12	22	221	425	48	15	27
13	8800	551	21	34	685	478	55	26	67
14	*2350*	1080	31	18	961	480	64	37	*8*

Макроэлементы, %

Погре-бение	Вид кости	Ca	P	Si	Al	Na	Mg	K	Cl	S	Ti
1	Лопатка	30,61	15,68	6,20	1,80	0,67	0,41	0,52	0,27	0,10	0,12
10	Позвонок	*18,25*	*8,46*	***16,67***	***5,22***	1,18	***0,86***	***1,26***	0,47	0,08	***0,29***
3	Сустав стопы	29,14	13,73	8,17	2,49	0,97	0,50	0,56	0,68	0,22	0,14
4	Лопатка	30,42	14,45	7,01	2,14	0,87	0,50	0,54	0,50	0,12	0,13
5	Кость черепа	32,17	13,25	7,35	2,35	0,76	0,49	0,47	0,48	0,13	0,13
13	Ребро	30,44	15,47	6,16	1,97	0,99	0,46	0,49	0,32	0,10	0,13
14	Лучевая / берцовая	37,95	16,90	*1,51*	*0,59*	1,09	0,34	*0,14*	0,60	0,11	0,03

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.227-245

С. З. Чернов[*], Р. В. Брешков[**], Р. Л. Виноградов[**], А. С. Семенов[**]
[*] Институт археологии РАН (г. Москва)
[**] Независимый исследователь
(пос. Загорянский, г.о. Щёлково, Московская обл.)

Белокаменные надгробные плиты XVI века из села Образцово городского округа Щёлково

В 1911 г. известный историк С. А. Белокуров опубликовал работу «Надгробныя плиты XVI в. в с. Образцове Московской губ.». Вначале статья вышла в книге 3 «Чтений в обществе истории и древностей российских», а вскоре издана в виде брошюры (*Белокуров*, 1911). Это было первое археологическое издание, посвященное некрополю подмосковного села. Новые данные о некрополе, полученные в 2024 г., и знакомство с архивом С. А. Белокурова позволяют вернуться к изучению этого памятника.

Следует напомнить, что археологические исследования и разведки конца XX – начала XXI в. существенно умножили число описанных находок и географию использования белокаменных надгробий на территории нынешней Московской области и прилегающих территорий. Они показали, что белокаменные плиточные надгробия фиксируются в селах различной владельческой принадлежности.

В некрополе великокняжеского села Коломенского изучено 155 погребений XIV–XVI вв. Сохранилось лишь четыре плиточных надгробия, но первоначально их было значительно больше (*Беляев*, 1991). В княжеском селе Микульском на Пруженке (в середине XVI в. пожаловано Ивану Семеновичу Черемисинову), расположенном к северо-востоку от Москвы, поверхность могильника сохранилась. Здесь найдено шесть белокаменных плиточных надгробий XVI в. при 22 валунных надгробиях (*Чернов*, 1999). В дворцовом селе Воскресенском волости Черноголовль обнаружена серия белокаменных надгробий, среди которых плиты 1570–1580-х гг. дворцовых крестьян (*Вишневский*, 2018). На селище Петелино, идентифицируемом с Дмитровской княжеской слободкой Звенигородского уезда, на площади 1600 кв. м найдены как белокаменные, так и валунные надгробия (*Алексеев*, 2017. С. 123–126).

В вотчинах московских митрополитов надгробия XVI в. найдены на территории погоста Николина гора близ Звенигорода (*Алексеев*, 2017. С. 69–72) и в с. Три Горы близ Москвы (*Чернов*, 2005). Много данных имеется о белокаменных надгробиях в боярских вотчинных селах. В Звенигородском уезде это Вяземы Бориса Годунова (*Алексеев*, 2017. С. 100–107) и Игнатьево Добрынских (*Алексеев,* 2017. С. 192–199). В волостях Воря и Бели Московского уезда это село Богородское на Воре Валуевых (с 1424 г. Троице-Сергиева монастыря) (7 белокаменных надгробий при 35 валунных) (*Чернов*, 2009а. С. 6), сельцо Клинники Услюма Иванова сына Данилова (*Чернов*, 1994. С. 14; 2000. С. 36) и др. В Коломенском уезде белокаменное надгробие найдено в с. Ратмирово, которым в середине XVI в. владел кн. Федор Куракин (*Мазуров*, 2023), а в Углицком уезде изготовление белокаменных крестов из д. Кузмодемьянки связывают с деятельностью Морозовых (*Быков,* 2020).

Современные авторы (*Низамутдинов,* 2024; *Печников*, 2024) подчеркивают более «демократический характер» захоронений под белокаменными плитами, чем считалось ранее. Последние находки показывают две следующие тенденции. Во-первых, данные надгробия могли себе позволить не только князья, бояре, высшее духовенство, но и менее обеспеченные круги населения. Во-вторых, сама география этих находок шире и не ограничена дворами знати в крупных поселениях и статусными монастырями: ряд находок выявлен в местах, атрибутируемых как сельские поселения. Об этом, в частности, говорят находки белокаменных плит конца XVI в. на кладбищах

дворцовых сел Красное в Москве (Культура средневековой Москвы, 2005. С. 478; *Чернов*, 2009б) и Воскресенское в волости Черноголовль (*Вишневский*, 2018). Жители сел на нижней Пахре, где процветал камнерезный промысел, могли себе позволить не только плиточные надгробия, но и каменные саркофаги (*Низамутдинов,* 2024).

В условии нынешнего нарастания освоения земель Подмосковья, работ по облагораживанию территорий поселков и, как следствие, увеличения числа и частоты археологических наблюдений и разведок все чаще в поле зрения исследователей попадают белокаменные надгробия средневековых сельских некрополей.

В данной статье представлены сведения о находках белокаменных плит, выявленных в ходе осмотра отвалов на поверхности земли. Отвалы оставлены дорожными работами по устройству тротуара возле церковной ограды на территории с. Образцово, входящего ныне в городской округ Щёлково и расположенного вблизи слияния рек Клязьмы и Учи на высоком берегу Клязьмы (рис. 1). Найденные плиты собраны находчиками, и в настоящее время ведется их передача в Щёлковский историко-художественный музей.

Описание находок 2024 г.

Коллекция, извлеченная из отвалов и передаваемая в Щёлковский историко-художественный музей, включает четыре фрагментированных белокаменных плиточных надгробия, состоящих из 13 фрагментов, и еще пять небольших фрагментов надгробий неопределенной принадлежности.

Надгробия происходят из верхнего горизонта культурного слоя, вскрытого в 26 м к западу от колокольни храма Рождества Пресвятой Богородицы в с. Образцово в ходе земляных работ по подготовке к прокладке тротуаров (рис. 2). Надгробия обнаружены 9 и 12 июня 2024 г. в культурном слое, складированном вблизи места работ на поверхности земли.

Обр-6/2024. Надгробие середины XVI в. (рис. 3). Представляет собой оглавие белокаменной плиты (изножие утрачено). По краям плита украшена двумя полосами трехгранно-выемчатого орнамента. Внешняя полоса выполнена мелкими треугольниками, внутренняя полоса – более крупными треугольниками. Внутренняя полоса треугольников изнутри обрамлена прорезанной графьей. В торцевой части оглавия, в центре, к орнаментальной полосе примыкает полукруглое клеймо, образованное графьей и выполненное удлиненными треугольниками, ориентированными вершинами к центру. Надпись на плите отсутствует. Орнамент на торцевых гранях плиты отсутствует.

Размер фрагмента – (70)×60 см. Толщина плиты – 12 см.

Точные аналогии орнаментации фиксируются на следующих надгробиях:

– Высоко-Петровский монастырь, надгробие № 1 инока Еронтия, 1561 г. (*Беляев*, 1996. Фототаблица 55);

– Высоко-Петровский монастырь, фрагмент надгробия № 31, 1560-е годы (*Беляев*, 1996. Фототаблица 76);

– Высоко-Петровский монастырь, надгробие № 12 жены Ивана Федоровича (Сумина?) Аграфены (?), 1562 г. (*Беляев*, 1996. Фототаблица 61, 62);

– Троице-Сергиева лавра, надгробие № 55 Селиверста Чудинова, сына Трофимова, 1563 г. (*Вишневский*, 2006а. С. 152);

– Троице-Сергиева лавра, надгробие № 75 Петра Никитьевича Романова, 1565 г. (*Вишневский*, 2006а. С. 158);

– Троице-Сергиева лавра, надгробие № 84 иноки Александры, жены Семена Константиновича Заболоцкого, 1563 г. (*Вишневский*, 2006а. С. 162);

– Троице-Сергиева лавра, надгробие Ивана (?) Андреевича Ростовского. Первая половина XVI в. (*Вишневский*, 2006б. С. 284);

– Зачатьевский монастырь в Москве, надгробие № 11 схимницы Марьи, 1568 г. (*Кренке, Беляев,* 2006. С. 47. Цв. илл. IX);

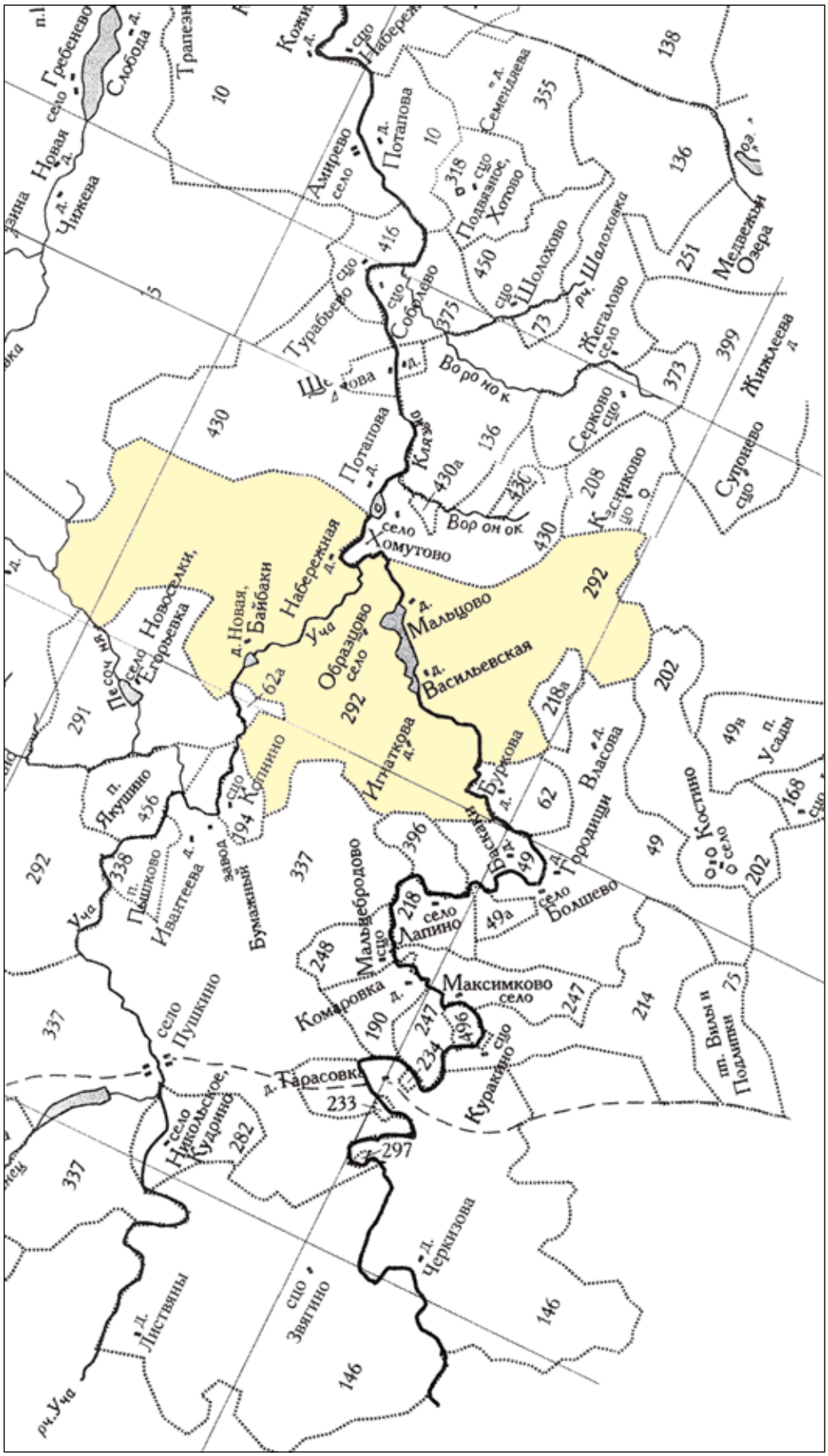
– Зачатьевский монастырь в Москве, надгробие № 13, 1588/1589 г. (*Кренке, Беляев*, 2006. С. 47, Цв. Илл. XI).

Обр-7/2024. Два фрагмента надгробия XVI в. (рис. 4).

Сохранились два фрагмента края белокаменной плиты, украшенной по краю одной полосой мелкого трехгранно-выемчатого орнамента («волчьего зуба»). На одном из фрагментов сохранилась часть круглого клейма из центральной зоны надгробия. Второй фрагмент имеет также трехгранно-выемчатый орнамент.

Размеры фрагментов – (19)×(15) и (25)×(15) см. Толщина плиты – 7,0–7,5 см.

Обр-8/2024. Девять фрагментов надгробия XVI в. (рис. 5). Сохранились центральная части плиты (3 фрагмента) и ее изножие (6 фрагментов). На них читается полоса трехгранно-выемчатого орнамента по краю надгробия и такая же полоса по его центру. Полосы обрамлены линиями. Сохранились фрагменты изножия и середины белокаменной плиты. Просматривается полоса

Образцово
село
Хомутово
село
Васильевская
д.
Мальцово
д.
Набережная
д.
Новая, Байбаки
д.
Новоселки, Егорьевка
село
Якушино
п.
Копинино
сло
Пушкино
село
Никольское, Кудрино
село
Максимково
село
Лапино
село
Волшево
село
Городищи
д.
Власова
д.
Костино
село
Звягино
сло
Черкизова
д.
Листвяны
д.
Тарасовка
д.
Комаровка
д.
Мальцебродово
сло
Пушкино
п.
Ивантеева
д.
Бумажный
завод
Вататкова
д.
Булгакова
д.
Потапова
д.
Щелкова
д.
Турабьево
сло
Собслово
сло
Подвязное, Хотово
сло
Шолохово
сло
Амирево
село
Кожино
д.
Гребенево
село
Новая
д.
Чижева
д.
Слобода
д.
Трапезн
Серково
сло
Кострово
сло
Желалово
село
Супонево
сло
Медвежьи Озера
Жижлева
д.
Подлипки
пп. Вилы и
Куракино
сло
Звягино
сло
Ворон ок
рч. Шалоховка
рч. Уча
Уча
Уча
Набережная
Клязьма
Воскресенка
Воскресенка
Ворон ок
Ворон ок
Ворон ок

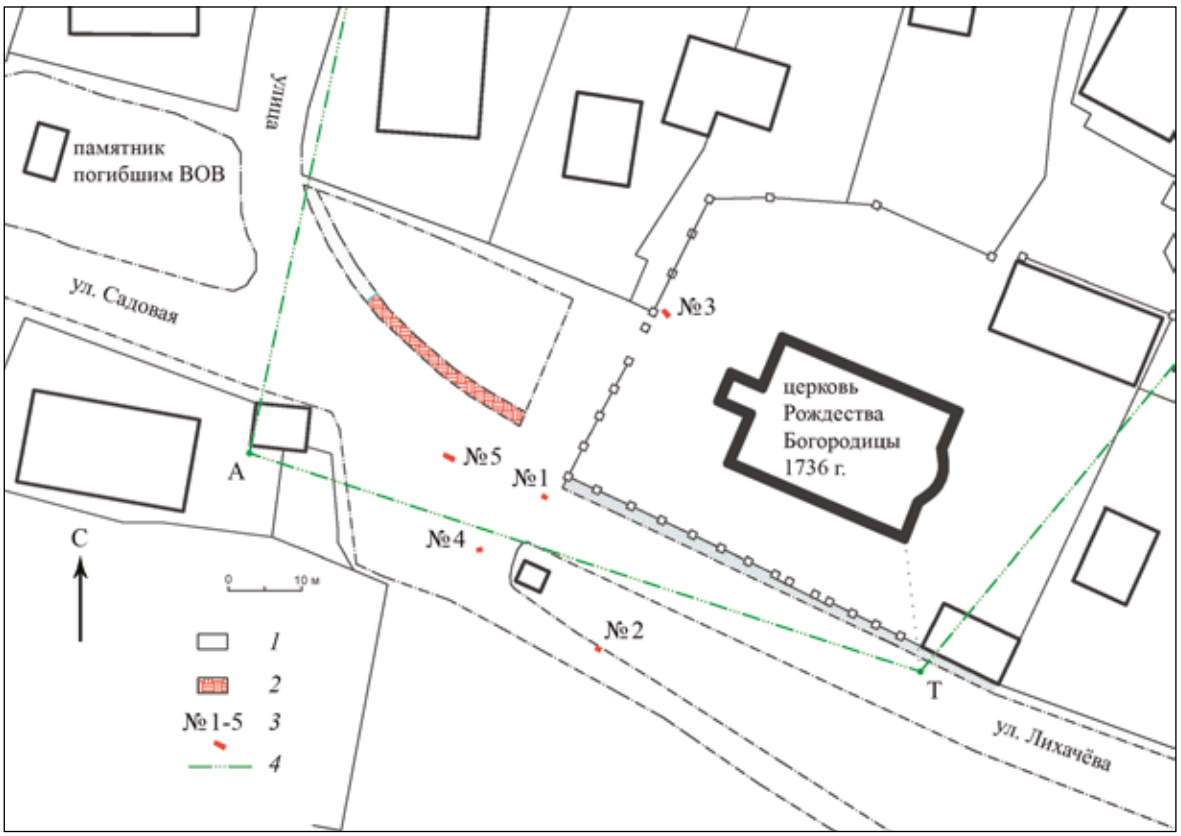

Рис. 2. Некрополь при церкви Рождества Богородицы в с. Образцово. Схема расположения надгробий
1 – зона земляных работ 2024 г.; *2* – зона земляных работ 2024 г., из отвала которой обнаружены фрагменты надгробий XVI в.; *3* – надгробные плиты XVI в. по схеме С.А. Белокурова 1911 г.; *4* – граница церковной земли и кладбища на данным межевой записи 1767 г.

Рис. 3. Некрополь при церкви Рождества Богородицы в с. Образцово. Надгробие Обр-6/2024

трехгранно-выемчатого орнамента по краю надгробия, полоса орнамента по центру плиты, а также клеймо «солнце» в центре плиты (крупные треугольники в центре и мелкие по краям).

Размеры крупных фрагментов изножия – 42×(32) см и (40)×(32) см. Толщина фрагментов – 10 см. Размеры крупных фрагментов центральной части плиты – (25)×(23) см и (21)×(12) см. Торцевые грани без орнамента.

Обр-9/2024. Фрагмент надгробия (рис. 6). Сохранился фрагмент края белокаменной плиты без орнамента по краю. Торцевая грань без орнамента.

Размеры фрагмента – (17)×(14) см. Толщина фрагмента – 7,0–7,5 см.

Сохранились также пять мелких фрагментов белокаменных надгробий неопределенной принадлежности с участками обработанных поверхностей.

Судя по орнаментации и толщине плит, все надгробия относятся к одному времени. Аналогии надгробия Обр-6 датируются 1560-ми годами. Это позволяет датировать надгробия из Образцова серединой XVI в.

Рис. 4. Некрополь при церкви Рождества Богородицы в с. Образцово. Надгробие Обр-7/2024

Рис. 5. Некрополь при церкви Рождества Богородицы в с. Образцово. Надгробие Обр-8/2024

Изучение некрополя С. А. Белокуровым и его план

Находки плит в отвалах были ожидаемы, исходя из локализации дорожных работ, поскольку еще в 1911 г. средневековый некрополь XV–XVI вв. вблизи Образцовского храма описал С. А. Белокуров.

Сергей Алексеевич Белокуров (1862–1918) – известный российский церковный историк и археограф. Родился в семье диакона в Сергиевом Посаде, имел дядю – епископа Никодима. Член-корреспондент Петербургской академии наук. Получил образование в Московской духовной академии, специализировался на истории России XVI–XVII вв. С. А. Белокуров работал в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, где возглавлял отдел рукописей. С. А. Белокуров в 1891 г. получил степень магистра церковной истории за диссертацию «Арсений Суханов», а затем

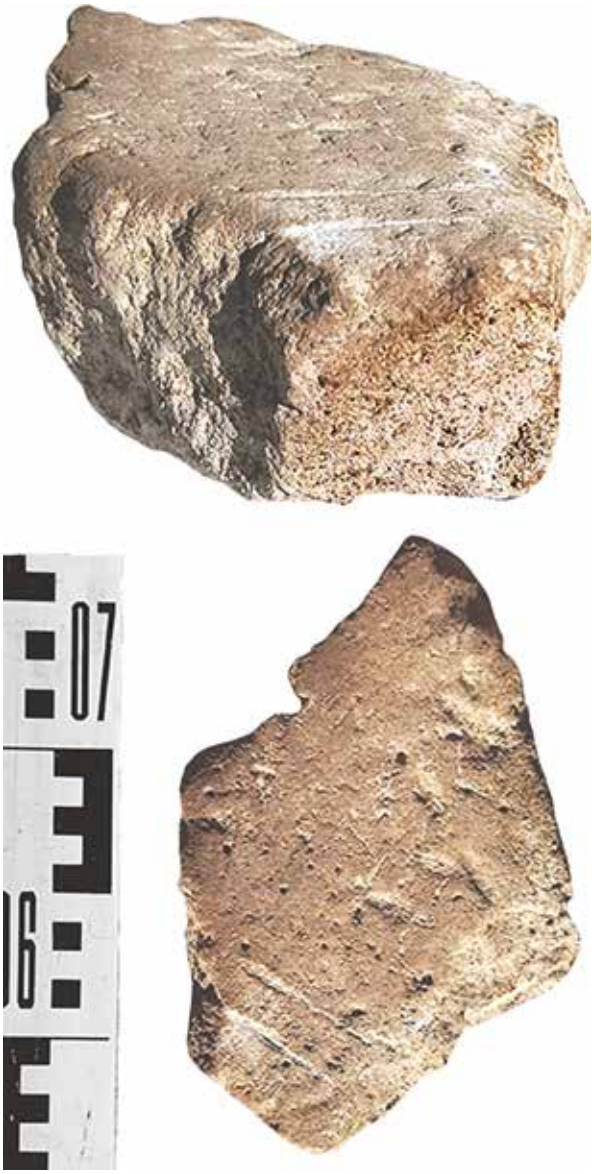

Рис. 6. Некрополь при церкви Рождества Богородицы в с. Образцово. Надгробие Обр-9/2024

в 1904 г. – доктора церковной истории за исследование о библиотеке государей XVI в. Он также подготовил к публикации труд своего учителя Е. Е. Голубинского «История Русской Церкви». С. А. Белокуров внес значительный вклад в изучение истории России XVI–XVII вв., опубликовал ряд ценных исторических источников и написал несколько работ об истории московских памятников и церквей. Занимался главным образом историей общественной и культурной жизни России XVI–XVII вв. Был активным членом Московского общества истории и древностей российских.

По данным из статьи С. А. Белокурова, некрополь датируется XVI в. и представлен пятью надгробными плитами. В статье дается описание храма, его истории, а также топографический план на 1911 г. части некрополя (*Белокуров*, 1911. С. 3). Судя по этому плану, основная часть надгробий, которые залегали *in situ*, располагалась к западу и к югу от церковного участка. Как видно на снимке 1909 г. (рис. 7), это было открытое задернованное пространство, не занятое постройками. Вместе с тем никаких признаков кладбища – крестов и намогильных холмиков – здесь уже не было. Как отмечает С. А. Белокуров, «воспоминания о бывшем здесь кладбище совсем изгладились» (*Белокуров,* 1911. С. 23, 24).

В середине XVIII в., как свидетельствуют материалы генерального межевания, картина была иной. В описании 1767 г. прямо упоминается кладбище при церкви. Для того чтобы составить представление о кладбище в этот период, необходимо коснуться этого вопроса подробнее.

Для представления расположения обнаруженных С. А. Белокуровым надгробий нами подготовлен ситуационный план современной территории в округе храма Рождества Богородицы с нанесением на него положения плит по данным, указанным в схеме Сергея Александровича (рис. 2). В схеме расстояния до плит указаны относительно элементов церковной ограды, и поскольку кирпичные столбики данной ограды почти полностью сохранились до сегодняшнего дня, то нанесение мест расположения плит получилось с достаточно высокой точностью. Также на текущем плане схематично показана зафиксированная Белокуровым ориентация плит.

Дополнительно на план нанесены южные границы церковной земли. Первое упоминание о выделении земли церковному причту содержится в дозорной книге патриаршего приказа от 1680 г. (*Холмогоровы,* 1887. С. 54). Описание границ этой церковной земли с упоминанием кладбища сохранилось в межевых документах, составленных в рамках формирования специального плана межевания в 1767 г. (копия 1790 г.)[1].

В межевой книге начальная точка привязки границ церковной земли упомянута следующим образом: «…начало межи церковной земли учинено на краю горы в конце кладбища, что около церкви Рождества пресвятые Богородицы, в расстоянии от церковнаго олтарного угла в 8,5 саженей, а от краю плотины, что учинена между двух

[1] Геометрический специальный план Московского уезда Бохова стана села Образцова. 1767 г.

Рис. 7. Территория к западу от храма Рождества Богородицы. Фото 1909 г.

лежащих под горою к р. Клязьме прудов в 20 саженях, как значится на плане под литерой Т. С того места взят починной (начальный) пункт…» (*Белокуров*, 1911. С. 21).

Таким образом, по данному описанию начальная точка расположена на линии, соединяющей юго-восточный угол здания церкви с началом плотины между двух прудов южнее храма. Храм и плотина сохранились до наших дней. Поэтому направление от угла здания церкви к началу плотины определяется с достаточной точностью. Откладывая по этому направлению от угла церкви 18,14 м (8,5 сажени), мы получаем начальную точку межевого описания (рис. 2, точка Т).

Следует уточнить, что к востоку от точки Т построение линии границы принято по данным специального плана межевания, где указан угол отклонения этой линии от северного направления на восток в 39 градусов 40 минут[2].

От начальной точки (рис. 2, точка Т) к западу выполнено построение границ церковной земли по следующему описанию из межевой книги: «…И от помянутого пункта по правую сторону подле дороги, что ездят из деревни Набережной в село Образцово продолжена линия до поворота… Между ямами ставлена астрелябия и где она стояла на том месте между ямами на почине продолжающейся линии поставлен столб с буквами Ц. З. И от того столба идучи прямо линею по владению села Образцова направе кладбища и на нем церковь каменная Рождества пресвятой Богородицы, а на леве вышеписанная дорога и за ней строение и под горой пруды села Образцова. И прошед ту линию до поворота до краю кладбища длина линии 45 саженей 1 аршин» (*Белокуров*, 1911. С. 21).

Таким образом, откладывая 96,7 м (45 саженей и 1 аршин), мы получаем на плане юго-западный угол церковной земли (рис. 2, точка А). При этом угол отклонения данного направления от севера на запад указан на самом межевом плане и составляет 72 градуса.

«С того места, – говорится далее в описании, – линия поворотилась вправо отлого на ромб от N (север) к 0 (восток) 12 градусов 15 минут… поставлен столб с буквами Ц. З. Идучи по меже тою линиею направе кладбища, церковь и потом строение оной же церкви священно-церковнослужителей, а на леве дорога, что ездят из села Образцова в село Колтино (Копнино), а за ней строение села Образцова…» (*Белокуров,* 1911, С. 21–22).

Дополнительно следует упомянуть, что на схеме С. А. Белокурова к югу от храма показана дорога и указаны размеры до нее от церковной ограды (рис. 8). По этим размерам положение дороги оказывается параллельным линии южной границы церковной земли и отстоит от нее на расстоянии

[2] Геометрический специальный план Московского уезда Бохова стана села Образцова. 1767 г.

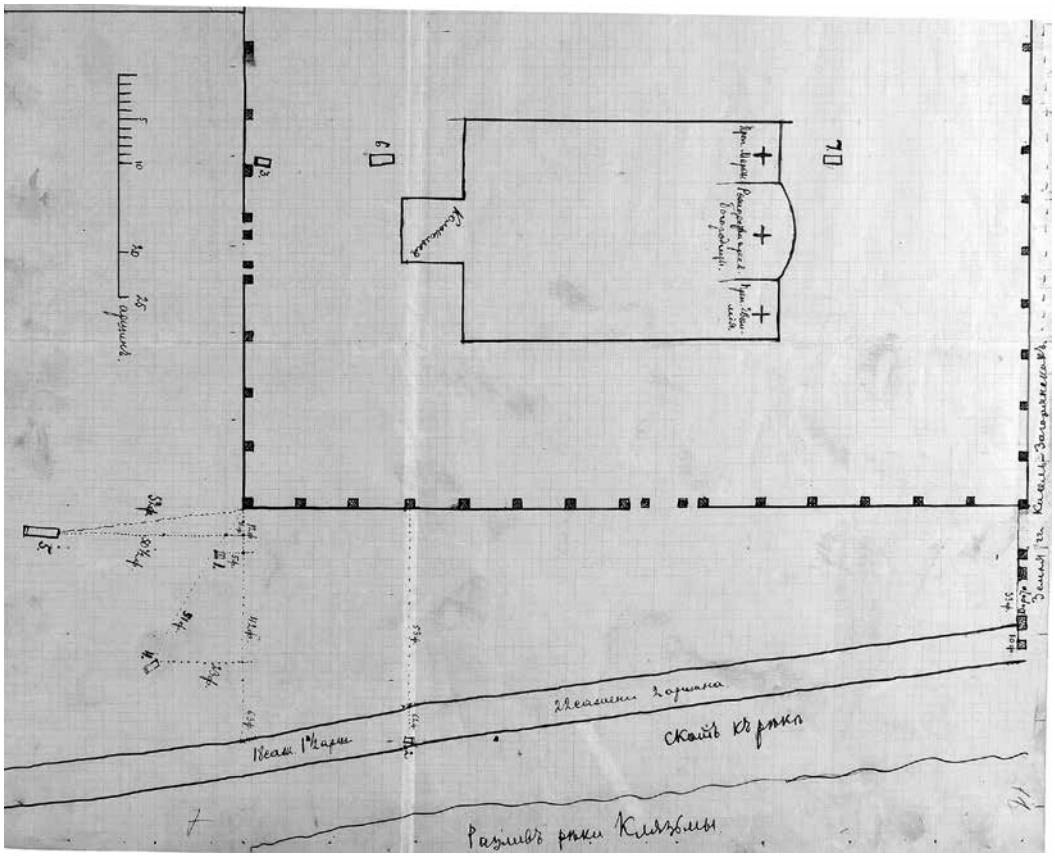

Рис. 8. Схема расположения надгробий, составленная С.А Белокуровым. Фрагмент (РГБ ОР. Ф. 23. Ед. хр. 2. Л. 11, 12)

около 9 м[3]. Таким образом, очевидно, что указанная на схеме Белокурова дорога, существовавшая в начале XX в., располагалась в данном месте и во второй половине XVIII в., что четко прослеживается по межевому описанию, приведенному выше.

Упоминание кладбища при описании межи дает нам представление о его масштабе, где видно, что протяженность кладбища с востока на запад составляла 96,72 м (45 саженей и 1 аршин). В межевой книге и на плане межевания также зафиксированы площади кладбища. На плане межевания величина площади указана так: «…под церковью и кладбищем восемь сот пять десят восемь сажень» (3905,83 кв. м)[4]. В межевой книге площадь указана несколько больше: «…под церковью и лежащим около нея кладбищем тысяча восемь саженей» (4588,66 кв. м). Используя эти данные и вышеописанные построения, можно примерно определить северную границу зоны кладбища. Так, если за северную границу кладбища принять линию вдоль северной стены церкви, то получится площадь 4126,6 кв. м, что примерно соответствует средней площади кладбища по межевым документам.

Каталог надгробий, исследованных С. А. Белокуровым

Схема расположения надгробий в публикации изображена очень мелко и оказалась нечитаемой (*Белокуров*, 1911. С. 3). Мы обратились к архиву ученого, в котором хранится его оригинальная схема (рис. 8)[5]. Она имеет размеры 87×72 см и отображает ситуацию несколько больше, чем опубликовано. Схема выполнена на бумаге в клеточку с масштабом изображения, принятым 1 клеточка – 1 аршин. Схема содержит информацию о местах находок надгробных плит с указанием их ориентации и привязок к церковной ограде. Положение столбиков кирпичной ограды (1864 г.)

[3] На плане С. А. Белокурова видно, что от юго-восточного угла церковной ограды к дороге построено ограждение с отдельными воротами (рис. 8). Это ограждение не сохранилось.

[4] Геометрический специальный план Московского уезда Бохова стана села Образцова. 1767 г.

[5] РГБ ОР. Ф. 23. Ед. Хр. 2. Л. 11, 12.

Рис. 9. Некрополь при церкви Рождества Богородицы в с. Образцово. Надгробие Обр-1/1911 (РГБ ОР. Ф. 23. Ед. хр. 2. Л. 16)

и церкви, а также размеры надгробий вычерчены на схеме в масштабе. Оглавия помечены двойной линией (рис. 8).

В архиве С. А. Белокурова сохранились фотографии, на основе которых изготовлены изображения, опубликованные в статье 1911 г.[6] Качество фотографий выше, чем на этих изображениях. Имеются фотографии непубликовавшихся плит[7]. Поэтому мы сочли возможным опубликовать архивные фотографии, сопроводив их описанием плит.

Обр-1/1911. Надгробие 1577/1578 г. (рис. 9). Найдено в 5 аршинах и 2 вершках (3 м 64 см) к югу и в 2 аршинах 2 вершках (1 м 50 см) к западу от юго-западного угла церковной ограды (рис. 2; 8)[8]. Плита лежала в земле и от нее очищена. Была ориентирована параллельно церковной ограде по линии запад – северо-запад – восток – северо-восток. Оглавие было обращено на западо-северо-запад. Видимо, залегало *in situ*. Размеры плиты не замерялись.

Сохранились оглавие и центральная часть плиты с утратами по правому краю. По краям плита украшена орнаментом из крупных треугольников.

Надпись в четыре строки сохранилась на полную длину, но с утратами в правой части.

В первой строке С. А. Белокуровым прочтено: «Лѣт ЗПS», то есть 7086 (*Белокуров*, 1911. С. 4). Таким образом, плита датирована промежутком времени между 1 сентября 1577 и 31 августа 1578 г. Буква «П» читается в виде двух параллельных линий без перекладины. Иное прочтение этого знака не представляется возможным, так как «И» не обозначает десятков, а «N» отчетливо читается с перекладиной во второй строке надписи. Следующие за датой две буквы читаются неотчетливо. С. А. Белокуров предлагал варианты (ап, аг, на).

Вторая строка надписи читалась Белокуровым: «ТЦА КНАГ ВЛЕ ДЩЕ», но он признавал, что «вся эта строка пока непонятна» (*Белокуров*, 1911. С. 4).

Третья строка читается уверенно. Белокуров читал: «ХАИЛОВЕ ЖЕН», но на фотографии можно различить только «ХИЛОВЕ ЖЕН». И наконец, в четвертой строке читается: «РОЗОВА».

Конец надписи Белокуров предложил читать (как вероятное) «Михаилова жена Морозова» (*Белокуров*, 1911. С. 4).

Обр-2/1911. Надгробие Онуфрея XVI в. (рис. 10). Найдена в 9 саженях (19 м 17 см) к югу от церковной ограды. На плане С. А. Белокурова

[6] РГБ ОР. Ф. 23. Ед. Хр. 2.

[7] На некоторых фотографиях прямо поверх снимка была нанесена белая краска по периметру плит, что говорит о выделении отдельного изображения плиты, вероятно, для печати в публикации.

[8] Здесь и далее вслед за С.А. Белокуровым западным направлением считается направление вдоль створа южной ограды церкви. Соответственно, южным направлением считается направление вдоль створа западной ограды церкви.

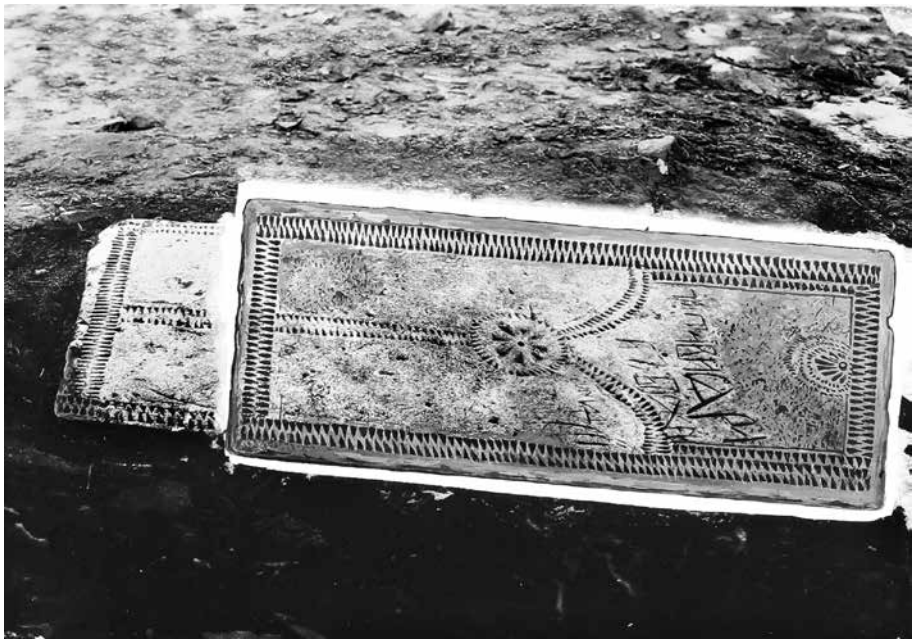

Рис. 10. Некрополь при церкви Рождества Богородицы в с. Образцово. Надгробие Обр-2/1911 (РГБ ОР. Ф. 23. Ед. хр. 2. Л. 14)

видно, что расстояние отмерено по перпендикуляру от третьего столба, расположенного к востоку от юго-западного угла ограды (рис. 2; 8). Ориентация плиты зафиксирована параллельно церковной ограде по линии запад – северо-запад – восток – юго-восток. Плита лежала в земле, на краю дороги (так показано на плане). Оглавие плиты ориентировано на восток – юго-восток. Это позволяет предположить, что плита залегала не *in situ*.

Плита сохранилась без каких-либо изъянов. Размеры плиты. Длина – 1 аршин и 1 вершок, то есть 75 см. Ширина у изголовья составляет 8 и 0,5 вершка, то есть 40 см, а у изножия – 8 вершков, то есть 35,5 см. В публикации не указана толщина плиты. По одному из фото, на котором частично видна боковая сторона плиты, по масштабу можно оценить ее толщину как не менее 8 см.

По краям плита украшена широкой полосой трехгранно-выемчатого орнамента («волчий зуб»). В верхней части плиты по бокам ее дополняет вторая линия из одного ряда треугольников. В торцевой части оглавия, в центре, к орнаментальной полосе примыкает полукруглое клеймо, образованное графьей и выполненное удлиненными треугольниками, ориентированными вершинами к центру, а также тремя окружностями, выполненными мелкими треугольниками.

В центре плиты – «солнце» из расположенных по кругу треугольников, ориентированных вершинами к центру, и мелких треугольников по внешнему кругу. Снизу по центру плиты к «солнцу» ведет тяга из двух рядов треугольников. Далее тяги расходятся к краям плиты.

В верхнем поле полууставом размашисто и неровно написан текст: «Преставися рабъ Божей», а под тягами справа: «Онуѳрей».

«Камень этот, – указывает С. А. Белокуров, – без даты. Точно такой же (и по размеру и по орнаменту) сохранился в Московской Георгиевской что в Яндове, церкви (у Москворецкого моста) с годом 7025 (1517)» (*Белокуров*, 1911. С. 4, 5).

Можно привести еще одну аналогию плиты Обр-2/1911. Это надгробие из с. Черкизова на р. Клязьме, датированное 1521/1522 г. (*Чернов*, 1991. С. 92).

Обр-3/1911. Надгробие с надписью «Лета» XVI в. (рис. 11). Плита обнаружена внутри церковной ограды около западной ее стороны (рис. 8). Она лежала поверх земли и была перенесена сюда из другого места. Плита хорошо сохранилась, но расколота поперек в изножии.

Размеры плиты. Длина – 1 и 3/4 аршина, то есть 125,5 см. Ширина у изголовья составляет 12 вершков, то есть 54 см, в середине – 11 вершков, то есть 48 см, а в изножии – 10 вершков, то есть 44 см. Толщина плиты – около 3 вершков, то есть 13 см.

По краям плита украшена полосой трехгранно-выемчатого орнамента («волчий зуб»). В верхней части плиты по бокам ее дополняет вторая линия из крупных треугольников. В торцевой части огла-

Рис. 11. Некрополь при церкви Рождества Богородицы в с. Образцово. Надгробие Обр-3/1911 (РГБ ОР. Ф. 23. Ед. хр. 2. Л. 8)

вия, в центре, к орнаментальной полосе примыкает полукруглое клеймо, образованное графьей и выполненное удлиненными треугольниками, ориентированными вершинами к центру, а также окружностью, выполненной мелкими треугольниками. В центре плиты – «солнце» из расположенных по кругу треугольников, ориентированных вершинами к центру, и мелких треугольников по внешнему кругу. Снизу по центру плиты к «солнцу» ведет тяга из двух рядов треугольников. Далее тяги расходятся к краям плиты.

Надписи на плите нет. Только в оглавии слева вязью надписано «Лѣта».

Обр-4/1911. Надгробие (изножие) XVI в. (рис. 12). Плита найдена в земле (это видно на снимке) в 6 саженях (12,45 м) к югу от юго-западного угла церковной ограды и в 3 саженях и 2 футах (7,5 м) к западу от него (рис. 2; 8). Ориентирована плита по линии запад – восток. Оглавие этой плиты (до его утраты) было обращено к западу. Видимо, залегала *in situ*.

В длину она сохранилась на 1 и 1/4 аршина (91 см). Ширина плиты в изножии – 59–51 см, а посередине – 53 см.

По краям плита украшена полосой трехгранно-выемчатого орнамента («волчий зуб»). В центре плиты – «солнце» из расположенных по кругу треугольников, ориентированных вершинами к центру, и мелких треугольников по внешнему кругу. Снизу по центру плиты к «солнцу» ведет тяга из двух рядов треугольников.

Обр-5/1911. Надгробие 7090 (1581/1582 г.) (рис. 13). Плита найдена от юго-западного угла церковной ограды в 7 саженях 1 аршине и 3 вершках (15 м 75 см) к западу и в 1 сажени и 7 вершках (2 м 44 см) к югу (рис. 2; 8). Плита «лежит в земле, будучи покрыта ею вершков на 8–10» (*Белокуров,* 1911. С. 6). Ориентирована она была по линии запад – северо-запад – восток – юго-восток. Оглавие обращено на запад – северо-запад. Плита залегала *in situ*.

Размеры плиты весьма значительны. Длина ее равняется 4 аршинам и 5 вершкам, то есть 3 м 6 см. Ширина в оглавии – 15,5 вершка, то есть 69 см, а в изножии – 11 вершков, то есть 49 см.

Орнамент лицевой грани состоит из рамки, выполненной трехрядной плетенкой с графьей изнутри. Верхнее клеймо – полуокружность из такой же плетенки с круглой розеткой в центре. В изножии имеются розетка из плетенки и три сходящиеся к ней орнаментальные полосы, также выполненные плетенкой.

В оглавии в левом углу вязью высечено: «Лѣта ЗЧ», то есть 7090 г. Таким образом, надгробие датируется периодом от 1 сентября 1581 до 31 августа 1582 г.

История села Образцово в XV–XVII вв. и храмы на его территории

В XV–XVI вв. село Образцово с деревнями принадлежало московскому боярскому роду Добрынских (см. Прил.). Летописи, акты и родословцы упоминают в первой четверти XV в. девять сыновей Константина Добрынского, которые служили детям Дмитрия Донского (*Веселовский*, 1969. С. 302–323).

Рис. 12. Некрополь при церкви Рождества Богородицы в с. Образцово. Надгробие Обр-4/1911 (РГБ ОР. Ф. 23. Ед. хр. 2. Л. 15)

Владельцами села Образцова были представители средней ветви Добрынских – потомки Федора Константиновича Симского, который на протяжении всей своей жизни служил вел. кн. Василию II. Федор появляется на страницах летописи в 1429 г. В этом году казанские татары совершили набег на Кострому и ушли вниз по Волге. Василий II, которому тогда было 14 лет и он в 1425 г. стал великим князем, послал в поход братьев своего отца – князей Андрея Можайского и Константина Дмитровского. Великокняжеский полк возглавлял московский наместник Иван Дмитриевич Всеволож. Князья и воеводы дошли до Нижнего Новгорода и, «не угонивше» татар, остановились. Летописец добавляет, что князь Федор Стародубский и Федор Константинович, «утаився от князей и воевод, своими полкы погнаша за татары и угониша зад их, побиша татар и бесермен и полон весь отъяша» (Московский летописный… 1949. С. 248). Погиб Федор Константинович Симский в бою с казанскими татарами под Суздалем в 1445 г.

Сын Федора Добрынского Василий имел прозвище Образец, закрепившееся в названии принадлежавшего ему села Образцова. Знаменитый воевода и государственный деятель периода правления Ивана III, Василий Образец в 1471 г., будучи воеводой Великого Устюга, «брал» Двинские городки у Новгорода. В 1473/74 г. пожалован в бояре, а в 1485 г. наместничал в присоединенной Твери при кн. Иване Ивановиче Молодом (*Веселовский*, 1969. С. 304–305).

Его сын Иван Васильевич Хабар (1465/70–1534) был женат на дочери Дмитрия Владимировича Ховрина, происходившего из рода крымских греков с готскими корнями. Отец Дмитрия Владимир Ховрин занимал пост великокняжеского казначея и участвовал в суде о медвежьеозерских землях соседней Пехорской волости в 1464–1470 гг. (Культура средневековой Москвы, 2005. С. 56).

Иван Хабар появляется в окружении Ивана III с 1495 г. В период великого княжения Василия III он проявил себя как выдающийся военачальник. В 1505 г., будучи воеводой в Нижнем Новгороде, он успешно оборонял город от татар. Особенно ярко смелость и незаурядные способности Ивана Хабара проявились в 1521 г., когда, прорвав оборону по Оке, татары нанесли тяжелый урон окрестностям Москвы. На обратном пути в Крым многочисленное татарское войско подошло к Переяславлю Рязанскому, где воеводой был Иван Хабар. Он не только организовал оборону и отбил приступ нападавших, но и завладел грамотой Василия III о выплате дани (Владимирский летописец, 2009. С. 145). В 1524 г. Иван Хабар участвовал в походе на Казань.

От Ивана Хабара вотчина перешла к его сыну Ивану Ивановичу. Деятельность Ивана Ивановича пришлась на малолетство Ивана IV. В 1542 г. он был схвачен партией Шуйских и сослан в Тверь (*Кром*, 2010. С. 275, 277). В 1546 г. пожалован боярином и дворецким (*Кром*, 2010. С. 311, 314). В 1551 г. находился в Казани при царе Ших-Али. В 1558 г. Иван Иванович принял постриг под именем Иосифа. Иван IV упоминает его в «Послании в Кирилло-Белозерский монастырь» (Библиотека литературы Древней Руси, 2011. С. 140). Умер Иван Иванович в 1581 г.

Сын Ивана Ивановича Федор Иванов сын Хабарова в 1571/72 г. передал Образцово с пустошами

«по деде своем по Иване Васильевиче» Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю (Акты Суздальского… 1998. № 171. С. 331, 332). Половина вотчины (8 пустошей) передана «по приказу отца», а вторая половина с девятью пустошами – «за монастырский долг» в 200 рублей[9].

Для определения площади владения Добрынских можно использовать ретроспективные данные. В 1767 г. земельная дача села Абразцово с деревнями имела площадь 4327 десятин и распространялась узкой и длинной полосой, начинавшейся от болот в истоке р. Яузы, продолжалась на междуречье р. Учи и р. Клязьмы и заканчивалась в 15 км к северу от с. Образцово на границах с волостью Воря[10] (рис. 1, № 292; Культура средневековой Москвы, 2005. Прил. 2. Л. 1, № 289). Если исключить из пределов вотчины, присоединенные к ней позднее земли на р. Скалбе, то площадь владения можно оценить примерно в 3 тыс. десятин. Земельные владения на вотчинном праве такого масштаба там, где это удается проследить по источникам, восходят к XIV в. (*Чернов*, 1998. С. 307–308).

В 1571/72 г., когда сельцо Образцово передали Спасо-Евфимьеву монастырю, оно находилось в запустении. На его землях располагалось восемь пустошей. Вероятно, это было связано с эпидемией чумы, начавшейся в 1570 г. В этих условиях церковь «розвезли за пусто» и потому монастырские власти, вступив в управление селом, обратились к митрополиту Антонию (1578–1581 гг.) с просьбой о дозволении поставить новую церковь Рождества Богородицы «на старомъ мѣстѣ». Просьба была удовлетворена, что подтверждено решением митрополита 7 октября 1578 г. (Акты юридические… 1838. С. 400. № 378). Церковь упоминается уже в писцовой книге Тимофея Андреевича Хлопова 7093–7094 (1584–1586) гг., но она стояла «безъ пѣнія» – в то время окружающая с. Образцово местность была мало заселена (ПКМГ, 1872. С. 222–223).

Смену церквей в Образцове проследил С. А. Белокуров. Он отметил, что второй храм был клетским, каковым его упоминает писцовая книга 1623 г. (*Белокуров*, 1911. С. 12).

После Смутного времени в 7135 (1626/27) г. была «поставлена церковь вновѣ» (*Холмогоровы*, 1887. С. 54). К 1638 г. в селе помимо двора попа и монастырского двора располагалось восемь

Рис. 13. Некрополь при церкви Рождества Богородицы в с. Образцово. Надгробие Обр-5/1911 (РГБ ОР. Ф. 23. Ед. хр. 2. Л. 1)

дворов крестьян и 12 бобыльских дворов (*Холмогоровы*, 1887. С. 55). О формах этого храма дают возможность судить его изображения. На чертеже, датируемом 1684 г. (рис. 14, *А*), четко выделяется схематичное изображение церкви, отражающее реальные шатровые архитектурные формы существовавшего в конце XVII в. в селе деревянного храма[11]. На других чертежах, датируемых

[9] В 1575/76 г. Федор Иванович Хабаров написал вторую данную грамоту на пустошь сельцо Образцово (Акты Суздальского… 1998. № 191. С. 354–355).

[10] Указатель планов дач Богородского уезда. Д. А-15; План Богородского уезда 1784 г. Дача № 289.

[11] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стлб. Москва, 33053. Л. 37.

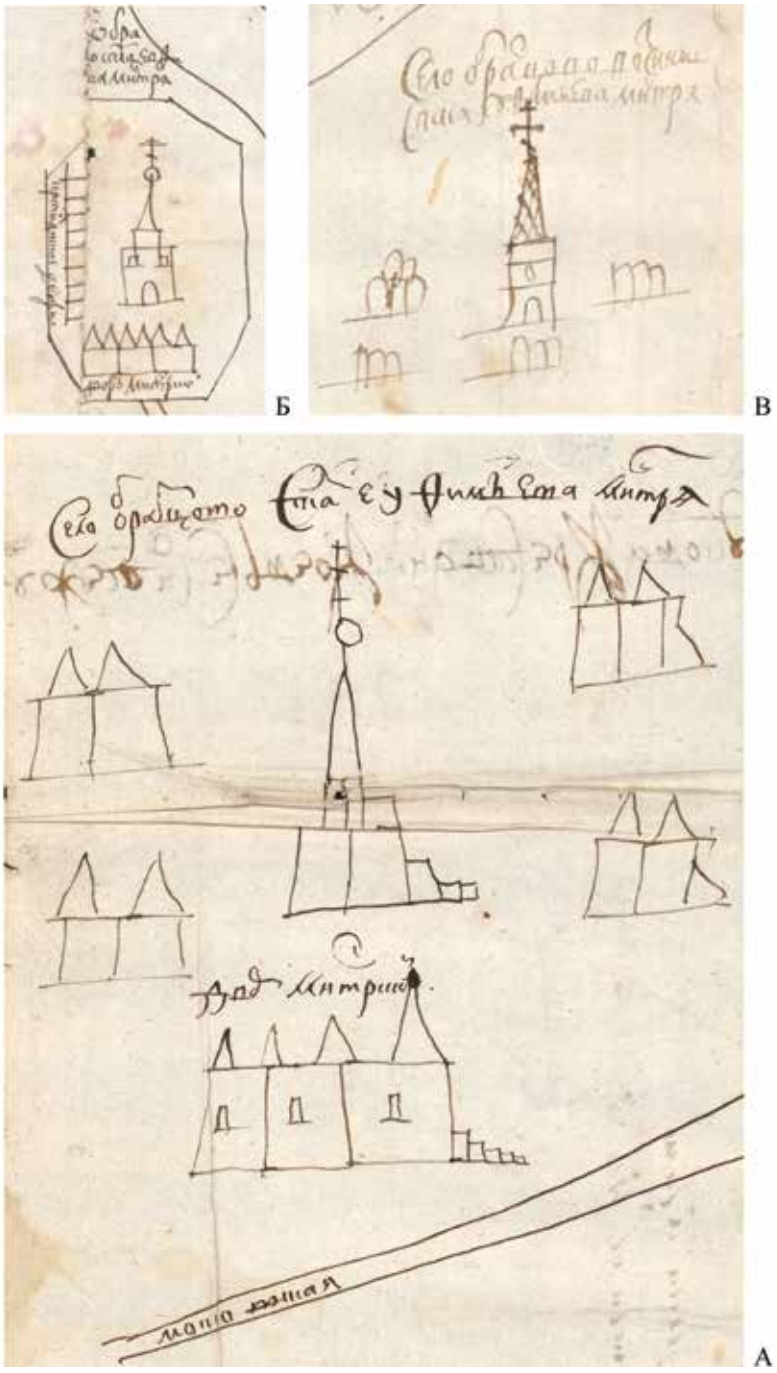

Рис. 14. Изображения церкви села Образцова на чертежах XVII в.
А – фр-т чертежа 1684 г. (РГАДА Ф. 1209. Оп. 77, стлб. Москва, 33053, Л.37); Б – фр-т чертежа 1694 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стлб. Москва, 32968. Л. 237); В – фр-т чертежа 1691 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стлб. Москва, 33035, ч. 1. Л. 72)

1691 и 1694 гг., изображения церкви тоже условные, но и они отражают те же архитектурные особенности постройки – эскиз сооружения с шатровым завершением (рис. 14; 15)[12].

Село Образцово 6 марта 1703 г. по именному указу Петра I пожаловано главе Монастырского приказа Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину (*Белокуров*, 1911. С. 14). В 1730 г. село перешло к его сыну Платону Ивановичу, который в 1736 г. возвел каменный храм Рождества Богородицы, сохранившийся до нашего времени (*Холмогоровы*, 1887. С. 55).

[12] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стлб. Москва, 33035. Ч. 1. Л. 72; Стлб. Москва, 32968. Л. 237.

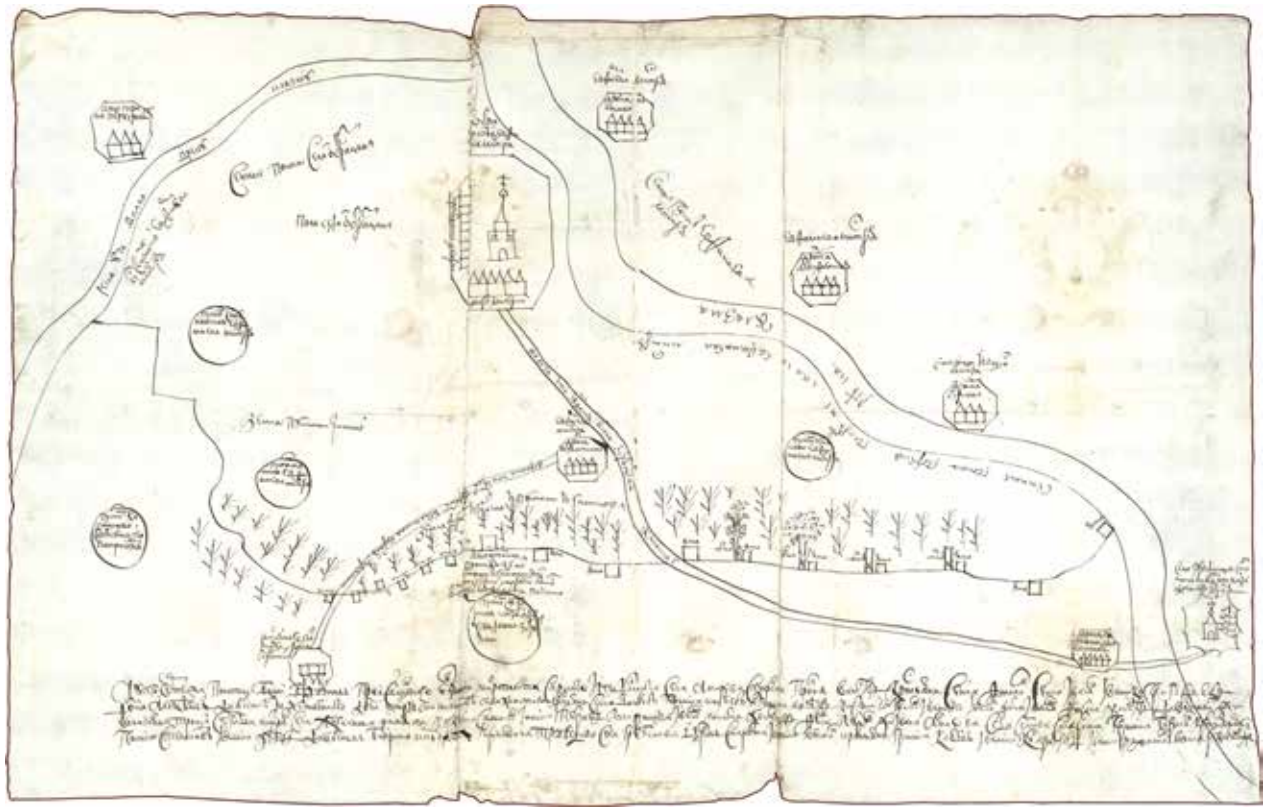

Рис. 15. Вотчина Спасо-Евфимиева монастыря в с. Образцове. Чертеж 1694 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стлб. Москва, 32968. Л. 237)

Среди плит, опубликованных С. А. Белокуровым, две датированные плиты (1577/78 и 1581/82 гг.) относятся к периоду после того, как Федор Иванов сын Хабарова в 1571/72 г. передал сельцо Образцово с пустошами Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю. Тогда сельцо находилось в запустении, однако кладбище продолжало функционировать. Вскоре после 7.10.1578 в сельце построена деревянная клетская церковь. Это могло способствовать развитию кладбища.

Плита Обр-6/2024, найденная в 2024 г., относится к несколько более раннему времени. Судя по аналогиям, ее следует датировать 1560-ми годами. Следовательно, мы можем заключить, что на кладбище хоронили в период, когда село принадлежало Ивану Ивановичу Хабарову (иноку Иосафу) и его сыну Федору.

Таким образом, наиболее обоснованной версией появления некрополя в селе Образцово является наличие в XV – середине XVI в. вотчинного центра Добрынских-Симских, где размещались храм и кладбище.

Объединяя данные, зафиксированные С. А. Белокуровым и полученные нами, можно констатировать, что для некрополя было присуще достаточно обильное количество белокаменных надгробий (выявлено 9) при отсутствии надгробий валунных. Многие из них если и имели надписи, то краткие и в сочетании со скромным декором. Это, возможно, позволяет предположить не самый высокий достаток/известность захороненных. Учитывая появляющиеся данные о использовании белокаменных надгробий в захоронениях XV–XVI вв. людей среднего достатка, мы можем предположить, что и здесь в ряде случаев могли быть похоронены не только члены семьи Добрынских и их приближенные, но и другие жители вотчины (например, плита Онуфрия).

Научный интерес представляет поиск других плит некрополя (часть которых может быть с надписями), включая описанные С. А. Белокуровым, и определение границ некрополя. Далее важными представляются сбор полного корпуса надписей с захоронений (в случае их нахождения), выдвижение гипотезы о социальном составе захороненных и хронологии захоронений.

Литература и источники

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М.: ПИМ, 1998. 640 с.

Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. Канцелярии, 1838. 509 с.

Алексеев А. В., 2017. Церковные древности Звенигородской земли. Звенигород: Мин. культ. Моск. обл., Звенигородский историко-художественный музей. 224 с.

Белокуров С. А., 1911. Надгробныя плиты XVI в. в с. Образцово Московской губ. / Изд. Императорского общества истории и древностей российских. М.: Синодальная тип. 24 с.

Беляев Л. А., 1991. Средневековый некрополь Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. М. С. 45–97.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити. 63 с.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб.: Наука, 2011. 684 с.

Быков А. Ю., 2020. К вопросу о принадлежности надгробных плит и крестов из бывшей деревни Кузмадемьянка Мышкинского района // АП. Вып. 16 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 208–218.

Веселовский С. Б., 1969. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука. 584 с.

Вишневский В. И., 2006а. Некрополь Троице-Сергиевой лавры. Открытия последних десятилетий XX века // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 130–175.

Вишневский В. И., 2006б. Об одном типе надписей на надгробиях Троице-Сергиева монастыря // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 280–285.

Вишневский В. И., 2018. Средневековые белокаменные надгробия кладбища села Воскресенского дворцовой волости Черноголовль (Ногинского района Московской области) // АП. Вып. 14 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 330–342.

Владимирский летописец. ПСРЛ. Т. XXX. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 239 с.

Геометрический специальный план московского уезда Бохова стана села Образцова и Комягина с сельцом Ильинским 1767 г. Копия 1790 г. / РГАДА. Ф. 1354 Оп. 246. Ч. 2А-15К.

Кренке Н. А., Беляев Л. А., 2006. Монастырский некрополь XVI–XVII веков. Плиты из Зачатьевского монастыря // Русское средневековое надгробие XIII–XVII веков. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 47.

Кром М. М., 2010 «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение. 888 с.

Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.: Наука, 2005. 652 с.

Кусов В. С., 2004. Земли Московской губернии в XVIII веке. Т. 3: Карты уездов. М.: Московия. 15 карт.

Мазуров А. Б., 2023. Два белокаменных подписных надгробия начала 1540-х годов из г. Коломны и ее округи // Московская Русь: археология, история, архитектура. К 75-летию Леонида Андреевича Беляева / Отв. ред. И. И. Елкина; сост. О. Н. Глазунова, Д. Г. Давиденко. М.: ИА РАН. С. 324–334.

Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ, Т. XXV. М., Л.: Изд. АН СССР, 1949. 464 с.

Низамутдинов К. Ю., 2024. Белокаменные саркофаги из двух сельских некрополей на берегах реки Пахры // АП. Вып. 19 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 185–197.

Печников М. В., 2024. Коломенское в XIV – первой трети XVI века: начальная история подмосковной княжеской вотчины. М.: Квадрига. 200 с.

План Богородского уезда генерального межевания 1784 г. / РГАДА. Ф. 1356. Д. 2189.

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е. И. В. Канцелярии, 1872. 611 с.

Указатель планов дач Богородского уезда / РГАДА. Ф. 1354. Оп. 859. Ч. 1.

Холмогоровы В и Г., 1887. Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII ст. Вып. 5. Радонежская десятина. М. 169 с.

Чернов С. З., 1991. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. Матер. науч.-практ. конф. М.: НИИ культуры. С. 73–97.

Чернов С. З., 1994. Отчет об археологических разведках на территории Сергиево-Посадского и Пушкинского районов Московской области в 1994 г. Ч. 4 / Архив ИА РАН. Р-1. № 19706.

Чернов С. З., 1998. Волок Ламский. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.: Изд. дом «Галерия». 544 с.

Чернов С. З., 1999. Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Макариевские чтения.

Вып. 6. Канонизация святых на Руси. М.: Можайск-Терра. С. 316–349.

Чернов С. З., 2000. Землевладение волости Бели Радонежского удела // Очерки феодальной России. Вып. 4. М.: Эдиториал УРСС. С. 20–70.

Чернов С. З., 2005. Некрополь в Московском зоопарке на Пресне и локализация Большого двора князя Владимира Андреевича «на Трех горах» // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 3. Ментальный ландшафт. Московские села и слободы. М.: Наука. С. 456–477.

Чернов С. З., 2009а. Археологические исследования по трассе проектируемой Центральной кольцевой автомобильной дороги (ЦКАД) в Пушкинском и Щелковском районах Московской области в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 37291.

Чернов С. З., 2009б. Отчет. Историко-археологические исследования в зоне строительства просфорни на территории прихода храма Покрова Богородицы в Красном селе (Москва, ул. Нижняя Красносельская, д. 12) в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 28959.

S. Z. Chernov, R. V. Breshkov, R. L. Vinogradov, A. S. Semenov

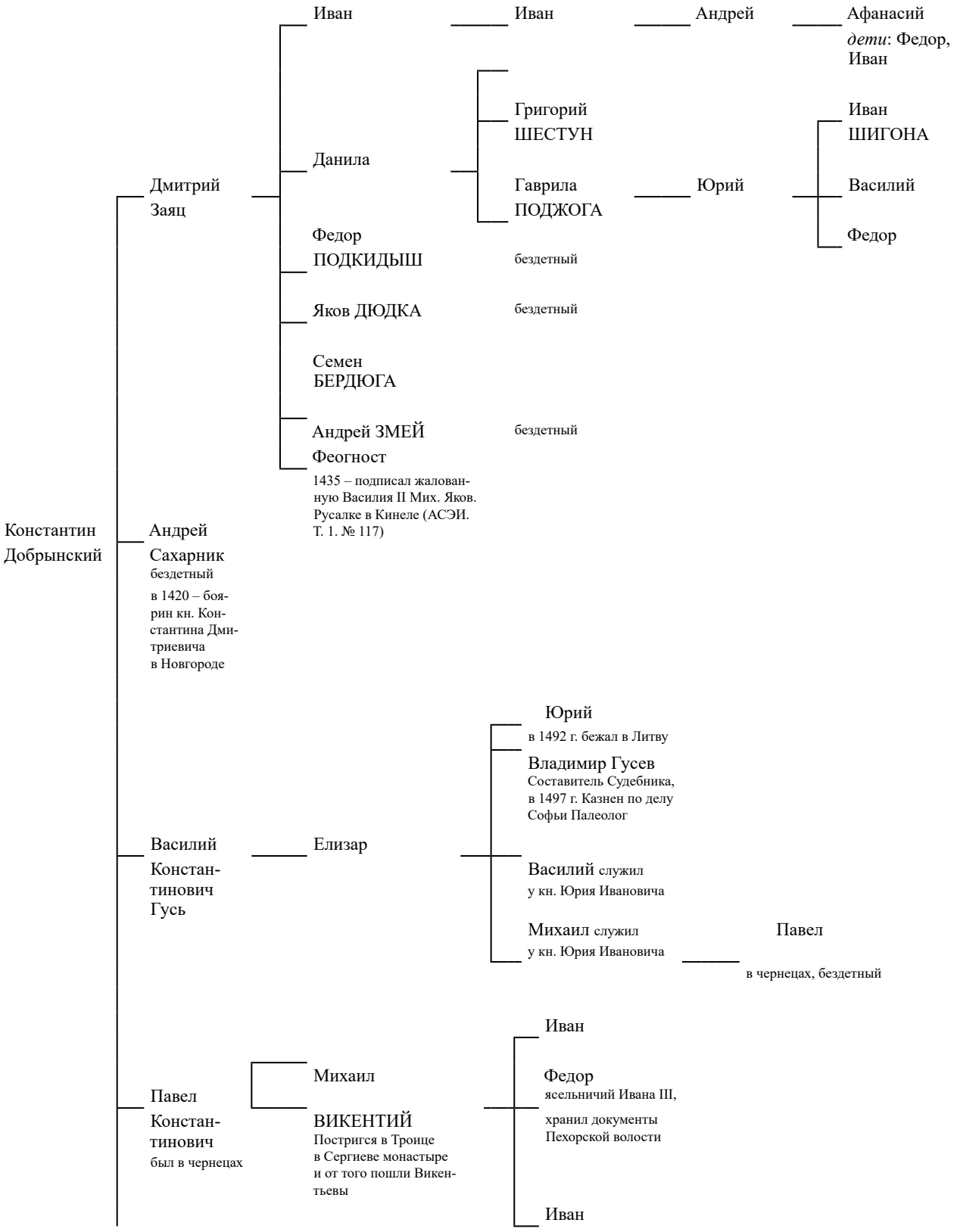
Find of 16th-Century White-Stone Tombstones in the Village of Obraztsovo, Shchyolkovo Urban District

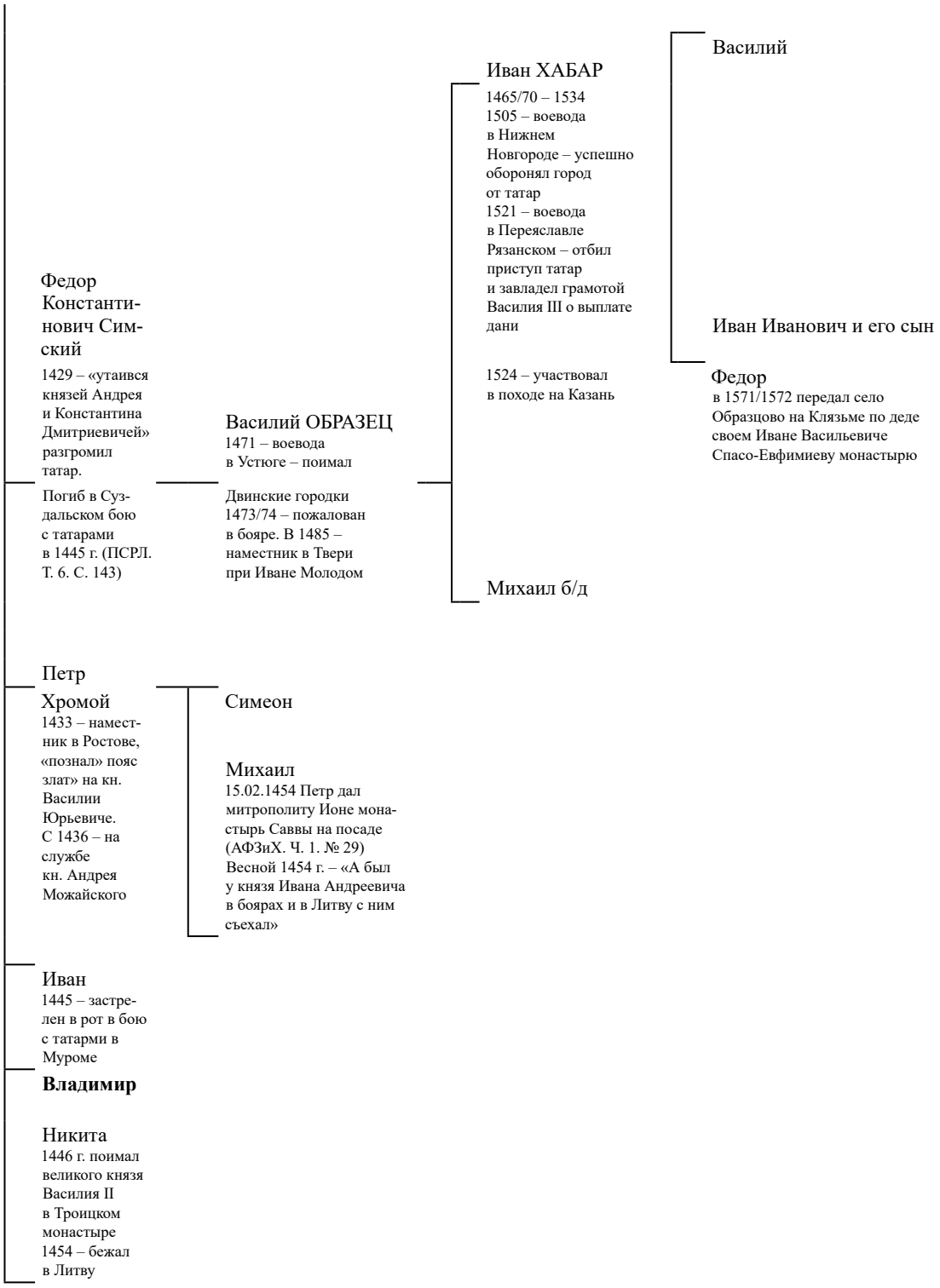
Summary

The article publishes four 16th-century white-stone slab tombstones found in 2004 in the waste heaps of excavation work on the territory of the necropolis near the Church of the Nativity of the Virgin Mary in the village of Obraztsovo, Shchyolkovo urban district, Moscow region. This necropolis is famous for the fact that S. A. Belokurov's article (1911) was dedicated to it – the first work on white-stone slab tombstones in villages near Moscow. S. A. Belokurov's archive contained photographs of 5 tombstones described in his article. Since these photographs provide a more accurate image of the tombstones than those given in the 1911 article, they are published.

Приложение

Род бояр Добрынских

Федор Константинович Симский
1429 – «утаився князей Андрея и Константина Дмитриевичей» разгромил татар.
Погиб в Суздальском бою с татарами в 1445 г. (ПСРЛ. Т. 6. С. 143)
Василий ОБРАЗЕЦ
1471 – воевода в Устюге – поймал
Двинские городки
1473/74 – пожалован в бояре. В 1485 – наместник в Твери при Иване Молодом
Иван ХАБАР
1465/70 – 1534
1505 – воевода в Нижнем Новгороде – успешно оборонял город от татар
1521 – воевода в Переяславле Рязанском – отбил приступ татар и завладел грамотой Василия III о выплате дани
1524 – участвовал в походе на Казань
Василий
Иван Иванович и его сын
Федор
в 1571/1572 передал село Образцово на Клязьме по деде своем Иване Васильевиче Спасо-Евфимиеву монастырю
Михаил б/д
Петр Хромой
1433 – наместник в Ростове, «познал» пояс злат» на кн. Василии Юрьевиче. С 1436 – на службе кн. Андрея Можайского
Симеон
Михаил
15.02.1454 Петр дал митрополиту Ионе монастырь Саввы на посаде (АФЗиХ. Ч. 1. № 29)
Весной 1454 г. – «А был у князя Ивана Андреевича в боярах и в Литву с ним съехал»
Иван
1445 – застрелен в рот в бою с татарми в Муроме
Владимир
Никита
1446 г. поймал великого князя Василия II в Троицком монастыре
1454 – бежал в Литву

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.246-265

М. С. Яковчик[*], О. Ф. Чернова[**], А. В. Энговатова[*], И. К. Решетова[*]

[*] *Институт археологии РАН (г. Москва)*

[**] *Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва)*

Текстиль из погребения XVI–XVII веков у церкви Иоанна Златоуста в Ярославле

Исследования на территории Рубленого города, исторического центра Ярославля, проводятся Ярославской археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой с начала 2000-х гг. В ходе работ на раскопе «Волжская набережная, д. 1», заложенном в северной части Рубленого города, был выявлен некрополь при церкви Иоанна Златоуста (не сохранилась, первое упоминание в письменных источниках относится к середине XVII в.), который функционировал с конца XV по XIX в. (*Васильева*, 2019. С. 48; *Энговатова*, 2020а. С. 8–9, 204, 211).

При раскопках участка кладбища в 2019 г. открыто 322 захоронения (*Энговатова*, 2020а. С. 2, 204, 211). В погребении 533 обнаружены остатки текстильных предметов, исследованию которых посвящена настоящая статья. Пятно могильной ямы трапециевидной формы размером 200×76×48 см было ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. В границах ямы помещался долбленый антропоморфный гроб-колода с подпрямоугольным оголовьем с плечиками плавных очертаний, с уплощенным дном (размер гроба – 176×50×31 см, ширина оголовья – 38 см, стенки сохранились на высоту 19–21 см). Согласно результатам анализа древесины, гроб изготовлен из дуба. На его дне находился скелет женщины 30–35 лет, лежавший вытянуто на спине, головой на юго-запад, руки согнуты в локтях, левая лежала на животе, правая – на груди; останки располагались ближе к левой стенке гроба. Анатомический порядок костяка практически не нарушен, фиксируется смещение некоторых костей (подробнее см. ниже). Скелет покрывали многочисленные фрагменты ткани, в области ступней находились остатки кожаной обуви (рис. 1) (*Энговатова*, 2020а. С. 162–163; 2020б. С. 172–174, 176; 2020в. Илл. 653, 654).

В засыпке могильной ямы найдены два фрагмента красноглиняной керамики, предположительно датируемые XVII в., и западноевропейская товарная свинцовая пломба, которую можно отнести к XV–XVII вв. (*Энговатова*, 2020а. С. 162–163). Известно, что антропоморфные долбленые колоды стали появляться в древнерусских некрополях в XV в., наибольшее распространение получили в XVI–XVII вв. и продолжали использоваться в XVIII–XIX вв. (*Васильева*, 2019. С. 104, 106–109, 119). Все вышесказанное позволяет отнести время совершения погребения к XVI–XVII вв.

Исследование текстиля

Комплексное исследование текстиля из погребения 533 включало несколько этапов[1]. Прежде всего фрагменты тщательно изучены визуально *in situ* в самом захоронении (на скелетных останках, на стенках и дне гроба), их расположение было зарисовано, сфотографировано и описано.

Сразу же возник вопрос о количестве текстильных изделий в захоронении. Основная часть фрагментов ткани покрывала скелет: обрывки разных размеров и сохранности фиксировались практически по всему костяку, от черепа до ступней. Ткань, лежавшая на костях рук, ног и таза, свешивалась на дно, достигала стенок гроба и фактически окружала останки по периметру, занимала пространство между костями ног (рис. 1; 2, *2*). Также зафиксированы три вещи из ткани, имевшие явные края и ни-

[1] Фиксация расположения текстиля в погребении, извлечение, очистка в лаборатории и структурно-технологическое исследование фрагментов выполнена М. С. Яковчик.

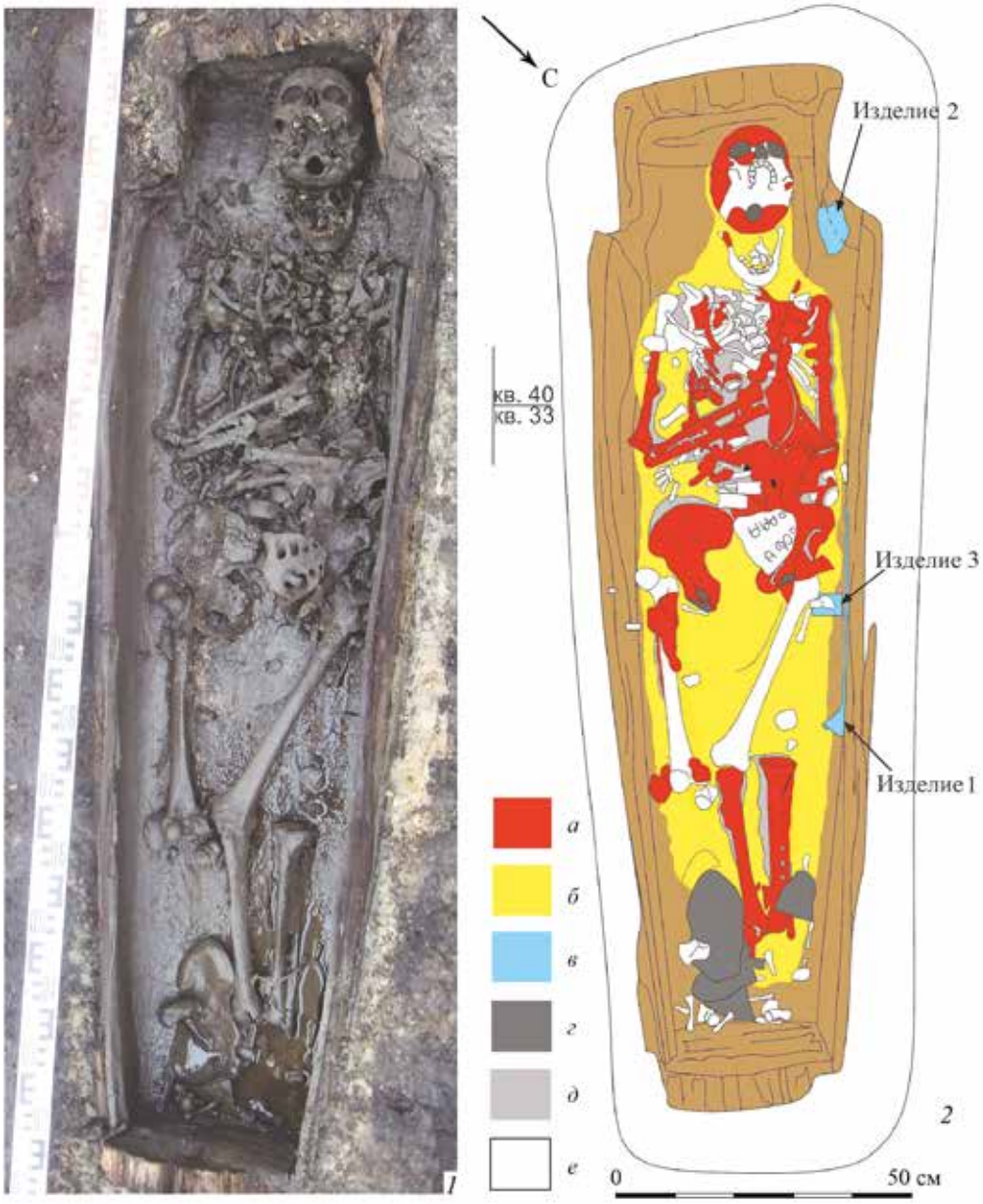

Рис. 1. Погребение 533. Остатки текстиля в погребении
1 – общий вид погребения; *2* – схема погребения; *а* – ткань (фр-ты савана) на костях; *б* – ткань (фр-ты савана) на дне гроба; *в* – изделия 1, 2, 3; *г* – кожаная обувь; *д* – участки на дне гроба, скопления грязи и тлена; *е* – кости без фрагментов ткани

как не связанные с фрагментами текстиля со скелета; все они располагались на левой стороне гроба.

Все находки извлечены из колоды и отправлены в лабораторию для дальнейшего изучения. Ткань была существенно загрязнена, поэтому перед проведением структурно-технологического исследования ее требовалось разобрать, очистить и расправить. Достаточно крупные и информативные фрагменты текстиля промыты 5%-ным раствором полиэтиленгликоля-400 (ПЭГ-400) в дистиллированной воде с добавлением этилового спирта, что позволило по мере возможности пластифицировать и расправить обрывки хорошей сохранности.

Структурно-технологическое исследование текстильных изделий выполнено при помощи световой микроскопии[2]. Структурные характеристики

[2] Исследование текстиля выполнено с использованием приборной базы Центра коллективного пользования научным оборудованием для археометрических исследований при ИА РАН (г. Москва).

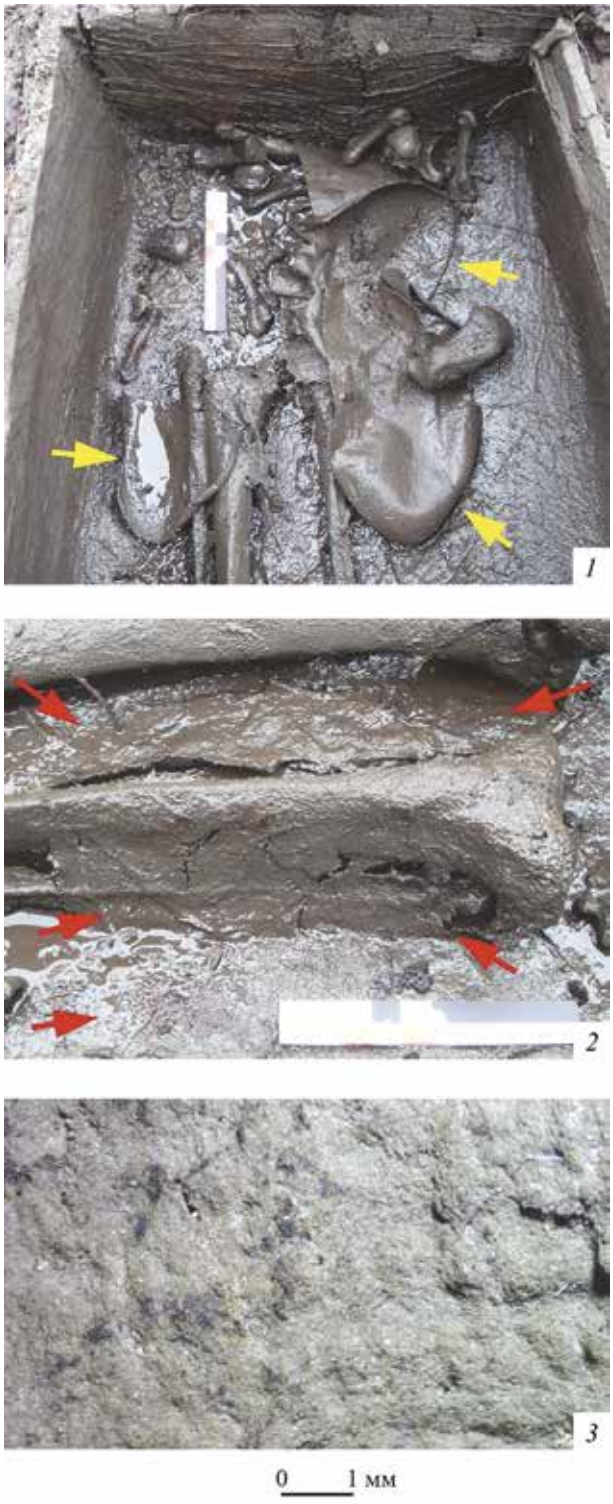

Рис. 2. Погребение 533
1 – остатки кожаной погребальной обуви, указана стрелками; *2* – фр-ты ткани на костях левой голени и на дне гроба, указаны стрелками; *3* – микрофотография сильно загрязненной ткани с правой бедренной кости

тканей (тип переплетения, плотность) и морфометрические параметры нитей (толщина, направление и степень крутки) изучены на стереомикроскопах *Carl Zeiss Stemi 508* (увеличение 6,3х–50х) и *Carl Zeiss Stemi 2000C* (увеличение 6,5х–50х). Природа волокон, из которых спрядены нити, определена методом микроскопии в проходящем неполяризованном свете на поляризационных микроскопах *ADF U300P* (увеличение 50х–500х) и *ADF U300* (увеличение 100х–400х), а также на *СЭМ TESCAN VEGA Compact LMH*. Основные результаты сведены в таблице 1.

Саван. Фрагменты ткани располагались на скелете (на черепе и практически по всему постраниальному скелету, за исключением ступней), под некоторыми костями (правая лопатка, таз), в гробу – на дне, в нижней части стенок (кроме изножья); небольшой фрагмент ткани зафиксирован на внутренней стороне крышки гроба; очевидно, он попал сюда после того, как крышка просела внутрь и соприкоснулась с костяком и текстилем (рис. 1, *1, 2*). Можно заключить, что эти фрагменты ткани относятся к одному изделию. Одним из важнейших и достаточно непростых вопросов стала атрибуция данного изделия. Особенности расположения некоторых фрагментов – ткани, в которую был завернут череп и которая закрывала лицо, темя и затылок, и обрывка ткани, покрывавшего кости левой руки и таза, – позволили заключить, что это явно не остатки одежды, а некое цельное изделие, укрывавшее останки женщины и имеющее отношение к погребальному обряду.

Известно, что в Московской Руси при помещении в гроб тело покойного было принято либо накрывать специальным покровом из ткани, либо заворачивать в саван, как правило в несколько оборотов (*Ёлкина*, 2019а. С. 158). По причине фрагментарной сохранности точная атрибуция текстильного изделия из погребения 533 оказалась затруднительной, поэтому было решено проанализировать захоронение методами тафономии и остеоархеологии. Известно, что положение скелета в погребении в том виде, в каком его находят археологи, может значительно отличаться от первоначального положения тела покойного, которое оно имело при совершении захоронения. Такая разница вызвана целым рядом факторов, в том числе процессами естественного разложения, при которых отдельные кости могут сместиться. Характер смещения костей зависит от многих условий: позы погребенного, его облачения, структуры погребального сооружения, тафономической ситуации в целом (*Зайцева, Ражев*, 2007. С. 84). Таким образом, на основе особенностей положения скелета в погребении и условий, при которых происходило

Таблица 1. **Текстильные изделия из погребения 533: основные структурно-технологические характеристики.**

Название изделия	Переплетение	Основа			Уток			Плотность ткани	
		Природа волокна	Крутка	Толщина, мм	Природа волокна	Крутка	Толщина, мм	Основа (нитей/см)	Уток (нитей/см)
Саван	Полотняное 1/1	Шерсть	Z (слабая, средняя, сильная)	0,3–0,6, редко 0,20–0,25 и 0,7	Шерсть	Z (слабая, средняя, сильная)	0,3–0,7, редко 0,2 и 0,8	9–11	9–12
Изделие 1	Полотняное 1/1	Шерсть	Z (слабая, средняя, редко сильная)	0,4–0,7	Шерсть	Z (слабая, средняя, редко сильная)	0,4–0,7	10–11	10–11
Изделие 2	Полотняное 1/1	Шерсть	Z (слабая, средняя, редко сильная)	0,3–0,6, редко 0,2	Шерсть	Z (слабая, средняя, редко сильная)	0,3–0,6	9–11	10–11
Изделие 3	Полотняное 1/1	Шерсть	Z (слабая, средняя)	0,3–0,6	Шерсть	Z (слабая, средняя)	0,35–0,6	10	10

разложение мягких тканей и скелетирование тела покойного, становится возможным реконструировать изначальный облик погребения, в том числе положение тела, а также определить, был ли покойник завернут в саван[3].

Захоронение совершено в деревянной антропоморфной колоде с выделенным оголовьем. Кости имеют темный, практически черный цвет, свидетельствующий о наличии большого количества окислившейся органики и нахождении останков во влажном, сильно гумусированном слое. Останки не потревожены, кости в анатомических сочленениях, за исключением грудного отдела, где они расположены локально, но сочленения утрачены, а также бедренных костей, утративших сочленения в тазобедренных суставах. Руки согнуты в локтях, предплечья располагаются в районе живота покойного. Череп целый, не смещен и не завален, располагался на затылочной кости; нижняя челюсть отделена, лежала на основании, также без смещения в сторону. Положение ключиц вертикальное, параллельно оси погребения: вероятно, плечи покойной в момент погребения были приподняты и зафиксированы, а при утрате мягких тканей и связок эта фиксация препятствовала «расползанию» костей по пустому пространству гроба-колоды, которое не было заполнено грунтом. Ноги индивида также были туго связаны: кости голеней и стоп расположены параллельно, близко друг другу, бедренные кости находятся под углом к голеням, мыщелки бедренных костей сведены вместе и соприкасаются, вероятно, ноги были согнуты. Кости стоп перемещены, возможно, в результате изменения уровня грунтовых вод и заполнения пространства гроба. При утрате анатомических связок и разрушении текстиля бедренные кости сместились в сторону, кости голеней вертикально опустились и остались *in situ*, при этом кости левой ноги остались в сочленении.

Положение тела и взаимное расположение костей скелета свидетельствует о том, что покойный был завернут во что-то. Таким образом, можно с большой долей уверенности заключить, что тело женщины было завернуто в саван, а не укрыто покровом. Также стоит отметить наличие слоя или слоев ткани под останками – один из маркеров наличия савана. В погребении 533 на дне гроба под правой лопаткой и тазом выявлены крошечные фрагменты ткани плохой сохранности. Однако, учитывая воздействие на костяк и ткани грунтовых вод, вряд ли можно утверждать, что эти фрагменты находились под костями изначально.

Лучшую сохранность имели довольно крупные обрывки, расположенные на черепе и под ним на дне гроба, поверх левых локтевой и лучевой, тазовых костей, между бедренными костями и на проксимальном конце левой бедренной кости (рис. 1; 3, *1, 2*; 4, *1–3*; 5, *1–4*). На них выявлены участки довольно хрупкой, местами деформированной ткани, сохранившей структуру и пригодной для исследования. Значительно хуже оказалось состояние фрагментов савана, зафиксированных на костях ног и правой руки, левой плечевой кости, ребрах, дне гроба и в придонной области стенок

[3] Исследование погребения 533 по описанной методике выполнила И. К. Решетова (ИА РАН).

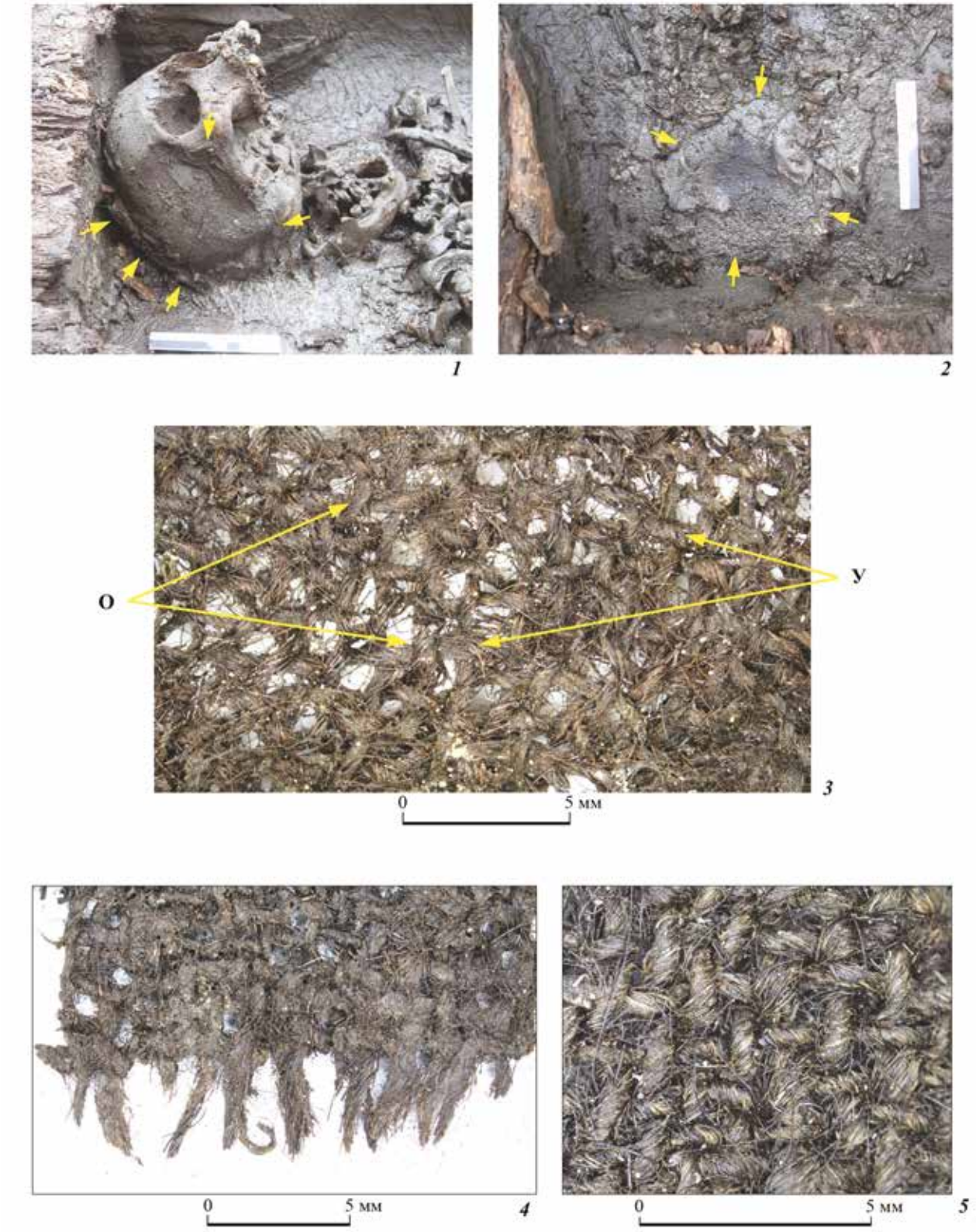

Рис. 3. Фрагменты савана на черепе

1 – общий вид черепа с тканью, указана стрелками, *in situ*; *2* – фр-т ткани, указан стрелками, под затылком черепа *in situ* на дне гроба (после извлечения черепа); *3* – микрофотография ткани; *4* – микрофотография ткани с обрезанным краем; *5* – микрофотография ткани

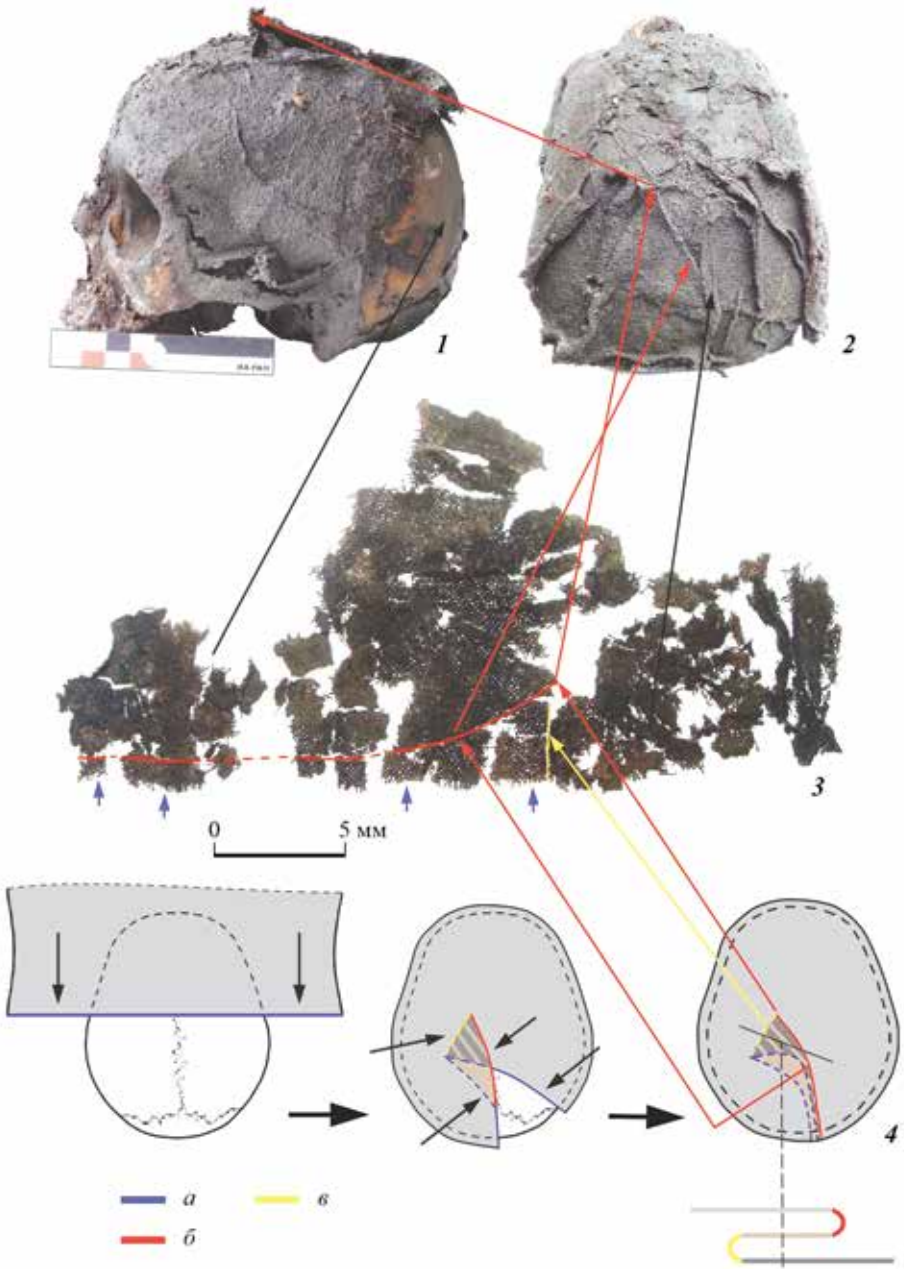

Рис. 4. Фрагменты савана на черепе
Черными стрелками указано направление оборачивания тканью головы покойной.
Слои ткани в области сведения краев савана и образовавшейся складки обозначены разными цветами;
штрихами обозначен участок, где два слоя перекрывают друг друга)
1 – фр-ты ткани на левой стороне черепа; *2* – фр-т ткани на темени черепа; *3* – фр-ты ткани после снятия с черепа, слева направо: с затылка (под черепом на дне гроба), с темени (синими стрелками указан обрезанный край савана, красной и желтой линиями указаны линии сгибов ткани); *4* – схема оборачивания черепа саваном (вид сверху); *а* – обрезанный край савана; *б* – линия сгиба ткани в месте сведения обрезанного края; *в* – линия сгиба ткани внутри складки

гроба вокруг скелета (часто ткань покрывала кости и свешивалась на дно колоды) (рис. 1; 2, *2*; 4, *1, 2*). Текстиль смешался с грязью и превратился в твердый конгломерат, расчистить который невозможно (рис. 2, *3*); пластичность ткани полностью утрачена, структура переплетения плохо читается, от нитей сохранились обрывки или волокна. Похожая ситуация наблюдается также с образцами со дна гроба из-под костей туловища: о том, что там была ткань, говорят лишь плохо сохранившиеся мелкие фрагменты и остатки волокон.

Остатки савана практически не зафиксированы в изножье на дне гроба, в районе ступней, где обнаружена кожаная ритуальная обувь (рис. 1;

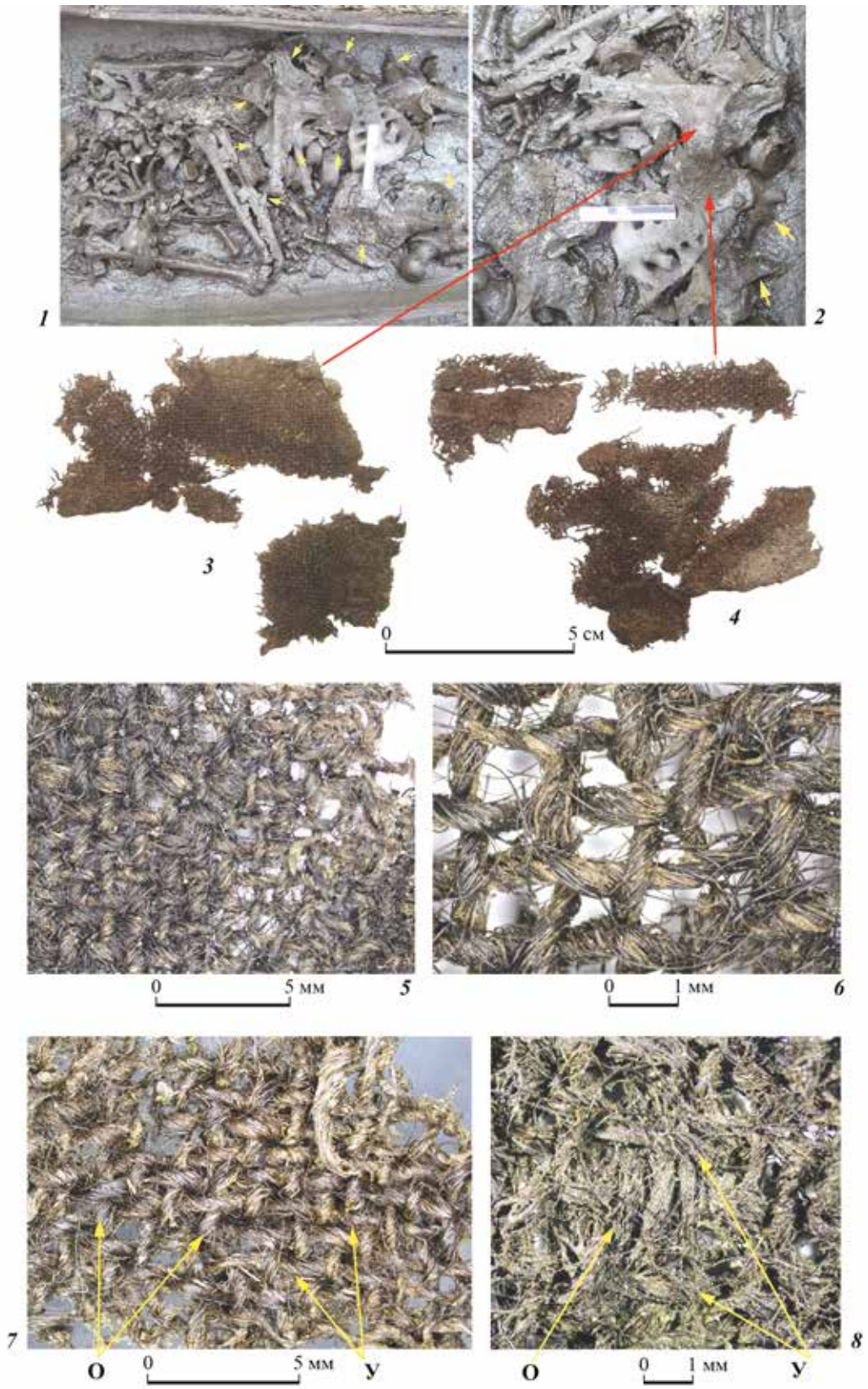

Рис. 5. Фрагменты савана на левой стороне туловища
1, 2 – общий вид ткани, указана стрелками; *3, 4* – фрагменты ткани; *5, 6, 7* – микрофотографии ткани; *8* – ткацкая ошибка (нити утка перекрывают три нити основы)

2, *1*) – двухчастные туфли, состоящие из цельной подошвы и головки, скреплявшихся переметочным швом. Края подошв обрезаны ровно, сразу за участком крепления головки срез уходит немного вниз. Верхний край головок обрезан прямо. Туфли выполнены из тонкой кожи толщиной миллиметр; на подошвах читается тисненый рисунок в виде сеточки – очевидно, их выкроили из какого-то изделия. На внутренней стороне головки одной из туфель зафиксированы фрагменты ткани очень плохой сохранности. Можно предположить, что это остатки обмоток ног, однако, учитывая отсутствие следов текстиля на остальных деталях обуви, логичнее считать, что данная ткань относится к савану. Скорее всего, после декомпозиции сшивных нитей туфель и мягких тканей ступней обувные детали упали на саван, в результате на одной из них отпечатался текстиль.

Наиболее информативными оказались фрагменты ткани на черепе, на теменной, височных и затылочной костях (рис. 3, *1, 2*; 4, *1, 2*); на лицевом отделе саван практически полностью истлел. Зафиксирован один слой ткани. После того как обрывки расправили, выявлен край изделия, обрезанный по прямой линии вдоль утка, без какой-либо обработки (рис. 3, *4*). Общая длина сохранившегося обрезанного края савана, которым была обернута голова покойной, составила около 40 см (рис. 4, *3*); боковые стороны изделия проследить не удалось. Можно заключить, что саван изготовлен из полотна шерстяной ткани шириной не менее 40 см, обрезанного поперек ткацкого куска.

Благодаря относительно хорошей сохранности ткани на черепе удалось восстановить последовательность обертывания саваном головы покойной. Очевидно, тело завернули в ткань (в один слой) и положили на спину. Обрезанный край лег поперек темени и сведен по обеим сторонам головы так, что темя и затылок оказались полностью обернуты тканью (рис. 4, *4*), при этом образовалась трехслойная складка треугольной формы, а край савана с левой стороны оказался подогнут вовнутрь (рис. 4, *2, 3, 4*).

Результаты структурного исследования всех фрагментов савана, пригодных для анализа, показали их принадлежность к одной тонкой шерстяной ткани полотняного переплетения 1/1. Цвет темно-коричневый. Основа – шерстяные нити с круткой Z разной степени, их толщина составляет 0,3–0,6 мм, редко встречаются нити тоньше (0,20–0,25 мм) и толще (0,70 мм). Уток – шерстяные нити, крутка – Z разной степени, толщина равна 0,3–0,7 мм, редко 0,2 и 0,8 мм. Между нитями обеих систем наблюдаются промежутки (у основы они, как правило, больше, чем у утка). Плотность ткани по основе составляет 9–11 нитей/см, по утку – 9–12 нитей/см (рис. 3, *3–5*; 4, *3*; 5, *3–7*).

Зафиксированы ткацкие ошибки. На одном участке уток перекрывает сразу три нити основы вместо одной (рис. 5, *8*). В двух местах основа перекрывает две нити утка, еще на одном участке – наоборот.

Выявленные технологические характеристики – нити основы и утка с существенной разницей в толщине и с различной степенью крутки, наличие ткацких ошибок – говорят о том, что саван изготовлен из ткани невысокого качества.

По результатам исследования можно заключить, что захороненная в погребении 533 женщина была завернута в саван из простой тонкой шерстяной ткани в один оборот. Ее тело обернуто не полностью, обутые в ритуальные туфли ступни вряд ли прикрывала ткань. К сожалению, полная реконструкция савана невозможна по причине его фрагментарной сохранности.

Изделие 1. Изделие прямоугольной формы из ткани (рис. 6, *1*) располагалось в верхней части стенки гроба, прямо под крышкой: скорее всего, оно оказалось там в результате воздействия грунтовых вод. Его длина составляет около 42 см, ширина сохранившегося короткого края – 7 см (второй край разорван). Все края ткани ровно обрезаны и подогнуты: сначала подгибались короткие края (сохранившийся подогнут примерно на 1 см), затем – оба длинных края (на 1,0 и 1,2–1,5 см). Швы не зафиксированы (рис. 6, *2*).

Изделие 1 изготовлено из тонкой шерстяной ткани полотняного переплетения 1/1, цвет темно-коричневый (рис. 6, *3*). Нити основы и утка шерстяные, толщиной 0,4–0,7 см, с круткой Z, в основном слабой и средней. Между нитями обеих систем фиксируются незначительные промежутки (между нитями основы побольше, чем между утками). Плотность ткани составляет 10–11 нитей/см и по основе, и по утку.

Изделие 2. Конструкцию и размер вещи невозможно определить из-за ее неполной сохранности. Очевидно, она имела прямоугольную форму, ее размер составлял не менее 13×10 см. Изделие выполнено из ткани, сложенной вдвое под углом относительно основы и утка (рис. 7, *1, 2*). Один край ткани ровно обрезан (рис. 7, *3*). Следы швов отсутствуют.

Изделие 2 изготовлено из тонкой шерстяной ткани, цвет темно-коричневый. Переплетение полотняное 1/1 (рис. 7, *3, 4*). Толщина нитей основы и утка в целом укладывается в промежуток

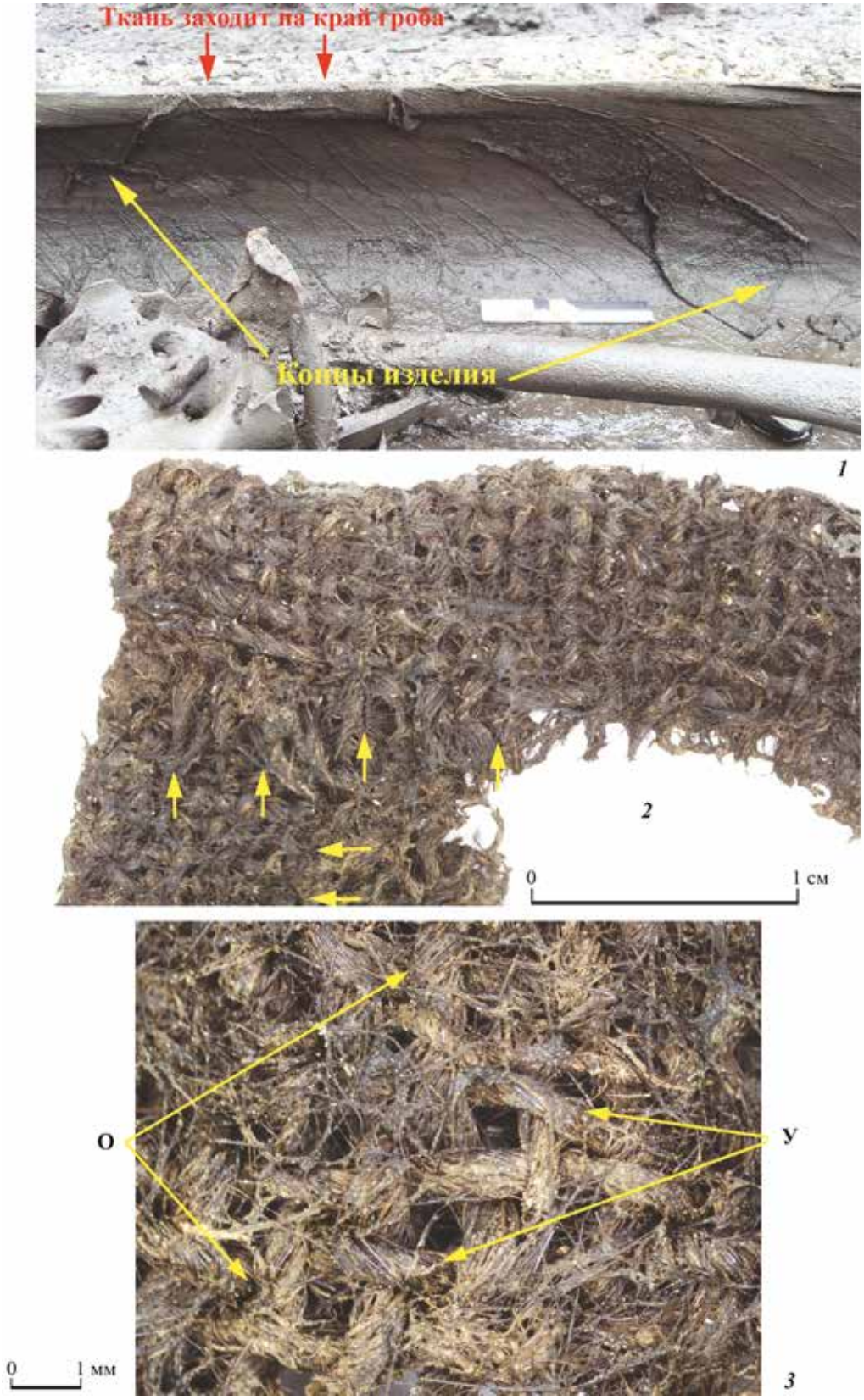

Рис. 6. Изделие 1
1 – общий вид изделия *in situ* на стенке гроба; *2* – фрагмент изделия (обратная сторона, стрелками указаны подгибы краев); *3* – микрофотография ткани

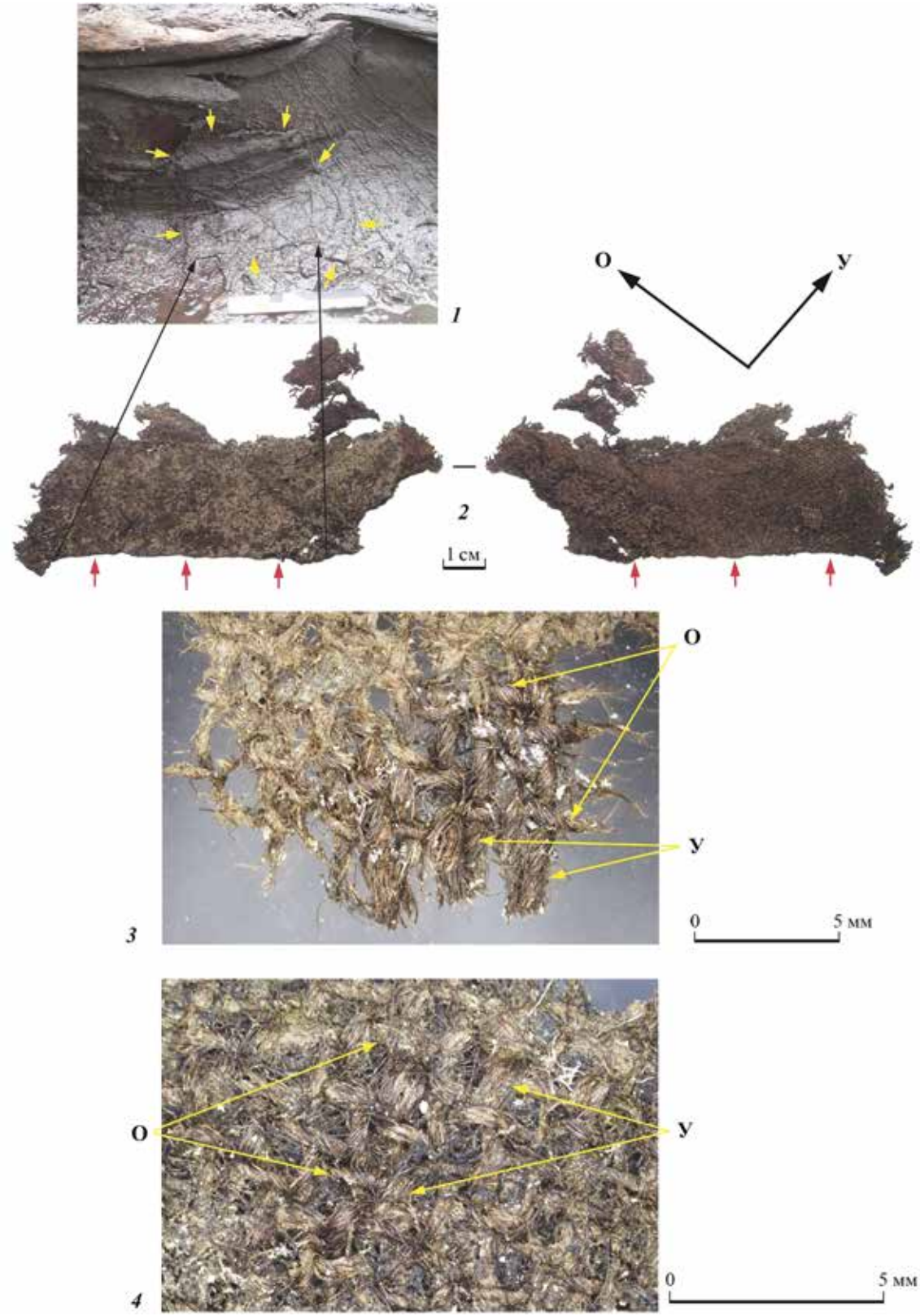

Рис. 7. Изделие 2

1 – общий вид изделия *in situ* на стенке и дне оголовья, указано стрелками; *2* – общий вид фр-та изделия 2, подогнутый край указан красными стрелками; *3* – микрофотография ткани с обрезанным краем; *4* – микрофотография ткани

от 0,3 до 0,6 мм, зафиксирована нить основы толщиной 0,2 мм. Крутка – слабая и средняя Z, сильная редка. Промежутки между нитями основы больше, чем между нитями утка. Плотность ткани по основе составляет 9–11 нитей/см, по утку – 10–11 нитей/см.

Изделие 3. Изделие прямоугольной формы, выполненное из ткани, размер – около 10×5 см (рис. 8, *1*). Извлечь вещь в целом виде не получилось. Края ткани подогнуты, однако восстановить конструкцию в полном объеме невозможно из-за фрагментарной сохранности предмета.

Ткань – тонкая шерстяная полотняного переплетения 1/1, цвет темно-коричневый (рис. 8, *2*). Нити основы скручены слабо или средне в направлении Z, их толщина – 0,3–0,6 мм. Уток – нити толщиной от 0,35 до 0,60 мм, со слабой или средней Z-круткой. Между нитями обеих систем имеются незначительные промежутки. Плотность ткани по обеим системам одинакова – 10 нитей/см.

Таким образом, в погребении 533 выявлены четыре изделия из шерстяной ткани.

1. Саван. Многочисленные фрагменты ткани находились на костяке, на дне и в нижней части стенок гроба (рис. 1, *1*).

2. Изделие 1. Расположено на левой стенке гроба, в ее верхней части, в области тазовой и левой бедренной костей (рис. 6, *1*).

3. Изделие 2. Расположено на левой стенке и дне оголовья гроба, около нижней челюсти (рис. 7, *1*).

4. Изделие 3. Расположено в нижней части левой стенки гроба, рядом с проксимальным концом левой бедренной кости (рис. 8, *1*).

Таксономическая экспертиза шерстяных волокон. Изучены четыре пробы шерстяных волос от двух изделий:

– проба № 1 – от ткани изделия 1;

– проба № 2 – от ткани савана с костей левой руки;

– проба № 3 – от ткани савана с темени черепа;

– проба № 4 – от ткани савана с правого виска черепа.

Волосы из всех проб сильно повреждены, рассыпались и представляли собой короткие фрагменты длиной не более 5–6 мм[4]. Анализ проводили по сравнительно-эталонному методу: исследуемые волосы сопоставляли с эталонными образцами шерсти различных млекопитающих по ряду диагностических показателей (архитектонике, микроструктуре, морфометрии). На основании выявленных сходств определяли видовую принадлежность тестируемых образцов шерсти (подробнее см.: *Кисин*, 2001; *Соколов*, 1973; *Соколов и др.*, 1988; *Чернова*, 2006; *Чернова, Целикова*, 2004; *Чернова и др.*, 2011).

Морфометрические показатели волос, строение сердцевины выявлены при помощи микроскопии в проходящем свете (микроскоп *ADF U300*, увеличение 200х–400х). Архитектоника, микроструктура и орнамент частично сохранившейся кутикулы волос изучались методом СЭМ[5]. Вследствие плохой сохранности образцов удалось изучить на СЭМ только фрагменты волокон от изделия 1 (проба № 1); поперечные и продольные срезы стержней волос от всех проб взять не получилось. Волосы очищали, высушивали, затем покрыли золотом на напылительной установке *S150A Sputter Coater*. Препараты изучали на СЭМ *Tescan Vega TS5130MM* и *Jeol JSM 840A*[6]. *Промеры микроструктур выполнены в программах ATLAS* и *ImageJ*. Морфометрические данные статистически обработали в программе *Statistica 10*.

В целом в пробах от ткани савана и изделия 1 обнаружены крупные остевые волосы двух различных типов и пуховые волосы двух размерных порядков. При изучении пробы № 1 на СЭМ выявлены ости со своеобразным орнаментом кутикулы. Результаты исследования волос сведены в таблице 2.

Остевые волосы четко разделяются на два типа в зависимости от строения сильно пигментированной сердцевины и орнамента кутикулы.

У волос первого типа сердцевинный тяж имеет неравномерную толщину и локальные веретеновидные утолщения, может быть фрагментарным и четко видным (рис. 9, *1А, 1Б*; 10, *1В, 3А*). К этому типу также относится ость I с мозаичным (мостовидным) орнаментом кутикулы (рис. 10, *2А*).

Волосы второго типа характеризуются ровным непрерывным цилиндрическим тяжем с однорядной лестничной сердцевиной, в которой толстые поперечные перегородки («диски») располагаются в один ряд (рис. 10, *2В, 3В*). Ости первого типа в 1,2 раза тоньше, чем ости второго типа, хотя узкая сердцевина одинаково слабо развита в остях обоих типов (18–27% толщины стержня) (табл. 2). У ости I из пробы № 1 толщина стержня незначительно превышает таковую у других остей (соответственно 60 и 50 мкм).

---

[4] Видовую диагностику шерстяных волокон выполнила О. Ф. Чернова (ИПЭЭ РАН).

[5] Исследование выполнила Т. Н. Целикова (ИПЭЭ РАН).

[6] Работа выполнена с использованием оборудования ЦКП «Инструментальные методы в экологии» при ИПЭЭ РАН.

***Таблица 2*. Морфометрические показатели волос из ткани савана и изделия 1 (M±m*, n=3 для каждого параметра).**

Относительные промеры**	**Проба №**				
	1	**2**	**3**	**4**	**1**
	Категории волос с характерными признаками				
	Ость II с пигментированной фрагментарной или непрерывной четко видной сердцевиной		*Ость I с мозаичной кутикулой*	*Ость I с пигментированной фрагментарной или непрерывной четко видной сердцевиной*	*Ость I, строение сердцевины неизвестно, орнамент кутикулы различим*
D, мкм	37,6±2,1	38,4±8,1	58,7±8,1	46,8±4,0	41,9±0,5 58,6±0,7 42,3±0,9
M/D, %	26,4	18	Сердцевина не видна	32,0	Сердцевина не видна
H, мкм	Кутикула повреждена, отсутствует		23,0±0,4		19,5±2,0 44,6±5,2 33,3±3,0 34,9±0,6
H/D			0,4		0,5 0,8 0,8 0,6
Пух I					
D, мкм	20,7±0,1	19,2±1,0	Отсутствуют	23,9±1,5	27,5±0,3
H, мкм	18,1±3,0	17,8±0,9	Кутикула разрушена и отсутствует		17,3±0,7 20,1±1,7
H/D	0,9	0,9			0,6
Пух II					
D, мкм	12,8±0,2	Отсутствуют			11,1±0,8
H, мкм	Кутикула повреждена и отсутствует				8,3±2,1
H/D					0,7
Ость I с однорядной лестничной пигментированной сердцевиной					
D, мкм			46,9±4,0	45,0±4,4	
M/D, % 2			27,5	32,9	
Ость I (кутикула некольцевидная)					
D, мкм					41,5±0,5
H, мкм					15,8±1,3
H/D					0,4
Ость I домашней собаки в средних отделах стержня (кутикула некольцевидная)					
D, мкм					58,2±0,05
H, мкм					22,6±1,3
H/D					0,4
Ость II, переходный участок стержня (кутикула ориентирована под углом к поперечнику стержня)					
D, мкм					35,3±0,3
H, мкм					49,6±2,1
H/D					1,4
Ость II домашней собаки, в переходном участке стержня (кутикула ориентирована под углом к поперечнику стержня)					
D, мкм					51,5±1,2
H, мкм					71,5±2,1
H/D					1,4

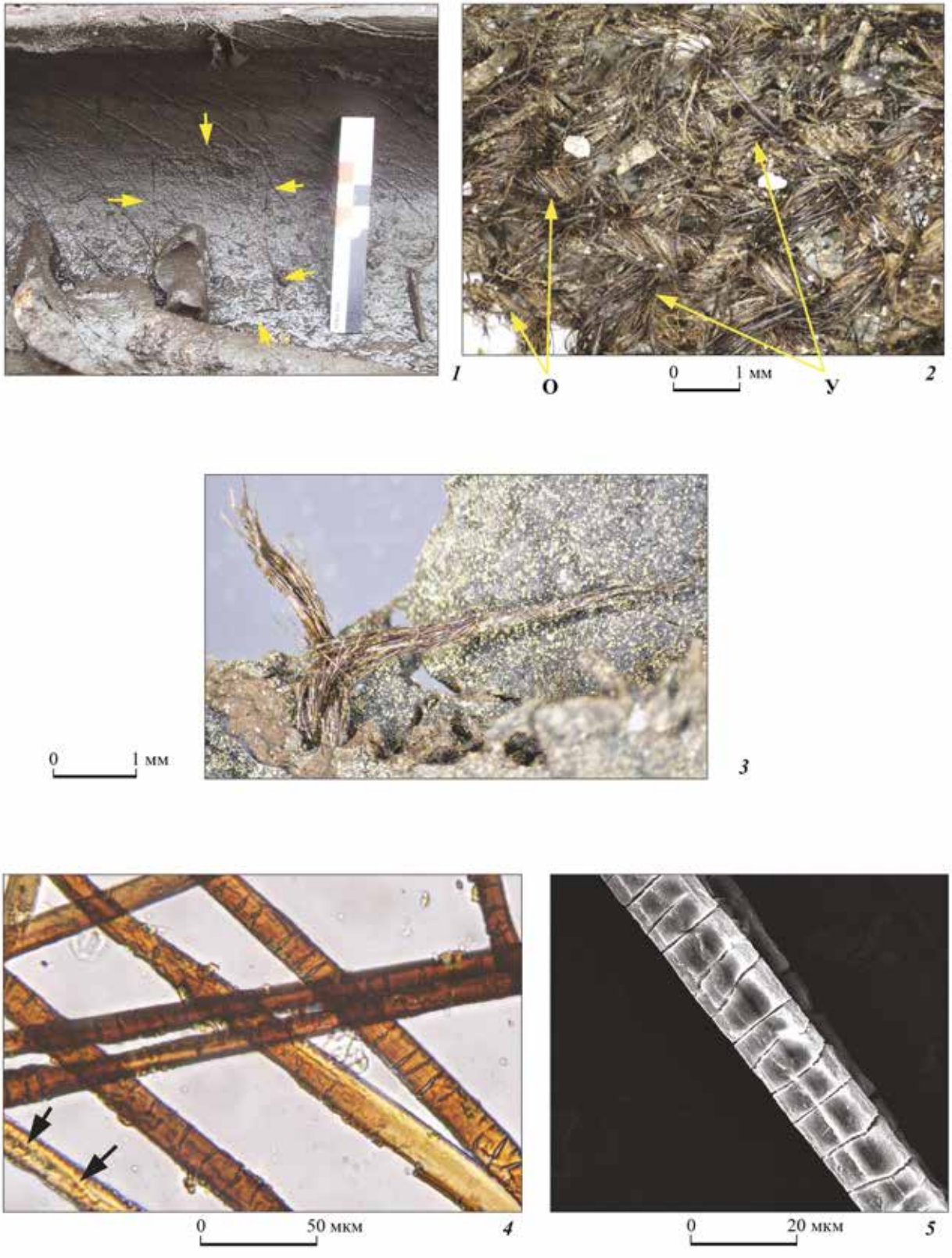

Рис. 8. Изделие 3

1 – общий вид изделия *in situ* на стенке гроба, указано стрелками; *2* – микрофотография ткани; *3–5* – нити (*3* – микрофотография нитей; *4* – волокно от нитей в проходящем свете, стрелками указана сердцевина волокна; *5* – волокно от нитей – СЭМ)

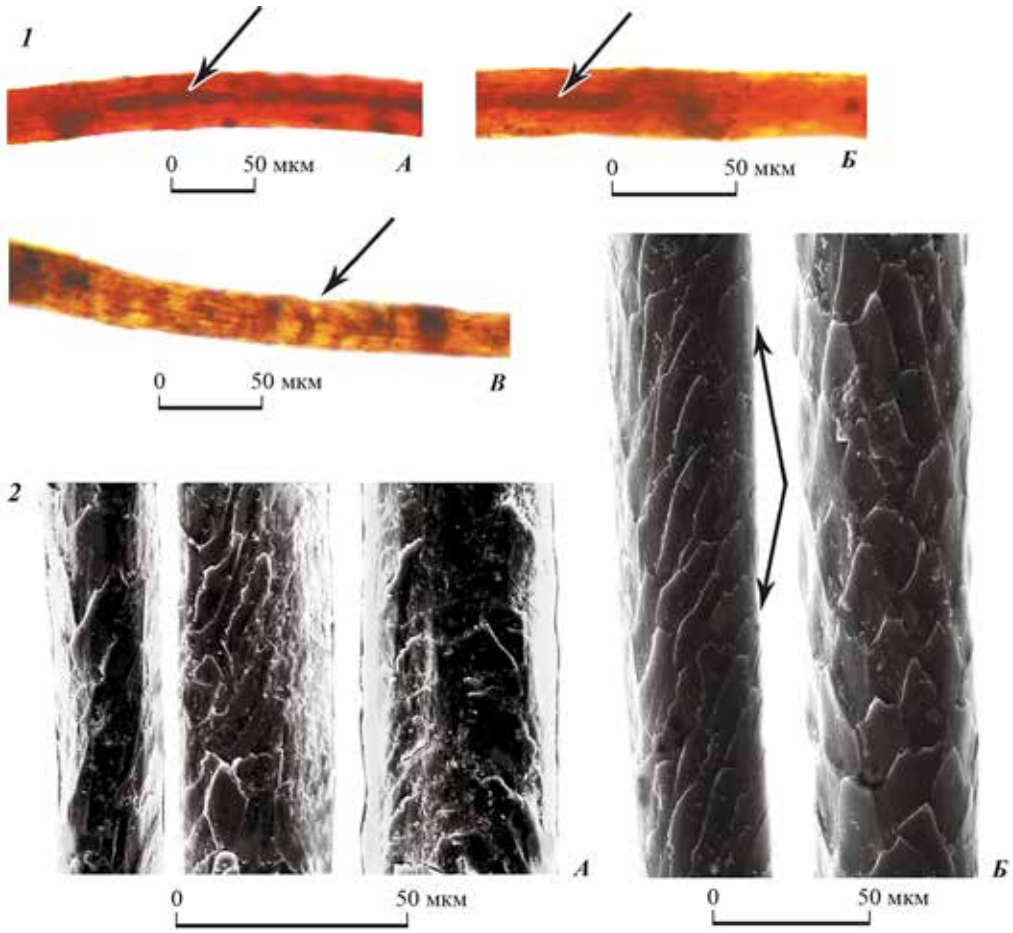

Рис. 9. Микроструктура шерстяных волос
1 – проба № 1 – изделие 1 (А, Б – ость I с фрагментарной четковидной сердцевиной, указана стрелкой; В – пух I с остатками чешуи кутикулы, указаны стрелками); *2* – орнаменты кутикулы остевых волос из пробы № 1 и домашней собаки (А – разные участки стержня ости I (проба № 1) с удлиненными чешуйками и чешуйками с треугольными апикальными выростами (слева направо); Б – ость I домашней собаки с аналогичной кутикулой)

По данным СЭМ, ко второму типу также относятся ости I из пробы № 1 с характерным орнаментом кутикулы: некольцевидной (одна чешуйка не охватывает стержень полностью), черепичной многослойной, со вставочными чешуйками. Чешуйки крупные (индекс кутикулы – до 0,8), высокие (до 20 мкм) (табл. 2) и сильно изломанные, полиморфные, часто с треугольными апикальными выростами (рис. 9, *2А*). Среди этих фрагментов особенно выделяется участок ости II, по-видимому, переходный от основания к расширенному участку стержня. Здесь обнаружена специфическая кутикула, напоминающая шевронную: узкие, длинные, с волнистыми краями чешуйки вытянуты под углом 56–67 градусов к длинной оси стержня (рис. 9, *2Б*), их относительная высота достигает 0,7 от толщины стержня.

Пуховые волосы, обнаруженные в пробах № 1 и 2, разделяются на два порядка в зависимости от толщины стержня. Пух I в 1,6 раза толще пуха II (табл. 2). Орнамент кутикулы кольцевидный или полукольцевидный (рис. 9, *1В*; 10, *1А*). Относительная высота чешуек равна 0,6–0,7. В корковом слое этих волос хорошо различимы продольные темные штрихи – кластеры пигментных гранул (рис. 10, *1Б, 2Б*), изредка формирующие эллипсоидные тельца (рис. 10, *3Б*).

Остевые волосы первого типа и пуховые волосы могут быть идентифицированы как волосы овцы, так как имеют характерную пигментированную сплошную или фрагментарную четко видную сердцевину, которая вкупе с продольными конгломератами пигментных гранул (штрихами или овальными скоплениями), а также отсутствием сердцевины в пуховых волосах служат признаками волос овец (*Чернова и др.*, 2011. Рис. 145; *Энговатова и др.*, 2020. Рис. 3Г, 4Е; *Энговатова и др.*, 2021. Рис. 8, *2*). Орнамент кутикулы у тестируемых

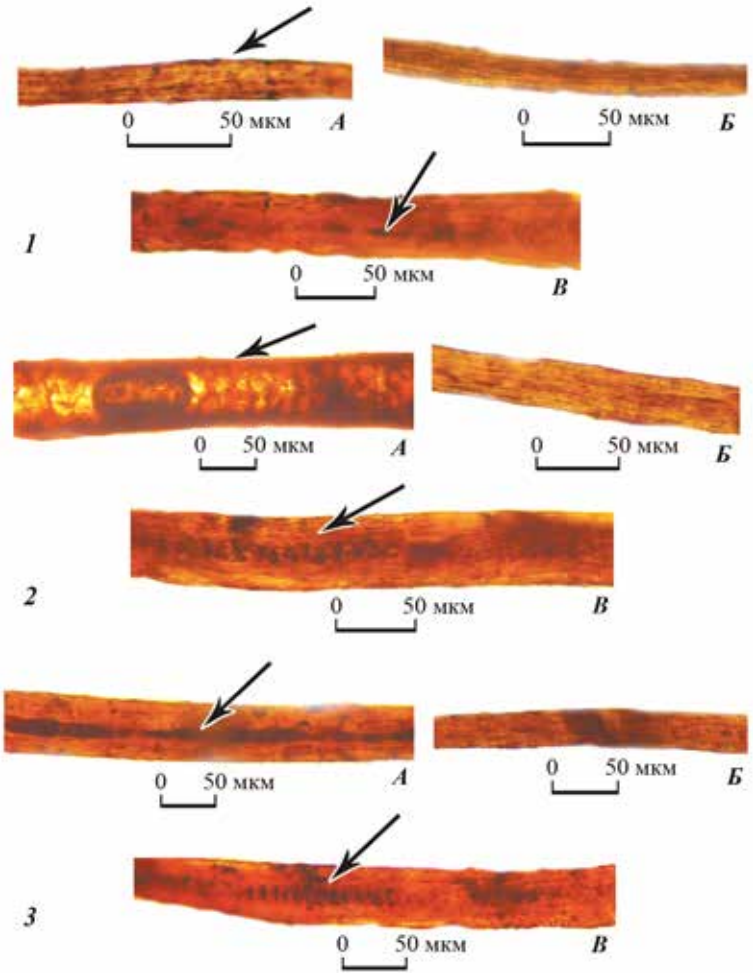

Рис. 10. Микроструктура шерстяных волос

1 – проба № 2 – ткань савана с левой руки (А – пух с остатками чешуи кутикулы, указаны стрелками; Б – пух с продольными штрихами − кластерами пигмента; В – ость первого типа с фрагментарной сердцевиной, указана стрелкой); *2* – проба № 3 – ткань савана с теменной области черепа (А – ость с остатками чешуи кутикулы, указаны стрелкой); Б – пух I с продольными штрихами − кластерами пигмента; В – ость второго типа с однорядной лестничной сердцевиной, указана стрелкой); *3* – проба № 4 – ткань савана с правой височной области черепа (А – ость первого типа с фрагментарной сердцевиной, указана стрелкой; Б – пух I с продольными штрихами − кластерами пигмента; В – ость второго типа с однорядной лестничной сердцевиной, указана стрелкой)

остевых волос мозаичный (рис. 10, *2А*), у пуховых – кольцевидный или полукольцевидный, что совпадает с рисунком кутикулы у волос овцы (*Кисин и др*., 1984. С. 134. Рис. 2; *Энговатова и др*., 2021; *Яковчик и др.*, 2020).

Метрические показатели (толщина ости I (42–59 мкм), ости II (37– 38 мкм) и пуха I (18–20 мкм)) исследуемых волос вполне совпадают с аналогичными промерами у волос из тканей, обнаруженных в Ярославле (соответственно 43–59, 35–40 и 17–20 мкм у пуха II) (*Яковчик и др*., 2020. Табл. 4). Такие показатели тонины соответствуют шерсти грубошерстных овец невысокого класса – 36е–32е (ГОСТ 28491–90, 2006).

Относительная степень развития сердцевины в остях невелика и также сходна у эталонных образцов – 15–32% толщины стержня у овцы и 18–26% у тестируемых волос.

Индекс кутикулы у волос из пробы № 3, имеющих мозаичный орнамент, вполне совпадает с аналогичным параметром, просчитанным по фотографии шерсти грубошерстной овцы (*Кисин и др*., 1984. С. 134. Рис. 2), соответственно 0,50 и 0,45.

Остевые волосы второго типа, обнаруженные в ткани изделия 1 (проба № 1) и ткани савана (пробы № 3 и 4), отличаются непрерывной однорядной лестничной, сильно пигментированной сердцевиной. Это позволяет отрицать их принадлежность

овце, но они могут быть фрагментами основания волос какого-то грызуна или хищника. Поскольку кутикула волос из проб № 3 и 4 не сохранилась, то идентифицировать их не представляется возможным. Волокна из пробы № 1 с однорядной сердцевиной, судя по орнаменту сохранившейся кутикулы, не принадлежат грызунам. Орнамент кутикулы этих волос грубый, черепичный и многослойный. Чешуйки крупные, полиморфные, иногда с треугольными апикальными выростами (рис. 9, *2А*, третий снимок слева). Особенно показателен участок перехода от основания к срединной части стержня, покрытый длинными чешуйками, ориентированными под углом к поперечной оси стержня (рис. 9, *2А*, первый и второй снимки слева). Судя по орнаменту кутикулы, эти волосы не принадлежат грызунам. Толщина сравниваемых волос колеблется незначительно, а индекс кутикулы совпадает как на этом участке, так и выше по стержню (табл. 2) (*Chernova et al*., 2016; 2019). Перечисленные характеристики позволяют предположить, что тестируемые волосы от изделия 1 принадлежат домашней собаке (рис. 9, *2Б*).

Таким образом, можно заключить, что ткани савана и изделия 1 изготовлены из грубой овечьей шерсти, в которой замечена примесь волос собаки (саван) и какого-то неизвестного животного (изделие 1).

Нити. В ходе изучения фрагментов савана под стереомикроскопом выявлены мелкие обрывки двух нитей, которые не обнаружены при визуальном осмотре погребения. Нити зафиксированы между слоями деградировавшей, смешанной с грязью и тленом ткани савана, снятой с левой голени (рис. 8, *3*).

Обе нити толщиной 0,2 мм фактически не имели крутку, у одной наблюдалась частичная очень слабая скрученность волокон в направлении S; возможно, это следствие деформации нитей. Определение природы волокна оказалось непростой задачей. Судя по всему, это шерсть, о чем говорит различимая на некоторых волокнах сердцевина (рис. 8, *4*). Видимо, волокна окрашены танинами по железной протраве, которые превратились в корку, покрывшую поверхность шерстяных волос, а поперечные изломы возникли в результате повреждений корки[7] (рис. 8, *4, 5*).

Сложно утверждать что-либо определенное о функциональном назначении данных нитей, можно лишь ограничиться предположениями. Они могут являться остатками нитей, которыми саван был сшит из нескольких кусков ткани; однако, как уже говорилось выше, из-за фрагментарной сохранности конструкция савана до конца не ясна, поэтому неизвестно, изготовлен ли он из одного цельного куска ткани или же сшит из нескольких. Также нити могут относиться к какому-то несохранившемуся текстильному изделию, например, к одежде покойной.

Обсуждение и выводы

В погребении 533 некрополя при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле обнаружен погребальный комплект, включающий четыре текстильных изделия: саван, в который завернули останки покойной женщины, и три небольшие вещи. Все предметы изготовлены из одинакового материала – тонкой шерстяной ткани полотняного переплетения 1/1. Это ткань довольно невысокого качества, о чем свидетельствуют структурно-технологические характеристики: наличие нескольких ткацких ошибок, значительная вариативность показателей толщины (от 0,2 до 0,8 мм) и крутки (от слабой до сильной) нитей обеих систем, а также состав сырья, из которого спрядены нити. Пряжа для савана и изделия 1 смешанная, состоит из шерсти грубошерстной овцы низкого класса с примесью волос других животных: в нитях савана – неопознанного млекопитающего (какого-то хищника или грызуна), в нитях изделия 1 – домашней собаки. В обоих случаях эти волосы впрядены в нить, то есть попали в овечью шерсть на этапе приготовления пряжи для прядения нитей. Сомнительно, чтобы волосы собаки и неизвестного животного (имеет смысл предположить, что это также собака) добавили в сырье для ткани специально. Скорее всего, посторонние примеси оказались в овечьей шерсти случайно и перемешались с ней, когда собака (возможно, у нее был период линьки) находилась рядом со снятой с овец шерстью во время ее обработки.

Конструкция савана не поддается полной реконструкции по причине фрагментарной сохранности изделия. Удалось проследить один край, ровно обрезанный вдоль нитей утка и никак не обработанный; остальные три края не выявлены. На фрагментах не зафиксированы швы, которые могли бы свидетельствовать о том, что саван сшили из нескольких кусков ткани. Судя по всему, тело покойной завернули в саван в один оборот;

[7] Авторы выражают благодарность О. В. Орфинской (ЦЕИ РАН) за консультацию.

ступни, обутые в кожаные погребальные туфли, вероятно, не были завернуты в ткань.

Археологические данные свидетельствуют о том, что находки саванов в древнерусских некрополях XV – начала XVIII в. – явление не слишком частое: довольно значительное количество саванов обнаружено при изучении погребальных памятников, преимущественно монастырских и церковных усыпальниц царских, княжеских и боярских родов. По результатам анализа саванов лучшей сохранности[8] на основании их конструктивных характеристик выделены четыре типа: 1) прямоугольное полотно из одного или нескольких сшитых вместе кусков ткани; 2) саван, головная часть которого сшита в форме треугольного капюшона; 3) саван, состоящий из полотна ткани и пришитых к нему по бокам двух деталей из той же ткани и 4) саван с головной частью, загнутой в виде венчика (Некрополь русских… 2013. С. 192, 263–264; 2018а. С. 17–19, 37–40, 121–124; 231, 264–266, 370–372; 2018б. С. 129–130, 166–167, 241–242, 246–249, 266–267, 352–353; 2021а. С. 20–25, 132, 153–155, 253, 257–258, 346–347; 2021б. С. 26–29, 138, 149, 155–156, 202, 204–207; *Орфинская, Лантратова*, 2014. С. 344–347). Часто завернутые в ткань останки покойных обвязывались шнурами или веревками для дополнительной фиксации (*Ёлкина*, 2019а. С. 169). Эти саваны изготовлены из шелковых тканей, в большинстве случаев из импортной камки[9] со сложными орнаментальными композициями, реже из атласа, парчи, бархата. Выбор тканей из другого материала крайне редок, известны всего три савана из шерстяных тканей. Два из них обнаружены в некрополе Новоспасского монастыря, в захоронениях Никиты Романовича Юрьева (ум. в 1586 г.) и его дочери Ирины Романовой-Годуновой (ум. в 1639 г.); оба савана сохранились плохо и представляют собой обрывки грубой ткани полотняного переплетения (*Ёлкина*, 2019а. С. 164, 168, 169). Фрагменты еще одного савана из шерстяной ткани полотняного переплетения, очевидно домашнего производства, найдены в погребении неизвестного XVI в.[10] в Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря (*Ёлкина*, 2019а. С. 165–166, 168–169; 2019б. С. 79, 82. Рис. 187). Есть сообщение о находке в погребении около Кутафьей башни Московского Кремля, где обнаружены фрагменты ткани, идентифицированные как остатки савана. К сожалению, материалы захоронения, судя по всему, были утеряны и проверке не подлежат (*Стеллецкий*, 1993. С. 208).

На фоне аналогов саван из погребения 533 можно назвать в значительной степени уникальной находкой. Это один из крайне редких, практически единичных примеров савана, происходящего из захоронения мирянки на городском приходском кладбище, коим является некрополь при церкви Иоанна Богослова в Ярославле (*Васильева*, 2019. С. 100), а не из погребений представителей высшей знати или царской семьи, похороненных в родовой усыпальнице в монастыре или церкви. Довольно нетипичен выбор материала для савана из погребения 533 – шерстяной ткани довольно низкого сорта, в особенности на фоне находок из захоронений высшей знати, представленных изделиями из дорогих, импортных (итальянских, китайских) шелковых тканей. Привилегированный социальный статус покойных явно отражен в выборе материала для их саванов. Вместе с тем совершение захоронения на городском приходском некрополе в саване из простой шерстяной ткани не может однозначно говорить о том, что останки в погребении 533 принадлежат женщине из простонародья. Погребение в долбленой колоде позволяет осторожно предположить, что на фоне остальных горожан Ярославля, похороненных на том же кладбище, данная женщина занимала более высокое общественное положение: возможно, она являлась при жизни достаточно состоятельной вкладчицей церкви Иоанна Златоуста[11]. Также нельзя сказать, что шерстяные саваны – атрибут исключительно захоронений рядового населения XVI–XVII вв.: как уже говорилось выше, Никита Романович Юрьев, брат царицы Анастасии Романовны, первой жены Ивана IV, и его дочь Ирина, бывшая замужем за представителем рода Годуновых, были погребены в саванах, изготовленных из шерстяных тканей. Похороненный в Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря неизвестный, завернутый в шерстяной саван, явно не принадлежал к простолюдинам, так как людей из непривилегированных слоев не хоронили внутри церквей.

[8] Количество находок саванов, а также погребальных покровов больше, однако в основном они сохранились фрагментарно (*Ёлкина*, 2019а. С. 159–169; 2019б. С. 76–82; Некрополь русских… 2013; 2018а; 2018б; 2021а; 2021б).

[9] Камка – узорная шелковая ткань, имеющая по одной системе основы и утка. Рисунок на камчатых тканях создается путем комбинирования (смены) двух разных переплетений.

[10] Авторы выражают благодарность И.И. Ёлкиной (ИА РАН) за консультацию.

[11] Выражаем благодарность Е.Е. Васильевой (ИА РАН) за консультацию.

В целом обращает на себя внимание практически полное отсутствие находок саванов в погребениях рядового населения, исключение – погребение 533 из Ярославля. Такая ситуация выглядит достаточно странно на фоне данных из письменных источников, по которым русский погребальный обряд позднего Средневековья восстанавливается достаточно полно[12] и в которых упоминаются саваны. Т. Д. Панова отмечает, что в летописях XI–XIV вв. для покойников употребляются выражения «спрятавше тело», «опрятавше тело» и «скутавше»; исследовательница полагает, что под этими словами подразумевается заворачивание умерших в саван. Довольно подробно описывается подготовка к погребению в Псалтири Троице-Сергиевой лавры конца XV в.: «Аще ли мирянин, простец, по умовении водою в срачицу, и в саван с наголовием и свиют и укроем и по челу обяжут рубом хрестьцы нашиваны, а на ногах копытца и калиги. Також и жены погребаютца»[13] (*Шокарев*, 2003. С. 149–150; *Панова*, 2004. С. 35).

Упоминают о традиции заворачивать покойников в саван и иностранцы. Шведский дипломат Петр Петрей, в начале XVII в. посещавший Московскую Русь, писал о русском погребальном обряде следующее: «Если больной не выздоровеет, а умрет, берут его с постели, кладут на лавку, омывают как можно тщательнее, надевают на него чистую сорочку, полотняные штаны, новые красные сапоги и обвивают в белое полотно, покрывающее все тело и сделанное в роде рубашки с рукавами, складывают ему крестообразно руки на груди, сшивают полотно у изголовья, также на руках и ногах, и кладут его в гроб, который и ставят на похоронные носилки до другого дня» (*Петрей*, 1997. С. 454–455). О том же пишет австрийский дипломат Августин Мейерберг, приезжавший в Россию в 1660-х гг.: «Труп, обмытый мыльщиками и обернутый полотном, кладут в деревянный гроб и выносят…» (*Мейерберг*, 1997. С. 112).

Таким образом, письменные источники недвусмысленно свидетельствуют о том, что умерших простолюдинов перед помещением в гроб заворачивали в саваны. Однако в археологии такие находки практически неизвестны. Высказывалось предположение, что причина может крыться в особенностях сохранности материала, из которого изготавливались саваны. Возможно, представителей рядового населения хоронили в саванах, выполненных из тканей из растительных волокон (например, льна, конопли): они хуже сохраняются и быстрее разрушаются при нахождении в грунте по сравнению с волокнами животной природы (шелк, шерсть) (*Ёлкина*, 2016. С. 74). Этим же могут объясняться многочисленные находки саванов из шелковых тканей в захоронениях знати и членов царской семьи. В любом случае в настоящий момент делать какие-либо определенные выводы рано, данный вопрос требует дальнейшего изучения.

Три изделия, обнаруженных на левой стороне гроба, представляют собой загадку. Они выполнены из той же шерстяной ткани, что и саван. Два из них (изделия 1 и 3) имеют четкую прямоугольную форму, ровно обрезанные края с подгибами, то есть несут следы некоторой обработки и могут быть атрибутированы как полноценные изделия из текстиля. Ситуация с изделием 2 сложнее: из-за фрагментарной сохранности не удалось проследить все конструктивные характеристики; известно только, что отрез ткани был сложен вдвое по диагонали относительно основы и утка. Вполне возможно, что данная вещь представляла собой просто сложенный пополам кусок ткани и, по сути, не являлась изделием в строгом смысле этого слова.

Функциональное назначение трех изделий в погребении 533 остается неясным. Они располагались на дне и левой стенке гроба свободно, без видимой связи с саваном. В нескольких женских и детских захоронениях некрополя Вознесенского монастыря сохранились остатки обмоток на ногах (Некрополь русских… 2013. С. 376; 2018а. С. 331, 335, 370; 2018б. С. 11, 29, 166, 168; 2021а. С. 275, 276, 278, 344, 346, 347, 351; 2021б. С. 26, 29, 64, 152, 326): эти детали костюма представляют собой прямоугольные куски ткани разной длины и ширины, которыми обматывались ноги и которые, видимо, заменяли чулки. У изделия 1, представляющего собой длинную полосу ткани, в принципе просматривается некоторое морфологическое сходство с обмоткой, но его местонахождение на стенке гроба, прямо

[12] Тема древнерусской погребальной обрядности крайне обширна и не является целью настоящего исследования. Подробнее с ней можно ознакомиться в специальных работах, например, см.: *Панова*, 2004; *Шокарев*, 2003.

[13] Срачица – сорочка, нижняя рубаха. «…по челу обяжут рубом хрестьцы нашиваны»: очевидно, речь идет о погребальных венчиках – узких полосках шелковой ткани, на которых вышивались крестики, реже – текст молитвы. Такие венчики помещались на лоб покойного (*Ёлкина*, 2019а. С. 63, 170–177).
Копытца – короткие шерстяные чулки (*Шокарев*, 2003. С. 180).
Калиги – специальная кожаная обувь, в которой хоронили монахов и мирян (*Осипов*, 2006. С. 83–84).

под его крышкой, исключает подобную атрибуцию. Также в захоронении царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной в районе ног обнаружена вырезанная из сукна полоса, назначение которой сталось неизвестным (Некрополь русских… 2021б. С. 153).

Крайне мало можно сказать об обрывках шерстяных нитей, обнаруженных среди остатков савана. Вероятно, ими либо был сшит саван из нескольких кусков ткани, либо они относятся к несохранившейся одежде покойной.

Таким образом, комплексное исследование обнаруженного в Ярославле погребального комплекта из текстильных изделий, включающего саван и три изделия неясного назначения, а также фрагментов нитей позволило получить новые ценные сведения о погребальных практиках позднесредневековой Руси (XVI–XVII вв.): о типах и технологии изготовления текстильных изделий и ткани для них, о выборе сырья для этих вещей. Некоторые черты погребального обряда (тип гроба) и сопоставление с аналогами из синхронных захоронений позволили выдвинуть осторожные предположения о социальном статусе женщины, похороненной у церкви Иоанна Златоуста в Ярославле.

Литература

Васильева Е. Е., 2019. Подземные погребальные деревянные конструкции городских и монастырских некрополей позднего Средневековья и Нового времени Верхнего Поволжья. Дисс. … канд. ист. наук. Т. 1. М. 320 с.

ГОСТ 28491-90. Межгосударственный стандарт «Шерсть немытая с отделением частей руна. Технические условия». М.: Стандартформ, 2006. 11 с.

Ёлкина И. И., 2005. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре // Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома: Линия График Кострома. С. 85–114.

Ёлкина И. И., 2016. Текстиль в Московском государстве XVI–XVII вв. по археологическим данным // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: материалы научной конференции. М., Вологда: Древности Севера. С. 63–78.

Ёлкина И. И., 2019а. Текстиль Московской Руси XVI–XVII вв. по археологическим данным: атрибуция, технология, реконструкция. Дисс. … канд. ист. наук. Т. 1. М. 247 с.

Ёлкина И. И., 2019б. Текстиль Московской Руси XVI–XVII вв. по археологическим данным: атрибуция, технология, реконструкция. Дисс. … канд. ист. наук. Т. 2. М. 318 с.

Зайцева О. В., Ражев Д. И., 2007. Возможности реконструкции особенностей первоначального размещения тела в погребениях по обряду ингумации // Вестник Томского гос. университета. № 302. Томск: ТГУ. С. 84–89.

Кисин М. В., Булышева Л. К., Мамотюк М. Л., Разоренова О. И., 1984. Волосы животных как объект судебно-биологической экспертизы. М.: ВНИИ МВД СССР. 144 с.

Мейерберг А., 1997. Путешествие в Московию // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова, Рита Принт. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). С. 43–184.

Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 тт. Т. 2: Погребения XV – начала XVI века. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2013. 413 с.

Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 тт. Т. 3. Ч. 1: Погребения XVI – начала XVII века. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2018а. 396 с.

Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 тт. Т. 3. Ч. 2: Погребения XVI – начала XVII века. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2018б. 444 с.

Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 тт. Т. 4. Ч. 1: Погребения XVII – первой трети XVIII века. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2021а. 392 с.

Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 тт. Т. 4. Ч. 2: Погребения XVII – первой трети XVIII века. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2021б. 368 с.

Орфинская О. В., Лантратова О. Б., 2014. Результаты исследований текстильных изделий из погребений царя Ивана IV и его сыновей некрополя Архангельского собора Московского Кремля // Московский Кремль XVI столетия. Древние святыни и исторические памятники. Книга 1. М.: БуксМАрт. С. 343–353.

Осипов Д. О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7). 202 с.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница. 181 с.

Петрей П., 1997. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса, Петр Петрей. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). М.: Фонд Сергея Дубова, Рита Принт. С. 151–437.

Соколов В. Е., 1973. Кожный покров млекопитающих. М.: Наука. 489 с.

Соколов В. Е., Скурат Л. Н., Степанова Л. В., Шабадаш С. А., 1988. Руководство по изучению кожного покрова млекопитающих. М.: Наука. 279 с.

Стеллецкий И. Я., 1993. Мертвые книги в московском тайнике. М.: Московский рабочий. 270 с.

Чернова О. Ф., Целикова Т. Н., 2004. Атлас волос млекопитающих (Тонкая структура остевых волос и игл в сканирующем электронном микроскопе). М.: Тов-во научных изданий КМК. 429 с.

Чернова О. Ф., Перфилова Т. В., Киладзе А. Б., Жукова Ф. А., Новикова В. М., Маракова Т. И., 2011. Атлас микроструктуры волос млекопитающих – объектов биологической экспертизы. М.: РФЦСЭ. 262 с.

Шокарев С. Ю., 2003. Русский средневековый некрополь: На материалах Москвы XIV–XVII вв. // Культура памяти: Сборник научных статей. М.: Древлехранилище. С. 141–187.

Энговатова А. В., 2020а. Отчет «О выполнении спасательных археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стрелка – место основания города Ярославля в начале XI в.» на участке строительства гостиницы в г. Ярославле, у д. 1 по Волжской набережной в 2019 г.». Т. I. Текст / Архив ИА РАН. Р-1. № 66673.

Энговатова А. В., 2020б. Отчет «О выполнении спасательных археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стрелка – место основания города Ярославля в начале XI в.» на участке строительства гостиницы в г. Ярославле, у д. 1 по Волжской набережной в 2019 г.». Т. II. Приложения. С. 164–177 / Архив ИА РАН. Р-1. № 66674.

Энговатова А. В., 2020в. Отчет «О выполнении спасательных археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стрелка – место основания города Ярославля в начале XI в.» на участке строительства гостиницы в г. Ярославле, у д. 1 по Волжской набережной в 2019 г.». Т. VIII. Иллюстрации / Архив ИА РАН. Р-1. № 66680.

Энговатова А. В., Чернова О. Ф., Орфинская О. В., Яковчик М. С., 2020. Войлок из коллективного захоронения (сооружения № 110) в Ярославле // КСИА. Вып. 260. С. 305–325.

Энговатова А. В., Яковчик М. С., Орфинская О. В., Чернова О. Ф., 2021 Коллекция веревок из коллективного захоронения в колодце XIII века // АП. Вып. 17. М.: ИА РАН. С. 202–207.

Яковчик М. С., Энговатова А. В., Орфинская О. В., Чернова О. Ф., 2020. Ткани из коллективного захоронения XIII в. в Ярославле // Археология: история и перспективы: Девятая межрегиональная конференция: сб. ст. Ярославль: ЯГИАХМЗ. С. 248–270.

Chernova O. F., Vasyukov D. D., Savinetsky A. B., 2016. Architectonics of the hair of sled dogs of Chukotka // Doklady Biological Sciences. Москва: Pleiades Publishing, Ltd. Vol. 467. P. 75–81.

Chernova O. F., Vasyukov D. D., Savinetsky A. B., 2019. Identification of fossil mammal fur from ancient Eskimo settlements of Chukotka // Зоологический журнал. М.: ИКЦ Академкнига. № 98 (10). С. 1186–1202.

M. S. Yakovchik, O. F. Chernova, A. V. Engovatova, I. K. Reshetova

Textiles from the Burial of the 16th – 17th Centuries Near John Chrysostom Church in Yaroslavl

Summary

The paper presents the study results of textiles found in a female burial of the 16th –17th centuries in the necropolis near John Chrysostom church in Yaroslavl. The remains of the woman were wrapped in a shroud, three textile items were discovered at the bottom and on the side of the coffin, the function of these objects is unclear. All textiles are made of the same woolen fabric. The taxonomic examination made it possible to establish the species affiliation of animals, the wool of which served as a raw material for textile products.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.266-274

А. В. Энговатова[*], Б. Ф. Хасанов[*], А. В. Ошонков[*], Игумен Иосия (Сидунов)[**], Е. П. Зоц[*], Л. А. Вакалюк[***], О. Л. Петров[***], Я. В. Рыбакова[*]

[*] Институт археологии РАН (г. Москва)
[**] Свято-Троицкая Сергиева лавра (г. Сергиев Посад, Московская обл.)
[***] Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва)

Предварительные данные о датировке деревянных водоводных труб, выявленных Подмосковной экспедицией ИА РАН на территории Троице-Сергиевой лавры

О существовании в Троице-Сергиевом монастыре системы подачи воды известно из письменных источников начала XVII в. Впервые сведения о водоводе появляются в Сказании Авраамия Палицына и относятся ко времени осады 1608–1610 гг. Автор повествует, что два перебежчика в стан тушинцев указали осаждающим на наличие водовода из Верхнего пруда: «раскопайте, панове, берег пруда верхнево и преимите от труб воду; то убо от жажди вскоре людие изнемогут…» Но разрытие плотины и спуск воды из пруда в Кончуру через «Служень враг» не привели к желаемым результатам, вода лишь «немного истече тем раскопаным местом». Обороняющиеся, «докопавшеся до труб, введеных во обитель чюдотворца, и извертевше во многих местех; и абие вода прудоваа во град утече» в выкопанные заранее пруды, а излишки «через монастырь протече… на другую страну» (Сказание… 1955. С. 199).

Конкретные указания на наличие уже «трубы каменной», которая проведена «промеж башен же Сушилные и Житнишные… из-за города, из верхнево пруда, сквоз монастырь к хлебне и к поварням», находим в описи 1641 г. (Опись… 2020. С. 643). Других сообщений о водоводной системе в письменных источниках не содержится.

Вместе с тем археологические исследования дают основания предполагать, что она существовала до Смутного времени и состояла из труб, по которым вода поступала в монастырь из расположенного к северо-востоку от него Верхнего (Белого) пруда. Благодаря понижению рельефа с востока на запад система подавала воду самотеком в северо-западную часть обители. Здесь располагались хозяйственные службы, связанные с потреблением воды, – хлебня, поварня, а в 1624/25 г. вблизи них была построена «кузница кирпичная» (Краткий летописец… 1865. С. 25)[1]. Система предусматривала также сброс излишков воды за пределы территории монастыря.

Впервые элементы водоснабжения зафиксированы в процессе исследований Сергиево-Посадского музея-заповедника 2000–2001 гг. (руководитель работ В. И. Вишневский). Находки были сделаны восточнее и севернее колокольни (*Вишневский*, 2007). Однако датировка выявленных конструкций представлялась широкой – XVI–XVIII вв.

При археологических исследованиях, проводимых в Троице-Сергиевой лавре Подмосковной экспедицией Института археологии РАН (руководитель А. В. Энговатова), в северной части монастыря выявлено несколько участков трассы деревянных водоводных труб (рис. 1; 2). Отметим, что спасательный характер археологических работ позволяет изучить культурные слои в разных частях монастыря, но конфигурация и расположение раскопов определяются проектными решениями. Именно поэтому трубы зафиксированы фрагментарно.

В ходе работ между зданием академической больницы и восточным пряслом ограды в 2022 г.

[1] Вероятно, кузницы – службы, связанные с использованием огня, существовали здесь еще в XVI в.

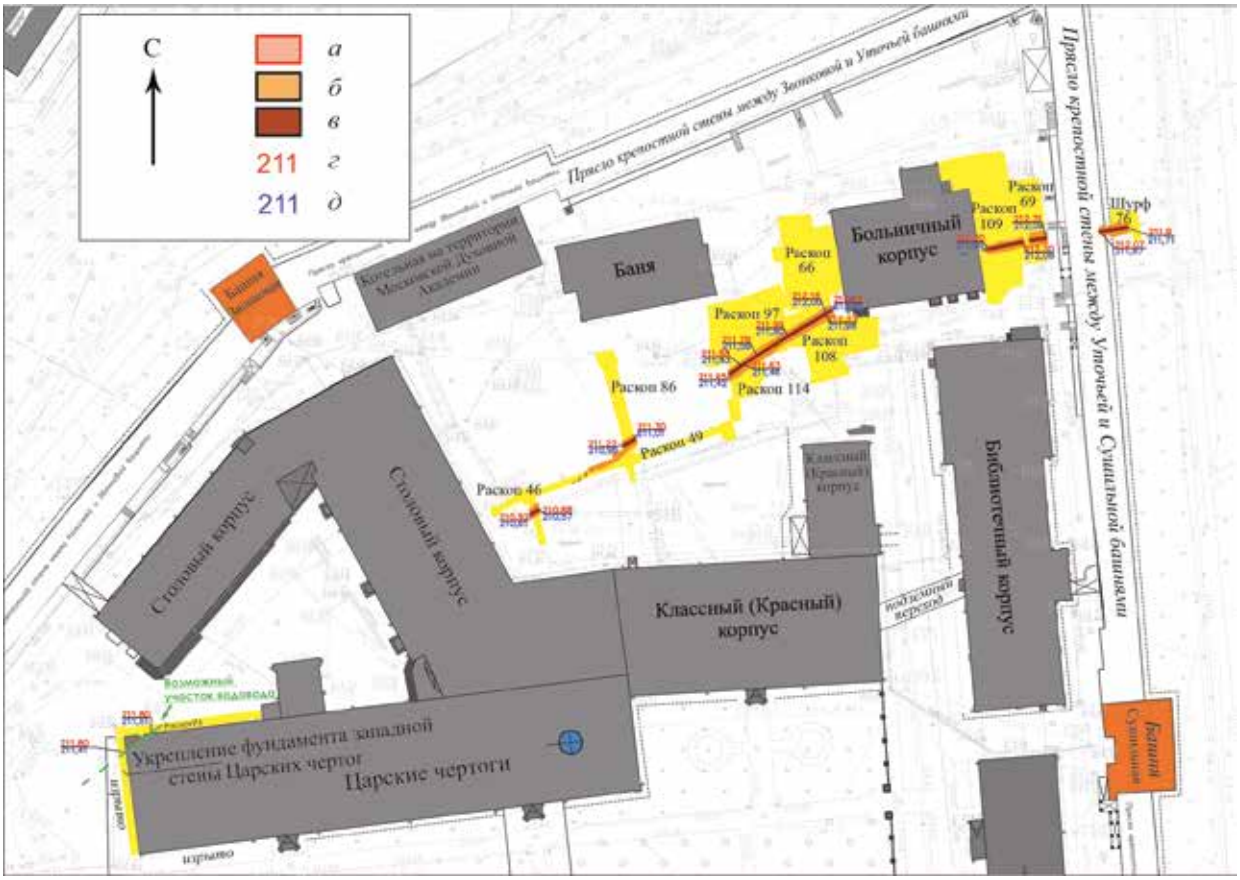

Рис. 1. План северной части Троице-Сергиевой лавры с обозначением трассы деревянного водовода
а – границы раскопов и шурфов; *б* – границы котлована; *в* – границы водовода; *г* – верхняя нивелировочная отметка; *д* – нижняя нивелировочная отметка

Рис. 2. Деревянный водовод на плане северной части Троице-Сергиевой лавры (А) и схема изменения границ Белого (Нагорного) пруда (Б)
1 – археологически зафиксированные участки водовода; *2* – предполагаемая трасса водовода; *3* – Белый пруд. Современные границы; *4* – границы Белого пруда согласно Плану Троице-Сергиевского Посада Дмитровского уезда 1873 г.; *5* – границы Белого пруда согласно геодезическому плану сер. XVIII в.

Рис. 3. Траншея водовода в раскопе 114. Вид с востока

и 2024–2025 гг. обнаружены участки трассы из деревянных труб, располагавшиеся по направлению востоко-северо-восток – западо-юго-запад, почти перпендикулярно ограде. В 2021–2024 гг. открыт участок водовода, проложенный в том же направлении и располагавшийся между зданиями Чертогов и академической больницы.

Нанесение этих участков на топографический план позволило предположить, что изначально они составляли единую трассу. Нивелировочные отметки показывают, что перепад уровня трубопровода составил 152 см с северо-востока на юго-запад.

Водовод представлял собой коммуникацию из состыкованных между собой деревянных труб, уложенных во впущенную в материк траншею, которая прослеживается с горизонта конца XVI – начала XVII в. (рис. 3). Ее глубина от дневной поверхности того времени колебалась от 165 (на востоке) до 224 см (на западе), ширина составляла около 135 см. Траншея имела сравнительно плоское дно и слегка покатые стенки; ее заполнение на исследованных участках состояло из желтого суглинка, светло-серого суглинка с примесью серого суглинка, с вкраплениями тлена, реже щепы. Немногочисленные индивидуальные находки в заполнении выявлены только на одном из раскопов (фрагмент кожаной обуви, фрагмент серебряной монеты ручного чекана[2], железный ключ).

Труба составлялась из двух выдолбленных из ствола дуба желобов, скрепленных жгутом из прутьев (рис. 4–6). Внешний диаметр достигал 31 см, внутренний – 15–17 см. Для соединения один из концов трубы подрубался под конус и обжигался (рис. 6). Плотность соединения труб обеспечивалась жгутами, под которые в ряде случаев для уплотнения вставлялись дощечки (шириной до 7 см, толщиной до 2 см).

Сохранность труб на разных участках неодинакова. Наряду с удовлетворительным состоянием имелись сильно истлевшие элементы, на поверхности которых фиксировались значительные (до 4 см) трещины. На некоторых участках труба была частично заполнена светло-серым суглинком с примесью древесного тлена и песка.

Еще один небольшой фрагмент трубы найден за пределами ограды монастыря. Он проходил под восточной крепостной стеной – между Сушильной и Уточьей (Житничной) башнями, в направлении Белого (Нагорного) пруда (рис. 2; 4).

Возможно, к этой же водоводной системе относится еще один фрагмент плохо сохранившейся деревянной трубы диаметром около 30 см. Он выявлен под северо-западным углом Чертогов, ниже

[2] Точная атрибуция осложняется очень плохим состоянием монеты.

Рис. 4. Труба водовода в раскопе 109. Вид с запада

белокаменного цоколя. При строительстве этого здания в конце XVII в. проходившую здесь трубу заключили в кирпично-каменную обойму для предохранения от разрушения при первичной осадке фундамента (рис. 7). Здесь участок водовода ориентирован по оси востоко-северо-восток – западо-юго-запад. От трубы сохранился только тлен, ее форма и размеры непонятны. Проследить дальнейшее направление данного участка водовода не удалось: западнее и восточнее его трасса нарушена многочисленными перекопами.

Это не первая находка следов водоводной системы на территории монастыря. При археологических исследованиях 2000–2001 гг. В. И. Вишневский в северо-западной его части близ колокольни обнаружил врытый в материк деревянный резервуар, выполненный из дубового ствола 0,65–1,00 м в поперечнике. Его внутренний диа-

Рис. 5. Труба водовода в раскопе 86. Вид с востока – северо-востока

метр составлял 70–76 см. При извлечении из грунта выявлено дно, выполненное из установленных враспор толстых досок.

В стенках резервуара сделано два круглых отверстия, расположенных на разных отметках, куда вставлялись деревянные трубы, однако их форма несколько отлична от найденных в ходе раскопок ИА РАН. Одна из труб уходила на восток – северо-восток, другая, направленная на юг – юго-восток, имела длину около метра и была забита деревянной пробкой. По мнению автора исследований, вода в этот резервуар поступала из Писаревского пруда, располагавшегося до начала XIX в. на территории нынешней Московской духовной академии (*Вишневский*, 2007. С. 352–354).

Степень сохранности выявленных при работах Подмосковной экспедиции элементов деревянных труб позволила провести полноценные

Рис. 6. Место стыка труб

дендрохронологические исследования с целью определения точной датировки обустройства водовода. Они выполнены сотрудниками Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН Б. Ф. Хасановым, Л. А. Вакалюк и О. Л. Петровым.

Образцы древесины дуба черешчатого, полученные в ходе археологических раскопок, после высушивания отшлифованы абразивными материалами последовательно уменьшающейся зернистости (от P 40 до P 1200). На подготовленных таким образом образцах ширину годичных колец измерили с помощью полуавтоматического комплекса *Velmex* (*Velmex Inc., Bloomfield*, NY, USA) с точностью до 0,001 мм. Ширина годичных колец измерялась вдоль двух (реже большего числа, еще реже вдоль единственного) радиусов. Временные ряды измерений ширины годичных колец, полученные для каждого образца, визуально сравнивались друг с другом для выявления возможных ошибок (*Stokes, Smiley*, 1996), а затем осреднялись. Полученный временной ряд подвергался с одной стороны стандартизации кубическим сплайном (Methods… 1990), с другой – нормализации по методу Бэйли-Пильчера (*Baillie, Pilcher*, 1973). Полученные в результате этой процедуры временные ряды попарно сравнивались друг с другом. В ходе такого сравнения один ряд сдвигался относительно другого, а для каждого положения высчитывались коэффициенты корреляции и t-критерий. Это позволяло определять положение серий во времени друг относительно друга и строить древесно-кольцевые хронологии (ДКХ).

Всего изучено 134 образца древесины дуба. В ходе анализа выяснилось, что некоторые образцы принадлежат одним и тем же стволам деревьев. На это указывают высокие (0.8–0.85) коэффициенты корреляции после стандартизации кубическим сплайном или нормализации по методу Бэйли-Пильчера и высокие значения t-критерия (> 10) наряду с визуальным сравнением образцов. Оказалось, что число изученных дендрохронологическим методом деревьев составляет 94. Перед объединением изученных деревьев в ДКХ Троице-Сергиевой лавры проводилось осреднение временных рядов для каждого дерева.

Перекрестное датирование образцов древесины дуба, полученных в ходе раскопок, позволило построить ДКХ продолжительностью 633 года. Для датирования ДКХ Троице-Сергиевой лав-

Рис. 7. Кирпично-каменная обойма, в которой находится труба водовода под северо-западным углом Чертогов (раскоп 76). Вид с востока

ры проведено ее сравнение с ДКХ «Западная Двина», подробно описанной в ряде публикаций (*Khasanov et al*., 2021; *Solomina et al*., 2022; *Khsasnov et al*., 2026). Сравнение показало, что коэффициент корреляции двух ДКХ составляет 0.36, t-критерий 9.7, перекрытие 633 года. Сравнительно низкий коэффициент корреляции объясняется значительным расстоянием между двумя ДКХ (около 400 км), однако как t-критерий (> 6), так и визуальное сравнение двух ДКХ позволяют с высокой степенью надежности определить, что ДКХ Троице-Сергиевой лавры охватывает период с 1045 по 1677 г.

Построение и датирование ДКХ Троице-Сергиевой лавры позволило определить календарные даты образцов древесины дуба, относящихся к водопроводной системе (табл. 1). Всего в ходе дендрохронологического анализа исследовано

Таблица 1. **Календарные даты образцов древесины дуба, относящихся к водоводной системе.**

Код образца	Даты годичных колец, год		Этикетка
	самого внутреннего	самого внешнего	
TL28A1	1567	1600	Р. 46, кв. 22, 27, сл. СССГ+Т, об. 795, гл. 249. Часть водоводной деревянной трубы
SP00125	1546	1602	ТСЛ-25. Р. 109; уч. 2; об. 1100. Труба водовода
SP06925	1551	1601	Водоводная труба. Фрагмент с обручем и клином из раскопок 2000–2001 гг.
SP07125	1519	1594	Резервуар. Дубовый пень, выдолбленный изнутри. Длина окружности в месте взятия образца – 216 см. Расстояние до основания дерева – 123 см

три образца водопроводной трубы. Образцы SP06925 и SP00125 имеют 51 и 57 годичных колец соответственно и надежно датируются по ДКХ Троице-Сергиевой лавры (t-критерий 6.9 и 7.7 соответственно). Образец TL28A1 значительно короче (всего 34 годичных кольца), но, несмотря на это, также может быть надежно датирован благодаря высокому сходству с двумя другими образцами водопроводной трубы, что подтверждается как высокими коэффициентами корреляции (0.70 и 0.78 соответственно), так и визуальным сравнением.

Все три образца древесины дуба, относящиеся к водопроводной трубе, имеют заболонь, что позволяет определить дату рубки этих деревьев. Лучше всего заболонь сохранилась у образца SP00125, тогда как у двух остальных образцов самые наружные кольца заболони довольно плохой сохранности, часть их могла быть утеряна. Мы предполагаем, что все три дерева срублены осенью 1602-го или зимой 1602/1603 г.

К водоводной системе также относится образец SP07125, представляющий собой резервуар, обнаруженный при раскопках 2000–2001 гг. (табл. 1). Заболонь этого образца не сохранилась, что не позволяет точно определить дату рубки дерева. Однако, поскольку ширина заболони дуба в средней полосе европейской части России датируется в интервале около 10 лет (неопубликованные данные Б. Ф. Хасанова), можно предполагать, что дерево, использовавшееся для постройки колодца, срублено одновременно с деревьями, из которых сделаны трубы водовода.

Датировка троицкого водовода началом XVII в. косвенно подкрепляется историческими сведениями. Вспомним зафиксированное Пискаревским летописцем сообщение 1601 г. о постройке в Московском Кремле водоподъемной машины, которая поставляла воду из Москвы-реки на Конюшенный двор, располагавшийся у западной стены между Боровицкими и Троицкими воротами (ПСРЛ. Т. 34. С. 203). В этот же ряд можно поставить находку деревянных дренажных труб, случайно обнаруженных на территории усадьбы царя Бориса Годунова в Вяземах (они экспонируются в Государственном историко-литературном музее-заповеднике А. С. Пушкина).

В первой половине XVII в. Троицкий монастырь располагал небольшой водоподъемной машиной, вероятно, близкой по конструкции кремлевской. К югу от Троицкого собора напротив архимандричих келий находился колодец, упоминаемый в Описи 1641 г.: «Над ним струб брусеной высок ветх шатром покрыт тесом, и с того колодезя вода трубами приведена к погребом для медвеных ставок, а как понадобитца и с того колодезя вода опричь медвеных ставок и с колодезя меденою трубою подымают воду вверх воротом, а труба стоит в колодез всквозь цепник болшой и из трубы льетца вода в цепник» (Опись… 2020. С. 641). По сути, это был распределительный узел, вода из которого по трубе закачивалась в ледники и погреба.

В отличие от подъемной системы в Московском Кремле устройство в Троице-Сергиевом монастыре являлось менее сложным механизмом, но вполне способным поставлять необходимое количество воды для хозяйственных служб.

Наше предположение, что исследованная труба является скорее водоводом, а не дренажной конструкцией, обусловлена следующим:

– труба уложена в самой высокой части лавры, где уклон рельефа с северо-востока на юго-запад позволяет течь воде из-за стен монастыря к постройкам внутри него. Дренажная система отводила бы воду с территории обители вниз, за пределы стен, к югу и западу;

– она проложена по направлению к Белому (Нагорному) пруду, что соответствует описанию письменных источников;

– конструкция труб и способ их соединения, форма и размеры траншеи одинаковы на всех исследованных участках, что позволяет рассматривать водовод как единое сооружение, устроенное по одному проекту.

В ходе археологических исследований иных сооружений, подобных описанным, на территории монастыря на сегодняшний день не выявлено.

Находки археологов и результаты работ дендрологов дают возможность реконструкции участка трассы водовода в северной части Троице-Сергиева монастыря и определения его датировки, позволяют добавить еще один важный штрих к истории хозяйственной деятельности и повседневной жизни обители на рубеже XVI–XVII вв.

Литература

Вишневский В. И., 2007. Водопровод и канализация Троице-Сергиева монастыря в XVI–XVIII веках // АП. Вып. 3 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 349–359.

Сказание Авраамия Палицына. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1955. 346 с.

Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 года // Исследование и публикация текста. Издание подгот. Л. А. Кириченко, С. В. Николаева. М.: Индрик, 2020. 1072 с.

Краткий летописец Святотроицкой Сергиевы Лавры // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.: [б. и.], 1865. Вып. 3. С. 18–26.

ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 303 с.

Baillie M. G. L., Pilcher J. R., 1973. A simple cross-dating program for tree-ring research. Tree-Ring Bull. 33. P. 7–14.

Khasanov B. F., Karpukhin A. A., Krenke N. A., Pevzner M. M., Tarabardina O. A., Vasyukov D. D., Yermokhin M. V., Savinetsky A. B., 2021. Long oak tree-ring chronologies from Central Russia and their potential for dating // Tree-Ring Research. Vol. 77. No 2. P. 53–62.

Khasanov B. F., Yermokhin M. V., Lukin V. V., Knysh N. V., Nakamura T., Okuno M., Petrov O. L., Savinetsky A. B., 2026. Paleoenvironmental perspective of subfossil oaks from the Zapadnaya Dvina River // Dendrochronologia. Vol. 95. P. 126463.

Methods of Dendrochronology: Applications in the Environmental Sciences / Eds. Cook E. R., Kairiukstis L. A. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publ., 1990. 394 p.

Solomina O., Matskovsky V., Dolgova E., Kuznetsova V., Semenyak N., Bebchuk T., Mikhalenko V., Karpukhin A., Khasanov B., 2022. Tree-ring data set for dendroclimatic reconstructions and dendrochronological dating in European Russia // Scientific Data. Vol. 9. Article No 367. L.: Nature Publishing Group. 11 p.

Stokes M. A., Smiley T. L., 1996. An Introduction to Tree-ring Dating. Tucson: The University of Arizona Press. 73 p.

A. V. Engovatova, B. F. Khasanov, A. V. Oshonkov, Hegumen Josiah (Sidunov), E. P. Zots, L. A. Vakalyuk, O. L. Petrov, Ya. V. Rybakova

Preliminary Data on the Dating of Wooden Water Pipes Discovered by the Moscow Region Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences on the Territory of the Trinity Lavra of St. Sergius

Summary

During archaeological research conducted at the Trinity Lavra of St. Sergius by the Moscow Region expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (headed by A.V. Engovatova), several sections of the route of wooden water pipes were discovered in the northern part of the monastery. Archaeological finds and dendrological research make it possible to reconstruct a section of the water pipeline in the northern part of the Trinity-Sergius Monastery and determine its dating, adding another important detail to the history of the monastery's economic activity and daily life at the turn of the 16th and 17th centuries.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.275-285

Е. Е. Антипина[*], А. В. Энговатова[*], Е. Ю. Полянская[*], Н. Н. Спасская[**], А. М. Зайцев[***], А. А. Дацышин[***]

[*] *Институт археологии РАН (г. Москва)*
[**] *Зоологический музей МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)*
[***] *ВНИИ коневодства имени академика В.В. Калашникова (пос. Глебково, Рыбновский р-н, Рязанская обл.)*

Предварительные результаты исследования останков лошадей, захороненных на территории Троице-Сергиева монастыря в период его осады 1608–1610 годов

На территории Троице-Сергиевой лавры с 2018 г. и по настоящий день сотрудники Подмосковной экспедиции ИА РАН (под руководством А. В. Энговатовой) проводят спасательные археологические работы в соответствии с проектом реконструкции устаревших инженерных коммуникаций монастыря. Наиболее масштабные полевые исследования затронули северо-восточную часть обители, где с середины XVI в. располагался Житный двор с хранилищами значительных запасов зерна из монастырских вотчин. Сегодня на этом участке функционируют службы Московской духовной академии: больница, библиотека и хозяйственные постройки. Именно здесь в ходе раскопок 2020–2024 гг. обнаружены наиболее яркие свидетельства жизни защитников обители в период ее осады войсками Лжедмитрия II.

Осада, длившаяся с сентября 1608-го по январь 1610 г. – две зимы и одно лето, стала одновременно и трагичным, и судьбоносным событием для Московского государства. Благополучное ее окончание подняло боевой дух русского войска, которое впервые за время Смуты дало столь решительный отпор иноземным захватчикам и тем самым подготовило почву для освобождения Москвы в 1612 г.

Письменные и нарративные источники указывают, что в монастыре укрылось более 2,5 тыс. человек: около 1,3–1,5 тыс. служилых людей (дворян, детей боярских, стрельцов, казаков и др.), около 500 монахов и монастырских слуг и почти тысяча крестьян из окрестных сел. При этом осажденные не просто держали оборону, отражая мощные штурмы противника, но и организовывали боевые вылазки в стан захватчиков. Обитель выстояла ценой огромных потерь и страданий защитников; многие были убиты при попытках прорвать блокаду и при пушечных обстрелах прямо на территории монастыря; погибли в течение двух зим от холода, голода и цинги. По оценке историков, к концу осады в живых оставалось не более тысячи человек, из них численность гарнизона составила уже менее 200 человек (*Палицын*, 1822).

Результаты проведенных археологических раскопок позволили дополнить исторические сведения об осаде монастыря в Смутное время и уточнить детали тех событий.

На территории Житного двора вскрыты 25 временных небольших полуземлянок, где жили осажденные. Эти землянки простой конструкции были обустроены сложенными из вторичного строительного материала печами, служившими лишь для обогрева и приготовления пищи. В заполнении котлованов землянок найдены многочисленные керамические сосуды, деревянные чаши, ложки, берестяные туески, металлические предметы (сковороды, топоры, серп и разнообразные ножи), а также детали кожаной обуви и даже серебряные женские украшения. Эти керамические и вещевые находки утилитарно-повседневного назначения в равной степени использовались разными социальными группами начала XVII в. Монеты, обнаруженные на дне и в заполнении землянок, подтвердили датировку этих сооружений самым началом XVII в. Яркими свидетельствами военных действий стали ружейные кремни, простые и бронебойные стрелы, свинцовые пули, боевые топоры и ножи, часть сабли,

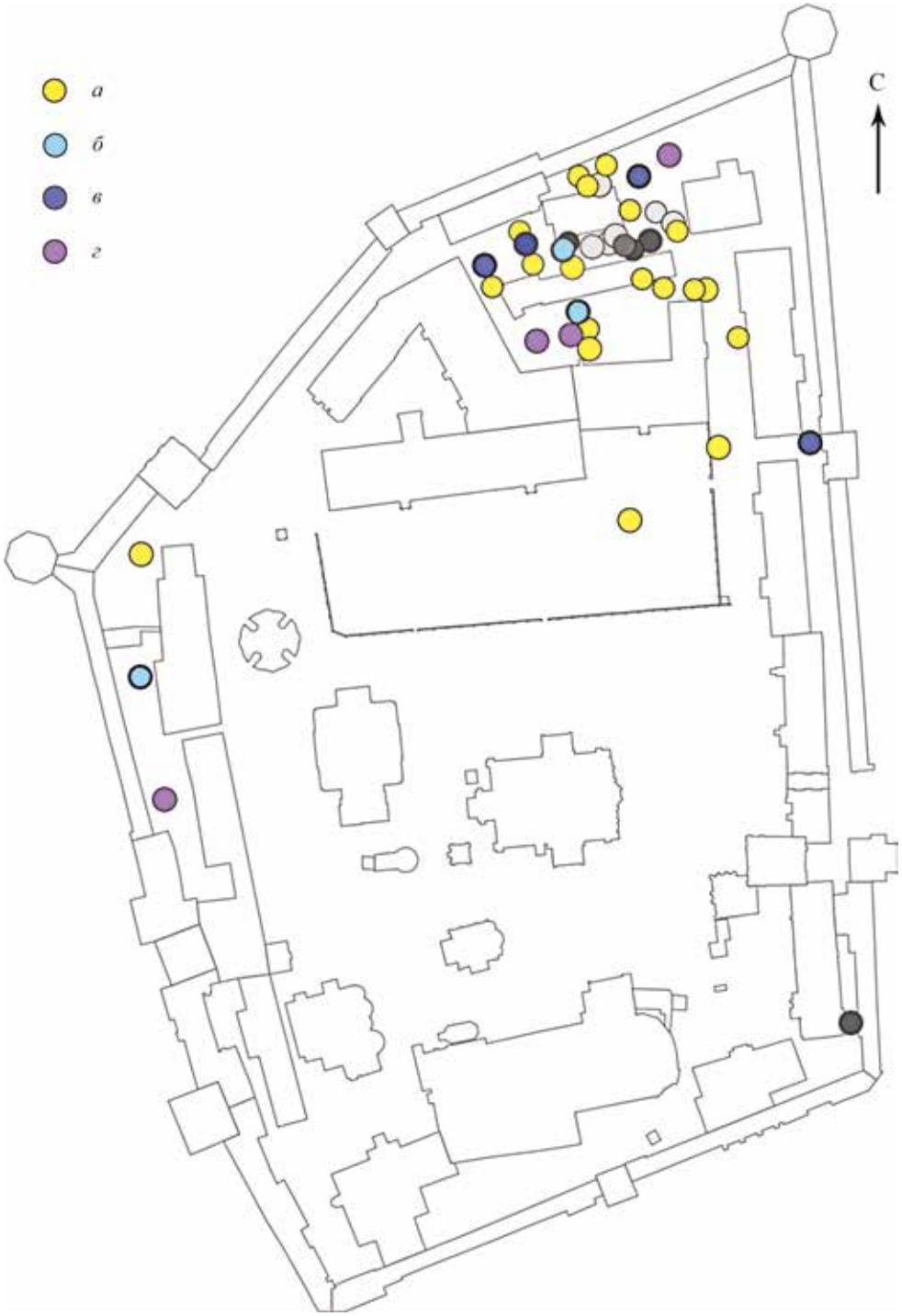

Рис. 1. Расположение археологических находок останков лошадей на территории Троице-Сергиева монастыря
а – землянки Смутного времени; *б* – находки отдельных костей лошади; *в* – находки скоплений костей лошади в сочленении; *г* – находки целых или почти целых скелетов лошади

арбалетные болты, а также ядра, предположительно прилетевшие со стороны осаждавших.

Самыми необычными «свидетелями» тех событий оказались костные останки лошадей, обнаруженные при раскопках полуземлянок времени осады 1608–1610 гг. (рис. 1). Именно они стали объектом отдельного археозоологического исследования, прояснившего ряд важных вопросов – какие лошади оказались в стенах монастыря во время его осады, как погибли эти животные, почему их захоранивали внутри обители и какое значение они имели для защитников?

Рис. 2. Половозрастной состав лошадей времени осады Троице-Сергиева монастыря и характеристики их использования

Методика исследования и результаты

В настоящий момент археологическими работами на территории монастыря в культурных напластованиях начала XVII в. обнаружены останки 23 лошадей в виде отдельных целых костей разной сохранности, а также значительных скелетных частей, в ряде случаев с черепами, и даже одного полного скелета (объект № 1787, раскоп 97).

Подсчет количества этих лошадей базировался на соотнесении независимых возрастных и размерных показателей, установленных для обнаруженных костей из разных отделов скелета с учетом его билатеральной (двусторонней) симметрии. Одновременно оценивалась локация и тафономическое состояние каждого скелетного набора. Крупные фрагменты черепов, главным образом нижних челюстей, позволили выявить разные возрастные группы, в том числе жеребят и молодых особей, а также половую принадлежность ряда взрослых животных. При этом использовался весь блок общепринятых археозоологических методик для оценок разных характеристик остеологического материала (списки традиционно применяемых методик см.: *Цалкин*, 1956; *Антипина*, 2016).

Проведенные измерения целых костей постраниального скелета подтвердили присутствие останков разновозрастных жеребят и показали значительный разброс в главных количественных характеристиках экстерьера взрослых особей, таких как высота в холке и массивность конечностей.

На разных элементах скелетов взрослых особей выявлены патологии, для интерпретации которых привлекались данные по морфологии современных верховых и тягловых лошадей (*Урусов*, 2023; *Benecke*, 2006; *Janeczek et al.*, 2024). Также со специалистами трасологами в рамках консультаций обсуждались зафиксированные следы прижизненных повреждений на ряде лошадиных костей.

Специальные методические приемы задействовали сотрудники Всероссийского научно-исследовательского института коневодства для реконструкции экстерьера и оценки породных особенностей единственного жеребца (объект № 1787), скелет которого сохранился полностью и в естественном анатомическом порядке.

В результате применения всех вышеуказанных методик можно утверждать, что на момент осады в монастыре находилось значительное количество лошадей (не менее 23 особей), среди которых были жеребята, молодые особи и взрослые животные (рис. 2).

Жеребята и молодые особи составляли почти треть от установленного числа лошадей. Среди жеребят были и совсем юные (2 особи возрастом 1–3 месяца) и более старшие (3 особи в возрасте от 3–5 мес. до года). Молодые лошади (2 особи возрастом от года до 3 лет) зафиксированы по останкам из двух землянок. К группе взрослых лошадей отнесены 16 особей от 3 до 15 лет, для половины из них удалось определить половую принадлежность. Достоверно диагностированы останки одной кобылы и семи жеребцов, хотя, вероятнее всего, и тех, и других на территории обители было больше.

Такое разнообразие животных по возрасту и полу (кобылы с жеребятами, необъезженные молодые, тягловые взрослые и старые особи, а также верховые жеребцы) вполне соответствует

типичному составу конского поголовья сельской местности. Очевидно, что именно таких лошадей из окрестных деревень спасали от захватчиков в стенах монастырской крепости. Одновременно сюда же прибывали кавалерийские верховые кони с отрядом стрельцов, направленным, как указывают письменные источники, для защиты обители. Он стал основой обороняющегося гарнизона под началом князя Г. Б. Долгорукова-Рощи и дворянина А. И. Голохвастова (*Палицын*, 1822).

Учитывая, что значительная часть обнаруженных останков лошадей представляет собой неполные анатомические наборы, включая разрозненные кости из разных скелетных отделов, охарактеризовать этих животных удается в основном лишь на описательном уровне, используя сравнительные оценки. Только для 10 взрослых лошадей получены точные промеры длинных костей, по которым реконструированы главные экстерьерные параметры – рост в холке и массивность конечностей. Однако даже по этим 10 особям выявлен значительный разброс высоты в холке (от 128 до 144 см, со средней в 136 см). На фоне таких резких различий по росту, превышающих рамки отличий жеребцов от кобыл, зафиксирована устойчивость показателей массивности их конечностей. Вычисленный индекс ширины диафиза пясти позволяет оценить их по кластерам Браунера (по: *Цалкин*, 1956) как тонконогих и полутонконогих особей.

Согласно современной классификации лошадей по размерным характеристикам, взрослые лошади лавры по средним показателям высоты в холке попадают чаще всего в группу малорослых пород, например таких, как польский коник (рост в холке – 130–140 см) и жмудская (128–142 см). Последняя, как аборигенная порода северного лесного типа, известна с VI–VII вв. в Прибалтике и северной части Восточной Европы (Жмудская лошадь, 1952; *Свечин, Бобылев, Гопка*, 1984; *Piličiauskienė et al.*, 2022). Жмудские (жемайтские) лошади описываются как неприхотливые малорослые особи крепкой конституции с коротковатыми конечностями средней массивности. Эту породу широко задействовали в литовских войсках в XV–XVII вв. (*Piličiauskienė et al*., 2022).

Вместе с тем установленная для лошадей лавры устойчивая тонконогость/полутонконогость отличает их от польско-литовских лошадей и сближает с популяциями Московского региона (*Цалкин*, 1956; 1971). Таким образом, оказавшихся в осажденном монастыре лошадей можно охарактеризовать как малорослых и среднерослых особей гармоничного достаточно крепкого сложения, полулегкого типа с относительно грацильными конечностями. Они были пригодны в качестве тягловых, в том числе для разного рода хозяйственных работ, а наиболее рослые с успехом использовались как верховые. Выявленный значительный разброс показателей их роста подтверждает наличие среди них и местных крестьянских, и более высококровных верховых коней.

Обнаруженные специфические функциональные костные патологии в определенных скелетных зонах позволили уточнить направление эксплуатации конкретных особей. Так, на нижнечелюстных зубах, а также на грудных и поясничных позвонках семи жеребцов зафиксированы характерные изменения, отражающие активное использование этих коней именно «под верх» (рис. 3, *1–3*). А последствия компенсированного застарелого артроза путового сустава (рис. 3, *4*) на передней конечности одной из лошадей свидетельствуют о длительной тягловой нагрузке.

На костных останках четырех лошадей выявлены следы прижизненных повреждений, достаточно уверенно ассоциируемые с боевыми действиями. Все эти повреждения оказались рублеными травмами, нанесенными массивным клинком колюще-рубящего оружия типа бердыша или секиры (рис. 4, *1, 3, 4, 5*). Именно бердыш, топор специфической формы на длинном древке, успешно применялся в XIV–XVII вв. польско-литовскими и русскими войсками как защита от конницы.

Локализация ранений на внешней стороне лопаточной кости и задней поверхности локтевой кости очерчивает наиболее доступные для ранения части корпуса лошади при попытке ее остановить или скинуть всадника (рис. 4, *1, 3*). Появление рубленых повреждений на задней поверхности пястных костей (рис. 4, *4, 5*) объяснить сложнее, хотя поднявшаяся на дыбы лошадь оказывается уязвимой для такого ранения. Но все эти четыре коня, получив ранения, вернулись на территорию монастыря. Отсутствие видимых репарационных заживлений костей заставляет утверждать, что вскоре после ранений они все же так или иначе погибли.

Следы еще одного смертельного ранения зафиксированы на берцовой кости верхового жеребца (рис. 4, *2*; объект № 1787, раскоп 97), отдельное описание его полного скелета приводится ниже. Здесь важно указать, что последствия тяжелого повреждения правой задней конечности с отрывом ее части на уровне середины голени обнаружены уже при расчистке скелета. Костей из оторванной дистальной части конечности в захоронении не оказалось. А сохранившиеся фрагменты

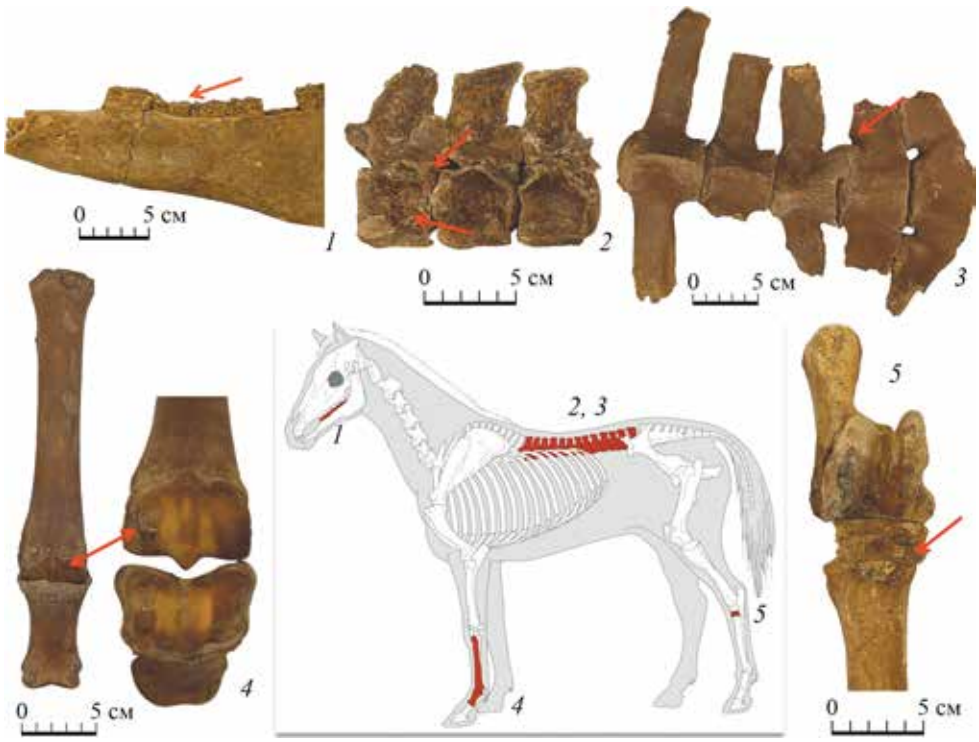

Рис. 3. Функциональные костные патологии разных отделов скелета, связанные с типом использования лошадей времени осады Троице-Сергиева монастыря
1–3 – останки верховых особей; *4–5* – кости конечностей тягловых/упряжных особей.
1 – р. 49, об. 838; *2, 3* – р. 46, об. 766; *4* – р. 85, об. 1618; *5* – р. 97, об. 1936

и мелкие осколки проксимальной части берцовой кости обозначили ситуацию ее полного и мгновенного поперечно-диагонального разлома с множественным дроблением стенок диафиза. Такое состояние обломков берцовой кости наблюдается при ударно-разрывном характере поражения и свидетельствует о специфическом типе травмы, когда воздействие ударной механической силы намного превышает прочность костной ткани. Вероятнее всего, учитывая ситуацию осады, это было прямое попадание пушечного или каленого ядра в ногу жеребца. При этом быстрые и значительные кровопотери делали ранение смертельным.

Заметим, что подобные рубленые и ударно-разрывные ранения могли получить и обозные тягловые лошади. И это были тяжелые потери, так как лошади были незаменимы для поддержания жизнеобеспечения осажденных: это хозяйственные нужды (подвоз воды и перевозка дров), перемещение артиллерии и боеприпасов, а также работы по укреплению стен и рвов.

Однако изучение останков лошадей, захороненных на территории Троице-Сергиева монастыря, показало, что, вероятно, более половины из них были строевыми кавалерийскими жеребцами в наиболее работоспособном возрасте (5–15 лет) и непосредственно участвовали в боевых действиях защитников лавры. Можно также утверждать, что одни лошади получали тяжелые ранения во время вылазок и стычек с поляками и казаками, другие гибли при обстрелах обители (камнями, ядрами, зажигательными снарядами) прямо на территории монастыря. Более того, лошади, в том числе жеребята и раненые особи, страдали и умирали от голода, когда к зиме 1609 г. окончательно истощились запасы фуража.

Несмотря на религиозные традиции и монастырский устав, запрещавшие захоронение любых животных на территории обители, экстремальность осадной ситуации и эпидемиологические угрозы привели к вынужденной организации санитарных захоронений погибших лошадей: в 1609 г. осада уже была настолько плотной, а потери среди защитников настолько велики, что не было ни сил, ни возможности вынести трупы животных за стены лавры. Для захоронений погибших лошадей выбрали наименее «священные» территории, в частности, Житный двор с землянками мирян и участки мусорных ям и отхожих мест вдоль стен монастыря (рис. 1). Захоронения лошадей в уже нежилых и разрушенных землянках носило, несомненно, временный характер. После

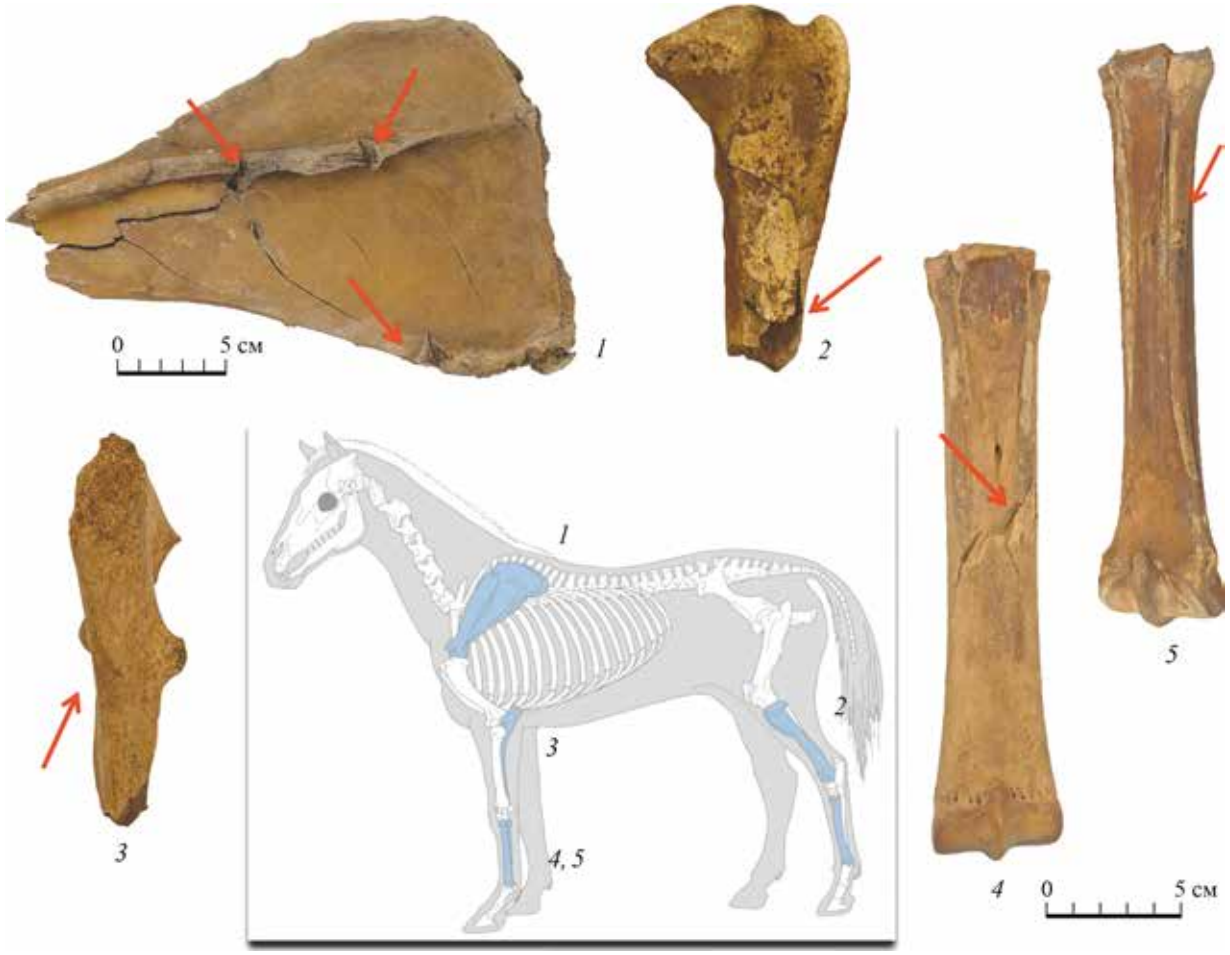

Рис. 4. Следы ранений на костях лошадей, ассоциируемые с боевыми действиями времени осады Троице-Сергиева монастыря
1, 3–5 – рубленые повреждения; *2* – ударно-разрывное повреждение.
1 – р. 85; *2* – р. 97, об. 1787; *3* – р. 49, об. 838; *4* – р. 85, об. 1618; *5* – р. 95, об. 1727

снятия осады их останки должны были перезахоронить за пределами обители, а места прежних захоронений вновь освятить.

Однако потери среди братии и опустошение окрестных сел, а значит, длительный период очищения территории от следов осады и восстановления обычной жизни монастыря привели к тому, что часть останков лошадей уже в виде разрозненных костей так и осталась среди отчасти разобранных, отчасти засыпанных котлованов землянок. Именно такие скелетные части составили собранную археологами при раскопках и изученную нами остеологическую коллекцию.

Захоронение коня (объект № 1787, раскоп 97): факты и гипотезы

Одно из санитарных захоронений лошадей времени осады монастыря в Смутное время оказалось по каким-то причинам ненарушенным (рис. 5). Обнаружение в нем полного конского скелета стало своего рода сенсацией. Неподдельный интерес возник не только у археозоологов, но и у коневодов и генетиков. Учитывая исторические сведения о масштабной торговле лошадьми на территории Восточной Европы в XVI в., когда Ногайская Орда выступала важным поставщиком элитных коней для Русского государства, эта находка заняла важное место в исследованиях истории отечественного коневодства. Неудивительно, что сотрудники ВНИИ коневодства использовали нестандартный методический подход и провели детальную морфометрию собранного скелета с учетом анатомических особенностей строения позвоночного столба и углов постановки конечностей.

Предварительное обследование показало, что полный скелет принадлежал жеребцу 4–5 лет, а состояние его зубной системы соответствует хорошо объезженному и активно использовавшемуся «под

Рис. 5. Ненарушенное захоронение коня в землянке времени осады Троице-Сергиева монастыря: объект 1787, раскоп 97

верх» коню. Именно у него в процессе раскопок зафиксировано смертельное ранение задней конечности с отрывом ее части, характер которого детально обсуждался выше (рис. 4, *2*; 6, *2*). Одновременно при раскопках и фиксации скелета *in situ* взяты пробы грунта с обнаруженными остатками коконов мелких насекомых. Значительные скопления коконов находились в области брюшины и шеи жеребца (рис. 6, *1*), единичные коконы были между нижними челюстями. Проведенная позднее заведующим естественно-историческим отделом Ярославского музея-заповедника Д. В. Власовым энтомологическая экспертиза показала присутствие в пробах пупарий (куколочных коконов) падальных мух (*Diptera*, *Calliphoridae*), вероятнее всего, относящихся к роду *Lucilia* (зеленые падальницы).

Сопоставление этих данных позволяет высказать ситуационную гипотезу о моменте гибели жеребца и его захоронении (рис. 6). Учитывая, что представители рода *Lucilia* достаточно теплолюбивы и пик их активности и размножения приходится на самое жаркое время года – с июня по август, можно достаточно уверенно обозначить, что смертельное ранение коня случилось в летнее время. В период осады монастыря было только одно лето – 1609 г. Локализация значительных скоплений пупарий в области брюшины и шеи указывает, что здесь были значительные повреждения целостности кожи, так как откладка яиц падальными мухами происходит в открытые раневые поверхности в первые часы после получения травм или гибели животного. Открытое кровотечение в области брюха, вероятно, связано с ранением и отрывом правой конечности, а шею могли перерезать для прекращения мучений животного. Вместе с тем отсутствие пупарий в области раздробленной голени можно объяснить наложенной объемной повязкой, которая сразу же сделала недоступной рану для мух. Судя по стадии развития пупарий, перемещение жеребца в землянку могло произойти на первые – третьи сутки после его гибели. Далее его, вероятно, засыпали мощным слоем земли, что обеспечило сохранность скелета.

Полученные при детальной морфометрии собранного скелета общие характеристики экстерьера жеребца соответствуют легкому верховому типу «сухой» конституции без выраженных пороков и недостатков.

Высота жеребца в холке составляла около 139–140 см, а косая длина туловища – 136–137 см. По сравнению с лошадьми монгольского степного корня, а также с крестьянскими ездовыми

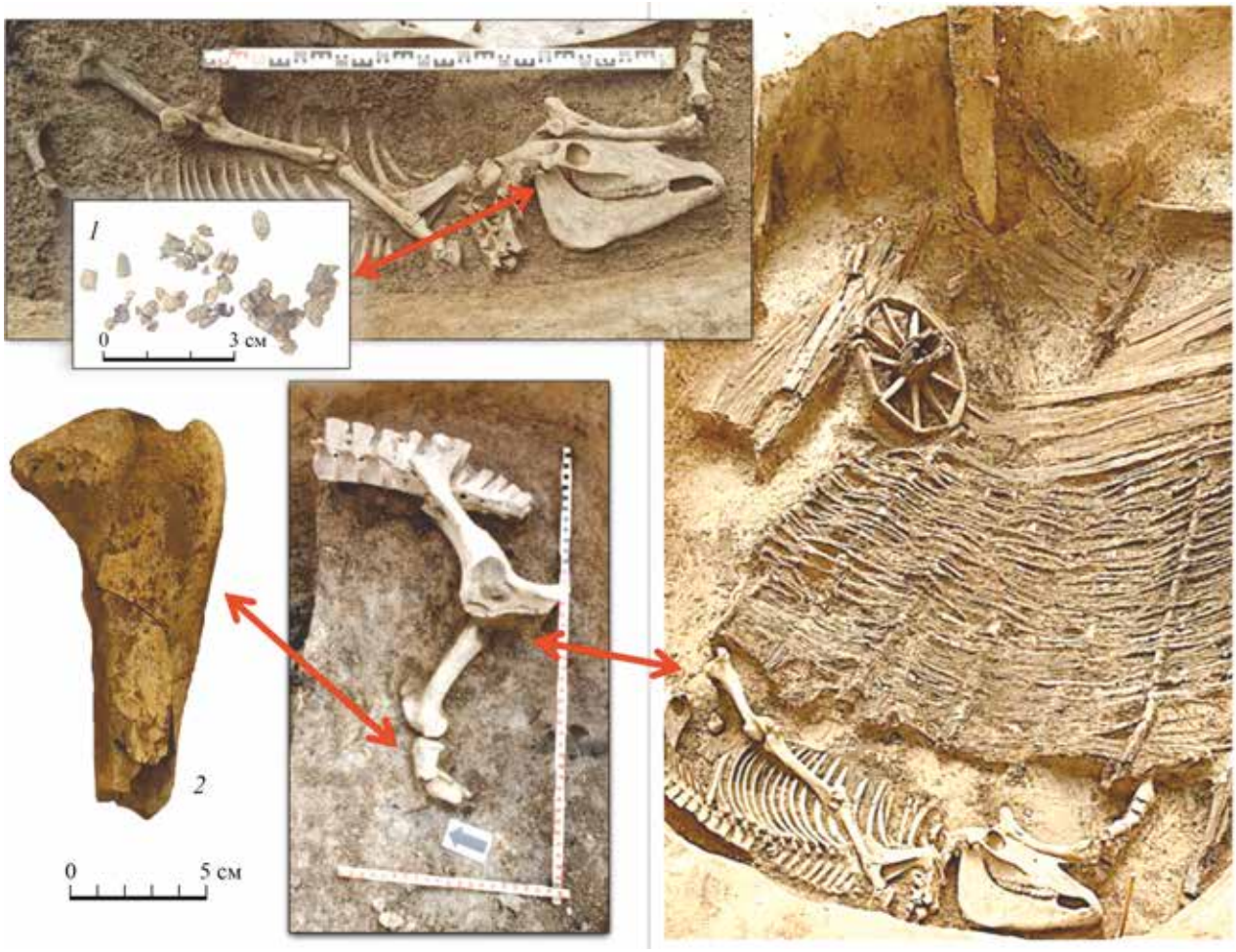

Рис. 6. Результаты обследования скелетных останков коня из объекта 1787 (раскоп 97) *in situ*
1 – коконы мух в области шейных позвонков и ребер; *2* – осколки правой берцовой кости

лошадьми северного лесного типа жеребец был достаточно рослым. Длина шеи, сопоставимая с длиной головы, укороченный формат туловища (индекс 98,6) и высоконогость (индекс 57,1) в сочетании с тонконогостью указывают на породистого верхового коня.

Однако наиболее неожиданными оказались главные промеры и номинальные параметры черепа этого коня. Череп характеризуется развитой лобной частью и несколько вдавленными носовыми костями, что в совокупности образует так называемый щучий профиль (рис. 7), типичный для ряда древних пород лошадей Передней и Центральной Азии. Наиболее ярко он представлен у современной арабской породы. Одновременно индекс «большеголовости» (отношение длины головы к высоте в холке) составляет всего 40,7%, что указывает на малые размеры головы жеребца и считается специфическим признаком элитных верховых пород. По этому показателю жеребец из лавры полностью идентичен представителям современной ахалтекинской породы, тогда как у арабских лошадей голова несколько крупнее. При этом следует подчеркнуть, что сравнение проведено с современными породами, морфологические различия между которыми закреплены и поддерживаются жесткой выбраковкой.

Обе породы, арабская и ахалтекинская, имеют наиболее древние восточные корни среди лошадей Передней и Центральной Азии и занимают особое место в истории коневодства. Сходство с ними, с одной стороны, так называемый щучий профиль, как у арабских скакунов, с другой – малые размеры головы, как у ахалтекинца, фиксирует ориентальные черты в облике изучаемого жеребца.

Обнаруженная двойственность в экстерьере жеребца оставляет большое поле для дискуссии о его породной принадлежности. Ориентальные черты в строении черепа характерны для трех наиболее известных по историческим источникам древних

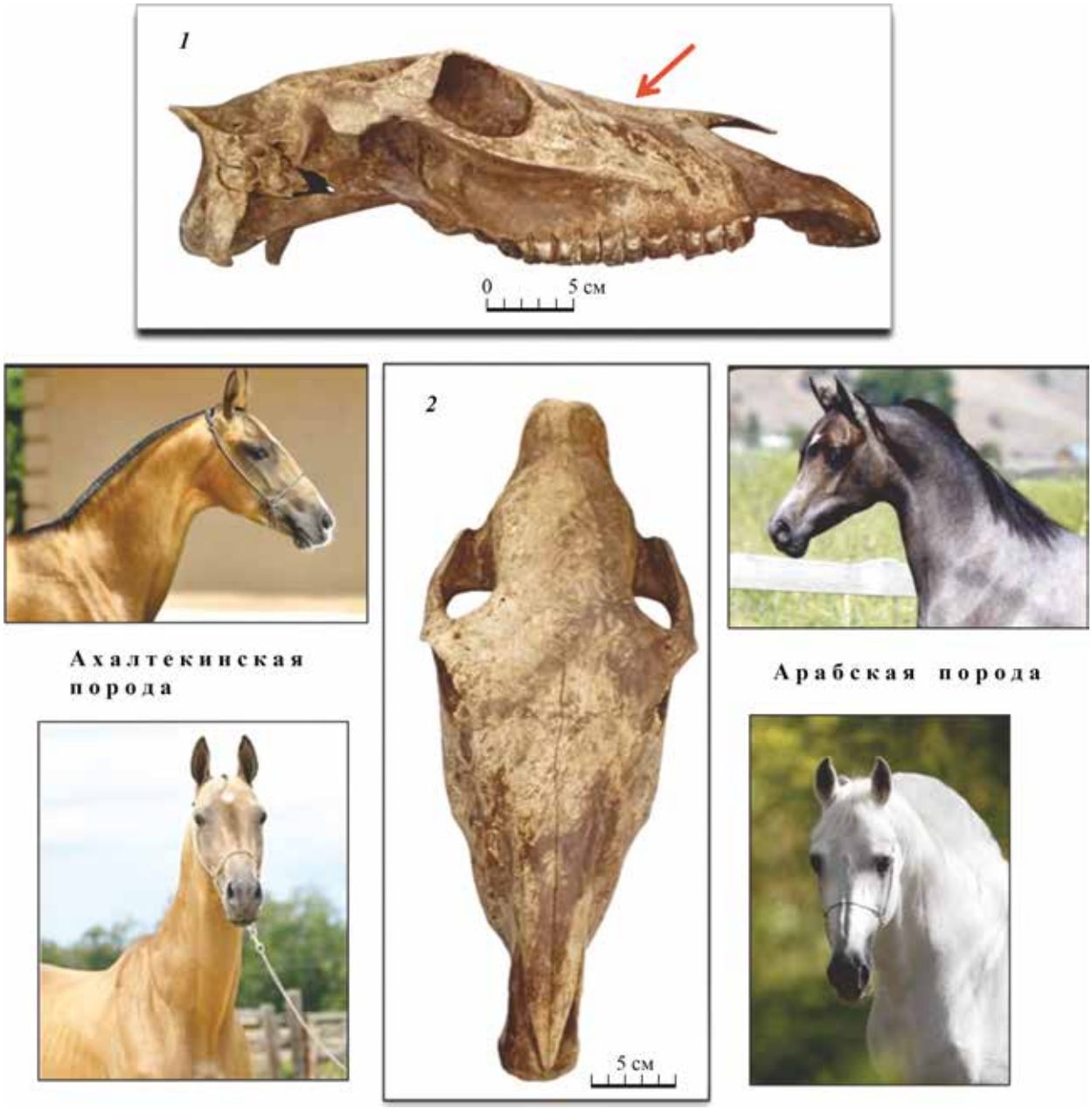

Рис. 7. Череп жеребца из объекта 1787 (раскоп 97) в сравнении с описательными экстерьерными характеристиками лошадей восточного корня
1 – «щучий профиль»; *2* – малые размеры черепа с индексом «большеголовости» 40,7%

породных групп: переднеазиатских, парфянских (текинских) и арабских. В Средние века эти породные группы еще не были резко разграничены и ряд их отродий явно скрещивались и перемешивались между собой. Все они обычно назывались аргамаками или обозначались как «персидские кони», особенно в торговой сфере. В странах Ближнего и Среднего Востока аргамаками и сегодня называют породистых верховых лошадей.

По историческим источникам известно, что на территорию русского государства поставлялись восточные кони из разных регионов, и все они обозначались как аргамаки. Так в 1625 г. царю Михаилу Федоровичу приведены в дар: «от шаха персидского шесть аргамаков и три кобылицы аргамачьи, от посла Рустам-Бека семь аргамаков, от посла Булат-Бека – три, от купчин персидских – 10 аргамаков» (по: *Витт*, 1957).

Обычно аргамаки отличались от местных лошадей быстротой и легкостью бега, а также были узкогруды, поджары, с длинной шеей и изящной головой; эти элитные верховые лошади высоко

Рис. 8. Подчеркнутая «лебединая» шея княжеского коня на миниатюре XV в. из Радзивилловской летописи «Явление Владимирской иконы Божией Матери владимирскому князю Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо»

ценились и служили сословными маркерами. Даже на стилизованных летописных миниатюрах XV в. можно обнаружить попытки изображения именно княжеских коней, отличающихся от лошадей дружинников длинной изогнутой шеей (рис. 8).

Итак, экстерьерный облик жеребца, реконструированный по его скелетным останкам, в значительной мере отличается от остальных коней из санитарных захоронений периода осады Троице-Сергиевой лавры. Называть ли его аргамаком – вопрос дискуссионный. За решение этого вопроса или расширение аналитической базы сегодня взялись специалисты-генетики. Но при этом несомненным остается факт явной ценности найденного коня, а значит, достаточно высокого социального статуса его владельца. Нам удалось установить, что жеребец участвовал в боевых действиях и его гибель, связанная с тяжелейшей травмой задней конечности при попадании пушечного ядра, произошла летом 1609 г. Жеребца захоронили в землянке без амуниции. Судьба его владельца неизвестна.

История осады Троице-Сергиева монастыря, входящая в исторический нарратив, казалось бы, хорошо изучена. Но благодаря археологическим раскопкам и комплексному анализу всех архитектурных, вещевых, остеологических и других собранных материалов наши знания об этом событии становятся намного объемнее и полнее.

Литература

Антипина Е. Е., 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 96–118.

Витт В. О., 1957. Практика и теория чистокровного коннозаводства. М.: [б. и.]. 272 с.

Жмудская лошадь // Книга о лошади. Т. 1 / Сост. под рук. С. М. Буденного. М.: Сельхозгиз, 1952. С. 529–531.

Палицын А., 1822. Сказание об осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы; и о бывших потом в России мятежах. М.: В Синодальной тип. 324 с.

Свечин К. Б., Бобылев И. Ф., Гопка Б. М., 1984. Коневодство. Глава IV. Упряжные (рабочепользовательские) породы. М.: Колос. С. 143–148.

Урусов С. П., 2023. Книга о лошади. Настольная книга коннозаводчика, коневода, коневладельца и любителя лошади. Переиздание книги 1898 г. М.: Центрполиграф. 1020 с.

Цалкин В. И., 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. М.: АН СССР. (МИА. № 51). 183 с.

Цалкин В. И., 1971. Некоторые итоги изучения костных останков животных из раскопок Москвы // МИА. № 167. М.: Наука. С. 164–185.

Benecke N., 2006. Late prehistoric exploitation of horses in central Germany and neighboring areas. The archaeozoological record // Horses and Humans: The Evolution of the Human-Equine Relationship / Ed. Olsen S. L., Grant S., Choyke A., Bartosiewicz L. BAR S1560. Oxford, UK. P. 195–208.

Janeczek M., Makowiecki D., Rozwadowska A., Chudziak W., Pasicka E., 2024. Pathological Changes in Early Medieval Horses from Different Archaeological Sites in Poland // Animals 2024, 14, 490.

Piličiauskienė G., Kurila L., Ežerinskis Z., Šapolaitė J., Garbaras A., Zagurskytė A., Micelicaitė V., 2022. Horses in Lithuania in the Late Roman–Medieval Period (3rd–14th C AD) Burial Sites: Updates on Size, Age and Dating // Animals 2022, 12 (12), 1549.

E. E. Antipina, A. V. Engovatova, E. Yu. Polyanskaya, N. N. Spasskaya, A. M. Zaitsev, A. A. Datsyshin

Preliminary Results of the Study of the Remains of Horses Buried on the Grounds of the Trinity Lavra of St. Sergius During the Siege of 1608–1610

Summary

Archaeological excavations in 2018–2024 on the grounds of the Trinity Lavra of St. Sergius discovered sanitary burials of 23 horses from the siege of 1608–1610. A study of their skeletal remains revealed what they were like and what role they played in the lives of the besieged. A unique find was the skeleton of a stallion from the elite eastern breeds known in Rus' as Argamaks.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.286-306

С. И. Андреев
Тамбовский госуниверситет (г. Тамбов)

Постройка начала XVII века поселения Тихий Угол 1

В июне 2021 г. археологический отряд Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина проводил раскопки поселения 1 у пос. Тихий Угол, расположенного в Тамбовском районе Тамбовской области (рис. 1, *1*).

Поселение у пос. Тихий Угол открыто в 1939 г. экспедицией под руководством П. П. Иванова (1939): «На правом берегу реки Цны, у самого берега расположен поселок Тихий Угол колхоза имени Сталина, Чернянского с-та, в расстоянии от с. Черняное в 2½ километрах на песчаных дюнах у реки в расстоянии от реки в ½ километра обнаружены Русские поселения 16–17 ст. н. э. На огородах, на холмах массы черепков от глиняных горшков, костей домашних животных. Крестьяне часто находили глиняные пряслица, бусы, крестики, перстни и т. д.».

В 2010 г. на поселении проводила работы экспедиция под руководством Н. В. Тереховой (2010). Определены границы памятника. Заложен шурф размером 1×1 м, обнаружена керамика древнемордовской культуры и Нового времени.

В географическом отношении поселение приурочено к правому берегу р. Цны (левый приток Мокши, Окский бассейн). Оно находится на крупной пойменной дюне, на юго-западной окраине пос. Тихий Угол, значительная часть которой уничтожена изъятием грунта для строительных нужд во второй половине XX в. Изначально ее размеры были около 225×140 м, овальной формы, вытянутой по линии север – юг. В настоящее время сохранилась южная часть дюны размером около 140×115 м. Дюна возвышается над уровнем поймы примерно на 6 и 8 м над урезом воды в реке (рис. 1, *2*). Высота дюны плавно понижается в юго-восточном направлении. Поверхность задернована, в северо-западной части заметны следы ветровой эрозии и многочисленные грабительские ямы.

Раскоп на территории поселения заложен на небольшой возвышенности в юго-восточной части. Общая вскрытая площадь памятника составила 224 кв. м (*Андреев*, 2021).

Культурный слой раскопа чрезвычайно насыщен находками. Всего из земли извлечено 6260 фрагментов керамики, 85 изделий из камня, глины, стекла, серебра, бронзы, меди, кости; 769 фрагментов глиняного и железного шлака, костей домашних и диких животных.

Мощность культурного слоя в виде серой гумусированной супеси, значительно оподзоленной в нижней части, с большой долей печной золы и торфообразной прослойки погребенного мха, составляет от 0,2 до 2,1 м (в сооружениях). Материковое основание поселения по всей площади раскопа представляет собой светло-серую выщелоченную супесь.

Верхняя часть слоя на всей площади раскопа ранее распахивалась. Толщина распашки варьируется от 0,2 до 0,3 м. Распашкой разрушен ряд комплексов. Следы распашки фиксируются на нижележащем материковом слое. Какое-то время на территории поселения шел активный процесс развития болотной флоры, что связано с повышенным увлажнением. В частности, выявлены значительные прослойки мха *Sphágnum* – как растущего, так и на стадии торфообразования.

Территория поселения в южной части, на краю террасы имеет незначительный культурный слой. В центре сохранившейся части дюны в районе постройки и сооружений (рис. 2) мощность культурных напластований максимальна.

В непосредственной близости от постройки выявлены следы кратковременного пребывания на этой дюне носителей раннемордовской культуры VI–VII вв. Других хронологических горизонтов на этом месте не найдено. Исходя из этого, а также учитывая отсутствие более раннего слоя ниже основания постройки и более позднего слоя выше, заполнение постройки и прилегающий культур-

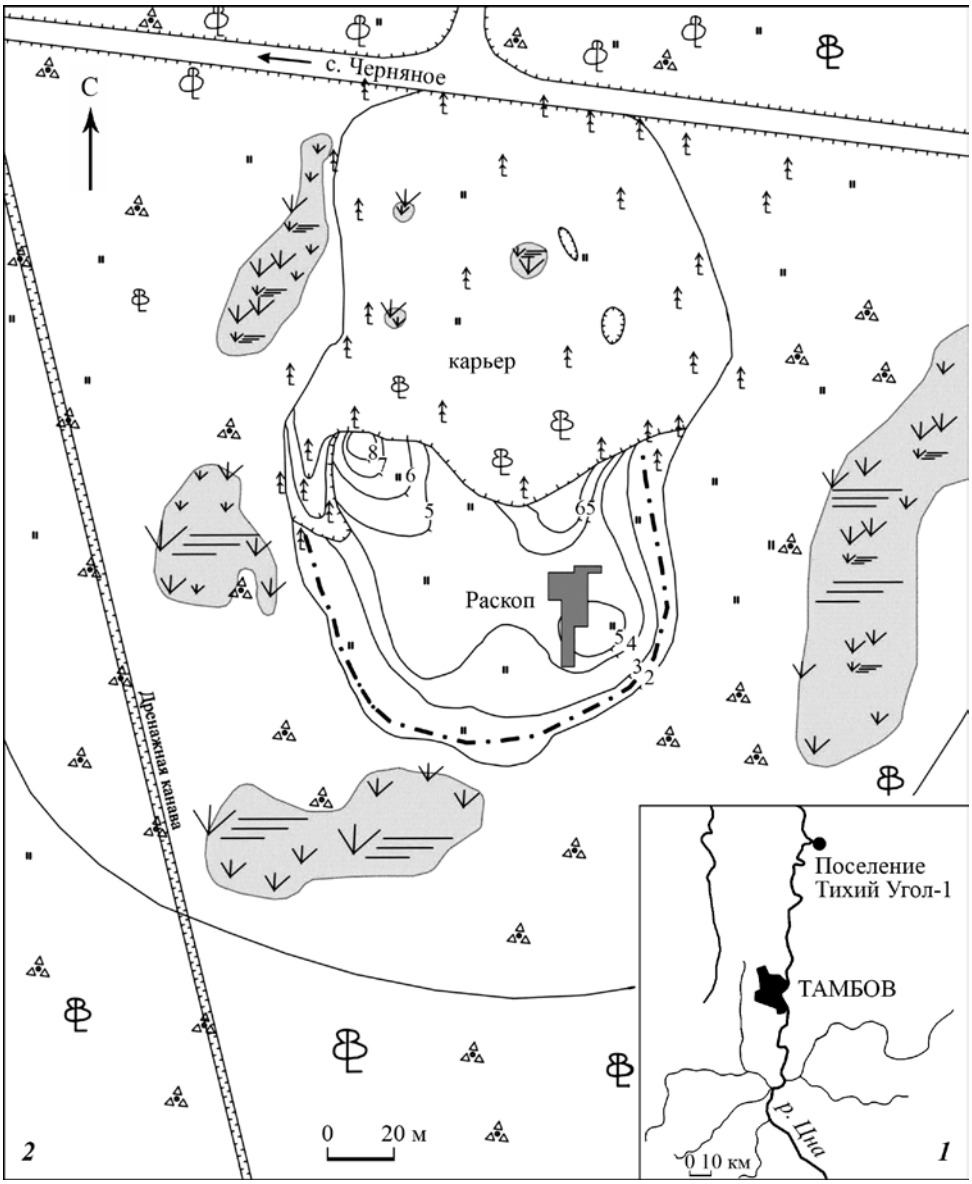

Рис. 1. Поселение Тихий Угол 1
1 – местоположение поселения в Тамбовской обл.; *2* – топографический план поселения

ный слой можно рассматривать в качестве условно закрытого комплекса.

Появление здесь жилого двора или других строений можно связать с основанием г. Шацка в 1553 г. и начавшимся после этого активным освоением и заселением русскими верхнего и среднего течения Цны. В начале XVII в. здесь возникла Верхоценская волость Шацкого уезда. Ее образование и функционирование является важным этапом освоения края (*Мизис*, 2022. С. 18). Таким образом, по нашему мнению, постройка могла появиться в конце XVI – начале XVII в. Не противоречат этому и находки.

Индивидуальные находки

В слое поселения найдена серия монет. Все они сделаны из тянутого проволочного серебра (рис. 3). Из 18 монет девять денег, чеканенных при великом князе московском Иване Васильевиче в Москве (рис. 3, *1, 3–4, 6, 8, 10, 12, 13*). Копейка, чеканенная при царе Борисе Годунове в Москве в 1599 г. (рис. 3, *7*).

Три денги, чеканенные при царе Михаиле Федоровиче в Москве (рис. 3, *14*).

Четыре копейки чеканены при царе Михаиле Федоровиче в Москве, из которых одна в 1622 г.

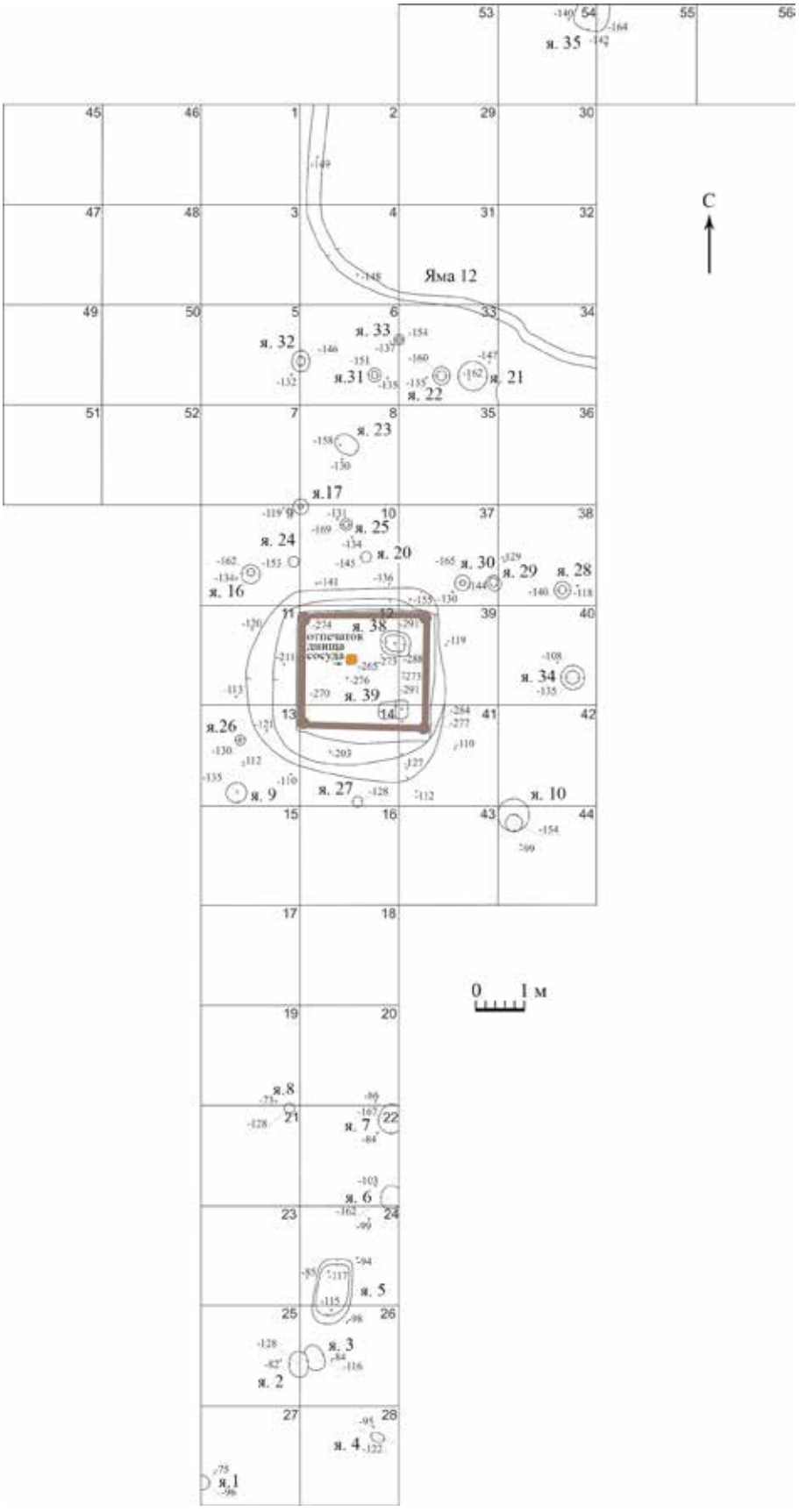

Рис. 2. План раскопа 2021 г. поселения Тихий Угол 1

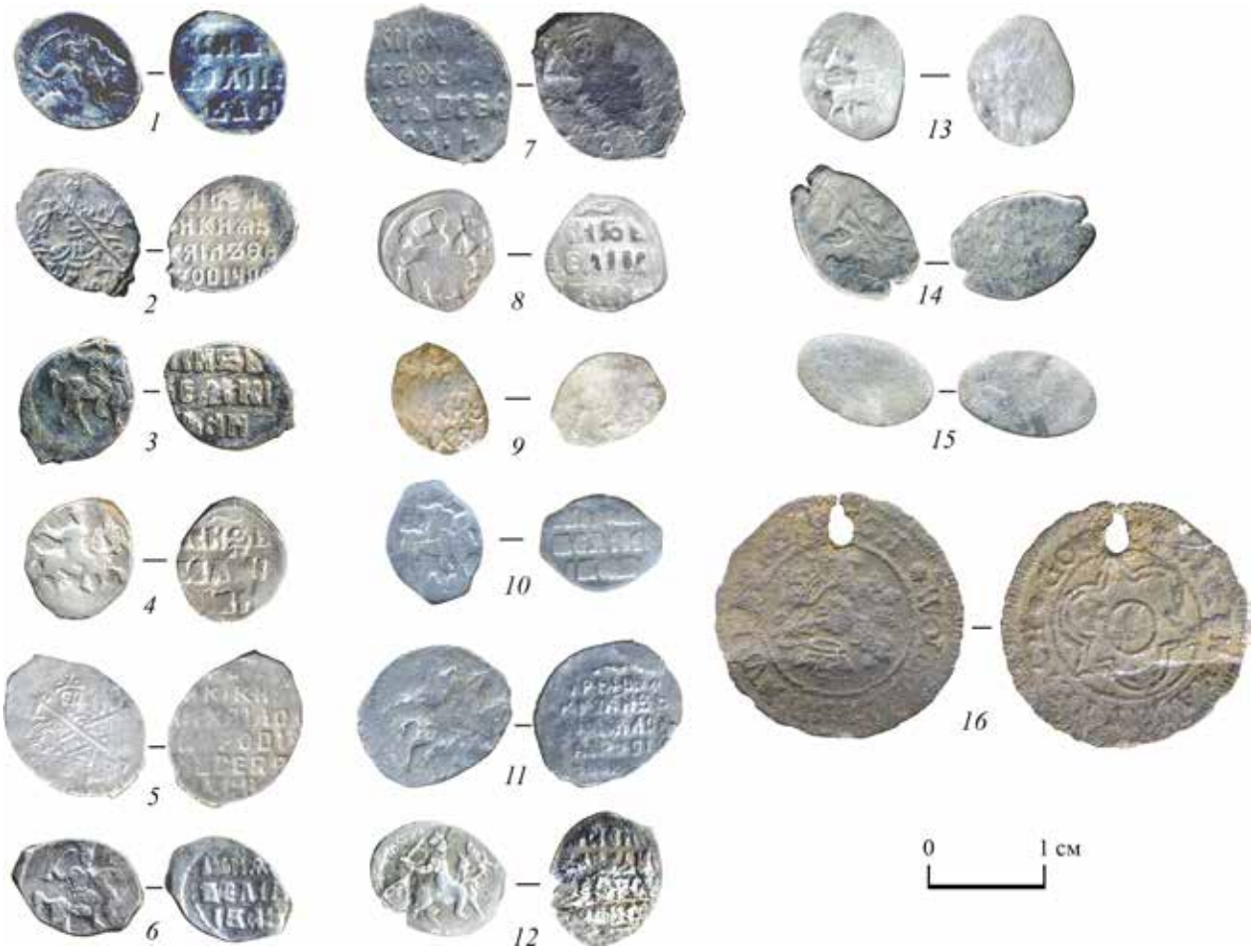

Рис. 3. Монеты и жетон из слоя поселения Тихий Угол 1
1–15 – серебро; *16* – медный сплав

(рис. 3, *2, 5, 11*). Остальные монеты со следами износа, поэтому неопределимы.

Старшая монета коллекции чеканена в 1537 г., младшая – в 1632 г. (рис. 3, *2*). Отсутствие монет Алексея Михайловича, как серебряных, так и медных, косвенно свидетельствует о прекращении жизни усадьбы примерно в середине XVII в.

Кроме того, найден счетный жетон (рис. 3, *16*). В основном жетоны были размером 20–28 мм. Поскольку жетоны не являлись монетами, на них никогда не указывался номинал. Чаще всего жетоны продавались вместе с разнообразными товарами из Нюрнберга. Наиболее известный производитель жетонов Ханс Краувинкель (*Hans Krauwinckel*) работал в период с 1586 по 1635 г. и имел представительства в Париже и Амстердаме. Наш жетон отчеканен в Нюрнберге фирмой *Hans Krauwinckel* в 1586–1635 гг. На аверсе имеется надпись GOTES SEGEN MACHT REICH (Божье благословение дает богатство). На реверсе: императорская держава в двухлинейном трилистнике HANNS KRAVWINCKEL IN NV (Ханс Краувинкель в Нюрнберге), три короны и три лилии вокруг шестилепестковой розетки. В целом это довольно частая находка в верховьях Цны, так как жетоны были популярны у цнинской мордвы и использовались в качестве подвесок в ожерельях.

Из слоя поселения происходит довольно представительная коллекция предметов личного благочестия. Фрагмент наперстного креста (рис. 4, *1*). По всей видимости, это часть двустороннего креста «Распятие Христово. Богоматерь Знамение», изготовлен в XVI в. (по иконографии XV в.).

Лицевая сторона: «Распятие Христово» с поясными парными изображениями предстоящих Богоматери и святой Марии, апостола Иоанна Богослова и мученика Лонгина сотника. На верхнем конце – Троица Ветхозаветная, на нижнем – великомученик Никита, побивающий беса. Оборотная сторона: Богоматерь Знамение (в ромбе) с символами евангелистов, на концах – избранные святые. Образцом для наперсного креста явился

Рис. 4. Предметы из медного сплава, связанные с церковью. Тихий Угол 1
1, 2 – фр-ты наперстных крестов; *3–17* – нательные кресты; *18* – фр-т кадила

двустворчатый энколпион XV в. (*Гнутова, Зотова,* 2000. С. 26).

Фрагмент наперстного креста в виде нижней лопасти (рис. 4, *2*). По всей видимости, это часть двустороннего креста «Распятие Христово. Богоматерь Знамение», изготовленного в XVI в. (по иконографии XV в.). Лицевая сторона: великомученик Никита, побивающий беса. Оборотная сторона: избранные святые (*Гнутова, Зотова*, 2000. С. 26).

Фрагмент нательного креста – верхняя и боковые лопасти без нижней (рис. 4, *3*). Крест двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. Сохранилось изображение Голгофского креста. На обратной стороне – полустертые круги со вписанными в них инициалами и узорами.

Нательный крест (рис. 4, *4*). Двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. На лицевой стороне – изображение Голгофского креста. На обратной стороне – кольцевидные медальоны с вписанными в них инициалами и узорами.

Нательный крест (рис. 4, *5*). Двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. На лицевой стороне – изображение Голгофского креста. На обратной стороне – нечитаемая надпись.

Нижняя лопасть нательного креста (рис. 4, *6*). Крест двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. Сохранилось изображение Голгофского креста. На обратной стороне – узор.

Нательный крест (рис. 4, *7*). Двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. На лицевой стороне – изображение Голгофского креста. На обратной стороне – кольцевидные медальоны с вписанными в них инициалами и узорами.

Нательный крест (рис. 4, *8*). Двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. На лицевой стороне – изображение Голгофского креста. На обратной стороне – кольцевидные медальоны с вписанными в них инициалами и узорами.

Нательный крест (рис. 4, *9*). Четырехконечный с прямыми боковыми и килевидной нижней лопастями. На лицевой стороне в средокрестии находится рельефное изображение благословляющего Христа, по обе стороны которого едва просматривается на боковых лопастях, в рельефных кольцевидных медальонах расположена рельефная надпись «ИС ХС». На верхней и нижней лопастях также едва различимы надписи в рельефных

кольцевидных медальонах. Края лопастей украшены одинарной рельефной рамкой. Оглавие в виде широкого плоского ушка. Оборотная сторона гладкая.

Нательный крест (рис. 4, *10*). Двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. На лицевой стороне – изображение Голгофского креста. На обратной стороне надпись – цитата начала пятидесятого псалма царя Давида.

Нательный крест (рис. 4, *11*). Двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью и килевидным расширением нижней лопасти. Одна из боковых лопастей отсутствует. На лицевой стороне – изображение Голгофского креста с терновым венцом. Оборотная сторона гладкая.

Фрагменты нательного креста (рис. 4, *12*). Сохранились нижняя и одна из боковых лопастей. Крест двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. На лицевой стороне сохранилось изображение Голгофского креста с терновым венцом. На оборотной стороне сохранилась часть молитвы.

Нательный крест (рис. 4, *13*). Двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью и килевидным расширением нижней лопасти. На лицевой стороне – изображение Голгофского креста с терновым венцом. Оборотная сторона гладкая.

Нательный крест (рис. 4, *14*). Двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. На лицевой стороне – изображение Голгофского креста. По краям лопастей просматриваются ромбы с точкой посередине. Заметны остатки эмали белого цвета. На обратной стороне – неразличимая надпись.

Фрагменты нательного креста (рис. 4, *15*). Отсутствует одна из боковых лопастей. Крест двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. На лицевой стороне сохранилось изображение Голгофского креста с терновым венцом. По краям располагаются ромбы с инициалами. На оборотной стороне в средокрестии – надпись ЦРСЛАВНИКА в круге, по краям лопастей – ромбы с инициалами.

Нательный крест (рис. 4, *16*). Двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. На лицевой стороне – изображение Голгофского креста. На обратной стороне – кольцевидные медальоны с вписанными в них инициалами и узорами.

Нательный крест (рис. 4, *17*). Двухсторонний четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. На лицевой стороне – изображение Голгофского креста. По краям лопастей просматриваются ромбы с точкой посередине. Заметны остатки эмали белого цвета. На обратной стороне – неразличимая надпись. Оглавие отсутствует.

Особенно примечателен равноконечный с расширяющимися концами крест (рис. 4, *18*). С лицевой и оборотной стороны имеет углубления, напоминающие изображение растений. С верхней и нижней сторон крест имеет следы слома, т. е. этот предмет является частью более крупного предмета. Аналогий этому кресту найти не удалось. Выскажем предположение, что данный предмет является частью кадила – крест крепился на крышке, и к нему крепилась цепочка (*Игошев, Макаров*, 2012. С. 83–86).

В слое найдены и предметы вооружения. Ромбовидный наконечник стрелы (рис. 5, *1*). Относится к типу 11. Ромбические, с наибольшим расширением в средней трети длины пера и упором. Сечение ромбическое. Датируются концом XIV – XVII в. По функциональному назначению данные наконечники относятся к универсальным рассекающим (*Двуреченский,* 2015. С. 243).

Ромбовидный с расширением в нижней трети пера и упором наконечник стрелы (рис. 5, *2*). Сечение линзовидное. Относится к типу 15. Датируются концом XIV – XVII в. По функциональному назначению данные наконечники относятся к универсальным рассекающим (*Двуреченский,* 2015. С. 247).

Пять округлых свинцовых пуль от пищалей. Диаметр пуль – 1,3, 1,4, 1,5, 1,2 и 1,2 см (рис. 5, *3–7*). На последней сохранилась небольшая часть обрезанного литника (рис. 5, *7*).

Кроме того, собрана небольшая, но выразительная коллекция бытовых предметов. Это обломки клиновидных в сечении ножей (рис. 6, *1–2*), ключ от подвесного пружинного замка (рис. 6, *3*). Ключ близок к ключам от замков типа «В», бытовавшим вплоть до XV в. (Древняя Русь*,* 1997. С. 252). Обломок ручки ведра (рис. 6, *4*), крепежная скоба (рис. 6, *5*), швейная игла (рис. 6, *6*), плотницкие (рис. 6, *7–9*), подковный (рис. 6, *10*) и обойный (рис. 6, *11*) гвозди. Подковка от каблука сапога (рис. 6, *12*). Она относится к типу крепившихся к нижней набойке каблука. Датируется XVI–XVII вв. (*Никитин*, 1971. С. 42). Предположительно стальная заготовка рыболовного крючка (рис. 6, *13*); железный стержень с загнутым утолщенным концом, прямоугольный в сечении (рис. 6, *14*). Вероятно, это часть бытовавшего в XVI–XVII вв. подсвечника; железный предмет, возможно, деталь нутряного замка (рис. 6, *15*); щитковый перстень (рис. 7, *1*), часть щитка утрачена,

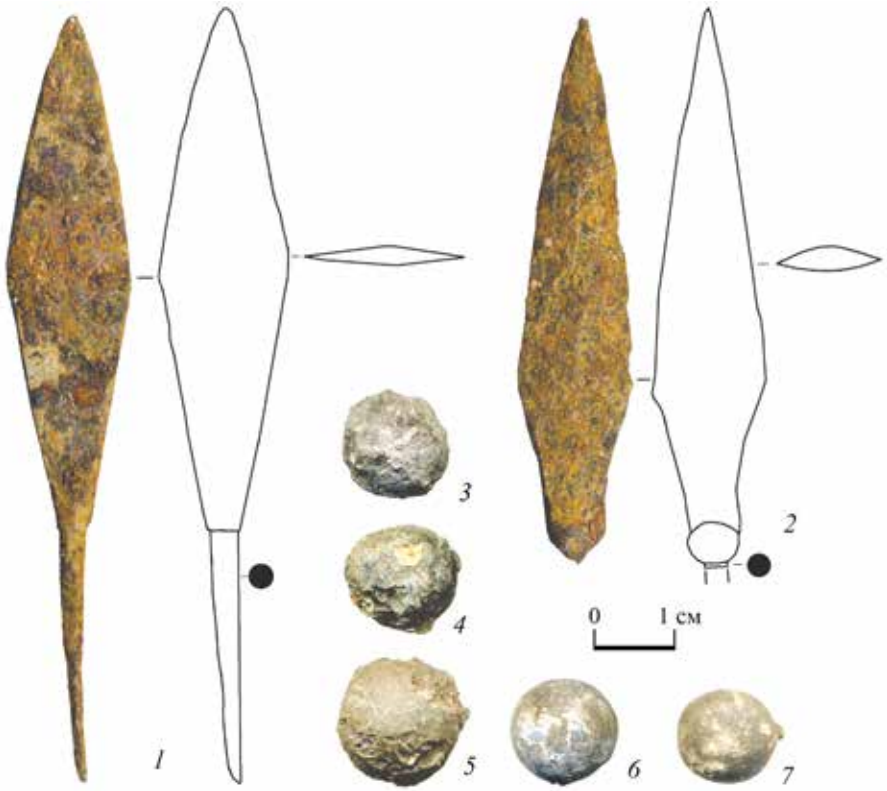

Рис. 5. Предметы вооружения. Тихий Угол 1
1, 2 – железные наконечники стрел; *3–7* – свинцовые пули

Рис. 6. Железные находки из слоя поселения Тихий Угол 1
1, 2 – фр-ты ножей; *3* – ключ от навесного замка; *4* – фр-т ручки ведра; *5* – плотницкая скоба; *6* – швейная игла; *7–11* – гвозди; *12* – обувная подковка; *13* – заготовка рыболовного крючка; *14* – обломок подсвечника; *15* – деталь нутряного замка

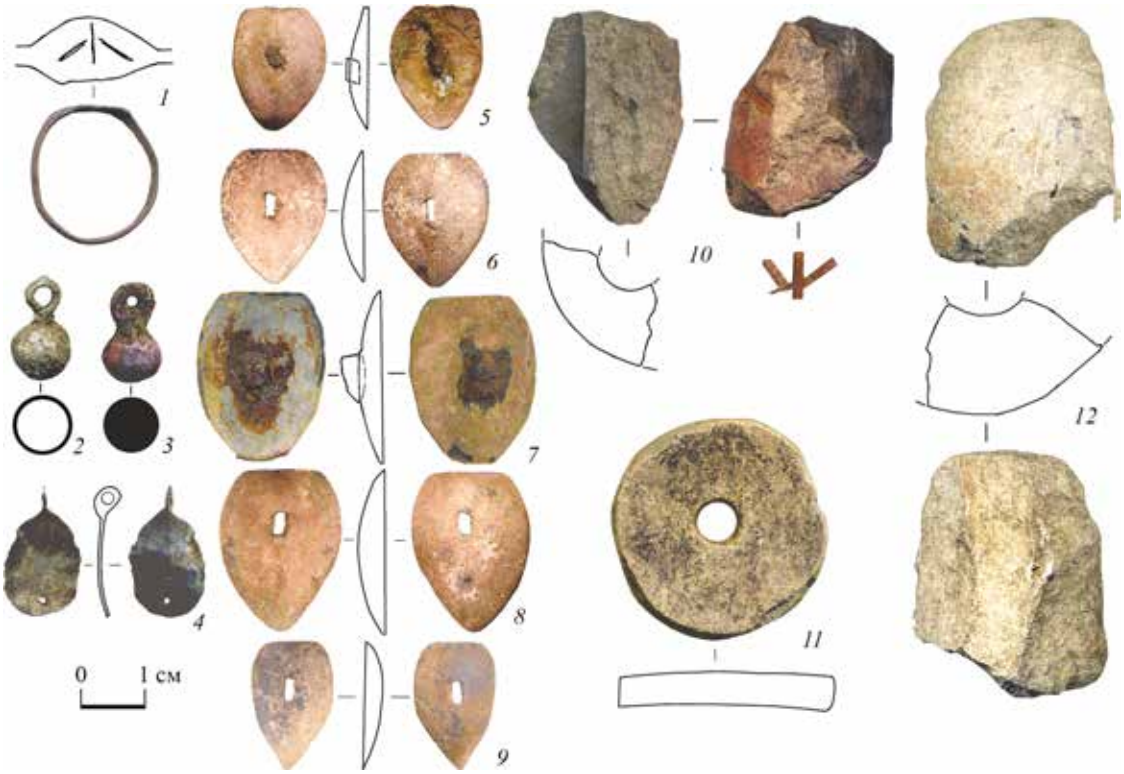

Рис. 7. Бытовые предметы. Тихий Угол 1
1 – перстень; *2, 3* – пуговицы; *4* – монетовидная подвеска; *5–9* – тыльники от рукоятей ножей; *10, 12* – фр-ты рыболовных грузил; *11* – пряслице. *1–9* – медный сплав; *10–12* – керамика

просматривается геометрический узор. Форма этого украшения довольно распространена во времени. Можно отнести ее к XV–XVII вв. Две грушевидные пуговицы (рис. 7, *2–3*). Какие-либо узоры на поверхности пуговицы отсутствуют. Тыльники деревянной рукояти ножей из медного сплава разного размера (рис. 7, *5–9*) имеют форму усеченного овала, не сохранился крепежный гвоздик.

Фрагменты грузил от рыболовецких сетей (рис. 7, *10, 12*), Тесто одного грузила плотное, без видимых примесей. Диаметр входного отверстия – сантиметр. На сохранившейся поверхности заметна часть буквы, возможно, инициала владельца в виде «ⰻ» – «живете» (рис. 7, *10*). Знак нанесен методом оттиска палочкой.

Пряслице изготовлено из обломка хорошо обожженного кругового керамического сосуда (рис. 7, *11*).

Особо выделим небольшую коллекцию перстней-печаток, найденных в слое поселения. Прежде всего это перстень-печатка высокого ювелирного уровня из серебра, на щитке изображение мистического животного, части тела которого относятся к разным существам (рис. 8, *1*). Возможны два варианта интерпретации сюжета: это либо химера, в древнегреческой мифологии – огнедышащее чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом в виде змеи (Мифы народов мира, 1988. С. 592); либо символическое изображение тетраморфа – сочетание символов четырех евангелистов, объединенных в одну группу. Обычно тетраморф включает следующие образы: Матфей – ангел (человек), символизирует человеческую природу Христа, его воплощение. Марк – лев; означает действенность, господство и царскую власть Христа-Царя, его Воскресение из мертвых. Лука – телец (бык); подчеркивает священнодейственное и священническое достоинство Христа, его крестную жертву. Иоанн – орел; означает дар Святого Духа, носящегося над Церковью, а также Вознесение Господне. Также имеются две буквы кириллического алфавита в зеркальном искажении: «Ѣ» – «есть» и «Л» – «люди». Вероятно, инициалы владельца.

Второй перстень несет изображение некоего корабля, вероятно, Ноева ковчега (рис. 8, *2*). Точки, по-видимому, означают живых существ. На третьем перстне изображен человек в полный рост, идущий вправо (рис. 8, *3*). Руки разведены, в правой руке держит, вероятно, колос. Четвертый перстень также несет антропоморфное изображение.

Рис. 8. Перстни-печатки из серебра (*1*) и медного сплава (*2–4*). Тихий Угол 1

Человек в полный рост повернут влево (рис. 8, *4*). Правая рука приподнята к голове, в левой руке он что-то сжимает.

Круговая керамика XVI–XVII вв. из слоя (рис. 9–11)

Даная керамическая серия представляется мне достаточно однородной. Посуда выполнена гончарами, работавшими в русле коломенской традиции. Коллекция довольно многочисленная. Всего найдено (включая сооружения) 580 венчиков, 132 фрагмента днищ, 4586 фрагментов стенок гончарных сосудов. Керамика распределена довольно равномерно по площади раскопа. Отметим концентрацию в северной части раскопа, в районе ямы 12, и в центральной части в районе ямы 11.

Виды гончарной посуды разнообразны. Это кувшины разных типов (рис. 9, *1–3*), крынки (рис. 9, *4*; 12, *2*), миски (рис. 13, *18, 19*), крышки от сосудов (рис. 9, *7*), миниатюрные сосуды (рис. 11, *9, 11, 12*). Но самой массовой категорией посуды являются горшки (рис. 10; 11, *1–8*).

По техническим показателям керамика подвергнута анализу и систематизации на основании методики, разработанной В. Ю. Ковалем (2016).

– Класс 1 – вертикальные венчики без следов чернового края.

Тип 1/1 с заостренным чистовым краем (рис. 11, *2, 12*; 14, *9*).

– Класс 3 – вертикальные венчики с заворотом чернового края внутрь.

Тип 3/3 – венчики с приостренным или утоньшенным чистовым краем и плотно прижатым к внутренней стороне устья черновым краем, большая часть которого срезана и размазана пальцами гончара. Типичен для XV–XVI вв. (рис. 11, *1, 4, 7*; 14, *10, 11*; 15, *16, 18, 23*).

Тип 3/4 – венчики с округло-уплощенным черновым краем и более массивными валиками чернового края на внутренней поверхности. Они характерны для XVII–XIX вв. (рис. 10; 11, *3, 5, 6*; 14, *12*).

Практически все днища сосудов заглажены (рис. 16, *7*). Исключения составляют пять фрагментов с ложным поддоном. В одном случае сосуд формовался на песке. В остальном днища простой формы (рис. 13, *21, 22*; 14, *15*; 15, 1*2–13, 21–22, 26*; 16, *3*). Все сосуды, судя по цветовым характеристикам изломов, имеют качественный обжиг. Значительную долю столовой посуды составляют сосуды, обожженные в окислительно-восстановительной среде, поверхность дополнительно обрабатывалась лощением. Это серо- и чернолощеные кувшины (рис. 13, *4*; 14, *2, 4, 5*; 15, *5*, *19–20, 22, 26, 27*) и крынки (рис. 12, *2*). При этом практически все горшки обожжены в окислительной среде. Встречено несколько обломков красноглиняных сосудов (рис. 9, *2*; 13, *21, 22*; 14, *14*). В одном случае красноглиняный сосуд с лощением. Фрагменты керамики из беложгущихся глин единичны. Тесто в основном плотное, с добавкой песка разного размера, несколько экземпляров имеют обильную примесь песка или шамота среднего размера. Орнаментация однообразна – различные комбинации прямой линии по горловине горшков, на поверхности крышек и на плечиках кувшинов. Есть сосуды

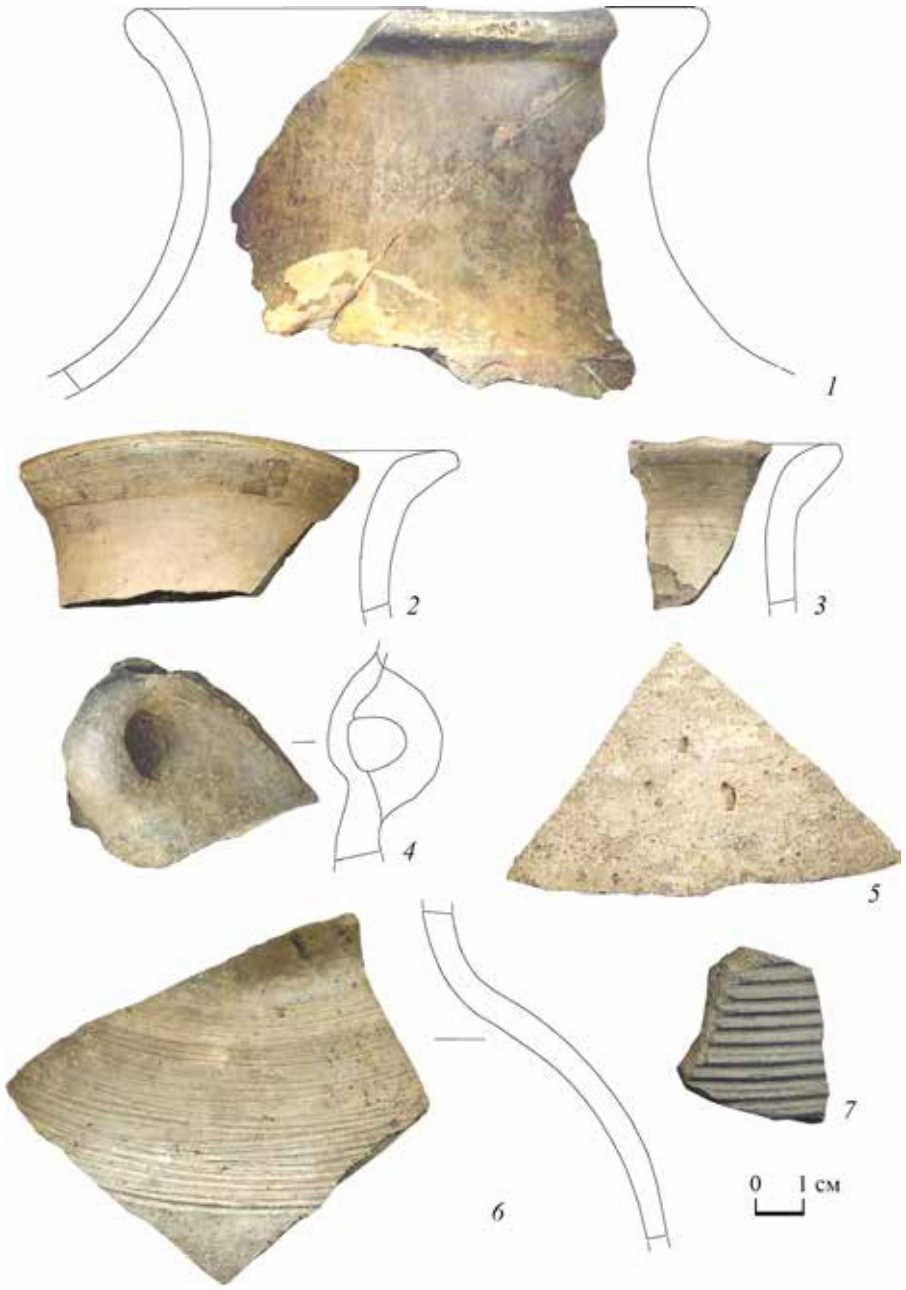

Рис. 9. Круговая керамика из слоя поселения Тихий Угол 1
1–3, 5, 6 – кувшины; *4* – крынка; *7* – крышка сосуда

без орнамента. В двух случаях орнамент в виде волны (рис. 11, *12*; 14, *9*).

В центре раскопа выявлена обширная подпольная яма (№ 11) и серия из 26 столбовых ям (рис. 2). Яма 11 – в форме квадрата со скругленными углами размерами 3,78×3,8 м, с отвесными стенками и углублением в центральной части дна. В северо-западной части просматривается ступенька, примыкающая к основной части ямы. Обнаружена на уровне материка и углублена в него на 1,54–1,74 м. На дне прослеживаются две ямы. При исследовании ямы произведено восемь планиграфических срезов. Основной объем ямы сформирован темно-серой гумусированной супесью с включениями серой материковой супеси, золы, угольков, комков обожженной глины, обломков керамики, костей животных. Вначале, над ямой, идет слой дерна мощностью до 0,04 м. Ниже, в слое насыщенного гумуса в северной части квадрата, идет слой мха с включением супеси толщиной до 0,1 м и длиной до 0,2 м. В центральной части квадрата на глубине 0,8 м от поверхности просма-

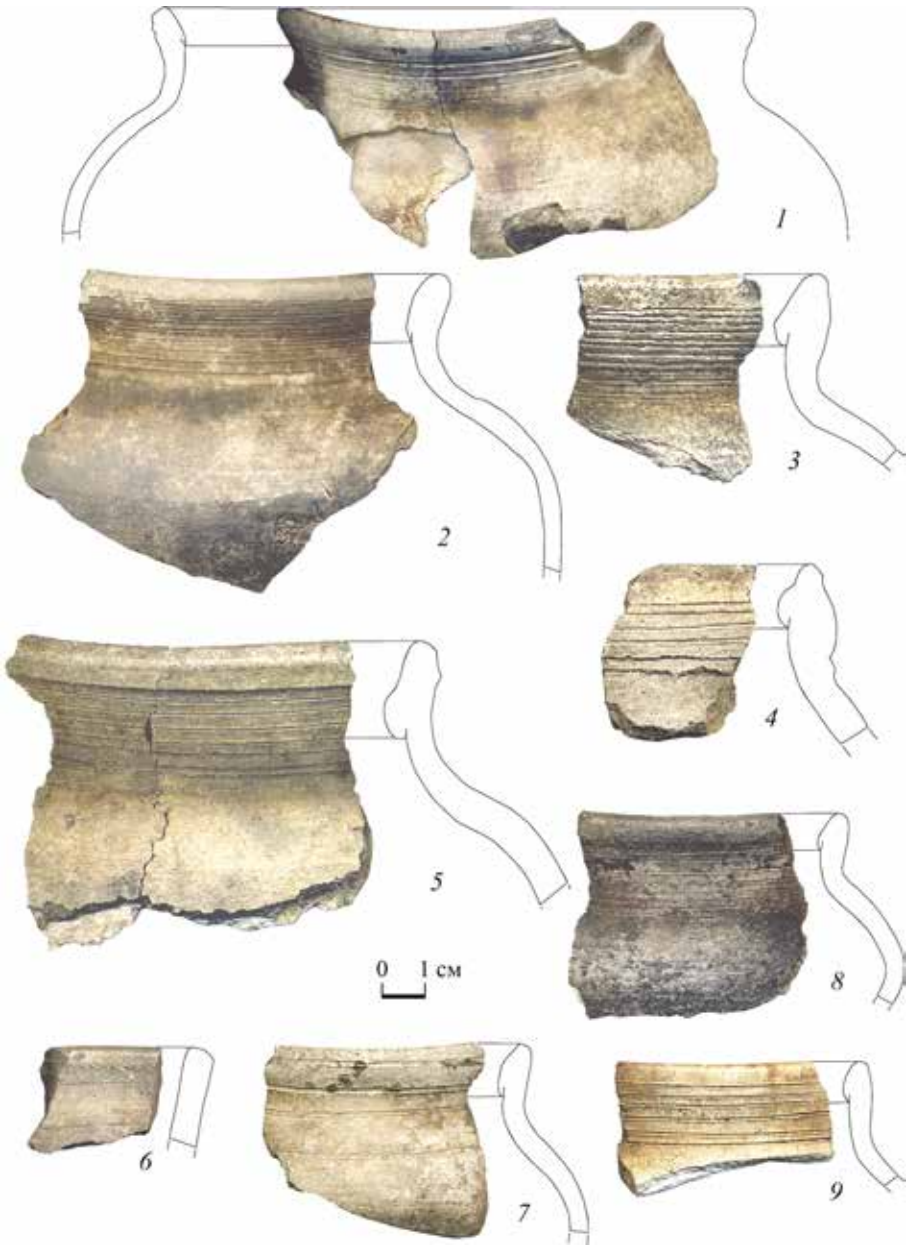

Рис. 10. Горшки из слоя поселения Тихий Угол 1

тривается линза из древесных угольков размером 0,12×0,07 м. Древесные угольки образуют в центральной части профиля небольшие прослойки на глубине от 0,68 м до 1,10 м. На глубине метра от поверхности просматривается линза белой супеси размером 0,25×0,07 м. В южной части квадрата на глубине 1,21 м зафиксирована линза обожженной глины размером 0,18×0,05 м. В целом толщина слоя насыщенного гумуса – до 1,4 м, имеет многочисленные включения угольков, золы, комков и крупных фрагментов обожженной глины, костей животных, обломков керамики. При этом отсутствует выраженная слоистость в структуре заполнения ямы 11 (рис. 17). Судя по всему, она заполнилась относительно быстро, для чего использовался культурный слой, располагавшийся возле строения и части разобранной печи. Далее следует слой разряженного гумуса толщиной до 0,25 м. Ниже располагается материк в виде светло-серой сильно высушенной супеси.

Всего из ямы извлечено семь индивидуальных находок, 136 венчиков круговых сосудов, 16 фрагментов днищ, 769 фрагментов стенок, 140 фрагментов костей животных, 4 крупных фрагмента древесного угля, 41 крупный комок обожженной глины (печные кирпичи).

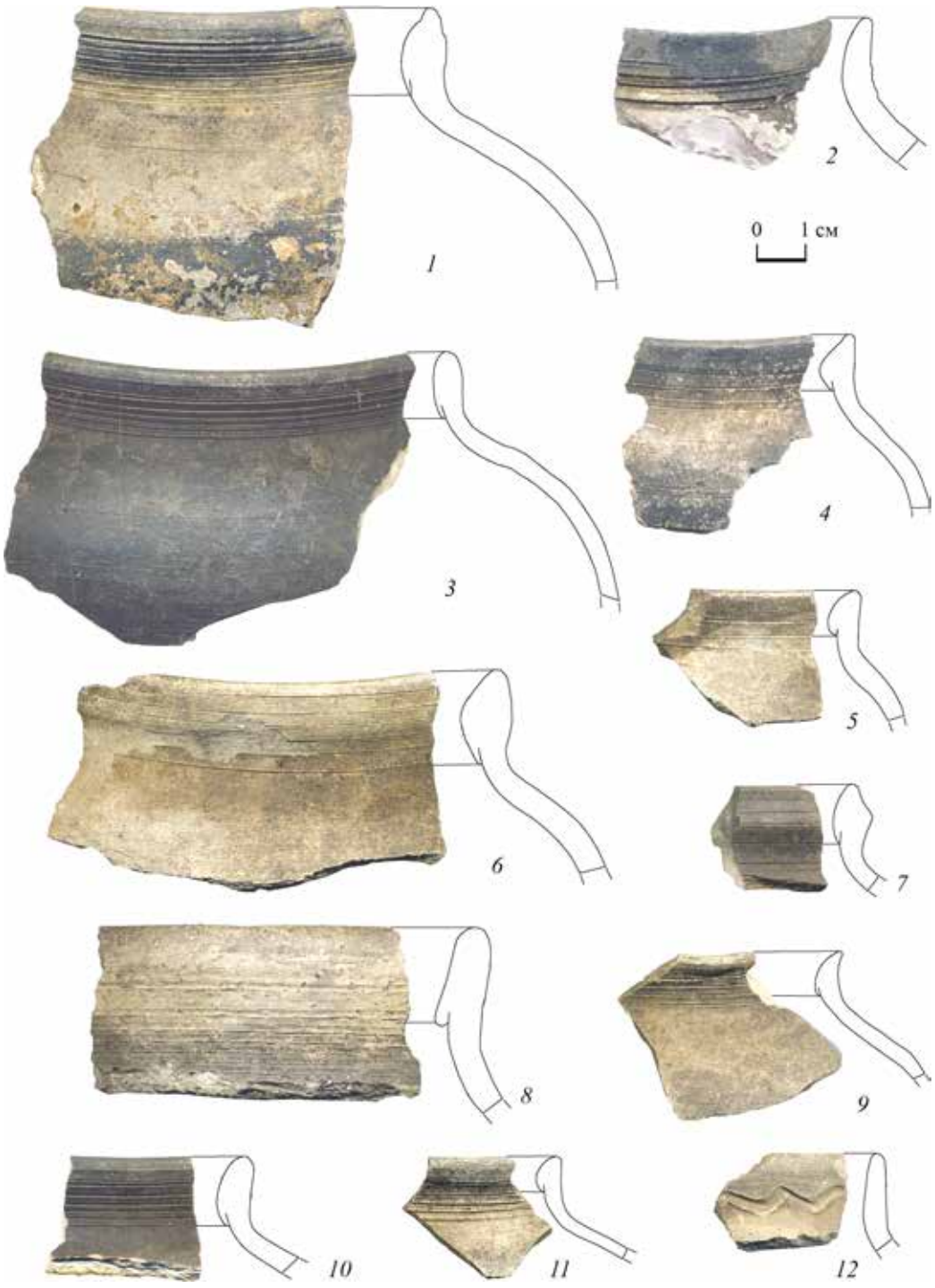

Рис. 11. Круговая керамика из слоя поселения Тихий Угол 1
1–8, 10 – горшки; *9, 11, 12* – миниатюрные сосуды

Заполнение первого пласта представляет собой сильно гумусированную жирную супесь с включением золы, угольков, комков обожженной глины, костей животных и обломков керамики. В юго-восточном углу хорошо просматривается грабительская яма. В слое найдено пряслице, изготовленное из стенки кругового сосуда (рис. 13, *1*).

Из 84 фрагментов керамики 18 представляют собой венчики, относящиеся к следующим классам: класс 3 – вертикальные венчики с заворотом чернового края внутрь (рис. 13, *2, 3, 5–17*). Один венчик от сероморенного кувшина (рис. 13, *4*), два от мисок (рис. 13, *18, 19*), одна петля от крынки (рис. 13, *20*). Два фрагмента дна от красноглиняных

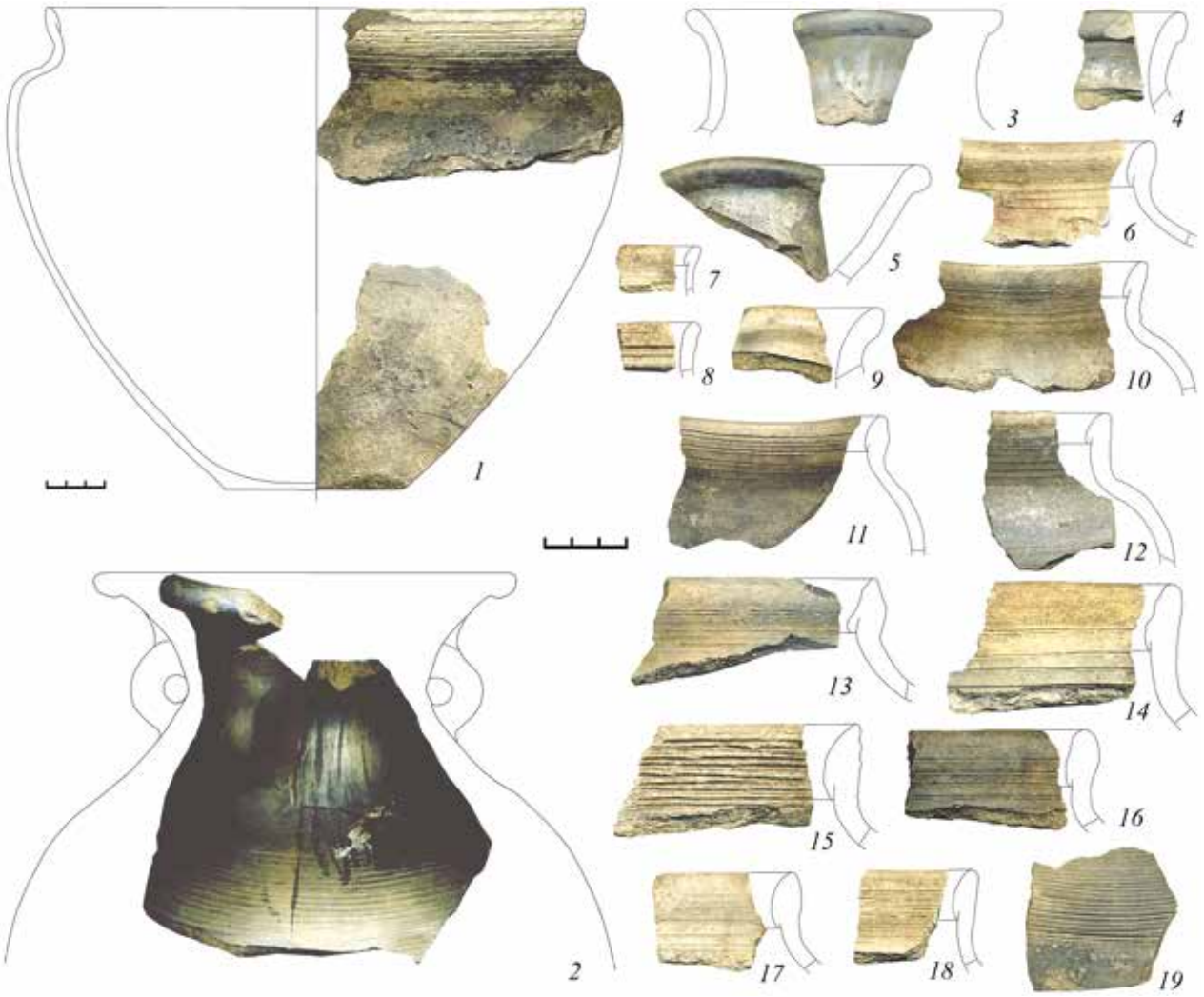

Рис. 12. Круговая керамика из заполнения 1-го пласта ямы 12. Тихий Угол 1

кувшинов (рис. 13, *21, 22*), в одном случае, возможно, с красным ангобом (рис. 13, *21*).

Заполнение второго пласта представляет собой сильно гумусированную жирную супесь с включением золы, угольков, комков обожженной глины, костей животных и обломков керамики. В юго-восточном углу хорошо просматривается грабительская яма. В центральной части пласта располагается обширное пятно неправильной формы жирного гумуса с обильной примесью печной золы, угольков и комков обожженной глины. В нем также находились два печных кирпича (рис. 18, *1, 2*). Кирпичи несут на себе следы извести, которой покрывалась печь.

Во втором пласте найдена железная подковка от сапожного каблука (рис. 14, *1*). Из 129 фрагментов керамики 20 представляют собой венчики, относящиеся к следующим классам: класс 3 – вертикальные венчики с заворотом чернового края внутрь (рис. 14, *3*). Один венчик от сероморенного кувшина (рис. 14, *2*), Два фрагмента стенок от сероморенного кувшина (рис. 14, *4*) и от черноморенного кувшина (рис. 14, *5*).

Заполнение третьего пласта представляет собой сильно гумусированную жирную супесь с включением золы, угольков, комков обожженной глины, костей животных и обломков керамики. В центральной части пласта располагается обширное пятно в виде слоя печной золы, угольков серповидной формы. Длина слоя – до 1,32 м. Из него происходит один печной кирпич. В слое найдена эллипсоидная продольноребристая, образующая в поперечном разрезе розетку бусина из кашина (рис. 14, *6*), костяной кочедык (рис. 14, *7*). Из 185 фрагментов керамики четыре обломка стенок лепных сосудов древнемордовской культуры, тесто черепков плотное с примесью шамота; 30 представляют собой венчики, относящиеся к классу 3 – вертикальные венчики с заворотом чернового края внутрь

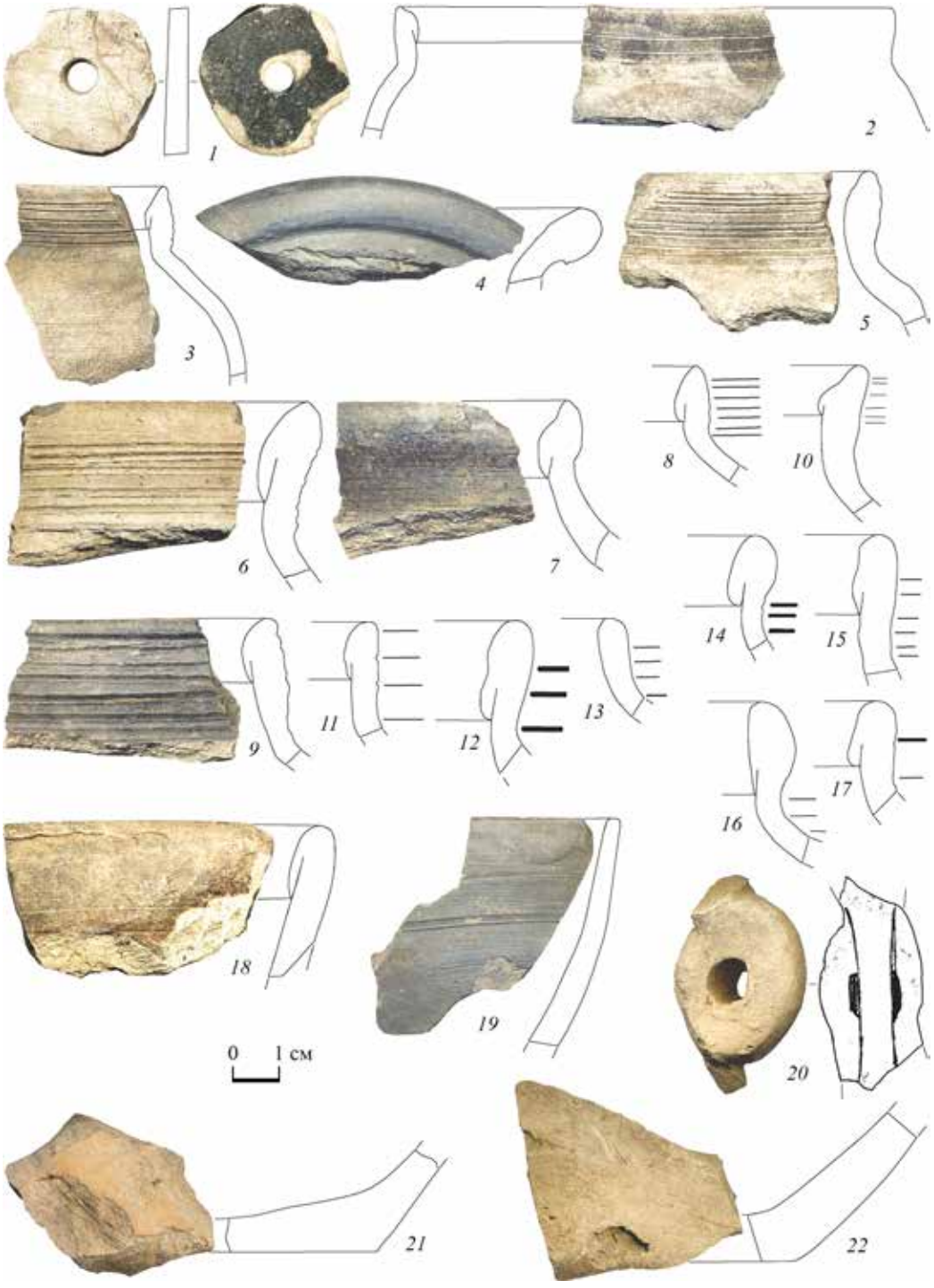

Рис. 13. Керамические материалы из заполнения ямы 11, 1-й пласт. Тихий Угол 1

(рис. 14, *8–11*); фрагмет дна краснолощеного сосуда (рис. 14, *15*); 150 фрагментов стенок круговых сосудов; 36 целых или обломков костей животных, в том числе кальцинированные; шесть крупных комков обожженной глины.

Заполнение четвертого пласта представляет собой сильно гумусированную жирную супесь с включением золы, угольков, комков обожженной глины, костей животных и обломков керамики. В центральной части пласта располагается обширное пятно в виде слоя печной золы с угольками серповидной формы. Длина слоя – до 1,08 м. В этом слое найден еще один печной кирпич (рис. 18, *4*).

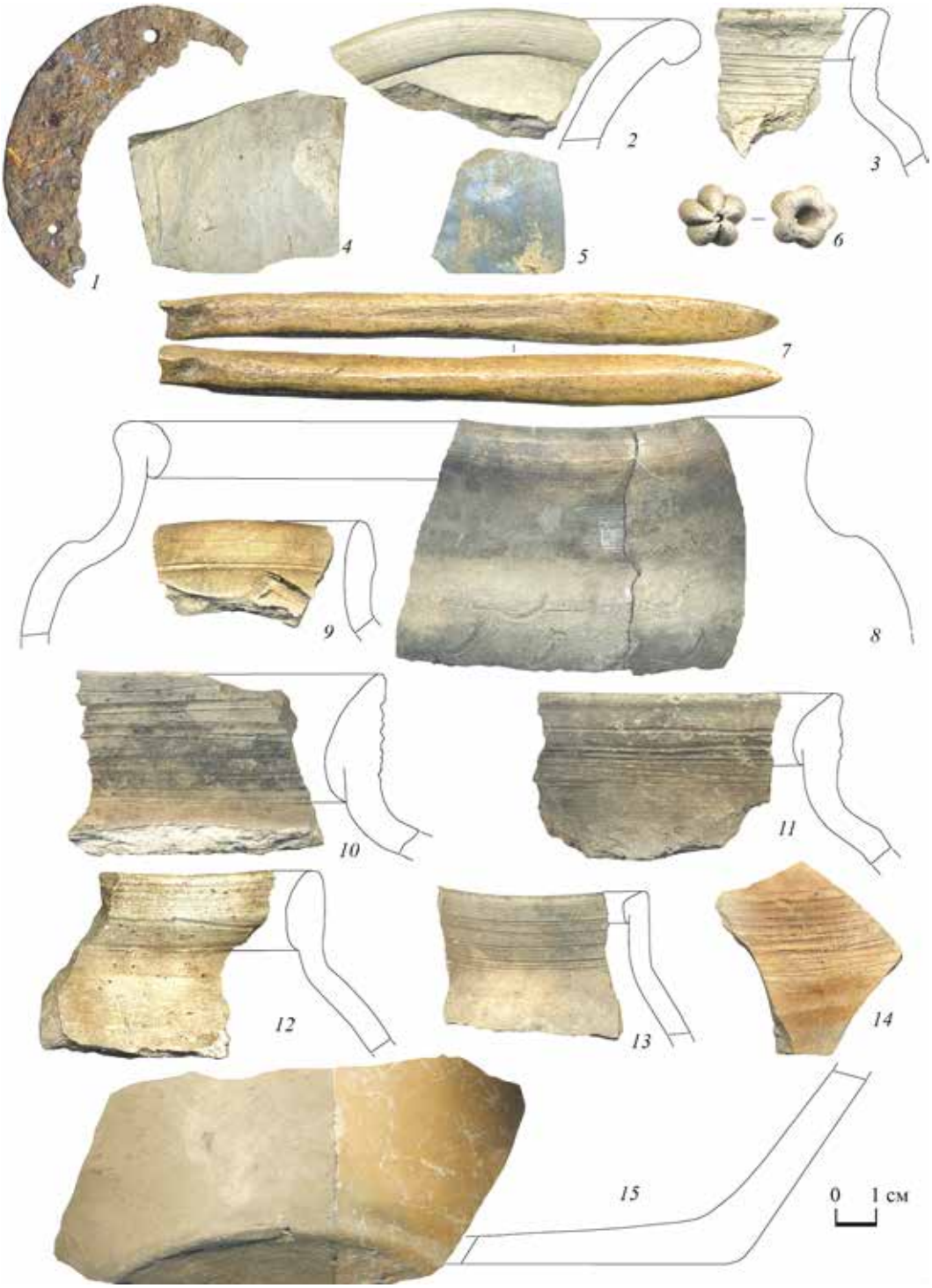

Рис. 14. Материалы из заполнения ямы 11. Тихий Угол 1
1–5 – 2-й пл. 2; *6–15* – 3-й пл. 3. *1* – железная подковка; *6* – фаянсовая бусина; *7* – костяной кочедык

В слое найден нательный крест, деформированный в результате воздействия огня (рис. 15, *1*). Из 227 фрагментов керамики 29 представляют собой венчики, относящиеся к классу 3 – вертикальные венчики с заворотом чернового края внутрь (рис. 15, *2–4*). Фрагмент венчика сероморенного кувшина (рис. 15, *5*). Девять обломков донцев круговых сосудов простой формы, 195 фрагментов стенок круговых сосудов без орнамента, в том числе два крупных фрагмента чернолощеного кувшина

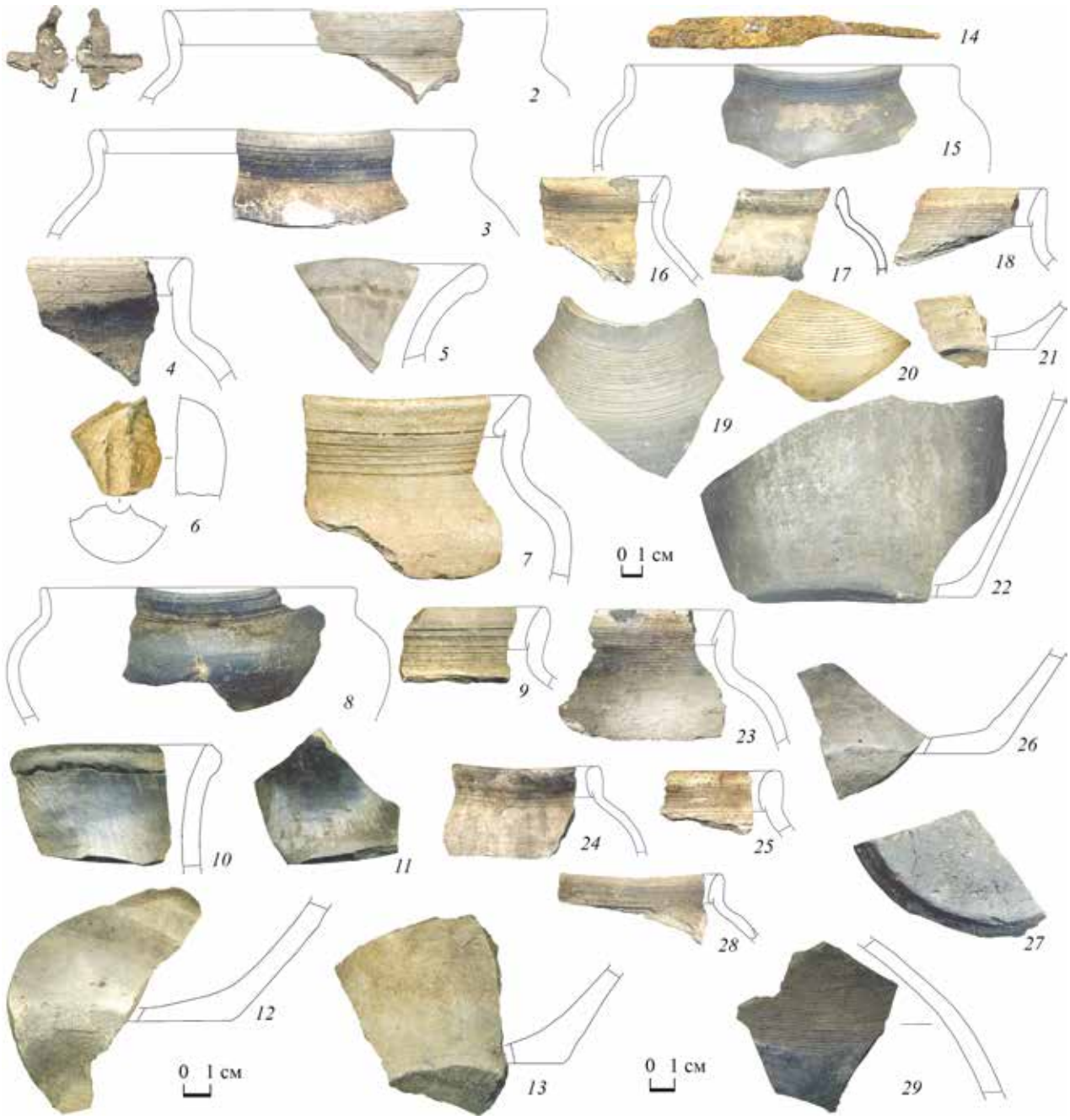

Рис. 15. Материалы из заполнения ямы 11. Тихий Угол 1
1–5 – 4-й пл.; *6–13* – 5-й пл.; *14–22* – 6-й пл.; *23, 26–27* – 7-й пл.; *24–25, 28–29* – 8-й пл.
1 – оплавленный оловянный нательный крест; *6* – фр-т керамического грузила; *14* – железный нож

и одного фрагмента красно-коричневого лощеного сосуда с красным ангобом; 38 целых или обломков костей животных, в том числе и кальцинированные; 18 крупных комков обожженной глины.

Заполнение пятого пласта составляет сильно гумусированная жирная супесь с включением золы, угольков, комков обожженной глины, костей животных и обломков керамики. В слое найден фрагмент керамического грузила для сетей (рис. 15, *6*). Из 108 фрагментов керамики 29 представляют собой венчики, относящиеся к классу 3 – вертикальные венчики с заворотом чернового края внутрь (рис. 15, 7–*9*). Фрагмент венчика черноморенного кувшина (рис. 15, *10*). Девять обломков донцев круговых сосудов простой формы, 195 фрагментов стенок круговых сосудов без орнамента, в том

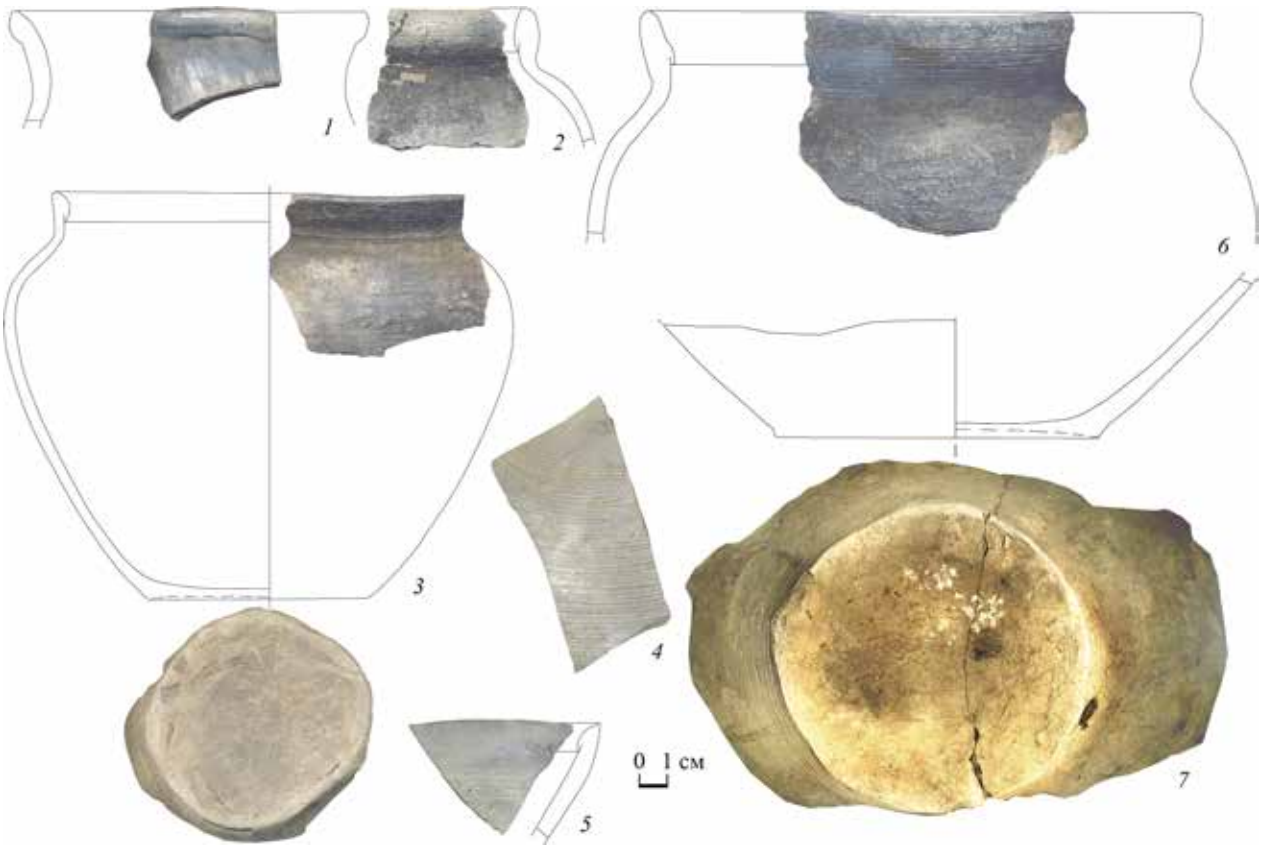

Рис. 16. Круговая керамика со дна ямы 11. Тихий Угол 1

числе один крупный фрагмент чернолощеного кувшина (рис. 15, *11*), два фрагмента днищ простой формы (рис. 15, *12, 13*). Шестнадцать целых или обломков костей животных, в том числе кальцинированные; три крупных комка обожженной глины.

Заполнение шестого пласта представляет собой сильно гумусированную жирную супесь с включением золы, угольков, комков обожженной глины, костей животных и обломков керамики. В центральной части ямы обнаружено скопление комков обожженной глины округлой формы размером 0,28×0,26 м и толщиной до 0,08 м. Предположительно это небольшая часть разобранной печи. В слое найден железный клиновидный в сечении нож с черешком, передняя часть ножа утрачена (рис. 15, *14*). Из 55 фрагментов керамики 15 представляют собой венчики, относящиеся к классу 3 – вертикальные венчики с заворотом чернового края внутрь (рис. 15, *3–5*). Три обломка донцев круговых сосудов простой формы (рис. 15, *21*), в том числе один от чернолощеного кувшина (рис. 15, *22*), 37 фрагментов стенок круговых сосудов без орнамента, в том числе один крупный фрагмент чернолощеного кувшина (рис. 19), один от светло-серого лощеного кувшина; восемь целых или обломков костей животных; два крупных фрагмента древесного угля и крупный комок обожженной глины.

Заполнение седьмого пласта представляет собой гумусированную супесь с включением золы, светло-серой материковой супеси, угольков, комков обожженной глины, костей животных и обломков керамики. Культурный слой концентрируется в северной части ямы. Южная часть представляет собой затек. Из 60 фрагментов керамики семь представляют собой венчики, относящиеся к классу 3 – вертикальные венчики с заворотом чернового края внутрь (рис. 15, *23*). Два обломка донцев круговых сосудов простой формы сероморёных кувшинов (рис. 15, *26, 27*), 51 фрагмент стенок круговых сосудов без орнамента, девять целых или обломков костей животных, четыре крупных комка обожженной глины.

Заполнение восьмого пласта представляет собой среднегумусированную супесь с включением золы, светло-серой материковой супеси, угольков, комков обожженной глины, костей животных и обломков керамики. Культурный слой концентрируется

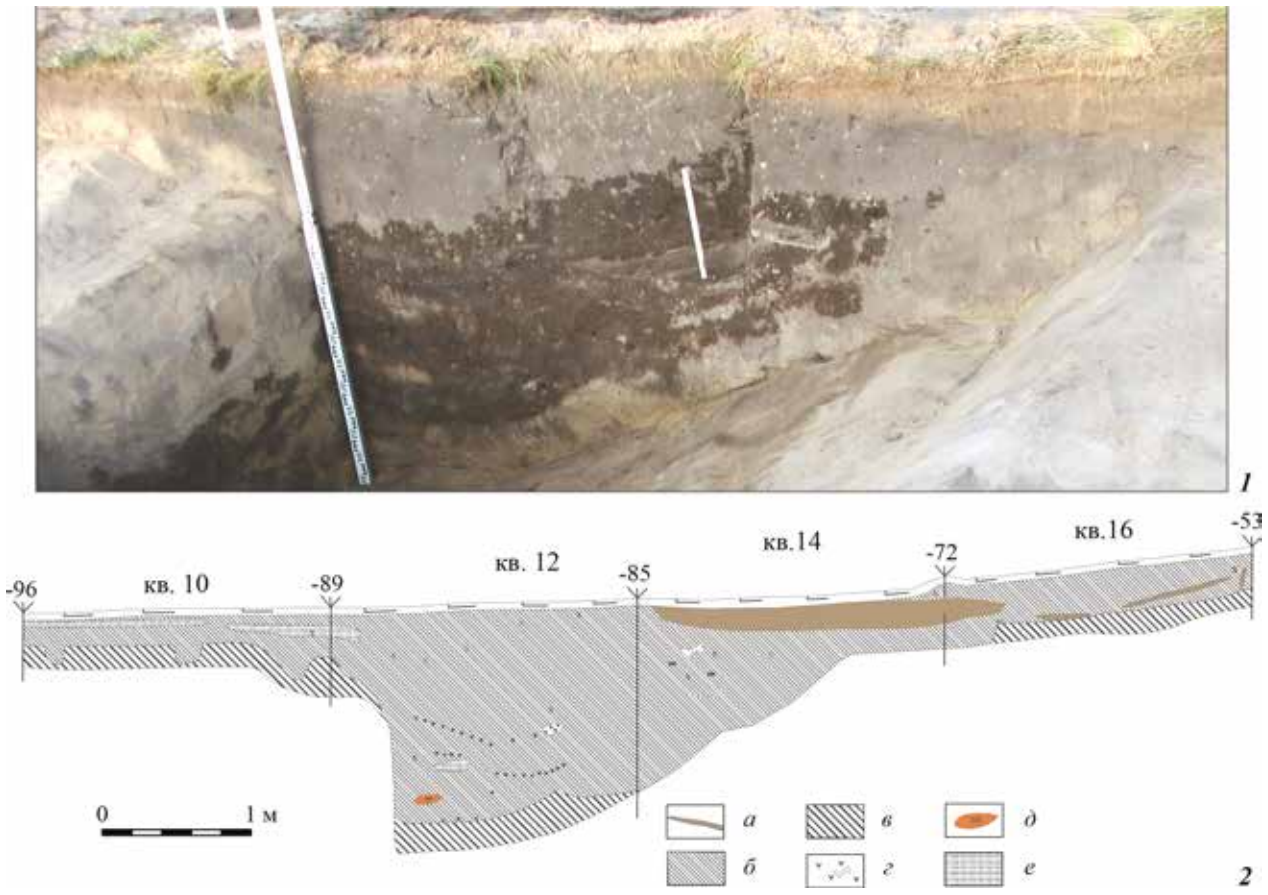

Рис. 17. Профиль подпольной ямы постройки по уровню пола (яма 11)
а – прослойка погребенного мха с включением супеси; *б* – темно-серая гумусированная супесь; *в* – серая гумусированная супесь; *г* – угли, кости животных; *д* – линза обожженной глины; *е* – светло-серая супесь

в северной части ямы. Южная часть представляет собой затек материковой супеси.

Из 50 фрагментов керамики девять представляют собой венчики, относящиеся к классу 3 – вертикальные венчики с заворотом чернового края внутрь (рис. 15, *25, 28*; 16, *2, 3, 6)*. Фрагмент венчика чернолощеного кувшина (рис. 16, *1*), фрагмент венчика серого мореного кувшина (рис. 16, *5*). Два обломка дна круговых сосудов простой формы (рис. 16, *7*), 69 фрагментов стенок круговых сосудов без орнамента, в том числе один крупный фрагмент чернолощеного кувшина (рис. 15, *29*), один от светло-серого лощеного кувшина (рис. 16, *4*). Пять целых и обломков костей животных. Два крупных фрагмента древесного угля.

При зачистке дна ямы выявлено днище кругового сосуда (рис. 16, *7*), стоявшего в небольшом углублении (рис. 2), а также венчик кругового сосуда, относящегося к классу 3 – вертикальные венчики с заворотом чернового края внутрь (рис. 16, *6*). Поверхность сосуда несет следы нагара, тесто сильно запесочено.

После зачистки ямы 11 с удалением затека установлены ее изначальные параметры: ширина и длина по верху – 4,00×3,96 м. Ширина и длина у основания – 2,77×2,70 м. Основание представляет собой прямоугольник, куда был опущен сруб, состоявший из угловых вертикальных бревен, в которые вставлялись поперечные бревна. Присутствие последних зафиксировано в виде слоя тонированного песка вдоль стенок ямы (рис. 2). Ширина цветовых полос – до 0,15 м, в углах заметны округлые отпечатки от столбов диаметром до 0,25 м.

В восточной части ямы 11 зафиксированы две небольшие ямы. Яма 38 подпрямоугольной, вытянутой по линии запад – восток формы, размером 0,5×0,6 м. Углублена в материк на 0,15 м ниже уровня фиксации. Стенки покатые, дно плоское. Заполнение – слабогумусированная супесь. Находок нет.

Яма 39 прямоугольной, вытянутой по линии запад – восток формы, размером 0,45×0,6 м. Углублена в материк на 0,25 м ниже уровня фиксации.

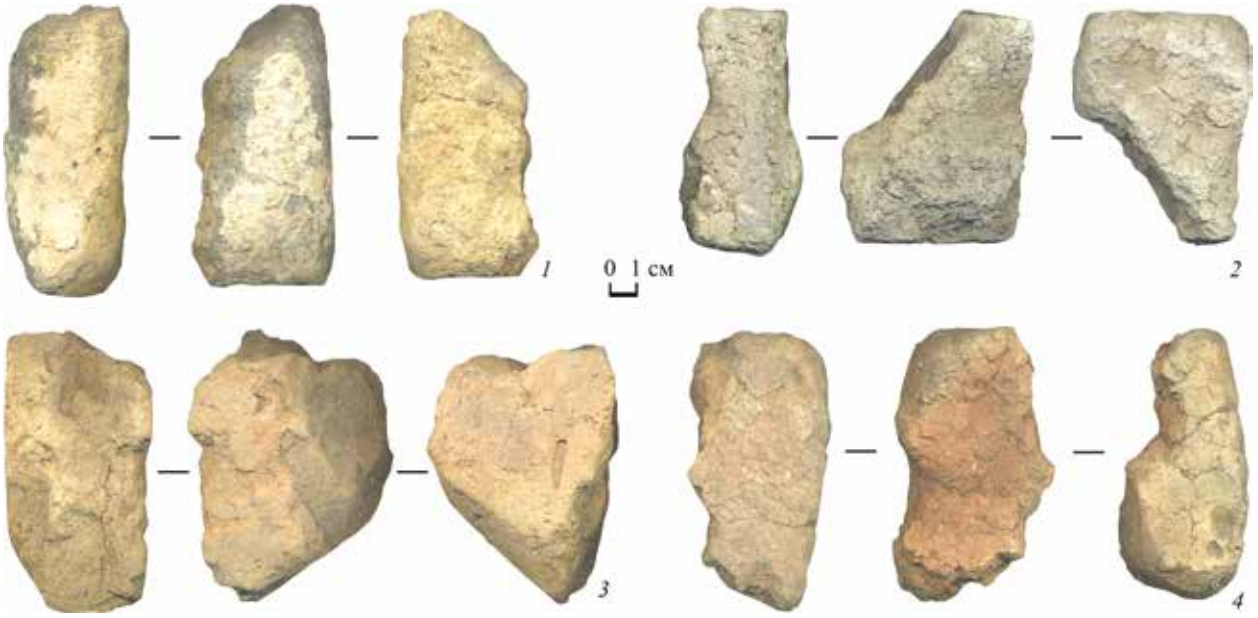

Рис. 18. Печные кирпичи из заполнения подпольной ямы. Тихий Угол 1

Восточная стенка вертикальная, западная покатая, плавно спускающаяся ко дну. Заполнение – гумусированная супесь. Находок нет.

Предположим, что эти ямы образовалась от воздействия стоявшего здесь приспособления (лестницы).

Отметим, что непосредственно над ямой находилось отопительное устройство – печь, об этом говорят обширное угольно-зольное пятно, образовавшееся при неоднократной чистке печи в районе устья и отдельные кирпичи от разобранной печи, попавшие в заполнение ямы 11, а также печная зола и угли в заполнении ямы. По периметру подпольной ямы располагаются столбовые ямы, образуя прямоугольник со сторонами 4,8×7,4 м (угловые ямы № 9, 16), а также ямы № 10, 27, 28, 29, 30, остальная часть постройки уходит в восточный борт. Это следы опорных столбов наземной конструкции сооружения. Впечатляют размеры постройки. Даже без учета уходящей в борт части площадь дома составляет 35,5 кв. м, что нетипично для жилых домов начала XVII в. в верховьях Цны. Например, постройка того же времени поселения Студеновка 3 в верховьях р. Воронеж составляет всего 8,25 кв. м (*Андреев, Бессуднов*, 2001. С. 243).

Обширное углубление в северо-восточной части раскопа выявлено при зачистке основания второго пласта (рис. 2). Углубление уходит в северный и восточный борта (яма 12). При зачистке материка установлены ее размеры: 5,80×8,45×5,10 м. Углублена в материк на 0,18 м. Стенки покатые, дно плоское. Заполнение – гумусированная жирная супесь.

Всего из ямы извлечено 29 венчиков круговых сосудов, 13 фрагментов днищ, 177 фрагментов стенок, 28 фрагментов костей животных, два крупных фрагмента древесного угля, 14 крупных комков обожженной глины.

Венчики, найденные в заполнении ямы 12, относятся к следующим классам: класс 3 – вертикальные венчики с заворотом чернового края внутрь (рис. 12, *1*, 6–7, *10–18*; 19, *5–8*); класс 1 – вертикальные венчики без следов чернового края (рис. 12, *8*).

Один венчик от серолощеного кувшина (рис. 12, *9*), пять от чернолощеных кувшинов (рис. 12, 3, *4*; 19, *1, 2*), крупный фрагмент венчика чернолощеной крынки (рис. 12, *2*), венчик от чернолощеной миски (рис. 12, *5*). Фрагмент дна от чернолощеного кувшина (рис. 19, *4*), 12 фрагментов дна простой формы. Один из сосудов формовался на песчаной подсыпке, в одном случае, возможно, от красноглиняного кувшина. Из фрагментов стенок круговых сосудов отметим обломки чернолощеных кувшинов (рис. 12, *9*; 19, *3*).

Посуда выполнена гончарами из беложгущейся глины. От посуды Тулы она отличается весьма слабо, фактически отличия имеют частный характер.

В целом, сопоставляя керамику поселения Тихий Угол 1 с материалами Тульской земли, можно датировать всю эту коллекцию в рамках второй половины XVI – начала XVII в. Большинство сосудов

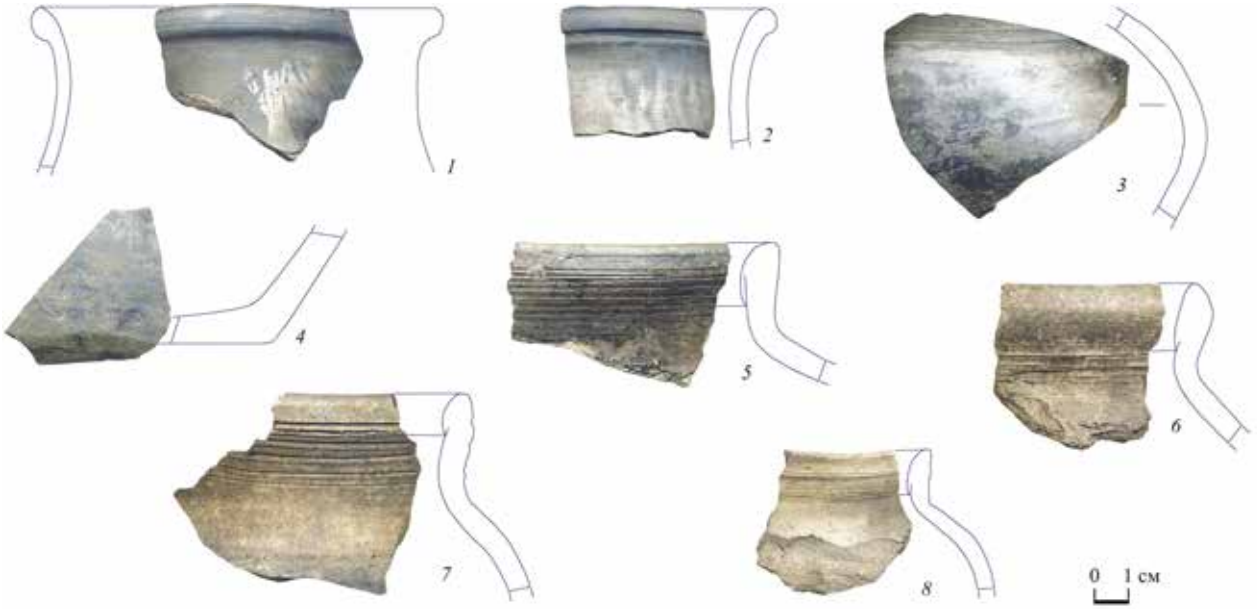

Рис. 19. Круговая керамика из заполнения 2-го пласта ямы 12. Тихий Угол 1

орнаментировано прочерченной линией в нижней и средней частях шейки сосуда, что характерно для второй половины XVI – начала XVII в. (*Зацаринный, Екимов, Шеков,* 2007. С. 133). Отдельные венчики горшков с частым рифлением по шейке, конечно, бытовали и позднее, но появляются они уже на рубеже XVI–XVII вв. (*Зацаринный, Екимов, Шеков,* 2007. С. 149).

Непривычными выглядят общие пропорции сосудов: для рубежа XVI–XVII вв. должны быть более приземистыми. Они тяготеют ближе к середине XVI в., хотя возможно, что в нашем регионе развитие гончарного круга могло проходить с небольшим запаздыванием. Немного архаично выглядят слегка отогнутые наружу венчики горшков. Архаичны и донца с ложным поддоном (*Зацаринный,* 2002, С. 258).

Крынки с петельчатыми ушками имеют восстановительный обжиг. В Туле в XVI в. все они характеризуются окислительным обжигом и отсутствием какого-либо лощения. Возможно, это опосредованное влияние Рязани на формирование облика посуды данного типа. В XVII в. (после Смутного времени) в тульском регионе крынки в основном уже замещаются лощеными кувшинами с плоскими дуговидными ручками (*Зацаринный, Екимов, Шеков,* 2007. С. 159).

Учитывая находку большого количества нательных крестов, элемента церковного богослужения, находки денег, специфичных печаток, большую площадь строения с включением системы столбовых ям, выскажем предположение, что эта постройка является остатками церкви или домом священника. Уход людей отсюда, равно как и появление стрел и пуль, связаны, видимо, с участившимися набегами татар. С 1643 г. татарские набеги на Тамбовский край становятся регулярными. В 1644 г. татары приходили на Лысые Горы. Между Спорным и Сухим острожками 31 июля 1644 г. прошло более 5 тыс. татар, они приходили под села Танбов и Кузьмино-Гать, а также Тамбов. В 1645 г. на русские земли напало 30 тыс. кочевников, часть из них направилась в глубь Козловского уезда, но потерпела поражение. В 1648 г. татары напали на Тамбовский уезд через Моршенские ворота и подошли к с. Морша. В 1653 г. они напали на козловских казаков в районе р. Тогайки. В 1656 г. татары в августе приходили под Тамбов, прокопав вал, и взяли большой полон (*Новосельский,* 1948. С. 338).

Возможна и другая причина ухода людей с этого места. По мнению Ю. А. Мизиса, основным фактором, повлиявшим на переход людей на левобережье, было изменение климата, связанное с наступлением малого ледникового периода (*Мизис,* 2022. С. 109). Похолодание и, как следствие, повышение влажности и уровня грунтовых вод приводили к постоянному заливанию правобережной поймы Цны, что делало невозможным дальнейшее обитание здесь людей. В этих условиях высокий левый берег был более пригоден для основания поселений и жизнедеятельности (*Мизис,* 2022. С. 110).

Литература

Андреев С. И., Бессуднов А. Н., 2001. Постройка XVII века с дымоходом на поселении Студёновка 3 // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк: Липецкий пед. унив., Гос. дирекция по охране культурного наследия Липецкой обл. С. 243–248.

Андреев С. И., 2021. Отчет о раскопках поселения-1 у п. Тихий Угол Тамбовского района Тамбовской области в 2021 году / Архив ИА РАН. Р-1.

Гнутова С. В., Зотова Е. Я., 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века из собрания центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.: Интебрук-бизнес. 127 с.

Двуреченский О. В., 2015. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Музей-заповедник «Куликово поле». 498 с.

Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. (Археология). 368 с.

Зацаринный С. В., 2002. Керамический комплекс раннего этапа заселения Тульского кремля (по материалам постройки № 4 // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Тула: Музей-заповедник «Куликово поле». 292 с.

Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Шеков А. В., 2007. Круговая посуда XVI–XVII вв. из культурного слоя Тульского кремля (по материалам раскопок 1999–2000 гг.) // Позднесредневековый город: археология и история. Ч. 1. Тула: Музей-заповедник «Куликово поле». С. 132–206.

Иванов П. П., 1939. Отчет экспедиции по археологическим разведкам в бассейне реки Цны от г. Тамбова до г. Моршанска от 5-го Сентября до 22-го Сентября 1939 г. / Архив Тамбовского обл. Краеведческого музея. Д. № 563.

Игошев В. В., Макаров Е. Е., 2012. Кадило // Православная энциклопедия. Т. XXIX. М.: Православная энциклопедия. С. 83–86.

Коваль В. Ю., 2016. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН. 128 с.

Мизис Ю. А., 2022. На южных рубежах Московского государства. Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 года). Тамбов: Изд. дом «Державинский». 236 с.

Никитин А. В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. (САИ. Вып. Е1-34). 84 с.

Новосельский А. А., 1948. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л.: АН СССР. 448 с.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. (САИ. Вып. Е1-36). 184 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2 (К–Я). М.: Советская энциклопедия, 1988. 719 с.

Терехова Н. В., 2010. Отчет о разведочных работах археологической экспедиции Отдела охранных раскопок ИА РАН под руководством Н. В. Тереховой на территории Тамбовского района Тамбовской области в 2010 г. / Архив ИА РАН. Р-1.

S. I. Andreev

Early 17th-Century Construction of the Settlement of Tikhiy Ugol 1

Summary

This article is dedicated to the archaeological excavations conducted by Tambov State University in June 2021.

The cultural layer of the excavation site is extremely rich in finds. A total of 6,260 ceramic fragments, 85 items made of stone, clay, glass, silver, bronze, copper, and bone, 769 fragments of clay and iron slag, and bones of domestic and wild animals were recovered from the ground. The excavation site revealed traces of a short-term presence on this dune by representatives of the Early Mordovian culture in the 6th – 7th centuries.

The appearance of a residential courtyard or other buildings here can be linked to the founding of the town of Shatsk in 1553 and the subsequent active development and settlement of the upper and middle reaches of the Tsna River by Russians.

Overall, given the discovery of a large number of pectoral crosses, elements of church worship, money, specific seals, and the large area of the structure with the inclusion of a posthole system, we suggest that this building is the remains of a church or a priest's house.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.307-315

Т. О. Галкин
Коломенско-Зарайский государственный музей-заповедник (г. Зарайск, Московская обл.)

Перстень с сюжетом «Суд царя Соломона» из раскопок в Зарайске

В 2024 г. экспедиция ИА РАН проводила охранные раскопки в Зарайске в связи с реконструкцией и расширением под гостиницу частично сохранившегося фундамента дома конца XIX в. площадью 166 кв. м (ул. Красноармейская, 14). Раскоп площадью 270 кв. м заложен на месте предполагаемой пристройки во дворе существовавшего дома, на разных участках он пройден на глубину до 170 см (в материковых углублениях) (рис. 1; 2). На данный момент это самый крупный по площади раскоп на территории Зарайска за пределами городских укреплений [1].

Новая Ильинская слободка известна по данным письменных источников с 1612 г., когда по благословлению архиепископа Рязанского Феодорита и «по челобитью тое церкви прихожен посадцких людей Гришки Повалишина с товарищи во 120 году» заложили деревянную церковь за пределами Зарайского острога. Писцовая книга 1624/25 гг. сообщает: «За острогом по Коломенской дороге в Новой Ильинской слободке в Уракове конце: церковь во имя св. Пророка Ильи да предел Чудотворца Николы…» В этой слободке, судя по описанию, находился двор «архиепискупа рязанского Онтония» «на левой стороне на горе», а за ним шли дворы тяглых людей, числом до 52 (Зарайск, 1883. С. 12, 15). Территорию слободки, погибшей в большом пожаре 4 мая 1774 г., занимали кварталы регулярной планировки [2].

Контекст обнаружения находки

Находка обнаружена в придонной части ямы 6, целиком попавшей в кв. Е-5. Яма 6 – небольшая столбовая (?) яма, выкопанная в голоценовой почве. Размеры – 40×40 см. Стенки ямы пологие, дно плоское. Сохранившаяся глубина ямы – не более 3–4 см, что связано с многочисленными более поздними перекопами участка. Заполнение – желтоватая опесчаненная супесь с вкраплениями материкового суглинка (рис. 3, *1–3*). На дне ямы находился рассматриваемый в статье перстень, утопленный в материк (рис. 3, *4, 5*). Более никаких находок в заполнении ямы не встречено.

Яму 6 перекрывал выброс из более поздней ямы 2 (рис. 4, *1–3*), расположенной в 20 см к юго-западу. Яма 2, в свою очередь, имеет подпрямоугольную форму, с закругленными углами, размеры – 160×110 см, глубина в восточной части – 77 см, в западной – 95 см. Заполнение ямы – мешаный темный суглинок с палевым суглинком (рис. 4, *4*). Стенки ямы пологие, дно плоское, с понижением в западной половине ямы (рис. 5, *А*). В верхней части заполнения зафиксировано большое количество современного стекла и разновременная керамика. Среди индивидуальных находок можно отметить железную ручку от сундучка (рис. 5, *1*), фрагмент железной подковы (рис. 5, *2*), железную вилку (рис. 5, *3*), железный предмет (предположительно лезвие лучкового сверла) (рис. 5, *4*), железное зубило (рис. 5, *5*), нижняя часть чашечки красноглиняной «турецкой» курительной трубки (рис. 5, *6*) и, видимо, попавший в заполнение ямы из множественных перекопов фрагмент кремневого долотовидного (предположительно мезолитического) орудия (рис. 5, *7*). По всей видимости, датировать яму 2 можно XIX в.

---

[1] Зарайской археологической экспедицией ИА РАН руководил канд. истор. наук С. Ю. Лев. Руководство работами на раскопе и камеральную обработку полученных материалов осуществил автор статьи. Выражаю С. Ю. Льву благодарность за возможность использовать неопубликованный материал.

[2] РГИА. Ф. 1293 (1774). Оп. 168. Д. 11.

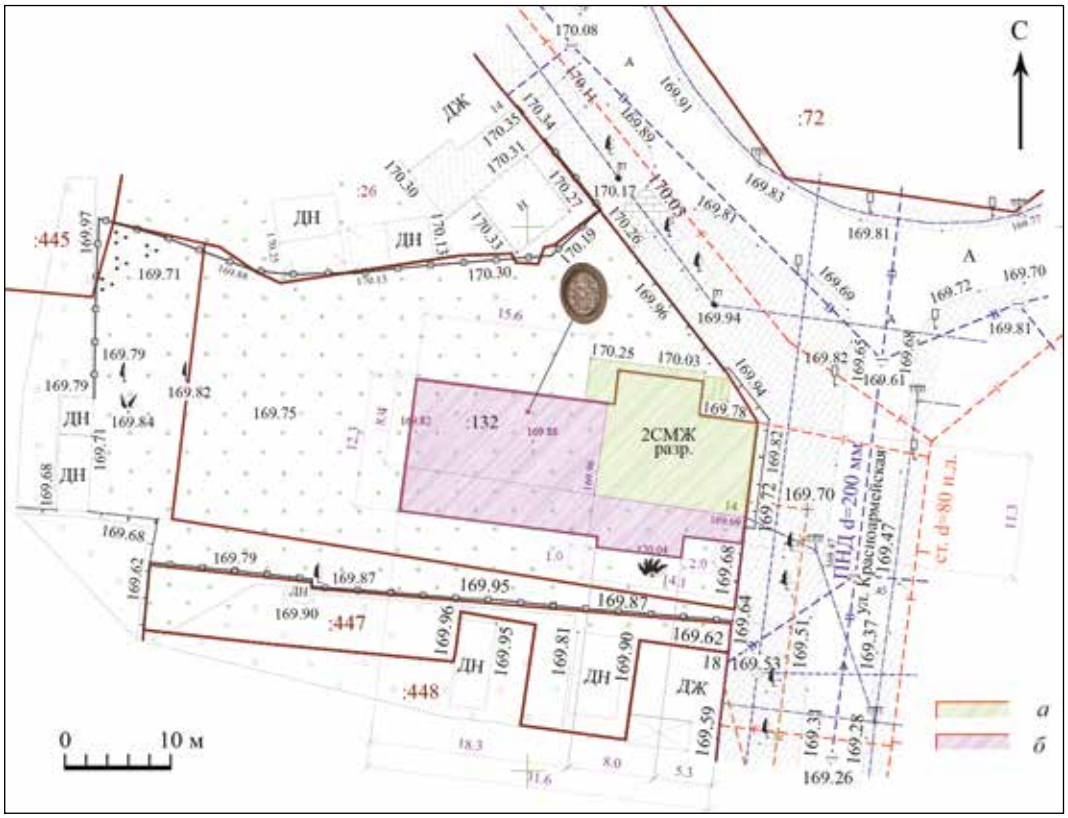

Рис. 1. Схема участка проектируемых работ и пятна застройки на топоплане
а – здание, подлежащее реконструкции; *б* – пристраиваемая часть здания

Таблица 7. **Результаты РФА металла перстня из раскопок в Зарайске в 2024 г.**

Элемент	Содержание, %	
	Щиток	Шинка
Cu	84,29	84,64
Sn	0,22	0,14
Pb	10,86	7,28
Zn	1,24	6,03
Bi	0,08	0,07
Ag	0,33	0,37
Sb	0,21	0,13
As	0,00	0,00
Fe	2,58	1,12
Ni	0,00	0,03
Co	0,00	0,00
Au	0,00	0,00
Hg	0,20	0,17
Pt	0,00	0,00

Описание перстня

Цельнолитой перстень-печатка со вставкой стеклянной инталии в бронзовой оправе (рис. 3, *4, 5*). Размеры щитка перстня – 2,1×1,7×0,5 см. Щиток овальной формы, шинка (ободок) утрачена, сохранились только небольшие участки. Размеры шинки и ее диаметр установить сложно, в сохранившейся части ширина шинки составляет 0,5 см, толщина – 0,2 см. Диаметр перстня мог достигать 2,2–2,3 см, и в таком случае он предназначался для мужской руки.

Для исследования элементного состава вещества, из которого изготовлен перстень, проведен РФА с помощью спектрометра *M1 MISTRAL Bruker*[3]. Анализы взяты с двух точек: с оборотной стороны щитка и с места облома шинки (ободка) (рис. 6). Полученные данные отражены в таблице 1.

Ободок перстня выполнен из многокомпонентной бронзы. Содержание меди (Cu) – 84,29%, свинца (Pb) – 10,86%. Фиксируется незначительное содержание цинка (Zn) – 1,24% и олова (Sn) – 0,22%.

[3] Анализ проведен научным сотрудником отдела археологических памятников ГИМ А. О. Шевцовым, за что автор выражает ему глубокую благодарность.

Рис. 2. Фотограмметрическая модель раскопа. Место находки перстня отмечено красным кружком

Щиток перстня также выполнен из многокомпонентной бронзы с чуть большим содержанием цинка (6,03%). В обеих пробах присутствует незначительное (0,33 и 0,37%) содержание серебра (*Ениосова, Митоян, Сарачева,* 2008. С. 129. Табл. 2.7).

Вставкой в перстень служил литик овальной формы из прозрачного бесцветного стекла (размеры – 1,4×1,1 см) в довольно хорошем состоянии, лишь слева заметна небольшая трещина. Присутствуют дефекты литья: у стекла неоднородная поверхность, а справа крупный разрыв вследствие возникновения воздушного пузырька. По состоянию стекла сложно судить о качестве матрицы, но основные детали сюжета узнаваемы. В центральной части композиции на гемме изображена стоящая человеческая фигура с мечом в поднятой руке, вторая рука опущена вниз, напротив – сидящая на троне фигура в длинных одеждах, по-видимому, царя. При использовании геммы в качестве печати возведенной рукой с мечом соответственно оказывалась правая рука. Сидящий человек, царь по всей видимости, держит в руке жезл. В нижней части геммы – лежащая фигура с поднятыми руками, согнутыми в локте.

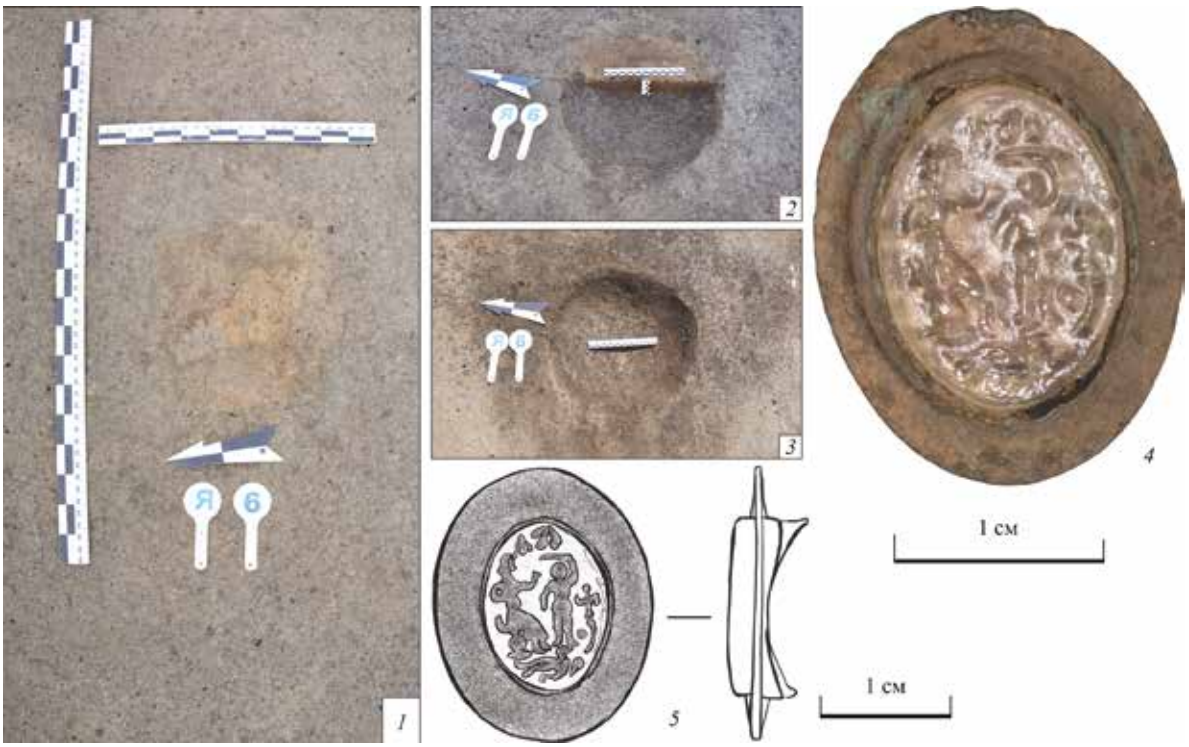

Рис. 3. Перстень с сюжетом «Суд царя Соломона» из раскопок в Зарайске в 2024 г.
1 – яма 6 на уровне голоценовой почвы, вид с востока; *2* – профиль ямы 6 по линии север – юг, вид с юго-востока; *3* – яма 6 (поверхность материка), вид с востока; *4* – перстень; *5* – прорисовка перстня (выполнена Е. В. Васильевым)

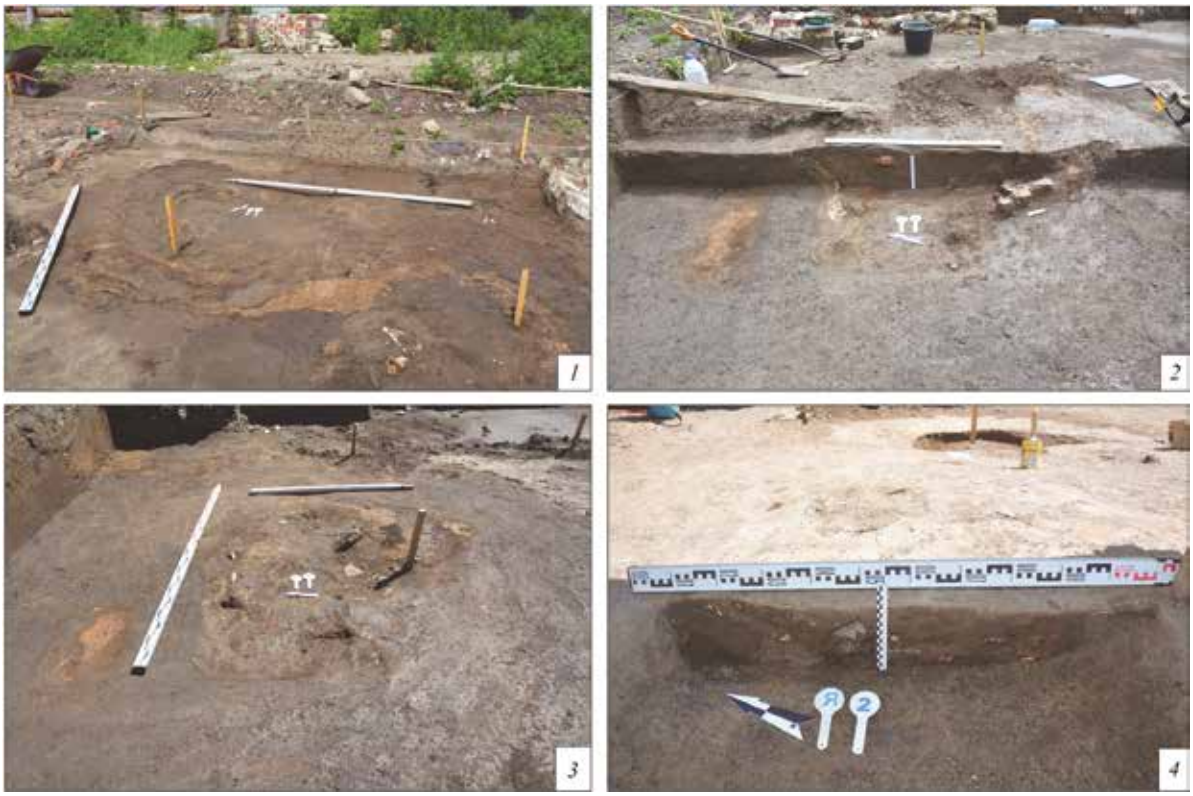

Рис. 4. Ямы 2 и 6
1 – общее пятно ям 2, 2а, 5, 6, 7 на уровне пласта 2, вид с юга; *2* – разбор пласта 2, взаиморасположение ям 2 и 6, вид с северо-востока; *3* – ямы 2 и 6 в голоценовой почве/предматерике, вид с востока; *4* – профиль ямы 2 по линии север – юг, вид с востока

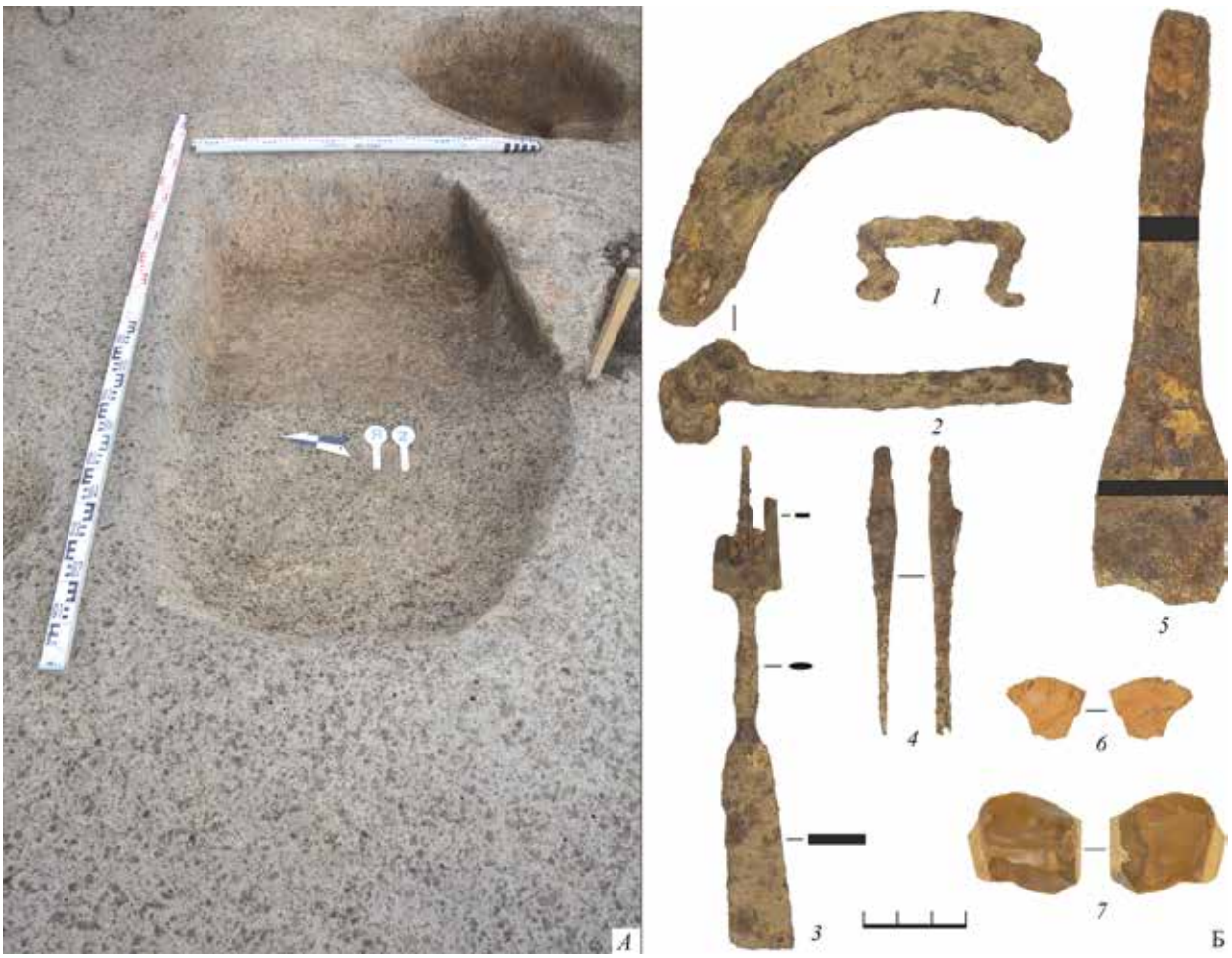

Рис. 5. Яма 2, вид с В (*А*). Индивидуальные находки (*Б*)
1–5 – железо; *6* – глина; *7* – кремень

Позади воина видна еще одна фигура, предположительно женская, с поднятой вверх левой рукой. Прочие детали изображения плохо просматриваются, что вызывает сложности в интерпретации. Сцена, представленная на перстне, вероятно, является одной из многих иллюстраций суда Соломона, известного библейского сюжета, получившего распространение на перстнях в XVII–XVIII вв. Судя по известным аналогиям, человек с мечом в левой (опущенной) руке удерживает младенца, а за его спиной должна быть еще одна фигура. Однако на нашем перстне фигура ребенка совершенно не читается. Внизу обычно изображалась женщина, стоящая на коленях, но в нашем случае она обращена лицом к царю и словно лежит ниц, припав к трону. Мотив известен не только на стеклянных и металлических щитках перстней, но также на шейных прикладных печатях и других памятниках искусства начиная с раннего Средневековья.

Типология и аналогии

Первый точно датированный оттиск подобной печати опубликовал П. И. Иванов (1858. Табл. XIX, *315*), он принадлежал стольнику и воеводе Дмитрию Ивановичу Лихареву. Дата документа, скрепленного этой печатью, 1696 г. Лихарев Дмитрий Иванович – стольник (1661–1692), воевода в Сургуте (1676) и, судя по сохранившимся документам, воевода в Великом Устюге в 1696 г. В архиве Великого Устюга хранится 18 документов, связанных с воеводой Д. И. Лихаревым, два из них скреплены черновосковой печатью воеводы с сюжетом «Суд царя Соломона». Это документы о выдаче похоронной памяти на устюжан Ивана Георгиева, сына Проскурякова, найденного мертвым, и Ивана Ильина, сына Гремячего, скоропостижно скончавшегося ночью в кабаке (рис. 7, *1*)[4].

Схожую печать для оттисков, находившуюся в Московском древлехранилище Архива МИД,

[4] МКАУ «Великоустюгский центральный архив». Ф. 627. Д. 14. Л. 76, 77.

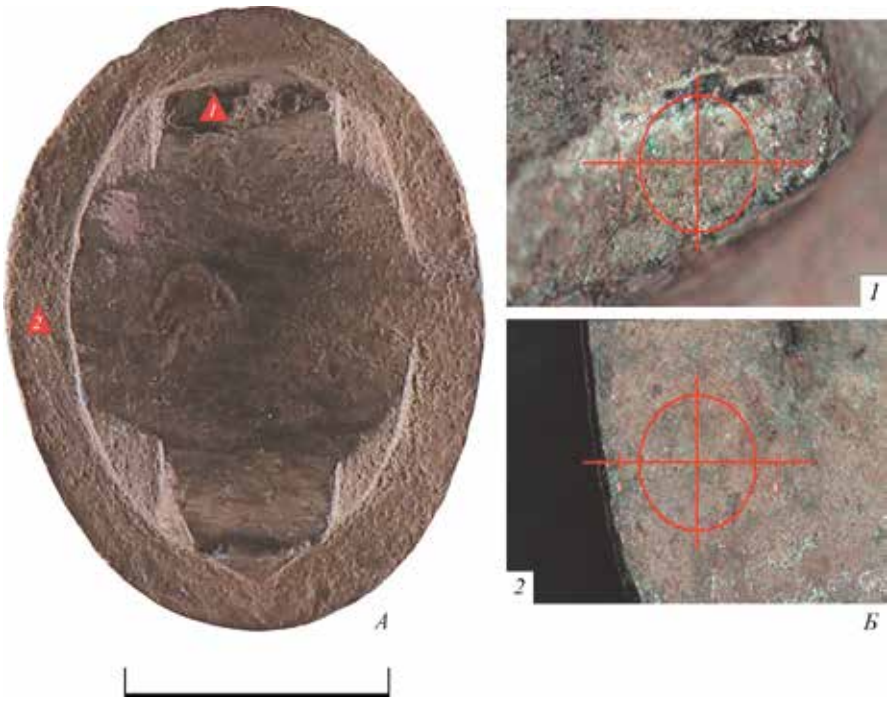

Рис. 6. Оборотная сторона (*А*) и макрофотографии ее деталей (*Б*).
Место РФА шинка (*1*) и щитка (*2*) перстня

Н. Г. Порфиридов отнес к XVII в. (*Порфиридов*, 1940. С. 36–37). В сюжете она содержала помимо композиции с сидящей фигурой две маленькие фигурки перед ней в обрамлении растительного орнамента и разбросанную по фону надпись «Велики Новъгородъ». Там же хранился перстень с интересующим нас сюжетом, неверно датированный XIV в. (Снимки древних русских печатей… 1882. Табл. 114). Это же изображение перстня опубликовал А. В. Чернецов, указав более вероятную датировку – XVI в. (*Чернецов*, 2004. С. 29) (рис. 7, *2*). Здесь нужно чуть более подробно остановиться на предложенной датировке. Отметим, что она нигде специально не объясняется: в публикации в подписи к иллюстрации указано: «Перстень с изображением суда царя Соломона (XVI в.)» (*Чернецов,* 2004. С. 29). Однако в самом тексте статьи, чуть ранее, А. В. Чернецов пишет: «…более вероятным кажется поздняя часть предложенной даты, т. е. середина – вторая половина XVII в.» (*Чернецов,* 2004. С. 28). Отметим, что прочие аналогии относятся исследователями к XVII – первой четверти XVIII в. Так как контекст нашей находки не позволяет нам уточнить датировку изделия, мы считаем возможным в рамках данной работы остановиться на широкой датировке предмета концом XVII – первой четвертью XVIII в.

Этот вопрос в историографии все еще недостаточно изучен, и у нас пока нет работ, посвященных геммам Московской Руси.

Совсем недавно был опубликован схожий перстень, правда, сюжет на нем расположен горизонтально (а не вертикально, как на экземпляре из Зарайска) относительно щитка. Это перстень из погребения Ат-Бырааn VI, расположенного в Якутии. Данный комплекс примечателен тем, что в состав погребального инвентаря вошли предметы, подаренные якутскому тойону Мазару Базекову (1633–1703 гг.) во время его поездки в Москву в 1677–1680 гг. Тойон удостоился аудиенции у царя Федора Алексеевича и был одарен богатыми подарками, среди которых источники отмечают ножи и перстень в дорогой оправе. Перстни с резными камнями фигурируют среди материалов могилы самого Мазары и женщины из Ат-Дабан-VI (рис. 7, 3; *Бравина, Прокопьева, Петров,* 2025. С. 121).

В 1964 г. на территории Нижегородского кремля В. Ф. Черников обнаружил металлическую шейную печать с интересующим нас сюжетом среди остатков построек XVI–XVII вв.[5] Печать из-за неправильного прочтения надписи на лицевой стороне он отнес к XVI в. (рис. 7, *4*; *Черников*, 1973).

[5] В настоящее время печать экспонируется в постоянной экспозиции НГИАМЗ «Град на усть Оки», расположенной в Никольской башне Нижегородского кремля. Выражаю благодарность сотруднице НГИАМЗ А. А. Швецовой за указание на это.

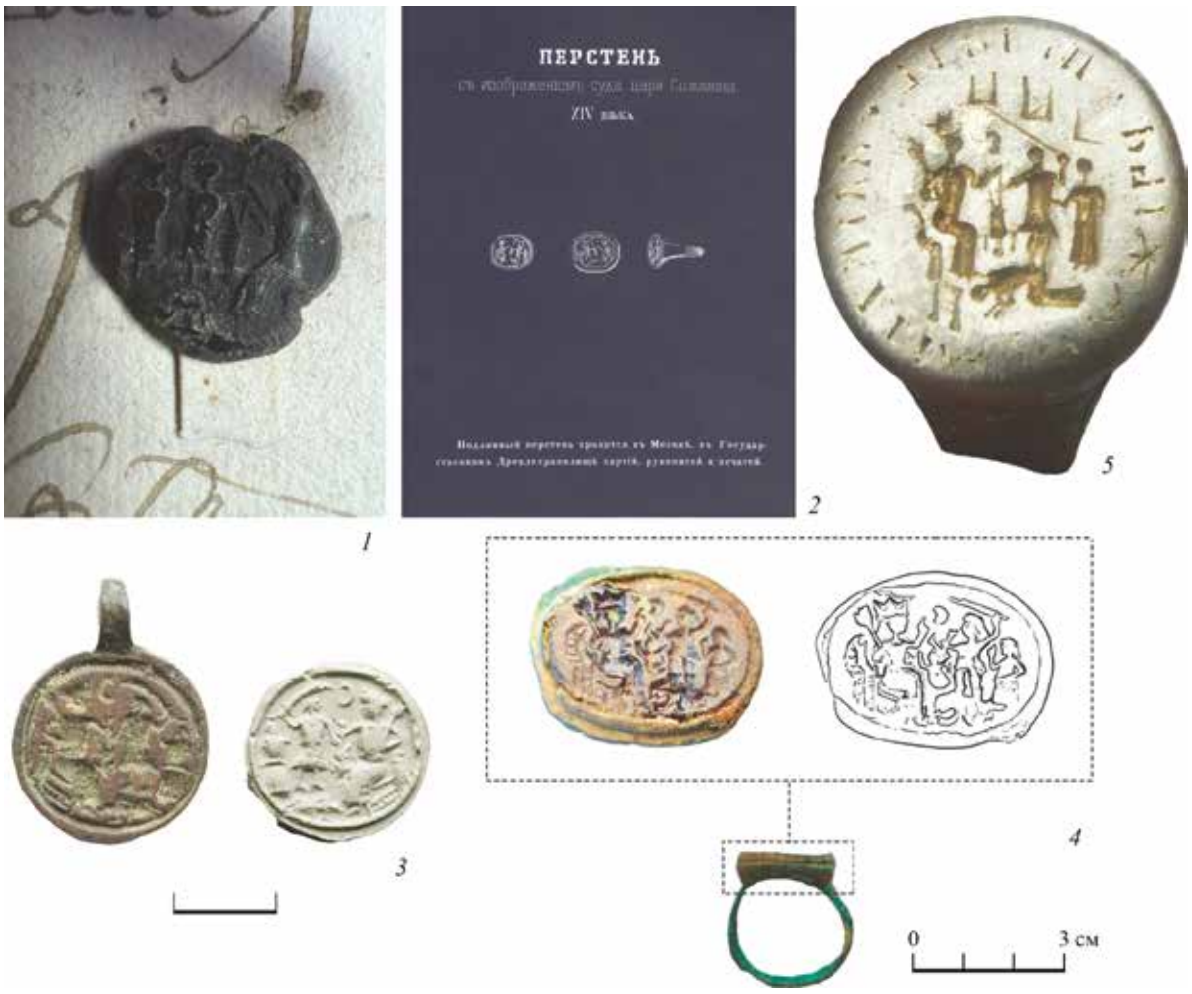

Рис. 7. Аналогии перстню

1 – печать стольника и воеводы Д. И. Лихарева (1698 г.); *2* – перстень с сюжетом. РГАДА; *3* – шейная печать и ее оттиск (Н. Новгород, НИАМЗ; раскопки В. Ф. Черникова, 1964 г.); *4* – перстень из погребения Ат-Бираан VI; *5* – перстень из Азова. (*1, 2, 5* – без масштаба)

В 1985 г. в Тарусе, на территории Игумнова оврага, найден перстень с подобным сюжетом. Перстень выполнен из темной бронзы и имеет восьмигранный щиток со вставкой из гагата, на котором изображен все тот же сюжет: суд царя Соломона (*Фролов*, 2006. С. 68).

Наконец, перстень с аналогичным сюжетом, но выполненный из серебра с позолотой, обнаружен в братской могиле, исследованной в 2011 г. в г. Азове по ул. Карла Либкнехта, 66. Могила датируется временем пребывания русских войск в Азове во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Перстень находился на безымянном пальце погребенного солдата (офицера?) (рис. 7, *5*; *Масловский,* 2013. С. 138. Рис. 2, *5*). Среди известных автору перстней-аналогий эта наиболее поздняя по времени.

В целом перстень можно отнести к типу овальных перстней со стеклянной вставкой и датировать концом XVII – первой четвертью XVIII в.

Подобные перстни-печатки и печати-матрицы, полученные в ходе археологических работ, в основной своей массе датируются второй половиной XVII – первой половиной XVIII в.

Во второй половине XVIII–XIX в. сюжет «Суд царя Соломона» получает широкое распространение. Он используется в качестве украшения на крышках табакерок, выполненных из моржового клыка (ГИМ, коллекция Щукина. № 7149щ), в настольных печатях (ГИМ. № 93366/1895) и восьмиугольных печатях-матрицах (ГИМ. № 93366/3693; 93366/3664). В качестве интересной аналогии можно привести резные панели с изображением сцен из Ветхого Завета (включая «Суд Соломона»), хранящиеся в ГМЗ «Зарайский кремль» (№ 1174) и происходящие из усадьбы Сенницы, расположенной неподалеку от города. Панели, созданные в XVII в. в Северной Германии, украшали спальню последней владелицы усадьбы

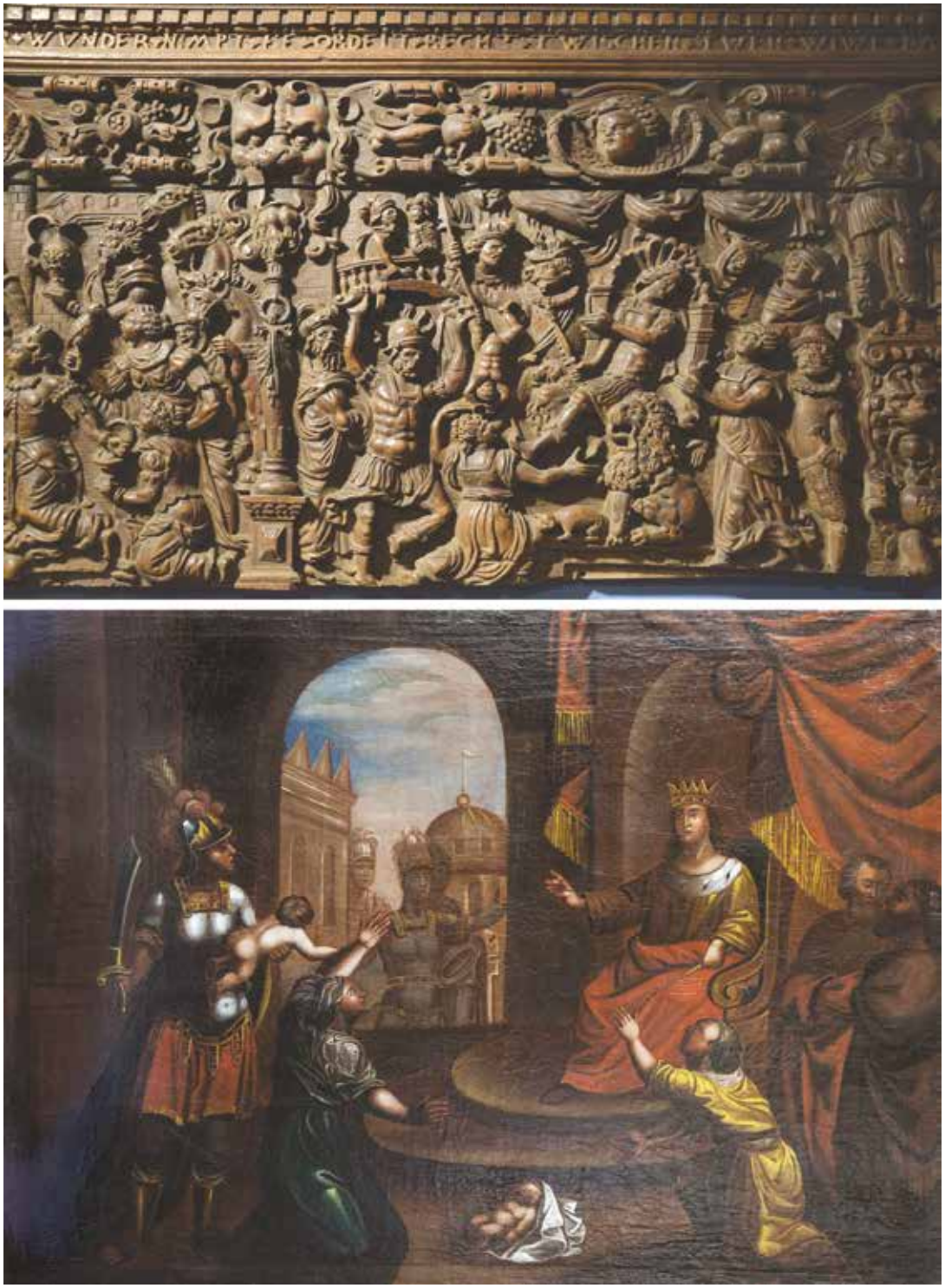

Рис. 8. Сцена «Суд царя Соломона» в деревянной резьбе (Германия, 2-я пол. XVII в. – вверху) и на картине неизвестного художника (Россия, 1-я пол. XVIII в. – внизу) из фондов ГМЗ «Зарайский кремль»

М. А. Келлер (в девичестве Шаховская). В настоящее время они экспонируются в экспозиции КЗГМЗ (рис. 8, *1*). Помимо этого в фондах Коломенско-Зарайского ГМЗ находится картина с аналогичным сюжетом, принадлежащая кисти неизвестного художника первой половины XVIII в. и попавшая в музей в 1919 г. согласно Книге поступлений музея (№ 833). Вероятно, данная картина имеет отношение к одной из усадеб, расположенных в Зарайском уезде (рис. 8, *2*).

Выводы

Перстень-печатка (стеклянная инталия в бронзовой оправе), обнаруженный в ходе проведения спасательных археологических работ в Зарайске, пополняет собой ряд предметов с сюжетом «Суд царя Соломона», зафиксированных в ходе научных раскопок.

Находка перстня-печатки в культурном слое дает возможность уточнить некоторые аспекты жизни провинциального русского города на примере Зарайска, изучить степень распространения подобных предметов, понять возможность их выпадения в слой. Эта находка способствует косвенной оценке грамотности и личного документооборота, требовавшего скрепления печатью. Располагая полученной информацией, мы можем очертить социальный круг владельцев и сделать предположение о возможной связи предмета с некоторыми известными купеческими фамилиями Зарайска (Локтевы, Тепицины, Ярцевы), чьи дома в конце XVII – XVIII в. располагались на данной территории.

Благодарности: Ушаневой Ю. В. (независимый исследователь), Мурашовой В. В., Шевцову А. О., Черненко В. Г. (ГИМ), Швецовой А. А. (НГИАМЗ), МКАУ «Великоустюгский центральный архив», а также лично директору Е. С. Решетниковой, ведущему архивисту М. С. Манаковой и всем коллегам, участвовавшим в обсуждении работы.

Литература

Бравина Р. И., Прокопьева А. Н., Петров Д. М., 2025. Якутская элита XVII в.: погребение тойона Мазары Бозекова // ВААЭ. № 3 (70). С. 115–124.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М.: Восточная литература. С. 125–132.

Зарайск. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. По документам Московского архива Министерства юстиции. М: Типо-лит. И. Н. Кушнерева и К°, 1883. 91 с.

Иванов П., 1858. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и иным юридическим актам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции. М.: Тип. С. Селивановского. 43 с.

Масловский А. Н., 2013. Работы в городе Азове и Аксайском районе Ростовской области в 2011 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Вып. 27. Азов: Азовский музей-заповедник. С. 137–146.

Порфиридов Н. Г., 1940. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати Великого Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 8. Новгород. С. 18–37.

Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Вып. 1. М.: изд. Комис. печатания гос. грамот и договоров, состоящей при Московском главном арх. М-ва иностранных дел, 1880 (обл. 1882). 126 л.

Фролов А. С., 2006. Фрагменты. Очерки истории Тарусы. М.: Авуар консалтинг. 96 с.

Чернецов А. В., 2004. Еще одна Соломонова печать // Живая старина. № 3. С. 28–30.

Черников В. Ф., 1973. Редкая находка // Записки краеведов. Горький: Волго-Вятское книжное издательство. С. 166–167.

T. O. Galkin

Ring with the “Judgment of King Solomon” Scene from Excavations in Zaraysk

Summary

During rescue excavations in the town of Zaraysk (Moscow Region), a fragment of a ring with an inlay (a glass gem) bearing an image interpreted as a variant of the “Judgment of King Solomon” scene was found. Based on numerous analogies, the ring is dated to the 17th century.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.316-331

Н. С. Артёмов, Н. А. Жервэ
Археологическая реставрационная компания «Техстройпроект» (г. Москва)

К истории освоения Замоскворечья по данным археологии: Руновский переулок, владение 14 – хронология, топография, топонимика

Посад позднесредневековой Москвы состоял из многочисленных административно-территориальных поселений людей, близких по роду занятий: слобод дворцовых и казенных, монастырских и владычных, военных, тяглых и иностранных. Большинство слобод располагалось в пределах Земляного города, в том числе в Замоскворечье. Одним из таких поселений на севере Замоскворечья в XVII в. была «государевая дворцовая» Овчинная слобода (АИ, 1841. С. 104). Упоминается также как Конюшенная Овчинная слобода (*Забелин*, 1884. Стб. 245).

Изначально на ее месте располагался дворцовый Овчинный двор. Слободу населяли ремесленники, поставлявшие шерсть и овчины для нужд царского двора. По московским меркам она была довольно крупной: в 1632 и 1658 гг. в ней насчитывалось 103 двора (*Романюк*, 1988. С. 275). До наших дней сохранилась слободская церковь Михаила Архангела в Овчинниках (Средний Овчинниковский пер., 7) и двухэтажные каменные палаты конца XVII в. (Средний Овчинниковский пер., 10, стр. 1), изначально служившие слободской приказной избой (Историко-культурное… 2005. С. 8). О слободе напоминают и сохранившиеся топонимы – Овчинниковская набережная и переулки, а также соседний Руновский переулок, названный по урочищу Руновка[1] (*Романюк*, 1988. С. 275).

В 2023 г. под руководством Н. С. Артёмова в Руновском переулке проводились охранные археологические раскопки. Основной целью работ было изучение культурного слоя на участке, отведенном под новое строительство. В процессе обработки полевых материалов возникла дополнительная исследовательская задача – проследив развитие исторической топографии участка и проанализировав стратиграфию и находки из раскопа, определить наличие или отсутствие маркеров принадлежности исследуемой зоны к территории Овчинной слободы.

Изучаемый участок расположен в московском районе Замоскворечье по адресу: Руновский переулок, владение 14. Он представляет собой фрагмент территории исторического владения в западной части квартала, сложившуюся структуру которого нарушили в 1960-х годах при прокладке Садовнического проезда. Территория участка ограничена: с севера – Садовническим проездом; с юга – Руновским переулком; с запада – Большой Татарской улицей; с востока – безымянным внутридворовым проездом, соединяющим Руновский переулок с Садовническим проездом. Топография участка прослеживается относительно подробно со второй половины XVIII в. Более ранние сведения можно почерпнуть лишь из скупых или неточных планов конца XVI – первой половины XVIII в. или отдельных упоминаний «руновых» топонимов.

Подобные топонимы впервые задокументированы в 1551 г., когда «за Москвою рекою в Руновской улице, у Никиты святого» велено поставить ногайских послов (Посольские книги… 2006. С. 41, 62). На основании этого и других упоминаний – об избрании поповских старост от 17 февраля 1551 г. «а за реку за Москву изобрали в старосты Архангельскаго попа из Руновки» (*Павлов*, 1873. С. 14–15), о ц. Козьмы и Дамиана, «что в Руновке», от 1745 г. (Актовыя книги… 1897. С. 32) и ц. Параскевы Пятницы, «что в Руновой улице», от 1752 г. (Актовыя книги… 1898. С. 118) – некоторые исследователи московской топонимики сделали

[1] Руно – овечья шкура, шерсть с целой овцы.

справедливый вывод, что название Руновка в старину относилось к довольно обширной местности или урочищу (*Романюк*, 1988. С. 88; *Рачинский*, 2011. С. 457). Из всех вышеприведенных упоминаний явствует, что с середины XVI в. «руновые» топонимы относились как к территории Овчинного двора (слободы), где находилась ц. Архангела Михаила, так и к окрестностям, удаленным на полкилометра или даже чуть более от реконструируемой исследователями слободской территории (рис. 1; *Баталов, Беляев*, 2010. С. 120–121).

Так, если в первом упоминании улицы Руновской имеется в виду ц. Св. Никиты в Толмачах, можно предположить, что в середине XVI в. из слободы или ее ближайших окрестностей выходила улица, доходившая до места расположения Никитской церкви (угол нынешних улицы Новокузнецкой и Старого Толмачевского переулка). И совершенно не обязательно частью этой исчезнувшей улицы являлась трасса современного Руновского переулка. Во всяком случае, его близкая к современной трассировка, упиравшаяся ранее на западе в ц. Параскевы Пятницы (сейчас на ее месте находится вестибюль станции метро «Новокузнецкая»), отчетливо читается на картах лишь с конца первой половины XVIII в. да и упоминается в связи с этой локализацией ближе к середине столетия. По-видимому, упоминаемая «в Руновке» ц. Козьмы и Дамиана – это Космодамианская церковь в Нижних Садовниках (*Рачинский*, 2011. С. 216). Это еще одна крайняя точка, отмечающая восточную границу местности Руновка.

Таким образом, мы можем установить, что топоним Руновка как минимум с середины XVI по середину XVIII в. применялся к куда более обширной местности, чем могла занимать Овчинная слобода: от центра самой слободы на севере до Никитской ц. на юге и от ц. Параскевы на западе до ц. Косьмы и Дамиана на востоке. В современной топографии города этот участок ограничен с севера Овчинниковской набережной и Водоотводным каналом, с востока – Космодамианской набережной и р. Москвой, с юга – трассами Старого Толмачевского и Озерковского переулков, а с запада – трассой улицы Пятницкой.

Я. З. Рачинский полагает, что за переулком название Руновка закрепилось не позднее начала XVIII в. (*Рачинский*, 2011. С. 457), но нижняя граница нам неизвестна. Исходя из вышеуказанного, можно предположить, что названия переулку (и улицам – его предшественницам) давались не по близости к Овчинной слободе. Переулок в его современном положении был не окраиной слободы, а являлся напрямую не связанной со слободой улицей, сохранившей память о прилегающей к ней местности Руновки. А вот уже сама эта местность могла в свое время называться по расположению в ней слободы.

В таком случае, исходя из упоминаний «руновых» топонимов с середины XVI в., можно предполагать существование Овчинного двора (слободы) как минимум с конца второй четверти этого столетия. Как и многие другие, дворцовая Овчинная слобода перестала существовать в начале XVIII в., после переезда двора в Санкт-Петербург. С введением при Петре I цеховой организации ремесленников и подушного налога слободская система организации была утрачена, а слободские земли стали все более заселяться купечеством и дворянскими усадьбами.

«Царствующий град Москва: начальной город всех Московских государств» (так называемый «Петров чертеж») – наиболее ранний план Москвы, отражающий ситуацию конца XVI в. (рис. 2). Все последующие планы XVII – первой трети XVII в., включающие в себя Земляной город (Скородом), куда входило Замоскворечье, отображают его структуру аналогично «Петрову чертежу» и не позволяют достоверно определить трассу Руновского переулка. В историографии вопроса есть мнение, объясняющее схематичность топографии Земляного города: «изображение Кремля, Китай-города и Белого города “Петрова чертежа” – это точная копия правительственного плана Москвы. Скородом же пририсован к нему и не имеет значения документа» (*Гольденберг*, 1968. С. 53). Согласно некоторым реконструкциям, трасса Руновского переулка располагалась южнее территории Овчинной слободы, ближе к Татарской (рис. 1). Трасса переулка, схожая с современной, отражена на первом геодезическом плане Москвы – Мичуринском плане 1739 г. (рис. 3), а на Горихвостовском плане 1768 г. впервые показаны элементы застройки исследуемого участка: он разделен на несколько узких владений, каждое из которых содержит одно-два деревянных строения (рис. 4).

На рубеже XVII–XVIII вв. большинство построек в восточной части Замоскворечья оставались деревянными. С 1730-х годов начался процесс укрупнения кварталов – исчезали тупики, осваивались ранее незастроенные пространства. Этот процесс особенно активизировался после постройки Водоотводного канала в 1783–1786 гг., в результате чего осушено существовавшее здесь болото. Большинство владений второй половины XVIII в. сложилось из бывших мелких слободских участков (Историко-культурное… 2005. С. 10–11). Возможно,

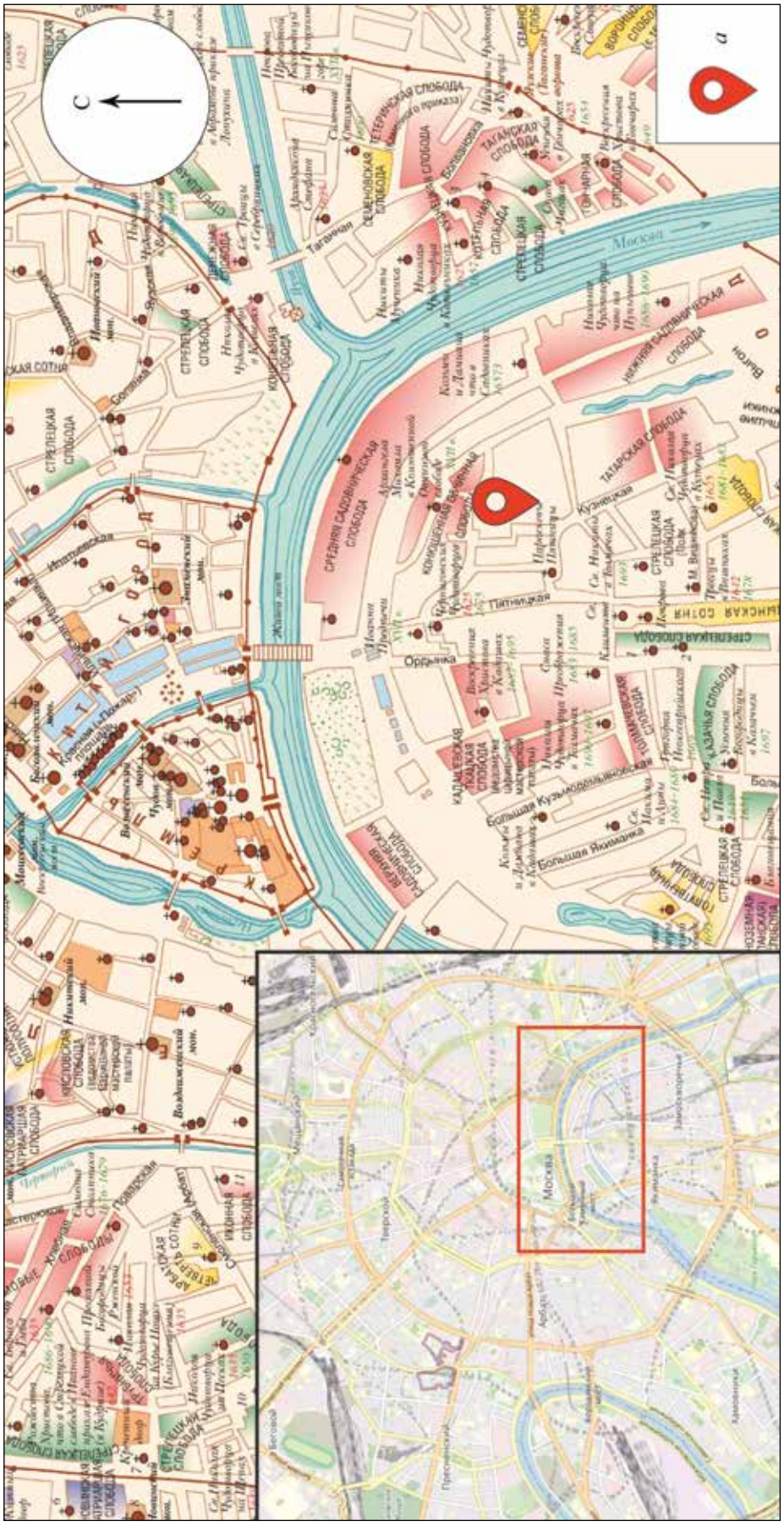

Рис. 1. Фрагмент плана «Москва во второй половине XVII века в пределах Земляного города» (*Баталов, Беляев*, 2010. С. 120–121)
Здесь и далее: *а* – местоположение раскопа 2023 г., пер. Руновский, 14

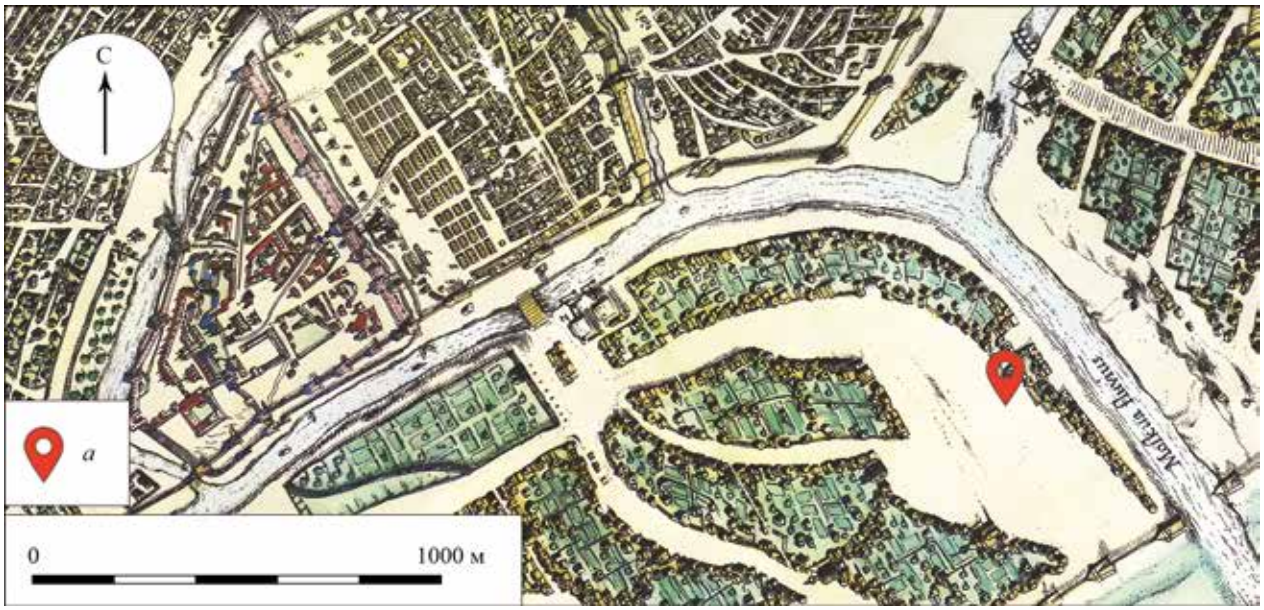

Рис 2. Замоскворечье. Фрагмент плана «Царствующий град Москва: начальной город всех Московских государств» (часть «Петрова чертежа»), составленного Герритсом Гесселем в 1613 г., вероятно, по русскому оригиналу 1597 г.

Рис 3. Фрагмент «Плана императорского столичного города Москвы сочиненнаго под смотрением архитектора Ивана Мичурина в 1739 году»

на плане 1768 г. мы наблюдаем еще именно эту слободскую, «узкополосную» структуру организации кварталов, в том числе в Руновском переулке.

На рубеже XVIII–XIX вв. почти весь западный торец квартала, где располагался исследуемый участок, занимало обширное владение московского купца А. Г. Дроздова. Лишь с севера находились небольшие участки, занятые казенным питейным домом и Овчинниковскими банями. Застройка в южной части владения ориентировалась на Руновский переулок, по линии которого торцом стоял двухэтажный жилой дом с каменным нижним и деревянным верхним этажом. Второе каменное строение во владении, одноэтажный жилой корпус, выходил в сторону Татарской улицы. Деревянные жилые флигели и хозяйственные корпуса распо-

Рис 4. Фрагмент «Генерального плана императорского столичного города Москвы… сочиненнаго в Москве под смотрением инженер маиора Горихвостова 1767 года»

лагались по периметру двора, к северу от которого находился сад, занимавший две трети владения (рис. 5; Историко-культурное… 2005. С. 10–11).

В начале XIX столетия домовладения в районе Овчинниковской слободы оставалось преимущественно деревянными. Пожар Москвы 1812 г. опустошил Замоскворечье. Изображенная на Генеральном плане Москвы 1813 года местность Овчинники показана сгоревшей (рис. 6). Во всей Пятницкой части Москвы осталось только пять домов (*Кузьминский*, 1910. С. 7). Пожар уничтожил и владение А. Г. Дроздова; деревянные здания сгорели полностью, каменные сильно обгорели (рис. 7). Застройка участка лежала в руинах вплоть до начала 1840-х годов. Только к 1841 г. относятся первые попытки начать ее восстановление: опекун над малолетними детьми умершего купца Дроздова запланировал начало строительства на месте сгоревшего жилого дома нового каменного корпуса, большего по объему, но расположенного на прежнем месте (рис. 8; Историко-культурное… 2005. С. 52).

В середине столетия северную часть территории владения продали. Участком № а228, на месте главного дома бывшей усадьбы в Руновском переулке, владели еще потомки А. Г. Дроздова, в частности, купчиха А. П. Дроздова. Новообразовавшимся северным участком № b228, на углу Татарской улицы и Большого Овчинниковского переулка, владела мещанка А. Е. Зорина (*Хотев*, 1852–1853. С. 24–25). Остальную территорию владения, оставшуюся незастроенной, занимал сад (рис. 9).

К концу 1850-х годов новый владелец участка Дроздовых московский купец М. М. Косенков завершил начатое в 1840-х строительство нового каменного дома. Западная и южная границы прошли по скорректированным красным линиям Руновского переулка и Татарской улицы. Границы владения середины XIX в. сохранялись неизменными до 1930-х годов (Историко-культурное… 2005. С. 52).

На протяжении второй половины XIX в. под влиянием доходной функции постепенно увеличивался объем застройки владения за счет новых деревянных или каменно-деревянных домов (рис. 10). Бывшим участком Дроздовых после М. М. Косенкова владели: с 1866 г. – московский купец А. С. Савостьянов, с 1868 г. – московский купец П. С. Делюков, а с 1872 г. – вышневолоцкий купец И. И. Клуген (Историко-культурное… 2005. С. 53, 60, 70). В конце XIX в. исследуемый участок все еще принадлежал Клугину, а соседние – купцу Сергею Леонтьеву и купчихе Борисовой (Адресъ-справочникъ… 1896. С. 191). В начале XX в. участок Клугина купил крестьянин Н. В. Шевандин, владельцем участка Борисовой стала А. Г. Савинова (Вся Москва… 1904. Стб. 378).

В 1901 г. Н. В. Шевандин начал активное строительство и на протяжении трех лет во владении выстроил три каменных доходных дома: по проекту «Техника архитектуры» Н. Жукова – двухэтажный жилой дом по линии Большой Татарской улицы (современное стр. 9), а также трехэтажный каменный корпус по линии Руновского переулка

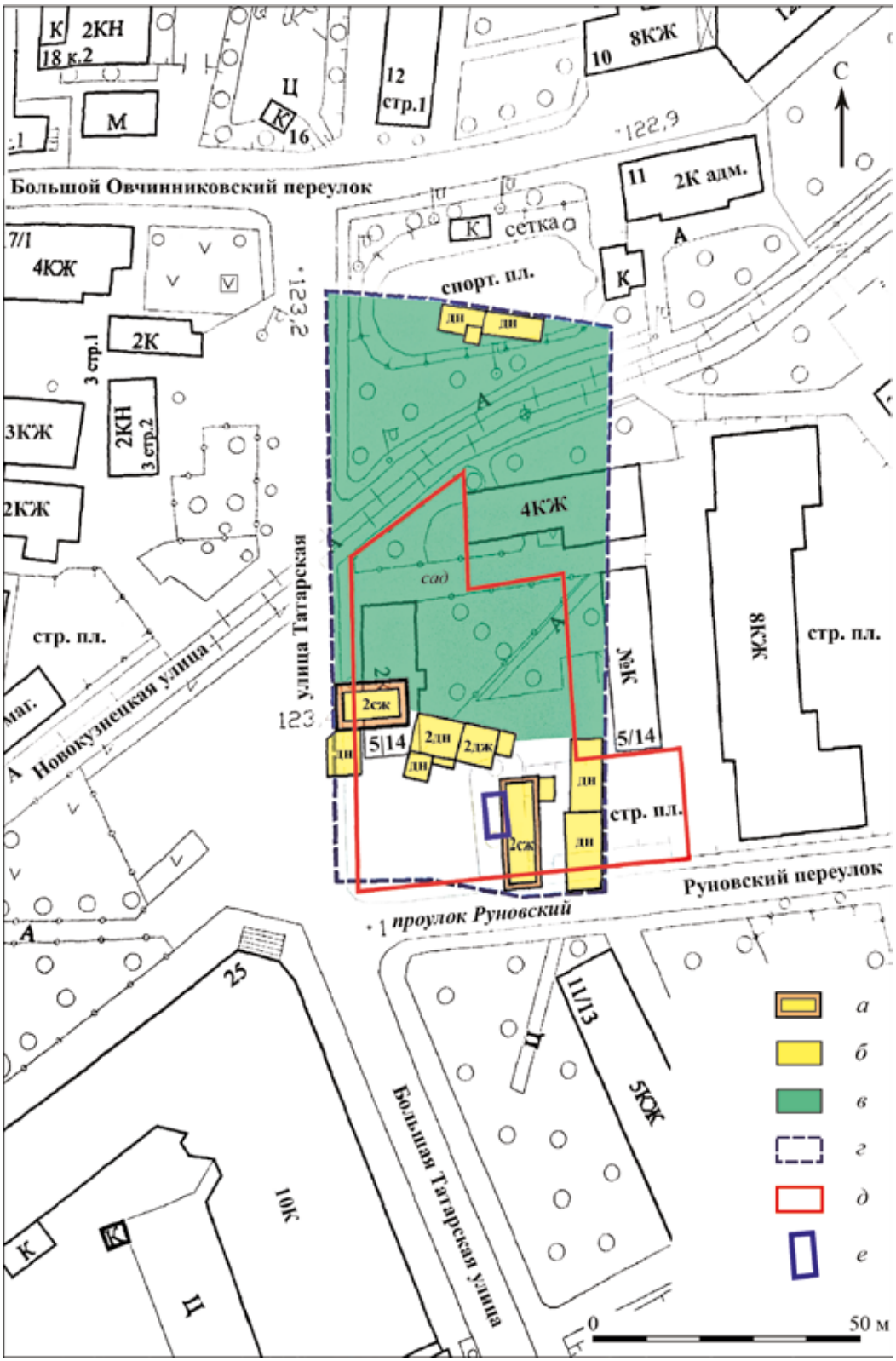

Рис. 5. Реконструкция исторической застройки на углу Руновского пер. и Татарской ул. 1804–1806 гг. Владение купца А. Г. Дроздова

а – смешанная застройка; *б* – деревянная застройка; *в* – сады, огороды; *г* – границы владения на рассматриваемый период; *д* – границы рассматриваемого в ИКОП участка; *е* – границы р. 2023 г. (по: Историко-культурное… 2005. С. 57)

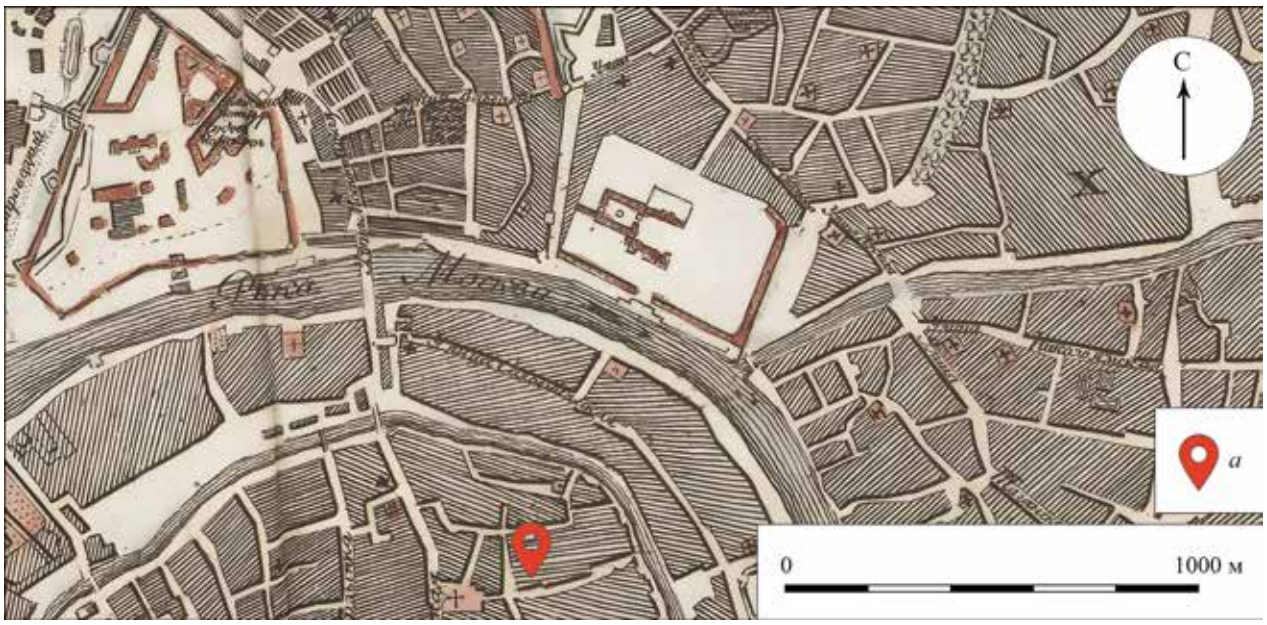

Рис 6. Фрагмент «Генерального плана столичного города Москвы 1813 года». Штриховкой обозначены сгоревшие кварталы

(не сохранился) и трехэтажный жилой дом в глубине участка (в настоящее время расположен на территории соседнего владения) (рис. 11). Все помещения во владении сдавались в наем, большая часть из них арендовалась Товариществом служащих завода «Доброва и Нагольц», располагавшегося в соседнем квартале. В 1911 г. к жилому дому, стоящему по красной линии Большой Татарской улицы (современное стр. 9), пристроили одноэтажный каменный объем для прачечной (Историко-культурное… 2005. С. 53).

После 1917 г. владение перешло в ведение жилтоварищества № 2797. С 1924 г. на участке оставалась лишь каменная застройка, деревянные корпуса за годы Гражданской войны пришли в негодность и были разобраны (Историко-культурное… 2005. С. 53).

Раскопки 2023 г. показали, что работы по возведению, благоустройству, инженерному обеспечению и демонтажу зданий на исследуемом участке с середины XIX до середины XX в. (рис. 12) оказали сильное воздействие на культурный слой исследуемого участка.

Слой представляли культурные напластования Нового времени. При этом значительную часть площади раскопа прорезали траншеи и ямы второй половины XIX в. и середины – второй половины XX в. вплоть до материка. В указанных временных промежутках участок перекапывался особенно активно. Этим объясняются находки отдельных мелких предметов XIX–XX вв., попавших в более ранние хронологические горизонты при переформатировании слоя. Почти все зафиксированные объекты (остатки некапитальных сооружений), часть ям и траншей имели отношение к строительным или демонтажным работам второй – третьей четвертей XX в. В частности, одна из коммуникационных траншей этого периода, повредившая слой в южной части раскопа, прокладывалась, судя по ее направлению, к ныне утраченному зданию, выстроенному Н. В. Шевандиным.

В целом изученные в раскопе слои можно разделить на несколько хронологических горизонтов (рис. 13).

Горизонт 1. Техногенный слой – вторая половина XX в. Представлен серой/темно-серой супесью со строительным мусором. В слое обнаружены находки разного времени, от XVIII до XX в. Наиболее интересные – запонка из цветного металла, осколок стеклянного штофа с клеймом, костяные игральная шашка и жетон. На одной его стороне в верхней части вырезан номер 39, а в нижней – несколько царапин и год 1841. Верхняя и нижняя части жетона разделены чертой. На другой стороне жетона вырезан крест с монограммами «Iс» «Хс» (под титлами), расположенными слева и справа от верхней части креста (рис. 14, *1–4*). Важно отметить, что дата на жетоне соответствует году первой, не доведенной до конца попытки восстановить застройку участка после пожара 1812 г.

Горизонт 2. Вторая треть XX в. (1933–1956 гг.). Непосредственно под горизонтом 1 в западной

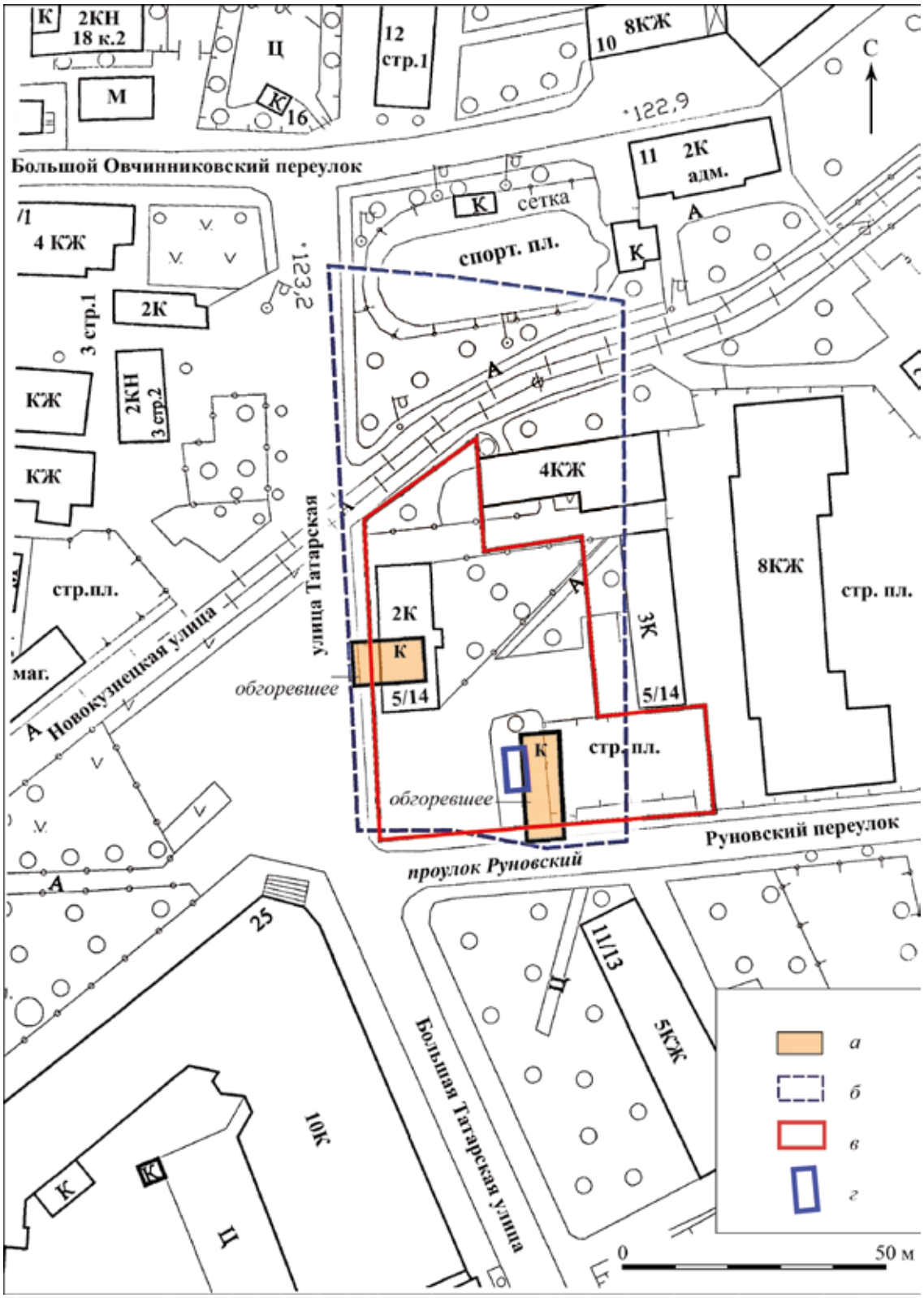

Рис 7. Реконструкция исторической застройки на углу Руновского пер. и Татарской ул. 1819–1841 гг. Здания на участке обозначены обгоревшими
а – каменная застройка; *б* – границы владения; *в* – границы рассматриваемого в ИКОП участка; *г* – границы р. 2023 г. (по: Историко-культурное… 2005. С. 58)

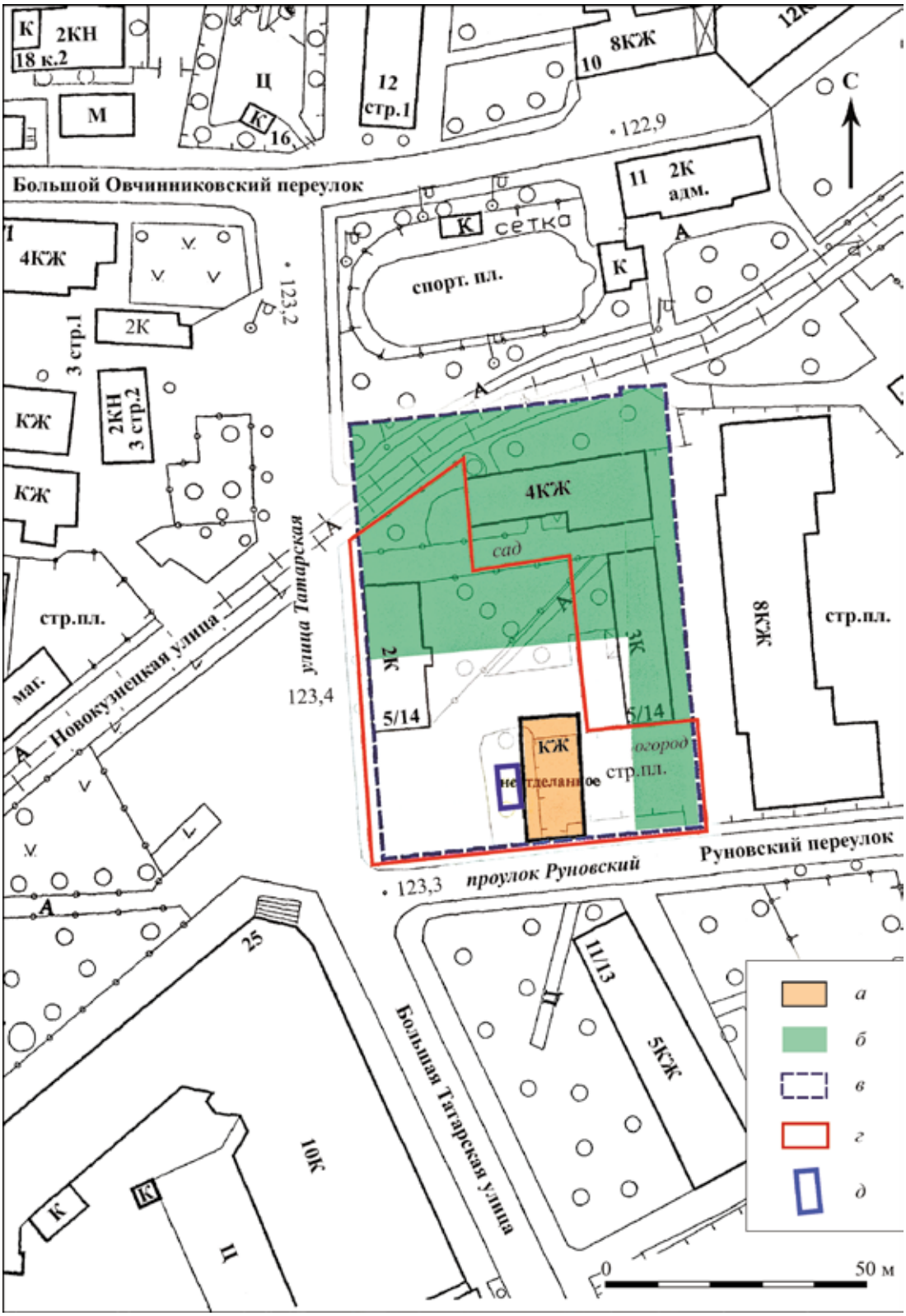

Рис 8. Реконструкция исторической застройки на углу Руновского пер. и Татарской ул. 1840-е годы. Владение детей купца А. Г. Дроздова

а – каменная застройка; *б* – сады, огороды; *в* – границы владения; *г* – границы рассматриваемого в ИКОП участка; *д* – границы р. 2023 г. (по: Историко-культурное… 2005. С. 59)

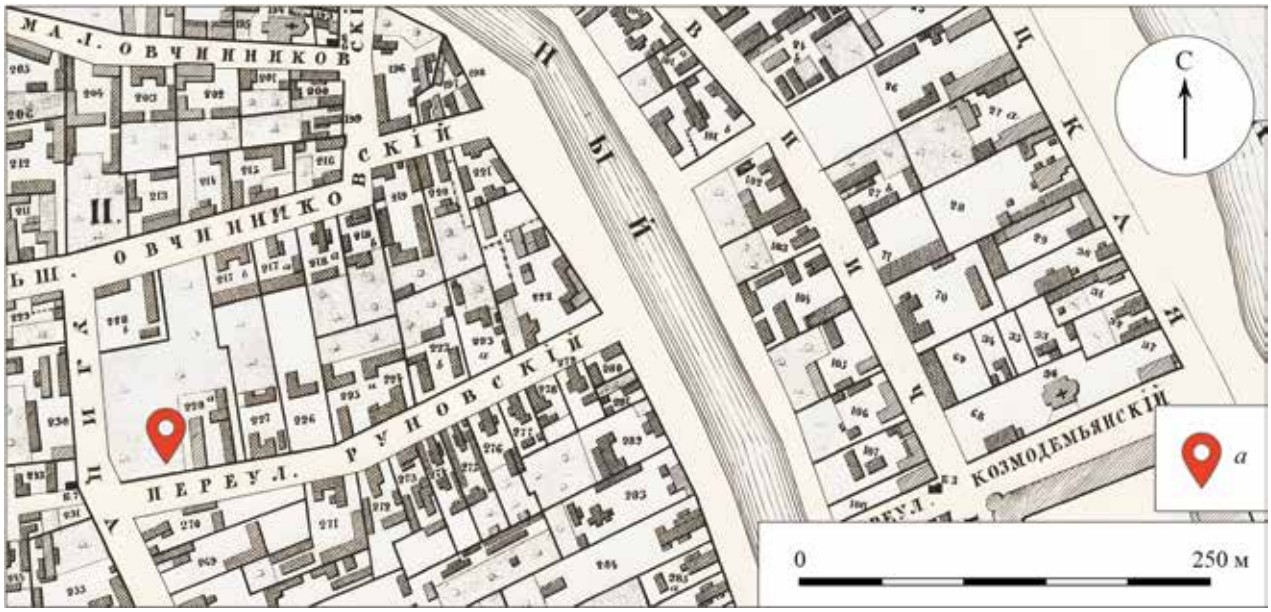

Рис 9. Фрагмент «Атласа столичного города Москвы», составленного А. Хотевым в 1852 г. На исследуемом участке обозначены сады

части раскопа залегала булыжная мостовая, в северной – кирпичная вымостка. Булыжная мостовая проложена по оси север – юг. На 20 см ниже вымостки и мостовой зафиксированы остатки двух кирпичных столбов. Расстояние между столбами составляло около 3 м. Кирпичная кладка сохранилась только у одного столба, от второго остался лишь фундамент из битого кирпича в известковом растворе. Столбы, как и мостовая, находились на оси север – юг. Вероятно, столбы были частью ограды, устроенной приблизительно одновременно с мостовой и располагавшейся вдоль последней с отступом от нее в 2 м (рис. 15). Ниже вымостки и мостовой находились слои песка, опесчаненной супеси и прослойки извести. Вероятно, слои служили подсыпкой для перепланировки участка. В слоях горизонта 2 обнаружены находки разного времени: от XVIII до XX в. Среди них выделяется небольшой бубенчик из медного сплава с крестообразной прорезью, перстень из свинцового сплава с узорной площадкой, а также отмечено неоднократное обнаружение свинцовых пломб второй половины XIX – начала XX в. (рис. 14, *5–7*).

Мостовая, по-видимому, являлась внутридворовым мощением участка, устроенным не ранее 1933 г., так как непосредственно под мостовой зафиксирована коммуникационная траншея с металлическими трубами, с найденной на дне бутылкой с надписью «ГЛАВМОЛОКО». Указанное управление молочной промышленности учреждено в 1933 г. и ликвидировано в 1956-м[2]. В восточной части траншея перерезалась длинной угольной ямой, выявленной на всю длину раскопа.

Горизонт 3. Вторая половина XIX – начало XX в. Основная масса находок имеет широкую датировку – XVIII–XIX вв. или XVIII в., несколько находок уверенно датируются второй половиной XIX в. (преимущественно свинцовые товарные пломбы и гладкие изразцы). Неоднократно встречались пуговицы из медного сплава различных фасонов. Интересно также выделить две монеты, денежку 1851 г. и полушку 1855 г., приставшие к фрагменту ткани. Вероятно, монеты владелец завернул в ткань и потерял или спрятал вместе с ней (рис. 14, *9–12*). На плане-реконструкции 1857–1901 гг. (рис. 10) видно, что восточная часть раскопа располагалась на территории, занимаемой деревянной пристройкой к восстановленному М. М. Косенковым дому Дроздовых. Интересно, что примерно по оси север – юг в центре раскопа зафиксирована полоса тлена. Вероятно, это остатки контуров деревянной пристройки к жилому дому. Таким образом, подтверждается активная перепланировка и застройка исследуемого участка во второй половине XIX столетия.

Отдельно стоит обозначить период первой половины XIX в. Ниже горизонта 3 предметов и слоев этого времени не выявлено, что подтверждает

[2] РГАЭ. Ф. 9355. Оп. 9. Ед. хр. 1334. Кат. 3, л. с. 626.

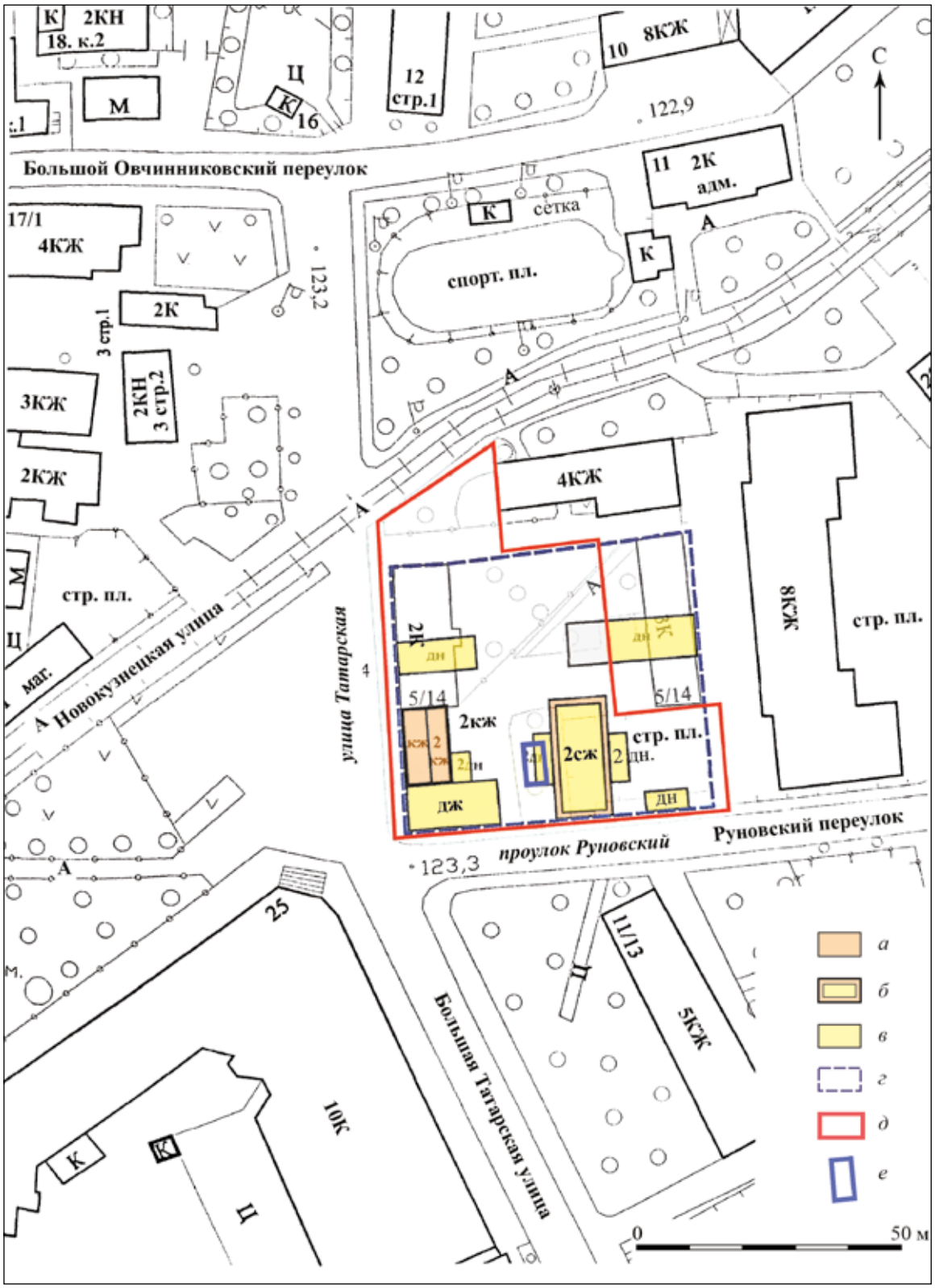

Рис 10. Реконструкция исторической застройки на углу Руновского пер. и Татарской ул. 1857–1901 гг. Смена владельцев участка. Увеличение количества построек

а – каменная застройка; *б* – смешанная застройка; *в* – деревянная застройка; *г* – границы владения; *д* – границы рассматриваемого в ИКОП участка; *е* – границы р. 2023 г. (по: Историко-культурное… 2005. С. 60)

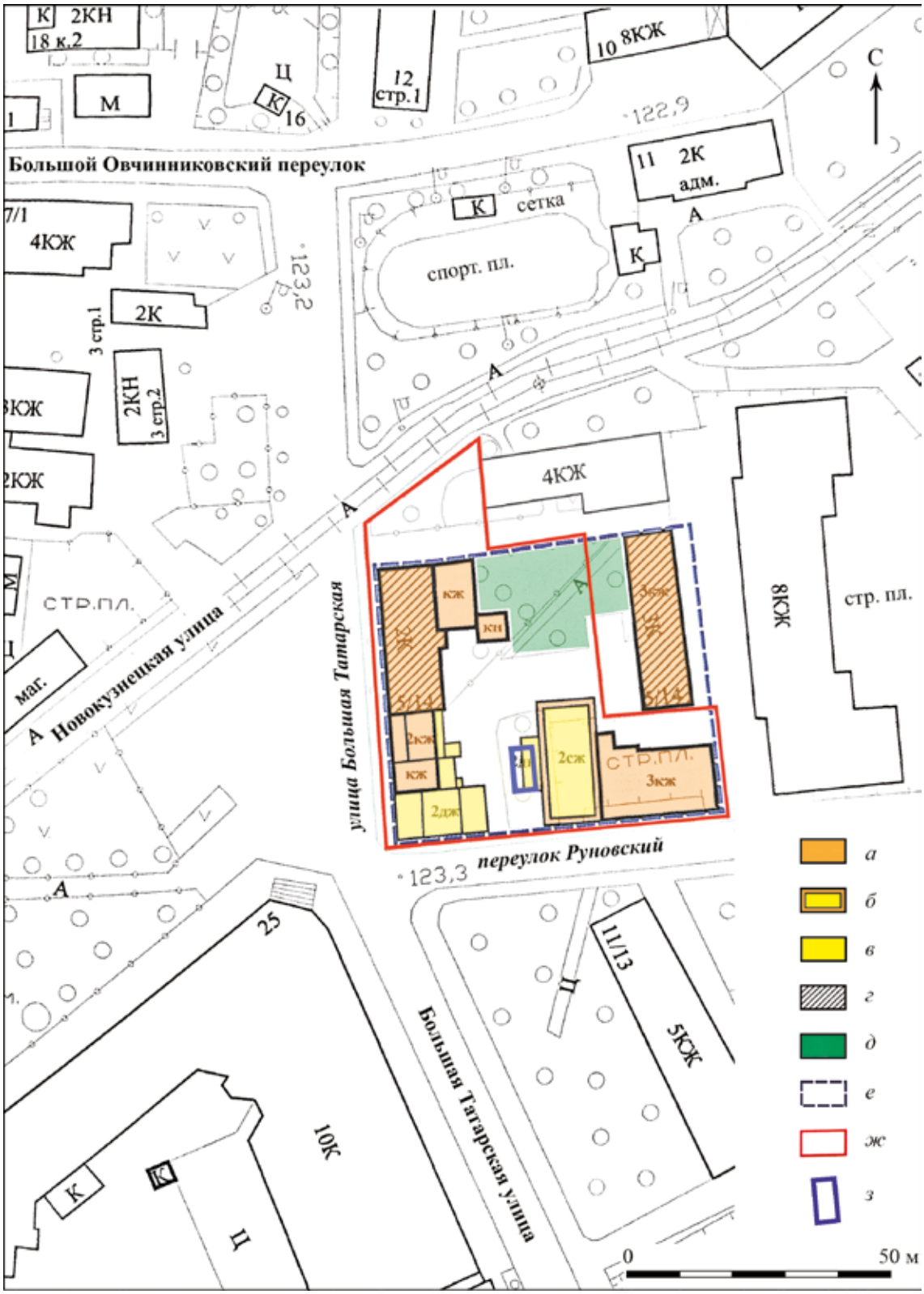

Рис 11. Реконструкция исторической застройки на углу Руновского пер. и Татарской ул. 1901–1911 гг. Владение крестьянина Н. В. Шевандина

а – каменная застройка; *б* – смешанная застройка; *в* – деревянная застройка; *г* – сохранившаяся застройка; *д* – сады, огороды; *е* – границы владения; *ж* – границы рассматриваемого в ИКОП участка; *з* – границы р. 2023 г. (по: Историко-культурное… 2005. С. 62)

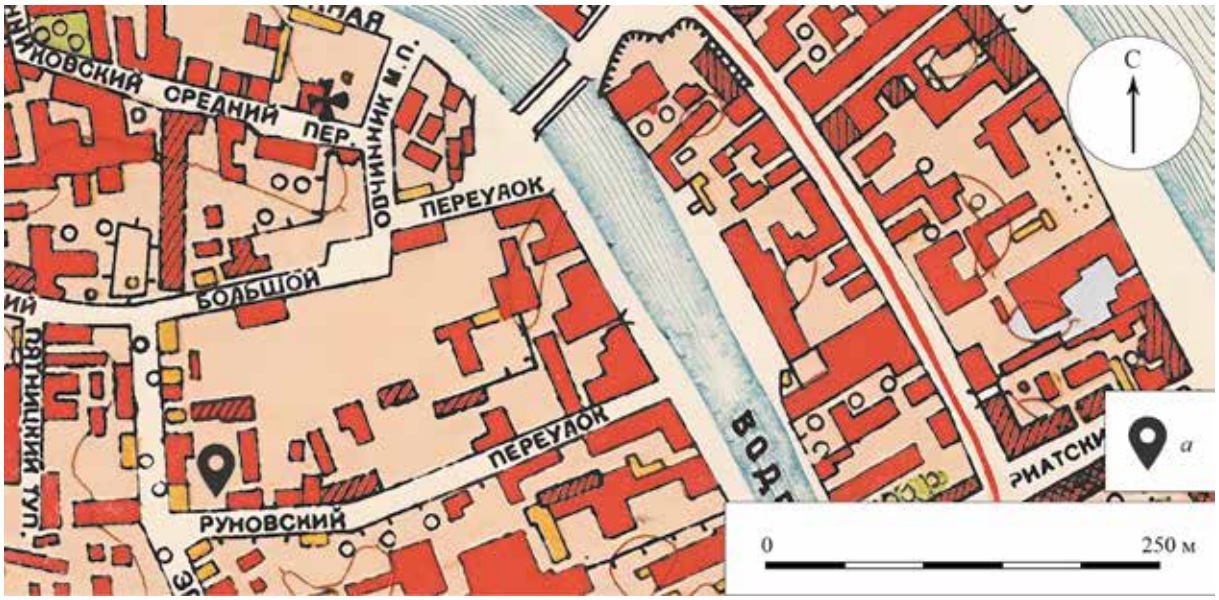

Рис 12. Фрагмент «Карты Москвы и окрестностей Мосгоргеотреста 1952 года»

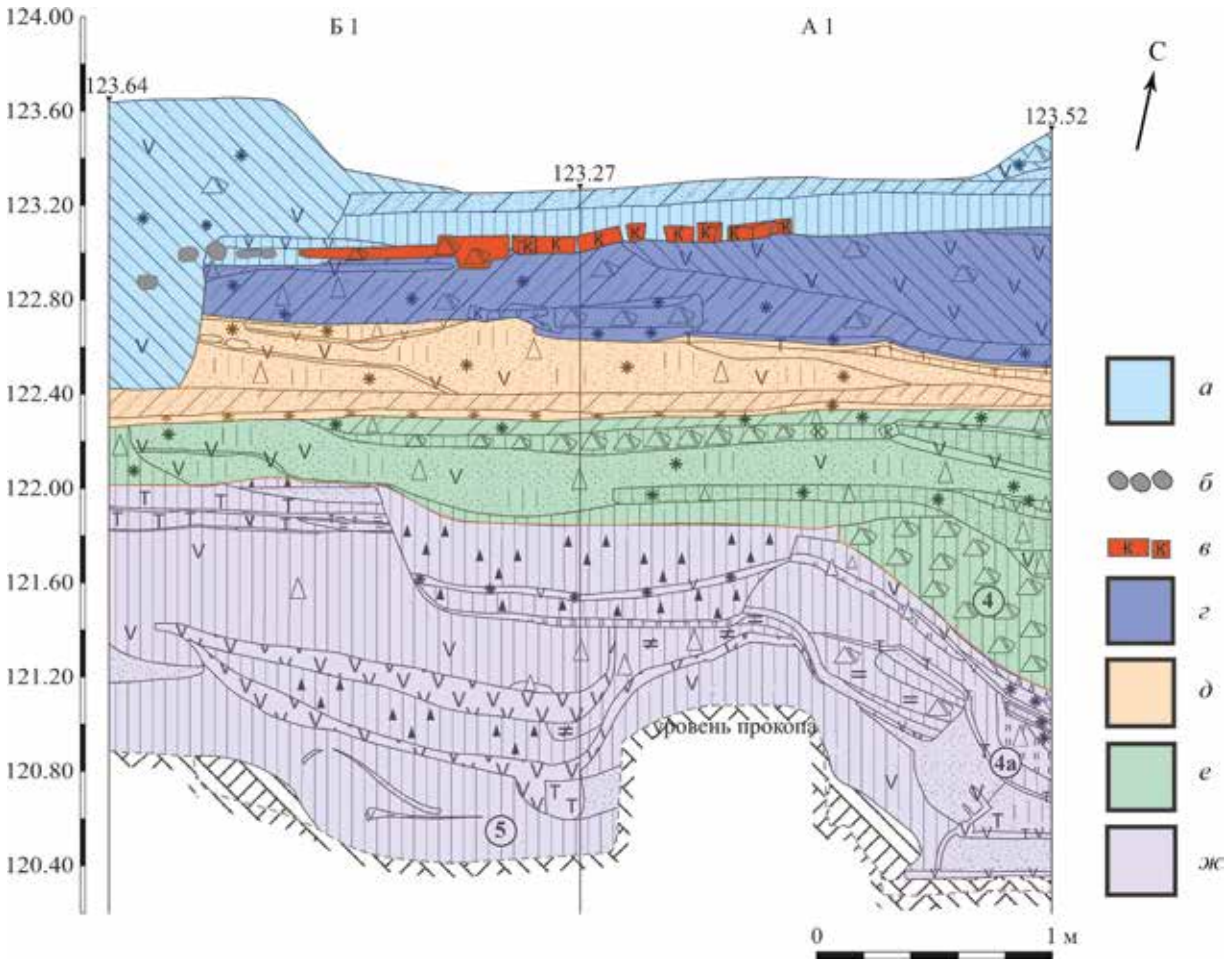

Рис. 13. Северный профиль р. 2023 г., пер. Руновский, 14
а – горизонт 1, техногенный слой 2-й пол. XX в.; *б* – булыжная мостовая; *в* – вымостка из кирпичей; *г* – горизонт 2, техногенный слой 2-й четв. – сер. XX в.; *д* – горизонт 3, 2-я пол. XIX – нач. XX в.; *е* – горизонт 4, XVIII – нач. XIX в.; *ж* – горизонт 5, XVIII в.

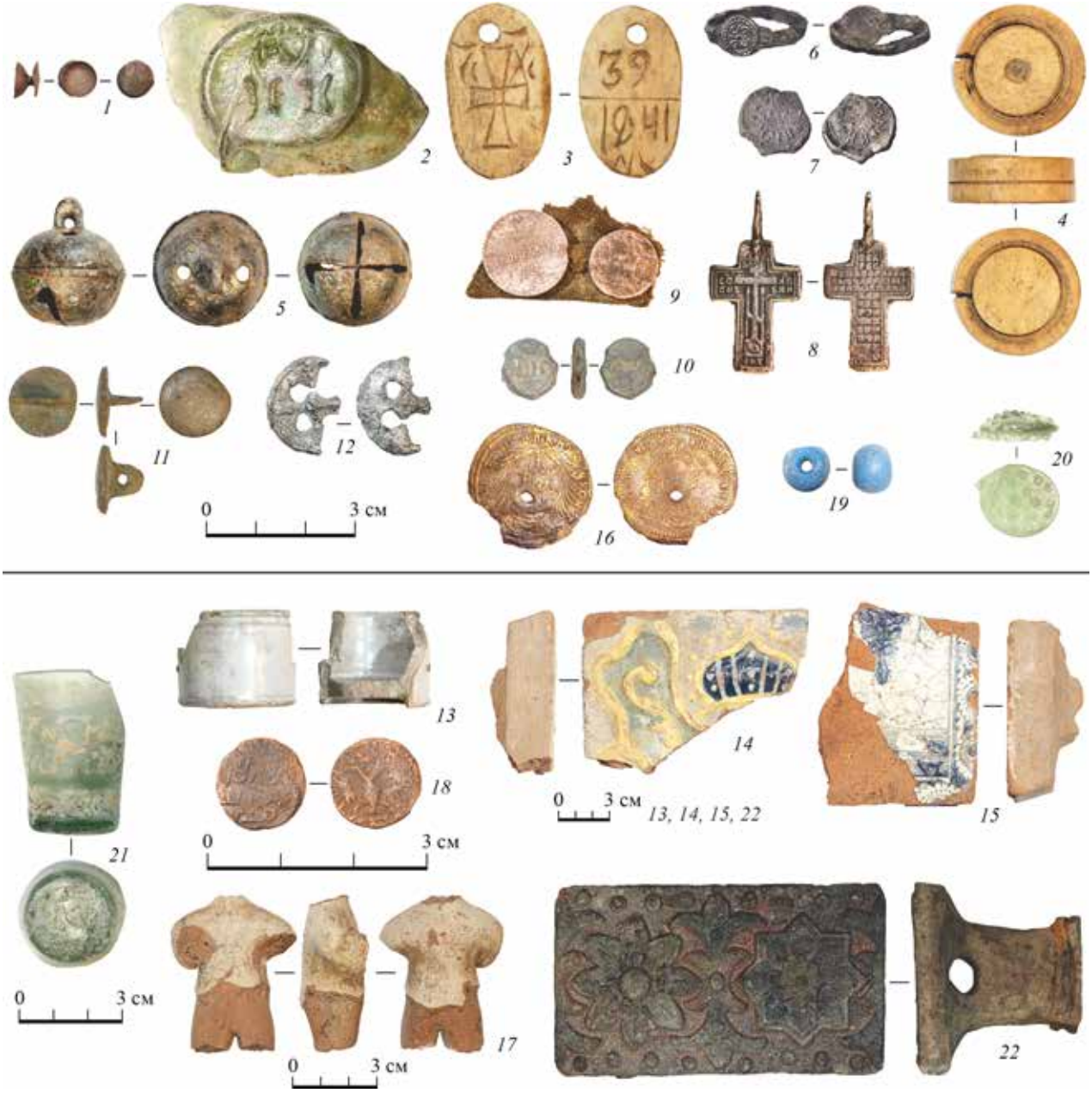

Рис. 14. Находки. Р. 2023 г., пер. Руновский, 14

1–4 – горизонт 1; *5–7* – горизонт 2; *8–12* – горизонт 3; *13–15* – горизонт 4; *16–20* – горизонт 5; *21–22* – яма 11 (2-я пол. XVII – нач. XVIII в.). *1* – запонка; *2* – клеймо стенки штофа; *3* – бирка; *4* – игральная шашка; *5* – бубенчик, *6* – перстень; *7* – пломба; *8* – нательный крест; *9* – денежка 1851 г. и полушка 1855 г. с фрагментом ткани; *10* – пломба; *11* – пуговица; *12* – фр-т пуговицы; *13* – помадная банка; *14, 15, 22* – фр-ты изразцов; *16* – жетон с изображением Людовика XVI; *17* – фр-т красноглиняной игрушки-человечка; *18* – монета-полушка Петра I; *19* – бусина; *20* – фр-т ремера; *21* – стакан с росписью. (*5, 8, 11, 12* – медный сплав; *3, 4* – кость; *6* – свинцовый сплав; *7, 10* – свинец; *9* – медный сплав, ткань; *1, 16, 18* – цветной металл; *2, 19, 20, 21* – стекло)

отсутствие активной хозяйственной деятельности на территории после пожара 1812 г. до середины столетия. Так, на плане-реконструкции 1819–1841 гг. (рис. 7) сохранившиеся на участке здания значатся «обгоревшими», а на Хотевском плане 1852 г. значительную часть участка уже занимает сад (рис. 9).

Горизонт 4. XVIII – начало XIX в. Датирующие находки представлены преимущественно фрагментами белоглиняной и чернолощеной керамики местного производства, можно отметить фрагменты изразцов и помадные банки (рис. 14, *13–15*). Слой представлен прослойками серой супеси и слоем песка с включениями серой супеси,

Рис. 15. Слои XX в. Р. 2023 г., пер. Руновский, 14
1 – булыжная мостовая; *2* – остатки кирпичных столбов; *3* – угольная яма

с угольками, кирпичной крошкой, известью. Верх горизонта отмечен прослойкой битого кирпича в супеси; также одна из ям, отнесенная к указанному периоду, впущена в более ранний слой и заполнена битым кирпичом и серой супесью.

Горизонт 5. XVIII в. Представлен слоями серой супеси почти без включений. Один из некапитальных объектов, выявленных в раскопе, относился к этому горизонту и представлял собой деревянную емкость, углубленную с дневной поверхности XVIII в. и заполненную известью. Горизонт насыщен монетами XVIII столетия, преимущественно отчеканенными при императрице Анне Иоанновне, но встречались и петровские полушки, екатерининские пятикопеечные монеты, монеты ручного чекана XVI–XVII вв., попавшие в более поздний слой. Среди находок можно отметить медный жетон с изображением Людовика XVI, глиняную антропоморфную игрушку, стеклянные изделия – бусину и осколок ремера (рис. 14, *16–20*). Массовый материал представлен преимущественно фрагментами белоглиняной керамики местного производства.

Отдельно нужно выделить ямы, уходящие в материк из горизонта 5. Они датируются XVIII и XVII–XVIII вв. Предметами, бытовавшими во второй половине XVII – начале XVIII в. и ранее, представлено заполнение ямы 11: фрагменты изразцов XVI–XVII вв. рельефных без поливы и рельефных полихромных изразцов второй половины XVII – начала XVIII в., стеклянная посуда, железные изделия (ключ, гвозди), фрагменты черно- и белолощеной, мореной, красно- и белоглиняной керамики XVI–XVII и XVII–XVIII вв. (корчаг, кувшина, кубышки), отдельные фрагменты бытового и строительного мусора (обломок черепицы, кость животного). В частности, неплохо сохранились три полных профиля стаканов из прозрачного голубого стекла, расписанные желтой и красной эмалью (рис. 14, *21*), и обгоревший рельефный полихромный поясковый изразец конца XVII в. (рис. 14, *22*), имеющий аналогию в коллекции ГИМ[3]. Фон найденного изразца красный, а изразца из музея залит бирюзовой глазурью: красный цвет на обгоревшем изделии получился при обгорании в пожаре окиси меди в составе поливы.

Эта яма – наиболее раннее из обнаруженных свидетельств освоения исследуемого участка. Интересно, что в ее заполнении находились предметы, связанные скорее с богатым усадебным бытом, чем с жизнью окраины слободы: расписные стеклянные стаканы, изразцы, черепица. При этом

[3] ГИМ. ГК № 2012653.

предметов, уверенно соотносимых с хозяйственной деятельностью Овчинной слободы, среди всех изученных горизонтов найдено не было.

Исходя из полученных результатов, можно заключить, что освоение исследуемого участка осуществлялось на рубеже XVII–XVIII вв. и активно продолжилось в XVIII в. Хотя нельзя полностью исключать несколько более раннее освоение территории, со второй половины XVII столетия, на имеющемся материале пока надежнее говорить о рубеже веков – раннепетровском времени. В целом, учитывая достаточно позднее освоение участка и отсутствие среди находок предметов, связанных с обработкой овчин и шерсти, следует предположить, что Руновский переулок не входил в границы Овчинной слободы и стал застраиваться к моменту ее исчезновения (вероятно, сразу усадьбами).

С конца XVIII столетия документально прослеживается история развития и застройки участка – от большой купеческой усадьбы, погибшей в пожаре 1812 г., до владения предприимчивого крестьянина, застроенного кирпичными доходными домами, некоторые из них сохранились до наших дней. В раннесоветский период участок благоустраивался: возведена ограда с кирпичными столбами ворот, выполнено брусчатое мощение, проложены коммуникации. Следы этих и более ранних строительных работ XVIII – начала XX в. прослежены в раскопе вплоть до горизонта освоения участка на рубеже XVII–XVIII вв.

Литература

Адресъ-справочникъ г. Москвы на 1897 годъ. М.: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ, 1896. 1311 с.

АИ. Т. 3. СПб: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. 501 с.

Актовыя книги XVIII столетия [1745–50 гг.]. М.: Тип. А. Г. Кольчугина, 1897. 353 с.

Актовыя книги XVIII столетия [1751–56 гг.]. М.: Тип. А. Г. Кольчугина, 1898. 350 с.

Баталов А. Л., Беляев Л. А., 2010. Сакральное пространство средневековой Москвы. М.: Дизайн. Информация. Картография. 400 с.

Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1904 год. М.: Изд. Моск. гор. управы, 1904. 657 с.

Гольденберг П. И., 1968. Загадка «Петрова Чертежа» – первого русского плана // Наука и жизнь, авг. С. 51–53.

Забелин И. Е., 1884. Материалы истории, археологии и статистики московских церквей. Ч. 1. М.: Изданіе Московской городской Думы. 1384 стб.

Историко-культурное обследование. Историко-культурный опорный план. Микрорайон 42. Квартал 365. Руновский переулок, вл. 14. Ул. Большая Татарская, вл. 5/14, стр. 9. № 475/06. М.: Моспроект-2 / Архив ДКН г. Москвы, ИКОП № 475/06, 2005.

Кузьминский. К., 1910. Что осталось от Москвы после пожара 1812 года. М.: Гор. тип. 31 с.

Павлов А. С., 1873. Еще наказный списокъ по Стоглаву. Одесса: Печ. въ тип. Ульриха и Шульце. 37 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.) / Сост. Мустафина Д. А., Трепавлов В. В. Казань: Татарское кн. изд-во, 2006. 391 с.

Рачинский Я. З., 2011. Полный словарь названий московских улиц. М.: Информполиграф. 634 с.

Романюк С. К., 1988. Из истории московских переулков. М.: Московский рабочий. 303 с.

Хотев А., 1852–1853. Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы А. Хотева. М.: Тип. Ведомостей Моск. гор. полиции. 184 с.

N. S. Artemov, N. A. Zherve

On the History of the Development of Zamoskvorechye according to Archeology: Runovsky Lane, Possession 14 – Chronology, Topography, Toponymy

Summary

This article is devoted to the archaeological study of one of the historical possessions in Zamoskorechye, in Runovsky Lane, its chronology, toponymy and topography. The origin of the lane's name was associated by historians with the Runovka tract and Ovchinnaya Sloboda. The development of the site according to pictorial and written sources has been traced since 1739, in detail since 1768. Archaeological work has established the development of the site from the turn of the 17th–18th century. Its desolation was confirmed in the first half of the 19th century, building elements of the second half of the 19th and the first half of the 20th centuries were discovered, and the absence of markers linking the site under study with Ovchinnaya Sloboda was recorded.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.332-338

Ю. А. Лихтер, К. А. Егоров
ООО «Археологические изыскания в строительстве» (г. Москва)

Стеклянная елейница из Крутицкого подворья

В Крутицах, в народном Музее ратной истории Москвы выставлена рюмка, на ней шифр Кр-81 и надпись «Саркофаг». Рюмка сохранилась почти полностью (рис. 1), но не хватает самого верха с краем, поэтому нельзя установить точную высоту. У нее колоколовидное тулово[1], цилиндрическая ножка, подножка коническая. Стекло бесцветное.

Внутри ножки виден филигранный столбик белого стекла, на который надета трубка со спиральной красной нитью. Тулово и подножка выдуты в форму, а затем соединены с ножкой.

Техника изготовления филигранного стекла подробно описана Качаловым (1959. С. 114–118. Рис. 72–83) (рис. 2).

Анализ химического состава стекла[2] показал, что основа изготовлена из калиево-кальциевого стекла, что было стандартом для европейского стеклоделия XVII–XIX вв.

Бокалы и рюмки на ножках с филигранью встречаются при археологических исследованиях в Москве (рис. 3, *1*). Аналогичные сосуды из коллекции ГИМ Н. А. Ашарина относит к продукции завода Орлова, существовавшего в начале XIX в. (*Ашарина*, 1998. Гл. 6. № 43), но подобные сосуды, в основном английского производства, известны в Западной Европе как минимум со второй половины XVIII в. (Англия, около 1750 г., Нидерланды или Англия, около 1750 (*Ruempol, van Dongen*, 1991. P. 240, № 820; p. 240 № F10048 (рис. 3, *2, 3*). Англия, около 1750 (Miller's glass… 2004. p. 132 б/№; 1750; p. 114 б/№; Англия (?); 1765).

Можно привести описание аналогичного бокала в мемуарах. С. Т. Аксаков в «Семейной хронике», описывая приезд Алексея Степановича Багрова (Тимофея Степановича Аксакова) в 1788 г. в родительский дом с молодой женой, упоминает парадный бокал, употреблявшийся в семье в торжественных случаях: «…бокал с белыми узорами и синеватой струйкой, которая извивалась внутри стеклянной ножки» (*Аксаков*, 1987. С. 115).

От встречающихся в культурном слое Москвы и других городов наша рюмка отличается формой тулова: у них тулово либо коническое, либо полуэллипсоидное, а у нашей рюмки – колоколовидное, с отогнутой наружу верхней частью. Она похожа на рюмку с аналогичными ножкой и туловом, у которой на тулове дополнительно вырезана сложная декоративная композиция с гербом Радзивиллов (рис. 4). У рассматриваемой рюмки также более сложная, чем обычно, технология изготовления ножки, как описано выше. Основываясь на этих признаках, рюмку можно отнести к категории высокостатусных предметов.

На этикетке указано, что она происходит из саркофага кого-то из церковных иерархов. Как сообщил В. Н. Дегтярев[3], рюмку обнаружили реставраторы (главный архитектор проекта – Н. А. Быковская) в каком-то саркофаге и передали с прочими находками (изразцы и т. п.) П. Д. Барановскому.

По обычному отношению к находкам из поздних слоев в то время никаких подробностей не сохранилось. От СНРПМ[4] осталась комната, куда складывались археологические находки, сделанные при реставрационных и археологических работах, без особой документации.

По-видимому, она была употреблена в качестве елейницы – сосуда, в который сливалось

---

[1] Размеры см. ниже.

[2] Энергодисперсионный рентгеновский микроанализ, аналитик А. В. Михайлова (отдел научной реставрации произведений из металла ВНИИР).

[3] Представитель религиозной организации «Подворье Патриарха Московского и всея Руси храма Успения Пресвятой Богородицы на Крутицком подворье г. Москвы Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».

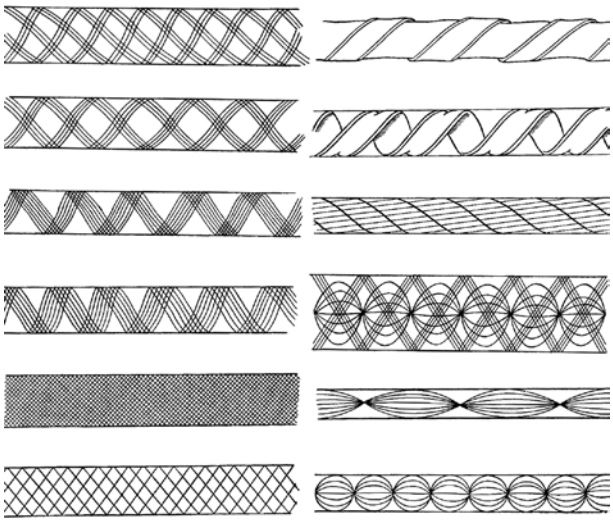
[4] Специальные научно-реставрационные производственные мастерские.

Рис. 1. Елейница (фото Ю.А. Лихтер, 2024)
1 – общий вид; *2* – вид снизу

оставшееся при миропомазании умершего миро. Для этой цели использовались самые разнообразные сосуды из стекла или керамики – поливные керамические стаканчики, мисочки, стеклянные бокалы, разные флаконы. В последнее время их начали активно публиковать *(Лихтер, Балашов, Пономаренко*, 2018; *Панченко*, 2019; *Кочкина, Цибин,* 2020).

Особенно интересны стеклянные сосуды XVI в. из некрополя русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля,

77. Узорчатые стволики для изготовления филигранных стеклянных изделий

Рис. 2. Виды филигранных столбиков (*Качалов*, 1959. С. 115. Рис. 77)

исследованные и опубликованные Е.К. Столяровой (2009; 2018, а – е). Как елейницы использовались высококачественные стеклянные сосуды.

История Крутицкого подворья детально рассмотрена исследователями (*Егоров, Беркович*, 2021. С. 9–15). Первое упоминание храма на Крутицах относится к концу 1350-х годов. В середине XV в. сюда, на берег реки Москвы, у впадения в нее безымянной речки (в будущем р. Сара), перевели кафедру Сарских и Подонских епископов, основанную в 1261 г. в столице Золотой Орды.

В 1516 г. на подворье началось строительство каменного Успенского собора. В соборе устроили ризничную палату и архиерейскую усыпальницу. За свою долгую историю это здание претерпело целый ряд трансформаций. В разное время здесь существовали: кафедральный Успенский собор с Никольским приделом (1516–1672 гг.), Крестовая палата с домовой Никольской церковью (1672/1675–1760-е годы), церковь Воскресения Христова с Никольским приделом (1768–1788 гг.), архив Управления Московского уездного воинского начальника (XIX – начало XX в.), жилой дом (1936/1938–1970 гг.), объект реставрации (с 1970 г.).

В 1788 г. после расформирования Крутицкой епархии подворье перешло в ведение московского главнокомандующего, а новый Успенский собор превращен в приходскую церковь. На территории бывшего подворья разместили воинские подразделения, для чего часть зданий перестроили под казармы, склады, гауптвахту, канцелярию, архив, арсенал и пр. Место восточного сада заняли казармы и обширный казарменный двор. В середине 1920-х

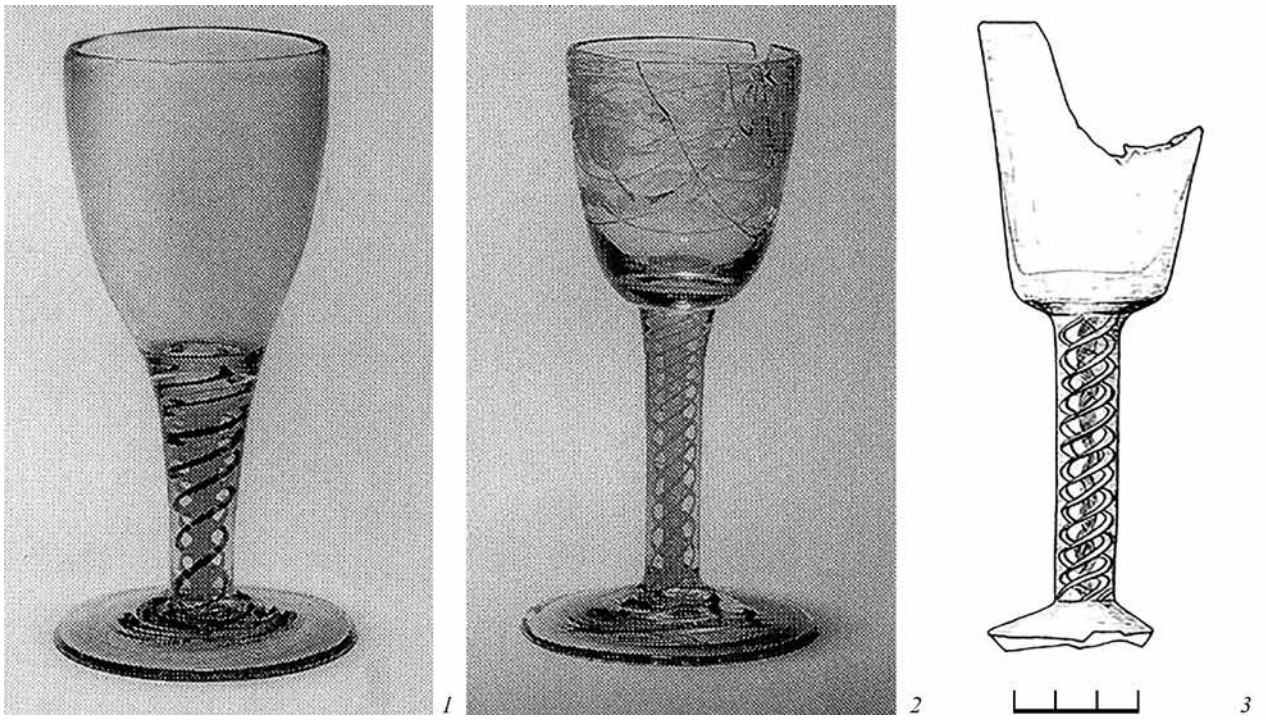

Рис. 3. Аналогии сосуду-елейнице из Крутицкого подворья
1 – Нидерланды или Англия, около 1750 г. (*Ruempol, van Dongen*, 1991. P. 240. № 820); *2* – Англия, около 1750 г. (*Ruempol, van Dongen*, 1991. P. 240. № F10048); *3* – Москва (*Лихтер*, 2024. № 99. Рис. III, 1, *3*)

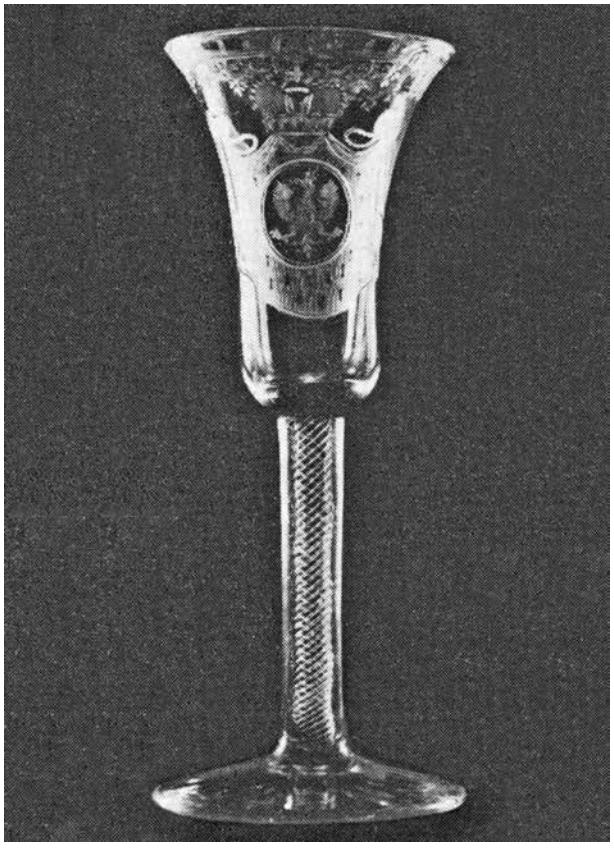

Рис. 4. Бокал с гербом Радзивиллов, 1770–1780 гг. Польша (*Kamienska*, 1964. Fig. 29, в центре

годов новый Успенский собор закрыли. В нем организовали общежитие Московского военного округа, в казармах – Московскую гарнизонную гауптвахту. В других зданиях на долгие годы обосновались жильцы и различные организации-арендаторы, в том числе СНРПМ под руководством П. Д. Барановского.

С 1991 г. начался процесс передачи зданий Крутицкого подворья Русской Православной Церкви.

Захоронения на исторической территории Крутицкого подворья производились в XV–XVIII вв. Формирование некрополя шло сразу по нескольким направлениям, что отразилось в неоднородности его структуры, давно отмеченной исследователями. Подводя итоги археологических работ 1981 г., Н. П. Пахомов писал, что обнаружены «несомненные следы существовавшего здесь некрополя, может быть, древнейшего не только на территории собственно владычной резиденции, но и в ближайшей округе, служившего местом погребения как местной администрации и обслуживавшего персонала, так и окрестного населения (*Пахомов,* 1981. С. 9).

Основу некрополя составляли могилы крутицких архиереев (епископов и митрополитов). Они располагались внутри храмов в каменных саркофагах (XV–XVI вв., вторая половина XVIII в.) и кирпичных склепах (XVII–XVIII вв.).

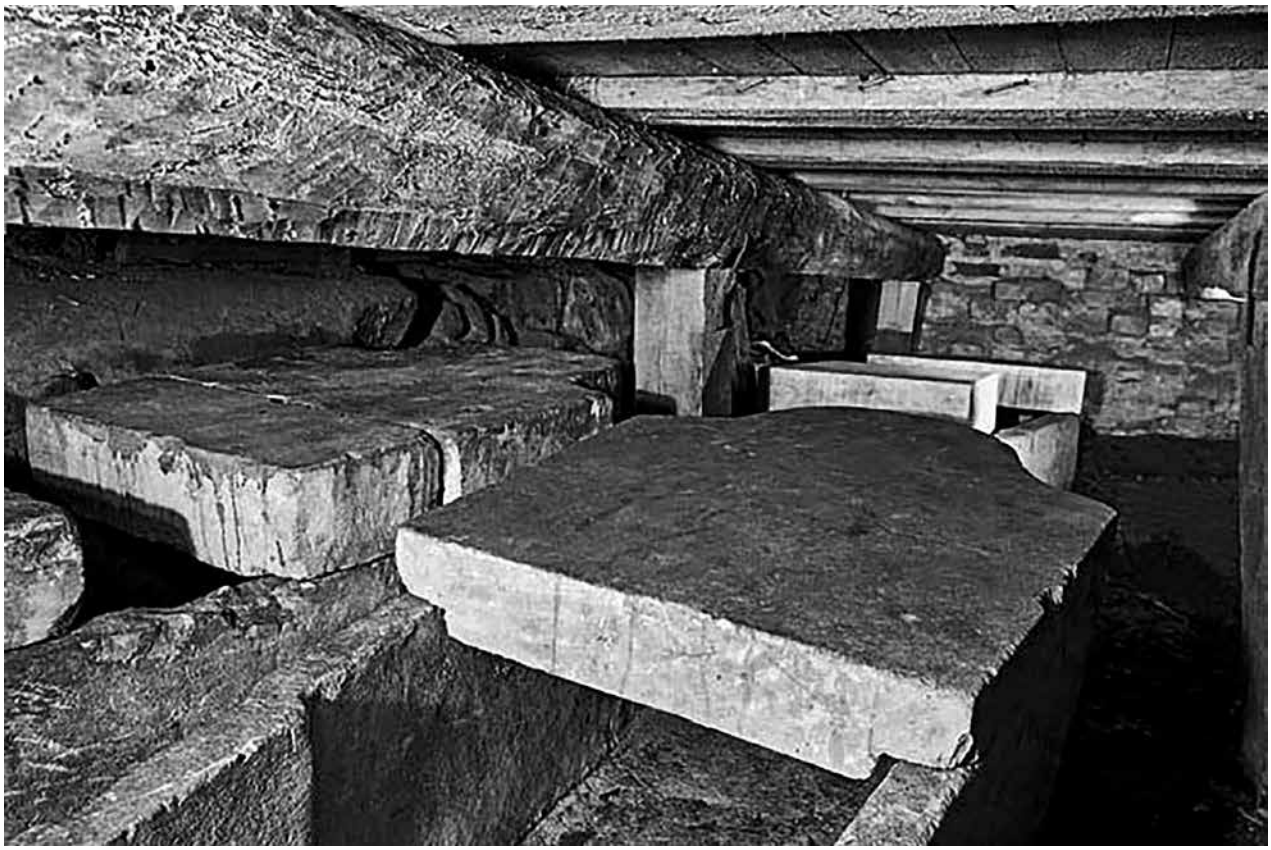

Рис. 5. Саркофаги в Никольском приделе. Фото С. В. Моисеевой. 2019 г.

Последним из крутицких владык на территории подворья похоронен епископ Иларион в 1760 г. Это захоронение состоялось в той самой усыпальнице в старом Успенском соборе, под домовой Никольской церковью.

Фундаментальная белокаменная усыпальница с отдельным входом в погребальную камеру и оконцем, возможно, была рассчитана на два захоронения, но упокоился в ней только епископ Иларион, в связи с чем за ней закрепилось название «гробница (усыпальница) епископа Илариона».

В 1900 г. при осмотре гробницы Илариона рядом с ней (Акт № 2 от 26.08.1900 г. об осмотре комиссией построек при упраздненном Крестовом храме в Крутицких казармах[5]) «осмотрено ближайшее к восточной стене помещение, в котором склепа не найдено, но на глубину роста человеческого была до осмотра открыта земля до поверхности трех плит каменных гробов, <…> в гробе, который удалось осмотреть через упомянутое выше отверстие в надгробной плите, была видна верхняя часть останков с хорошо сохранившейся одеждой, по-видимому мантией с серебряным шитьем, в изголовье с правой стороны стеклянный сосуд синего цвета, форма и размеры которого точно не могли быть определены…» (Акт № 2 комиссии 1900 г.). Это может служить подтверждением использования стеклянной посуды в качестве елейниц, и, возможно, в других гробах также были елейницы, но к настоящему времени ничего не сохранилось.

В 1970 г., после передачи здания бывшей Воскресенской церкви с Никольским приделом для реставрации Московскому отделению ВООПИК[6] проведены работы по расчистке завалов «под общим руководством научного руководителя реставрационных работ П. Д. Барановского при периодических посещениях археолога Н. В. Колышницына» (*Юркевич*, 1971. Прил. 6. Л. 54).

Тогда же в северо-западной части здания расчистили усыпальницу епископа Илариона. Исследователями отмечалось, что при ее сооружении использовались фрагменты надгробий более ранне-

[5] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 3325. Л. 6, 6 об.

[6] Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

го времени, само же захоронение епископа обнаружено осквернённым: «крышка гробницы… разбита, большая часть костей и череп выброшены из каменной гробницы и перемешаны со щебнем и мусором, плита с эпитафией выбита из стены и т. п. Здесь явно работали кладоискатели с целью ограбления». Тем не менее некоторые предметы погребального инвентаря удалось найти: фрагменты облачения, части кожаного пояса, навершие митры из серебра с драгоценными камнями и янтарная панагия в серебряной оправе. 6 ноября 1971 г. Никольский придел осмотрен археологом С. З. Черновым. По составленным им тогда записям и плану позднее сделано описание, дополняющее архивные материалы важными деталями: «В западной части Никольского придела обнаружен белокаменный склеп (в его кладке использованы белокаменные плиточные надгробия) с несколькими захоронениями, одно из которых было раскрыто. В центральной части придела на уровне пола было раскрыто белокаменное плиточное надгробие, рядом вскрыто погребение, которое также было сделано с уровня пола. В восточной части придела на глубине 1 м от уровня пола придела обнаружено 3 каменных гроба», погребения в которых не сохранились (рис. 5) (Культура… 2005. С. 483. № 119, 120).

В 1981 г. Н. П. Пахомов проводил археологические работы на территории Крутицкого подворья, но в его отчете сказано, что на раскопанном участке в XVIII в. располагался сад (*Пахомов*, 1981. С. 9).

Материалы о реставрационных работах 1981 г. нами пока не найдены, Н. А. Быковская слезницу не помнит. Среди собранных К. А. Егоровым материалов нет сведений о реставрационных работах в 1981 г.

Рассматриваемая елейница датируется второй половиной XVIII в., но в собранных архивных материалах нет упоминаний о погребениях XVIII в., кроме погребения епископа Илариона. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что сведения по истории исследований на территории Крутицкого подворья пока не дают возможности определить, к какому погребению могла относиться рассматриваемая елейница.

Тем не менее авторы хотели бы обратить внимание научного сообщества на уникальный артефакт.

Описание рюмки-елейницы из Крутицкого подворья

Рюмка-елейница
Фрагмент; коррозия локально
Крутицкое подворье, 1981 г.
Комплекс: саркофаг
Аналогии: Ruempol, van Dongen, 1991. P. 240 № 820. Нидерланды или Англия, около 1750 г.; p. 240, № F10048. Англия, около 1750 г.; Miller's guide, 2004. P. 132, б/№; 1750 г.; Miller's glass… 2004. P. 114, б/№; Англия (?); 1765 г.; *Лихтер*, 2024. № 2108
Форма и размеры
Общая высота: н/у
Форму, диаметр и толщину края нельзя установить
Тулово
Форма: округлое, конус расходящийся, усеченный дважды, вогнутый (колоколовидное)
Общая высота сохранившейся части – 6,6[7]
Диаметр середины – 4,0; диаметр низа – 2,3; толщина – 0,31
Дно плоское; диаметр – 2,3
Ножка
Форма: округлая, цилиндр
Строение: многослойная
Высота – 5,9; диаметр – 1,3
Подножка
Форма: округлая, конус, усеченный сверху
Строение: сплошная цельная, отдельный элемент
Высота (толщина) – 1,2; диаметр вверху – 1,3; диаметр внизу – 6,05; толщина – 0,22
Цвет основы: серо-голубой слабый; стекло прозрачное
Декор
Материал: стекло
Цвет декора: красный сильный; белый ахроматический, непрозрачный
Место расположения: ножка
Композиция: столбик с белой сетчатой филигранью вставлен в трубку (?), обвитую красной нитью. Все покрыто защитным слоем
Характер
Профиль: плоский
Проработка: силуэт
Техника изготовления основы
1. Выдувание в форму – основа.
2. Вытягивание палочки – ножка.
3. Выдувание в форму заготовки – подножка.
Все сварено
Техника нанесения декора: венецианская филигрань
Химический состав
Анализ № 262, 263

[7] Здесь и далее все размеры даны в сантиметрах.

Аналитический метод: энергодисперсионный рентгеновский микроанализ
Автор: Михайлова А. В. (отдел научной реставрации произведений из металла. ВНИИР)
Часть: основа
Источник щелочей: зола континентальных растений
Тип стекла: K_2O-CaO-SiO_2
Краситель: нет
Обесцвечиватель: нет

Результаты анализа (%)

№ анализа	Na_2O	K_2O	CaO	Al_2O_3	Fe_2O_3	SnO_2	P_2O_5	Cl	SiO_2	SO_3
262	0,7	12	18,8	1,7	0,5	0,5	2,4	0,4	65,6	0,5
263	0,6	10,8	17	1,9	0,6	0,2	3,1	0,5	64,4	0,8

Литература

Аксаков С. Т., 1987. Избранное. М.: Московский рабочий. 542 с.

Ашарина Н. А., 1998. Русское стекло XVII – начала XX в. М.: Галарт. 312 с.

Егоров К. А., Беркович В. А., 2021. Белокаменные надгробия и саркофаги Крутицкого подворья. М.: Археологические изыскания в строительстве. 334 с.

Качалов Н. Н., 1959. Стекло. М.: АН СССР. 463 с.

Кочкина А. Ф., Цибин В. А., 2020. Парфюмерные флаконы из погребений Всехсвятского кладбища середины XIX – первой четверти XX века в Самаре // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 388–399.

Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. II. М.: Наука, 2005. 651 с.

Лихтер Ю. А., 2024. Московская стеклянная посуда XVI–XIX веков. М.: Буки Веди. 256 с.

Лихтер Ю. А., Балашов А. Ю., Пономаренко А. К., 2018. Погребения со слезницами. Археологические исследования нового кладбища Спасо-Андроникова монастыря в 2016 году // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 409–413.

Панченко К. И., 1919. Традиция погребения с сосудами на примере некрополя Нового времени Московской духовной академии // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 356–365.

Пахомов Н. П., 1981. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях, проводившихся в 1981 году на территории бывшей резиденции крутицких митрополитов / Архив ИА РАН. Р-1. № 16873.

Столярова Е. К., 2009. Методика изучения стеклянных сосудов из царских захоронений Вознесенского монастыря // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений / Отв. ред. Т. Д. Панова. М. С. 304–317.

Столярова Е. К., 2018а. Исследование сосуда [Захоронение царевны Феодосии Федоровны. 1594 год] // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 3. Погребения XVI – начала XVII века. Ч. 2 / Отв. ред. Т. Д. Панова. М. С. 250–255.

Столярова Е. К., 2018б. Исследование сосуда [Захоронение царицы Анастасии Романовны. 1560 год] // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 3. Погребения XVI – начала XVII века. Ч. 1 / Отв. ред. Т. Д. Панова. М. С. 269–274.

Столярова Е. К., 2018в. Исследование сосуда [Захоронение царицы Ирины Федоровны Годуновой. 1603 год] // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 3: Погребения XVI – начала XVII века. Ч. 2 / Отв. ред. Т. Д. Панова. М. С. 325–331.

Столярова Е. К., 2018г. Исследование сосуда [Захоронение царицы Марфы Васильевны Собакиной. 1571 год] // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 3. Погребения XVI – начала XVII века. Ч. 2 / Отв. ред. Т. Д. Панова. М. С. 171–181.

Столярова Е. К., 2018д. Исследование сосуда [Предполагаемое захоронение царевны Евдокии Ивановны. 1558 год] // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 3. Погребения XVI – начала XVII века. Ч. 1 / Отв. ред. Т. Д. Панова. М. С. 223–227.

Столярова Е. К., 2018е. Приложение 5. Стеклянные сосуды XVI века из некрополя Вознесенского собора // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского

Кремля. Т. 3. Погребения XVI – начала XVII века. Ч. 2 / Отв. ред. Т. Д. Панова. М. С. 423–428.

Юркевич Э. А., 1971. Отчет о проведении археологических исследований на территории Крутицкого дворцового комплекса XV–XVIII вв. Приложение 6 (Акт о научных открытиях и находках в бывшей Воскресенской церкви Крутицкого дворца в Москве от 20 октября 1971 г.) / Архив ИА РАН. Р-1. № 5617.

Kamienska Z., 1964. Manufactura Szklana w Urzeczu. 1737–1846. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo Naukowe. 238 s.

Miller's glass buyer's guide. L.: Octopus Publishing group Ltd, 2004. 320 p.

Ruempol A. P. E., van Dongen A. G. A., 1991. Museum Boymans – van Beuningen Rotterdam. Pre-industrial Utensils 1150–1800. Rotterdam: de Bataafsche Leew. 304 p.

Yu. A. Likhter, K. A. Egorov

Glass Spray Vessel from the Krutitsy Yard

Summary

This article describes the discovery of a glass vessel from the burial of a church hierarch from the second half of the 18th century. The burial took place on the territory of the Krutitsy Yard, in a crypt in the old Assumption Cathedral, beneath the Nikolskaya Church. The vessel is made of potassium-calcium glass and decorated with Venetian filigree.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.339-351

А. А. Мирясова, О. Н. Глазунова, Р. В. Зарифулин
Институт археологии РАН (г. Москва)

Черепица и изразцовые печи Троице-Сергиевой лавры 1740-х годов по материалам раскопок 2023 года

В статье рассматривается керамическое убранство (черепичная крыша и изразцовые печи) одной из построек комплекса царского дворца 1740-х годов в Троице-Сергиевой лавре. Постройка была целенаправленно разобрана, в результате чего в культурный слой попали практически полные печные комплекты и целые фрагменты черепичной крыши, сохранившие порядок кладки.

В 2023 г. в ходе работ экспедиции ИА РАН (под руководством А. В. Энговатовой) в северной части Троице-Сергиевой лавры, возле монастырской ограды, к востоку от Звонковой башни, обнаружен крупный завал чернолощеной красноглиняной лотковой черепицы, в том числе фрагменты рухнувшей крыши (раскопы 84 и 85). Полученный материал дает возможность представить облик монастырских построек первой половины – середины XVIII в., практически не отраженный в письменных и графических источниках.

Интересные результаты показало сопоставление параметров черепицы из раскопов 84 и 85 с параметрами неиспользованной белоглиняной лотковой черепицы более раннего времени, которой был вымощен участок перед входом в Звонковую башню (раскоп 77 2022 г.)[1] (рис. 1). В целом это черепица того же типа, но и датировка комплексов, и выявленные в результате исследования особенности технологии изготовления хорошо отражают как разные этапы монастырской строительной истории, так и собственно развитие керамического производства в монастыре.

Троице-Сергиева лавра – один из важнейших монастырей России. Влияние его на другие русские монастыри общеизвестно и бесспорно. Большой удачей является то, что именно здесь мы можем проследить определенные моменты до сих пор еще недостаточно хорошо изученной истории изготовления и применения черепицы в России. Своей задачей мы видим введение в научный оборот новых материалов, что приведет к увеличению объема данных по этому вопросу.

Что касается изразцовых печей, то изучение хорошо датированного единовременного комплекса позволило по-новому взглянуть на историю изразцового производства Троице-Сергиевой лавры.

Всего на данном объекте собрано и исследовано 329,3 кг черепицы (171,6 кг на раскопе 84, 151,1 кг на раскопе 85 и 6,6 кг из наблюдений и шурфа вблизи раскопа 85). Наибольший интерес представляет не поврежденный перекопами участок слоя черепицы в центральной части раскопа 84; здесь зафиксировано три куска завалившейся крыши, где черепица со связующим раствором сохранила реальный порядок исторической кладки.

Этот участок расположен к западу от открытого при раскопках валунного фундамента с белокаменным цоколем (объект 1545) – всего, что сохранилось до настоящего времени от части западной стены Житного двора монастыря со встроенными в нее помещениями. Черепица, очевидно, относится именно к этой постройке. Данные письменных источников позволяют предположить, что это было за здание.

Наиболее ранним графическим источником по планировке и застройке монастыря принято считать икону XVII в. «Обитель преподобного Сергия Радонежского Чудотворца». На списке XIX в. с этой иконы из собрания Троице-Сергиевой лавры (рис. 2) Житный двор не имеет ограды. Монастырская опись 1701 г. указывает в районе находки только Царские чертоги и деревянные покои (старый дворец). «В дому ж Живоначалныя Троицы в Сергиеве монастыре великого

[1] Результаты исследований черепицы этого комплекса представлены нами в статье (*Энговатова и др.*, 2024).

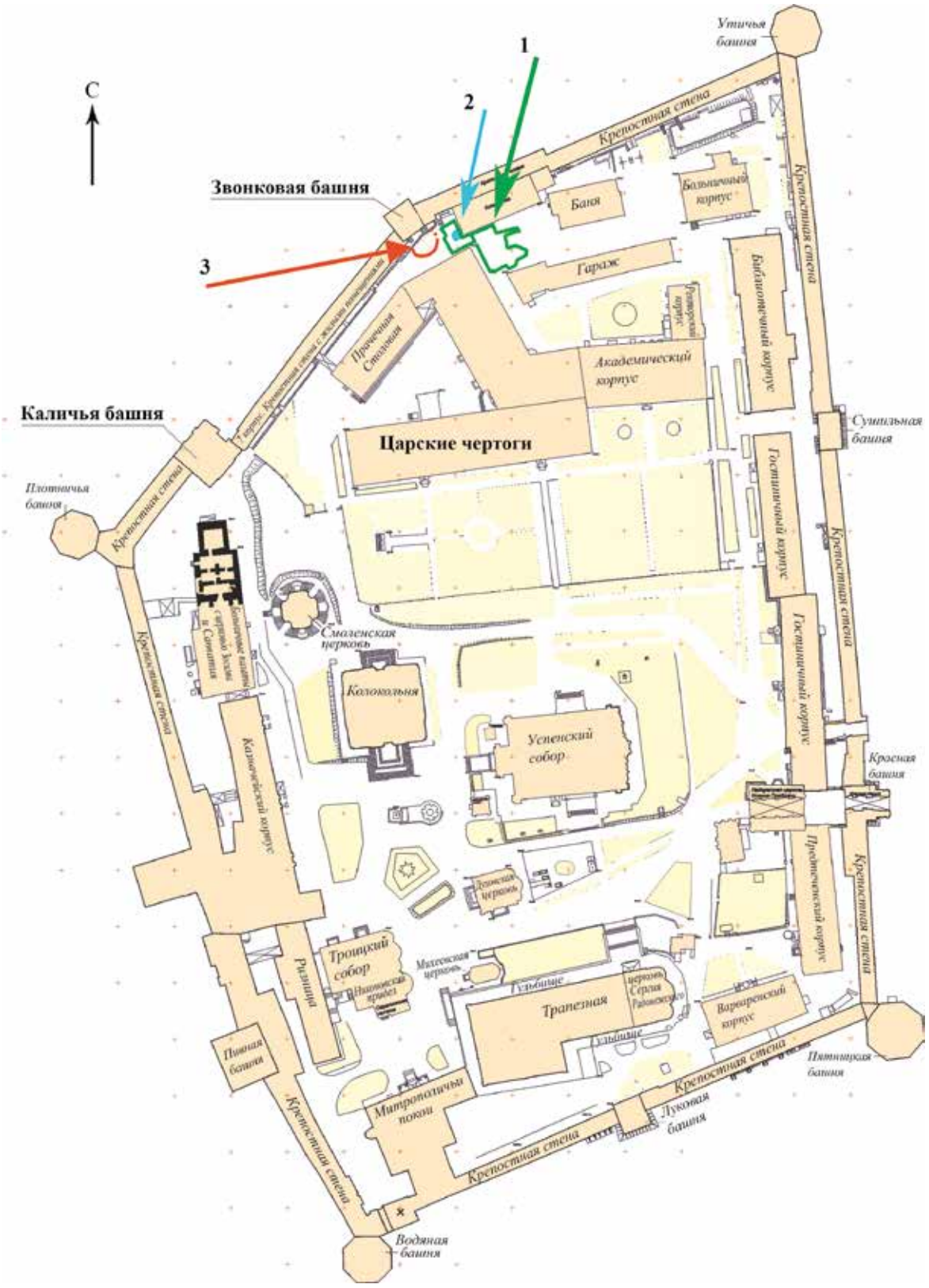

Рис. 1. Схема Троице-Сергиева монастыря с указанием места находок завала черепицы (1) с фрагментами рухнувшей крыши (2) на раскопах 84 и 85 2023 г. и развала черепичного боя у входа в Звонковую башню на раскопе 77 2022 г. (3)

государя хоромы каменного и деревянного строения» (Опись… 1701. Л. 383).

Каменная стена Житного двора появляется после пожара 1714 г., когда сгорели все здания на Житном дворе и пострадали чертоги. На планах конца 1730-х годов[2] каменная стена ограды Житного двора уже отображена (рис. 3). Она примыкает к северо-восточному углу чертогов. Деревянного дворца на этих планах нет. Видимо, он сгорел в пожаре 1714 г.

Согласно «Планной книге», альбому планов и чертежей Троице-Сергиевой лавры 1740-х гг.[3], к западной стене Житного двора пристроены покои, кельи для дворцовых служителей и дворцовая кухня (рис. 4). Постройка отображена как на общем плане[4], так и на отдельном, более подробном, дополненным рисунком фасада[5]. Скорее всего, это и есть здание, фундаменты которого найдены при археологических работах 2023 г. Других источников об этом строительном периоде у нас нет, так как обширный архив монастыря погиб в пожаре 1746 г.

Сама постройка просуществовала до конца XVIII в. и была сломана в районе 1780-х гг., при архимандрите Платоне (Левшине), чья деятельность в лавре прочно ассоциируется с благоустройством и поновлением (*Зубов*, 2002. С. 386).

Не исключено, что крышу разобрали, пока здание еще стояло. Под слоем черепицы центральной части раскопа 84, где зафиксированы куски завалившейся крыши, обнаружены единичные фрагменты изразцов конца XVII – начала XVIII в. Основная масса таких же изразцов собрана к юго-востоку от завала крыши, внутри уже упомянутого выше валунного фундамента строения, встроенного в западную стену Житного двора.

Представлены изразцовые наборы двух типов: с рельефными полихромными раппортными и с рельефно-расписными (псевдогербовыми) изразцами. Фрагменты изразцов хорошо подбирались и склеивались. Судя по количеству найденных обломков и собранных целых изразцов, перед нами комплекты от четырех печей: две из них облицованы рельефными полихромными изразцами (собраны части 217[6] экземпляров); две – рельефно-расписными (собраны части 215 экземпляров),

Рис. 2. Расположение Житного двора на иконе «Обитель преподобного Сергия Радонежского Чудотворца» (список XIX в. с иконы XVII в. СПГИХМЗ. Инв. 4408 ИХО)

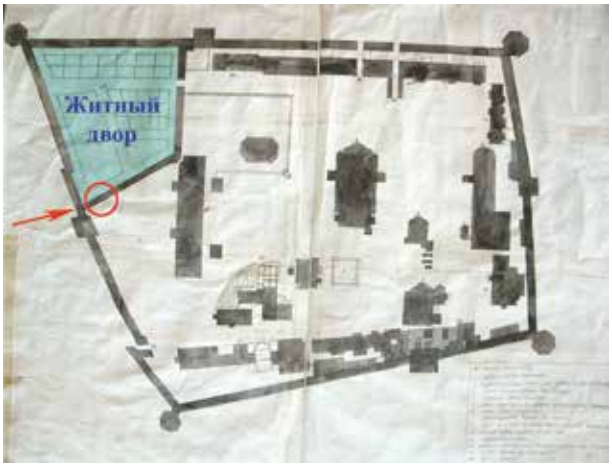

Рис. 3. Житный двор и место находки завала черепицы (раскопы 84 и 85) на плане Троице-Сергиева монастыря, около 1738 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1146. Разные дела. Л. 884)

[2] РГАДА. Ф. 248. Кн. 1146. Разные дела. Л. 884.

[3] Хранится в архиве СПГИХМЗ (инв. 5565 ИХО).

[4] Архив СПГИХМЗ (инв. 5565 ИХО. Л. 10а).

[5] Архив СПГИХМЗ (инв. 5565 ИХО. Л. 37).

[6] Конечно, при раскопках собраны не все стоявшие в печах изразцы, да и подсчет по экземплярам не может быть абсолютно точным. Ясно, что изразцов больше, чем нужно на одну печь, и, хотя количество недотягивает до полного комплекта двух печей, тем не менее предположение вполне весомое.

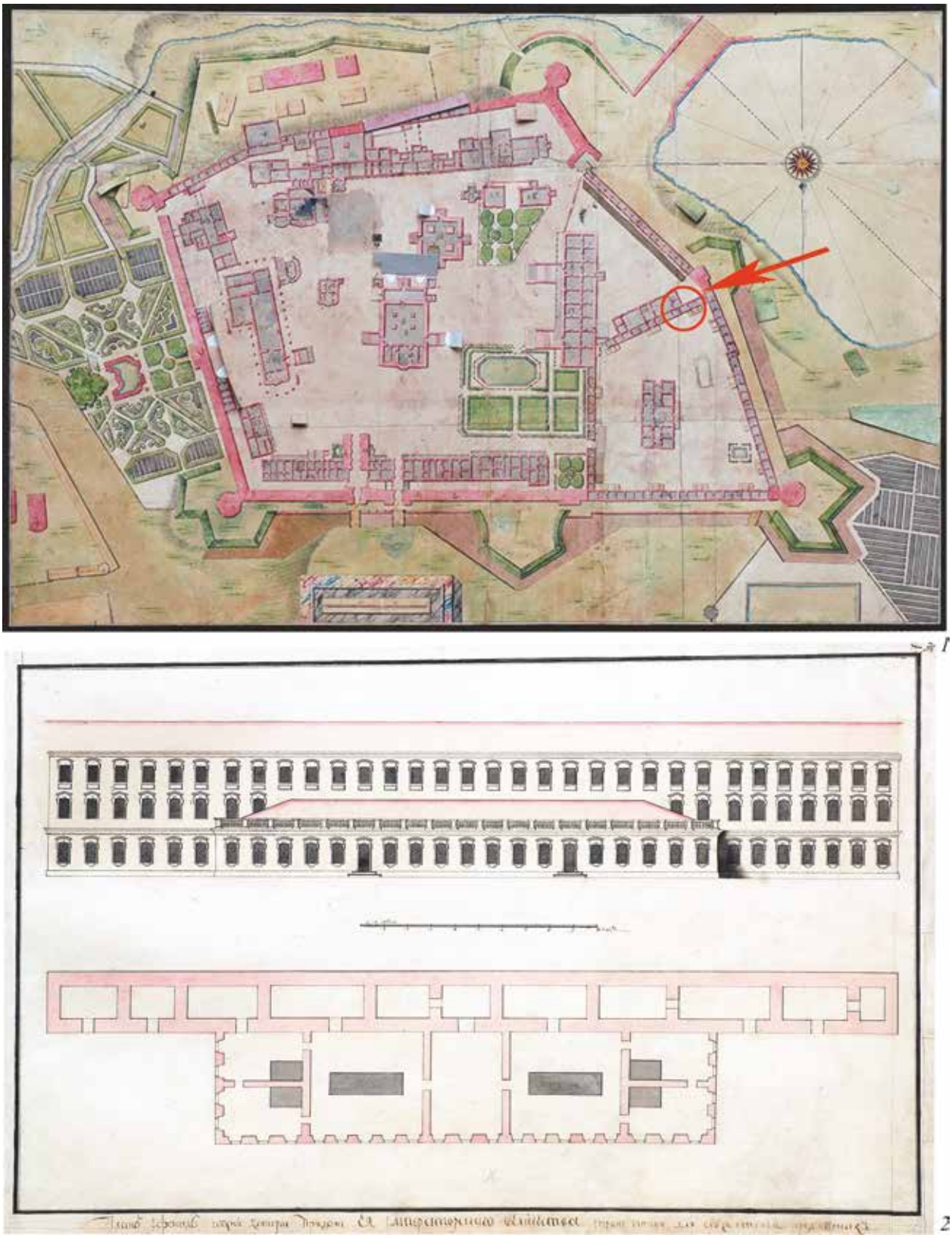

Рис. 4. Пристройка и помещения западной стены Житного двора на иллюстрациях из Планной книги (архив СПГИХМЗ. Инв. 5565 ИХО)
1 – общий план монастыря с указанием места находки (л. 10а);
2 – рисунок фасада и план дворцовой кухни и покоев придворных служителей (л. 37)

что полностью соответствует плану здания покоев (рис. 4, *2*), где показано четыре отопительные печи и две печи кухонные (последние изразцами не обкладывались).

В комплекты печей, облицованных рельефными полихромными изразцами, входят (рис. 5):

– лицевые раппортные изразцы, составляющие четырехизразцовое печное клеймо в виде коврового полотна с центральным круглым рифленым медальоном-картушем. Внутри картуша изображен букет из трех стилизованных виноградных лоз. Над медальоном еще две соединенные виноградные лозы. Внизу полотенце, продернутое в кольца. В его центре – стилизованный букет-венок из плодов. Клеймо обрамлено узорчатой каймой, заполненной полукружьями. Общий рисунок клейма представляет собой вариант распространенного в Москве печного раппорта, более известного по печи из Михайловской церкви Немецкой слободы (ныне находится в музее «Коломенское»);

– фризовые изразцы с изображением центрального трехлепесткового криновидного бутона с двумя нижними листиками и с симметрично расходящимися от него в обе стороны растительными побегами;

– карнизы с сеткой из ромбов, обрамленной снизу и сверху кринами;

– фигурные городки в виде узорного семичастного листа.

В этих комплектах отсутствуют валики, ножки и арки, что указывает на установку печей, скорее всего, непосредственно на полу помещения без дополнительной нижней части, присутствующей, например, у печи из Михайловской церкви.

Изразцы изготовлены из красной глины. Румпы отступающие. Использовано четыре цвета эмалей: основной фоновый цвет бирюзовый, фон картуша-медальона белый, в росписи мелких элементов применялись синий, желтый и белый цвета.

Помимо полихромных изразцов в комплект входили такие же изразцы, но без поливы. Ими облицовывались боковые части печей – обычная практика в то время. На тыльной стороне таких изразцов следы сажи, что подтверждает их использование в печах. Поскольку изразцов без поливы не очень много и при этом среди них присутствуют все вышеперечисленные составляющие печного комплекта, можно предположить, что изразцами без поливы выкладывались все же только самые дальние участки боковых частей печей.

Если сравнить рисунки троицкого и московского четырехизразцовых клейм, бросается в глаза, что вместо абстрактных цветов и листьев московского варианта в троицком использованы изображения виноградных лоз и венка-букета из плодов. Это указывает на предпочтения заказчика, выбравшего для своих печей сакральные символы.

Рис. 5. Фрагмент зеркала печи (4-частное раппортное клеймо из рельефных полихромных изразцов и часть фризового пояса), лежавшей под слоем черепицы

В комплекты печей, облицованных рельефно-расписными (псевдогербовыми) изразцами (рис. 6, *1*), входят:

– лицевые изразцы с центральным выпуклым овальным медальоном внутри поля герба с округлой нижней частью, с выступом-кримом и двумя симметричными выступами вверху. Венчает герб корона. Рисунок герба образован стилизованными растительными плетями. В овальном медальоне роспись синей эмалью – цветок. Синими травами и цветами украшено также свободное поле изразца;

– фризы с горизонтальным выпуклым медальоном в обрамлении растительных плетей, соединенных кринами по бокам. В медальоне такой же синий цветок, как и на лицевых изразцах (чаще всего тюльпан);

– карнизы двух видов, уменьшающие и увеличивающие. Схема рисунка такая же, как и на фризах: горизонтальный медальон с цветком в обрамлении растительных плетей, соединенных кринами, на полочке – гирлянда треугольников;

– валики с круглым медальоном в обрамлении растительных плетей;

– арки с овальным медальоном, висящим на полотенце, продернутом в кольца;

Рис. 6. Рельефно-расписные (псевдогербовые) изразцы
1 – от печных комплектов, собранных под завалом черепицы; *2* – в облицовке печи из надвратной церкви Троице-Сергиевой лавры (*Маслих*, 1983. Рис. 167)

– ножки сложной формы, с плоским круглым медальоном в окружении растительных элементов на прямой (средней) части изделия. На нижней выпуклой части – растительно-геометрические орнаменты в виде гирлянды из листьев аканта и ленты из дольчатых элементов. Такая же гирлянда, только уже без ленты дольчатых элементов, украшает верхнюю выпуклую часть.

В данном комплекте отсутствуют городки. Видимо, их заменял фризовый пояс.

Изразцы изготовлены из красной глины. Румпы отступающие. Использовано четыре цвета эмалей: белый, синий, желтый и бирюзовый в двух вариантах расколеровки, основное отличие которых – цвет фона: в одном случае он белый, во втором – бирюзовый. Для растительных плетей использовался желтый цвет, для росписи – синий, фон медальонов всегда белый.

Как и у рельефной полихромной печи, в комплект входят изразцы без поливы для облицовки боковых частей печи.

Печь, облицованная такими же рельефно-расписными изразцами, сохранилась до настоящего времени в Надвратной церкви Троице-Сергиевой лавры. Особый интерес для нашей темы представляет ее починка фризовыми рельефно-полихромными изразцами, аналогичными тем, что входят в собранный при раскопках комплект рельефной полихромной печи (*Маслих*, 1983. Рис. 167) (рис. 6, *2*). Это подтверждает как минимум одновременное бытование изразцов.

Найденные в раскопах возле Житного двора печи (точнее, изразцовые комплекты печей) находились в одном здании. Московские аналоги данных печей несколько разделяются по времени. Период бытования раппортных рельефных полихромных изразцов – 1680–1690-е годы. Псевдогербовые (рельефно-расписные) изразцы датируются рубежом XVII–XVIII вв. Считается, что они не заходят далее 1720-х годов. Археологические же материалы свидетельствуют об одновременном функционировании этих печей в помещениях Троице-Сергиевой лавры в 1740-е годы. Изготовлены они в местных мастерских.

Состав изразцового комплекса: относительная целость самих изразцов и печных комплектов, а также отсутствие на них следов пожара указывает, что печи были полностью разобраны и выброшены. Вслед за ними, вероятно, сбросили и черепичную крышу здания.

При разборе завала черепицы на участке, где сохранился порядок кладки отдельных кусков

Рис. 7. Участки слоя черепицы в центральной части раскопа 84 с сохранившимся порядком кладки
1 – зачистка фрагмента крыши № 1; *2* – зачистка фрагмента крыши № 2; *3* – зачистка фрагмента крыши № 3

кровли, проведена тщательная фотофиксация и маркировка фрагментов черепицы, что позволило документально восстановить порядок кладки.

Черепица чернолощеная лотковая изготовлена из красной глины, представляет собой прямоугольную пластину с бортиками-закраинами по длинным боковым сторонам и выступом-носиком по центру одной из узких сторон.

На фотографиях зачистки фрагмента крыши № 1 (рис. 7, *1*) хорошо видны два последовательных ряда кладки верхнего слоя. Носики лежащих параллельно друг другу бортами вниз черепиц первого ряда

Рис. 8. Реконструкция кладки крыши, выполненная из черепицы с раскопов 84 и 85 2023 г. (фото Крамцовой Т. Е.)

накрыты хвостовой частью черепиц следующего ряда, также примыкающих друг к другу бортами. Нижний слой образован экземплярами, лежащими бортами вверх, со смещением на полряда относительно рядов черепиц верхнего слоя; носовая и хвостовая часть их при этом ориентированы в противоположном направлении. Несколько черепиц под фрагментом кладки № 1 также сохраняют порядок относительно друг друга, однако само направление сместилось при падении почти перпендикулярно.

К юго-западу от фрагмента крыши № 1, в непосредственной близости от нее (около 30 см), зафиксирован фрагмент завалившейся крыши № 2 (рис. 7, *2*). Он состоит из четырех черепиц верхнего слоя кладки (бортами вниз) и пяти нижнего. При том же количестве черепиц этот фрагмент кладки крупнее за счет лучшей сохранности отдельных экземпляров. На фото зачистки хорошо видны две целые черепицы верхнего слоя, носик одной из которых вставлен в хвостовую часть другой, и два борта фрагментированных черепиц, примыкающих к одной из целых. Остальные пять черепиц образуют два ряда нижнего слоя кровли.

Фрагмент крыши № 3 (рис. 7, *3*) зафиксирован практически под фрагментом крыши № 1. На фотографии зачистки – фрагмент из четырех черепиц: двух черепиц верхнего слоя кладки и двух нижнего.

Кладка фрагментов крыши воспроизведена нами в камеральных условиях (рис. 8). Приемы устройства покрытия такой черепицей известны. Наша выкладка совпадает с реконструкцией, выполненной Б. Л. Альтшуллером (1972. С. 44). При создании своей реконструкции он опирался на материалы исследований многих памятников, где обнаружена такая лотковая черепица. Памятники эти датируются XVII в. Подобная форма лотковой черепицы отличается от более ранней (относящейся к XVI в.) устройством носика, едиными стандартизированными размерами и формой для нижнего и верхнего слоев кровли (ранее экземпляры нижнего и верхнего рядов черепицы отличались)[7].

[7] Среди археологических материалов Троице-Сергиевой лавры имеется по крайней мере один экземпляр черепицы, совпадающий по параметрам с типом, датированным XVI в.

Известковым раствором покрыта лишь одна из сторон кладки – верхняя *in situ* во фрагментах крыши № 1 и 3 и нижняя во фрагменте крыши № 2. На экземплярах противоположной стороны кладки следы извести практически отсутствуют. Существует вероятность, что следы извести носят вторичный характер и появились в результате попадания раствора в завалы. Однако характерное расположение следов – промазка по бортам и внутри лотка хвостовой части черепицы на глубину вхождения носика – указывает на функциональный характер извести на лицевой поверхности. То есть нижний слой черепицы укладывался на слой раствора, известью же заполнялись пустоты между перекрывавшим его полностью верхним слоем. Такое устройство покрытия на своды и описывает Б. Л. Альтшуллер. Однако покрытие келий вряд ли было по сводам, иное строение крыш гражданского здания не требует таких перекрытий. Возможно, это была кладка на дощатую опалубку. Первый и третий фрагменты кладки, судя по слою раствора на поверхностях, перевернулись при обрушении (или скидывании с крыши разбираемого здания).

Вся черепица трех фрагментов крыши – чернолощеная лотковая черепица сходных параметров, изготовленная из красной глины с довольно грубой обработкой поверхности. Различия ограничиваются лишь степенью лощения и особенностями обжига. Поверхности и сколы большей части черепиц серые, у некоторых экземпляров глина на сколе красная.

Практически вся черепица носит следы лощения в той или иной степени. Это как хорошее лощение продольными полосами, так и довольно небрежное лощение, вплоть до носящего фрагментарный характер. Плотный слой извести затрудняет оценку лощения на фрагментах черепицы. Тем не менее наблюдается следующая закономерность: фрагментарный характер лощения на черепицах, лицевая поверхность которых покрыта известью, и лучшее качество лощения на черепицах без извести по лицевой поверхности.

По форме и размерам все экземпляры демонстрируют сходство, хотя диапазон основных параметров присутствует: длина лотка – от 32,7 до 35,3 см; ширина – от 14,7 до 16,5 см; высота борта – 5–6 см.

Можно говорить об одном производстве с не всегда выдержанными условиями обжига и с различной степенью и аккуратностью лощения. Разницу в лощении можно объяснить отсутствием необходимости в ней в нижнем слое покрытия. Но все же одновременно предполагалась возможность универсального использования большей части черепиц, поэтому полностью от лощения при изготовлении партии, предназначавшейся для нижнего слоя, не отказывались.

В материале остальной части завала присутствует некоторое количество лотковой черепицы из белой глины. На раскопе 84 (в отдалении от завала с фрагментами рухнувшей крыши) зафиксирован процент чернолощеной черепицы из белой глины. Помимо состава глиняного теста, изготовленного из плотной светложгущейся глины, фрагменты отличаются от красноглиняных формой и характером обработки поверхности: черепок значительно тоньше, поверхности ровнее, лощение качественнее. На раскопе 85 черепица из белой глины представлена не только чернолощеной, но светлолощеной и белоглиняной черепицей – всего 8% (12,3 кг). Эта черепица идентична основной массе более ранней черепицы, обнаруженной в завале у Звонковой башни, во время раскопок 2022 г. (раскоп 77). Завал представлял собой более 1500 кг лотковой черепицы из белой глины: чернолощеной, светлолощеной и белоглиняной, не использованной по назначению. Причина, по которой ее фактически выбросили, использовав лишь для мощения, неясна. На одном из фрагментов светлолощеной черепицы из раскопа 85 обнаружено крепежное отверстие, что является довольно уникальным явлением для лотковой черепицы и, что неожиданно, массово фиксировалось именно у черепицы из завала у Звонковой башни (раскоп 77 2022 г.) – 109 отверстий. Наличие отверстий не свойственно лотковой черепице в целом и, возможно, свидетельствует о попытках приспособить ее для какого-то не вполне соответствующего применения (например, к более крутому углу наклона кровли).

Нам известен единичный фрагмент лотковой черепицы с отверстием из раскопок на Старицком городище (*Хворостова, Сиволапова,* 2022. С. 242). От нашей его отличают как расположение отверстия и его диаметр, так и материал и размерность самой черепицы, однако функция очевидно та же.

Вся черепица из белой глины раскопов 84 и 85 в отличие от черепицы из красной глины этих же раскопов не имеет следов извести, как и черепица из завала у Звонковой башни. Такое количество черепицы другого комплекса в раскопе 85 объясняется меньшей сохранностью слоя в сравнении с раскопом 84, большим количеством перекопов. Фрагменты черепицы, собранные в объектах наблюдений и в шурфе 17 вблизи раскопа 85, по большей части именно от такой черепицы (лотковая черепица из белой глины) – 4,4 кг

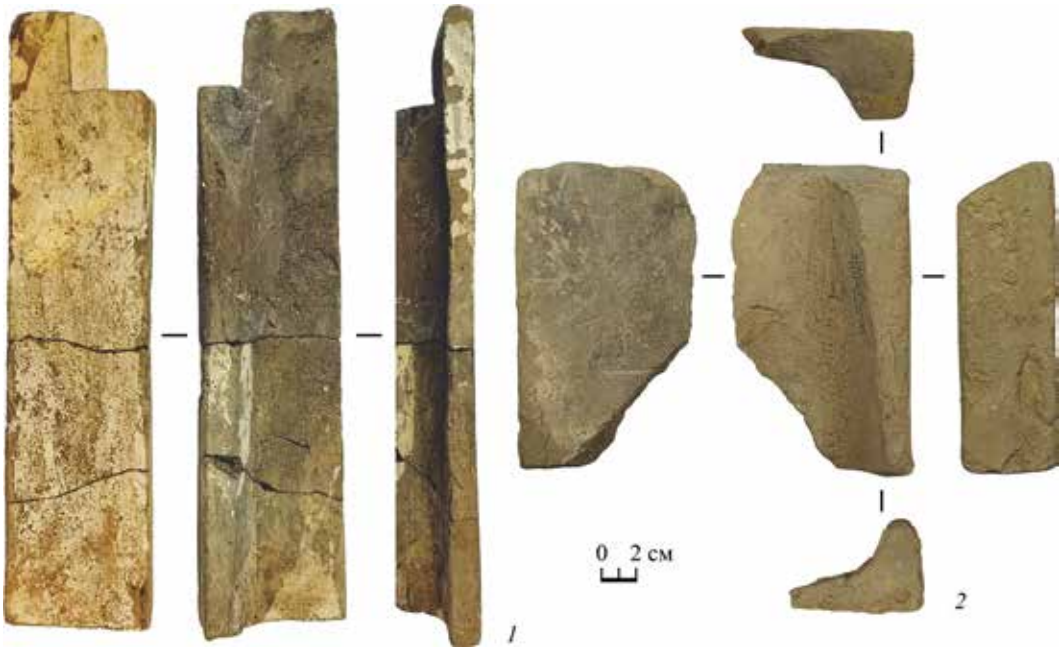

Рис. 9. Половинчатые экземпляры черепицы
1 – продольного сечения; *2* – поперечного сечения

из 6,6 кг. Вероятно, эта черепица, будучи использованной как засыпка у Звонковой башни, подверглась растаскиванию по территории монастыря. Тем более что эта засыпка находилась в непосредственной близости: раскоп 84 примыкает вплотную к восточному краю раскопа 77.

Интересно, что в материале засыпки раскопа 77 выделены единичные фрагменты (около 10 кг), наоборот, чернолощеной черепицы из красной глины, отличающейся большей толщиной пластины и бортов, грубостью обработки поверхности. В комплексе она выделена как специфическая форма, и именно она – основной материал завала черепицы из раскопов 84 и 85. Такое смешение неизбежно в условиях активной хозяйственной деятельности на территории монастыря, несмотря на разное время выброса. Засыпка белоглиняной черепицы на раскопе 77 перекрыта слоем красных рамочных изразцов (находившихся на 20–25 см выше черепицы). На раскопе 84, ниже черепичного завала и изразцов первой трети XVIII в., выделен слой, содержащий несколько фрагментов красных рамочных печных изразцов, обломки фигурных кирпичей, вероятно от печи, и комки прокаленной глины – слой разрушения ранних готических печей царского терема первой половины XVII в., стратиграфически близкий скоплению красных изразцов на раскопе 77.

В результате обработки материала с двух раскопов получен 41 археологически целый экземпляр (включая восемь целых черепиц от фрагментов крыши) и более 70 крупных фрагментов (с одним из параметров – длиной или шириной). В основном это точно такая же черепица, как и во фрагментах рухнувшей крыши. Несколько экземпляров подобной черепицы хранятся в фондах СПГИХМЗ (*Энговатова и др.,* 2024. С. 382).

В материале выявлены половинчатые экземпляры, обычно использовавшиеся для примыкающей или крайней линии покрытия кровли. Эта черепица произведена путем разреза целой формы черепицы до ее обжига. Один экземпляр представляет собой половинку в продольном сечении, линия среза прямая (рис. 9, *1*). Половинка в поперечном сечении представлена фрагментом хвостовой части черепицы, срез выполнен под углом около 45° (рис. 9, *2*).

Выделена группа (три целые черепицы и пять крупных фрагментов с полной шириной), выполненная, по-видимому, в несколько иной традиции производства. Она отличается по нескольким параметрам. Утолщение бортов в местах соединения с пластиной задает округлую форму внутренней части лотка, дополнительные срезы внутренней части бортов у краев усиливают эту округлость (рис. 10, *1*). Ширина носика меньше, а сам он скруглен дополнительными срезами, что обусловлено необходимостью поместить его в округлую хвостовую часть этой формы (рис. 10, *2*). Сама же черепица чуть шире, расширение к хвостовой части выражено чуть больше (от 0,5 см на стандартной

форме против 1,0–1,5 см на выделенной группе). Важным отличительными признаком стал способ обработки поверхности: она не лощилась. Существенных различий по составу теста при этом не наблюдается. По характеру обжига она представлена в двух вариантах: серая глина на поверхностях и сколах и красная глина на поверхностях и сколах.

Остальная черепица при этом демонстрирует только одно отличие по формовке – способ выреза носика. Носики встречаются разнообразные, в том числе и с подрезанными углами, но не как на выделенной форме: сама поверхность пластины носика остается прямой. Особенности этой формы учтены в статистической обработке обломков. Доля такой черепицы составила 7% в раскопе 84 и 6% – в 85.

Надо заметить, что, несмотря на различия, параметры этой группы черепицы вполне допускают использование для кровли вместе с основной массой стандартной формы (хотя ни один из экземпляров не имеет характерных для укладки следов извести). Разница по ширине несущественна. Несмотря на то что ширина черепицы этой группы достигает в самой широкой своей части 16,7–18,0 см, диапазон размеров, наблюдаемый в пределах стандартной формы, может показаться даже более значительным: длина – 32,0–36,9 см; ширина – 14,4–17,0 см; высота борта – 4,5–6,5 см.

В целом такой разброс размеров черепицы объясняется не только разной усадкой при сушке и обжиге, что естественно, так как тесто получается разной густоты раз от разу, но и, очевидно, использованием разных формовочных ящиков.

Анализ обмеров аналогичной черепицы памятников Москвы (Рождественский и Высоко-Петровский монастыри, Казанский собор на Красной площади, ц. Ильи Пророка на Новгородском подворье и ц. Сергия в Комягино в Ближнем Подмосковье) позволяет сделать некоторые наблюдения. При общей соразмерности и даже совпадении диапазона размеров бросается в глаза удлиненность пропорций черепицы Троице-Сергиевой лавры: чуть большая длина и чуть меньшая ширина. Интересно, что медианные размеры черепицы очень близки черепице из засыпки у Звонковой башни (раскоп 77), очевидно привозной, так как о залежах белой глины в районе Троице-Сергиевой лавры неизвестно.

Можно предположить, что черепица завала крыши – местное производство, организованное на территории лавры с оглядкой на параметры именно привозной, белоглиняной черепицы. Собственно, вполне логично взять в качестве образца уже имеющийся предмет, а не опираться на весьма приблизительные описания. Скорее всего, дере-

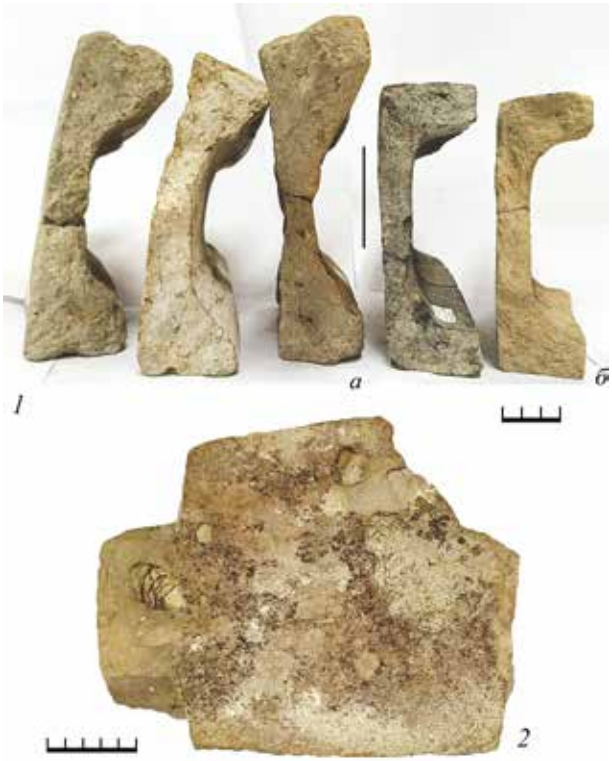

Рис. 10 Нестандартная черепица (иной традиции производства)
1 – отличие профиля (*а*) в сравнении с экземплярами стандартной группы (*б*);
2 – особенности оформления носика

вянные ящичные формы делались именно по готовой белоглиняной черепице, в изобилии сохранявшейся в монастыре от более раннего периода.

Средний вес черепицы из местного сырья – 2,8 кг, тогда как вес привозной – 2,3 кг. Разница объясняется толщиной пластины и бортов. Толщина пластины основной массы черепицы из белой глины находится в диапазоне 1,6–1,8 см (диапазон крайних значений – 1,2–2,1 см); диапазон черепицы завалов крыши 1,5–2,6 см, основная масса – 1,8–2,2 см. Такое утолщение вызвано, вероятно, другими технологическими характеристиками глин и/или, возможно, особенностями обжига. Толщина пластины, кстати, совпадает с параметрами черепицы московских памятников, также сделанной из ожелезненной глины.

Особенностями местных глин можно объяснить не только большую массивность, но и более грубую поверхность. Получить хорошее лощение на такой поверхности сложно. Довольно много черепицы имеет фрагментарное лощение, есть экземпляры, на которых вообще не удалось обнаружить лощение за следами извести. На некоторых экземплярах видны потеки ангоба на бортах, что указывает на ангобирование поверхности перед

лощением. Такая технология известна и описана в применении к чернолощеным сосудам (*Розенфельдт,* 1968. С. 29). Возможно, в случае с черепицей это была попытка улучшить качество лощения по грубой поверхности.

Само по себе лощение способствует водоотталкивающим свойствам черепицы, восстановительный обжиг дополнительно снижает водопоглощение, обеспечивая большую усадку глины, чем при окислительном обжиге. Это лишь одна из причин популярности черепицы. Помимо этого можно назвать такие качества керамического кровельного материала, как пожаростойкость, прочность и долговечность.

Сам по себе обжиг черепицы – процесс длительный, требующий постоянного внимания и высокой квалификации. Восстановительный обжиг – это дополнительные технологические сложности. Черепица завалов крыши обожжена, безусловно, качественно, на что указывает большое количество сохранивших целостность экземпляров. Однако в материале представлена черепица, в том числе целые экземпляры, окислительного обжига (около 20%). Доля черепицы на сколе с серым цветом черепка у поверхностей и красной сердцевиной составила 33% (данные по раскопу 85). Такой эффект можно объяснить недостаточным соблюдением условий восстановительного обжига: возможно, некоторые экземпляры во время проведения обжига находились ближе к краю выкладки, куда проникал кислород. Что касается черепицы окислительного обжига, этот объем может объясняется целой партией, где не соблюдались условия восстановительного обжига, а не издержками в процессе. Мастер мог сознательно пренебречь сложной технологией, зная, что часть черепицы пойдет на нижний слой кладки. По крайней мере, ситуация с качеством лощения этой же черепицы демонстрирует такую тенденцию.

Все здания в лавре, в том числе и чертоги, строились «монастырским коштом», то есть за счет монастырских средств. При этом закупка изразцовых комплектов или черепицы вряд ли осуществлялась в Москве или где-то еще. Скорее всего, все это производили в собственных мастерских по мере надобности, а возможно, и впрок. Этим можно объяснить некоторое смещение в датировках изразцовых комплектов и черепицы к более позднему времени по сравнению с общепринятым.

Раппортные рельефные полихромные изразцы обычно относят к периоду 1680–1700 гг., а рельефно-расписные – к несколько более позднему, петровскому времени (конец XVII – первая треть XVIII в). В данном случае эти печи у нас одновременны, что подтверждается докомпоновкой существующей рельефно-расписной печи в Надвратной церкви рельефными полихромными изразцами из комплекта раппортной печи. В конце XVII – начале XVIII в. лавра активно завоевывает изразцовые рынки Москвы; судя по археологическим материалам, значительное количество московских рельефно-расписных и раппортных печей облицовано изразцами производства Троице-Сергиева монастыря. Затем, со сменой моды и переходом на расписные изразцы, старые экземпляры с рельефной поверхностью уже не находили должного сбыта и скопились на складах. В монастырской описи 1701 г. значится большое количество «изразешников»: Филка Ефремов, Ортюшка Федоров, Гришка Семенов, Бориско Степанов и Офонка Степанов (Опись… 1701. Л. 492). Видимо, на устройство печей в кельях выделены уже произведенные мастерами в значительном количестве и хранившиеся на складах изразцы.

То же происходило с черепицей, которую, видимо, изготовили «кирпищики» монастыря Федка Оксенов, Афонка Анофриев, Ивашко Зотов, Ивашко Елизаров, Ивашко Фомин, Якимко Савельев и Мишка Афонасьев сын Тетерин (Опись… 1701. Л. 502 об.). Черепичные покрытия в центральном регионе, широко распространенные в XVI–XVII вв., некоторое время употреблялись и в XVIII в., постепенно вытесняясь другими видами кровельных материалов (*Хворостова*, 2002. С. 214). Время применения чернолощеной лотковой черепицы принято ограничивать концом XVII в. (*Хворостова*, 2002. С. 211). В данном случае мы видим выход за эти рамки. Кельи и кухни построили в 30–40-е годы XVIII в., практично приспособив для покрытия крыши уже имеющиеся запасы черепицы более раннего времени.

Отметим пример использования экземпляров более ранней привозной белоглиняной черепицы при разработке собственного производства уже из красножгущейся глины. Безусловно, опираться на имеющийся продукт отличного качества – наиболее разумный подход к делу. И именно это послужило причиной некоторого отличия параметров лаврской черепицы от черепицы московской.

Все сказанное демонстрирует нам особенности монастырского ведения хозяйства и связано не только с практичностью монастырских властей. Для православного монаха выбросить годную для использования вещь – грех. Денег на новое строительство не выделяли. В данной ситуации разгрузить монастырские керамические склады – прекрасный выход из положения, тем более что здание строилось не парадное.

Литература

Альтшуллер Б.Л., 1972. Некоторые вопросы восстановления керамических покрытий XVII в. // Теория и практика реставрационных работ. Сб. 3. М.: Стройиздат. С. 39–47.

Зубов В.П., 2002. Архитектура Троице-Сергиевой Лавры. Исторический очерк // Троицкий сборник. № 2. Сергиев Посад. С. 372–408.

Маслих С.А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.: Изобразительное искусство. 250 с.

Опись Троице-Сергиева монастыря 1701 г. / РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1 № 27.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с.

Хворостова Е.Л., 2002. Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область) // ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 204–214.

Хворостова Е.Л., Сиволапова А.Б., 2022. Старицкая архитектурная керамика // ТТЗ. Вып. 4. Тверь. С. 242–258.

Энговатова А.В., Глазунова О.Н., Мирясова А.А., Зоц С.А., 2024. Лотковая черепица из раскопок в Троице-Сергиевой лавре в 2022 году // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 371–383.

A.A. Miryasova, O.N. Glazunova, R.V. Zarifulin

Roof Tiles and Tiled Stoves of the Trinity-St. Sergius Lavra from the 1740s Based on Excavations in 2023

Summary

The article examines the tiled roof and tiled stoves of one of the royal buildings of the 1740s in the Trinity-St. Sergius Lavra. Using the example of these products the features of monastic ceramic production are shown, on the basis of which it is possible to explain some discrepancy between the dating of Lavra's products and the generally accepted one in Russia.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.352-371

А.А. Полюлях
Музейное объединение «Музей Москвы» (г. Москва)

Изразцовые наборы печей первой половины XVIII века из усадьбы князей Грузинских в селе Всехсвятском

В 1957 г. в поселке Сокол, расположенном рядом с тем местом, где ранее находилось село Всехсвятское, сотрудница отдела археологии Музея истории и реконструкции Москвы Г. П. Латышева при проведении археологических раскопок на участке в 1-м Песчаном (ныне Песчаном) переулке, д. 10/23[1] (рис. 1, *В*) обнаружила 10 тарелок и крышку суповой миски майоликового гербового столового сервиза грузинского царевича Георгия Вахтанговича (1712–1789), сына царя Вахтанга VI. Сервиз изготовлен в 1760-х – начале 1770-х годов на заводе Гребенщиковых в Москве (*Латышева,* 1957; *Полюлях,* 2014).

Помимо 11 майоликовых предметов столового сервиза в шурфе Г. П. Латышевой найден комплекс из 299 штук (100 целых и 199 фрагментов) гладких расписных печных изразцов XVIII – начала XIX в.[2] Наличие такого количества изразцов в шурфе площадью 16,3 кв. м (6,5×2,5 м) (некоторые имели в румпе следы закопченности, проволочное крепление и глиняную обмазку) свидетельствовало о существовании на этом месте в XVIII в. и как минимум до 1820–1830-х годов жилой постройки.

Исходя из разности вариантов росписи и формовочной массы (красножгущейся и беложгущейся глины), в найденном комплексе изразцов выделено 19 печных наборов.

Комплекс изразцов находился в заполнении шурфа, в супесном слое, состоящем из обломков кирпичей, комков извести и угольков. Там же, в этом слое, под дерном вскрыты кирпичные кладки на известковом и глиняном растворе (рис. 2). Кладки сложены из пяти рядов кирпича на углубленной в материк забутовке мощностью 35 см, состоявшей из обломков белого камня и кирпича, залитых известковым раствором (*Латышева,* 1957. С. 3). Все кирпичи имели размер 30×14×9 см, клейма не зафиксированы. Такие размеры кирпичей характерны для второй половины XVII в. (*Киселев,* 1990. С. 14. Табл. 2).

Кладка на известковом растворе выполнена так называемой верстовой системой перевязки кирпича, распространенной на Руси и в России с конца XV до конца XIX в., а в XVI–XVII вв. являющейся основной (*Подъяпольский и др.,* 1988. С. 207). Кладку на глиняном растворе без системной перевязки кирпича, видимо, делали не каменщики-профессионалы, а печники при установке в доме отопительных печей.

Таким образом, расположение в плане шурфа кирпичных кладок допускает интерпретировать их как нижнюю часть основания отопительных печей жилого строения. Верхнюю часть основания, состоявшую, видимо, из нескольких слоев кирпичей, разобрали для последующего использования при сносе дома. Находки большого количества изразцов и их обломков свидетельствуют об изразцовой облицовке этих печей. Судя по расположению и размерам кладок, это могла быть большая печь, боковые стенки которой выходили и обогревали четыре комнаты.

---

[1] В настоящее время в этом месте, в Песчаном пер., находится многоэтажный жилой дом № 4.

[2] С находками около 20 печных изразцов при рытье ямы владельцами участка было связано проведение археологических исследований Г. П. Латышевой. Следует отметить, что в отчете Г. П. Латышевой на рисунках 3 и 4 место раскопок обозначено как «Шурф № 1»; видимо, она предполагала проведение в дальнейшем археологических исследований на этом участке. Но в последующие годы они не проводились. Комплекс изразцов вошел в состав двух коллекций Музейного объединения «Музей Москвы» (ММ): ММ ОФ 24658 (1–289) и ММ ОФ 28767 (3–12).

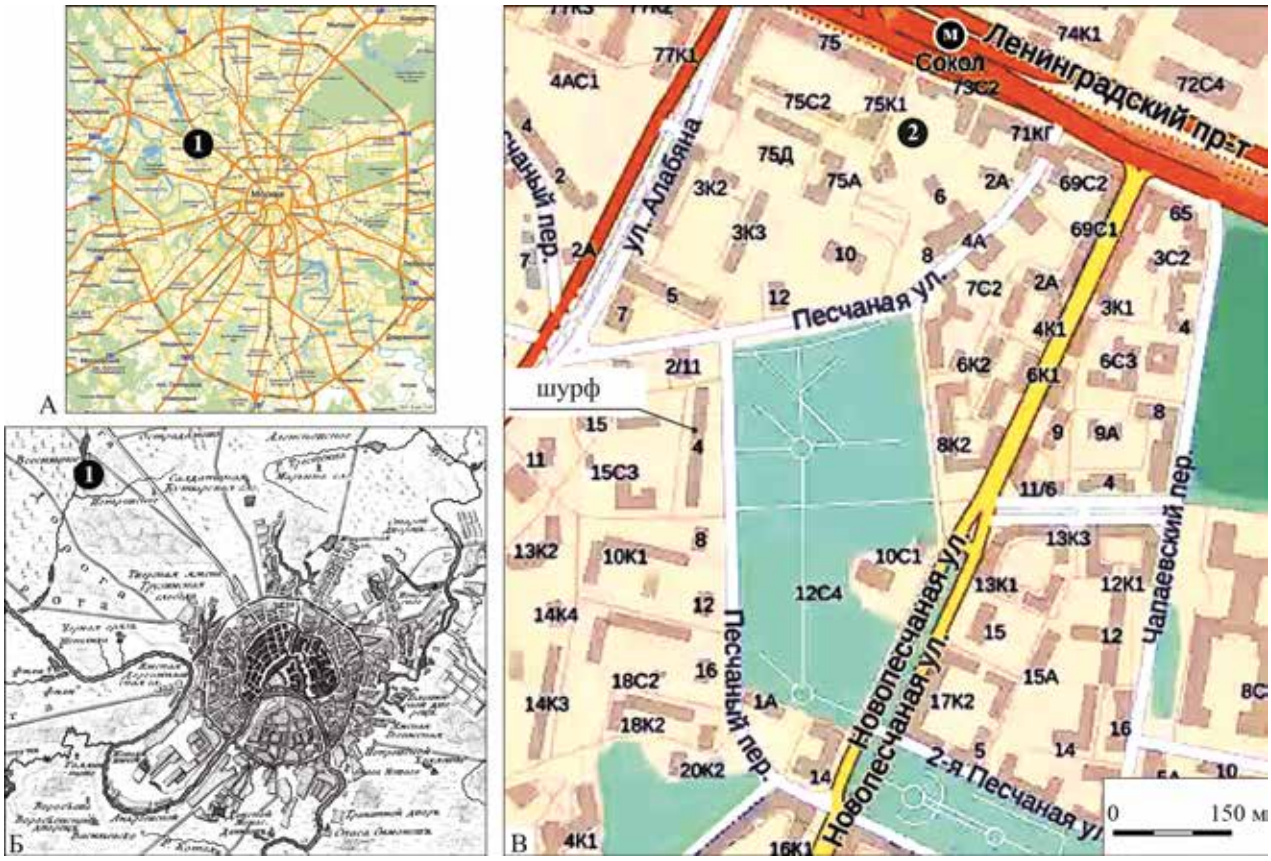

Рис. 1. Местонахождение села Всехсвятского на современном плане Москвы (А), на Плане Царствующего града Москвы 1766 г. (Б) и шурфа Г.П. Латышевой на участке в 1-м Песчаном пер., д. 10/23 (В) на плане Москвы 2013 г.
1 – с. Всехсвятское; 2 – ц. Во имя Всех Святых во Всехсвятском

История землевладений в с. Всехсвятском ранее уже рассматривалась автором в публикации в связи с найденными там тарелками завода Гребенщиковых из сервиза князей Грузинских (*Полюлях,* 2014. С. 472–477).

Впервые Всехсвятское упоминается в 1498 г. под названием «Святые Отцы» в завещании князя И. Ю. Патрикеева (ДДГ, 1950. С. 149). После неоднократной смены владельцев, разорения в период Смутного времени по решению Земского собора 1648–1649 гг. о передаче церковных земель государству оно как пустошь поступило в дворцовое ведомство (*Павлова,* 1999. С. 46).

В конце 1670-х годов эти земли получил боярин И. М. Милославский (1629–1685), построивший здесь в 1683 г. небольшую каменную церковь во имя Всех Святых, после чего село стало официально именоваться Всехсвятским. По Приходным книгам Патриаршего казенного приказа в год постройки церкви в селе насчитывалось шесть дворов крестьянских, четыре двора церковных служащих и двор боярский (*Токмаков,* 1898. С. 9–10).

В 1685 г., после смерти боярина И. М. Милославского, село перешло по наследству к его единственной дочери – Федосье Ивановне Милославской (1628–1695). По описанию 1685 г., во Всехсвятском стоял «двор боярской, а в нем живет прикащик, да двор конюшенный, и скотный со всяким дворовым строением, да к сему ж Всесвятскому на речке на Ходынке построена вновь мельница, мелет в 4 колеса, всего в селе и на мельнице дворовых и кабальных и задворных людей и поваров 44 человека» (*Токмаков,* 1898. С. 10–12).

На «дворе боярском» в самом селе, по-видимому, находился жилой дом для постоянного проживания в течение круглого года с отопительными печами, которые могли быть украшены распространенными в Москве в последней трети XVII в. рельефными полихромными изразцами, а в первой трети XVIII в. – рельефными с выпуклыми расписными медальонами. Такие изразцы или их фрагменты в шурфе Г. П. Латышевой не найдены.

В 1688 г. Федосья Ивановна Милославская вышла замуж за имеретинского царевича Александра Арчиловича (1667–1711), переехавшего из Грузии

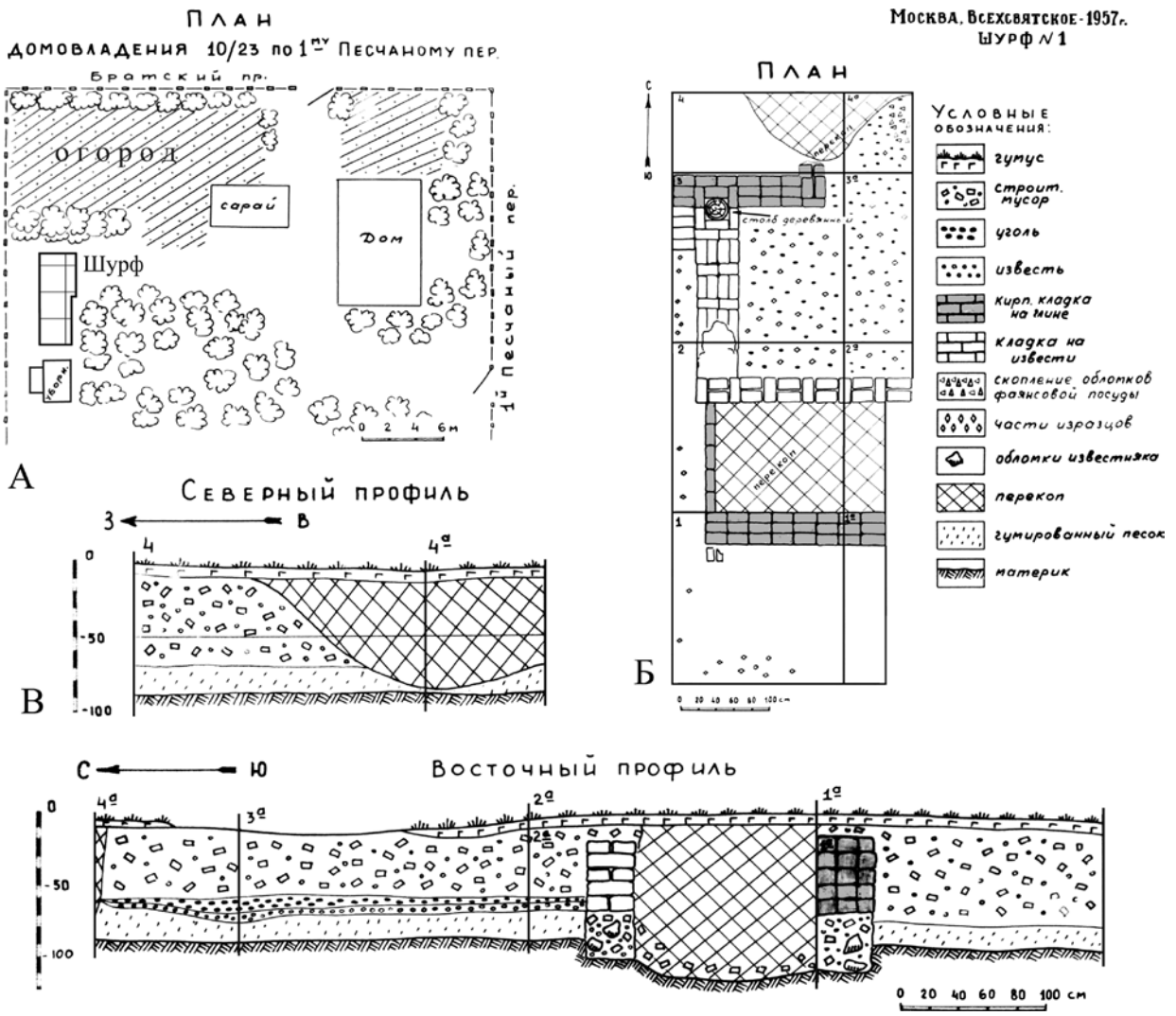

Рис. 2. Ситуационный план домовладения 10/23 в 1-м Песчаном пер. в Москве (А), план шурфа 1 (Б) и северный и восточный профили шурфа 1 (В) (*Латышева*, 1957. Рис. 2–4)

в Россию в 1681 г. вместе с отцом, царем Имеретии и Кахетии Арчилом II и братьями (рис. 3).

После Федосьи Ивановны (скончалась в 1695 г.) с. Всехсвятское по именному указу Петра I перешло к ее мужу – царевичу Александру Арчиловичу, одному из ближайших сподвижников Петра I, побывавшему вместе с ним в заграничной поездке в 1697 г. В Гааге Александр Арчилович изучал «бомбардирское» искусство и по возвращении в Россию в 1700 г. был назначен первым генерал-фельдцейхмейстером – начальником артиллерии. Ему было поручено руководство Пушкарским приказом в Москве. Но в 1700 г. во время Северной войны, в битве под Нарвой, где он командовал артиллерией, Александр Арчилович попал в шведский плен, где и умер в 1711 г. (*Токмаков,* 1898. С. 11–13).

Владелицей Всехсвятского с 1711 г., после смерти царевича Александра Арчиловича, стала его сестра – царевна Дарья Арчиловна (1665/70–1740), царевна Дареджан, дочь царя Имеретии и Кахетии Арчила II. Она была фактически «полномочным представителем» при русском дворе грузинского царя Вахтанга VI, освободившегося из персидского плена и переехавшего с сыновьями во Всехсвятское при содействии Петра I в 1724 г. (*Токмаков,* 1898. С. 19; Дворянские роды… 1996. С. 45–46). С этого времени и почти до конца XVIII в. Всехсвятское оставалось владением князей Грузинских, став центром грузинской эмиграции.

После царевны Дарьи Арчиловны с 1748 г. землевладение во Всехсвятском разделили между сыновьями грузинского царя Вахтанга VI – царевичами Бакаром (1700–1750) и Георгием (1712–1786) (*Холмогоровы,* 1886. С. 59).

В середине XVIII в. земельные владения грузинских князей вокруг с. Всехсвятское были

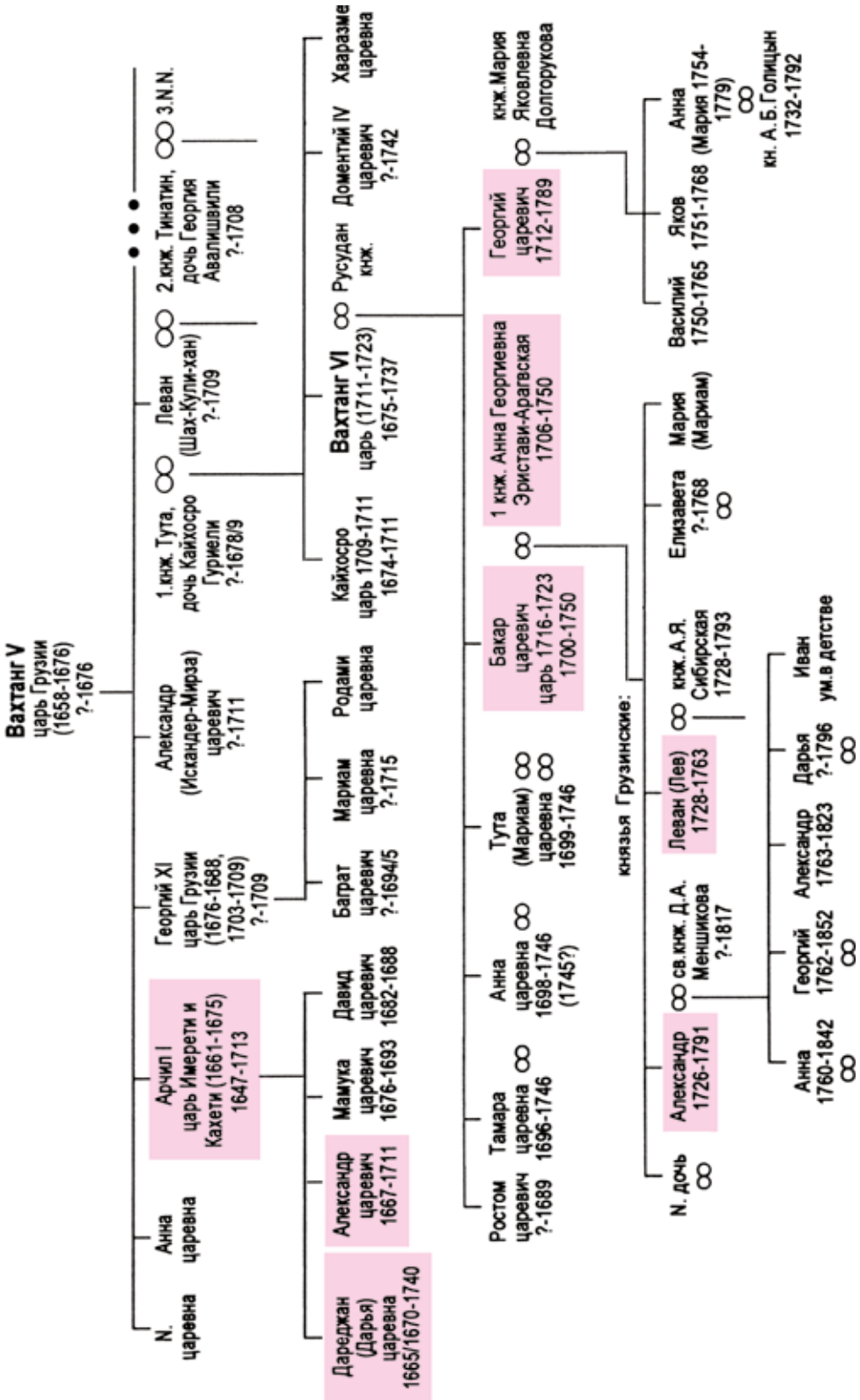

Рис. 3. Родословная грузинских царей и князей – владельцев с. Всехсвятского в XVIII в. (отмечены цветом)
(по: Дворянские… 1996. Табл. 6; 7)

значительными и занимали 1421 га, доходя на юго-западе до р. Ходынки и ее притока р. Таракановки (*Кусов*, 2004. С. 92, № 44, карта № 11).

Владения Бакара Вахтанговича с 1750 г. перешли к его вдове Анне Георгиевне и сыновьям Леону (1728–1763) и Александру (1726–1791). После смерти Георгия Вахтанговича в 1786 г. принадлежавшая ему часть Всехсвятского, согласно завещанию ввиду отсутствия наследников перешла в ведение Московской Кремлевской экспедиции Дворцового ведомства.

По-видимому, в 1750-х годах, при Георгии Вахтанговиче, сыне грузинского царя Вахтанга VI, во Всехсвятском на территории вдоль правого берега р. Ходынки были устроены сад и парк, построены летний и зимний дворцы, где в феврале 1775 г. он принимал императрицу Екатерину II (*Полюлях,* 2014. С. 474).

Во время Отечественной войны 1812 г. Всехсвятское, как и другие селения вблизи Москвы, пострадало, но, видимо, было восстановлено.

В 1816 г. «сад села Всехсвятского» пожалован Александром I семье бывшего молдавского господаря А. И. Маврокордато (1754–1819) (*Арсеньев, Морозова,* 2005. С. 39). В дальнейшем, судя по противоречивым сведениям, во Всехсвятском несколько лет постоянно жила княгиня Александра Львовна Маврокордато (графиня Санти); дома, перешедшие ее наследникам, находились в хорошем состоянии вместе с большим липовым столетним садом и прудом (*Токмаков,* 1898, С. 31). По завещанию княгини это землевладение унаследовала ее племянница графиня Л. Г. де Санти (в замужестве Софиано), которая продала его в 1898 г. некоей А. Н. Голубицкой. В это время усадьба, расположенная «по Песочному переулку», имела площадь 11 десятин 279 кв. сажен и представляла собой «вековой парк, преимущественно липовый, с примесью березняка и крупных пород ели и сосны» (*Токмаков,* 1898. С. 23; *Арсеньев, Морозова,* 2005. С. 39).

Когда снесли зимний и летний дворцы, точно неизвестно. По сведениям И. Ф. Токмакова, дворцы князья Грузинские отдали своим крестьянам для строительства изб (*Токмаков,* 1898. С. 31). На картах 1838–1839 гг. зимний и летний дворцы еще обозначены, а на «Топографической карте окрестностей Москвы» 1878 г. (съемка 1852 г.) их уже нет.

Следует отметить, что помимо с. Всехсвятского князья Грузинские имели землевладения и дома в Москве, в черте Камер-Коллежского вала. Так, в 1729 г. по Указу Верховного тайного совета переехавшему в Москву грузинскому царю Вахтангу VI выделили двор Рязанского архиерея на Пресне (на современной Грузинской пл.) и 10 000 рублей на постройку дома и других сооружений (*Сытин,* 1950. С. 237). В 1747 г. царевич Бакар Вахтангович упоминает свой московский «каменный дом в приходе церкви преподобныя Параскевы, что у Охотного ряда», в обращении в Московскую консисторию о переносе из Всехсвятского, из домовой церкви иконостаса царевны Дарьи Арчиловны (*Токмаков,* 1898. С. 77).

Село Всехсвятское в XVIII в. было местом остановки императорских особ перед торжественным въездом в Москву. Там, по-видимому, находился один из императорских путевых дворцов, построенный в связи с началом возведения Петром I Санкт-Петербурга и продлением Тверской дороги от Москвы до новой столицы, с 1713 г. называвшейся Санкт-Петербургским трактом (*Полюлях,* 2014. С. 477–478). Такие деревянные путевые дворцы находились в селах и городах на всем протяжении Санкт-Петербургского тракта: в Ижоре, Тосно, Чудове, Спасской Полисти, Подберезовье, Новгороде, Яжелбицах, Едрове, Хатилове, Торжке, Твери, Городне, Завидове, в сельце Гомзино Клинского уезда, Клину (*Кушнир*, 1959; *Лопатько, Белякова,* 2016. С. 145). В то же время, несмотря на возможное наличие путевого дворца во Всехсвятском, в доме князей Грузинских, видимо большом и достаточно благоустроенном, императорским особам могли оказать не только торжественный прием, но и обеспечить многодневное пребывание.

Таким образом, в районе с. Всехсвятское во второй половине XVII – XVIII в. существовало три жилых строения с отопительными печами, пригодных для постоянного проживания в течение круглого года: 1) дом боярина И. М. Милославского; 2) дом грузинской царевны Дарьи Арчиловны; 3) зимний дворец грузинского царевича Георгия Вахтанговича.

Дом боярина И. М. Милославского находился в самом с. Всехсвятском, к северу от шурфа Г. П. Латышевой, и археологически не исследован.

Дом грузинской царевны Дарьи Арчиловны, судя по визуальному осмотру комплекса гладких расписных печных изразцов, где есть изразцы, видимо относящиеся к первой половине XVIII в., находился уже к югу от с. Всехсвятского, на месте шурфа Г. П. Латышевой.

Из 19 изразцовых печных наборов, найденных в шурфе Г. П. Латышевой, в настоящей публикации рассмотрены в предположительной хронологической последовательности изразцы печных наборов № 1–7, по-видимому украшавшие печи в доме грузинской царевны Дарьи Арчиловны в первой

половине XVIII в. В последующей публикации предполагается представить изразцы печных наборов № 8–19 из построенного в середине XVIII в. зимнего дворца грузинского царевича Георгия Вахтанговича.

Дом грузинской царевны Дарьи Арчиловны

Дом, где жила грузинская царевна Дарья Арчиловна, видимо, построили в начале XVIII в., в 1710-х годах, и находился он уже не в самом с. Всехсвятском, а в стороне, к югу от него и от оживленной дороги из Москвы в Тверь, Великий Новгород и Санкт-Петербург, на расстоянии примерно 400 м от каменной церкви Во имя Всех Святых.

Каких-либо документальных сведений об облике, размерах и конструкции дома Дарьи Арчиловны неизвестно. Он был, видимо, достаточно большим, состоящим из нескольких комнат с изразцовыми печами, где можно было оказать торжественный прием императорским особам.

Так, перед въездом в Москву 30 января 1722 г. во Всехсвятском останавливался Петр I. Утром 31 января с приближенными он посетил «Милетинскую царевну, владетельницу села» (Дарью Арчиловну), после чего отсюда в Кремль началось маскарадное шествие, посвященное Ништадтскому миру – победе в Северной войне (*Токмаков*, 1898. С. 15). Во Всехсвятском планировала остановиться в 1722 г. герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна, племянница Петра I, о чем она сообщала в письме князю Борису Туркестаншвили: «…ежели бог позволит, и я буду скоро в Москву и приеду в Сесвяское. Я стану у царевны…», т. е. у «царевны Дареджан», или Дарьи Арчиловны (*Романюк,* 1999. С. 176–177).

В 1728 г. в доме Дарьи Арчиловны скончалась дочь царевича Алексея Наталья, ехавшая в Москву на коронацию своего брата Петра II (*Молева,* 1980. С. 184–185).

10 февраля 1730 г. во Всехсвятском останавливалась императрица Анна Иоанновна, где ей представлялись члены Верховного тайного совета и генералитет, а 15 февраля, после погребения Петра II, она отсюда торжественно въезжала в Москву (*Токмаков,* 1898. С. 21; *Романюк,* 1999. С. 176–177).

По-видимому, это был деревянный дом на кирпичном (каменном) фундаменте. Сооружение деревянного дома дешевле, в отличие от каменного, он лучше сохраняет тепло зимой.

Несмотря на то что этот дом находился за городом, для его сооружения был необходим архитектурный проект с планировкой комнат и рациональным расположением отопительных печей. Руководить его постройкой должен был архитектор.

В начале XVIII в. возникло и применялось типовое проектирование и строительство по «образцовым», т. е. типовым проектам жилых зданий, что позволяло строить экономично и технически правильно. Первую серию таких проектов петербургского архитектора Д. Трезини для городов выпустили около 1714 г. с точным определением размеров домов для трех классов населения: для «подлых» (солдат, ремесленников, рабочих, мелких служителей, чиновников), для «зажиточных» (купцов) (рис. 4, *1*) и для «именитых» (дворян) (рис. 4, *2*). В 1721 г. выпущена серия загородных жилых домов с планировкой участков (рис. 4, *3, 4*) (*Белецкая и др.,* 1961. С. 11, 16, 20).

Исходя из этих «образцовых» проектов, которые основывались на уже существующей практике строительства, можно предположить, что дом Дарьи Арчиловны был большим одноэтажным, как у «зажиточных» (купцов) (рис. 4, *1*), с длиной фасада 50 м (23,5 саж.) либо меньшего размера, по образцу загородного дома с длиной фасада 21 м (10 саж.) (рис. 4, *3, 4*). Внутреннюю планировку таких домов делали симметричной относительно центрального входа в сквозных сенях, с которыми связаны остальные комнаты, расположенные анфиладно в два ряда – больших в сторону главного фасада, меньших во двор (рис. 4, *1*). Отопительные печи находились в сенях и в обеих половинах дома, выходя своими боковыми стенками в каждую комнату. При этом боковые стенки печей могли иметь в каждой комнате свой изразцовый декор, т. е. печной набор.

Технически правильно сложенная печь, по предположению архитектора-реставратора и историка архитектуры И. А. Киселева, служила при постоянной эксплуатации (шесть месяцев в году) около 20 лет (*Киселев,* 2005. С. 125). У непригодной к эксплуатации печи не удерживается тепло, на зеркалах появляются щели, сквозь которые выходит дым, иногда разваливаются трубы, что может стать причиной пожара.

Дом царевны Дарьи Арчиловны мог выглядеть примерно как деревянный дворец Петра I в пригороде Петербурга, в Стрельне 1716 г. (по другой версии – 1710–1711 гг.) и перестроенный в 1719–1720 гг. (рис. 4, *5*).

Таким образом, в доме, где жила царевна Дарья Арчиловна, и в той его части, куда попал шурф Г. П. Латышевой, стояла одна большая печь на четыре комнаты, в каждой из которых наборы изразцов могли различаться, При постройке его в 1710-х годах должно быть четыре набора изразцов. При

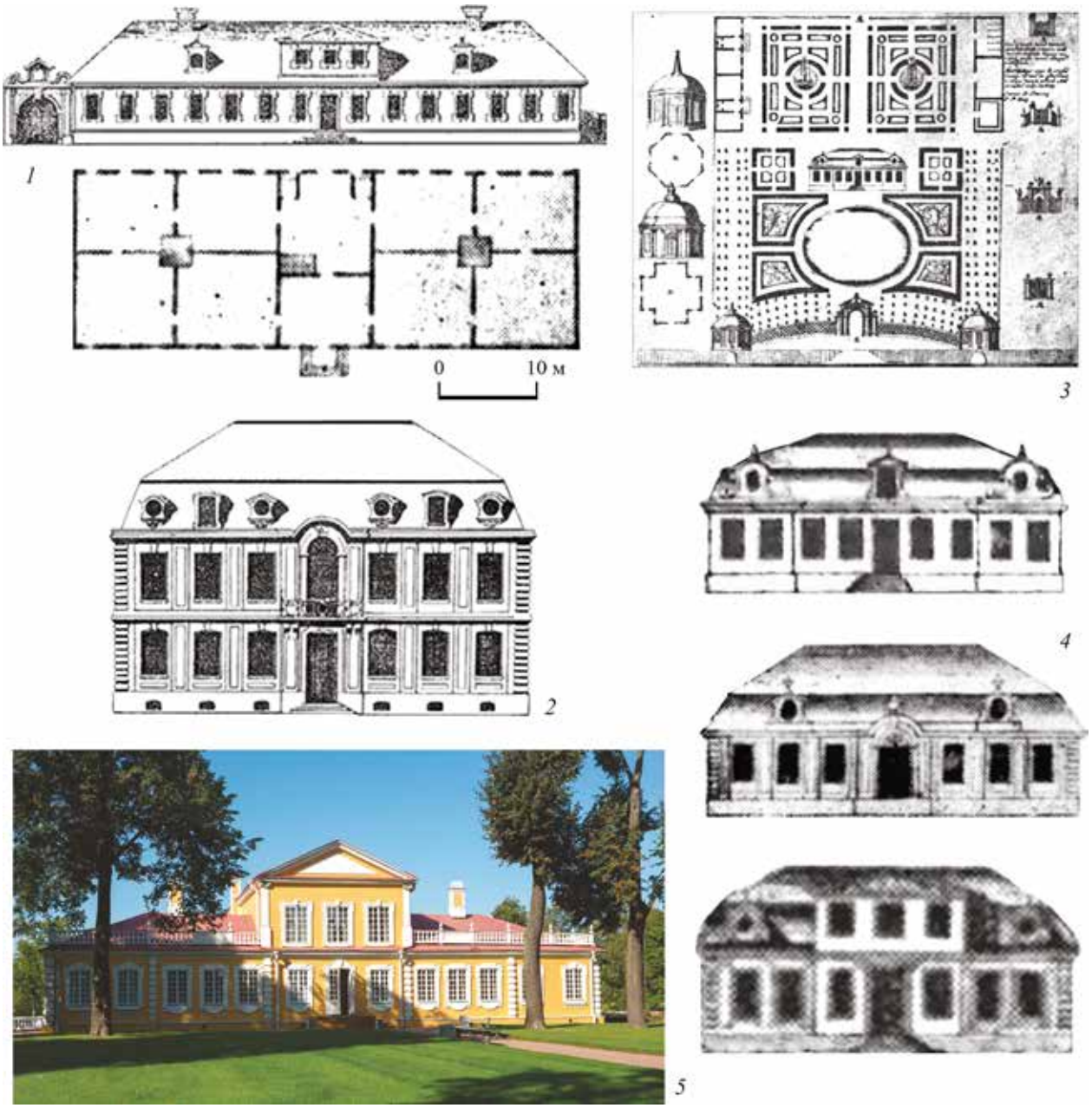

Рис. 4. «Образцовые» проекты жилых зданий в городах
1 – для «зажиточных» (купцов); *2* – для «именитых» (дворян); *3, 4* – в загородных усадьбах;
5 – деревянный дворец Петра I в Стрельне 1716 г. (по: *Белецкая и др.*, 1961. С. 17, 20, 21, 22)

возможной перекладке печи через 15–20 лет, примерно в 1730-х годах, первоначальные изразцовые наборы могли заменить новыми (и тогда их суммарное количество составляет восемь) или сохранить и использовать вторично. Представляется маловероятным, что до сноса этого дома в середине 1740-х годов печи перекладывались еще один раз.

Из выделенных 19 печных наборов к дому Дарьи Арчиловны, видимо, следует отнести печные наборы № 1–7 как с плоскими лицевыми, так и лицевыми выгнутыми и вогнутыми изразцами.

Печной набор № 1 состоит из изразцов с расписной композицией по белому фону. В центре – крупный квадратный резерв со скошенными углами, внутри которого на белом фоне синим цветом выполнена роспись двух вариантов: 1) композиция с двух-, трехэтажной постройкой с правой стороны и силуэтами деревьев (или пальмы?) с левой стороны (рис. 5, *1, 2*); 2) бессистемная композиция из разноразмерных окружностей (рис. 5, *3, 4*). Резерв по периметру имеет обводку одинарной коричневой линией. Фон вокруг резерва

Рис. 5. Печной набор № 1

покрыт в виде напыления мелкими точками коричнево-фиолетового оттенка.

Характерной особенностью росписи изразцов этого печного набора являются нанесенные по углам их поверхности у резерва четверти трехлепесткового соцветия.

К этому печному набору относятся три целых изразца и шесть фрагментов (Прил. 1, № 1–8): лицевой выгнутый, два лицевых вогнутых и пять лицевых плоских. Почти все изразцы изготовлены из красной глины и только один из белой (рис. 5, *1;* ОФ 24658/262). Изразцы имеют румпу петербургского типа[3] и, видимо, изготовлены на петербургских кирпичных заводах (*Маслих,* 1976. С. 14, Илл. VI).

Изразцы печного набора № 1 стилистически сходны с облицовочными стенными плитками голландского типа, найденными при археологических исследованиях в Летнем саду в Санкт-Петербурге в 2009 г.[4] (*Сорокин,* 2009). Они, как и облицовочные стенные плитки голландского типа, в основном изготовлены из белоглиняной формовочной массы, имеют аналогичное цветовое покрытие фона и сюжетную роспись синим цветом в резерве (рис. 6). Но роспись в резерве изразцов печного набора № 1, в отличие от росписи голландских плиток, выполнена проще, менее профессионально. Это позволяет считать их подражанием голландским плиткам, которые

[3] Впервые термин «румпа петербургского типа» применил С. А. Маслих в альбоме «Русское изразцовое искусство XV–XIX веков», вышедшем в 1976 г., в разделе «Расписные изразцы XVIII века», в описаниях изразцов № 216–220, изготовленных на петербургских кирпичных заводах. При этом термин «румпа московского типа» им не употреблялся, но под ним подразумевалась «румпа, отступающая от краев», и иногда указывалось «московское производство» или другое. В «Кратком историческом очерке» автор представил на илл. V и VI типы румп у изразцов Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов, но без употребления определений румп: петербургского или московского типа. На илл. VI заметны явные различия румп изразцов Москвы и Санкт-Петербурга. Московская румпа более высокая (8–9 см), верхний край выполнен в виде валика, завернутого наружу, с двойным ободком по внешней стороне. Петербургская румпа низкая (2–5 см), верхний край срезан, часть глины при этом завернулась внутрь.

Представляется необходимым ввести эти термины в описания изразцов для определения места их производства.

[4] Автор выражает благодарность руководителю археологических исследований в Летнем саду П.Е. Сорокину за предоставленный для публикации материал.

Рис. 6. Голландские облицовочные стенные плитки из археологических исследований в Летнем саду в Санкт-Петербурге в 2009 г.

не только привозились в Петербург из Европы, но и производились в первой четверти XVIII в. близ Петербурга, на кирпичном заводе в Стрельне, где работали голландские мастера и художники, обучавшие русских учеников (*Андреева,* 2015. С. 42). Вблизи Петербурга находились и другие кирпичные заводы, где также изготавливались изразцы (*Андреева,* 2015. С. 35).

По-видимому, и изразцы печного набора № 1 изготовлены на кирпичном заводе в Стрельне вблизи Петербурга и доставлены в Москву.

Печной набор № 2 состоит из изразцов с двухцветной (коричнево-зеленой) расписной композицией по белому фону, в центре которой в крупном фигурном картуше выполнена сюжетная роспись (рис. 7). Фигурный, восьмиугольный картуш в виде ленты зеленого цвета расположен на темно-коричневом фоне с белыми полусоцветиями по углам. Основным сюжетом росписи внутри картуша являлись, видимо, сельские или усадебные виды с постройками среди деревьев. Так декорированы лицевые и угловые изразцы (рис. 7, *1–4*).

Роспись поясковых и карнизных изразцов выполнена в том же стиле, но несколько иначе: посередине поверхности нанесена широкая горизонтальная полоса зеленого цвета и овальный медальон с аналогичным рисунком сюжета картуша, сверху и снизу от нее – коричневые полосы, по бокам медальона – коричнево-белые полусоцветия (рис. 7, *5, 6*).

К этому печному набору относятся два целых и восемь фрагментов изразцов (Прил. 1, № 9–18): шесть лицевых плоских, лицевой выгнутый, два угловых и карнизный. Один угловой изразец имеет подтреугольную форму с вогнутым ребром посередине (рис. 7, *3*).

Все изразцы печного набора № 2 изготовлены из красной глины.

Один из изразцов, лицевой выгнутый, имеет румпу петербургского типа (рис. 7, *1*).

Рис. 7. Печной набор № 2

Стилистическое сходство этих изразцов с изразцами печного набора № 1 допускает их изготовление также на кирпичных заводах вблизи Петербурга.

Аналогичных изразцов в публикациях пока не выявлено.

Печной набор № 3 включает белоглиняные изразцы с расписной композицией по белому фону, в центре которой – крупный прямой вертикальный резерв с верхней и нижней сторонами в виде углов, обведенный тонкой линией цвета фона. Роспись в резерве выполнена синим цветом в виде композиции с видами сельских ландшафтов, состоящих из построек и деревьев на заднем плане (рис. 8, *1–4*). Фон вокруг резерва покрыт мелкими точками коричнево-фиолетового оттенка.

У лицевых изразцов печного набора № 3 отсутствуют угловые четверти трехлепесткового соцветия, характерные для росписи изразцов печных наборов № 1 и 2.

По-видимому, к этому печному набору относится и фрагмент плоского лицевого изразца[5] с изображением рабочего (бурлака), идущего по берегу и тянущего веревкой лодку с тремя седоками (рис. 8, *4*). Одежда и, в частности, широкополые шляпы на людях в лодке, а также крепление веревки высоко на ее мачте указывают на то, что это действие происходит не в России, а в Европе. Такая перевозка людей и грузов по каналам была, например, широко распространена в Нидерландах и в Бельгии в XVI–XIX вв.

Нидерландские бурлаки (*scheepsjagers*), тянущие лодку, изображены на гравюре Л. Гвиччардини 1582 г. с видом города Хертогенбос в Нидерландах[6] (рис. 9, *1*). Подобный сюжет изображен и на рисунке 1796–1799 гг. нидерландского художника Якоба Катса (*Jacob Cats*) (рис. 9, *2*).

К печному набору № 3 относятся два целых изразца и два фрагмента (Прил. 1. № 19–22): два лицевых выгнутых, лицевой вогнутый и лицевой плоский.

Все изразцы печного набора № 3 изготовлены из белой глины.

Они имеют румпу петербургского типа.

Стилистическое сходство этих изразцов с изразцами печных наборов № 1 и 2 допускает их изготовление также на кирпичных заводах вблизи Петербурга.

Аналогичных изразцов в публикациях также пока не выявлено.

---

[5] Фрагмент этого изразца при визуальном осмотре имеет при небольшой (1,2 см) толщине сходство с облицовочной плиткой, но, во-первых, он найден в единственном экземпляре, а во-вторых, как показал осмотр других изразцов, румпа к ним прикреплялась, примазывалась позже, и глина от нее доходила до края, утолщая пластину и не всегда плотно к ней прилегая. На некоторых изразцах в изломе заметен стык пластины и примазки румпы. К тому же на рассматриваемом фрагменте по краю видны вмятины пальцев, оставшиеся при выполнении этой операции.

[6] Гравюра издана в Антверпене и хранится в отделе редких книг и рукописей Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина (НГОУНБ).

Рис. 8. Печной набор № 3 (*1–4*) и № 4 (*5–10*)

Печной набор № 4 состоит из изразцов с расписной композицией. В ее центре – крупный восьмиугольный резерв, внутри которого на белом фоне синим цветом выполнена роспись двух вариантов. Первый вариант – изображение растения на высоком стебле с тремя соцветиями и листьями (рис. 8, *5, 6*), вид которого, при фрагментарности имеющихся лицевых изразцов, представляет изображение на целом поясковом изразце (рис. 8, *9*). Второй вариант – стилистическое изображение, по-видимому, сельского ландшафта (сохранилась только нижняя часть изразца) (рис. 8, *7*).

Резерв по периметру имеет обводку двумя тонкими коричневыми линиями. Фон вокруг резерва также покрыт в виде напыления мелкими точками коричнево-фиолетового оттенка.

У лицевых и поясковых изразцов печного набора № 4 отсутствуют угловые четверти трехлепесткового соцветия, характерные для росписи изразцов печных наборов № 1 и 2.

По наличию обводки резерва двумя тонкими коричневыми линиями к этому печному набору отнесены соответствующие поясковые, карнизные и изразцы-перемычки (рис. 8, *8–10*).

В печной набор № 4 входят семь целых изразцов и восемь фрагментов (Прил. 1, № 23–37): шесть лицевых плоских, по три поясковых, карнизных и перемычек.

Основная часть, 11 из 15, изразцов печного набора № 4 изготовлена из белой глины, четыре – из красной глины. В связи с этим допустимо предположение о существовании двух одинаковых по росписи печных наборов, но изготовленных из разных видов глин.

Из всего печного набора № 4 только у одного изразца, карнизного, полностью сохранилась высокая (6,5 см) румпа московского типа (рис. 8, *10*).

Стилистическое сходство этих изразцов с изразцами печных наборов № 1, 2 и 3 допускает их изготовление также на кирпичных заводах вблизи Петербурга.

Аналогичных изразцов в публикациях пока не выявлено.

Печной набор № 5 включает белоглиняные изразцы с расписной композицией, ограниченной по периметру сплошной синей каймой, фон внутри нее покрыт мелкими точками и имеет коричнево-фиолетовый оттенок. В центре расположена

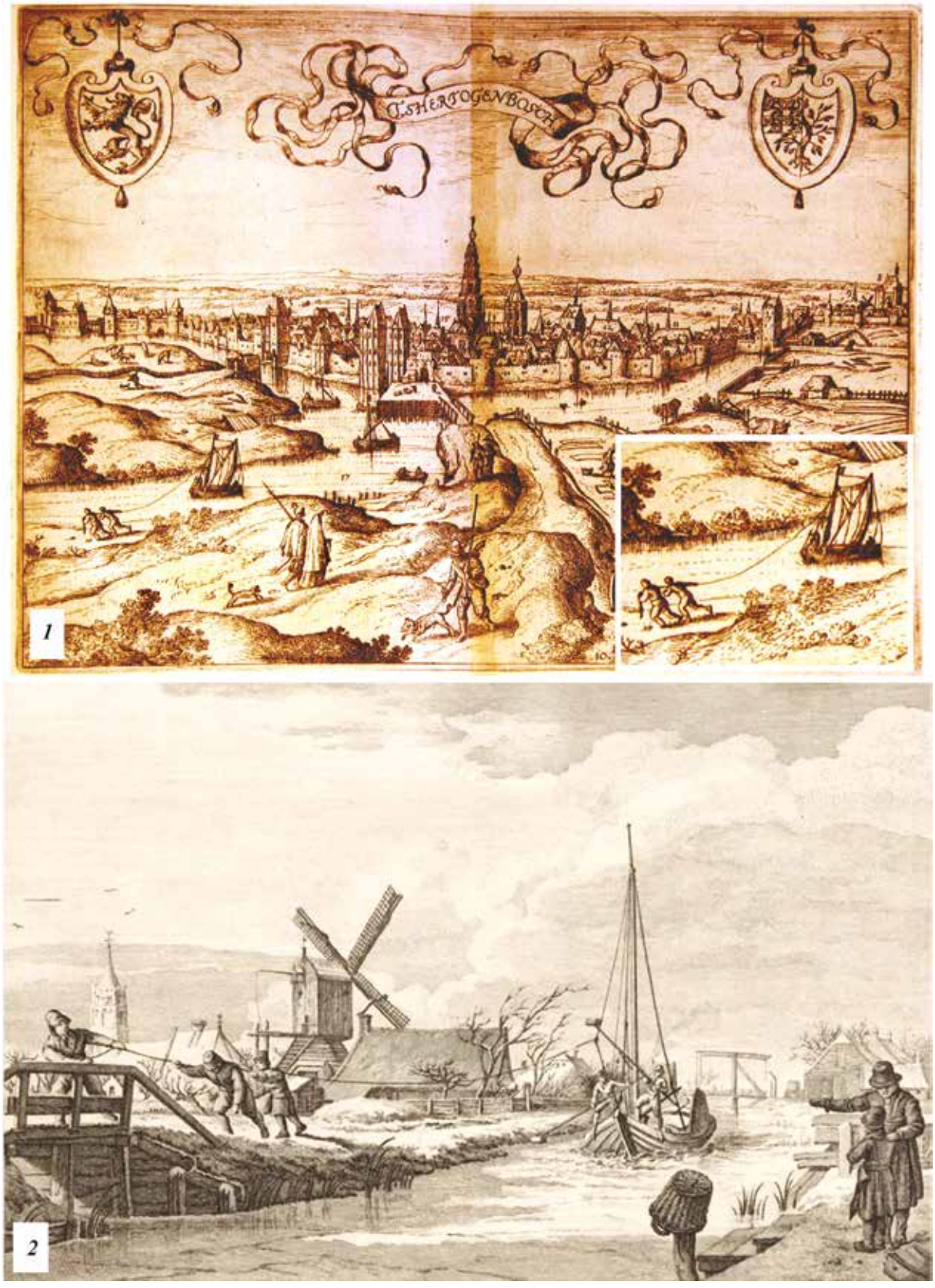

Рис. 9. Нидерландские бурлаки на гравюрах и рисунках XVI и XVIII вв. (из открытых источников)
1 – гравюра Л. Гвиччардини 1582 г. с видом города Хертогенбос в Нидерландах;
2 – рисунок нидерландского художника Якоба Катса «Зимний пейзаж с баржей» (1796–1799 гг.)

Рис. 10. Печной набор № 5

крупная эмблема в виде упрощенной гербовой композиции, имеющей вертикально удлиненный четырехугольный щит с заострением книзу и намет из листьев, выходящих из верхней его части вправо и влево. В щите изображен цветок на длинном стебле с тремя соцветиями и двумя листьями, под ним – полукруглые мостики с перилами или постройки. Другие геральдические атрибуты (шлем, мантия, основание, девиз и др.) отсутствуют. Над эмблемой расположена группа из двух-трех и более (иногда в виде соцветий) синих пятен. Эмблема, группа пятен и фон вдоль синей полосы по краю изразца обведены тонкой линией цвета фона (рис. 10).

Один из фрагментов лицевого выгнутого изразца имеет иную, цветочно-растительную композицию росписи эмблемы (рис. 10, *8*).

К печному набору № 5 относятся шесть целых и восемь фрагментов изразцов (Прил. 1. № 38–51): пять лицевых выгнутых, два лицевых вогнутых, семь лицевых угловых. В состав угловых изразцов входят два варианта: 1) плоский, с колонкой (рис. 10, *7*) и 2) подтреугольной формы с вогнутым ребром посередине, как и у аналогичных изразцов печного набора № 2 (рис. 10, *9, 10*).

Все изразцы печного набора № 5 изготовлены из белой глины.

Следует отметить, что большая часть изразцов с сохранившейся румпой имеет румпу петербургского типа (5 из 7). Два изразца с румпой московского типа, но со сравнительно небольшой высотой – 6,5 см (рис. 10, *6, 7*).

Стилистическое сходство по форме и покрытию фона этих изразцов с изразцами печных наборов № 1–4 допускает их изготовление также на кирпичных заводах вблизи Петербурга.

Аналогичных изразцов в публикациях пока не выявлено.

Печной набор № 6 включает изразцы с сюжетной синей росписью по белому фону в картуше с западноевропейскими сельскими или усадебными

Рис. 11. Печной набор № 6

видами; в угловых картушных полукружьях – четвертая часть соцветия. Картуш из одной-двух линий расположен по периметру поверхности лицевых изразцов, фигурный восьмиугольный в виде широкой рамки со скругленными внутрь углами (рис. 11).

На лицевом угловом изразце сюжетом росписи картуша является, по-видимому, замок на фоне деревьев (рис. 11, *1*). На поясковых и карнизных изразцах, сверху и снизу, в двух поясах из двух линий с редкими розетками в стиле картуша изображены птицы и собаки среди деревьев и однотипные здания с высокими крышами (видимо, западноевропейские церкви с колокольней), нехарактерные для русской архитектуры XVIII в. (рис. 11, *4, 6, 7*). В комплект этого печного набора, судя по небольшому фрагменту, входили и расписные угловые изразцы-колонки (рис. 11, *3*).

К этому печному набору относятся три целых и четыре фрагмента изразцов (Прил. 1. № 52–58): лицевой угловой, лицевой плоский, три поясковых, карнизный и изразец-колонка угловая.

Все изразцы печного набора № 6 изготовлены из красной глины.

Из аналогичных изразцов в 1716–1720 гг. сооружены печи во дворце князя А. Д. Меньшикова в Санкт-Петербурге на современной Университетской наб. (рис. 11, *5*). *(Калязина, Дорофеева, Михайлов,* 1986. С. 140, 141; № 144). По мнению С. А. Маслиха, такие изразцы изготавливались на петербургских кирпичных заводах и имеют румпу петербургского типа (*Маслих,* 1976. № 217).

Из изразцов печного набора № 6 только один фрагмент сохранился с частью румпы, но не петербургского, а московского типа высотой

Рис. 12. Печной набор № 7

9 см (рис. 11, *2*). Видимо, этот печной набор сформовал гончар, переведенный на кирпичные заводы вблизи Петербурга из Москвы.

Печной набор № 7 представлен одним красноглиняным изразцом-городком в форме вазы, декорированным синим цветом по белому фону поясками с завитками и полосами, один из которых широкий в центре, с секторами штриховки (рис. 12, *1*) (Прил. 1. № 59).

Этот изразец-городок относится к изразцовым печным наборам из красноглиняных лицевых плоских изразцов с сюжетной синей росписью по белому фону в широкой рамке по краю, с чередующимися белыми и синими секторами штриховки и розетками в центре каждой стороны. Сюжетом изображений этих лицевых изразцов обычно являются символические сцены аллегорического характера, заимствованные художниками из сборника «Символы и Емблемата», издававшемся в 1705 и в 1719 гг. и позднее (рис. 12, *2*) (*Маслих,* 1976. № 224).

Известен второй вариант рамочного оформления, состоящего из полурозеток (рис. 12, *3*) (*Маслих,* 1983. № 210). Изразцы с таким декором рамки датированы 1740–1750 гг. (*Сергеенко*, 1993. С. 60). По-видимому, судя по характеру росписи, изразцы с обоими вариантами рамочного оформления существовали в одно время. Датировка С. А. Маслиха различна: в одной публикации – 1730–1760 гг., в другой – 1725–1750 гг. (*Маслих,* 1976. № 224; 1983. № 210).

Несмотря на единичность находки, допустимо предположение о существовании в доме князей Грузинских печи с аналогичными изразцами.

Таким образом, среди рассмотренных семи (восьми?) печных наборов первой половины XVIII в. наборы № 1–6 можно отнести к петербургскому производству. На это указывают как их формы (выгнутые и вогнутые), конструкция румпы, так и характер росписи, «на манер галанских», подражающий росписи голландских плиток.

Форма и размеры лицевых изразцов печных наборов № 1 и 2 квадратная (17×16, 16×16 см), изразцов печных наборов № 3, 5 и 6 – прямоугольная (19×12, 20×12, 22×12 см). Нехарактерные для изразцов предшествующего времени лицевые выгнутые и вогнутые изразцы печных наборов № 1–5, видимо, являются подражанием западноевропейским изразцам: похожие вогнутые изразцы представлены в экспозиции Бернского исторического музея в Швейцарии[7].

Также следует отметить, что в шурфе Г. П. Латышевой нет изразцов с расписными овальными медальонами в рельефном картуше. Видимо, в 1710-х годах в Москве изразцы не производились, чем и объясняется их заказ и приобретение в Санкт-Петербурге. Необходимо также учитывать, что это продукция не серийная, не массовая, а технологически сложная. При значительных ценах на изразцовый декор печей в XVIII в. приобретать изразцы могли состоятельные представители дворянства и купечества (*Воронов,* 1960. С. 198).

В Санкт-Петербурге изразцы изготавливались на кирпичных заводах вблизи города, их появление было связано с указом Петра I от 8 ноября 1710 года: «Кирпичным заводам существовать при

[7] Автор выражает благодарность научному сотруднику Института археологии РАН О.Н. Глазуновой за предоставленный для публикации материал.

Санкт-Петербурге по рекам Неве, Ижоре и Тосне». В 1711–1712 гг. часть из них для пополнения казны продали частным лицам. На правом берегу Невы остались лишь казенные Новые кирпичные заводы Канцелярии городовых дел. В 1720 г. на этих заводах работало четыре «живописца»: Иван Жеребцов, Федор Григорьев, Иван Степанов, Алексей Ливонский. С 1715 г. они находились «у письма обрасцов» и работали сдельно. За четыре месяца 1720 г. эти живописцы расписали 1374 изразца, или примерно по 86 изразцов в месяц каждый (*Луппов*, 1957. С. 112).

Факт производства и привоза изразцов для печей из Санкт-Петербурга указывает на отсутствие их производства в Москве в 1710-х годах, когда строился дом грузинской царевны Дарьи Арчиловны. Всех московских мастеров-изразечников могли перевести в Санкт-Петербург, в строящуюся новую столицу России. Так, по указу 1710 г. велено выслать в Петербург «на вечное житье» «с посадов и с уездов» 4720 человек мастеровых людей разных специальностей с женами и детьми, так как в Санкт-Петербурге ощущалась «немалая нужда» в мастеровых людях «у Адмиралтейства и у городовых дел». В указе оговаривалось, сколько человек каких специальностей необходимо выслать: каменщиков, кирпичников, каменоломщиков, столяров, плотников, гончаров, кузнецов и т. д. Для всех переселяемых («переведенцев») заблаговременно строились дома. Наряд на высылку людей раскладывался на все губернии: Московскую – 1417 человек, С.-Петербургскую – 1034, Киевскую – 199, Смоленскую – 298 и т. д. (*Луппов*, 1957. С. 85).

Не случайно позднее, в 1724 г., именно в Москве публиковался специальный указ Мануфактур-коллегии, где говорилось «о цениной всякой посуде, которая делается из белой глины и вывозится в Россию из других государств, а в России такая белая глина находится…», из которой «…как видно, что во многих местах крестьяне от неискусства делают из той глины простую белую посуду…». Мануфактур-коллегия, видимо, имела в виду глины Гжельской волости Московской губернии, использовавшиеся местными крестьянами для производства гончарной посуды. В своей челобитной об открытии своей «Ценинной и табачных трубок фабрики», поданной в Мануфактур-коллегию, А. К. Гребенщиков заявлял о намерении «…делать из российской глины ценинную всякую посуду и табашные трубки и ценинные изразцы и плитки применяясь противу заморской» (*Салтыков,* 1952. С. 6–8).

Таблица 1. **Изразцовые заводы в Москве в XVIII в.**

Владелец	**Год упоминания**
Гребенщиков А. К.	1724–1771
Дубровский Л.	1747–1753
Грохонский И. Т.	1748
Елистратов И.	1748
Лепохов Я. А.	1748
Лукьянов В.	1748
Оловянишников В. Ф.	1748
Кудрявцев М.	1752
Иванов И.	1752–1767
Орешников Е.	1752–1766
Осипов В.	1752–1766
Федоров Я.	1752–1801
Веденикто в П.	1753
Кондратьев И.	1753
Черный С.	1753
Кузнецов К.	1753
Прокофьев В.	1753
Русинов П.	1753–1756
Чапочкин А.	1762–1772

Завод А. К. Гребенщикова до середины 1740-х годов был, видимо, единственным производством в Москве по изготовлению изразцов, что находит подтверждение в архивных документах, где упоминаются 19 московских изразцовых заводов XVIII в. (табл. 1) (*Сергеенко,* 1986. С. 65–67). Это подтверждает ведомость промышленных заведений за 1727 г., составленная Мануфактур-конторой (*Вольф,* 1906. С. 12–13).

Производство изразцов на заводе А. К. Гребенщикова было в целом небольшим и не развивалось. В 1725-м, спустя год, насчитывалось готовых «образцов малеванных» 1000 шт. (три печных набора)[8] и «образцов немалеванных» 8000 шт., но ничего не продано. В 1727 г. «образцов малеванных» продано 3727 шт., «образцов немалеванных» – 540 шт. В 1741 г. сделано и продано «ценинных печных образцов» 1250 шт., или три печных набора (*Салтыков,* 1952. С. 10, 13).

На заводе А. К. Гребенщикова в 1732–1749 гг. работал опытный изразцовый мастер Ян Флегнер из Воскресенского монастыря (Нового Иерусалима) на Истре, который мог улучшить производство и роспись изразцов (*Сергеенко,* 1986. С. 59–60). По-видимому, к этому времени относятся изразцы набора № 7, имевшие широкое распространение в Москве, судя по их частым находкам в ходе городских археологических раскопок.

[8] Так, например, в первой четверти XVIII в. для облицовки одной из печей во дворце А. Д. Меньшикова в Санкт-Петербурге использовано 350 изразцов (*Андреева*, 2015. С. 35).

Приложение 1

Печные наборы плоских расписных изразцов № 1–7 (ОФ 24658/1–289, ОФ 28767/3–12 и ОФ 29068/153).

№ п/п	№ ОФ	Наименование предмета	Глина	Рисунок, №	Размеры, см		
					Длина*	Ширина	Румпа**
Набор № 1							
1	ОФ 24658 / 48	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	—	—	—	—
2	ОФ 24658 / 76	Изразец лицевой вогнутый	Красная	5, *4*	16,5	15,0	2,5
3	ОФ 24658 / 120	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	—	—	—	—
4	ОФ 24658 / 123, 125	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	5, *3*	> 18,5	19,0	—
5	ОФ 24658 / 124	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	—	—	—	—
6	ОФ 24658 / 127	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	—	—	—	—
7	ОФ 24658 / 262	Изразец лицевой выгнутый	Белая	5, *1*	17,5	16,5	2,5
8	ОФ 28767 / 8	Изразец лицевой вогнутый	Красная	5, *2*	18,5	17,0	3,5
Набор № 2							
9	ОФ 24658 / 64	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	—	—	—	—
10	ОФ 24658 / 65	Изразца карнизного фр-т	Красная	7, *5*	12,0	> 4,0	—
11	ОФ 24658 / 78	Изразец угловой вогнутый	Красная	7, *3*	18,0	10,0×10,0	—
12	ОФ 24658 / 81	Изразец лицевой вогнутый	Красная	7, *1*	16,0	16,0	2,0
13	ОФ 24658 / 94	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	—	—	—	—
14	ОФ 24658 / 95	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	—	—	—	—
15	ОФ 24658 / 96	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	7, *2*	—	—	—
16	ОФ 24658 / 156	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	7, *4*	—	—	—
17	ОФ 24658 / 157	Изразца углового фр-т	Красная	7, *6*	—	—	—
18	ОФ 24658 / 250	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	—	—	—	—
Набор № 3							
19	ОФ 24658 / 57	Изразца лицевого вогнутого фр-т	Белая	8, *1*	> 14,0	13,5	2,5
20	ОФ 24658 / 73, 284	Изразец лицевой выгнутый	Белая	8, *3*	19,5	12,0	2,0
21	ОФ 24658 / 257	Изразец лицевой выгнутый	Белая	8, *2*	19,5	11,3	2,2
22	ОФ 29068 / 153	Изразца лицевого плоского фр-т	Белая	8, *4*	—	—	—
Набор № 4							
23	ОФ 24658 / 13	Изразец карнизный	Белая	8, *10*	10,5	6,0	—
24	ОФ 24658 / 14	Изразец карнизный	Белая	—	11,0	6,5	6,5
25	ОФ 24658 / 15	Изразец карнизный	Белая	—	11,0	6,0	—
26	ОФ 24658 / 17	Изразец-перемычка	Белая	8, *8*	12,5	2,5	4,0
27	ОФ 24658 / 19	Изразца лицевого выгнутого фр-т	Белая	—	—	—	—
28	ОФ 24658 / 22	Изразец-перемычка	Белая	—	12,5	2,5	5,0
29	ОФ 24658 / 45	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	8, *6*	—	—	—
30	ОФ 24658 / 46	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	8, *5*	—	—	—

№ п/п	№ ОФ	Наименование предмета	Глина	Рисунок, №	Размеры, см		
					Длина*	Ширина	Румпа**
31	ОФ 24658 / 126	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	–	–	–	–
32	ОФ 24658 / 136	Изразца лицевого плоского фр-т	Белая	8, *7*	–	–	–
33	ОФ 24658 / 137	Изразца лицевого плоского фр-т	Белая	–	–	–	–
34	ОФ 24658 / 202	Изразец поясковый	Белая	8, *9*	10,5	7,0	–
35	ОФ 24658 / 203	Изразца пояскового фр-т	Белая	–	> 9,0	6,5	–
36	ОФ 24658 / 218	Изразец-перемычка	Белая	–	12,5	2,5	4,0
37	ОФ 24658 / 249	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	–	–	–	–
Набор № 5							
38	ОФ 24658 / 1	Изразца лицевого вогнутого фр-т	Белая	10, *5*	> 13,0	13,5	4,0
39	ОФ 24658 / 2	Изразец угловой с колонкой	Белая	10, *7*	23,6	11,9	6,5
40	ОФ 24658 / 3	Изразца углового вогнутого фр-т	Белая	–	–	–	–
41	ОФ 24658 / 4	Изразца лицевого вогнутого фр-т	Белая	10, *4*	> 12,0	14,0	–
42	ОФ 24658 / 20	Изразец лицевой выгнутый	Белая	10, *2*	19,5	12,3	2,5
43	ОФ 24658 / 21	Изразец лицевой выгнутый	Белая	–	20,5	12,5	3,5
44	ОФ 24658 / 72	Изразец лицевой выгнутый	Белая	10, *3*	20,0	12,0	3,0
45	ОФ 24658 / 75	Изразца углового вогнутого фр-т	Белая	10, *10*	–	–	–
46	ОФ 24658 / 138	Изразец лицевой выгнутый	Белая	10, *1*	20,0	12,5	3,0
47	ОФ 24658 / 139	Изразца лицевого выгнутого фр-т	Белая	10, *8*	–	–	–
48	ОФ 24658 / 140	Изразца углового вогнутого фр-т	Белая	–	–	–	–
49	ОФ 24658 / 141	Изразца углового фр-т	Белая	–	–	–	–
50	ОФ 24658 / 142	Изразца углового вогнутого фр-т	Белая	10, *9*	–	–	–
51	ОФ 28767 / 10	Изразец лицевой угловой	Белая	10, *6*	21,0	18,0	6,5
Набор № 6							
52	ОФ 24658 / 77	Изразец лицевой угловой	Красная	11, *1*	22,5	> 10,0×13,5	–
53	ОФ 24658 / 143	Изразца-колонки углового фр-т	Красная	11, *3*	–	–	–
54	ОФ 24658 / 263	Изразца пояскового фр-т	Красная	11, *7*	–	–	–
55	ОФ 24658 / 266	Изразец поясковый угловой	Красная	–	11,0	> 9,0×8,0	–
56	ОФ 24658 / 267	Изразец поясковый угловой	Красная	11, *4*	11,0	19,5	> 7,5
57	ОФ 24658 / 268	Изразец карнизный	Красная	11, *6*	9,5	15,0	–
58	ОФ 24658 / 289	Изразца лицевого плоского фр-т	Красная	11, *2*	22,5	> 11,0	9,0
Набор № 7							
59	ОФ 24658 / 269	Изразец-городок	Красная	12, *1*	> 9,0	7,5	–

* Для прямоугольных, устанавливаемых вертикально изразцов (выгнутых, вогнутых и угловых) длина – вертикальный размер.

** Высота румпы плоских, выгнутых и вогнутых изразцов измерялась в центре от пластины.

Литература

Андреева Е. А., 2015. Отопительные приборы первой четверти XVIII в. на примере дворцов А. Д. Меншикова в Петербурге и пригородах // Меншиковские чтения. Вып. 6 (15). СПб.: XVIII век. С. 32–45.

Арсеньев А. А., Морозова М. С., 2005. Московское городское братское кладбище // Военно-исторический архив. № 10. М. С. 31–68.

Белецкая Е. А., Крашенинникова Н. Л., Чернозубова Л.Е, Эрн И. В., 1961. Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв. М.: Госстройиздат. 206 с.

Вольф Н. В., 1906. Императорский фарфоровый завод. 1744–1904. СПб.: Управление императорскими заводами. 422 с.

Воронов Н. Н., 1960. Русские изразцы XVIII в. // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М.: АН СССР. С. 191–208.

Дворянские роды Российской империи. Т. 3. Князья / Под. ред. С. В. Думина. М.: Вести, 1996. 280 с.

ДДГ. М.; Л.: АН СССР, 1950. 586 с.

Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В., 1986. Дворец Меньшикова. Л.: Государственный Эрмитаж. 218 с.

Киселев И. А., 1990. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам. Методические рекомендации. М.: Институт «Спецпроектреставрация». 34 с.

Киселев И. А., 2005. Архитектурные детали в русском зодчестве XVIII–XIX веков. Справочник архитектора-реставратора. М.: Academia. 496 с.

Кусов В. С., 2004. Земли Московской губернии в XVIII в. Карты уездов. Описание землевладений. Т. II. М.: Московия. 399 с.

Кушнир И. И., 1959. Путевой дворец XVIII века. Новгород: Новгородская правда. 5 с.

Латышева Г. П., 1957. Отчет о раскопках, проведенных в Москве в 1957 г. на территории домовладения 10/23 по 1-му Песчаному пер. в поселке Сокол / Архив ИА РАН. Р-1. № 1492, 1492а.

Лопатько В. М., Белякова Н. В., 2016. Особенности архитектуры путевых дворцов в России XVIII–XIX веков // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. № 3 (18). С. 144–154.

Луппов С. П., 1957. История строительства Петербурга первой четверти XVIII века. М.; Л.: АН СССР. 195 с.

Маслих С. А., 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство. 208 с.

Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство. 271 с.

Молева Н. М., 1980. Всесвятское – Сокол // Вопросы истории. № 7. С. 183–187.

Павлова Т. Г., 1999. Северный край Москвы (с древнейших времен до 1917 года). М.: Научный мир. 399 с.

Подъяпольский С. С., Бессонов Г. Б., Беляев Л. А., Постникова Т. М., 1988. Реставрация памятников архитектуры. М.: Стройиздат. 264 с.

Полюлях А. А., 2014. Тарелки завода Гребенщиковых сервиза князей Грузинских из археологических раскопок на месте бывшего села Всехсвятское // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 460–481.

Романюк С. К., 1999. По землям московских сел и слобод. Ч. II. М.: Сварог и К°. 624 с.

Салтыков А. Б., 1952. Первый русский керамический завод. М.: ГИМ. 47 с.

Сергеенко И. И., 1986. Заводы гончарные и изразцовые XVIII–XIX вв. // Из истории русской керамики и стекла XVIII–XIX вв. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 62). С. 65–69.

Сергеенко И. И., 1993. Об изразцах с «иероглифическими фигурами», эмблематами и о московском мастере Яне Флегнере // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. М.: Музей «Коломенское». С. 52–70.

Сорокин П. Е., 2009. Археологические исследования в Летнем саду в Санкт-Петербурге в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 38081–38092.

Сытин П. В., 1950. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Вып. 1 // Тр. Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 1. М.: Московский рабочий. 416 с.

Токмаков И. Ф., 1898. Историко-статистическое и археологическое описание села Всехсвятского Московской губернии и уезда с 1398 по 1898 г. М.: Печатня А. И. Снегиревой. 83 с.

Холмогоровы В. И. и Г. И., 1886. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии // Загородная десятина. Вып. 3. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева. 387 с.

A.A. Polyulyakh

Tiled Stove Sets from the First Half of the 18th Century from the Estate of the Gruzinsky Princes in the Village of Vsekhsvyatskoye

Summary

In 1957 in the northwestern part of Moscow, where the village of Vsekhsvyatskoye was formerly located, G.P. Latysheva, a researcher in the archeology department of the Museum of the History and Reconstruction of Moscow, discovered a set of 299 smooth painted stove tiles from the 18th to early 19th centuries during excavations. These tiles belonged to 19 stoves in the winter palace of the Gruzinsky princes' estate. This article examines stove sets from the first half of the 18th century.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.372-390

А. Б. Большаков
Военно-исторический спортивно-культурный комплекс «Коломенский кремль»» (г. Коломна, Московская обл.)

Игра в свайку: этнографический и археологический контексты

Свайка – традиционная русская игра, известная с XVI в. и бытовавшая вплоть до начала XX в. Также свайка – это металлический метательный снаряд с массивной головкой и заостренной ножкой, предназначавшийся для одноименной игры. Цель игры – свайкой попасть в железное кольцо, лежащее на земле[1].

Свайка является частой категорией находок в средневековых поселениях Европейской России и сопредельных регионах XVI–XX вв. Однако ее надежная атрибуция как игрового предмета осложняется морфологическим сходством с бытовыми и профессиональными артефактами: безменами, булавами, наковальнями для отбивки косы и декоративными гвоздями. В этих условиях письменные и изобразительные источники, археологические находки и музейные комплекты (свайки в комплексе с кольцами) приобретают особое значение как эталонные образцы для сравнительного анализа.

1. Письменные источники и этнографическая литература как основа реконструкции игрового инвентаря

Письменные источники XVI–XX вв. содержат информацию о полном весовом и размерном ряде сваек этого периода, а также свидетельства о правилах игры, наказаниях, происхождении и социальном статусе игроков, которые невозможно извлечь из других источников.

1.1. Вес свайки по письменным источникам

Анализ письменных источников свидетельствует о значительном разнообразии веса сваек, зафиксированном в разные исторические периоды. В XIX в. наиболее распространены были две весовые категории: легкие свайки весом 1–2 фунта, предназначенные для детей и подростков, и более тяжелые – в 3–5 фунтов, используемые взрослыми мужчинами. Н. С. Лесков указывает вес свайки в интервале 3–4 фунта (*Лесков*, 1958. С. 139), М. И. Рахманов приводит разброс от фунта до 5 фунтов (*Рахманов*, 1895. С. 219), Е. А. Покровский отмечает, что вес свайки может составлять около 1–2 фунтов и даже больше, в зависимости от силы играющих (*Покровский*, 1895. С. 227), А. С. Суворин упоминает вес от одного до нескольких фунтов (*Суворин*, 1906. С. 47).

В литературе середины – конца XIX в. упоминаются и более тяжелые свайки весом до 20 фунтов. В сборнике «Игры для всех возрастов» отмечается, что свайка «бывает различной величины и весом от одного до 10 и даже до 20 фунтов» (Игры для всех возрастов, 1844. С. 126). И. К. Кондратьев и И. П. Сахаров приводят аналогичный диапазон веса (*Кондратьев*, 1894. С. 58; *Сахаров*, 1885. С. 204). А. В. Терещенко отмечает: «Весит иногда до 4 и 5 фунтов, – тяжелее этого мне не случалось видеть, хотя некоторые утверждают, что бывают до полпуда» (*Терещенко*, 1848. С. 54). А. Е. Разин сообщает, что «хорошая свайка бывает пять фунтов, но бывает и до десяти, и до пятнадцати. Такие тяжелые свайки употребляются молодыми мастеровыми на оружейных и механических заводах» (*Разин*, 1893. С. 11). Я. И. Душечкин отмечает, что встречаются свайки весом 2–5 фунтов и более (Сборник игр… 1903. С. 314). В зарубежной литературе XIX в. чаще фиксируются линейные размеры, чем вес, упоминаемый лишь в общем виде.

[1] Видео об игре в свайку: https://vkvideo.ru/video-5391538_456239061?t=3m56s&uh=aa358940546659; https://vkvideo.ru/video17368085_456239844?list=5b028d5450f7629a42&uh=82c8aa4602f97e.

Для XVI–XVII вв. в письменных источниках конкретные данные о весе свайки отсутствуют; упоминаются лишь игры с бросанием гвоздя или заостренного металлического стержня, предположительно имевшего массу менее 400 г (*Давид*, 1968; *Рейтенфельс*, 1905. С. 149). Архаичные варианты правил, зафиксированные в источниках, также косвенно свидетельствуют о весе игрового инвентаря. Традиционная структура игры включала два этапа: выполнение задания (например, попадание в кольцо определенное количество раз) и наказание проигравшего. В XIX–XX вв. наиболее распространенным наказанием было так называемое сажание редьки – вбивание свайки в землю с силой, после чего проигравший должен был ее извлечь. Для этого применялись свайки массой 2–5 фунтов и более.

Однако существовали и другие сценарии, требующие более легких сваек. Например, в описании 1678 г. игрок, сидя на спине другого, бросал заостренную железку размером с гвоздь в железное кольцо (*Таннер*, 1891. С. 103). Для такого варианта применялись небольшие и легкие свайки[2]. Е. А. Покровский отмечает, что в Олонецкой губернии играют особым образом, используя маленькие свайки или обыкновенные гвозди, бросая их в венцы сруба, стараясь воткнуть гвоздь острием (*Покровский*, 1895. С. 226, 227). Еще был вариант, когда проигравший вытаскивал зубами «редьку» – свайку, вбитую в деревянную доску (Этнографическое обозрение, кн. 5, 1890), то есть небольшого веса свайку с маленькой шляпкой.

Известно, что в XIX в. вес сваек достигал значительных величин, что связано с возрастом и силой игроков и социальным значением игры, а также с развитием металлургии. Свайки весом от 10 до 20 фунтов, применявшиеся в заводской практике как профессиональный инструмент, вероятно, находили применение и в армии – в контексте физической подготовки личного состава. (*Разин*, 1893. С. 11; *Миркович,* 1889. С. 37). К началу XX в. наблюдается тенденция к уменьшению веса игрового инвентаря, что, вероятно, связано с ослаблением интереса взрослой аудитории и превращением игры в преимущественно детскую забаву. Е. И. Правдин описывает свайку примерно в фунт (*Правдин*, 1887. С. 172), а А. Родин – около 400 г (*Родин, Шитик*, 1931. С. 41).

Таким образом, на основе письменных источников и литературы можно выделить следующий весовой ряд сваек: менее 1, 1, 2, 3, 4, 5, 10 и 15–20 фунтов – от раннего периода (XVI–XVII вв.) до XIX – начала XX в., что отражает эволюцию игры и ее социальные функции. Учитывая, что один русский фунт составлял 409,5 г, данный диапазон соответствует: менее 410, 410, 819, 1228, 1638, 2047, 4095, а также 6142–8190 г.

В XIX – начале XX в. вес сваек значительно варьировался в зависимости от целевой аудитории, что отражает широкий спектр использования этого предмета – от легких детских игрушек до тяжелых экземпляров для серьезной физической подготовки и тренировок.

1.2. Сведения литературы о длине свайки

Информация о длине сваек представлена значительно менее подробно, чем данные о весе. Это, вероятнее всего, объясняется тем, что авторы XIX в., хотя и были осведомлены о существовании сваек массой от фунта до 20 фунтов, зачастую не имели возможности лично ознакомиться с наиболее тяжелыми экземплярами (10–20 фунтов) или провести их непосредственные измерения; сведения о таких свайках основывались преимущественно на сообщениях информаторов. Русские этнографы XIX – начала XX в. приводят общую длину свайки в диапазоне от трех до шести вершков. Е. А. Покровский указывает длину около трех вершков, что составляет приблизительно 133 мм (*Покровский*, 1895. С. 226–227). Я. И. Душечкин сообщает о длине 3–5 вершков, т. е. 133–222 мм (Сборник игр… 1903. С. 314). Е. И. Правдин упоминает длину свайки в шесть вершков, или около 267 мм (*Правдин*, 1887. С. 172).

Зарубежные авторы указывают длину свайки от 5 до 10 дюймов. Ф. Якоб приводит размер 5–8 дюймов, т. е. 127–203 мм (*Jakob*, 1879. P. 67–68), Дж. Чамплин указывает длину 8–9 дюймов (203–229 мм) (*Champlin*, *Bostwick,* 1890. P. 686–687), Дж. Джергенс называет длину 19–22 см (190–220 мм) (*Georgens*, 1882. P. 350), Т. Рулеманн сообщает о длине 20–25 см (200–250 мм) (*Rulemann*, 1909. P. 453).

О длине свайки XVI–XVII вв. сохранились только косвенные данные. Авторы XVII в. сравнивают свайку с гвоздем. Согласно Иржи Давиду, у простого народа процветают некоторые несложные веселые игры, такие как бросание гвоздя в железное кольцо (*Давид*, 1968. С. 141).

Автор XIX в. С. В. Максимов уточняет, что для изготовления свайки пригоден троетесный гвоздь,

[2] Видео о том, как могла выглядеть игра в свайку по правилам, записанным в 1678 г.: https://vkvideo.ru/video17368085_456239533?list=215d6f10f956b3bd80&uh=d923067ea5ba1f.

что косвенно позволяет судить как о длине самой свайки, так и о размерах гвоздя, использовавшегося в игре (*Максимов*, 1890. С. 215). Троетесный гвоздь – крупный кровельный гвоздь, предназначавшийся для прибивания сразу трех досок, уложенных одна на другую. Согласно А. И. Тилинскому (1911. С. 196), пятидюймовые гвозди именовались «троетесом». Эта длина совпадает с размерами малых сваек, приводимыми иностранными авторами, и близка к данным русских источников. Указанные сведения позволяют предположить, что длина сваек XVI–XVII вв. могла соответствовать длине троетесных гвоздей и составлять около 5 дюймов (127 мм).

Таким образом, на основе письменных источников и литературы можно составить следующий размерный ряд общей длины сваек: 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 10,5 дюймов, что составляет соответственно 127, 152, 178, 203, 229, 254 и 267 мм. Вероятно, им соответствуют восемь весовых категорий сваек: 1, 2, 3, 4, 5, 10, 15 и 20 фунтов.

1.3. Сведения о форме свайки

Свайка – это игральное железное орудие, напоминающее толстый и круглый гвоздь с нарочитой головкой, используемое в игре для попадания в кольцо (Словарь… 1794. С. 349). По определению Я. И. Душечкина, свайка – толстый круглый гвоздь с круглым или граненым набалдашником (Сборник игр… 1903. С. 314). Формы головки и ножки свайки разнообразны. В источниках XVII–XIX вв. описываются такие формы головок:

– многогранная или большая круглая с восьмигранной резьбой, напоминающая бриллиант;

– шарообразная (*Лесков*, 1958. С. 139; *Покровский*, 1895. С. 227; *Rulemann*, 1909. С. 453);

– кубическая с усеченными углами – на рисунках сборников игр 1837 и 1844 гг. (Игры для всех возрастов, 1844. С. 126; Игры, забавы и увеселения, 1837. С. 7).

Отдельного внимания заслуживает свайка с прорезной шляпкой, зафиксированная И. Е. Забелиным: по его описанию, она, вероятно, была пустотелой и украшена прорезным орнаментом – подобно бубенчику или пуговице (*Забелин*, 1915. С. 88). На рисунке Таннера 1678 г. изображена свайка со шляпкой неясной формы, возможно, передающей внешний облик именно такой прорезной свайки (*Таннер*, 1891. Рис. 17). Размер головки указывался приблизительно как «набалдашник величиной в обыкновенный мяч» (*Кольрауш, Вагнер*, 1903. С. 202).

Форма ножки обычно округлая, с острым концом (*Правдин*, 1887. С. 172). С. В. Максимов добавляет, что для изготовления выбирают троетесный гвоздь, углы которого обрабатывают словно толстое шило (*Максимов*, 1890. С. 215). Описания XIX–XX вв. показывают ножку в виде толстого конуса. Таннер в 1678 г. изображает выпуклый конус, Рейтенфельс в 1680-м – заостренные железки (*Таннер*, 1891. С. 103; *Рейтенфельс*, 1905. С. 149), а Давид в 1689 г. (*Давид*, 1968) сравнивает их с гвоздями. Диаметр ножки примерно равен толщине пальца или больше (*Суворин*, 1906. С. 47).

1.4. Упоминания размеров колец для игры в свайку

Для игры в свайку использовались железные кольца, размеры которых варьировались в зависимости от правил игры, возраста и мастерства игроков.

В русских источниках XVIII–XIX вв. чаще всего упоминается использование одного кольца, которое клали на землю, и игроки стремились попасть в него свайкой. Хотя сведения о нескольких кольцах разного диаметра (обычно шести) как мишенях разной сложности встречаются в основном у иностранных авторов XIX в., аналогичное описание приводит и русский исследователь А. В. Висковатов (1875. С. 503).

Русские этнографы конца XIX в. чаще указывают размер внутреннего диаметра кольца около одного вершка (44 мм). Е. А. Покровский пишет: «…употребляется толстое железное кольцо с отверстием в середине около вершка в поперечник» (*Покровский*, 1895. С. 227). Я. И. Душечкин отмечает, что «величина его должна быть такова, чтобы через него не мог пройти набалдашник свайки» (Сборник игр… 1903. С. 314).

Зарубежные исследователи XIX – начала XX в. фиксируют использование нескольких колец, увеличивающихся на 25 мм в диаметре отверстия внутри кольца. Х. Вагнер описывает систему из шести колец: самое маленькое диаметром полтора дюйма (38 мм), каждое последующее на дюйм больше, максимальный диаметр – 6,5 дюйма (165 мм) (*Wagner,* 1861. P. 125). Ф. Якоб указывает диапазон от 1,5 до 6 дюймов (38–152 мм) (*Jakob*, 1879. P. 67–68). Дж. Джергенс приводит размеры от 4 до 14 см (40–140 мм) (*Georgens*, 1882. P. 350). Э. Кольрауш и Г. Вагнер описывают шесть колец от 36 мм с шагом 25 мм, максимальный диаметр – 161 мм (*Кольрауш, Вагнер,* 1903. С. 202). Т. Рулеманн указывает диапазон от 5 до 25 см (50–250 мм) (*Rulemann*, 1909. P. 453). Наименьший размер кольца зафиксирован в источнике 1678 г.: Таннер упоминает кольцо «размером с наш

флорин», что составляет 28–30 мм (*Таннер*, 1891. С. 103). Дж. Чамплин приводит наибольший диаметр – фут (305 мм) (*Champlin*, *Bostwick,* 1890. P. 686–687).

В литературе иногда описывают примерный размер кольца относительно размеров деталей свайки без указания точного размера:

1) кольцо меньше головки свайки – наиболее распространенный вариант, при котором головка свайки не может пройти через кольцо (*Висковатов*, 1875. С. 503; Сборник игр… 1903. С. 314; *Герд*, 1926. С. 67);

2) кольцо размером с ножку свайки – вариант, изображенный на рисунках из сборников игр 1837 и 1844 гг. (Игры, забавы и увеселения, 1837. С. 7; Игры для всех возрастов, 1844. С. 126), а также в сборнике Е. А. Покровского (1895. С. 227). В этом случае требовалась особо высокая точность броска.

Диапазон диаметров колец составлял от 28 до 305 мм. Наиболее распространенным размером в русской традиции было кольцо диаметром около 40–50 мм (около вершка), что чуть больше размера ножки и обычно чуть меньше головки свайки.

Зарубежные источники фиксируют более простые варианты игры, предполагавшие использование нескольких колец разного диаметра. Постепенное уменьшение их размера позволяло неопытным игрокам поэтапно осваивать метание и достигать точности, необходимой для попадания в самое малое кольцо. Многообразие размеров колец свидетельствует об адаптации игры к возрасту и физическим возможностям участников, а также об эволюции правил – от простых форм (система из нескольких последовательно уменьшающихся колец) к более сложным (использование одного небольшого кольца).

2. Изобразительные источники об игре в свайку

До наших дней сохранилось значительное количество изобразительных источников XVI–XX вв., отражающих игру в свайку: скульптуры, гравюры и рисунки русских и европейских авторов. Эти материалы позволяют с большей точностью реконструировать форму, пропорции, а также ориентировочные размеры шляпки и ножки свайки по сравнению с лаконичными письменными описаниями.

2.1. Изобразительные источники XIX – начала XX в.

Наиболее точные сведения о форме, размерах и пропорциях свайки дает скульптура А. В. Логановского 1836 г. «Парень, играющий в свайку» (рис. 1, *1*). Точно изображается классическая форма свайки, форма шляпки в виде куба с усеченными углами и ножки в виде конуса. Кольцо по внутреннему диаметру примерно равно толщине ножки. Игрок изображен в возрасте около 18–25 лет, атлетического телосложения. Скульптура отличается высокой реалистичностью и метрологической достоверностью. Масса свайки оценивается по пропорции к кулаку приблизительно в 2,3 кг, что соответствует весу снарядов, предназначенных для взрослых игроков.

Важными источниками по теме являются гравюры с изображениями играющих в свайку и рисунки из сборников игр (рис. 2, *1, 3*). На них довольно точно изображены свайки с кольцами – как в руках игроков, так и отдельно. Отчетливо просматриваются формы шляпки и ножки свайки. На других рисунках свайка изображена менее детально, однако боковой ракурс и соотнесение ее элементов с размером кулака игрока позволяют приблизительно определить размеры шляпки и длину ножки (рис. 1, *2, 3, 5–8*). В ряде случаев свайка нарисована под углом, что затрудняет определение примерных размеров (рис. 1, *9*; 2, *2, 4*). Имеется изображение, нарисованное схематично, без четкой прорисовки мелких деталей, формы шляпки или ножки (рис. 2, *6*).

2.2. Сведения о форме свайки

Чаще всего изображены свайки с шарообразной шляпкой (рис. 1, *2, 3, 5, 6*; 2, *2, 4, 5, 7, 9*), реже встречаются шляпки формы куба с усеченными углами (рис. 1, *1, 4*; 2, *1, 3*), а также многогранные (рис. 1, *4, 7, 9*; 2, *6*) – вероятно, имеющие шестигранник и восьмигранник в сечении, и одно изображение бипирамидальной формы шляпки (рис. 1, *4*).

Форма ножки у свайки на изображениях почти всегда коническая (рис. 1, *1, 3– 5, 7, 8*; 2, *1, 3–5, 7–9*), лишь иногда изображается в виде цилиндра с немного заостренным концом (рис. 1, *2, 6, 9*; 2, *6*).

2.3. Изображения XVI–XVII вв. и их интерпретация

Одним из наиболее ранних подтвержденных изображений свайки является рисунок 1678 г. Таннера (1891. С. 99), на котором показана свайка с необычной по форме шляпкой, предположительно прорезного типа (рис. 2, *8*). Есть известие, что «царевич Федор Алексеевич десяти лет в 1671 г. сентября 18 играл в свайку прорезную с кольцами, которая в то время была посеребрена» (*Забелин*, 1915. С. 88).

Большой интерес вызывает изображение XVI в. из издания «Книги Песни Песней Соломона»

Рис. 1. Художественные изображения игры в свайку

1 – скульптура А. В. Логановского «Парень, играющий в свайку» (1836 г.). ГРМ. Фото А. Б. Большакова; *2* – ф-т гравюры «Русские пасхальные игры» (1750–1865 гг.). Rijksmuseum, Амстердам, инв. № KOG-ZG-1-19A2-45-1; *3* – ф-т гравюры «Spiele der Russen auf öffentlichen Straßen» (*Bertuch F. J., Bertuch C.*, 1813. Fig. 2); *4* – рис. из книги: *Guthrie*, 1795. Fig. 17; *5* – ф-т картины К. Ф. Кнаппе «Игры на деревенской улице», 1802 г. (ГИМ, ГК № 17142660); *6* – ф-т гравюры Й. Г. Г. Гейслер «Игра в свайку» (по: *Geißler*, 1804. Pl. VI); *7* – ф-т гравюры Е. М. Корнеева «Игра в свайку» (по: *Depping*, 1812. Pl. 7); *8* – гравюра У. Уокера «Игра в свайку» (*Atkinson*, 1803. Pl. XX, 2); *9* – ф-т рис.: *Granville*, 1828. P. 396

(рис. 2, *7*), где заглавная буква П оформлена предположительно в виде фигуры игрока в свайку. Рисунок выполнен в мелком масштабе, предмет в руке изображен нечетко, детали слабо различимы, форма шляпки и ножки определяется неточно.

Следует учитывать, что часть изображений сделаны схематично: мелкие детали зачастую прорисованы утрированно или неразличимы из-за условности жанра или невысокого качества репродукции. Так, форма шляпки фиксируется с трудом

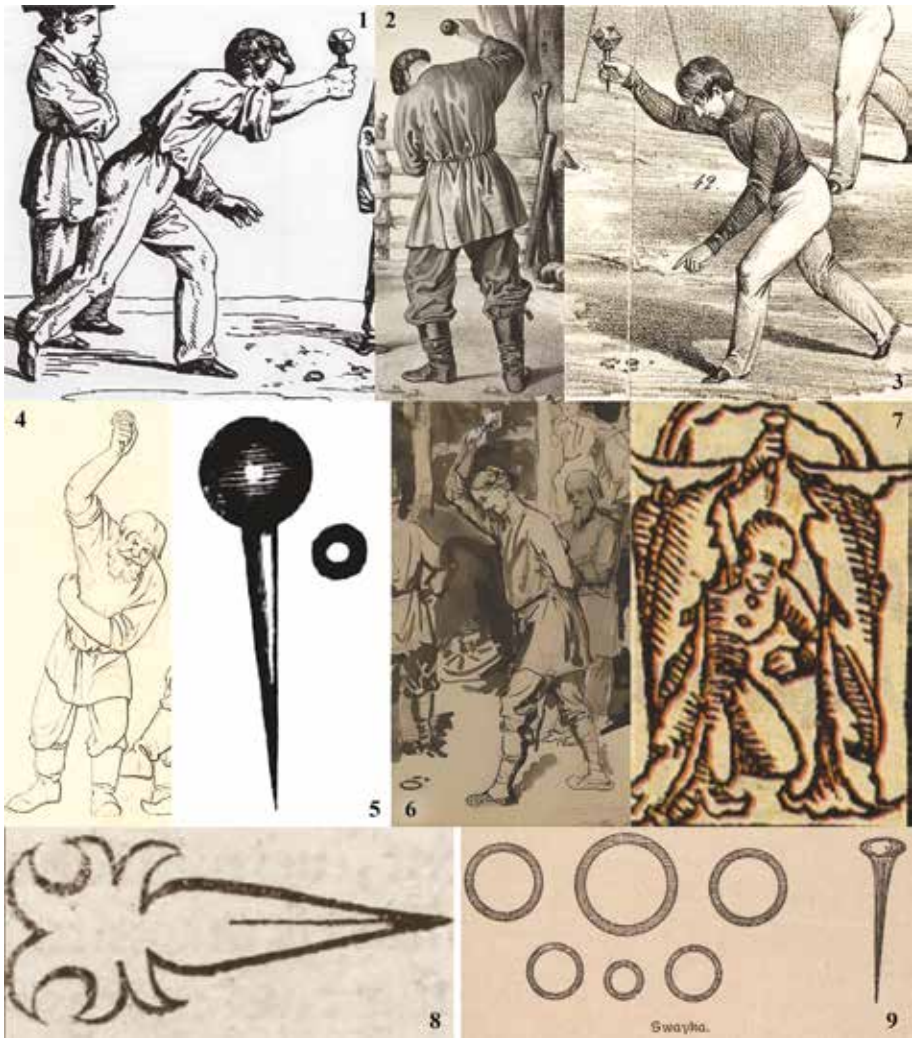

Рис. 2. Художественные изображения игры в свайку
1 – ф-т рис. из кн. «Игры, забавы и увеселения», 1837; *2* – ф-т литографии И. Щедровского «Два мужика в саду играют в свайку» (1840-е) из альбома «Вот наши! С натуры!» (ГИМ. ГК № 34489981); *3* – ф-т рис. из кн. «Игры для всех возрастов», 1844. Илл. 4. № 42; *4* – ф-т рис. А. Я. Васильева к дивану «Орляночные игры», 1851 г. (Рыбинский ГИАХМЗ. ГК № 1978213); *5* – рис. из кн.: *Покровский*, 1895. Рис. 65; *6* – ф-т рис. А. Е. Земцова «Игра в свайку», 1880–1886 гг. (ГМИРЛ, Москва. ГК № 37069150); *7* – рис. из кн. «Книга Песни Песней Соломона», 1518. Л. 5; *8* – рис. из кн.: *Таннер*, 1891. С. 99; *9* – рис. из кн.: *Rulemann*, 1909. S. 453

(рис. 2, *6, 7*) либо ножка выглядит почти тупой (рис. 1, *2, 6, 9*).

2.4. Возраст игроков по изобразительным источникам XVI–XX вв.

По данным изобразительных источников можно приблизительно определить возраст игроков. Масса и размеры свайки зависели от возраста, физической силы и ловкости игрока, что отражается в вариациях игрового инвентаря. Наиболее часто на рисунках представлены взрослые игроки (рис. 1, *1, 2, 9*; 2, *2, 4, 7*), реже – смешанные группы взрослых и детей (рис. 1, *3, 5–7*), в трех случаях – исключительно дети или подростки (рис. 1, *8*; 2, *1, 3*).

2.5. Масштабирование сваек по изобразительным источникам

Применение метода масштабирования изображения свайки в руке игрока позволяет определить ориентировочные размеры и массу изделия. При допущении, что ширина кулака (ладони) подростка составляет около 75 мм, а взрослого – около 85 мм, эти показатели позволяют сопоставить размеры свайки с размером кулака и рассчитать приблизительные размеры и вес изделий.

На большинстве гравюр размер шляпки немного меньше или равен средней ширине кулака взрослого мужчины или подростка, масса сваек

на таких изображениях (рис. 1, *1, 2, 6, 8*; 2, *1, 5, 9*) оценивается в диапазоне от 1,2 до 2,0 кг.

В ряде случаев (рис. 1, *3*; 2, *2, 3, 6*) встречаются более тяжелые варианты (от 2,0 до 4,5 кг, когда шляпка явно превышает размеры кулака) и даже примерно 8,0 кг (рис. 1, *5*). Этот вес, судя по письменным источникам, является предельным для свайки. На одном изображении (рис. 1, *7*) предположительная масса свайки – 15 кг. Такие размеры свайки являются, скорее всего, художественным преувеличением ради выразительности изображения.

Длина ножки на рассматриваемых изображениях, как правило, немного превышает ширину ладони (рис. 1, *1, 2, 6*; 2, *5*) – по длине 133 мм и весу 1 фунт. Встречаются более длинные ножки в полторы (рис. 1, *3*; 2, *1, 6*) и две ладони (рис. 1, *8*; 2, *3*). На скульптуре (рис. 1, *1*) и двух рисунках (рис. 2, *1, 2*) свайка располагается под углом, а игрок держит острие свайки в кулаке. Исходя из опыта игры, такую увесистую свайку держали всеми пальцами, то есть острие располагалось около мизинца. На ряде изображений ножка не видна (рис. 1, *5, 7*) или показана под углом (рис. 2, *4, 6*), поэтому посчитать ее длину невозможно. Остальные изображения свайки с кольцом (рис. 1, *4, 9*; 2, *4, 5, 8, 9*) выполнены без фигур играющих и позволяют лишь оценить форму шляпки и ножки, не предоставляя достоверных количественных данных. Тем не менее такие изображения нередко отличаются особой тщательностью в передаче форм, что делает их более ценными для морфологических сопоставлений, нежели для метрических оценок.

Размеры кольца или нескольких колец по отношению к размеру свайки варьируются на различных изображениях. В отдельных случаях кольца плохо различимы или вовсе отсутствуют. Внутренний диаметр кольца примерно соответствует диаметру ножки (рис. 1, *1*; 2, *1, 3, 5*), внутренний диаметр кольца меньше диаметра шляпки (рис. 1, *3–5, 7, 9*; 2, *6*) либо диаметр кольца примерно равен диаметру шляпки (рис. 1, *2, 6, 8*). На других изображениях кольца не просматриваются (рис. 2, *2, 4, 7, 8*).

Таким образом, изобразительные источники действительно дают более точное представление о морфологии свайки, чем тексты: они фиксируют реальную взаимосвязь формы шляпки и ножки, пропорции в хвате и относительные размеры к кулаку игрока, позволяя оценивать массу по геометрическим моделям. Все примерные числовые данные, получаемые по изобразительным источникам, подвержены определенной погрешности – на крупных живописных сценах детали зачастую изображались увеличенными, чтобы предмет был легко узнаваем. Поэтому такую информацию о размерах следует использовать только в сочетании с письменными и археологическими данными. Таким образом:

1) изобразительные источники являются ценным дополнением к письменным данным, позволяя визуализировать форму, пропорции и игровой процесс;

2) они подтверждают широкое распространение игры среди различных социальных групп, включая военных, дворовых людей, крестьян и мастеровых;

3) рисунки и гравюры фиксируют несколько типов сваек, отличающихся формой головки, весом и размерами;

4) иллюстрации демонстрируют технику броска, совпадающую с этнографическими описаниями: захват за острие, для броска с вращением, чтобы попасть в центр кольца.

3. Вещественные источники

Археологические находки и музейные коллекции предоставляют точные данные о реальных размерах, весе, технологии изготовления и следах использования сваек, а также детализируют форму шляпки, представляют декоративно украшенные экземпляры, дают представление о ранних свайках XVI–XVII вв.

3.1. Музейные комплекты игрового инвентаря: свайки с кольцами

Наибольшую научную ценность для изучения игры в свайку представляют полные музейные комплекты, включающие как метательный снаряд (свайку), так и мишень (кольцо). Подобные предметы редки в музейных собраниях, поскольку игровой инвентарь редко попадал в коллекции как целостный комплекс.

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург) хранит один из наиболее документированных образцов – свайку с кольцом из Полтавской губернии (Зеньковский у., местечко Опошня) конца XIX – начала XX в. (рис. 3, *1*). Предмет поступил благодаря трудам И. А. Зарецкого в период активной этнографической работы музея. Свайка представляет собой железный заостренный стержень с круглой головкой. Кольцо-мишень имеет диаметр 40 мм, что соответствует типичным параметрам игрового инвентаря для детей. Вес снаряда составляет 750 г, общая длина – 200 мм, шляпка в форме многогранника.

Вознесенский историко-краеведческий музей (Нижегородская обл.) располагает одним из наи-

Рис. 3. Свайки из музейных археологических коллекций
1 – Полтавская губ., кон. XIX – нач. XX в. (ГК № 31056099); *2* – Тамбовская губ., нач. XIX в. ГК № 7674934 – свайка; ГК № 7674935 – кольцо); *3* – Устюжна, XIX в. (ГК № 48673139); *4, 5* – Павлово (ГК № 61174655; ГК № 61174663); *6* – Мангазея, XVII в. (ГК № 24335108); *7* – Москва, XVI–XIX вв. (ГК № 54682885); *8* – Москва, XVI–XVII вв. (ГК № 57225748); *9* – Ростиславль Рязанский, сер. XIV – 1-я треть XV в. (ММ. инв. № ОФ-33949/216)

более ранних датированных комплектов – свайкой с кольцом начала XIX в. из Тамбовской губернии, Темниковского уезда (рис. 3, *2*). Предмет имеет следующие параметры: общая длина – 170 мм, диаметр шляпки – 75 мм, диаметр кольца – 54 мм.

Калужский музей ремесел, архитектуры и быта (частное собрание) хранит значительную коллекцию игрового инвентаря для игры в свайку (рис. 4, *1–7*), включающую четыре свайки массой от 100 г до килограмма, гвоздь для игры в свайку и два железных кольца (*Ткаченко*, *Фёдорова*, 2003). Две свайки (рис. 5, *1, 5*) имеют небольшую массу, не соответствующую описаниям сваек XIX–XX вв. На ножке более крупной из них нанесены декоративные метки в виде поясков. Вероятно, данные экземпляры представляют собой детские свайки или изделия более раннего периода – XVI–XVII вв.

Декоративные надпилы на ножках сваек представляют особый интерес. Они зафиксированы на экземплярах различной массы – от 100 г до килограмма (рис. 5, *4–6*). Такие метки могли служить ориентирами для одинакового хвата, способствуя также стабильности траектории и повышению точности броска во время игры.

Наличие меток на ножках сваек может рассматриваться как характерная региональная особен-

Рис. 4. Свайки из музейных этнографических коллекций
1 – Калуга (115 г); *2* – Калуга (1090 г); *3* – гвоздь, использовавшийся для игры в свайку. Калуга; *4* – Калуга (650 г); *5* – г. Кондрово; *7, 8* – кольцо для игры в свайку. Калуга

ность калужских изделий, отражающая сочетание местных ремесленных традиций и игровых практик. Аналогичные метки, надпилы и орнамент встречаются и в других регионах, однако их форма и расположение различаются (рис. 5, *1, 3*). Предположительно метки и орнамент, нанесенные ближе к шляпке, создавались мастером как декоративное оформление следов кузнечной обработки – в частности, отпечатков от ребра наковальни и гвоздильни, возникших в процессе изготовления свайки (рис. 6, *1–3*).

3.2. Типология сваек из музейных коллекций

Музейные экспонаты, определенные как свайки и предметы, совпадающие со свайкой, по морфологическим и метрологическим характеристикам условно делятся на две хронологические группы.

Свайки XIX–XX вв. Первую группу составляют классические свайки позднего периода, полностью соответствующие описаниям этнографических источников того же периода. К ним относятся следующие предметы:

– в коллекции Устюженского краеведческого музея (Новгородская губ., Устюженский у.) хранится кованая железная свайка, датируемая XIX в. (рис. 3, *3*). Общая длина – 194 мм, из них ножка – 144 мм при диаметре 25 мм, шляпка граненая, размерами 50×48×47 мм; масса предмета – 950 г.;

– в коллекции Павловского исторического музея (Нижегородская обл.) хранятся две свайки (рис. 3, *4, 5*). Точные хронология, размеры не указаны в музейных описаниях.

Эти предметы характеризуются стандартизированными весовыми параметрами и морфологическими признаками и совпадают с этнографическими данными XIX–XX вв.

Свайки XVI–XVII вв. Вторую группу составляют металлические предметы из позднесредневековых археологических слоев XVI–XVII вв. (и более раннего времени), определенные музейными специалистами как свайки или потенциально связанные с игрой в свайку. Эти находки повторяют типичную для сваек XIX–XX вв. форму шляпки и ножки, но их масса (менее 300 г) значительно ниже значений, зафиксированных в этнографических источниках. В то же время длина этих предметов соответствует размерам коротких сваек, зафиксированным в письменных источниках XIX–XX вв.

Вопрос реконструкции параметров свайки XVI–XVII вв. остается одним из наименее разработанных в историографии народных игр. Свайки этого периода до сих пор не подвергались систематической типологической обработке, а их атрибуция в каждом конкретном случае требует личного ознакомления с подлинными предметами и учета археологического контекста находки. Отдельного внимания заслуживает фиксация комплексов, где свайка обнаружена совместно с кольцом или иным игровым инвентарем, что позволяет значительно точнее очертить диапазон массы и размеров сваек допетровской эпохи и отделить их от морфологически сходных утилитарных изделий. Интерпретация находок XVI–XVII вв. и более раннего времени, особенно предметов массой менее 100 г, осложняется возможностью их полифункционального использования. Подобные стержни могли служить профессиональными инструментами (такелажные свайки моряков, рыбаков, пастухов, кучеров, свайки портных и др.), которые при определенных обстоятельствах могли становиться игровым инвентарем – по аналогии с ножом, одновременно выступающим и рабочим орудием, и предметом для игры в ножички.

Письменные источники XVI–XVII вв., как правило, ограничиваются общими определениями

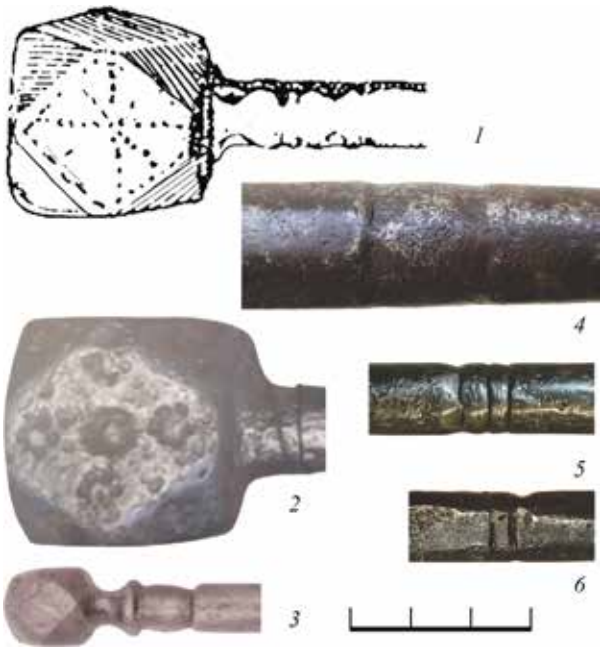

Рис. 5. Орнамент на свайках
1 – Москва, Зарядье; *2* – Коломна; *3* – Ростиславль Рязанский (см. рис. 3, *9*); *4–6* – метки на ножках. Калуга (см. рис. 4, *4, 2, 1*)

Рис. 6. Реконструкции следов производства и использования сваек
1–3 – метки от наковальни на ножке; *4* – острие свайки, затупленное о железное кольцо; *5* – часть кольца с отметками от попаданий свайки

свайки как «гвоздя» или «заостренной железки», не приводя точных сведений о ее массе и размерах. Тем не менее сопоставление разновременных текстовых сообщений, этнографических описаний позднего времени и вещественных материалов позволяет предложить обоснованную реконструкцию возможных габаритов этого метательного снаряда. Две маленькие свайки из собрания Калужского музея (масса порядка 100 г при длине около 100 мм) демонстрируют нижнюю границу размерного ряда игровых изделий допетровской эпохи (рис. 4, *1, 5*). С учетом этих данных минимальная длина свайки допетровского времени может быть определена в пределах 100–130 мм.

Прямые сведения о весе сваек XVI–XVII вв. в письменной традиции отсутствуют, что делает необходимым обращение к аналогиям с другими метательными предметами. В качестве отправной точки целесообразно использовать параметры метательных ножей: для них минимальный вес укладывается в диапазон от 40 до 150 г при длине порядка 10–20 см, причем такие снаряды предназначены для броска на дистанцию до 1,5–2,0 м. Эта величина хорошо согласуется как с размерами кованых железных гвоздей и маленьких сваек, так и с особенностями ранних вариантов игры, в которых фиксируется бросание небольшого предмета в кольцо на сравнительно короткой дистанции.

К числу средневековых находок относятся следующие экземпляры.

Свайка из раскопок 2008 г. на Мангазейском городище (XVII в.) размерами 96,5×13,0 мм (рис. 3, *6*), хранящаяся в Ямало-Ненецком окружном музейно-выставочном комплексе им. И. С. Шемановского.

Музейное объединение «Музей Москвы» хранит несколько предметов, связанных с игрой в свайку:

1) свайка с орнаментом на гранях головки (XVI–XIX вв.), размеры 170×25 мм (рис. 3, *7*);

2) предмет, определенный как «безмен (свайка?)» (XVI–XVII вв.) размерами 140×30 мм (рис. 3, *8*);

3) особый интерес представляет заостренный железный стержень с граненой головкой, обнаруженный в 2010 г. на Ростиславльском городище (Московская обл.). Предмет датируется по контексту находки второй половиной XIV – первой третью XV в. Размеры 135×15 мм (рис. 3, *9*). Головка выполнена в виде куба со срезанными углами (13 граней), ножка – конусовидной формы и завершена острием. Учитывая форму, пропорции и морфологическое сходство с описаниями сваек, данный экземпляр может рассматриваться как возможный игровой снаряд либо как предмет двойного назначения, сочетающий функции утилитарного инструмента (например, для распускания узлов) и метательного снаряда.

Таким образом, на основании сопоставления письменных свидетельств, музейных материалов и функциональных аналогий с иными метательными орудиями представляется возможным очертить ориентировочный диапазон параметров свайки XVI–XVII вв. Длина таких изделий, вероятно, составляла от 100 до 200 мм, а масса – от 40 до 300 г, варьируясь в зависимости от региональных традиций, конкретного варианта правил и возраста игроков. Хотя в игре участвовали не только дети, но и взрослые, уровень развития металлургии в рассматриваемый период не позволял расходовать на игровые предметы столько железа, сколько стало возможным в XIX в. Предложенные значения следует рассматривать не как жесткий стандарт, а как рабочий интервал, подлежащий дальнейшей проверке и уточнению по мере накопления археологических и музейных данных, прежде всего комплексов «свайка плюс кольцо» из надежно датированных слоев XVI–XVII вв.

Проблемы весовой классификации сваек

Весовой критерий 300–400 г как граница между «ранними» и «поздними» свайками условен. В XIX–XX вв. для игры использовались легкие свайки, а в XVI–XVII вв. могли существовать тяжелые. Анализ сохранившихся сваек показывает, что их масса могла отличаться от зафиксированных в письменных источниках значений на 30–200 г, что обусловлено традиционной кузнечной практикой: изделия изготавливались на глаз с учетом доступного сырья и мастерства конкретного кузнеца.

Особую сложность представляет интерпретация музейных экспонатов по ряду признаков, сходных со свайками, но атрибутированных как предметы иного функционального назначения: безмены, булавы, шестоперы, строительные детали и хозяйственные изделия.

Безмены и их детали

Шляпки безменов и сваек нередко схожи по форме, а в отдельных случаях и по размерам. Известны безмены с шляпками размером от 20×20×20 мм до 55×77×77 мм и общей длиной от 174 до 890 мм. Безмен, а также его фрагмент с металлической рукоятью отличается от свайки отсутствием выраженной конусности ножки и заостренного конца. На рукояти безмена, как правило, сохраняются деления, использовавшиеся при взвешивании. Длина металлической рукояти безмена превышает длину свайки, за исключением редких случаев.

Существует гипотеза о бытовании безменов и булав нетипичной конструкции, в которых противовес в форме свайки вбивался в деревянную рукоять. Однако на сегодняшний день археологические и этнографические данные не подтверждают существование такого типа безменов как массового стандартизированного изделия.

Конструкция, включающая металлический стержень, вбитый в деревянное основание, может указывать на вторичное использование свайки – в частности, ее включение в состав самодельных весов, изготовленных из подручных материалов для бытовых нужд. Подобные случаи переделки игрового инвентаря в хозяйственные орудия не характерны для традиционной материальной культуры и, вероятно, отражают эпизодические проявления бытовой импровизации.

В музейных коллекциях известны предметы, изначально атрибутированные как безмены, но по ряду признаков их можно с высокой степенью вероятности отнести к свайкам. Так, в ходе раскопок в московском Зарядье обнаружен предмет, идентифицированный как безмен (*Рабинович,* 1964. С. 140), в настоящее время хранящийся в Музейном объединении «Музей Москвы» и датированный XVI–XVIII вв. (рис. 7, *1*). Размеры предмета – 192×25×28 мм. В коллекции музея «Коломенский кремль» хранится «безмен», обнаруженный в ходе раскопок А. Б. Мазурова на ул. Лазарева в 1996 г. (рис. 7, *2*). Его размеры – 157×38×40 мм, масса – 480 г. В Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург) хранится «болванка от безмена» из собрания «Великороссы (русские)» (рис. 7, *3*) длиной 190 мм. Датируется она второй половиной XIX в. Наконец, в коллекции Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника хранится деталь (противовес) русского рычажного безмена (ГК № 37822264). Длина – 142 мм. Датирован в широких пределах XV – начала XX в.

В музейных коллекциях представлено также несколько предметов, изначально классифицированных как булавы или шестоперы, однако по совокупности признаков их с высокой степенью вероятности можно отнести к категории сваек. Булава и шестопер отличаются от свайки:

– отсутствием конусности железной рукояти и острия на краю;

– наличием проушины или втулки для насадки на деревянную рукоять;

– наличием у металлической рукояти выступа или утолщения для надежного хвата;

– длинной рукоятью;

– наличием следов крепления деревянного древка.

Ниже приводится их описание.

В собрании Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника хранятся следующие предметы:

– «безмен-шестопер (?)» (ГК № 42734965), датируемый XV–XVII вв. Предмет изготовлен из железа, имеет размеры 130×27×25 мм;

– «булава» (ГК № 20997677) железная, кованая, размером 140×31 мм, датированная XV–XVIII вв.

В Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике хранится «навершие булавы (?)» (рис. 7, *4*) датируемое XIII–XV вв., размером 130×30×30 мм.

Отдельно стоит отметить предмет весом 446 г, найденный в ходе раскопок 2007–2008 гг. в Петровском конце средневекового Пскова (рис. 7, *5*)[3]. Морфологические характеристики (вес, пропорции, форма головки) предмета допускают его интерпретацию как возможного игрового снаряда. Размер – 185×42×48 мм. Датируется он XIV–XV вв.

Иногда свайку называют «наковальней», хотя, вероятно, речь идет о бабке – сельскохозяйственном инструменте, использовавшемся для отбивки лезвия косы. Тем не менее данные предметы вряд ли можно спутать. Бабка характеризуется либо плоским «лицом» наковальни, либо узкой ударной полосой, расширяющейся к основанию, и короткой ножкой. Иногда встречаются экземпляры с удлиненной конусовидной ножкой, но форма шляпки у бабки принципиально отличается от шляпки свайки.

В коллекции Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника хранится предмет, описанный как наковальня (рис. 7, *6*). Изделие датируется XVI–XVII вв., изготовлено из железа ковкой, имеет кубовидную форму с гранеными боковинами. Размеры – 62×62×45 мм.

В коллекции Знаменского районного историко-краеведческого музея (Омская обл.) хранится предмет, описанный как «кистень (оселок)» (рис. 7, *7*). Согласно музейному описанию, он использовался для заточки кос и обнаружен на месте бывшей д. Прокудино (Островная), расположенной на берегу оз. Изюк. Судя по описанию, имелась в виду

[3] Доклад С. А. Салмина «Находки предметов вооружения и деталей доспехов из раскопов у Петровских ворот Пскова», сделанный на заседании семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» 15 апреля 2009 г.

Рис. 7. Предметы из музейных коллекций
1 – безмен (?). Москва, Зарядье, XVI–XVIII вв. (ГК № 23814954); *2* – безмен (?). Коломна, Музей «Коломенский кремль»; *3* – безмен (?). 2-я пол. XIX в. (ГК № 38316066); *4* – навершие булавы (?). Новгород, XIII–XV вв. (ГК № 24258685); *5* – булава (?). Псков, XIV–XV вв. (446 г); *6* – наковальня (?). Астрахань, XVI–XVII вв. (ГК № 18712453); *7* – кистень (?). Омская обл., с. Знаменское (ГК № 26287693); *8* – строительный отвес (?). Прионежский р-н Карелии, с. Шёлтозеро, XIX в. (ГК № 17921439)

бабка-наковальня, применявшаяся для отбивки кос. Длина предмета составляет 114 мм.

В коллекции Шелтозерского вепсского этнографического музея имени Р. П. Лонина (филиала Национального музея Республики Карелия в Петрозаводске) хранится предмет, названный строительным отвесом (рис. 7, *8*). Он изготовлен из железа местной кузнечной работой, длиной 163 мм, датируется XIX в.

В Государственном историческом музее хранятся железные предметы, происходящие из раскопок Мангазейского городища (XVII в.) и атрибутированные как «костыли», «стержни» и «гвозди», описание которых не противоречит возможной интерпретации их в качестве сваек:

– костыли (рис. 8, *1, 2*) длиной 19,0 и 13,7 см соответственно;

– стержень (рис. 8, *3*) длиной 15,0 см;

– три гвоздя XVII в. (рис. 8, *4–6*), длиной 14,7, 11,6 и 12,0 см соответственно.

Там же хранится железный стержень из Новгорода (рис. 8, *7*) длиной 16,0 см, датированный X–XV вв.

В коллекции Новгородского государственного объединенного музея-заповедника хранится кованый железный заостренный стержень с граненой головкой (рис. 8, *8*), датированный XIII–XVI вв. Стержень круглого сечения, на двух гранях головки гравированы крестообразные знаки. Размеры – 117×22×21 мм.

В собрании Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея (Архангельская обл.) хранится кованый железный предмет, описанный как «гвоздь-вешалка» (рис. 8, *9*). Изделие

Рис. 8. Предметы из музейных коллекций
1, 2 – костыли, XVII в. (ГК № 30699291; 30699323); *3* – стержень, XVII в. (ГК № 30701702); *4–6* – гвозди, XVII в. (ГК № 29747606; 29747690; 29747667); *7* – стержень, X–XV вв. (ГК № 24257555); *8* – стержень с граненой головкой, XIII–XVI в. (ГК № 24258648); *9* – гвоздь-вешалка (?), кон. XIX – нач. XX в. (ГК № 20147673). *1–6* – Мангазея; *7, 8* – Новгород; *9* – Каргополь

относится к концу XIX – началу XX в. Металлический стержень круглого сечения сужается к одному концу и завершается многогранной шарообразной шляпкой. Грани шляпки, выполненные в виде ромбов и треугольников, украшены косыми бороздками и углублениями. Размеры: 15,2×2,4×2,4 см.

Эти предметы целесообразно включать в сравнительную метрологическую выборку при изучении игрового инвентаря, поскольку ряд их параметров совпадает с характерными признаками свайки.

4. Реконструкция инвентаря игры «Свайка»: от письменных свидетельств – к опытным образцам

В письменных свидетельствах масса свайки варьируется в широком диапазоне – от 400 г до 8 кг. Однако отдельные этнографы выражали сомнения в реальном бытовании сваек тяжелее 5 фунтов (около 2 кг). Наиболее массивные экземпляры весом около килограмма из известных музейных коллекций хранятся в Калужском музее ремесел, архитектуры и быта, а также в Устюженском краеведческом музее.

В связи с этим представляется целесообразным привлечь к рассмотрению набор реконструированных сваек, изготовленных с учетом как музейных аналогов и предметов из частных коллекций, так и практического опыта игры. Серию составляют образцы массой 0,5, 1,0, 2,0, 3,0, 4,0, 5,0, 10,0 и 15,0 фунтов (рис. 9).

Для корректной атрибуции таких археологических находок, как свайки, необходимо учитывать совокупность признаков, позволяющих отличать их от функционально близких предметов.

Сформулируем *отличительные признаки свайки* (в том числе отличия от безменов).

1. Выраженная конусность стержня – равномерное сужение от головки к острию. У некоторых экземпляров, особенно среди легких сваек, ножка имеет цилиндрическую форму с заострением на конце.

2. Заостренное окончание – необходимое условие для втыкания в землю внутри кольца-мишени.

Рис. 9. Реконструкции сваек разного веса
1 – 6 кг; *2* – 4 кг; *3* – 2 кг; *4* – 1,6 кг; *5* – 1,2 кг; *6* – 0,8 кг; *7* – 0,4 кг; *8* – 0,2 кг

3. Массивная шляпка: шар (рис. 10, *1*), сфероид (рис. 10, *2*), куб с усеченными углами (рис. 10, *7*) или другой формы многогранники разной формы с разным количеством граней (обычно 26 или 14 граней, имеющие шестигранник или восьмигранник в сечении) (рис. 10, *5*).

4. Материал: обычно железо, сталь. Есть упоминание о серебряных и посеребренных свайках XVII в. (*Забелин*, 1915. С. 88).

5. Технология изготовления: обычно ковка, иногда слесарная или токарная работа.

6. Конструкция из двух деталей – ножки и шляпки, соединенных кузнечной сваркой или расклепыванием верхнего края ножки, вставленного в отверстие шляпки. Качественная кузнечная сварка делает свайку монолитной по виду – без трещин и следов соединения.

7. Отсутствие мерных делений на ножке – в отличие от безменов, на которых наносились весовые шкалы.

8. Отсутствие крепежных элементов для крючка безмена.

9. Утолщенная ножка по сравнению с безменом.

Для уточнения интерпретации археологических находок и музейных экспонатов, морфологически сближающихся со свайками, представляется целесообразным перечислить наиболее сходные с ними предметы иного назначения (рис. 11).

Такелажная (морская) свайка: меньшая головка при значительно удлиненной ножке, измененные пропорции. Некоторые экземпляры могут совпадать по форме, материалу, пропорциям и размеру (рис. 11, *6*).

Безменный гвоздь-клин: имеет похожую форму и пропорции, но малую длину (50–70 мм), маленькую шляпку, вес меньше 40 г (рис. 11, *1, 2*).

Декоративный гвоздь: квадратное сечение ножки при сходной форме шляпки (рис. 11, *3*).

Бабка для отбивки косы: цельнокованая, шляпка другой формы, обычно короткая ножка квадратного сечения (рис. 11, *4*), но бывают исключения.

Кузнечная малая наковальня-нижник: шляпка-шар, толстая короткая ножка квадратного сечения.

Шпилька, булавка: диаметр ножки менее 8–9 мм, вес меньше 40 г.

Методика комплексной атрибуции

Достоверная идентификация археологических находок как игрового инвентаря требует применения комплексного междисциплинарного подхода, объединяющего метрологический, технологический, контекстуальный и сравнительный анализ.

1. Метрологический анализ:

– определение массы предмета;

– измерение общей длины, диаметров головки и стержня;

– вычисление пропорций головки к стержню, сравнение с эталонными образцами похожего веса;

– изучение формы предмета, шляпки, конусности ножки, наличия острия.

2. Технологическое исследование:

– выявление следов кузнечной обработки (ковки, кузнечной сварки);

– следы орнамента, клейма на шляпке (рис. 5, *1, 2*);

– метки и следы орнамента на ножке ближе к шляпке и ближе к середине ножки (рис. 5, *1, 3–6*);

– фиксация следов износа (деформация острия о грунт, камни и железное кольцо – рис. 6, *4*), на кольце – следы ударов от острия свайки (рис. 6, *5*);

– анализ коррозионных процессов.

3. Археологический контекст:

– стратиграфическая привязка находки;

– анализ сопутствующих находок в комплексе (в особенности железного кольца);

– определение функциональной зоны поселения (жилая, ремесленная, хозяйственная);

– культурно-хронологическая атрибуция слоя (комплекса, контекста).

4. Сравнительный анализ:

– сопоставление с этнографически надежно атрибутированными свайками XIX–XX вв.;

– сравнение с реконструируемыми параметрами для сваек XVI–XVII вв.;

– учет региональных особенностей игрового инвентаря;

Рис. 10. Формы шляпок сваек
1 – шарообразная; *2* – фигурная (см. рис. 2, *8*); *3* – многогранная (см. рис. 1, *7*); *4* – шестигранник в сечении; *5* – восьмигранник в сечении; *6* – сфероид; *7* – куб с усеченными углами

– сравнение с данными письменных, изобразительных источников.

Таким образом, только комплексный подход, учитывающий совокупность метрологических, технологических и контекстуальных данных, позволит минимизировать риск ошибочной атрибуции и отделить собственно игровой инвентарь от хозяйственных, строительных, оружейных и профессиональных предметов сходной морфологии.

Заключение

Проведенный анализ письменных, изобразительных и вещественных источников показывает, что игра в свайку на протяжении XVI–XX вв. представляла собой сложный и динамично развивавшийся феномен народной культуры, отражавший возрастные, социальные и региональные особенности русского общества. Диапазон форм, размеров и массы игрового инвентаря существенно варьировался: от легких сваек длиной около 10–13 см и весом до 300 г, характерных для

Рис. 11. Предметы, похожие на свайку, и игровая свайка
(*1–4, 6, 8* – из личной коллекции этнографических предметов А. Б. Большакова)
1, 2 – безменные гвозди, XX в.; *3* – декоративный гвоздь, XX в.; *4* – бабка для отбивки косы, XX в.; *5* – свайка игровая (Музей-заповедник «Коломенский кремль»); *6* – свайка морская (такелажная), XX в.; *7* – безмен, XX в. (Калужский музей ремесел, архитектуры и быта); *8* – обломок безмена, XX в.

ранних вариантов игры, до тяжелых снарядов массой до 6–8 кг, использовавшихся взрослыми и физически подготовленными игроками. Такое разнообразие напрямую связано с функциями игры – от простой забавы и упражнения в меткости до силового состязания и элемента физической подготовки в ремесленной и военной среде.

Сопоставление данных разных типов источников позволяет говорить о формировании достаточно устойчивого морфологического стандарта свайки: выраженная конусность стержня, заостренное острие и массивная многогранная или шарообразная шляпка при общей длине около 100–270 мм. Вместе с тем источники демонстрируют значительное внутритиповое разнообразие, связанное как с региональными традициями (например, калужские изделия с характерными метками на ножке), так и с индивидуальными приемами работы кузнецов. Размеры и форма железных колец также подчинены логике игрового процесса: наиболее распространен внутренний диаметр около 40–50 мм, соответствующий толщине ножки и несколько меньший диаметра шляпки, однако фиксируются и системы из нескольких колец различного размера, использовавшиеся для поэтапного обучения и усложнения игры.

Материалы музейных коллекций и частных собраний подтверждают широкий весовой и размерный ряд, реконструируемый по письменным свидетельствам, и позволяют уточнить параметры отдельных категорий инвентаря, прежде всего поздних, этнографически хорошо документированных сваек XIX–XX вв. Одновременно археологические находки из слоев XVI–XVII вв. и более раннего времени указывают на существование легких и компактных предметов, морфологически близких к свайке, но находящихся на границе между игровыми и профессиональными инструментами. Полифункциональность подобных изделий, а также морфологическое сходство с безменами, строительными деталями, кузнечными бабками и элементами вооружения делают проблему их атрибуции особенно сложной и требуют отказа от упрощенных весовых и формальных критериев.

Предложенная методика комплексной атрибуции, объединяющая метрологический, технологический, контекстуальный и сравнительный анализ, позволяет существенно повысить надежность идентификации свайки как игрового инвентаря и минимизировать риск смешения ее с хозяйственными, строительными или оружейными предме-

тами. Ключевым оказывается не один признак, а совокупность параметров: масса и пропорции, характер шляпки и ножки, наличие или отсутствие мерных делений и крепежных элементов, следы износа, археологический контекст находки, а также ее сопоставление с эталонными музейными комплектами «свайка плюс кольцо». Такой подход открывает возможности для систематизации разрозненных находок, уточнения хронологии и реконструкции локальных традиций игры в свайку в разных регионах России.

На сегодняшний день в материалах археологических раскопок и музейных коллекциях не удалось выявить полный весовой ряд сваек, описанный в источниках XVI–XX вв. В частности, до сих пор не выявлены экземпляры массой от 1,2 до 8,0 кг, а также богато украшенные орнаментом, прорезные и посеребренные свайки. Обнаружение подобных артефактов не только восполнит пробелы в истории свайки, но и подтвердит ее статус как значимого элемента традиционной русской игровой культуры.

В более широком плане результаты исследования демонстрируют, что игра в свайку может рассматриваться как важный индикатор трансформации досуговых практик, физической культуры и ремесленной среды русского общества раннего Нового и Новейшего времени. Объединение письменных, изобразительных и вещественных данных позволяет не только реконструировать морфологию и функциональные характеристики свайки, но и включить этот на первый взгляд частный предмет в поле комплексных исследований традиционной материальной культуры и истории народных игр.

Литература

Большаков А., 2023. Старинная русская игра в «свайку»: история и перспективы // Мир металла. № 1. М.: Мир металла. С. 113–116.

Бурнашев В. П., 1844. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 2. СПб.: Тип. К. Жернакова. 415 с.

Вигель Ф. Ф., 1928. Записки. Т. 1. М.: Артель писателей «Круг». 377 с.

Висковатов В. А., 1875. Сборник игр и занятий для семьи и школы. СПб.: А. Черкесов и К°. 629 с.

Герд И. Я., 1926. Игры для детей всех возрастов. Л.: Госиздат. 210 с.

Давид И., 1968. Современное состояние Великой России или Московии // Вопросы истории. № 4/пер. Ю. Е. Копелевич / Электронный ресурс: Восточная литература: Средневековые исторические источники Востока и Запада (https://www.vostlit.info/Texts/rus7/Irji_David/text3.phtml).

Забелин И. Е., 1915. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М.: Синод. тип. (Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 2). 900 с.

Игры для всех возрастов. Ч. 1. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1844. 156 с.

Игры, забавы и увеселения. Сочинены и собраны детьми. СПб.: Тип. конторы Журнала общеполезных сведений, 1837. 12 с.

Кольрауш Э., Вагнер Г., 1903. Подвижные игры. Собиратель бабочек. СПб.: В. И. Губинский. 346 с.

Кондратьев И. К., 1894. Дома и на воздухе. Детские игры и забавы. М.: П. П. Щеглов. 268 с.

Лесков Н. С., 1958. Собрание сочинений: в 11 тт. Т. 8. М.: ГИХЛ. 632 с.

Максимов С. В., 1890. Крылатые слова. Не спроста и не спуста слово молвится и до́ веку не сломится. СПб.: А. С. Суворин. 486 с.

Миркович Ф. Я., 1889. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб.: Военная тип. 424 с.

Покровский Е. А., 1895. Детские игры, преимущественно русские (В связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М.: Типо-лит. В. Ф. Рихтер. 368 с.

Правдин Е. И., 1887. История Шуйского, Владимирской губернии, духовного училища со времени основания его в 1816 г. по 1886 год. Владимир: Лито-тип. П. Ф. Новгородского. 273 с.

Рабинович М. Г., 1964. О Древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.: Наука. 353 с.

Разин А. Е., 1893. Картины русской жизни. Т. 4. СПб.; М.: М. О. Вольф. 265 с.

Рахманов М. И., 1895. Сборник образцовых игр, занятий и забав в комнате и на воздухе для детей всех возрастов. М.: Г. Т. Бриллиантов. 272 с.

Рейтенфельс Я., 1905. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии. М.: Тип. Общ-ва распространения полезных книг. 228 с.

Родин А. Ф., Шитик С., 1931. Игры для детей и подростков в колхозах. М.: ОГИЗ; Молодая гвардия. 128 с.

Сахаров И. П., 1885. Сказания русского народа. Кн. 2. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. СПб.: А. С. Суворин. 298 с.

Сборник игр с указаниями, относящимися к постановке и воспитательному значению их / Под ред. Я. И. Душечкина, С. И. Алымовой, Ю. А. Беляевской, М. П. Рохлецовой и В. П. Шелеховой-Головиной. СПб.: Изд. Н. П. Карбасникова, 1903.

Словарь Академии Российской. Ч. 5. СПб.: Тип. Академии наук, 1794. 1084 стб.

Суворин А. С., 1906. О Димитрии Самозванце. Критические очерки. СПб.: А. С. Суворин. 221 с.

Таннер Б., 1891. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. М.: Унив. тип. 203 с.

Терещенко А. В., 1848. Быт русского народа. Ч. 4. Забавы. СПб.: Тип. VDL. 338 с.

Тилинский А. И., 1911. Практическая строительная памятная книжка: Пособие для строителей, домовладельцев и лиц, причастных к строительному делу. Ч. 1. СПб.: Типо-Лит. Виленчикъ. (Ч. 1–2). 743 с.

Ткаченко В. А., Фёдорова Л. И., 2003. Страницы истории городской культуры Калуги. Игры на ловкость и силу // Калуга в шести веках. Материалы 4-й городской краеведческой конференции. Калуга: Полиграф-Информ. С. 152–156.

Этнографическое обозрение. Кн. 5, 1890 // Электронный ресурс: Рунатека. Сборник русского фольклора. Русские поверья, обряды и традиции. 2018–2025 (https://publicadomain.ru/folklore/russky-detsky-folklor/detskie-igry/svayka).

Atkinson J. A. A., 1803. Picturesque Representation of the Manners, Customs, and Amusements of the Russians. Vol. 1. London: W. Miller. 42 p.

Bertuch F. J., Bertuch C., 1813. Bilderbuch für Kinder: Enthaltend eine angenehme Sammlung von Thieren, Pflanzen, Früchten, Mineralien, Trachten und allerhand andern unterrichtenden Gegenständen aus dem Reiche der Natur, der Künste und Wissenschaften. Bd. 8. Weimar: Landes-Industrie-Comptoir. 96 s.

Champlin J. D., Bostwick A. E., 1890. The Young Folks' Cyclopædia of Games and Sports. New York: Henry Holt and Company. 784 p.

Depping G. B., 1812. Les peuples de la Russie, ou Description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'empire de Russie. T. 1. Paris: De l'Imprimerie de D. Colas. 114 p.

[*Geißler J. G. G.,* 1804]. Mahlerische Darstellungen der Sitten, Gebräuche und Lustbarkeiten bey den Russischen, Tatarischen, Mongolischen und andern Völkern des Russischen Reichs… / Auf einer Reise mit dem Staatsrath von Pallas an Ort und Stelle gezeichnet und auf vierzig kolorirten Kupfern dargestellt von J. G. G. Geissler, Zeichner und Kupferstecher. Leipzig: In der Baumgartnerischen Buchhandlung, 62 p.

Georgens J. D., 1882. Spiel und Sport. Das Buch der gesellschaftlichen Unterhaltungen und Vergnügungen, der körperlichen Uebungen, ritterlichen Erholungen und Künste. Bd. I. Illustrirtes Allgemeines Familien-Spielbuch. Leipzig; Berlin: Verlag und Druck von Otto Spamer. 621 s.

Granville A. B., 1828. St. Petersburgh: A journal of travels to and from that capital. Through Flanders, the Rhenish provinces, Prussia, Russia, Poland, Silesia, Saxony, the federated states of Germany, and France. London: H. Colburn. Vol. 1. 464 p.

Guthrie M., 1795. Dissertations on the Antiquities of Russia. With six plates of designs and music. St. Petersburg: De l'Imprimerie du Corps Impérial des cadets nobles. 239 p.

Jakob F. A. L., 1879. Deutschlands spielende Jugend. Eine Sammlung von mehr als 430 Kinderspielen auszuführen im Freien und im Zimmer. Leipzig: Verlag von Eduard Kummer. 364 s.

Rulemann Th., 1909. Das große illustrierte Spielbuch. Enthaltend gegen 1000 neuere und ältere Spiele und Belustigungen. Berlin: Verlagsdruckerei "Merkur". 736 s.

Wagner H., 1861. Illustriertes Spielbuch für Knaben. 1001 unterhaltende und anregende Belustigungen, Spiele und Beschäftigungen für Körper und Geist, im Freien sowie im Zimmer. Leipzig; Berlin: Verlag von Otto Spamer. 382 s.

A. B. Bolshakov

The Game of Svaika: Ethnographic and Archaeological Contexts

Summary

Based on a comprehensive analysis of written, artistic, and material sources, this article examines "svaikas" – metal throwing projectiles used in a game popular in the 16th – 20th centuries. The svaikas varied in weight and length, reflecting the game's evolution from a children's pastime to a strength competition for adults.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.391-396

Н. Н. Грибов[*], Н. В. Иванова[**], В. А. Степашкин[***]
[*] Институт археологии РАН (г. Москва)
[**] Музей Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
[***] Музей ядерного оружия РФЯЦ-ВНИИЭФ (г. Саров Нижегородской обл.)

Опыт идентификации личности погребенного в безымянной могиле при Успенском соборе Саровского монастыря

Большинство погребений православных подвижников, похороненных при русских монастырях в предреволюционные годы (в конце XIX – начале XX в.), в настоящее время являются безымянными. Редкое стечение обстоятельств позволяет предложить обоснованную версию идентификации личности кого-либо из них.

В 2016 г. отряд Волжской экспедиции ИА РАН обследовал по месту воссоздания Успенского собора Саровского монастыря (в г. Саров Нижегородской обл.) строительный котлован, откопанный без соблюдения принятых законодательных норм по охране культурного наследия. В поле зрения археологов попало безымянное грунтовое монашеское погребение, совершенное, судя по стратиграфии, в конце XIX – начале XX в., перед закрытием монастыря в 1927 г. (рис. 1; 2). Могила перерезала монастырский слой XVIII–XIX вв. и была перекрыта строительным мусором, образовавшимся при взрыве Успенского собора в 1951 г. (*Степашкин,* 2021. С. 201) (рис. 3, Б).

Одна из стенок могилы находилась в плоскости борта строительного котлована, три других почти полностью срыты при его откопке (рис. 3, В). В плане могильная яма напоминала прямоугольную фигуру со скругленными углами размером 225×60 см (рис. 3, А). Она была вытянута по линии северо-запад – юго-восток (по линии азимута 295°). Ее глубина от уровня кровли монастырского слоя XVIII – начала XX в. (по разрезу отложений на южном борту котлована) соответствовала 131 см. От гроба сохранились только тленообразные остатки нижней половины. Его ширина по нижнему основанию в головах – 52 см, в ногах – 28 см. Гроб сколочен из досок толщиной 3 см и по углам скреплен железными гвоздями с небольшими шляпками длиной по 0,53 см.

На дне могилы вытянуто на спине черепом на северо-запад находился скелет мужчины, умершего предположительно в возрасте 55–65 лет. Череп покоился на правом виске (лицевым отделом к югу). Руки согнуты в локтях под прямым углом, кисти сведены на животе (левая кисть перекрывала правую). Длина костяка – 165 см. На черепе расчищена оставшаяся от головного убора (скуфеи?) кожаная лента. Ниже черепа верхнюю часть скелета перекрывали остатки багрово-красной мантии очень плохой сохранности с прямоугольными нашивками, выполненными золотным шитьем (рис. 4, *1*). В области шейных позвонков обнаружен шнур с петлей и узлом, с помощью которых мантия крепилась на плечах погребенного человека. На запястьях рук расчищены тканные с шитьем золотными нитями остатки поручей (рис. 4, *2, 3*). В кисти левой руки зажат плетеный ремень кожаной лестовки с треугольными лапостками (рис. 5, *3*). В нижней части груди под остатками мантии обнаружены два деревянных резных креста. Один из них – наперсный (размером 78,0×37,0×5,5 мм) односторонний, с изображением восьмиконечного креста на Голгофе «со страстями» по сторонам (рис. 5, *1*). Второй крест (размером 80×40×6 мм), судя по выступам-ушкам на окончаниях вертикальных лопастей, можно определить как наперсный параманный (рис. 5, *2*). Остатки продетой в его ушки тесьмы, как и, очевидно, закрепленного с ее помощью на спине погребенного квадратного плата парамана с традиционным

Рис. 1. Успенский собор (показан красной стрелкой) на первом изображении Саровского монастыря (1760-е годы). Рисунок иеромонаха Иоакима (*Степашкин*, 2009. С. 87)

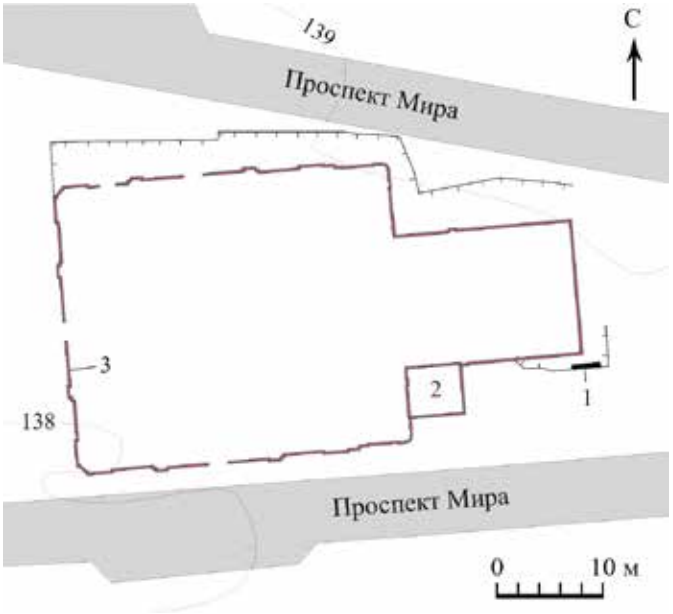

Рис. 2. Местоположение расчищенного в 2016 г. безымянного монашеского погребения (1) относительно обвода фундаментов Успенского собора (3) и часовни над могилой святого Серафима Саровского (2)

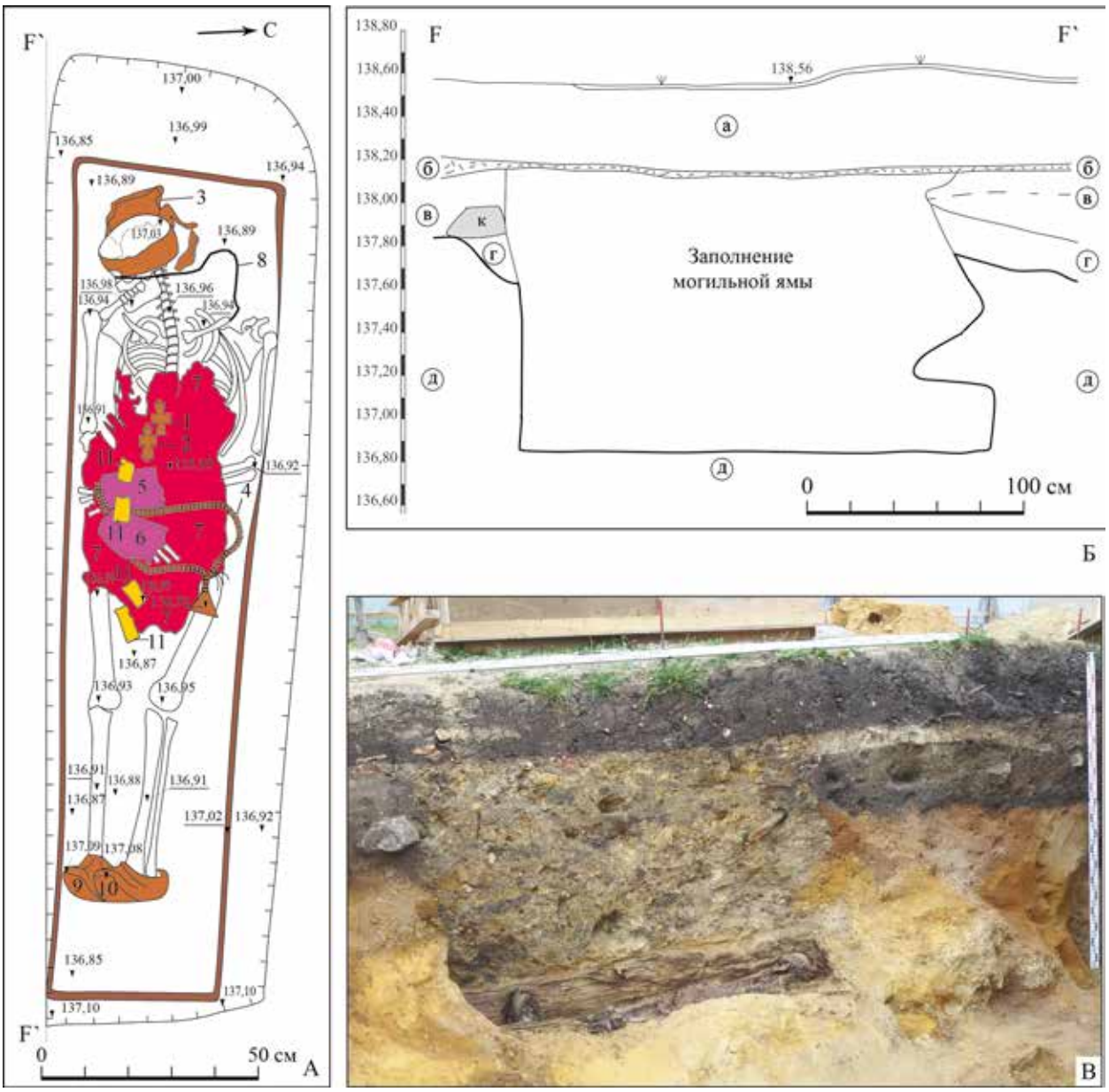

Рис. 3. Безымянное монашеское погребение

А – план (1 – наперсный крест; 2 – наперсный параманный крест; 3 – кожаная лента от головного убора; 4 – лестовка; 5, 6 – поручи; 7 – мантия; 8 – шнур; 9, 10 – кожаные туфли; 11 – золотнотканые нашивки от мантии); Б – разрез по южному борту котлована (а – привозной плодородный грунт; б – горизонт разрушения Успенского собора 1951 г.; в – культурный слой Саровского монастыря XVIII – начала XX в.; г – культурный слой Саровского городища XII–XIII вв.; д – материк – доломитовая мука со следами криодислокаций; В – вид с севера

изображением Голгофского креста, при расчистке были едва заметны в виде нечетких следов. На лицевой стороне изделия рельефной резьбой изображено Распятие, на оборотной – ростовая подписанная сверху фигура святого великомученика Назария. Изображения на втором кресте отличаются тонкостью резьбы, тщательной проработкой деталей. На остатках ступней ног хорошо сохранились кожаные туфли (рис. 4, *4*).

Погребенный – мужчина с грациальным сложением скелета, индивидуальной особенностью которого являются признаки, характерные для разных возрастов. По мнению Н. Н. Гончаровой, его антропологический тип близок к понтийскому варианту среднеземноморской малой расы, широко представленному среди мордвы (*Гончарова*, 2018. С. 108).

Находка креста с редким сюжетом – ростовой фигурой св. Назария – создала предпосылку для

Рис. 4. Инвентарь безымянного погребения
1 – остатки тканой мантии; *2, 3* – золотнотканые поручи; *4* – туфля из кожи

идентификации личности, так как указанный святой, скорее всего, был «небесным патроном» погребенного, носившим при жизни его имя.

Удостоиться погребения в Саровском монастыре у стен главного монастырского Успенского собора мог только весьма незаурядный монах, снискавший признание братии еще при жизни. Здесь погребены почти все настоятели и игумены Саровской пустыни, ее казначеи и старцы. Среди последних не будет лишним упомянуть св. Серафима Саровского (*Степашкин*, 2017. С. 123, 124) (рис. 2). К намеченному кругу известных деятелей с именем Назария принадлежал только легендарный Валаамский игумен Назарий, переведенный в 1781 г. из Саровского монастыря в Валаамский на должность настоятеля, а впоследствии вернувшийся в Саров и почивший здесь 23 февраля 1809 г. (*Степашкин,* 2009. С. 103). Однако, согласно сведениям из монастырского архива, его похоронили не вблизи Успенского собора, а в алтарной части

Рис. 5. Инвентарь безымянного погребения
1 – наперсный деревянный крест; *2* – наперсный параманный деревянный крест; *3* – лестовка из кожи

храма Живоносного Источника Пресвятой Богородицы[1].

После введения в Саровской пустыни новой формы правления – собором из шести лиц, избранных монашествующими, с 1882 г. у стен главного собора монастыря появляются захоронения соборных старцев[2]. Изучение архивных списков саровских монахов за вторую половину XIX в. (1862–1900 гг.) показало, что среди последних был только один носивший такое имя – соборный старец Назарий, скончавшийся 24 декабря 1897 г.[3] Место его погребения, «по правую сторону алтаря Успенского собора», в целом соответствует расположению захоронения, обнаруженного при археологических работах[4].

[1] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27. Л. 67.
[2] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1336. Л. 24–24об.
[3] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1040. Л. 27–27об.
[4] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1040. Л. 27–27об.

Соборный старец Назарий, в миру Захар Трофимович Дедушкин, происходил из семьи государственных крестьян Лукояновского уезда Нижегородской губернии. В Саровскую пустынь он поступил послушником в 1848 г., «накрыт рясофором» в 1850 г., а после «посвящения в стихарь» (15 августа 1859 г.) исполнял послушание келейника при настоятеле пустыни[5]. В монашество пострижен 26 февраля 1866 г., а 26 августа 1873 г. рукоположен в иеродиаконы. Соборным иеромонахом определен 22 января 1887 г.[6] Скончался Назарий, будучи «от роду 69 лет, после непродолжительной болезни»[7]. Определенный Н. Н. Гончаровой возраст погребенного (50–60 лет) близок к продолжительности его жизни, а антропологические особенности могут быть обусловлены происхождением Захара Трофимовича. Его малая родина, земли бывшего Лукояновского уезда Нижегородской губернии, входит в ареал расселения представителей мордвы – эрзи. Предложенная идентификация является предположительной, но, как представляется, весьма вероятной.

Литература

Гончарова Н. Н., 2018. Реконструкция образа жизни насельников Саровской пустыни по материалам исследования некрополя возле Успенского собора // Материалы и статьи XII исторической конференции, посвященной 80-летию со дня рабочего поселка Саров, 80-летию со дня пуска в эксплуатацию завода № 550. Саров: Интерконтакт. С. 85–119.

Степашкин В. А., 2009. Преподобный Серафим Саровский: предания и факты. Саров: ИНФО. 264 с.

Степашкин В. А., 2017. Некрополь у стен Успенского собора // Материалы и статьи XI исторической конференции, посвященной 325-летию образования первого поселения на Саровском городище, 310-летию создания монастыря Саровская пустынь, 70-летию образования РФЯЦ-ВНИИЭФ. Саров: Интерконтакт. С. 87–137.

Степашкин В. А., 2021. Саров от А до Я. Саров: Интерконтакт. 291 с.

N. N. Gribov, N. V. Ivanova, V. A. Stepashkin

The Experience of Identifying a Person Buried in an Unmarked Grave at the Assumption Cathedral of the Sarov Monastery

Summary

The article presents the experience of identifying one of the nameless burials discovered near the walls of the main cathedral of the Sarov Monastery in Sarov, Nizhny Novgorod region. The main prerequisite for identification was the image on one of the crosses of Saint Nazarius found in the grave, which could be the “heavenly patron” of the buried one, who bore his name during his lifetime. The surviving archival documents indicate only one monk, Nazarius, who was buried near the walls of the Assumption Monastery. The place of burial and the age of the buried person, recorded in the found archival document, correspond to the data obtained as a result of archaeological research.

[5] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 875. Л. 26об., 27.

[6] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1173. Л. 370об.–371.

[7] ЦГА РМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1040. Л. 27–27об.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2026.978-5-94375-499-9.397-405

Б. Е. Янишевский
Институт археологии РАН (г. Москва)

Первые археологические исследования на территории Дулёвского фарфорового завода

В 2024 г. впервые проводились археологические разведки и наблюдения у завода Кузнецовых (ныне ООО «Дулёвский фарфор») в г. Ликино-Дулёво Московской области (рис. 1)[1]. Разведки провели В. В. Миненко и А. В. Касинцев в феврале, а наблюдения – И. И. Сироштан и Б. Е. Янишевский в сентябре того же года.

Предприятие Дулёвский фарфоровый завод основано в 1832 г. выходцем из Гжельской волости Московской губернии купцом-старообрядцем Терентием Яковлевичем Кузнецовым, выкупившим пустошь Дулёво (тогда Владимирская губерния) у обедневших помещиков Сарычевых. Кузнецов привлек к работе на производстве местных крестьян, преимущественно из близлежащих деревень – Ликино и Коротково. Т. Я. Кузнецов перевез на предприятие гжельских художников, которые продолжили традиции росписи керамики в бело-голубых тонах, а также нашли свои оригинальные стили и сюжеты – так называемый дулевский стиль: яркие, простые мотивы с цветочными узорами, чашки с блюдцами, тарелки с «бусом» по краю, полусферические полоскательницы и мелкую пластику. Уже к 1840-м годам предприятие расширилось, открыв филиал в Риге, и перешло к промышленным масштабам, выпуская как изысканную посуду, так и доступные изделия для широкого потребителя. Наибольшего расцвета предприятие достигает при внуке Терентия Яковлевича – Матвее Сидоровиче Кузнецове, управлявшем семейным предприятием с 1864 г. Цеха завода были оснащены новым оборудованием, привезенным из Франции. Завод выпускал изысканные сервизы, которые использовались в том числе при российском императорском дворе, а также недорогую, доступную посуду. При Матвее Сидоровиче предприятие разрастается уже в масштабах Российской империи, им скупаются и строятся фарфоровые и гончарные предприятия в Тверской, Ярославской, Харьковской, Тифлисской губерниях. К концу XIX в. Кузнецовы создали фарфоровую империю. В 1902 г. М. С. Кузнецова включили в почетный список поставщиков Двора его Императорского Величества. В это же время начинается внедрение машинных техник росписи фарфора. Кузнецов приглашал на работу известных русских художников; например, некоторое время на заводе работал М. А. Врубель. Фарфор, производимый заводом в то время, экспортировался за пределы Российской империи, он был известен даже в Персии и Афганистане. В 1918 г. завод национализировали и переименовали в Дулёвский фарфоровый завод имени газеты «Правда». В 1958 г. на выставке в Брюсселе скульптура «Сокол» художника А. Г. Сотникова получила Гран-при и стала логотипом завода с 1962 г. (*Мусина,* 2017. С. 21, 22).

Фарфоровые изделия, чаще всего во фрагментах, являются одним из признаков городского культурного слоя XIX–XX вв. Однако изучение фарфоровой промышленности до сих пор сосредотачивалось на отдельных произведениях художественной посуды и скульптуры, датировке произведений фарфора и определении их происхождения. Значительное количество работ посвящено истории фарфора как предмета искусства. Технология производства изучалась больше для нужд фарфоровой промышленности, классификации типов фарфора. Есть работы, посвященные истории отдельных фарфоровых фабрик, клеймам и маркам на изделиях (напр., см.: *Токмаков*, 1893;

[1] Координаты центра территории исследования 55°42'20.26"С, 38°57'34.71"В. Научный отчет об исследованиях на территории Дулёвского фарфорового завода на момент написания статьи еще не поступил в научный архив ИА РАН.

Рис. 1. Дулёвский фарфоровый завод на карте Московской области. Топооснова – карта Google, 2025 г.

Селиванов, 1904; *Салтыков*, 1952; *Попов*, 1980; *Дулькина*, 2000; Марки… 2003).

С точки зрения археологии промышленные предприятия исследовались в России очень мало. По большей части изучались остатки кузниц и печей для производства железа, гончарных горнов. Эти сооружения можно назвать скорее ремесленными. Промышленность, появившаяся в России в XVIII в., изучалась только на территории распространения отходов производства и брака. Не исследовались ни печи для производства металла и стекла, ни печи для обжига фарфора и фаянса, промышленной керамики.

В последние годы довольно значительные работы в Гжельской волости проводит А. А. Полюлях, изучая историю производства, промышленные отходы и брак на месте нескольких фаянсовых фабрик XIX в. (*Полюлях*, 2008а). Как знаток производства фаянса и фарфора, он ввел в научный оборот такие производственные термины, как «капсель»[2], «шар для измельчения и перемешивания шихты» и другие (*Полюлях,* 2004; 2008б).

Наиболее ранняя карта, на которой изображен Дулёвский фарфоровый завод, – карта А. И. Менде 1859 г.[3] (рис. 2), созданная на основе планов Генерального межевания Владимирской губернии последней четверти XVIII в. На этой карте территория завода расположена с восточной стороны от дороги из Дулёво в д. Ликино, там же, где и сейчас.

Участок исследований находится в юго-восточной части г. Ликино-Дулёво (рис. 3), на правом берегу безымянного притока р. Студенки (правый приток р. Оботи, левый приток р. Понори, правый приток р. Нерской, левый приток р. Москвы), на территории перед зданием заводоуправления ООО «Дулёвский фарфор» со стороны шоссе А-108, в сквере. Участок исследований многоугольной формы площадью 8378 кв. м вытянут в генеральном

[2] Специальный керамический сосуд, в который помещается фарфоровое изделие на время обжига. Имеет толстые, обычно вертикальные стенки и крышку. Позволяет создать одинаковую температуру вокруг изделия. Капсели имели поливу, соответствующую цвету изделия, или не имели ее. Поверхность капселя, как внешняя, так и внутренняя, после обжига остекловывается. Благодарим А.А. Полюляха за консультации и просмотр коллекции с территории завода в Дулёво.

[3] РГАДА. Ф. 1357. Оп. 2. 1848–1861 гг. № 5 Л. 17_IV.

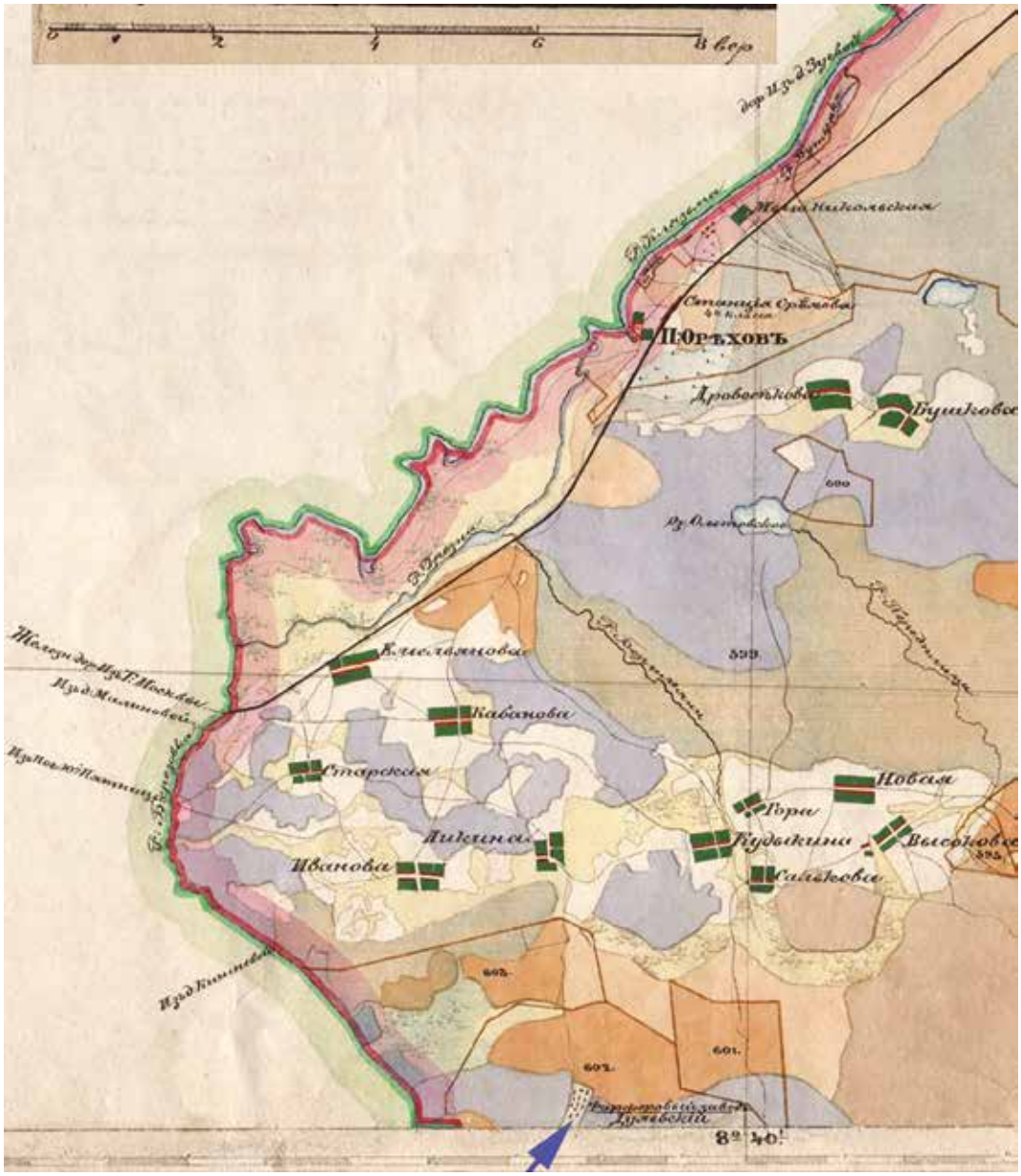

Рис. 2. Место Дулёвского фарфорового завода (отмечено синей стрелкой) на фрагменте карты Владимирской губ. А. И. Менде. 1859 г.

направлении северо-северо-восток – юго-юго-запад вдоль автодорожного полотна ул. Ленина г. Ликино-Дулево (часть автодороги А-108), от пересечения ул. Ленина и ул. Коммунистической до автомобильной парковки, расположенной к югу от здания управления Дулёвского фарфорового завода (рис. 4). В центральной части сквера расположен комплекс памятников Мемориала воинской славы, в южной части реконструируемого сквера находятся памятник М. С. Кузнецову и автостоянка. Территория сквера вдоль дорожек местами засажена голубыми елями. При реконструкции предполагалась замена покрытия дорожек на плитку, прокладка кабелей освещения и смена травяного покрытия на площади 8378 кв. м (рис. 4).

В феврале 2024 г. проводилась разведка, включавшая сбор подъемного материала и шурфовку. Всего было заложено семь шурфов площадью 8 кв. м. Выявлен культурный слой, содержавший фрагменты фарфоровых изделий разного времени, в том числе найдено несколько фрагментов фарфора с клеймами 1864–1889 и 1889–1917 гг. Толщина культурного слоя составила 0,41 м в северной части, 0,8 м в западной, 0,91 м в юго-западной и 1,07 м в южной части территории обследования. По итогам разведки выявлен новый объект археологического

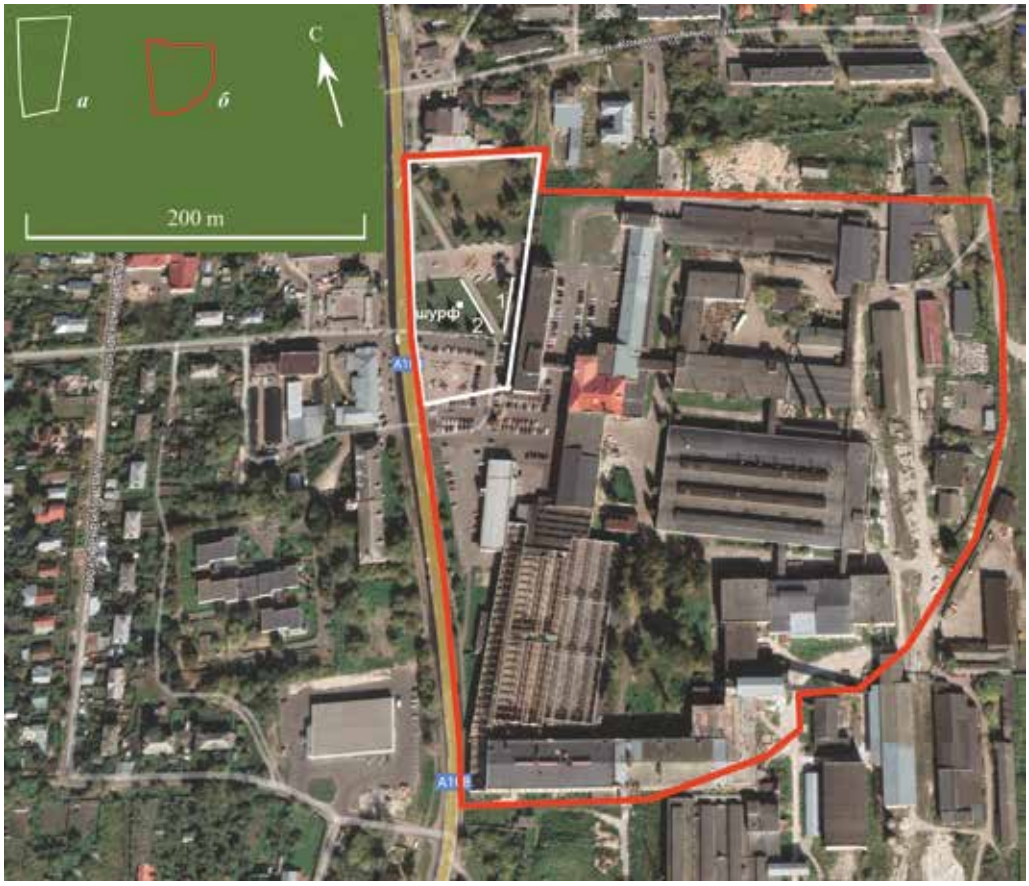

Рис. 3. Часть территории г. Ликино-Дулёво с обозначенными местом исследований 2024 г. и территорией Дулёвского фарфорового завода. Топооснова – карта Google, 2025 г.
а – территория разведок и наблюдений; *б* – предполагаемая территория Дулёвского фарфорового завода, установленная по картографическим источникам. *1*– траншея 1; *2* – траншея 2

Рис. 4. Общий вид на место наблюдений 2024 г. с северо-запада. Слева – здание заводоуправления

Рис. 5. Северный профиль шурфа. Наблюдения осени 2024 г.

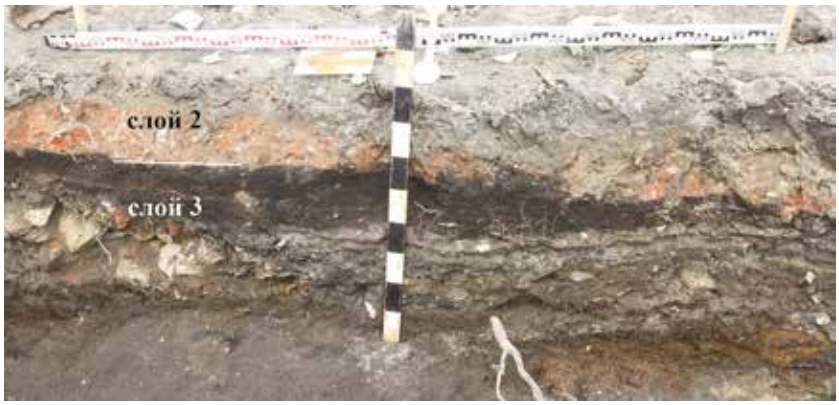

Рис. 6. Часть восточного профиля траншеи электроснабжения № 1 (уч. 4) у здания заводоуправления. Проектная глубина, материк не достигнут. Наблюдения осени 2024 г.

наследия «Исторический культурный слой Дулёвского фарфорового завода. Участок 1» (первая половина XIX – начало XX в.) (адрес объекта: Московская область, г. Ликино-Дулёво, ул. Ленина, д. 15/1). Перед благоустройством осенью произведены наблюдения за откопкой траншей на площади 300 кв. м, заменой травяного покрытия на площади 3600 кв. м, выкопан шурф размером 2×2 м.

Описание шурфа

Шурф заложен в центральной части территории обследования, примерно посредине линии, проложенной к западу от средней части здания заводоуправления и автодорогой А-108, на газоне (рис. 3; 4). Шурф ориентирован по сторонам света. Результаты раскопок шурфа подтвердили данные разведки о наличии культурного слоя с фрагментами фарфоровых изделий и уточнена стратиграфия культурного слоя (рис. 5):

– слой 1: темная серо-коричневая гумусированная супесь (почвенный горизонт) мощностью 0,18–0,2 м;

– слой 2: светло-серая супесь с включениями светло-желтого песка, мелких камней и осколков фарфора (культурный слой) мощностью 0,3–0,37 м;

– слой 3: темно-серая супесь с мелкими камнями, обломками кирпича, углем и осколками фарфора (культурный слой) мощностью 0,45–0,5 м;

– слой 4: слой пашни – светло-серая супесь с выровненным нижним краем мощностью 0,10–0,15 м;

– материк – светло-серо-желтая супесь на глубине 1,22 м.

Таким образом, не считая почвенного горизонта, в шурфе выделяются два слоя (2 и 3), содержащие

Рис. 7. Фрагменты фарфоровой посуды XIX–XX вв. из наблюдений осенью 2024 г.
1–5, 7–16 – из наблюдений за сменой травяного покрытия в северной части территории исследования; *6* – тр. 1, сл. 3. Дата по клейму 1867–1889 гг.

Рис. 8. Фрагменты фарфоровой и керамической (19) посуды XIX–XX вв. из наблюдений осенью 2024 г.
8 – полуфабрикат; *17–22, 24–31* – из наблюдений за сменой травяного покрытия в северной части территории исследования; *23* – тр. 2, сл. 3. Дата по клейму 1889–1918 гг., предназначен для поставки на Восток

осколки фарфора и фрагменты предметов, участвующих в производстве фарфора, а именно: фарфоровых подставок, капселей, шары для мельниц разной степени изношенности.

В западной части шурфа в материковой яме найдены остатки сруба (три венца), рубленного в обло. Толщина бревен не превышала 15 см, сохранность плохая. Ориентирован сруб был по сторонам света. В шурф он вошел частично, только один угол и часть стенки длиной 1,8 м. Длинная стенка сруба ориентирована по линии север – юг. Перпендикулярная стенка вошла в шурф на 20 см. Сруб был помещен в материковую яму глубиной до 50 см на выравнивающую подсыпку толщиной до 15 см, это определено по расстоянию от нижнего венца до дна ямы. Постройка существовала в тот период, когда культурный слой фарфорового завода еще не отложился. После разборки верхней части сруба его и яму вокруг него засыпали нижним культурным слоем (слой 3)[4]. Нижнюю дату постройки можно

[4] Вначале засыпался сруб с наружной стороны более светлым грунтом, а потом засыпалась внутренняя часть сруба более темным, верхним, горизонтом слоя 3. Это показывает, что сруб на три венца некоторое время (не обязательно продолжительное) оставался незасыпанным изнутри. Однако это не позволяет датировать сруб временем после начала отложения слоя 3, то есть временем начала производственной деятельности, поскольку сруб со всех сторон засыпан слоем 3, имеющим общий генезис.

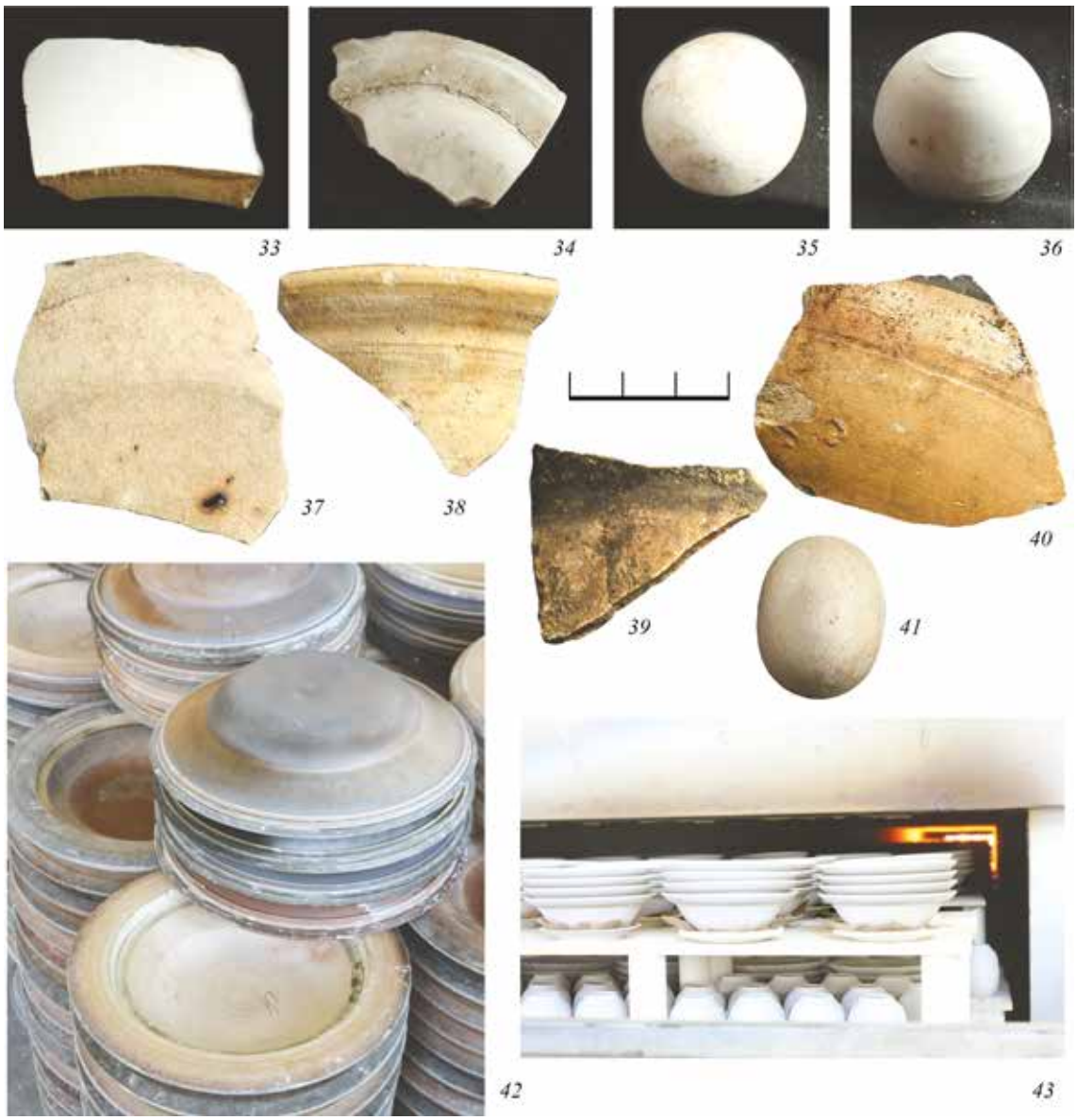

Рис. 9. Фрагменты керамической посуды и технических изделий Дулёвского завода
33 – толстостенный фаянсовый сосуд; *34* – подкладка под изделия при обжиге (фарфор или фаянс); *35, 36* – шары для мельницы (фарфор или фаянс); *37–40* – фрагменты технической керамики; *41* – неправильно сточившийся шар для мельницы; *42* – современные полуфабрикаты (фото Б. Е. Янишевского); *43* – вторичный обжиг глазурованных изделий на современном производстве. *33–41* – тр. 2, сл. 3.

определить по стратиграфии годами до основания Дулёвского фарфорового завода. Начало отложения нижней части культурного слоя (слой 3, или «черный» слой) можно связать с началом работы завода.

Дата перехода от нижнего (слой 3) к верхнему культурному слою (слой 2) не определяется точно. Вероятнее всего, завершение отложения насыщенного углем культурного слоя связано с прекращением производственных процессов, связанных с топкой печей (и соответственно, образованием угля) на данной приближенной к дороге части заводской территории. Возможно, это произошло в период реконструкции завода и закупки нового оборудования при М. С. Кузнецове в конце XIX в. Оборудование, вероятнее всего, было установлено на новой территории и в новых корпусах в глубине участка.

Верхний («серый», ненасыщенный углем) культурный слой связан с «разравниванием» по территории завода отвалов бракованных изделий и других отходов производства, включая остеклованные

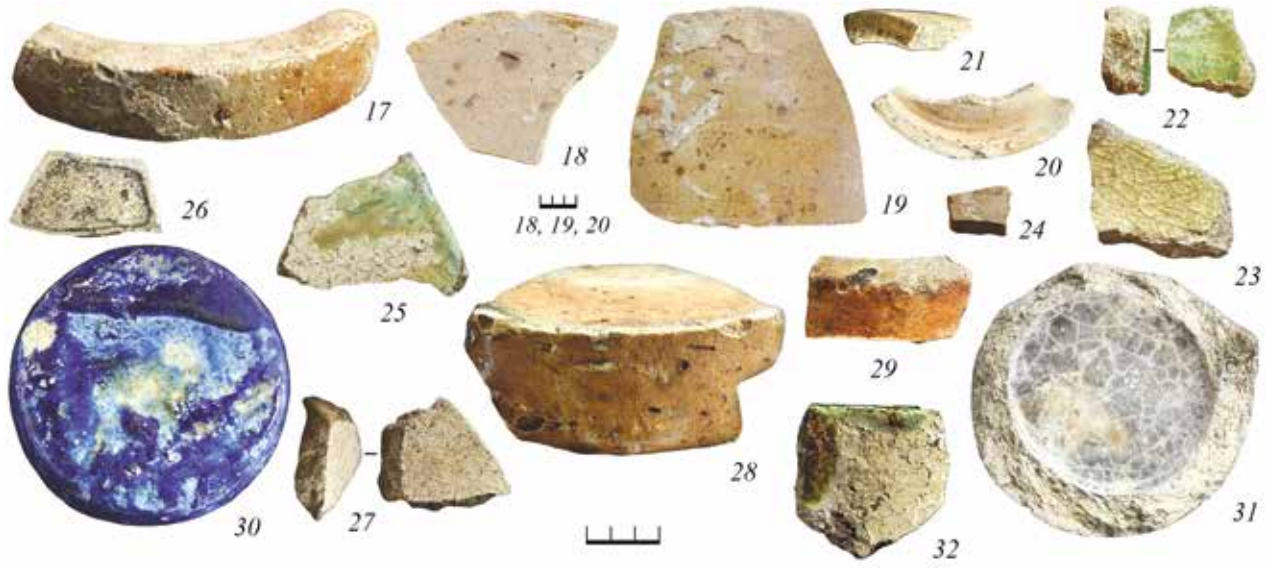

Рис. 10. Фрагменты капселей (тр. 2, сл. 3)

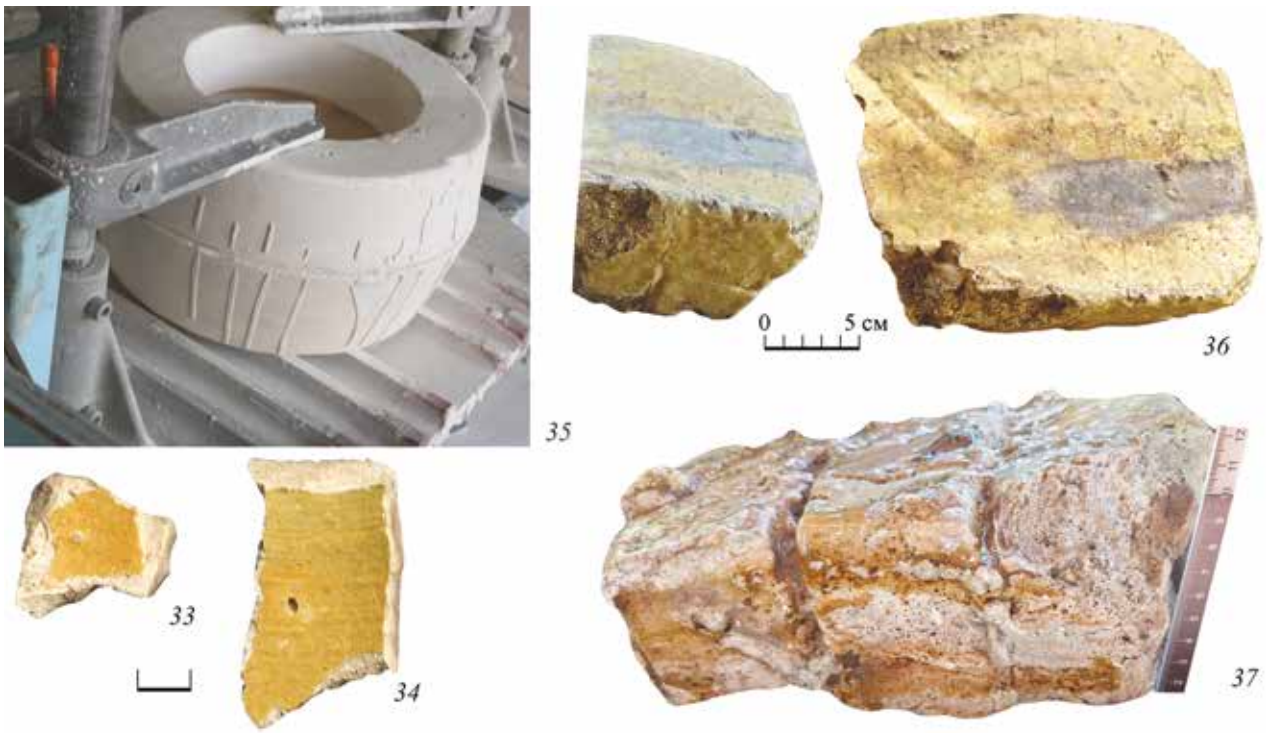

Рис. 11. Капсели и кирпичи от печей для обжига фарфора (тр. 2, сл. 3)
33–34 – фрагменты капселей; *35* – изготовление современного капселя на производстве (фото Б.Е. Янишевского); *36, 37* – кирпичи с оплавленной поверхностью

кирпичи от печей, фрагменты капселей, фарфоровые подкладки под изделия и др.[5] В шурфе, расположенном ближе к дороге, верхний («серый») культурный слой более однородный, чем в траншее 1, где много включений кирпича и камней, вероятно, от строительства, в том числе здания заводоуправления постройки 1970-х гг., около которого проходила траншея 1 (рис. 6). При наблюдении за сменой

[5] Интересно, что в современном технологическом процессе изготовления фарфоровых изделий, несмотря на широкую автоматизацию, используются те же предметы, что и в XIX в.: капсели, подкладки, шары для мельниц.

травяного покрытия, то есть в верхнем почвенном слое, найдены только фрагменты изделий советского времени, практически без клейм, то есть эти изделия отбракованы раньше нанесения заводского клейма (рис. 7; 8). Интересно, что бытовой керамики при разведках и наблюдениях не найдено, что указывает на исключительно производственный характер происхождения культурного слоя.

В качестве заключения следует сказать, что небольшие по объему исследования на территории Дулёвского фарфорового завода позволили установить состав культурного слоя производственного сооружения (предприятия) как типа археологического памятника. Прежде всего это фрагменты изделий самого предприятия – в основном брака или сломанных; полуфабрикатов, по каким-то причинам не прошедших завершающую стадию обработки; изделий, участвующих в производстве, фрагментов печей или других производственных сооружений. К сожалению, не удалось найти сами производственные объекты, прежде всего печи и мельницы, только их фрагменты в перемещенном виде (рис. 9–11). Территория обследования не была свободна от застройки, о чем говорят выявленный в шурфе при работах в сентябре сруб и ямы, найденные в шурфах при разведках зимой, стало быть, на территории сквера (между заводоуправлением и шоссе А-108) имеются не изученные полностью остатки построек.

Надо также отметить, что при определении границы территории вновь выявленного объекта археологического наследия, тем более относящегося к Новому времени, следует руководствоваться не территорией, подвергающейся реконструкции, а территорией, определенной по историческим планам и картам (рис. 3). Будущие исследования на данном археологическом памятнике должны быть посвящены изучению исторических материалов и дополнены археологическими раскопками на месте производственных сооружений.

Литература

Дулькина Т. И., 2000. Гжель. Тонкий фаянс. М.: Ирина Касаткина. 304 с.

Марки российского фарфора и фаянса. 1750–1960 / Сост. Т. И. Дулькина. М.: Ирина Касаткина, 2003. 420 с.

Мусина Р. Р., 2017. Дулевский фарфор. Кузнецовы. 1832–1919. М.: Дулевский фарфоровый завод. 416 с.

Полюлях А. А., 2004. Новые данные о фаянсовом производстве завода Гулиных // Забелинские научные чтения. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 143). С. 88–97.

Полюлях А. А., 2008а. Фаянсовые изделия заводов Я. Т. и С. Т. Фартальных // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 299–312.

Полюлях А. А., 2008б. Посуда из цветных масс завода братьев Барминых // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 313–318.

Попов А. В., 1980. Русский фарфор. Частные заводы. Л.: Художник РСФСР. 316 с.

Салтыков А. Б., 1952. Русская керамика. М.: Госкультпросветиздат. 272 с.

Селиванов А. В., 1904. Фарфор и фаянс Российской империи: описание фабрик и заводов с изображениями фабричных клейм. Владимир: Владимирская губ. уч. архивная комиссия. 175 с.

Такмаков И. Ф., 1893. Историко-статистические сведения о производстве фарфоровых и фаянсовых изделий с приложением чертежей изоляторов и других фарфоровых принадлежностей к телеграфным и телефонным проводам, вырабатываемым на фабриках высочайше утвержденного Товарищества Матвея Сидоровича Кузнецова, с видами и портретами. М.: Губ. тип. 41 с.

B. E. Yanishevskiy

The First Archaeological Investigation in the Dulevo Porcelain Factory

Summary

In 2024, the first archaeological works were carried out on the territory of the Dulevo porcelain Factory in the town of Likino-Dulevo, Moscow Region, founded in 1832. During the investigations, was identified a cultural layer, saturated with fragments of porcelain products from the 1860s to the 1970s, fragments of products related to porcelain production, and bricks from firing kilns. The cultural layer in the study area is divided into two parts: 1832 – the end of the 19th century, end of the 19th century – 1970s. No ordinary pottery was found.

Список сокращений

АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара
АИ	– Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
АКР	– Археологическая карта России
АН БССР	– Академия наук Белорусской ССР
АО	– Археологические открытия
АП	– Археология Подмосковья. Материалы научного семинара
АС	– Археологический съезд
АСЭИ	– Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
ВААЭ	– Вестник археологии, антропологии и этнографии
ВАС	– Всероссийский археологический съезд
ВГПИ	– Вологодский государственный педагогический институт
ВИЖ	– Федеральный исследовательский центр животноводства имени академика Л.К. Эрнста
ВОО	– Всероссийская общественная организация
ВООПИИК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВУЦА	– Великоустюгский центральный архив
ГИАХМЗ	– Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГИКМЗ	– Государственный историко-культурный музей-заповедник
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГИХЛ	– Государственное издательство художественной литературы
ГМЗ	– Государственный музей заповедник
ГМИРЛ	– Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля
ГРМ	– Государственный Русский музей
ДКН	– Департамент культурного наследия
ЕГРОКН	– Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации
ИА АН СССР	– Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИКОП	– Историко-культурное обследование-план
ИПЭЭ РАН	– Институт проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова РАН
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
КГОМЗ	– Калужский государственный объединенный музей-заповедник
КЗГМЗ	– Коломенско-Зарайский государственный музей-заповедник
КП	– книга поступлений
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
МАПР	– Материалы по археологии Переяславля Рязанского
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МК	– Московская керамика: новые данные по хронологии
МКАУ	– Муниципальное казенное архивное учреждение
ММ	– Музейное объединение «Музей Москвы»
МНИИЯЛИЭ	– Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
НИАМЗ	– Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник
ОАН	– объект археологического наследия
ОКН	– объект культурного наследия
ОСАН	– Отдел сохранения археологического наследия ИА РАН
ОУАК	– Орловская ученая архивная комиссия

ПИМ – Памятники исторической мысли
ПКМГ – Писцовые книги Московского государства
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГБ ОР – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РФЦСЭ – Российский федеральный центр судебной экспертизы
РФЯЦ-ВНИИЭФ – Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СПГИХМЗ – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
СЭМ – сканирующая электронная микроскопия
ТНИИР-Центр – Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
ТАС – Тверской археологический сборник
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТГУ – Томский государственный университет
ТТЗ – Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Материалы научного семинара
ЦГА РМ – Центральный государственный архив Республики Мордовия
ЦЕИ РАН – Центр египтологических исследований РАН
ЦКП – Центр коллективного пользования
ЯГИАХМЗ – Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ЯСК – Языки славянских культур
BAR – British Archaeological Report

Научное издание

Археология Подмосковья. Выпуск 22

Материалы научного семинара

Корректор: Е. В. Буйда
Верстка: В. Б. Степанов
Художник: А. В. Голикова

Подписано в печать 13.02.2026
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 47,4. Уч.-изд. л. 49,8.
Тираж 300 экз. Заказ № 13.

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81а.
Тел.: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, http://www.grif-tula.ru

ISBN 978-5-94375-499-9